

eISSN 2587-8719

ФИЛОСОФИЯ

ЖУРНАЛ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИКИ

2024 — Т. 8, № 3

PHILOSOPHY

JOURNAL OF THE HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS

2024 · VOLUME 8 · № 3

PHILOSOPHY

2024 8 (3)

<https://philosophy.hse.ru/> · philosophy.journal@hse.ru
eISSN: 2587-8719 · REGISTRATION: ЭЛ № ФС 77-68963
ROOM 417A, 21/4 STARAYA BASMANNAYA STR., 105066 MOSCOW, RUSSIA · +7(495) 7729590 * 12032

EDITORS

Editor-in-Chief: Vladimir Porus (NRU HSE, Moscow, Russia)
Deputy Editor: Alexander Marey (NRU HSE, Moscow, Russia)
Executive Secretary: Maria Marey (NRU HSE, Moscow, Russia)
T_EX Typography: Nikola Lečić (NRU HSE, Moscow, Russia)
Editors: Alexandra Karpezova, Denis Lukshin, Amelia Novkina

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD

Zhang Baichun (Beijing Normal University, Beijing, China) · Vladimir Bakshtanovsky (TIU, Tyumen, Russia) ·
Svetlana Bankovskaya (NRU HSE, Moscow, Russia) · Roger Berkowitz (Bard College, New York, USA) ·
José Luis Villacañas Berlanga (Universidad Complutense de Madrid, Spain) · Alexander Filippov (NRU HSE,
Moscow, Russia) · Aslan Gadzhikurbanov (LMSU, Moscow, Russia) · Diana Gasparyan (NRU HSE, Moscow, Russia) ·
Claudio Sergio Nun Ingerflom (National University of San Martín, Buenos Aires, Argentina) ·
Dmitry Kataev (LSPU, Lipetsk, Russia) · Nikolai Khrenov (SIAS, Moscow, Russia) ·
Boris Kolonitsky (EUSP, SPBIIH RAS, St. Petersburg, Russia) · Anna Kostina (MOSGU, Moscow, Russia) ·
Sergey Kocherov (NRU HSE, Nizhny Novgorod, Russia) · Lyudmila Kryshstop (RUDN, Moscow, Russia) ·
Ivan Kurilla (EUSP, St. Petersburg, Russia) · Vladislav Lektorsky (IPH RAS, Moscow, Russia) ·
Irina Makarova (NRU HSE, Moscow, Russia) · Alexander Mikhailovsky (NRU HSE, Moscow, Russia) ·
Alexey Miller (EUSP, St. Petersburg, Russia) · Sergei Mironenko (GARF, LMSU, Moscow, Russia) ·
Sergey Nikolsky (IPH RAS, Moscow, Russia) · Teresa Obolevich (Pontifical University of John Paul II,
Krakow, Poland) · Alexander Pavlov (NRU HSE, Moscow, Russia) · Boris Pruzhinin (*Voprosy Filosofii* Journal,
Moscow, Russia) · Petr Rezykh (NRU HSE, Moscow, Russia) · Alexey Rutkevich (NRU HSE, Moscow, Russia) ·
Tatiana Schedrina (MSPU, Moscow, Russia) · Maria Shteynman (RSUH, Moscow, Russia) ·
Tatiana Sidorina (NRU HSE, Moscow, Russia) · Alexander Sidorov (IWH RAS, Moscow, Russia) ·
Pavel Sokolov (NRU HSE, Moscow, Russia) · Natalia Tanshina (RANEPa, Moscow, Russia) ·
Andrey Teslya (IKBFU, Kaliningrad, Russia) · Anastasia Ugleva (NRU HSE, Moscow, Russia) ·
Tatiana Zlotnikova (YSPU, Yaroslavl, Russia)

ФИЛОСОФИЯ

2024 — Т. 8, № 3

<https://philosophy.hse.ru/> · philosophy.journal@hse.ru

eISSN: 2587-8710 · РЕГИСТРАЦИЯ: ЭЛ № ФС 77-68963

СТАРАЯ БАСМАННАЯ 21/4, 105066 МОСКВА (КОМ. 417А) · +7(495) 7729590 * 12032

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: Владимир Порус (НИУ ВШЭ, Москва)

Заместитель главного редактора: Александр Марей (НИУ ВШЭ, Москва)

Ответственный секретарь: Мария Марей (НИУ ВШЭ, Москва)

Технический редактор: Никола Лечич (НИУ ВШЭ, Москва)

Редакторы: Александра Карпезова, Денис Лукшин, Амелия Новкина

МЕЖДУНАРОДНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Чжан Байчунь (Пекинский педагогический университет, Пекин, Китай) ·

Владимир Бакштаповский (ТИУ, Тюмень, Россия) · Светлана Баньковская (НИУ ВШЭ, Москва, Россия) ·

Роджер Берковц (Бард-колледж, Нью-Йорк, США) · Хосе-Луис Вильяканьяс Берланга (Университет

Комплутенсе, Мадрид, Испания) · Аслан Гаджикурбанов (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия) ·

Диана Гаспарян (НИУ ВШЭ, Москва, Россия) ·

Татьяна Злотникова (ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, Ярославль, Россия) ·

Клаудио Серхио Нун Ингерфлом (Национальный университет Сан-Мартин, Буэнос-Айрес, Аргентина) ·

Дмитрий Катаев (ЛГУ им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк, Россия) ·

Борис Колоничкий (ЕУСПБ, СПб ИИ РАН, Санкт-Петербург, Россия) · Анна Костина (МОСКУ, Москва, Россия) ·

Сергей Кочеров (НИУ ВШЭ, Нижний Новгород, Россия) · Людмила Крыштон (РЭДН, Москва, Россия) ·

Иван Курилла (ЕУСПБ, Санкт-Петербург, Россия) · Владислав Лекторский (ИФ РАН, Москва, Россия) ·

Ирина Макарова (НИУ ВШЭ, Москва, Россия) · Алексей Миллер (ЕУСПБ, Санкт-Петербург, Россия) ·

Сергей Мирошенко (ГА РФ, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия) ·

Александр Михайловский (НИУ ВШЭ, Москва, Россия) · Сергей Никольский (ИФ РАН, Москва, Россия) ·

Тереза Оболевич (Папский университет Иоанна Павла II, Краков, Польша) ·

Александр Павлов (НИУ ВШЭ, Москва, Россия) · Борис Пружинин (журнал «Вопросы философии»,

Москва, Россия) · Петр Резвых (НИУ ВШЭ, Москва, Россия) · Алексей Руткевич (НИУ ВШЭ, Москва, Россия) ·

Александр Сидоров (ИИ РАН, Москва, Россия) · Татьяна Сидорина (НИУ ВШЭ, Москва, Россия) ·

Павел Соколов (НИУ ВШЭ, Москва, Россия) · Наталья Ташьшина (РАНХиГС, Москва, Россия) ·

Андрей Тесля (ВФУ им. И. Канта, Калининград, Россия) · Анастасия Углева (НИУ ВШЭ, Москва, Россия) ·

Александр Филиппов (НИУ ВШЭ, Москва, Россия) · Николай Хренов (ГИИ МК РФ, Москва, Россия) ·

Мария Штейнман (РГГУ, Москва, Россия) · Татьяна Шедрина (МФГУ, Москва, Россия)

CONTENTS

[From the Executive Editor of the Issue] 9

STUDIES. PART 1

NIKOLA LEČIĆ

Neuporyadochennoye Nebo v sfere Vselennoy, bezobraznyy Tartar v dodekaedre Zemli
: ob antichnoy vizual'noy filosofeme okhvatyvaniya besporyadka poryadkom

[The Disordered Sky in the Sphere of the Universe, the Ugly Tartarus in
the Dodecahedron of the Earth : On the Ancient Visual Philosopheme of
Embracing Disorder with Order] 13

OLGA ALIEVA

Pseudoplatonica: blesk i nishcheta stilometrii

[Pseudoplatonica: Splendors and Miseries of Stylometry] 35

OLEG AUROV

Ponyatiye palatium v yazyke ispanskogo prava IV – nachala VIII vv.

[The Concept of “palatium” in the Language of Hispanic Law from the 4th to
the Beginning of the 8th Centuries] 57

JUAN SOTA

“Mente iubilemus interius, uoce psallamus exterius” : The Marian Works of
Juan Gil de Zamora, OFM

[“Mente iubilemus interius, uoce psallamus exterius” : trudy frantsiskantsa Khuana
Khilya de Samora o Deve Marii] 89

KONSTANTIN ERUSALIMSKII

Etiko-politicheskoye ucheniye knyazya Andreya Kurbskogo

[Prince Andrei Kurbskii's Ethical and Political Doctrine] 117

GAZIZ TELEBAYEV, AYAULYM ALTAYBAYEVA, ASYLZAT BEKSEYIT

Politicheskoye kontsepty v traditsionnom tyurkskom miroponimanii

[Political Concepts in the Traditional Turkic Worldview] 176

STUDIES. PART 2

ILIA PAVLOV

Konteksty filosofii i namereniya filosofov : v zashchitu intellektual'no-istoricheskogo
podkhoda k istoriko-filosofskomu issledovaniyu

[Contexts of Philosophy and Philosophers' Intentions : In Defense of the In-
tellectual History Approach to Research in the History of Philosophy] 209

LARISA ZHGILEVA Real'nost' «utopicheskogo» v sovremennom frantsuzskom sotsial'nom diskurse [Reality of the “Utopian” in Modern French Social Discourse]	248
---	-----

STUDIES. PART 3

DARIA SHAKHOVA Vladimir Bibikhin: topologiya vstrechi [Vladimir Bibikhin: Topology of the Encounter]	285
--	-----

MIKHAIL VOLOSHIN «Printsip material'nosti» v epistemologii komp'yuternykh simulyatsiy [The “Materiality Principle” in Studies of the Epistemology of Computer Simulations]	310
--	-----

DISCUSSION

YEVGENIY MASLANOV K voprosu o politicheskoy sub'yektnosti nauki [On the Issue of the Political Subjectivity of Science]	339
---	-----

VALENTIN BAZHANOV Lichnostnoye znaniye i politicheskaya filosofiya nauki [Personal Knowledge and the Political Philosophy of Science]	352
---	-----

VLADIMIR PORUS Do kakikh predelov mozhet byt' rasshireno ponyatiye «politicheskaya sub'yektnost'»? [To What Extent can the Concept of “Political Agency” be Expanded?]	359
--	-----

SVETLANA SHIBARSHINA Nauka i politicheskoye [Science and the Political]	366
---	-----

LIANA TUKHVATULINA Politicheskoye izmereniye ekspertizy : ot konflikta «perspektiv» k sovместной agentnosti [The Political Dimension of Expertise : From Conflict of “Perspectives” to Collaborative Agency]	373
--	-----

YEVGENIY ZHARKOV Osoby kharakter politicheskoy sub'yektnosti nauki [The Special Nature of the Political Agency of Science]	379
--	-----

BOOK REVIEWS

OLEG AUROV «Severnaya Venetsiya» i «yuzhnyy Novgorod» : razmyshleniya o knige P. V. Lukina [“Northern Venice” and “Yuzhny Novgorod” : Reflections on the Book by P. V. Lukin]	389
---	-----

SYUMBEL ZAINULLINA

Metodologicheskii sintez v filosofii : retsenziya na knigu Matt'ye Kelo ob ob''yedinenii genealogii, pragmatizma i kontseptual'noy inzhenerii

[Methodological Synthesis in Philosophy : A Review of a Book by Matthieu Queloz on the Integration of Genealogy, Pragmatism, and Conceptual Engineering]

401

ACADEMICAL LIFE

DANIIL VISHNYAKOV, NIKOLAY SLOBODA

Pyatyte Bibikhinskiye chteniya : obzor vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdu-narodnym uchastiyem

[The Fifth Bibikhin Readings : An Overview of the All-Russian Scientific Conference with International Participation]

421

СОДЕРЖАНИЕ

От выпускающего редактора 9

ИСТОРИЯ МЫСЛИ: ОТ ЗАПАДА К ВОСТОКУ ИССЛЕДОВАНИЯ. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НИКОЛА ЛЕЧИЧ
Неупорядоченное Небо в сфере Вселенной, безобразный Тартар в до-
декаэдре Земли : об античной визуальной философии охватывания
беспорядка порядком 13

ОЛЬГА АЛИЕВА
Pseudoplatonica: блеск и нищета стилометрии 35

ОЛЕГ АУРОВ
Понятие palatium в языке испанского права IV – начала VIII вв. 57

ХУАН СОТА
[«Mente iubilemus interius, uoce psallamus exterius» : труды францисканца
Хуана Хиля де Самора о Деве Марии] 89

КОНСТАНТИН ЕРУСАЛИМСКИЙ
Этико-политическое учение князя Андрея Курбского 117

ГАЗИЗ ТЕЛЕБАЕВ, АЯУЛЫМ АЛТАЙБАЕВА, АСЫЛЗАТ БЕКСЕЙИТ
Политические концепты в традиционном тюркском миропонимании 176

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ УТОПИИ ИССЛЕДОВАНИЯ. ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ИЛЬЯ ПАВЛОВ
Контексты философии и намерения философов : в защиту интеллекту-
ально-исторического подхода к историко-философскому исследованию 209

ЛАРИСА ЖГИЛЕВА
Реальность «утопического» в современном французском социальном
дискурсе 248

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ. ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ДАРЬЯ ШАХОВА
Владимир Бибахин: топология встречи 285

МИХАИЛ ВОЛОШИН «Принцип материальности» в эпистемологии компьютерных симуляций	310
---	-----

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ НАУКИ ДИСКУССИИ

ЕВГЕНИЙ МАСЛАНОВ К вопросу о политической субъектности науки	339
ВАЛЕНТИН БАЖАНОВ Личностное знание и политическая философия науки	352
ВЛАДИМИР ПОРУС До каких пределов может быть расширено понятие «политическая субъектность»?	359
СВЕТЛАНА ШИБАРШИНА Наука и политическое	366
ЛИАНА ТУХВАТУЛИНА Политическое измерение экспертизы : от конфликта «перспектив» к совместной агентности	373
ЕВГЕНИЙ ЖАРКОВ Особый характер политической субъектности науки	379

ФИЛОСОФСКАЯ КРИТИКА РЕЦЕНЗИИ

ОЛЕГ АУРОВ «Северная Венеция» и «южный Новгород» : размышления о книге П. В. Луккина	389
СЮМБЕЛЬ ЗАЙНУЛЛИНА Методологический синтез в философии : рецензия на книгу Маттье Кело об объединении генеалогии, прагматизма и концептуальной инженерии	401

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ КОНФЕРЕНЦИИ, КОНГРЕССЫ, СИМПОЗИУМЫ

ДАНИИЛ ВИШНЯКОВ, НИКОЛАЙ СЛОВОДА Пятое Бибихинские чтения : обзор всероссийской научной конференции с международным участием	421
---	-----

ОТ ВЫПУСКАЮЩЕГО РЕДАКТОРА

Выходит в свет третий номер нашего журнала за текущий год. В нем подобраны исследования, обращающиеся, в основном, к историко-философским темам и вопросам социальной и политической философии. Хронология статей, вошедших в номер, охватывает период от классической античности до наших дней, а география — от Эллады до тюркских степей.

Открывает номер статья НИКОЛЫ ЛЕЧИЧА, посвященная античной визуальной философии охватывания беспорядка порядком. В центре внимания автора оказывается картина мира ранних пифагорейцев и платоников, в особенности же — концепция додекаэдра как фигуры, способной охватить целое. В паре с ней стоит исследование ОЛЬГИ АЛИЕВОЙ, рассматривающей вопрос о возможности использования стилометрического метода для определения авторства диалогов, входящих в платоновский корпус. Переход от античных тем к средневековым представлен статьей ОЛЕГА АУРОВА, разбирающегося с бытованием понятия *palatium* в позднеримских и раннесредневековых испанских текстах, а продолжается англоязычным исследованием ХУАНА СОТА, в центре которого оказывается роль культа Девы Марии в Кастильском королевстве периода правления Альфонсо X Мудрого.

КОНСТАНТИН ЕРУСАЛИМСКИЙ разбирает в своем исследовании этико-политические взгляды князя Андрея Курбского, предлагая рассмотреть их, прежде всего, как языковую проблему. Крайне интересным представляется в этой статье анализ попыток Курбского сблизить православное образование с католической ученостью и этико-политическими идеалами античного мира. ГАЗИЗ ТЕЛЕБАЕВ с двумя соавторами, АЯУЛЫМ АЛТАЙБАЕВА и АСЫЛЗАТ БЕКСЕЙИТ, обращает внимание читателя на использование политических концептов в классической тюркской картине мира, привлекая для анализа корпус текстов VIII–XIII веков.

Продолжают блок исследований две пары статей, каждая из которых представляет значительный интерес для читателей. Так, ИЛЬЯ ПАВЛОВ в своей статье обращается к анализу методологии исследователей Кембриджской школы и предлагает дополнить ее рядом инструментов, разработанных иными авторами достаточно широкого диапазона, от Мишеля Фуко до Германа Люббе и Эверт ван дер Зверде. Статья ЛАРИСЫ ЖГИЛЕВОЙ представляет собой подробный аналитический

обзор утопического дискурса во французской социально-философской литературе 20-х годов нашего столетия. Статьи ДАРЬИ ШАХОВОЙ и МИХАИЛА ВОЛОШИНА посвящены, соответственно, проблемам феноменологии в исследованиях Владимира Биbihина и эпистемологии компьютерных симуляций.

Статья ЕВГЕНИЯ МАСЛАНОВА открывает большую дискуссию о проблеме политической субъектности современной науки. В дискуссии вокруг статьи приняли участие ВЛАДИМИР ПОРУС, ВАЛЕНТИН БАЖАНОВ, ЛИАНА ТУХВАТУЛЛИНА, СВЕТЛАНА ШИБАРШИНА и ЕВГЕНИЙ ЖАРКОВ.

Блок рецензий и литературных обзоров в этом номере включает в себя размышления ОЛЕГА АУРОВА над книгой Павла Лукина и рецензию СЮМБЕЛЬ ЗАЙНУЛЛИНОЙ на книгу Маттье Кело. Завершает номер обзор Пятых Биbihинских чтений, составленный ДАНИИЛОМ ВИШНЯКОВЫМ и НИКОЛАЕМ СЛОВОДОЙ.

А. М.

ИСТОРИЯ МЫСЛИ:
ОТ ЗАПАДА К ВОСТОКУ

ИССЛЕДОВАНИЯ. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

STUDIES. PART 1

Лечич Н. Д. Неупорядоченное Небо в сфере Вселенной, безобразный Тартар в додекаэдре Земли : об античной визуальной философии охватывания беспорядка порядком // Философия. Журнал Высшей школы экономики. — 2024. — Т. 8, № 3. — С. 13–34.

Никола Лечич*

НЕУПОРЯДОЧЕННОЕ НЕБО В СФЕРЕ ВСЕЛЕННОЙ, БЕЗОБРАЗНЫЙ ТАРТАР В ДОДЕКАЭДРЕ ЗЕМЛИ**

ОБ АНТИЧНОЙ ВИЗУАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ ОХВАТЫВАНИЯ
ВЕСПОРЯДКА ПОРЯДКОМ

Получено: 07.04.2024. Рецензировано: 22.07.2024. Принято: 26.08.2024.

Аннотация: Статья посвящена описанию редкого примера визуального философствования в Античности, в котором аксиологически совершенный упорядоченный предел Вселенной мыслится как охватывающий и запирающий в себе ее менее совершенные и неупорядоченные и безобразные внутренние части. Анализируется свидетельство Иоанна Стобея из V или VI в. н.э. (DK 44 A 16, наверное взято из более старой и объемной компиляции Аэтия), в котором он приписывает ранним пифагорейцам картину Вселенной, согласно которой Вселенная имеет огненный центр, вокруг которого кружат 10 небесных тел, включая Землю, Луну и Солнце, которые все охвачены «вторым», большим огнем. Однако, эта картина дополнена странным утверждением о том, что во Вселенной есть трехчастная вертикальная структура, состоящая из Олимпа, Космоса и Неба (область под Луной, в которой живем мы), в которой совершенство уменьшается сверху вниз. В науке принято видеть эту компиляцию как логически невозможную, а вторую ее часть как фальсификат. Мы исследуем происхождение и след разных анахронных элементов этой картины и находим их у Платона, в «Тимее» (Ti. 55c: додекаэдр служит как образец Вселенной, охватывающий менее совершенные ее части) и «Федоне» (Phaed. 108d–115a). В «Федоне» представлен фантастический ландшафт, в котором (i) жители «настоящей Земли» живут в прекрасных эфирных ландшафтах, полных гладких и прозрачных камней, а мы и обитатели морского дна живем во всё ниже и ниже расположенных впадинах, заполненных, соответственно, воздухом и водой, в которых «совершенство» и красота вещей, а также уровень познания их жителей, прогрессивно уменьшаются; (ii) реки верхних областей стекают в беспорядочный Тартар, который находится глубоко в центре Земли. Делается вывод о том, что компиляция Аэтия/Стобея не просто фальсификат, а драгоценная и, скорее всего, осознанная и последняя попытка сохранить древнюю раннепифагорейско-платоническую схему охватывания, через наложение на нее неоплатонической идеи вертикальной аксиологии.

Ключевые слова: Филолай, Платон, Стобей, «Федон», сфера, додекаэдр, Вселенная, космос, «истинная Земля», аксиология.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-13-34.

*Лечич Никола Добринович, к. филос. н., доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), nlecic@hse.ru, nikola.lecic@anthespologia.net, ORCID: 0000-0003-0349-0108.

**© Лечич, Н. Д. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

В конце V или в начале VI века н. э., в Стобах, в византийской провинции, уединенный язычник Иоанн, позже названный Стобеем, создает свое большое собрание мнений языческих авторов¹. В компиляции «Ἐκλογῶν φυσικῶν διαλεκτικῶν καὶ ἠθικῶν» он приводит странную картину космоса и приписывает ее одному из последних ранних пифагорейцев, Филолаю (и тем самым доплатонической философии конца V в. до н. э.)²:

[A16a] Филолай посередине (ἐν μέσῳ), в центре (περὶ τὸ κέντρον) [космоса, помещает] огонь (πῦρ), который он называет «очагом» (Гестией) Вселенной (ἔστια τοῦ παντός), «домом Зевса» (διὸς οἶκος), «Матерью богов» (μήτηρ θεῶν), «алтарем», «связью (συνοχή) и мерой природы (μέτρον φύσεως)». Кроме того, он принимает и другой огонь (πῦρ ἕτερον), расположенный выше всего (ἄνωτάτω) и служащий Объемлющим (περιέχον). Первый по природе — центральный [огонь] (πρῶτον δ' εἶναι φύσει τὸ μέσον)³, вокруг него кружатся в хороводе десять божественных тел: небо (οὐρανός)⁴ и планеты, за ними Солнце, под ним —

¹Со времен «Doxographi Graeci» Дильса (1879) считается, что Стобей опирался на содержание «Vetusta placita», предполагаемого более старого сборника цитат, дошедшего до него через эклектика Аэтия, который жил примерно четыре века раньше (I–II в. н. э.). Несмотря на то, что самого сборника не осталось, у Дильса и Кранца все цитаты, которые по реконструкции ведут к Аэтию, обозначены как взятые из его компендия. См. обзор объемной дискуссии по этому вопросу: Runia, 2008: 37ff; Mansfeld & Runia, 1996: 3–4. С таким использованием утраченного и постулированного Дильсом труда Аэтия не все согласны; самая наглядная реализация этого несогласия — отсутствие всех ссылок на Аэтия в переводе собрания Дильса А. В. Лебедевым (Фрагменты..., Лебедев, 1989; про аргументацию Лебедева см. в: Жмудь, 2002: 6ff). Соответственно, у Лебедева интересующая нас цитата обозначена с авторством Стобея. Мы принимаем эту практику, и анализируемую компиляцию будем называть «стобеевской», потому что (1) она дошла до нас именно через Стобея и потому что (2) Стобей жил позже, и сам факт, что он принял компиляцию в своем сборнике, говорит о некотором одобрении и согласии с его стороны; это важно, потому что нас в статье он интересует именно как свидетель определенного мыслительного феномена и визуальной философии. — Обзор проблем, связанных с реконструкцией самого текста сборника Стобея и изданием Курта Ваксмута (1884) см. в Roysse, 2018; про проблемы с известными манускриптами Стобея по отношению именно к фрагментам Филолая см. Huffman, 1993: XVI.

²В собрании Дильса-Кранца компиляция получила обозначение 44 A16 (у Аэтия — Aetius, 2.7.7, у Стобея — Stobaeus. Eclogae 22.1d, 1.196 Wachsmuth). Обозначения A16a и A16b делаются на основе издания Хаффмана (Huffman, 1993: XVII); об этом делении будет больше сказано ниже. — Греческий текст фрагментов и псевдографии Филолая дается по Хаффману.

³Хаффман в английском переводе здесь не добавляет слово «огонь»: «[he says] that the middle is first by nature»; кроме того, центр (не огонь) в его переводе — «first by nature» (ibid.: 238, 243).

⁴У Дильса на этом месте есть дополнение «(μετὰ τὴν τῶν ἀπλανῶν σφαῖραν)»; такой вариант затрагивает вопрос неподвижности внешней границы космоса, но его анализ выходит за пределы нашей узко заданной темы.

Луна, под ней Земля, под ней — Противоземля (Антихтон), а после них всех — огонь Очага, занимающий центральное положение (περὶ τὰ κέντρα τάξιν ἐπέχον)⁵. [A16b] Самую верхнюю часть Объемлющего (περιέχον), в которой — бесприемная чистота элементов (εἰλικρίνεια τῶν στοιχείων), он называет «Олимпом»; пространство под сферой⁶ Олимпа, в котором расположены пять планет вместе с Солнцем и Луной, — «Космосом» (κόσμος), а расположенную под ними подлунную (ὑποσέληνος) часть, в которой находится мир переменчивого рождения (φιλομετάβολος γένεσις), — «Небом» (οὐρανός). Относительно упорядоченных небесных явлений (τεταγμένα τῶν μετεώρων) бывает мудрость (σοφία, σοφία), относительно неупорядоченности возникающих вещей — добродетель (ἀρετῆ) (περὶ δὲ τῶν γινομένων τὴν ἀταξίαν τὴν ἀρετὴν); первая совершенна, вторая несовершенна (τελείαν μὲν ἐκείνην ἀτελεῖ δὲ αὐτήν)⁷.

Цитату давно заподозрили во внутреннем противоречии: кажется, что части A16a и A16b плохо сочетаются друг с другом. Из-за этого пассаж Аэтия/Стобея в издании Дильса сохранил связь с Филолаем, но целиком попал в раздел «Свидетельства», получив номер 16. Вальтер Буркерт в своем легендарном труде «Weisheit und Wissenschaft. Studien zu Pythagoras, Philolaos und Platon» вынес вердикт, что речь идет о «взаимоисключающих системах, скомбинированных в единый пассаж», потому что эксплицитное обозначение подлунной области мира как «несовершенной» лишает центральный огонь всякого смысла. Вторую часть (A16b) Буркерт обозначил как полностью неаутентичную, отмечая, что космология первой части подкрепляется независимыми свидетельствами Аристотеля (Burkert, 1972: 244–245, 244 n. 29). В наше время издатель фрагментов Филолая Карл Хаффман, поддерживая вывод о том, что вторая часть неаутентична; аргументы против аутентичности второй части — платоническая и постплатоническая терминология, например, в словосочетании φιλομετάβολος γένεσις (Huffman,

⁵По Хаффману: «which has the position of a hearth about the center» (Huffman, 1993: 238).

⁶В оригинале нет слова «сфера»; оно, хоть и уместно, добавлено Лебедевым.

⁷Хаффман (ibid.: 396) конец переводит так: «He also says that wisdom arises concerning the things ordered in the heavens, and virtue concerning the disorder of coming to be. The former is complete, but the latter incomplete». Гатри (Guthrie, 1962: 284) переводит более описательно («The uppermost region of the surrounding heaven, where the elements are at their purest, he calls Olympus; kosmos he uses for the region below the circuit of Olympus, in which the five planets, the sun and the moon have their positions; and ouranos for the sublunary region beneath these and surrounding the earth, the home of change and becoming»), игнорируя последнее предложение. — Русский текст фрагментов досократиков дается по Фрагменты..., Лебедев, 1989.

1993: 245). Часть A16a, обозначенная курсивом, согласно Хаффману, тоже неаутентична и принадлежала тексту, из которого почерпнута часть A16b (упоминание «матери богов», «алтаря» и «связи и меры природы») Хаффман считает неподлинной инкрустацией. Пассаж A16b у Хаффмана обозначен как целиком неподлинный, «испорченный другими поздними системами» (Huffman, 1993: 237ff); все попытки увидеть A16a и A16b непротиворечащими друг другу и одинаково подлинными он отвергает из-за слабых аргументов их авторов⁸.

Хаффман делает вывод о том, что 16a можно считать частью комплекса подлинных свидетельств о космологии Филолая⁹ и что он «является единственной комплектной [астрономической] системой, которую можно приписать ранним пифагорейцам».

С аргументами исследователей доксграфии Аэтия/Стобея сложно поспорить: A16b действительно неоплатонический. Однако, все исследователи сосредотачиваются на подлинности, оставляя в стороне мотивацию Стобея сделать (или принять) именно такой гибрид¹⁰. Мы попробуем вникнуть в этот вопрос; также мы хотим рассмотреть, действительно ли соединение Стобея противоречивое и невозможное.

Пассаж A16a является по большей части корректным пересказом подлинных фрагментов Филолая, которые сохранились именно в собрании самого Стобея: B2, 4, 5, 6, 7, и 17. Согласно им, благодаря первичной гармонизации безграничных (ἄπειρα) и ограничивающих (περάζοντα) первоначал создается «одно» (τὸ ἓν)¹¹, огонь, который представляет собой центр возникающего космоса и первую сущность, обладающую

⁸Помимо первого Августа Бёка, первого издателя фрагментов Филолая (чьей аргументации вернемся ниже), систему A16 защищали и такие авторитеты, как Дж. Филип (Philip, 1966: 118–119) и У. К. Ч. Гатри (Guthrie, 1962: 285), но без особой аргументации.

⁹Хаффман дает перечень всех текстов, относящихся к астрономической системе Филолая, включая свидетельства 16, 17 и 21: Arist. De caelo 293a18ff, Met. 986a2, fr. 203 (Alex. Aphr. in Metaph. 38.20), fr. 204 (Simplicius in De Caelo 511.25), 58 B36 DK (Aët. 2.29.4), Simplicius in Ph. 1354.2, 44 A16 DK (Aët. 2.7.7), 44 A17 DK (Aët. 3.11.3), 44 A21 DK [Aët. 3.13.2], Eudemus fr. 146 (= Simplicius in de Caelo 471.4 = 12 A19 DK), Arist. Mete. 342b30, 345a14 (Huffman, 1993: 231–239).

¹⁰Хаффман все-таки замечает, что филолаевские элементы и поздняя традиция очень необычно соединены (ibid.: 396), но дальше этой констатации не идет.

¹¹Существует объемная дискуссия о том, как понимать τὸ ἓν в центре космоса: как число или как единство. Первый вариант ответа отчетливо выражен у Шибли (Schibli, 1996: 115, 127), второй у Жмудя: «Филолай трактовал свои начала, ἄπειρα и περάζοντα, отдельно от четных и нечетных чисел и вообще всякой апелляции к математике» (Жмудь, 2012: 380, 381 п. 132). Мы принимаем сторону Шибли, но это не имеет центрального значения для данной статьи.

пределом. Особенность всех вещей в космосе (и космоса в целом: ὅλος κόσμος¹²) в том, что все они «имеют число», благодаря которому могут быть познаны и высказаны (πάντα γὰρ μὲν τὰ γινώσκόμενα ἀριθμὸν ἔχοντι). По сути, каждую вещь в космосе можно считать ограниченной (т. е. *охваченной*) бесконечностью.

Однако про второй, охватывающий космос огонь мы узнаем только из А16а. Фраза Стобея «кроме того, он принимает и другой огонь» говорит о том, что автор воспринимает всеобъемлющий огонь как *родственный* первому. В этом Стобей и его предполагаемый источник правы: первый огонь (В7), который ἐν μέσῳ περὶ τὸ κέντρον, и сам создается своеобразным *охватыванием*, запираением безграничного¹³.

В литературе родственность двух огней принято характеризовать довольно слабыми терминами, например через концепт «эквивалента»¹⁴, или вовсе игнорировать¹⁵. На наш взгляд, трактовки второго огня как «эквивалентного» первому недостаточно подчеркивают два важных аспекта родственности двух огней: (1) περιέχον — потомство¹⁶ центрального огня, ведь центральный огонь — начало космогонии; (2) περιέχον имеет такую же *функцию*, что и центральный огонь: он — всеохватывающий потомок того, что гармонизировалось первым, — подобен конечной, самой большой гармонии.

Представление о целостности космоса как о всеохватывающей гармонии может звучать обыденно и привычно. Одну из самых красивых

¹²Это важное уточнение (44 В1 DK) не из Стобея, а из Диогена Лаэртского (Diog. Laert. VIII.45).

¹³Такая интерпретация подтверждается Аристотелем: «Они [пифагорейцы] ясно говорят, что сразу же, после того как образовалось единое (τὸ ἓν) [...], ближайшая часть беспредельного (ἄπειρον) была привлечена [единым] и ограничена пределом (πέρας)» (Arist. Met. 1092a12–18 = 58 В26 DK; Аристотель, Кубицкий, 1976: 360). Ср. Burkert, 1972: 36. Это называют «поразительно архаичной» космологической чертой; напр. Kahn, 2001: 36.

¹⁴Например, Burkert, 1972: 37, 37 п. 44: «[...] in these very ideas is apparent a complete equivalence of the things separated: the 'Hearth' of the Universe and its fiery envelope, 'Zeus' castle' and Olympus».

¹⁵Пример того, как доказывают «параллель», избегая при этом придания космологической значимости любого рода объемлющему огню, мы находим у Хаффмана (Huffman, 1993: 245): «Филолая можно считать тем, кто воспроизводит сферическую форму космоса, которая, вероятно, была ясно выражена Парменидом. В соответствии с этим, он [Филолай] утверждает, что элемент, являющийся источником мира, огонь, должен находиться в центре, одном из источников (origins) сферы».

¹⁶Идею о потомстве и генеративном характере первого огня можно найти у Джонатана Барнса, который выдвинул идею о динамическом характере гармонии и временной природе космогонии (Barnes, 1982: 310–311). Однако даже Барнс не ссылается при этом на фрагмент 17, которым мы сейчас займемся.

версий этой классической философеми находим в третьей Эпнеаде Плотина:

Поскольку возникшее есть всецелый космос, постольку увидевший его мог бы услышать: «Меня сотворил Бог, я пришел Оттуда совершеннейшим всех живущих. Я — полон собой, самодостаточен, ни в чем не нуждаюсь, потому что все во мне: и растения, и животные, и природа всего рождающегося, и множество богов, и все демоны, и благие души, и люди, счастливые доблестью. Ибо неверно, что лишь земля была украшена всеми растениями и всевозможными животными, что только вплоть до моря простерлась сила Души, а весь воздух, и эфир, и целое небо — Душе не причастны; это неверно, ибо там обитают все благие души, дающие жизнь звездам и прекрасно упорядоченному вечному кругообращению небес, подражающему движению Ума, вечно и умно обращающемуся вокруг вечно тождественного центра, не ища ничего вовне. Все вещи во мне стремятся к Благу; обретают же Его — каждая соответственно собственной силе. Ибо от Блага зависит все небо и вся моя душа, и все боги в моих частях, и вся животная жизнь, и растительная, и все, что считается неодушевленным во мне [...]»¹⁷.

Однако не надо забывать, что космос Плотина несамостоятелен, он зависит от того, что онтологически выше его, и его самостоятельность и замкнутость иллюзорна (космос лишь «подражает» Уму). Кроме того, центр сотворенного космоса неоплатоников не имеет никакого особого значения. В отличие от неоплатонического космоса, за пределами пифагорейского-стобеевского космоса нет ничего, что можно познать (Вз, 4); его гармония не проистекает ни из чего, что было бы за его пределами или выше его; ровно наоборот, она начала расти из его центра.

Действительно, кажется, что в пифагорейском мире нет места никакой ценностной вертикали, описанной в А16b: как может в космосе, имеющим центр (а также окружности, по которым крутятся небесные тела, и всеохватывающий огненный предел) быть верх и низ? При этом, Стобей очень хорошо знает, что верх и низ отвергал сам Филолай, ведь он для нас сохранил фрагмент В17:

Космос один (ὁ κόσμος εἷς ἐστίν). Он начал возникать до [заполнения?] середины (γίνεσθαι ἄχρι τοῦ μέσου), а от середины (ἀπὸ τοῦ μέσου) [возникал] равномерно вверх и вниз, (и) то, что кверху от середины, расположено напротив того, что снизу. Ибо для нижних [= антиподов] самая нижняя часть — как самая

¹⁷Plot. Enn. III.2.3; Плотин, Сидаш, 2004: 130.

верхняя; с прочими точно так же: и та и другая одинаково расположены относительно середины, но только перевернуты¹⁸.

Более того, как в таком космосе что-либо может определяться Землей? Ведь она только одно из многочисленных тел, движущихся около центрального огня. Это обстоятельство заставило противников подлинности A16b считать, что он требует геоцентрическую систему (что противоречит идее о центральном огне), а сторонников его подлинности — что «нижняя часть» космоса касается только земли; именно так систему A16 как целостность пытался спасти 200 лет назад Август Бёк (Böckh, 1819: 101–102): он считал, что только земля и ее атмосфера являются местом изменений и беспорядка. Хаффман небезосновательно считает, что такая интерпретация лишает какой-либо роли самую важную часть филолаевской космологии — центральный огонь, а также Противоземлю (Huffman, 1993: 398). Кроме того, для дифференциации верхней и нижней части в A16b используются фразы «ἐλικρίνει τῶν στοιχείων» и «φλομετάβολος γένεσις» (идея, похожая на то, что находим в псевдофилолаевском фрагменте 44 B21); наличие совершенной и менее совершенной части космоса кажется типичной чертой платоновской философии и псевдопифагорейских текстов (ibid.). Таким образом Хаффман резюмирует вердикт науки о филолаевских фрагментах.

Однако все было бы просто, если бы у самого Филолая (и в ранней пифагорейской традиции в широком смысле) не было намеков на то, что внутри космоса все-таки есть ценностная дифференциация, которая как раз определена Землей и Луной. Посмотрим свидетельство A20, которое игнорируется в контексте обсуждений A16:

Некоторые из пифагорейцев, в том числе Филолай, [полагают], что Луна кажется землеобразной потому, что она, как и наша Земля, населена животными и растениями, но только более крупными и более красивыми: живущие на Луне животные в пятнадцать раз больше [земных] и совершенно не выделяют экскрементов. Столько же [т. е. в пятнадцать раз больше] длится и день (44 A20 DK = Aët. 2.30.1 = Стобей, Мнения философов, II.30.1 («О видимом облике Луны»)).

¹⁸ 44 B17 DK = Stobaeus. Eclogae 1.15.7 (1.148.4 Wachsmuth). Перевод Хаффмана меняет смысл первой части, поэтому приводим его целиком: «The world-order is one. It began to come to be right up at the middle and from the middle (came to be) upwards in the same way as downwards and the things above the middle are symmetrical with those below».

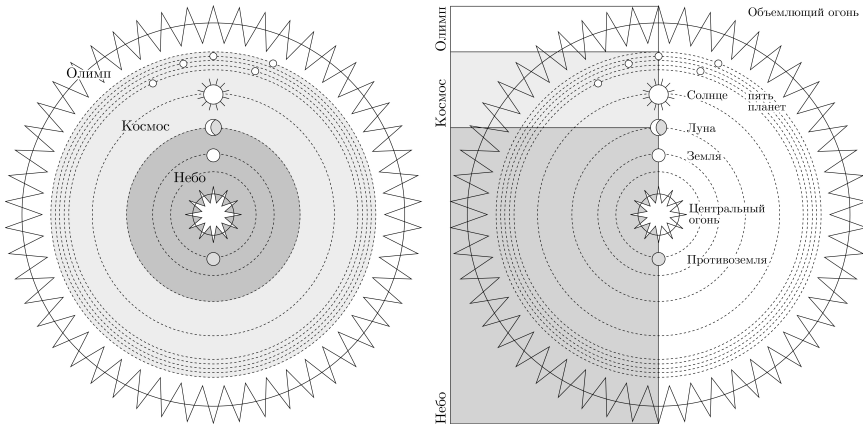
A20 содержит несколько удивительных утверждений: (1) что Луна и Земля — из «одного материала»; (2) что Луна населена; (3) что жители Луны красивее и в некотором смысле лучше земных. Буркерт, несмотря на оценку фрагмента как «фантастического», считал, что «нет причин сомневаться в его подлинности» и что фрагмент является частью книги Филолая (Burkert, 1972: 346–347; Huffman, 1993: 272). Утверждение о ценностном превосходстве лунных жителей над земными оказывается исключительно пифагорейским: никто раньше не прибегал такому ценностному сравнению. Доказывая подлинность этого текста, Хаффман предлагает обратить внимание на заслуживающий внимания комментарий Филопона на отрывок из «О возникновении животных» Аристотеля¹⁹. Филопон (а) повторяет аргумент Аристотеля, что должно существовать животное, которое соответствует четвертому элементу, огню, но что оно должно существовать не на Земле, а на Луне, и добавляет, что в эфире должны существовать «особые интеллектуальные животные», которые долго живут (3000 лет) в районе Луны; (б) утверждает, что эти существа не пьют и не едят; (в) утверждает, что Аристотель не рассматривал в дальнейшем эту идею, потому что она «платоническая». Хаффман комментирует, что описание (б) совпадает с «более причудливо выраженной» идеей, что лунные животные Филолая не «выделяют экскрементов».

Наше мнение таково, что A20 обязывает нас допустить идею о том, что космос из A16, пусть даже ограничен только частью A16a, имеет внутреннюю ценностную дифференциацию: Земля находится в области, которая *хуже* лунной. Какое отношение это имеет к центральному огню, пока не ясно. Как бы это ни было, здесь мы замечаем очертания идеи о том, что огонь, охватывающий сферу космоса, охватывает и что-то, что ценностно ниже его самого. Это мы будем называть *визуальной философемой*²⁰ охватывания аксиологически низкого аксиологически

¹⁹Имеется в виду Philop. in GA 160.16–21. Комментируемое место (Arist. GA 761b21–23) гласит: «Четвертый же род существ следует искать не в этих местах; однако должно быть что-нибудь соответствующее огню; ведь он числится четвертой стихией. Но огонь никогда не появляется в свойственной ему форме, а всегда в каком-нибудь другом теле, ибо воспламененным кажется или воздух, или дым, или земля. Подобный род существ надо искать на луне, так как она приобщается четвертой области» (Аристотель, Карпов, 1940: 154–155). Как комментирует Хаффман (Huffman, 1993: 272), «even Aristotle considered the possibility that a type of life different from ours might be on the moon».

²⁰«Визуальная философема» — наше понятие, которое обозначает любое описание, которое можно представить полностью в визуальной форме, включая фантастические ландшафты (например, в «мифах» из диалогов Платона). Визуальная философема имеет

высоким; в контексте А16 она становится визуальной философемой охватывания *беспорядка порядком*. Очевидно, Стобей пытается нас убедить в том, что у Филолая в 5 в. до н. э. эта визуальная философема существовала в полном виде. Наш анализ и иллюстрация 1, показывающая две попытки формирования такой философемы путем наложения идей А16b на А16а, показывает наличие проблем в самом тексте. Но нас больше интересуют *намерения* автора подобного текста.

Илл. 1. Космос Филолая в интерпретации Стобей. Два варианта наложения А16b на А16а.

Поэтому возникает такой вопрос: можем ли мы между Филолаем и Плотинем (чьим идеям вторит аэтиевско-стобеевский А16b) найти визуальную философему охватывания аксиологически низкого аксиологически высоким, относящуюся к космосу?

Первый ответ, который естественно напрашивается — «Тимей», «пифагорейский» диалог Платона. Там (Ті. 53с) находим картину рождения

полноценное философское значение сама по себе, в своей визуальной форме, а не только благодаря тексту. Очень важно то, что визуальная философема не сводима к визуальной метафоре (детальное изложение см. в Лечич, 2024: 870–872). Примеры визуальных философем — бытие Парменида, представленное в форме сферы (28 В8:42–45 DK); фантастические ландшафты «Тимея» и «Федона», упомянутые в этой статье. Обычно подобные части текста трактуются как «метафоры» в смысле «лишь метафоры» (см. там же: 870 п. 16). Самым близким нашему концепту визуальных философем в литературе мы видим «спекулятивные метафоры» Александра Мурелатоса (Mourelatos, 2008: 37–38); про разницу между концепциями см. Лечич, 2024: 871.

четырёх традиционных элементов (огня, земли, воздуха, воды), которые появились из четырёх правильных полиэдров (тетраэдр, куб, октаэдр, икосаэдр). Однако эти тела, несмотря на свою красоту, не полностью совершенны: «Теперь должно сказать, каковы же те четыре рожденных тела, прекраснейшие из всех, которые не подобны друг другу, однако способны, разрушаясь, друг в друга перерождаться» (Ti. 53d).

Демиург тогда выбрал додекаэдр как тело, способно охватить все менее совершенные, склоняющиеся к трансформациями тела:

В запасе оставалось еще пятое многогранное построение, его бог определил для Вселенной и прибегнул к нему в качестве образца (Ti. 55c, Платон, Аверинцев, 1994: 459).

Интересно, что отголоски платоновской идеи поздние авторы пытались приписать назад пифагорейцам. Постаристотелевские подделки 44 A15 и B12 DK говорят о том, что сфера Вселенной (предположительно — пятый элемент из B12) возникла именно из додекаэдра. A15 и B12 предполагают некую связь «сферы всего» и додекаэдра. Звучат они так:

Пифагор принимает пять объемных фигур (σχημάτων), которые называют также математическими: из куба, по его словам, возникла земля, из пирамиды — огонь, из октаэдра — воздух, из икосаэдра — вода, из додекаэдра — сфера Вселенной (44 A15 DK).

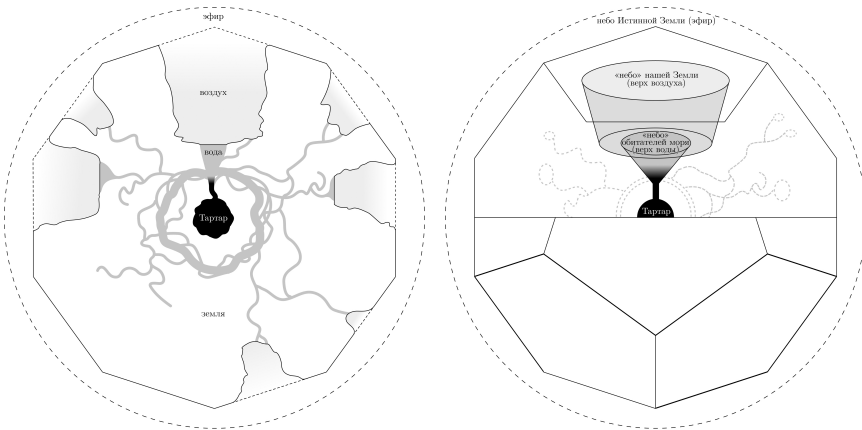
Сфере присущи пять тел (σώματα πέντε): находящиеся внутри Сферы огонь, вода, земля, воздух и пятое — корпус (собств. «корабль») сферы (καὶ ὁ τῶν σφαιρᾶς ὀκτῆς, πέμπτον) (44 B 12 DK)²¹.

Все это нас ведет к самому важному месту в платоновском опусе, которое объединяет все искомые нами черты визуальной философии охватывания беспорядка порядком. То, что додекаэдр, охватывающий все, имеет отношение ко всеохватывающей сфере космоса, наглядно подтверждает визуальная философия из «Федона». Более того, это

²¹Про проблемы со словом ὀκτῆς см. Лечич, 2024: 878–879п. 29. Там же см. детальное изложение истории открытия пяти правильных полиэдров от пифагорейцев до Платона и ее связь с мыслительной историей (Waterhouse, 1972: 212–213). Сама история о правильных полиэдрах ссылается на схолию к Евклиду неизвестного авторства (44 A 15a Лебедев = схолии к Евклиду XIII.1 (Euc. v, 654); ср. Жмудь, 2012: 228 п. 87): «В этой, т. е. 13-й книге, описываются так называемые 5 платоновских фигур, которые, однако, Платону не принадлежат. Три из упомянутых фигур — куб, пирамида и додекаэдр — принадлежат пифагорейцам, а октаэдр и икосаэдр — Теэтету. По имени Платона они были названы потому, что он упоминает о них в „Тимее“».

единственная картина классического периода, которая объединяет концепции охватываемости и иерархичности.

В «Федоне» (Phaed. 108d–115a²²) представлен фантастический ландшафт (см. иллюстрацию 2), в котором жители «настоящей Земли» живут в прекрасных эфирных ландшафтах, полных драгоценных камней, а мы и обитатели морского дна живем во всё ниже и ниже расположенных впадинах (κοίλος), заполненных, соответственно, воздухом и водой, в которых «совершенство» и красота вещей, а также уровень познания их жителей прогрессивно уменьшаются.

Илл. 2. Фантастические ландшафты «Федона»: «истинная Земля», «наша Земля», моря, реки и Тартар.

Жители морей, т. е. впадин нашего мира, живут между разъединенными солью камнями, в мутной воде, и никогда не могут увидеть наш мир, заполненный воздухом, который, с их точки зрения, чистый и прозрачный. Они ошибаются, думая, что их море — истинный мир, и они бы поменяли свою точку зрения, если бы только могли высунуть голову над поверхность воды. Однако, наше положение аналогично положению обитателей морского дна. Мы думаем, что мы видим мир таким, какой он есть; но на самом деле, «наша Земля» — впадина «истинной Земли», заполненная воздухом, на дне которой мы живем. Воздух, как и вода, действует разлагающе на камни и другие элементы нашего мира,

²²Русский текст по: Платон, Маркиш, 1993. Древнегреческий текст Платона дается по Plato, 1903 (ed. Burnet).

но в меньшей степени, нежели морская вода. В нашем мире есть мелкие свидетели красоты «настоящей Земли» — разбросанные по нашему миру красивые, драгоценные камни. Но если бы мы смогли добраться до верха океана воздуха и посмотрели, что над ним, перед нами открылись бы невероятные красоты «настоящей Земли», где все «чище и прекраснее (καθαρότερος καὶ καλλίω)»: это ландшафты, состоящие из гладких и прозрачных камней, прекрасных растений и эфирного неба²³.

Платон на этом месте делает неожиданный визуальный ход, который, однако, не выглядит так необычно в контексте рассматриваемых нами текстов:

Земля, если взглянуть на нее сверху, похожа на мяч, сшитый из двенадцати кусков кожи и пестро расписанный разными цветами (ᾧσπερ αἱ δωδεκάσκητοι σφαῖρα, ποικίλη). Краски, которыми пользуются наши живописцы (γραφῆς), могут служить образчиками (δείγματα) этих цветов, но там вся Земля играет такими красками, и даже куда более яркими (λαμπροτέρων) и чистыми (καθαρότερον)²⁴. В одном месте она пурпурная и дивно (θαυμαστῆν) прекрасная, в другом золотистая, в третьем белая — белее снега и алебастра; и остальные цвета, из которых она складывается, такие же, только там их больше числом и они прекраснее всего, что мы видим здесь (Phaed. 110b–d).

Теперь посмотрим, почему додекаэдр федоновских ландшафтов принадлежит визуальной философии охватывания беспорядка порядком. Во-первых, он визуально делает красивым даже впадины:

²³Интенсивность зрелища, драматическая насыщенность (это последнее учение Сократа перед смертью) и необычные детали делают «настоящую Землю» из «Федона» одной из самых прекрасных примеров визуального философствования в Античности. На наш взгляд, самыми важными спекулятивными элементами ландшафтов «настоящей Земли» являются ее *гладкость* и *прозрачность*, и они могут помочь в нашей трактовке платоновского учения об эйдосах. В отличие от других элементов федоновских ландшафтов, гладкость не была предметом внимания в обширной исследовательской литературе, посвященной «Федону». Детальный разбор фантастических ландшафтов «настоящей Земли» и особенно их гладкости см в. Лечич, 2024.

²⁴Детальный анализ цветовой составляющей настоящей земли проведен Андреа Найтингейл (Nightingale, 2018), которая выдвигается тезис об особом виде прекрасного — пестроты (variegation, ποικιλία); также Найтингейл утверждает, что этот идеал красоты из «Федона» противоречит общей платоновской эстетике, из-за чего «истинную Землю» не следует рассматривать как пример платоновской метафизики или космологии, а только эсхатологии (ibid.: 342). С тем, что конец «Федона» в некотором смысле пытается примирить (иначе у Платона непримиримые) «небо» и «землю» согласны и другие (см. напр. Brill, 2009: 21–22). С такими выводами мы не согласны; наоборот, федоновские ландшафты являются одной из физических философем, излагающих теорию эйдосов (Лечич, 2024: 879, 880 п. 30).

И даже самые ее впадины, хоть и наполненные водою и воздухом, окрашены по-своему и ярко блещут пестрою красок, так что лик ее представляется единым, целостным и вместе нескончаемо разнообразным (Phaed. 110d)²⁵.

Во-вторых — это самое интересное — додекаэдр Земли охватывает не только «нашу Землю» и морские глубины; он держит в себе и самую нижнюю часть мира, в которую стекается все из его высших частей. Эта область в мире «Федона» называется Тартаром. Пассаж настолько необычный и важный для нашего исследования, из-за чего приводим его почти целиком:

Но во впадинах по всей Земле есть много мест, то еще более глубоких и открытых, чем впадина, в которой живем мы, то хоть и глубоких, но со входом более тесным, чем зев нашей впадины. А есть и менее глубокие, но более пространные. Все они связаны друг с другом подземными ходами разной ширины, идущими в разных направлениях, так что обильные воды переливаются из одних впадин в другие, словно из чаши в чашу, и под землею текут неиссякающие, невероятной ширины реки — горячие и холодные. И огонь под землею в изобилии, и струятся громадные огненные реки и реки мокрой грязи, где более густой, где более жидкой, вроде грязевых потоков в Сицилии, какие бывают перед извержением лавы, или вроде самой лавы. Эти реки заполняют каждое из углублений, и каждая из них в свою очередь всякий раз принимает все новые потоки воды или огня, которые движутся то вверх, то вниз, словно какое-то колебание происходит в недрах. Природа этого колебания вот примерно какая. Один из зевов Земли — самый большой из всех; там начало пропасти, пронизывающей Землю насквозь, и об этом упоминает Гомер, говоря: «Пропасть далекая, где под землею глубочайшая бездна»²⁶ (Phaed. 111c–112a).

И сам Гомер в другом месте, и многие другие поэты называют ее Тартаром. В эту пропасть стекают все реки, и в ней снова берут начало, и каждая

²⁵На наш взгляд, этот пассаж является ключевым доказательством того, что в «Федоне» описана одна Земля, имеющая форму додекаэдра, и что все остальные ландшафты («наша Земля», моря и, как еще увидим, Тартар) — *отвачены*, внутри додекаэдра. Однако, есть немало авторитетных мнений о том, что в «Федоне» описаны две земли: Kingsley, 1995: 106–107; Most, 2012: 209–210 p. 19; Афонасин, 2023: 1075 p. 5. См. детальный анализ в Лечич, 2024: 864 p. 7. В рамках темы данной статьи можно добавить, что, на наш взгляд, принять Землю (хоть и «истинную»), которая охватывает несовершенные части мира, мешают та же интуиция, которая склоняет Буркерта и Хаффмана полностью отвергнуть филолаевский А16b; как мы увидим немного ниже, несмотря на свою неоплатоническую форму, идея иерархичности космоса не противоречит А16a. — Имеет ли Земля форму сферы или додекаэдра было также предметом длинной дискуссии: см. Rosenmeyer, 1959: и статьи, предшествующие ей.

²⁶Имеется в виду II. VIII.13.

приобретает свойства земли, по которой течет. [...] Когда вода отступает в ту область, которую мы зовем нижнею, она течет сквозь землю по руслам тамошних рек и наполняет их, словно оросительные каналы; а когда уходит оттуда и устремляется сюда, то снова наполняет здешние реки, и они бегут подземными протоками, каждая к тому месту, куда проложила себе путь, и образуют моря и озера, дают начала рекам и ключам. А потом они снова исчезают в глубине той Земли и возвращаются в Тартар: иная – более долгой дорогою, через многие и отдаленные края, иная – более короткой. [...] А есть и такие потоки, что описывают полный круг, обвившись вокруг той Земли кольцом или даже несколькими кольцами, точно змеи; они спускаются в самую большую глубину, какая только возможна, но выпадают все в тот же Тартар. Спуститься же в любом из направлений можно только до середины Земли, но не дальше: ведь откуда бы ни текла река, с обеих сторон от середины местность для нее пойдет круто вверх (Phaed. 112a–e).

Дальше (Phaed. 112e–с) следует детальное описание четырех рек, самых примечательных из всех: это Океан, Ахеронт, Перифлегетонт и Стикс. Для нас интересен Перифлегетонт, потому что он «достигает обширного места, пылающего жарким огнем, и образует озеро, где бурлит вода с илом, размерами больше нашего моря», а потом эта река «бежит по кругу, мутная и илистая, опоясывая ту Землю, и подходит вплотную к краю озера Ахерусиады, но не смешивается с его водами. Описав под землею еще много кругов, она впадает в нижнюю часть Тартара». На местах, где коснется поверхности «нашей Земли», Перифлегетонт «изрыгает наружу брызги своей лавы». Заканчивает Сократ рассказ словами: «Вот как все это устроено» (Phaed. 113d).

Теперь мы можем сделать сравнение раннепифагорейских визуализаций космоса (Филолай), неоплатонических дополнений этих визуализаций (Стобей), земных ландшафтов «Федона» (Платон):

- ◊ у ранних пифагорейцев есть намек²⁷ на то, что в космосе есть ценностная иерархия областей: область под Луной, которая держит Землю, хуже Луны и надлунной части мира, но все они охвачены Объемлющим огнем; в «Федоне» находим похожую иерархию, с Тартаром, морем и «нашей Землей», которые охватывает додекаэдр «настоящей Земли»; у Стобея находим похожую иерархию — Небо и Космос охвачены вселенской сферой Олимпа;

²⁷Как справедливо отмечал Ридвег, ранние пифагорейцы не развили интеллектуальный потенциал своих идей (Riedweg, 2005: 89).

- ◇ у ранних пифагорейцев есть огненный центр космоса, который одинаков по природе с Объемлющим огнем; не важно, принимаем ли мы только А16а или А16а и А16б вместе, всегда неясно, относится ли огненный центр к плохой части мира (подлунной и А16а или к Небу в А16б); из-за этого, аргументы противников подлинности А16б должны потерять часть своей силы, ведь и оригинальная пифагорейская система, возможно, страдает такой же «нелогичностью»; проблема может быть решена тем, что и центральный огонь ценностно низкий, но это уже область догадок; в любом случае левая часть иллюстрации 1 соответствует именно такому наложению А16а и А16б;
- ◇ Тартар из «Федона» и беспорядок (ἀταξία) Неба из А16б противопоставляются²⁸ красоте гладких и прозрачных ландшафтов «настоящей Земли» и беспримесной чистоте элементов стобеевского Олимпа²⁹; они условно соответствуют соотношению подлунной части мира и Объемлющего огня из А16а, но для полного соответствия нужен один из двух вариантов наложения, нарисованных нами на иллюстрации 1.

Все это говорит о том, что у Платона мы находим полноценную визуальную философему охватывания беспорядка порядком, что она вдохновлена намеками более старого пифагорейского учения и что компиляция Стобея является поздней попыткой создания такой же визуальной философемы. В таком случае перед нами совершенно новая концепция отношения ценностно противопоставленных порядка и беспорядка, которая ясно выделяется на фоне альтернативных теорий:

- ◇ перед нами не древнее «извлечение» порядка из хаоса³⁰;

²⁸Как высказался Пендер, «в Тартаре нет философии» (Pender, 2012: 227).

²⁹Примечательно, А. Найтингейл считает, что именно в «беспримесности» (отсутствия перемешанности) лежит красота цветов «настоящей Земли»: Nightingale, 2018: 339–340.

³⁰Несмотря на то, что полная дискуссия по этому поводу выходит далеко за рамки нашей статьи, полнота картины требует нескольких замечок. У Анаксагора ум «упорядочивает» нечто раньше существовавшее, предположительно, без состояния порядка: «И все, чему суждено было быть, и все, что было, но чего теперь нет, и все, что есть теперь и будет в будущем, — все это упорядочил ум (πάντα διέκρίθησε νοῦς)» (59 В12 DK). Однако идея намного старше Анаксагора (современника Филолая) и существовала уже в VII в. до н. э. Приводим текст папируса из Оксиринха № 2390, который принадлежит поэту Алкману; по причине его позднего открытия (середина XX века н. э. — Most, 1987: 2, 4) фрагмент не входит в собрание Дильса (у Лебедева он является частью секции за: Фрагменты..., Лебедев, 1989: 80–81):

Ибо, когда материя (ἔλη) начала упорядочиваться (κατασκευασθήναι)
возник некий Порос — как бы начало (ἀρχή).

- ◊ перед нами не отношение высшей и низшей части мира, как у Плотина: у него охватывающий все вещи космос помещается в онтологическую вертикаль, и в ней способность охватывания становится иллюзорной: там любая вещь имеет «красоту» благодаря связи с чем-то сверхъестественным, что находится по ту сторону космоса самого по себе;
- ◊ исследуемая визуальная философема не сводима к идее превосходства целого над частями.

Редкость описанной нами визуальной философемы дает основание для формулировки нескольких гипотез:

- ◊ визуальную философему совершенной сферы (или додекаэдра), охватывающей внутренний беспорядок, заменила в истории ви-

Итак, Алкман говорит, что материя всех вещей (ἄλη πάντων) была беспорядочной (τῆταραγμένως) и необработанной (ἀπόρητος). Затем возник, по его словам, некто, мастерающий (κατασκευάζωντος) все вещи (πάντα), затем возник Порос, когда же Порос прошел, последовал Текмор. Порос означает как бы начало, а Текмор — как бы конец [— завершение, телос]. С рождением Фетиды (Θέτις) они стали началом и концом всех вещей. Все (πάντα) имеет природу (φύσις), подобную материи-меди (χαλκοῦ ἄλη), Фетида [подобна] мастеру (τεχνίτης), а Порос и Текмор — началу (ἀρχή) и концу (τέλος). [...] «И третьим — Мрак» (σκότος): так как ни Солнце, ни Луна еще не возникли (ἔγνοντο), но материя еще была неразличимой (ἀδιάκριτος) сначала был только мрак, а после этого, когда он стал различимым (διακρίθεντος)...

«Беспорядочный» у Алкмана — τῆταραγμένως. Есть намек на то, что под этим подразумевается: материя в ее прасостоянии описана там как «неразличимая» (ἀδιάκριτος). Переход в состояние предполагаемого «порядка» описан глаголом διακρίνω (разделять, разлагать), и для этого космогония Алкмана недвусмысленно вводит чужую для праматерии миротворческую фигуру Текмора (или Фетиды). Аристотель (Met. 985a 28) использует διακρίνω для описания процесса распада во Вселенной Эмпедокла. Платон (Parm. 157a), описывая переход от единого ко множому (Платон 1993: 395: «оно не разъединяется и не соединяется»), использовал именно глагол διακρίνω и его противоположность, συγκρίνω. «Мрачное» состояние праматерии имеет некий онтологический статус: оно существует (или существовало), что делает Алкмана предшественником Анаксагора. На основе толкования (а) Фетиды как демиурга и (б) Текмора как «границы» или «знака» («boundary-mark», «sign»), т.е. как начала дифференциации, Уэст (West, 1967: 5, 7) считает «мрак, ставший различимым» предшественником раннепифагорейской «числовой космологии», основанной на соединении безграничных и ограничивающих.

зуального мышления концепция строго вертикальной иерархии совершенства;

- ◇ компиляция Стобея (и, возможно, ее исходный текст из сборника Аэтия) не просто фальсификат, а драгоценная и, скорее всего, осознанная и последняя попытка сохранить древнюю раннепифагорейско-платоническую схему охватывания³¹ через наложение на нее неоплатонической идеи аксиологической вертикали;

Таким образом, нам кажется уместным сравнение, в котором визуальная философия охватывания беспорядка порядком предстает таким же исчезающим видом, как и сам ее языческий автор. Философия охвата высшего низшим поглощена потом более привычной и долгоживущей картиной иерархии, которая была в большем согласии с христианским мировоззрением.

Блеснула ли эта мысль у самого Стобея и заставила ли его придумать продолжение подлинному тексту Филолая или он подобное творчество почерпнул у какого-то нам неизвестного платоника, не так важно. Главное то, что, по всей видимости, с последними язычниками исчезает и визуальная философия аксиологически охватывающего космоса и уступает место строго вертикальной аксиологии визуального мышления. Из-за этого, античная визуальная философия охватывания беспорядка порядком может быть полезным инструментом в изучении истории визуальной культуры.

Целью данной статьи было описать тонкую разницу между разными типами отношения порядка и беспорядка, которая существовала некоторое время до того, как христианское мировоззрение получило полную и долгую монополию внутри визуального мышления. Исследование следа этой тонкой разницы и поглотившей ее будущей монополии в визуальной культуре — задача будущих исследований.

ЛИТЕРАТУРА

Аристотель. О возникновении животных / пер. с древнегреч. В. П. Карпова. — М., Л. : Академия наук СССР, 1940.

³¹ Древность этой философии хорошо видна, если вспомним, что у Парменида сфера бытия *охвачена* пределом: «И в таком состоянии оно остается стойко [— постоянно], ибо неодолима Ананкэ // Держит [его] в оковах предела [— границы], который его запирая-объемлет» (28 В8:30–31 DK). Детальное сравнение с Парменидом выходит за рамки данной статьи. Анализ сферичности бытия как визуальной философии см. в Лечич, 2024: 868–871.

- Аристотель*. Метафизика / пер. с древнегреч. А. В. Кубицкого // Сочинения. В 4 т. Т. 1 / под ред. В. Ф. Асмуса. — М. : Мысль, 1976. — С. 63–369.
- Афонасин Е. В.* «Другая Земля». Орфический мотив небесного путешествия в античной философии // Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция. — 2023. — Т. 17, № 2. — С. 1072–1083.
- Жмудь Л. Я.* Переписываемая доксографию : Герман Дильс и его критики // Историко-философский ежегодник. — 2002. — С. 5–33.
- Жмудь Л. Я.* Пифагор и ранние пифагорейцы. — М. : Университет Дмитрия Пожарского, 2012.
- Лечич Н. Д.* Аксиология гладкого и корявого : интерпретация визуальной философии из «Федона» // Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция. — 2024. — Т. 18, № 2. — С. 860–887.
- Платон*. Федон / пер. с древнегреч. С. П. Маркиша // Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2 / под ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. — М. : Мысль, 1993. — С. 7–80.
- Платон*. Тимей / пер. с древнегреч. С. С. Аверинцева // Собрание сочинений. В 4 т. Т. 3 / под ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. — М. : Мысль, 1994. — С. 421–500.
- Плотин*. Третья эннеада / пер. с древнегреч. Т. Г. Сидаша. — СПб. : Олег Абышко, 2004.
- Фрагменты ранних греческих философов : от эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. Т. 1 / пер. и сост. А. В. Лебедева. — М. : Наука, 1989.
- Barnes J.* The Presocratic Philosophers. — London : Routledge, 1982.
- Böckh A.* Philolaos des Pythagoreers Lehren nebst den Bruchstücken seines Werkes. — Berlin, 1819.
- Brill S.* The Geography of Finitude : Myth and Earth in Plato's Phaedo // International Philosophical Quarterly. — 2009. — Vol. 49. — P. 5–23.
- Burkert W.* Lore and Science in Ancient Pythagoreanism. — Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1972.
- Diels H.* Die Fragmente der Vorsokratiker, Griechisch und Deutsch / hrsg. von W. Krantz. — 17. Aufl. — Dublin, Zürich : Weidmann, 1974.
- Guthrie W. K. C.* A History of Greek Philosophy. Vol. 1. — Cambridge : Cambridge University Press, 1962.
- Huffman C. A.* Philolaus of Croton : Pythagorean and Presocratic. — Cambridge : Cambridge University Press, 1993.
- Kahn C. H.* Pythagoras and the Pythagoreans : A Brief History. — Indianapolis : Hackett Pub., 2001.
- Kingsley P.* Ancient Philosophy, Mystery, and Magic : Empedocles and Pythagorean Tradition. — Oxford : Oxford University Press, 1995.
- Mansfeld J., Runia D. T.* Aëtiana. Vol. 1. The Method and Intellectual Context of a Doxographer. — Leiden : Brill, 1996.

- Most G. W.* Alcman's "Cosmogonic" Fragment (Fr. 5 Page, 81 Calame) // The Classical Quarterly. New Series. — 1987. — Vol. 37, no. 1. — P. 1–19.
- Most G. W.* Plato's Exoteric Myths. — 2012.
- Mourelatos A. P. D.* The Route of Parmenides. — Parmenides Pub., 2008.
- Nightingale A.* The Aesthetics of Vision in Plato's Phaedo and Timaeus // Gaze, Vision, and Visuality in Ancient Greek Literature / ed. by A. Kampakoglou, A. Novokhatko. — De Gruyter, 2018. — P. 331–353. — (Trends in Classics — Supplementary Volumes ; 54).
- Pender E. E.* The Rivers of Tartarus : Plato's Geography of Dying and Coming-Back-to-Life // Plato and Myth : Studies on the Use and Status of Platonic Myths / ed. by C. Collobert. — Brill : Brill, 2012.
- Philip J. A.* Pythagoras and Early Pythagoreanism. — Toronto : University of Toronto Press, 1966.
- Plato.* Platonis Opera / ed. by J. Burnet. — Oxford : Oxford University Press, 1903.
- Riedweg C.* Pythagoras : His Life, Teaching, and Influence. — Ithaca : Cornell University Press, 2005.
- Rosenmeyer T. G.* The Shape of the Earth in the "Phaedo": A Rejoinder // Phronesis. — 1959. — Vol. 4, no. 1. — P. 71–72.
- Royse J. R.* The Text of Stobaeus : The Manuscripts and Wachsmuth's Edition // Aëtiana. Vol. 4. Papers of the Melbourne Colloquium on Ancient Doxography / ed. by J. Mansfeld, D. Runia. — Leiden, Boston : Brill, 2018. — P. 156–173. — (Philosophia Antiqua ; 148).
- Runia D. T.* The Sources for Presocratic Philosophy // The Oxford Handbook of Presocratic Philosophy / ed. by P. Curd, D. W. Graham. — New York : Oxford University Press, 2008. — P. 27–54.
- Schibli H. S.* On "The One" in Philolaus, Fragment 7 // The Classical Quarterly. — 1996. — Vol. 46, no. 1. — P. 114–130.
- Waterhouse W.* The Discovery of the Regular Solids // Archive for History of Exact Sciences. — 1972. — Vol. 9, no. 3. — P. 212–221.
- West M. L.* Alcman and Pythagoras // The Classical Quarterly. — 1967. — Vol. 17, no. 1. — P. 1–15.

Lečić, N. D. 2024. “Neuporyadochennoye Nebo v sfere Vselenny, bezobraznyy Tartar v dodekaedre Zemli [The Disordered Sky in the Sphere of the Universe, the Ugly Tartarus in the Dodecahedron of the Earth]: ob antichnoy vizual'noy filosofeme okhvatyvaniya besporjadka poryadkom [On the Ancient Visual Philosopheme of Embracing Disorder with Order]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (3), 13–34.

NIKOLA LEČIĆ

PHD IN PHILOSOPHY
ASSISTANT PROFESSOR

HSE UNIVERSITY (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0003-0349-0108

THE DISORDERED SKY IN THE SPHERE OF THE UNIVERSE,
THE UGLY TARTARUS IN THE DODECAHEDRON OF THE EARTH
ON THE ANCIENT VISUAL PHILOSOPHEME OF EMBRACING
DISORDER WITH ORDER

Submitted: Apr. 07, 2024. Reviewed: July 22, 2024. Accepted: Aug. 26, 2024.

Abstract: The article is devoted to the description of a rare example of visual philosophizing in Antiquity, in which the axiologically perfect ordered limit of the Universe is conceived as embracing and locking within itself its less perfect, disordered and ugly internal parts. The article analyzes the testimony of Ioannes Stobaeus from the 5th or 6th century AD (44 A16 DK), probably taken from an older and more voluminous compilation by Aëtius), in which he attributes to the Early Pythagoreans a worldview, according to which the Universe has a fiery center orbited by 10 celestial bodies including the Earth, the Moon and the Sun, all of which are embraced in a “second”, greater fire. However, this picture is supplemented by the strange assertion that the Universe has a three-part vertical structure, consisting of Olympus, Cosmos and Heaven (the area under the Moon in which we live), in which perfection decreases from top to bottom. It is customary in scholarship to regard this compilation as logically impossible, and its second part as a forgery. We examine the origins and traces of the various anachronistic elements of this picture and find them in Plato, in the *Timaeus* (Ti. 55c: the dodecahedron serves as a model of the Universe, embracing its less perfect parts) and the *Phaedo* (Phaed. 108d–115a). The *Phaedo* presents a fantastic landscape in which (i) the inhabitants of the “True Earth” live in beautiful ethereal landscapes full of smooth and transparent stones, while we and the inhabitants of the sea-bed live in increasingly lower depressions, filled respectively with air and water, in which the “perfection” and beauty of things, as well as the level of knowledge of their inhabitants, progressively decrease; (ii) the rivers of the upper regions flow into disordered Tartarus, which lies deep in the center of the Earth. It is concluded that the compilation of Aëtius/Stobaeus is not just a falsification, but a valuable and, most likely, conscious last attempt to preserve the ancient early Pythagorean-Platonic scheme of embracing, by imposing on it the Neoplatonic idea of vertical axiology.

Keywords: Philolaus, Plato, Stobaeus, “Phaedo”, Sphere, Dodecahedron, Universe, Cosmos, “Real/True Earth”, Axiology.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-13-34.

REFERENCES

Afonasin, Ye. V. 2023. “‘Drugaya Zemlya’. Orficheskiy motiv nebesnogo puteshestviya v antichnoy filosofii [‘Another Earth’. The Orphic Motif of Celestial Travel in Ancient Philosophy]”

- [in Russian]. *Schole. Filosofskoye antikovedeniye i klassicheskaya traditsiya [Schole. Ancient Philosophy and the Classical Tradition]* 17 (2): 1072–1083.
- Aristotle. 1940. *O vozniknovenii zhivotnykh [On the Generation of Animals]* [in Russian]. Trans. from the Ancient Greek by V. P. Karpov. Moskva [Moscow] and Leningrad: Akademiya nauk SSSR [USSR Academy of Sciences].
- . 1976. *Metafizika [Metaphysics]* [in Russian]. In vol. 1 of *Sochineniya [Collected Works]*, ed. by V. F. Asmus, trans. from the Ancient Greek by A. V. Kubitskiy, 63–369. 4 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Barnes, J. 1982. *The Presocratic Philosophers*. London: Routledge.
- Böckh, A. 1819. *Philolaos des Pythagoreers Lehren nebst den Bruchstücken seines Werkes* [in German]. Berlin.
- Brill, S. 2009. “The Geography of Finitude: Myth and Earth in Plato’s *Phaedo*.” *International Philosophical Quarterly* 49:5–23.
- Burkert, W. 1972. *Lore and Science in Ancient Pythagoreanism*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Diels, H. 1974. *Die Fragmente der Vorsokratiker, Griechisch und Deutsch* [in German]. 17th ed. Ed. by W. Krantz. Dublin and Zürich: Weidmann.
- Guthrie, W. K. C. 1962. *A History of Greek Philosophy*. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press.
- Huffman, C. A. 1993. *Philolaus of Croton: Pythagorean and Presocratic*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kahn, C. H. 2001. *Pythagoras and the Pythagoreans: A Brief History*. Indianapolis.
- Kingsley, P. 1995. *Ancient Philosophy, Mystery, and Magic: Empedocles and Pythagorean Tradition*. Oxford: Oxford University Press.
- Lebedev, A. V., comp. 1989. *Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov [The Fragments of the Early Greek Philosophers]: ot epicheskikh teokosmogoniy do vozniknoveniya atomistiki [From the Epic Theocosmogonies to the Birth of the Atomistics]* [in Russian]. Trans. by A. V. Lebedev. Vol. 1. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Lechich, N. D. 2024. “Aksiologiya gladkogo i koryavogo [The Axiology of the Smooth and the Rugged]: interpretatsiya vizual’noy filosofemy iz ‘Fedona’ [Interpretation of the Visual Philosopheme from the ‘*Phaedo*’]” [in Russian]. *Schole. Filosofskoye antikovedeniye i klassicheskaya traditsiya [Schole. Ancient Philosophy and the Classical Tradition]* 18 (2): 860–887.
- Mansfeld, J., and D. T. Runia. 1996. *The Method and Intellectual Context of a Doxographer*. Vol. 1 of *Aëtiana*. Leiden: Brill.
- Most, G. W. 1987. “Alcman’s ‘Cosmogonic’ Fragment (Fr. 5 Page, 81 Calame).” *The Classical Quarterly. New Series* 37 (1): 1–19.
- . 2012. “Plato’s Exoteric Myths.”
- Mourelatos, A. P. D. 2008. *The Route of Parmenides*. Parmenides Pub.
- Nightingale, A. 2018. “The Aesthetics of Vision in Plato’s *Phaedo* and *Timaeus*.” In *Gaze, Vision, and Visuality in Ancient Greek Literature*, ed. by A. Kampakoglou and A. Novokhatko, 331–353. Trends in Classics—Supplementary Volumes 54. De Gruyter.
- Pender, E. E. 2012. “The Rivers of Tartarus: Plato’s Geography of Dying and Coming-Back-to-Life.” In *Plato and Myth: Studies on the Use and Status of Platonic Myths*, ed. by C. Collobert. Brill: Brill.
- Philip, J. A. 1966. *Pythagoras and Early Pythagoreanism*. Toronto: University of Toronto Press.
- Plato. 1903. *Platonis Opera*. Ed. by J. Burnet. Oxford: Oxford University Press.

- . 1994. *Timey [Timaeus]* [in Russian]. In vol. 3 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, ed. by A. F. Losev, V. F. Asmus, and A. A. Takho-Godi, trans. from the Ancient Greek by S. C. Averintsev, 421–500. 4 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Platon [Plato]. 1993. “Fedon [Phaedo]” [in Russian]. In vol. 2 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, ed. by A. F. Losev, V. F. Asmus, and A. A. Takho-Godi, trans. from the Ancient Greek by S. P. Markish, 7–80. 4 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Plotin [Plotinus]. 2004. *Tret'ya enneada [The Third Ennead]* [in Russian]. Trans. from the Ancient Greek by T. G. Sidash. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Oleg Abyshko [Oleg Abyshko Publishing House].
- Riedweg, C. 2005. *Pythagoras: His Life, Teaching, and Influence*. Ithaca: Cornell University Press.
- Rosenmeyer, T. G. 1959. “The Shape of the Earth in the ‘Phaedo’: A Rejoinder.” *Phronesis* 4 (1): 71–72.
- Royse, J. R. 2018. “The Text of Stobaeus: The Manuscripts and Wachsmuth’s Edition.” In *Papers of the Melbourne Colloquium on Ancient Doxography*, vol. 4 of *Aëtiana*, ed. by J. Mansfeld and D. Runia, 156–173. *Philosophia Antiqua* 148. Leiden and Boston: Brill.
- Runia, D. T. 2008. “The Sources for Presocratic Philosophy.” In *The Oxford Handbook of Presocratic Philosophy*, ed. by P. Curd and D. W. Graham, 27–54. New York: Oxford University Press.
- Schibli, H. S. 1996. “On ‘The One’ in Philolaus, Fragment 7.” *The Classical Quarterly* 46 (1): 114–130.
- Waterhouse, W. 1972. “The Discovery of the Regular Solids.” *Archive for History of Exact Sciences* 9 (3): 212–221.
- West, M. L. 1967. “Alcman and Pythagoras.” *The Classical Quarterly* 17 (1): 1–15.
- Zhmud', L. Ya. 2002. “Perepisyvaya doksografiyu [Revising Doxography]: German Dil's i yego kritiki [Hermann Diels and his Critics]” [in Russian]. *Istoriko-filosofskiy yezhegodnik [Historical and Philosophical Yearbook]*, 5–33.
- . 2012. *Pifagor i ranniye pifagoreytsy [Pythagoras and the Early Pythagoreans]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Universitet Dmitriya Pozharskogo [University of Dmitry Pozharsky Publishing House].

ОЛЬГА АЛИЕВА*

PSEUDOPLATONICA: БЛЕСК И НИЩЕТА СТИЛОМЕТРИИ**

Получено: 21.02.2024. Рецензировано: 17.04.2024. Принято: 22.07.2024.

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о возможности использования стилометрического метода для определения авторства диалогов, входящих в платоновский корпус. О том, что некоторые включенные в корпус диалоги не принадлежат Платону, было известно уже в античности, но исследования последних лет показывают, что вся *pseudoplatonica*, включая также не вошедшие в тетралогии *spuria*, имеет академическое происхождение. Производство диалогов в Академии продолжалось на протяжении всего периода существования школы, то есть примерно до конца эпохи эллинизма. Однако даже новейшие методы атрибуции авторства не позволяют точно установить принадлежность отдельных текстов Платону. С одной стороны, как увидел еще К. Риттер в конце XIX в., стилистическая близость к подлинным текстам не исключает подложности, и в целом методы филологической критики допускают лишь отвержение подлинности, а не ее доказательство. С другой стороны, поводом для сомнения (на уровне стилистики) могут стать отдельные обороты или слова, к которым нечувствительны количественные методы, опирающиеся на наиболее частотную лексику. Таков диалог «Алкивиад 2», для отвержения которого Г. Леджер не нашел достаточных оснований в показаниях стилометрии. Наконец, диалог может вести себя аномально при количественных сравнениях, но это само по себе не делает его подозрительным: Платон вполне способен «чревоващать» чужими голосами и свободно переключать стилистические регистры. Примером может служить диалог «Менексен» — единственная надгробная речь в корпусе, к тому же, произнесенная Сократом от лица женщины.

Ключевые слова: Платон, платоновский корпус, стилометрия, «Менексен».

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-35-56.

1

Уже в античности было известно, что далеко не все диалоги платоновского корпуса созданы рукой Платона. Такие сомнения существовали и в отношении текстов, включенных Трасиллом (или кем-то до него¹)

* Алиева Ольга Валерьевна, к. филол. н., доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), oalieva@hse.ru, ORCID: 0000-0003-1683-1928.

** © Алиева, О. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00222, <https://rscf.ru/project/24-28-00222/>.

¹ Философ Альбин (*Intr. 4*) связывает тетралогическое деление также с неким Деркиллидом, причем упоминает его до Трасилла. Это может указывать на то, что Деркиллид

в девять тетралогий, и в особенности тех, которые вошли в небольшое приложение к тетралогиям, сегодня называемое *Appendix Platonica*. Приложение включает в себя «Определения» и несколько других произведений сомнительного авторства: «Сизиф», «Аксиох», «Алкиона», «Эриксий», «Демодок», «О добродетели» и «О справедливости»². Эти диалоги, кроме двух последних, упомянуты у Диогена Лаэртца как подложные — *νοθεύμενοι*, т. е. «бастарды» (*VP* 3.62)³. Кроме того, Диоген приводит несколько названий, которых нет в *Appendix Platonica*; одно из них, Ἀκέφαλοι, букв. «безголовые», возможно, относится к двум диалогам без первого названия (по имени персонажа), а именно к «О добродетели» и «О справедливости». Анонимные «Пролегомены к платоновской философии», созданные в школе неоплатоника Олимпиодора (Westerink, 1962: XLIX), упоминают в качестве подложных (*νόθοι*) «Сизифа», «Демодока», «Алкиону», «Эриксия» и «Определения», причем «Определения» приписываются Спевсиппу (26.2–4 Westerink)⁴.

Если сочинения из *Appendix Platonica* принято обозначать (вслед за Диогеном Лаэртием) как *spuria* (букв. «внебрачные», т. е. «подложные»), то спорные тексты из состава тетралогий называют *dubia* («спорные»)⁵. Некоторые *dubia* попали под подозрение уже в античности. Элиан сомневался в авторстве «Гиппарха» (*Var. Hist.* 8.2), а Трасилл —

жил раньше; см. Usener, 1892: 211; Dörrie, 1990: 339. Порой Деркиллида связывали с кругом Аттика, ученого друга Цицерона (Brisson, 1992: 3710), однако вопрос остается спорным (Н. Tarrant, 1993: 72–76). Барнз считает издание Аттика «гениальной выдумкой» Узенера (Barnes, 1991: 126), но признает, что тетралогическое деление может быть раньше Трасилла.

²Кроме «Алкионы», эти диалоги представлены в пятом томе издания Бернета (Burnet, 1907).

³Н. Tarrant, 1993: 29–30 считает, что Трасилл мог быть не единственным источником Диогена Лаэртца в 3.48–66, а Mansfeld, 1994: 106 обращает внимание, что — в отличие от диалогов, вошедших в тетралогии — *spuria* у Диогена имеют лишь одно название (хотя в рукописях к некоторым добавляется второе). Это может указывать на отдельный источник списка *spuria*, но гораздо более вероятно, как указывают Müller, 1975: 34; Carlini, 2005: 25–27 и Aronadio, 2008: 26, что за приложение отвечает тот же Трасилл.

⁴Эту атрибуцию нельзя считать надежной (*ibid.*: 87). На раннеакадемическое происхождение значительной части коллекции указывает Ingekamp, 1967, но Бенати связывает «Определения» с периодом так называемого «среднего» платонизма ([Platone], Horoi..., 2023: 98). Диоген Лаэртций это название среди подложных сочинений Платона не упоминает, но с ним знаком грамматик псевдо-Аммоний, у которого можно встретить выражение *ὡς φησι Πλάτων ἐν Ὁροίς* (*De adf. voc. diff.* 379, ed. Nickau). Датируется кон. I — нач. II в. (Nickau, 1966: LXVI).

⁵*Spuria* и *dubia* обобщенно называют *pseudoplatonica*.

в авторстве «Соперников» (Diog. L., *VP* 9.37)⁶. «Послезаконие» приписывалось Филиппу Опунтскому (Diog. L., *VP* 3.37), а «Алкивиад 2» — Ксенофону (Athen., *Deipn.* 9.506c). Стоик Панетий, возможно, отвергал (νοθεῦσαι) диалог «Федон» (fr. 127–129 van Straaten)⁷. Прокл считал подложным (νοθεύει) «Послезаконие», а также отвергал (ἐκβάλλει) «Государство», «Законы» и письма, хотя в последнем случае речь вряд ли идет об авторстве⁸.

С другой стороны, еще до Трасилла грамматик Аристофан Византийский, организовавший корпус по трилогиям⁹, включил спорные «Минос», «Послезаконие» и письма в состав своего издания (Diog. L., *VP* 3.62), а Стобей цитирует как платоновские оба «Алкивиада», «Гиппарха», «Соперников», «Феага», «Миноса», «Клитофонта» и несколько писем. Цитаты из *spuria* («Аксиох», «Эриксий», «О справедливости», «О добродетели» и «Демодок») у Стобея также стоят под именем Платона¹⁰. Авторство «Клитофонта», «Миноса» и «Феага» в античности, насколько можно судить, не вызывало вопросов, причем «Феаг»¹¹ и «Алкивиад 1»¹², согласно свидетельству Альбина (*Introd.* 4–5), даже использовались как введения в курс платоновской философии.

Филологическая критика XIX – нач. XX в. усомнилась в авторстве значительной части корпуса: как заметил еще в 1920 г. Ганс Редер, не так много диалогов, которые никогда не были под подозрением

⁶Но Grote, 1865: 452–453, защищая подлинность «Соперников», понимает это место иначе; Peterson, 2017: 412 согласна, что фразу εἴπερ οἱ Ἀνταρσται Πλάτωνός εἰσι не обязательно понимать как сомнение.

⁷Впрочем, Joyal, 2014: 83–85 вслед за Dörrig, 1990: 322 справедливо подозревает путаницу в свидетельствах.

⁸Anon. *Proleg.* 26.6–7 Westerink: ἐκβάλλει δὲ καὶ τὰς Πολιτείας διὰ τὸ πολλοὺς εἶναι λόγους καὶ μὴ διαλογικῶς γεγράφθαι, καὶ τοὺς Νόμους δὲ διὰ τὸ αὐτό· καὶ τὰς Ἐπιστολὰς δ' ἐκβάλλει διὰ τὸ ἄπλοῦν τῆς φράσεως. Об этом загадочном высказывании см.: Baltzly et al., 2018: 6.

⁹О его издании см.: Schironi, 2005 и Hatzimichali, 2013: 6.

¹⁰Как отмечает Müller, 1975: 34, вряд ли это означало для Стобея нечто большее, чем простую принадлежность к корпусу, *pace* Oświescimski, 1979: 241. Число эксцерптов из разных диалогов посчитала Piccione, 2005: 188–189, 208–210; на основе этих данных несложно установить, что оно зависит скорее от тематики и длины диалога, чем от его попадания в тетралогии.

¹¹Согласно каталогу Ламприя, у Плутарха было сочинение Ὑπὲρ τοῦ Πλάτωνος Θεάγους. Сочинение не сохранилось, но предлог ὑπὲρ можно перевести «в защиту», поэтому высказывалось мнение, что Плутарху были известны сомнения в подлинности диалога. Однако Joyal, 1993 показывает неудовлетворительность такой трактовки. Подложным диалог объявлен лишь в XIX в., и уже у Шлейермахера нет в этом никаких сомнений (Schleiermacher, Dobson, 1836: 321).

¹²Подробнее о реценции «Алкивиада 1» в античности см.: Renaud & Tarrant, 2015.

(Raeder, 1905: 20). В качестве крайностей, хотя и вполне показательных, можно упомянуть работы Фридриха Аста, который признавал безусловно подлинными лишь четырнадцать диалогов (Ast, 1816: 376)¹³, и Карла Шааршмидта, уменьшившего этот список до девяти (Schaarschmidt, 1866: 5). Более умеренной можно считать позицию Константина Риттера (Ritter, 1910: 199), считавшего подложной всю четвертую тетралогию (это оба «Алкивиада», «Гиппарх» и «Соперники»), «Феага» в пятой, «Гиппия Большого» в седьмой, «Клитофонта» в восьмой, а также «Миноса» и «Послезаконие» и почти все письма в девятой¹⁴. Время от времени список спорных диалогов пополняют — и покидают его — и другие названия, например, «Критий»¹⁵.

Долгое время считалось, что в состав *dubia* и *spuria* попадали в основном случайные — и потому ничтожные — тексты, приписанные Платону в результате сознательного подлога или ошибки библиотекарей¹⁶. В силу этого подобные «апокрифы» не только не привлекали большого интереса со стороны исследователей, но и зачастую вызывали — как это можно видеть у Шлейермахера — довольно злобные и пренебрежительные комментарии¹⁷. Определенный перелом в отношении *pseudoplatonica* ознаменовался выходом фундаментального исследования Карла Мюллера, в котором тот впервые предложил «беспристрастно изучить эти сочинения без необходимости постоянно сравнивать их с Платоном и доказывать, что они недостойны его» (Müller, 1975: 11).

Сегодня в основном признается, что и *spuria*, и *dubia* производились внутри Академии, хотя и в разное время, и потому вошли в состав коллекции¹⁸. К. Мюллер (*ibid.*: 22–27, 35) подчеркивает, что диалоги из *Appendix Platonica* присутствовали в том издании (несомненно,

¹³Heidel, 1896: 5: «Ast's procedure well illustrates the dangers of a want of sober method».

¹⁴О состоянии вопроса вокруг писем см.: Forcignanò & Martinelli Tempesta, 2023.

¹⁵Rashed & Auffret, 2017 и критика у Н. Tarrant, 2019. «Критий» очевидно не был закончен.

¹⁶См., напр.: Stallbaum, 1841: 33–34, Alline, 1915: 35, Chevalier, 1915: 13, Souilhé, 1930: IX и др. Дальнейшие ссылки у Müller, 1975: 12–16, который замечает, что подделка литературных текстов является делом весьма трудоемким и малоприбыльным. По этой причине страсть к наживе не может быть основной причиной появления спорных текстов в корпусе.

¹⁷Об этом см.: Müller, 1975: 10.

¹⁸Carlini, 1962: 62 и Agonadio, 2008: 31. Это производство продолжалось более или менее до конца эллинистической эпохи, то есть все то время, что Академия существовала как школа (Donato, 2020: 209). Однако Бриссон по-прежнему настаивает на внеакадемическом происхождении для многих спорных и подложных текстов (Écrits attribués à Platon, 2014).

академического происхождения), которым пользовался Трасилл. Ну-мерологические соображения самого Трасилла должны были привести к появлению «лишних» текстов, которые, тем не менее, все же не могли быть совсем отброшены.

Совершенно исключено, чтобы диалоги из *Appendix* были добавлены после тетралогического издания... Группа «неподлинных» текстов могла возникнуть только как часть полного собрания сочинений, доступных на момент издания; после того, как перечень предположительно подлинных текстов был окончательно защищен от утраты и расширения при помощи тетралогической организации, не оставалось никаких поводов пополнять собранные в Приложении *νοθεύμενοι* (Müller, 1975: 36).

Именно по этой причине маловероятно, что два диалога, которые не упоминает Диоген («О добродетели» и «О справедливости») — это позднейшее добавление; скорее, они приводятся у Диогена под именем Ἀκέφαλοι, как уже было сказано выше. Возможно, как полагает Мюллер (ibid.: 40), к «безголовым» относятся также три безымянных диалога, пристегнутые к «Демодоку 1» (для удобства их принято называть «Демодок 2–4»). Единственным исключением являются «Определения», о которых Диоген либо не знает, либо забывает их упомянуть — но это не диалог. Таким образом, как емко сформулировал Бикель, «was im Tetr(alogien)-Korpus nicht gut platonisch ist, ist gut akademisch» (Bickel, 1943: 95). Эта характеристика применима и к *Appendix Platonica* (Müller, 1975: 43).

Из этого следует два важных вывода. Во-первых, диалоги из числа *pseudoplatonica* являются важными свидетельствами о тех периодах в истории Академии, которые очень плохо задокументированы в наших источниках, позволяя лучше понять особенности межшкольной и внутришкольной полемики, образовательной практики и, конечно, самой философской жизни и философской мысли, как они понимались наследниками Платона. Создание Σωκратικοί λόγοι в кругу учеников и последователей Платона было своего рода жанровой конвенцией, и потому является фальсификацией не более, чем это можно сказать о сократических диалогах самого основателя Академии¹⁹.

¹⁹Имя Сократа встречается не во всех *spuria*, но сократическая манера ведения беседы, знакомая по подлинным текстам, хорошо узнается. В целом, о литературной форме и образе Сократа в этих диалогах см.: Joyal, 2019; D. Tarrant, 1938 и Jażdżewska, 2022: 126–163.

Во-вторых, нет оснований пренебрегать группой *spuria* как даже более подозрительной, чем *dubia*. Критикуя подобное отношение, польский исследователь Стефан Освенцимский подчеркивал, что характеристика диалогов из *Appendix Platonica* как *vóthoi* у Диогена не означает, что эти тексты заведомо менее качественны с философской или литературной точки зрения (Oświecimski, 1978). Как мы видели, тот же Трасилл включил в тетралогии диалог «Соперники», хотя, возможно, не считал его *γνήσιος* (Diog. L., *VP* 3.57). Как заключает М. Джоял, различие между *γνήσιος* и *vóthoi* не может сводиться лишь к суждению об авторстве (Joyal, 2014: 88).

Признание того, что вся *pseudoplatonica* имеет академическое происхождение, ставит перед исследователями новые вопросы. Как минимум, мы не можем заведомо исключать того, что некоторые *dubia* и *spuria* содержат — полностью или частично — платоновские материалы, что и раньше предполагалось в отношении отдельных диалогов, например «Миноса». По мнению Г. Морроу (Morrow, 1960: 35–39), «Минос» мог быть написан как введение к одной из редакций «Законов»: о том, что «Законы» на каком-то этапе создания были сократическим диалогом, косвенно свидетельствует Аристотель в *Pol.* 1265a11 (οἱ τοῦ Σωκράτους λόγοι)²⁰. В связи с этим встает вопрос о том, в какой мере для установления или опровержения подлинности могут служить количественные методы анализа текста²¹.

2

Основные свидетельства в пользу и против подлинности были собраны уже Ибервегом (Ueberweg, 1861: 130–201)²², и исследователи долгое время не усматривали необходимости в количественном решении вопроса об авторстве входящих в платоновский корпус текстов. Так, Вильгельм Диттенбергер (Dittenberger, 1881: 322 ann. 1), Ганс фон Арним (Arnim, 1896: 5), и Винценты Лютославски (Lutosławski, 1897: 145) прямо говорят о том, что подложные диалоги их не интересуют, в других работах *dubia* и *spuria* часто опускаются безо всяких пояснений.

Начиная с исследования Льюиса Кэмпбелла (Campbell, 1867), который был первопроходцем в этой отрасли, исследователи Платона

²⁰Подлинность «Миноса» признают также Cobb, 1988 и Mulroy, 2007.

²¹Обзорно о традиционных методах датировки *pseudoplatonica* см.: Алиева, 2024b.

²²Добавим, что Ueberweg, 1861: 184, вполне в духе времени, отвергает подлинность «Парменида».

чаще прибегали к количественным методам для построения сравнительной хронологии диалогов. Разумеется, стилометрический анализ и в этой области никогда не был единственным инструментом: учитывались сторонние свидетельства, анахронизмы, перекрестные ссылки и философское содержание диалогов²³. Тем не менее, приняв в качестве ориентира свидетельство Аристотеля о том, что «Законы» позже «Государства» (*Pol.* 1264b26), ученые надеялись выделить некоторые закономерности в развитии стиля Платона и тем самым упорядочить диалоги в определенной последовательности.

Сам Кэмпбелл обратил внимание на то, что в «Теэтете» (в меньшей степени) и в «Софисте», «Политике», «Филебе», «Законах», «Тимее» и «Критии» (в большей степени) появляется техническая терминология, почти незаметная в остальных текстах платоновского корпуса. Кроме того, в этой группе, которую он определил как позднюю, заметно возрастает число редких поэтизмов и так называемых гапаксов (греч. ἄσπετος λεγόμενα «единожды сказанное»), то есть слов, которые встречаются один раз. Дальнейшие исследования подтвердили выводы Кэмпбелла относительно поздней группы. Так, в 1874 г. Фридрих Бласс заметил, что в поздних диалогах Платон начинает избегать зияния (то есть встречи гласных, которая считалась у греков неблагозвучной); независимо от шотландского исследователя он приходит к тому же заключению: «Софист», «Политик», «Филеб», «Тимей» и «Критий» вместе с «Законами» относятся к поздней группе (Blass, 1874: 426). К похожему заключению пришел и Диттенбергер, изучая частотность некоторых частиц (Dittenberger, 1881). После него в текстах Платона были подсчитаны вопросо-ответные формулы, наречные выражения, различные типы клаузул и многое другое, а польский исследователь Винценты Лютославский обобщил достигнутые к концу XIX в. результаты (Lutosławski, 1897).

Таким образом, основные выводы в области сравнительной хронологии платоновских текстов были сделаны еще до появления вычислительных машин и машиночитаемых корпусов²⁴. В 1975 г. У. К. Ч. Гатри в своей «Истории греческой философии» писал о том, что «общепризнанный успех» стилометрического метода состоял в разделении диалогов на три последовательные группы (ранние, средние и поздние диалоги). Этот метод, по мнению Гатри, «несомненно, доказал свою

²³Обзорно см.: Nails, 2012.

²⁴Историю этого развития см. у Brandwood, 1990.

состоятельность» (Guthrie, 1975: 51). В 1992 г. статья Леонарда Брэндува в *The Cambridge Companion to Plato* подвела оптимистичный итог старым и новым исследованиям: диалоги не только разделились на три группы, но и выстроились в предположительном хронологическом порядке (Brandwood, 1992)²⁵.

Вместе с тем само представление о том, что на основании стилистических признаков диалоги делятся на раннюю, среднюю и позднюю группу, послужило источником нового — по сравнению с традиционной историко-филологической критикой — критерия подложности. Его сформулировал Константин Риттер: подложными можно считать те диалоги, в которых либо перемешаны признаки разных временных групп, либо «раннее» содержание и форма сочетаются с «поздним» стилем (Ritter, 1888: 81). Однако по итогам достаточно подробного рассмотрения диалогов из *Appendix Platonica* Риттер приходит к выводу, что оба критерия могут иметь лишь вспомогательный характер. Так, на основании признаков, которые служат у него для датировки²⁶, невозможно атетировать «Сизифа», «О добродетели» и «О справедливости»; если бы подражатели приложили чуть больше усилий, мы бы не могли заподозрить эти диалоги (ibid.: 81–87). Из этого он делает вывод о том, что *стилистическая близость к подлинным текстам еще не исключает подложности*. Сто лет спустя к тому же заключению пришел Герард Леджер: если допустить, например, что «Гипсий Большой» написан не Платоном, а каким-то другим неизвестным автором, то у нас нет других текстов этого автора, чтобы провести сравнение, и сколь-нибудь успешная подделка окажется ближе к Платону, чем к любому другому

²⁵Здесь мы не будем подробно говорить о — во многом заслуженной — критике этой и подобных моделей. См., напр.: Keyser, 1991; 1992; Nails, 1992; Young, 1994. В вышедшей в 1995 г. книге Дебра Нейлз подвергла сомнению саму перспективность подобного подхода (Nails, 1995). Нейлз указывала на то, что за пределами согласия относительно состава «поздней» группы никакого консенсуса по поводу порядка диалогов не наблюдается и что все стилометрическое предприятие покоится на нескольких невыраженных посылах. Среди них наиболее уязвимая посылка заключается в том, что стиль Платона развивался со временем, причем развивался линейно. Если предположить, что использование тех или иных частиц или число знаний подчиняются случайным колебаниям или, что более вероятно, требованиям литературной стилизации, то многие из количественных построений оказываются под угрозой. Так же Waterfield, 1980 и Robinson, 1992. Впрочем, при общем скептицизме относительно возможностей количественной датировки текстов деление диалогов на три группы принимается почти повсеместно (Irwin, 2008), часто с оговоркой, что лишь «поздняя» группа выделяется сколько-нибудь надежно (Cooper, 1997: XIV).

²⁶О них см.: Ritter, 1888: 55–86.

автору (Ledger, 1989: 101). В этой связи уместно вспомнить слова Пауля Фридлендера, который как-то возразил Виламовицу: «Невозможно доказать, что Платон написал „Пир“» (Chambers, 1996: 220). По умолчанию традиция достоверна, а бремя доказательства лежит на том, кто ее отвергает: «*quivis praesumitur genuinus liber, donec demonstretur contrarium*» (Voeckh et al., 1886: 240)²⁷.

Но, возможно, как раз с отвержением авторства стилометрия может помочь? Мы могли бы предположить, что значительное отличие диалога от других текстов корпуса может служить признаком его подложности. Разумеется, речь не идет о единственной критерии: согласно требованиям филологической критики, отвержение авторства должно быть основано на данных рукописной традиции, свидетельствах современников, соответствии бытовых и исторических реалий времени жизни автора, а также на соответствии идей, тем и жанров тому, что известно по подлинным сочинениям автора (Blass, 1892: 289–295). Стилистические и языковые особенности — лишь один, не главный и не единственный, инструмент исследователя, а из этих особенностей лишь некоторые могут быть описаны количественно. Однако и здесь стилометрический метод сталкивается с рядом ограничений.

Во-первых, для отвержения подлинности филологам бывает достаточно нескольких оборотов или слов, но эти обороты могут *не сильно влиять на общую статистику*. Количественные методы атрибуции авторства, как правило, учитывают встречаемость наиболее частотных слов в корпусе — в противном случае на результатах классификации начинает отражаться тематика²⁸. Но «аномалии» *dubia* и *spuria* — если оставить за скобками другие критерии и сосредоточиться только на стилистике — зачастую проявляются на уровне выбора отдельных слов и выражений, выдающихся, например, эллинистическое происхождение диалога. В качестве примера возьмем диалог из числа *dubia*, а именно «Алкивиад 2». Как было сказано, уже в античности были сомнения, что диалог платоновский: Афиней приписывал его Ксенофону. Сегодня в качестве возможного контекста создания этого текста предлагается Академия времен Аркесилая²⁹ или даже более ранний период³⁰. На то,

²⁷ «Всякая книга признается подлинной, пока не доказано обратное» (лат.).

²⁸ Об подобных методах применительно к древнегреческому материалу см.: Алиева, 2022; 2024а.

²⁹ Так Bickel, 1904 и Carlini, 1962.

³⁰ Так Н. Tarrant, 2023: 162 и Neuhausen, 2010: 242. Точная дата начала схолярхата Аркесилая неизвестна, см. Müller, 1975: 251 анм. 2.

что текст создан в период эллинизма, указывают небольшие лексические особенности, такие как использование οὐθέν вместо οὐδέν³¹. Однако стилометрический анализ не дает надежных оснований для отвержения диалога (Ledger, 1989: 167–168): количественные методы оказываются дырявым неводом там, где улов достигается простой удочкой³².

Во-вторых, диалог может вести себя аномально при количественных сравнениях, но это *само по себе еще не делает его подозрительным*. Весьма поучительна история попеременного отвержения и принятия диалога «Менексен». В недавнем масштабном исследовании Т. Кентгеса (Koentges, 2020) «Менексен» ведет себя аномально, и Кентгес его атетирует. Однако для этой аномальности есть жанровое объяснение: «Менексен» — это единственная надгробная речь в корпусе, к тому же, произнесенная Сократом от лица женщины. На то, что Платон вполне способен «чревоуещать» чужими голосами и свободно переключать стилистические регистры, в литературе указывалось неоднократно³³. Противникам подлинности достаточно сложно объяснить две очевидные отсылки к «Менексену» (235d) у Аристотеля (*Rhet.* 1367b8–9, 1415b31: Σωκράτης ἐν τῷ ἐπιτάφιῳ), и они вынуждены подставлять костыль в виде ссылки на «исторического Сократа». На наш взгляд, Леджер поступает гораздо более благоразумно, предпочитая именно в случае с «Менексеном» игнорировать результаты количественного анализа (Ledger, 1989: 163).

Сказанное не означает, что стилометрия не должна привлекаться для решения вопросов об авторстве отдельных *pseudoplatonica*. Однако здесь, как и во многих других областях, статистические методы и цифровые инструменты, даже самые продвинутые³⁴, не заменяют профессиональной компетенции, а их применение требует большой осмотрительности. Как пишет польский исследователь Мацей Эдер (один из разработчиков пакета Stylo для стилометрического анализа на языке R), всякий текст — это «многослойный феномен», то есть на количественных результатах неизбежно сказывается не только авторство, но и, например,

³¹Neuhausen, 2010: 243 и Н. Tarrant, 2023: 132. В некоторых рукописях οὐδέν представляет собой исправление.

³²Как показал Таррант (*ibid.*: 194), этот диалог ближе всего к подложному «Эриксию» — но те же самые измерения сближают «Алкиону» с поздними «Законами». При этом «Алкиона», как было уже многократно показано в литературе, находится где-то на периферии Платоновского корпуса (Müller, 1975: 286–290, 301–315).

³³См., напр.: Н. Tarrant, 2013 и Sansone, 2018.

³⁴Нейросети для классификации диалогов, в том числе «Менексена», привлекает Petru, 2021: 55, но ему лишь удается подтвердить стилистическую «аномальность» речи Аспазии.

дата создания текста, его жанр, тематика, система персонажей и многое другое (Eder, 2017: 53).

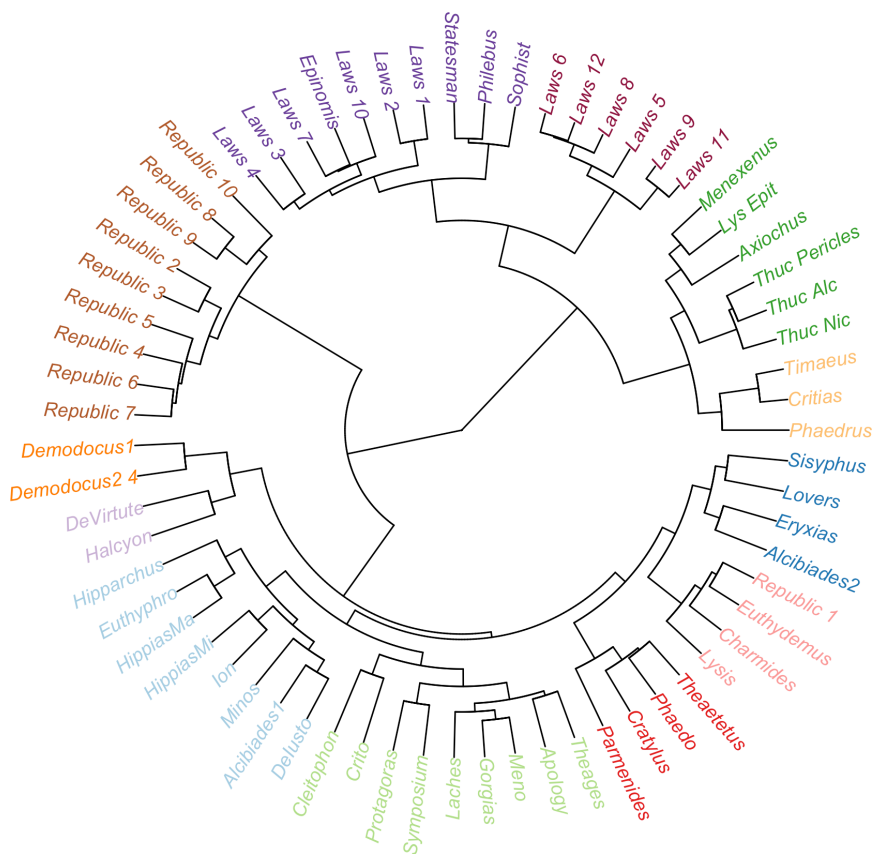

Рис. 1. Кластеризация с использованием «вюрцбургской Дельты» и 200 наиболее частотных слов

Различные технические инструменты, позволяющие учесть эту многомерность, мы рассмотрим в другой раз, но в случае с «Менексеом» показать влияние жанра можно и на обычной дендрограмме, если добавить к диалогам платоновского корпуса несколько «самозванцев», в том числе знаменитую речь Перикла из «Истории» Фукидида и «Надгробную речь» Лисия (спорного авторства). Хотя Платон нигде открыто

не ссылается на Фукидида, сегодня в основном признается, что текст «Истории» был ему знаком. По мнению Ч. Кана, в «Менексене» Платон вступает в скрытую полемику с Фукидидом, и именно поэтому его Сократ приписывает свою речь Аспазии (Kahn, 1963). В диалоге Сократ сообщает удивленному Менексену, что Аспазия была подлинной составительницей речи Перикла, а позже «склеила» кое-какие «остатки» от нее (*Menex.*, 236b). Результаты автоматической кластеризации представлены на рис. 1.

И Лисий, и отрывки из Фукидида оказываются ближайшими соседями «Менексена», что объясняется отчасти жанром, а отчасти — сознательным подражанием. Надо сказать, что и Кентгес сравнивал диалоги Платона со всем доступным корпусом древнегреческой литературы, но рассматривал «Историю» как единый текст. Некоторые его измерения даже помещают Фукидида рядом с «Менексеном»³⁵, хотя это соседство неустойчиво из-за присутствия другой исторической прозы. Вырезав вручную из «Истории» речи Перикла, Никия и Алкивиада³⁶, мы убедились в том, что «аномалии» диалога имеют вполне понятную стилистическую природу. Необычность диалога, если рассматривать ее на релевантном литературном фоне, получает свое объяснение. Поскольку других причин для отвержения текста у нас нет, мы должны признать его подлинность: *quivis praesumitur genuinus liber, donec demonstretur contrarium*. Таким образом, относительно «Менексена» мы можем согласиться с Д. Сансоне (Sansone, 2020: 13), который также не принял выводы Кентгеса.

ЛИТЕРАТУРА

- Алиева О. В. Delta Берроуза для древнегреческих авторов: опыт применения // Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция. — 2022. — Т. 16, № 2. — С. 693–705.
- Алиева О. В. Меры расстояния для определения авторства древнегреческих текстов // Цифровые гуманитарные исследования. — 2024а. — Т. 1. — В печати.
- Алиева О. В. Новая количественная модель Платоновского корпуса 1 : Pseudoplatonica: проблемы происхождения и датировки // Платоновские исследования. — 2024б. — Т. 20. — С. 11–39.

³⁵Косинусное сходство: <https://github.com/ThomasK81/PlatoStylometricAnalysis/blob/master/plots/MFW200Cosine.png>.

³⁶При этом мы ориентировались на работы Sansone, 2018 и Tompkins, 1972.

- [Platone], Horoi : Saggio introduttivo, edizione critica, traduzione e commento / a cura di E. Benati. — Baden-Baden : Academia Verlag, 2023.
- Alline H.* Histoire du texte de Platon. — Paris : Librairie ancienne Hororé Champion, 1915.
- Arnim H. von.* De Platonis dialogis quaestiones chronologicae. — [Rostock] : Typis academicis Adlerianis, 1896.
- Aronadio F.* Dialoghi spuri di Platone. — Torino : Unione tipografico, Editrice Torinese, 2008.
- Ast F.* Platon's Leben und Schriften. — Leipzig : Weidmannsche Buchhandlung, 1816.
- Baltzly D., Miles G., Finamore J. F.* General Introduction // Proclus : Commentary on Plato's Republic. Vol. 1. — Cambridge : Cambridge University Press, 2018. — P. 1–34.
- Barnes J.* The Hellenistic Platos // *Apeiron*. — 1991. — Vol. 24, no. 2. — P. 115–128.
- Bickel E.* Ein Dialog aus der Akademie des Arkesilaos // *Archiv für Geschichte der Philosophie*. — 1904. — Jg. 17. — S. 460–479.
- Bickel E.* Das Platonische Schriftenkorpus der 9 Tetralogien und die Interpolation im Platontext zu Phaidon 68 A // *Rheinisches Museum für Philologie*. — 1943. — Jg. 92. — S. 94–96.
- Blass F. W.* Attische Beredsamkeit : Isokrates und Isaios. — Leipzig : Teubner, 1874.
- Blass F. W.* Hermeneutik und Kritik // *Handbuch der klassischen Altertums-Wissenschaft in systematischer Darstellung mit besonderer Rücksicht auf Geschichte und Methodik der einzelnen Disziplinen*. Bd. 1. Einleitende und Hilfs-Disziplinen / hrsg. von I. von Müller. — 2. Aufl. — München : C. H. Beck, 1892. — S. 149–295.
- Boeckh A., Bratuscheck E., Klussmann R.* Encyklopädie und Methodologie der philologischen Wissenschaften. — Leipzig : B. G. Teubner, 1886.
- Brandwood L.* The Chronology of Plato's Dialogues. — Cambridge : Cambridge University Press, 1990.
- Brandwood L.* Stylometry and Chronology // *The Cambridge Companion to Plato* / ed. by R. Kraut. — Cambridge : Cambridge University Press, 1992. — P. 90–120.
- Brisson L.* Diogène Laërce, Vies et doctrines des philosophes illustres, livre III : structure et contenu // *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt*. Bd. 36.5. Teil II. Principat. — Berlin : De Gruyter, 1992. — S. 3619–3760.
- Burnet J.* Platonis Opera. Vol. 5. — Oxford : Clarendon Press, 1907.
- Campbell L.* The Sophistes and Politicus of Plato, with a Revised Text and English Notes. — Oxford : Clarendon, 1867.
- Carlini A.* Alcuni dialoghi pseudoplatonici e l'Accademia di Arcesilao // *Annali della Scuola normale superiore di Pisa. Lettere, Storia e Filosofia*. — 1962. — Vol. 31. — P. 33–63.
- Carlini A.* Alcune considerazioni sulla tradizione testuale degli scritti pseudoplatonici // *Pseudoplatonica. Akten des Kongresses zu den Pseudoplatonica vom 6.–9. Juli 2003 im Bamberg* / hrsg. von K. Döring, M. Erler, S. Schorn. — Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 2005. — S. 25–36.

- Chambers M.* The Athenaion Politeia After a Century // Transitions to Empire. Essays in Greco-Roman History, 360–140 B. C., in Honor of E. Badian / ed. by R. Wallace, E. Harris. — Norman, London : University of Oklahoma Press, 1996. — P. 211–225.
- Chevalier J.* Étude critique du dialogue pseudo-platonicien l’Axiochos. — Paris : Félix Alcan, 1915.
- Cobb W. S.* Plato’s Minos // Ancient Philosophy. — 1988. — Vol. 8, no. 2. — P. 187–207.
- Cooper J. M.* Introduction // Plato : Complete Works / ed. by J. M. Cooper. — Indianapolis : Hackett Publishing, 1997. — P. vii–xxvi.
- Dittenberger W.* Sprachliche Kriterien für die Chronologie der platonischen Dialoge // Hermes. — 1881. — Jg. 16. — S. 321–345.
- Donato M.* Reshaping Socrates’ Authority in the Pseudoplatonica // Defining Authorship, Debating Authenticity / ed. by R. Berardi, M. Filosa, D. Massimo. — Berlin : De Gruyter, 2020. — P. 205–222.
- Dörrie H.* Der Platonismus in Der Antike : Grundlagen—System—Entwicklung. Bd. 2. Der Hellenistische Rahmen Des Kaiserzeitlichen Platonismus. Bausteine 36–72. — Stuttgart-Bad Cannstatt : Fromman-Holzboog, 1990.
- Écrits attribués à Platon / sous la dir. de L. Brisson. — Paris : Flammarion, 2014.
- Eder M.* Visualization in Stylometry : Cluster Analysis Using Networks // Digital Scholarship in the Humanities. — 2017. — Vol. 32, no. 1. — P. 50–64.
- Forcignanò F., Martinelli Tempesta S.* Comparing Corpora, Rethinking Authenticity : Why Are Platonic Letters “Platonic”? // The Making of the Platonic Corpus / ed. by O. Alieva, D. Nails, H. Tarrant. — Paderborn : Brill, 2023. — P. 203–211.
- Grote G.* Plato and Other Companions of Socrates. Vol. 1. — London : John Murray, 1865.
- Guthrie W. K. C.* A History of Greek Philosophy. Vol. 4. Plato, the Man and His Dialogues, Earlier Period. — Cambridge : Cambridge University Press, 1975.
- Hatzimichali M.* The Texts of Plato and Aristotle in the First Century BC // Aristotle, Plato and Pythagoreanism in the First Century BC : New Directions for Philosophy / M. Schofield. — Cambridge : Cambridge University Press, 2013. — P. 1–27.
- Heidel W. A.* Pseudo-Platonica. — Baltimore : Friedenwald Company, 1896.
- Ingekamp H. G.* Untersuchungen zu den Pseudoplatonischen Definitionen. — Wiesbaden : Harrassowitz, 1967.
- Irwin T. H.* The Platonic Corpus // The Oxford Handbook of Plato / G. Fine. — Oxford : Oxford University Press, 2008. — P. 63–87.
- Jażdżewska K.* Greek Dialogue in Antiquity : Post-Platonic Transformations. — Oxford : Oxford University Press, 2022.
- Joyal M.* A Lost Plutarchean Philosophical Work // Philologus. — 1993. — Vol. 137, no. 1. — P. 92–103.

- Joyal M.* “Genuine” and “Bastard” Dialogues in the Platonic Corpus : An Inquiry into the Origins and Meaning of a Concept // *Fakes and Forgers of Classical Literature* / ed. by J. Martínez. — Leiden : Brill, 2014. — P. 73–93.
- Joyal M.* What Is Socratic about the Pseudo-Platonica? // *Brill’s Companion to the Reception of Socrates* / ed. by C. Moore. — Leiden : Brill, 2019. — P. 211–236.
- Kahn C.* Plato’s Funeral Oration : The Motive of the Menexenus // *Classical Philology*. — 1963. — Vol. 58, no. 4. — P. 220–234.
- Keyser P.* Review of: Gerard R. Ledger, *Re-Counting Plato: A Computer Analysis of Plato’s Style*. Oxford: Clarendon Press, 1989 / *Bryn Mawr Classical Review*. — 1991. — URL: <https://bmcbr.brynmawr.edu/1991/1991.07.03>.
- Keyser P.* Review of: Leonard Brandwood. *Stylometric Method and the Chronology of Plato’s Works*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990 / *Bryn Mawr Classical Review*. — 1992. — URL: <https://bmcbr.brynmawr.edu/1992/1992.01.12>.
- Koentges T.* The Un-Platonic Menexenus : A Stylometric Analysis with More Data // *Greek, Roman, and Byzantine Studies*. — 2020. — Vol. 60, no. 2. — P. 211–241.
- Ledger G. R.* *Re-Counting Plato : A Computer Analysis of Plato’s Style*. — Oxford : Clarendon Press, 1989.
- Lutosławski W.* *The Origin and Growth of Plato’s Logic : With an Account of Plato’s Style and of the Chronology of His Writings*. — London : Longmans, Green & Co, 1897.
- Mansfeld J.* *Prolegomena : Questions to be Settled Before the Study of an Author or a Text*. — Leiden : Brill, 1994.
- Morrow G. R.* *Plato’s Cretan City : A Historical Interpretation of the Laws*. — Princeton : Princeton University Press, 1960.
- Müller C. W.* *Die Kurzdialoge der Appendix Platonica : Philologische Beiträge zur nachplatonischen Sokratik*. — München : W. Fink Verlag, 1975.
- Mulroy D.* The Subtle Artistry of the “Minos” and the “Hipparchus” // *Transactions of the American Philological Association*. — 2007. — Vol. 137, no. 1. — P. 115–131.
- Nails D.* Review of: Ledger, *Re-Counting Plato and Thesleff, Studies in Platonic Chronology* / *Bryn Mawr Classical Review*. — 1992. — URL: <https://bmcbr.brynmawr.edu/1992/1992.04.17>.
- Nails D.* *Agora, Academy, and the Conduct of Philosophy*. — Dordrecht : Kluwer Academic Publishers, 1995.
- Nails D.* *Compositional Chronology // The Continuum Companion to Plato* / ed. by G. A. Press. — London : Continuum International Publishing Group, 2012. — P. 289–292.
- Neuhausen H.* *Der Zweite Alkibiades : Untersuchungen zu einem pseudoplatonischen Dialog*. — Berlin : de Gruyter, 2010.
- Nickau K.* *Ammonius : De adfinium vocabulorum differentia*. — Lipsiae : Teubner, 1966.
- Oświecimski S.* The Enigmatic Character of Some of Plato’s Apocrypha // *Eos. Commentarii Societatis Philologiae Polonorum*. — 1978. — Vol. 66, no. 1. — P. 31–40.

- Oświecimski S.* The Ancient Testimonies in the Face of The Platonic Apocrypha // *Eos. Commentarii Societatis Philologae Polonorum.* — 1979. — Vol. 67, no. 2. — P. 233–255.
- Perry J. B.* Examining the Authenticity of Plato's Epistle VII through Deep Learning. Bachelor's Thesis, Harvard College / Digital Access to Scholarship at Harvard. — 2021. — URL: <https://dash.harvard.edu/handle/1/37368526>.
- Peterson S.* Notes on Lovers // *Socrates and the Socratic Dialogue* / ed. by A. Stavru, Moore, Ch. — Leiden : Brill, 2017. — P. 412–431.
- Piccione R. M.* Gli pseudoplatonici nella tradizione dei florilegi // *Pseudoplatonica. Akten des Kongresses zu den Pseudoplatonica vom 6.–9. Juli 2003 im Bamberg* / hrsg. von K. Döring, M. Erler, S. Schorn. — Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 2005. — S. 185–212.
- Raeder H.* Platons Philosophische Entwicklung. — Leipzig : Teubner, 1905.
- Rashed M., Auffret Th.* On the Inauthenticity of the Critias // *Phronesis.* — 2017. — Vol. 62, no. 3. — P. 237–254.
- Renaud F., Tarrant H.* The Platonic Alcibiades 1 : The Dialogue and Its Ancient Reception. — Cambridge : Cambridge University Press, 2015.
- Ritter C.* Untersuchungen über Plato : Die Echtheit und Chronologie der platonischen Schriften. — Stuttgart : W. Kohlhammer, 1888.
- Ritter C.* Platon : sein Leben, seine Schriften, seine Lehre. Bd. 1. — München : C. H. Beck, 1910.
- Robinson T. M.* Plato and the Computer // *Ancient Philosophy.* — 1992. — Vol. 12, no. 2. — P. 375–382.
- Sansone D.* Stylistic Characterization in Plato : Nicias, Alcibiades, and Laches // *Greek, Roman, and Byzantine Studies.* — 2018. — Vol. 58, no. 2. — P. 156–176.
- Sansone D.* Plato, Menexenus. — Cambridge : Cambridge University Press, 2020.
- Schaarschmidt C.* Die Sammlung der Platonischen Schriften zur Scheidung der echten von den unechten. — Bonn : A. Marcus, 1866.
- Schironi F.* Plato at Alexandria : Aristophanes, Aristarchus, and the “Philological Tradition” of a Philosopher // *The Classical Quarterly (New Series).* — 2005. — Vol. 55, no. 2. — P. 423–434.
- Schleiermacher F.* Introductions to the Dialogues of Plato / trans. from the German by W. Dobson. — Cambridge : J. & J. J. Deighton, 1836.
- Souilhé J.* Platon : Oeuvres Complète. T. VIII. Partie 2. Dialogues Suspects. Second Alcibiade, Hipparque, Minos, Les Rivaux, Théagès, Clitophon. — Paris : Belles Lettres, 1930.
- Stallbaum G.* De dialogis nuper Simoni Socratico adscriptis commentatio. — Lipsiae : Officina Staritzii, 1841.
- Tarrant D.* The Pseudo-Platonic Socrates // *The Classical Quarterly.* — 1938. — Vol. 32, no. 3/4. — P. 167–173.
- Tarrant H.* Thrasyllan Platonism. — Ithaca : Cornell University Press, 1993.

- Tarrant H.* Stylistic Difference in the Speeches of the Symposium // Plato in Symposium : Selected Papers from the Tenth Symposium Platonicum / ed. by M. Tulli, M. Erler. — Sankt Augustin : Academia Verlag, 2013. — P. 84–90.
- Tarrant H.* On Hastily Declaring Platonic Dialogues Spurious : The Case of Critias // Méthexis. — 2019. — Vol. 31, no. 1. — P. 47–66.
- Tarrant H.* The Second Alcibiades : A Platonist Dialogue on Prayer and on Ignorance. — Las Vegas : Parmenides Publishing, 2023.
- Tompkins D. P.* Stylistic Characterization in Thucydides : Nicias and Alcibiades // Yale Classical Studies. — 1972. — Vol. 22. — P. 181–214.
- Ueberweg F.* Untersuchungen über die Echtheit und Zeitfolge platonischer Schriften und über die Hauptmomente aus Plato's Leben. — Wien : C. Gerold's Sohn, 1861.
- Usener H.* Unser Platontext // Nachrichten von der Königl. Gesellsch. der Wissenschaften und der Georg-Augusts-Universität zu Göttingen, Phil.-Hist. Klasse. — 1892. — S. 25–50, 181–215.
- Waterfield R. A. H.* The Place of the Philebus in Plato's Dialogues // Phronesis. — 1980. — Vol. 25, no. 3. — P. 270–305.
- Westerink L. G.* Anonymous Prolegomena to Platonic Philosophy : Introduction, Text, Translation and Indices. — Amsterdam : North-Holland Publishing Company, 1962.
- Young C. M.* Plato and Computer Dating : A Discussion of Gerard R. Ledger, Re-counting Plato: A Computer Analysis of Plato's Style, and Leonard Brandwood, The Chronology of Plato's Dialogues // Oxford Studies in Ancient Philosophy. — 1994. — Vol. 12. — P. 227–250.

Alieva, O. V. 2024. "Pseudoplatonica: blek i nishcheta stilometrii [Pseudoplatonica: Splendors and Miseries of Stylometry]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (3), 35–56.

OLGA ALIEVA
PHD IN PHILOLOGY
ASSISTANT PROFESSOR
HSE UNIVERSITY (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0003-1683-1928

PSEUDOPLATONICA: SPLENDORS AND MISERIES OF STYLOMETRY

Submitted: Feb. 21, 2024. Reviewed: Apr. 17, 2024. Accepted: July 22, 2024.

Abstract: The article discusses the possibility of using the stylometric method to determine the authorship of dialogues of the *Corpus Platonicum*. The fact that some dialogues in the Corpus are not authored by Plato was already known in antiquity, but recent studies show that the whole of the *pseudoplatonica*, including the *spuria* from the *Appendix Platonica*, is of Academic origin. The production of dialogues in the Academy continued as long as the school

existed, that is, until roughly the end of the Hellenistic era. However, even the newest methods of attributing authorship will not allow us to establish the Platonic authorship with certainty. On the one hand, as K. Ritter noted at the end of the 19th century, stylistic proximity to authentic texts does not exclude forgery, and in general the methods of philological criticism allow only rejection of authenticity, not its proof. On the other hand, the reason for doubt (at the stylistic level) might be given by separate locutions to which quantitative methods, based on the most frequent vocabulary, are insensitive. Such is the dialogue “Alcibiades 2”, for the rejection of which G. Ledger did not find sufficient grounds in the stylometric analysis. Finally, a dialogue may behave anomalously in quantitative comparisons, but this in itself does not make it suspicious: Plato is quite capable of “ventriloquizing” with other people’s voices and freely switching stylistic registers. This is the case of the “Menexenus”, the only *epitaphios* in the Corpus, and delivered on behalf of a woman.

Keywords: Plato, Corpus Platonicum, Stylometry, “Menexenus”.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-35-56.

REFERENCES

- Aliyeva, O. V. 2022. “Delta Berrouza dlya drevnegrecheskikh avtorov: opyt primeneniya [Testing Burrows’ Delta on Ancient Greek Authors]” [in Russian]. *Schole. Filosofskoye antikovedeniye i klassicheskaya traditsiya [Schole. Ancient Philosophy and the Classical Tradition]* 16 (2): 693–705.
- . 2024a. “Mery rasstoyaniya dlya opredeleniya avtorstva drevnegrecheskikh tekstov [Distance Measures for Determining Authorship of Ancient Greek Texts]” [in Russian]. V pechati [Forthcoming], *Tsifrovyye gumanitarnyye issledovaniya [Digital Humanities]* 1.
- . 2024b. “Novaya kolichestvennaya model’ Platonovskogo korpusa 1 [A New Quantitative Model of the Platonic Corpus 1]: Pseudoplatonica: problemy proiskhozhdeniya i datirovki [Pseudoplatonica: Questions of Provenance and Dating]” [in Russian]. *Platonovskiy issledovaniya [Platonic Investigations]* 20:11–39.
- Alline, H. 1915. *Histoire du texte de Platon* [in French]. Paris: Librairie ancienne Hororé Champion.
- Arnim, H. F. A. von. 1896. *De Platonis dialogis quaestiones chronologicae* [in Latin]. [Rostock]: Typis academicis Adlerianis.
- Aronadio, F. 2008. *Dialoghi spuri di Platone* [in Italian]. Torino: Unione tipografico, Editrice Torinese.
- Ast, F. 1816. *Platon’s Leben und Schriften* [in German]. Leipzig: Weidmannsche Buchhandlung.
- Baltzly, D., G. Miles, and J. F. Finamore. 2018. “General Introduction.” In *Proclus : Commentary on Plato’s Republic*, 1:1–34. Cambridge: Cambridge University Press.
- Barnes, J. 1991. “The Hellenistic Platos.” *Apeiron* 24 (2): 115–128.
- Benati, E., ed. 2023. *[Platone], Horoi: Saggio introduttivo, edizione critica, traduzione e commento* [in Italian]. Baden-Baden: Academia Verlag.
- Bickel, E. 1904. “Ein Dialog aus der Akademie des Arkesilaos” [in German]. *Archiv für Geschichte der Philosophie* 17:460–479.
- . 1943. “Das Platonische Schriftenkorpus der 9 Tetralogien und die Interpolation im Platontext zu Phaidon 68 A” [in German]. *Rheinisches Museum für Philologie* 92:94–96.
- Blass, F. W. 1874. *Attische Beredsamkeit: Isokrates und Isaios* [in German]. Leipzig: Teubner.
- . 1892. “Hermeneutik und Kritik” [in German]. In *Einleitende und Hilfs-Disziplinen*, vol. 1 of *Handbuch der klassischen Altertums-Wissenschaft in systematischer Darstellung*

- lung mit besonderer Rücksicht auf Geschichte und Methodik der einzelnen Disziplinen, 2nd ed., ed. by I. von Müller, 149–295. München: C. H. Beck.
- Boeckh, A., E. Bratuscheck, and R. Klussmann. 1886. *Encyklopädie und Methodologie der philologischen Wissenschaften* [in German]. Leipzig: B. G. Teubner.
- Brandwood, L. 1990. *The Chronology of Plato's Dialogues*. Cambridge: Cambridge University Press.
- . 1992. "Stylometry and Chronology." In *The Cambridge Companion to Plato*, ed. by R. Kraut, 90–120. Cambridge: Cambridge University Press.
- Brisson, L. 1992. "Diogène Laërce, Vies et doctrines des philosophes illustres, livre III: structure et contenu" [in French]. In *Teil II. Principat*, vol. 36.5 of *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt*, 3619–3760. Berlin: De Gruyter.
- , ed. 2014. *Écrits attribués à Platon* [in French]. Paris: Flammarion.
- Burnet, J. 1907. *Platonis Opera*. Vol. 5. Oxford: Clarendon Press.
- Campbell, L. 1867. *The Sophistes and Politicus of Plato, with a Revised Text and English Notes*. Oxford: Clarendon.
- Carlini, A. 1962. "Alcuni dialoghi pseudoplatonici e l'Accademia di Arcesilao" [in Italian]. *Annali della Scuola normale superiore di Pisa. Lettere, Storia e Filosofia* 31:33–63.
- . 2005. "Alcune considerazioni sulla tradizione testuale degli scritti pseudoplatonici" [in Italian]. In *Pseudoplatonica. Akten des Kongresses zu den Pseudoplatonica vom 6.–9. Juli 2003 im Bamberg*, ed. by K. Döring, M. Erler, and S. Schorn, 25–36. Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
- Chambers, M. 1996. "The Athenaion Politeia After a Century." In *Transitions to Empire. Essays in Greco-Roman History, 360–140 B. C., in Honor of E. Badian*, ed. by R. Wallace and E. Harris, 211–225. Norman and London: University of Oklahoma Press.
- Chevalier, J. 1915. *Étude critique du dialogue pseudo-platonicien l'Axiochos* [in French]. Paris: Félix Alcan.
- Cobb, W. S. 1988. "Plato's Minos." *Ancient Philosophy* 8 (2): 187–207.
- Cooper, J. M. 1997. "Introduction." In *Plato: Complete Works*, ed. by J. M. Cooper, vii–xxvi. Indianapolis: Hackett Publishing.
- Dittenberger, W. 1881. "Sprachliche Kriterien für die Chronologie der platonischen Dialoge" [in German]. *Hermes* 16:321–345.
- Donato, M. 2020. "Reshaping Socrates' Authority in the Pseudoplatonica." In *Defining Authorship, Debating Authenticity*, ed. by R. Berardi, M. Filosa, and D. Massimo, 205–222. Berlin: De Gruyter.
- Döring, K., M. Erler, and S. Schorn, eds. 2005. *Pseudoplatonica. Akten des Kongresses zu den Pseudoplatonica vom 6.–9. Juli 2003 im Bamberg* [in German]. Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
- Dörrie, H. 1990. *Der Hellenistische Rahmen Des Kaiserzeitlichen Platonismus. Bausteine 36–72* [in German]. Vol. 2 of *Der Platonismus in Der Antike: Grundlagen — System — Entwicklung*. Stuttgart-Bad Cannstatt: Fromman-Holzboog.
- Eder, M. 2017. "Visualization in Stylometry: Cluster Analysis Using Networks." *Digital Scholarship in the Humanities* 32 (1): 50–64.
- Forcignanò, F., and S. Martinelli Tempesta. 2023. "Comparing Corpora, Rethinking Authenticity: Why Are Platonic Letters 'Platonic'?" In *The Making of the Platonic Corpus*, ed. by O. Alieva, D. Nails, and H. Tarrant, 203–211. Paderborn: Brill.
- Grote, G. 1865. *Plato and Other Companions of Socrates*. Vol. 1. London: John Murray.
- Guthrie, W. K. C. 1975. *Plato, the Man and His Dialogues, Earlier Period*. Vol. 4 of *A History of Greek Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Hatzimichali, M. 2013. "The Texts of Plato and Aristotle in the First Century BC." In *Aristotle, Plato and Pythagoreanism in the First Century BC : New Directions for Philosophy*, by M. Schofield, 1–27. Cambridge: Cambridge University Press.
- Heidel, W. A. 1896. *Pseudo-Platonica*. Baltimore: Friedenwald Company.
- Ingekamp, H. G. 1967. *Untersuchungen zu den Pseudoplatonischen Definitionen* [in German]. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Irwin, T. H. 2008. "The Platonic Corpus." In *The Oxford Handbook of Plato*, by G. Fine, 63–87. Oxford: Oxford University Press.
- Jazdzewska, K. 2022. *Greek Dialogue in Antiquity: Post-Platonic Transformations*. Oxford: Oxford University Press.
- Joyal, M. 1993. "A Lost Plutarchean Philosophical Work." *Philologus* 137 (1): 92–103.
- . 2014. "'Genuine' and 'Bastard' Dialogues in the Platonic Corpus: An Inquiry into the Origins and Meaning of a Concept." In *Fakes and Forgers of Classical Literature*, ed. by J. Martínez, 73–93. Leiden: Brill.
- . 2019. "What Is Socratic about the Pseudo-Platonica?" In *Brill's Companion to the Reception of Socrates*, ed. by C. Moore, 211–236. Leiden: Brill.
- Kahn, Ch. 1963. "Plato's Funeral Oration: The Motive of the Menexenus." *Classical Philology* 58 (4): 220–234.
- Keyser, P. 1991. "Review of: Gerard R. Ledger, Re-Counting Plato: A Computer Analysis of Plato's Style. Oxford: Clarendon Press, 1989." *Bryn Mawr Classical Review*. <https://bmcrl.brynmawr.edu/1991/1991.07.03>.
- . 1992. "Review of: Leonard Brandwood. Stylometric Method and the Chronology of Plato's Works. Cambridge: Cambridge University Press, 1990." *Bryn Mawr Classical Review*. <https://bmcrl.brynmawr.edu/1992/1992.01.12>.
- Koentges, Th. 2020. "The Un-Platonic Menexenus: A Stylometric Analysis with More Data." *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 60 (2): 211–241.
- Ledger, G. R. 1989. *Re-Counting Plato: A Computer Analysis of Plato's Style*. Oxford: Clarendon Press.
- Lutosławski, W. 1897. *The Origin and Growth of Plato's Logic: With an Account of Plato's Style and of the Chronology of His Writings*. London: Longmans, Green & Co.
- Mansfeld, J. 1994. *Prolegomena: Questions to be Settled Before the Study of an Author or a Text*. Leiden: Brill.
- Morrow, G. R. 1960. *Plato's Cretan City: A Historical Interpretation of the Laws*. Princeton: Princeton University Press.
- Müller, C. W. 1975. *Die Kurzdialoge der Appendix Platonica: Philologische Beiträge zur nachplatonischen Sokratik* [in German]. München: W. Fink Verlag.
- Mulroy, D. 2007. "The Subtle Artistry of the 'Minos' and the 'Hipparchus'." *Transactions of the American Philological Association* 137 (1): 115–131.
- Nails, D. 1992. "Review of: Ledger, Re-Counting Plato and Thesleff, Studies in Platonic Chronology." *Bryn Mawr Classical Review*. <https://bmcrl.brynmawr.edu/1992/1992.04.17>.
- . 1995. *Agora, Academy, and the Conduct of Philosophy*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.
- . 2012. "Compositional Chronology." In *The Continuum Companion to Plato*, ed. by G. A. Press, 289–292. London: Continuum International Publishing Group.
- Neuhausen, H. 2010. *Der Zweite Alkibiades: Untersuchungen zu einem pseudoplatonischen Dialog* [in German]. Berlin: de Gruyter.
- Nickau, K. 1966. *Ammonius: De adfinium vocabulorum differentia* [in Latin]. Lipsiae: Teubner.

- Oświecimski, S. 1978. "The Enigmatic Character of Some of Plato's Apocrypha." *Eos. Commentarii Societatis Philologicae Polonorum* 66 (1): 31–40.
- . 1979. "The Ancient Testimonies in the Face of The Platonic Apocrypha." *Eos. Commentarii Societatis Philologicae Polonorum* 67 (2): 233–255.
- Perry, J. B. 2021. "Examining the Authenticity of Plato's Epistle VII through Deep Learning. Bachelor's Thesis, Harvard College." Digital Access to Scholarship at Harvard. <https://dash.harvard.edu/handle/1/37368526>.
- Peterson, S. 2017. "Notes on Lovers." In *Socrates and the Socratic Dialogue*, ed. by A. Stavru and Moore, Ch., 412–431. Leiden: Brill.
- Piccione, R. M. 2005. "Gli pseudoplatonici nella tradizione dei florilegi" [in Italian]. In *Pseudoplatonica. Akten des Kongresses zu den Pseudoplatonica vom 6.–9. Juli 2003 im Bamberg*, ed. by K. Döring, M. Erler, and S. Schorn, 185–212. Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
- Raeder, H. 1905. *Platons Philosophische Entwicklung* [in German]. Leipzig: Teubner.
- Rashed, M., and Auffret Th. 2017. "On the Inauthenticity of the Critias." *Phronesis* 62 (3): 237–254.
- Renaud, F., and H. Tarrant. 2015. *The Platonic Alcibiades I: The Dialogue and Its Ancient Reception*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ritter, C. 1888. *Untersuchungen über Plato: Die Echtheit und Chronologie der platonischen Schriften* [in German]. Stuttgart: W. Kohlhammer.
- . 1910. *Platon: sein Leben, seine Schriften, seine Lehre* [in German]. Vol. 1. München: C. H. Beck.
- Robinson, T. M. 1992. "Plato and the Computer." *Ancient Philosophy* 12 (2): 375–382.
- Sansone, D. 2018. "Stylistic Characterization in Plato: Nicias, Alcibiades, and Laches." *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 58 (2): 156–176.
- . 2020. *Plato, Menexenus*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Schaarschmidt, C. 1866. *Die Sammlung der Platonischen Schriften zur Scheidung der echten von den unechten* [in German]. Bonn: A. Marcus.
- Schironi, F. 2005. "Plato at Alexandria: Aristophanes, Aristarchus, and the 'Philological Tradition' of a Philosopher." *The Classical Quarterly (New Series)* 55 (2): 423–434.
- Schleiermacher, F. 1836. *Introductions to the Dialogues of Plato*. Trans. from the German by W. Dobson. Cambridge: J. & J. Deighton.
- Souilhé, J. 1930. *Dialogues Suspects. Second Alcibiade, Hipparque, Minos, Les Rivaux, Théagès, Clitophon* [in French]. Vol. VIII, bk. 2 of *Platon: Oeuvres Complète*. Paris: Belles Lettres.
- Stallbaum, G. 1841. *De dialogis nuper Simoni Socratico adscriptis commentatio* [in Latin]. Lipsiae: Officina Staritzii.
- Tarrant, D. 1938. "The Pseudo-Platonic Socrates." *The Classical Quarterly* 32 (3–4): 167–173.
- Tarrant, H. 1993. *Thrasyllan Platonism*. Ithaca: Cornell University Press.
- . 2013. "Stylistic Difference in the Speeches of the Symposium." In *Plato in Symposium: Selected Papers from the Tenth Symposium Platonicum*, ed. by M. Tulli and M. Erler, 84–90. Sankt Augustin: Academia Verlag.
- . 2019. "On Hastily Declaring Platonic Dialogues Spurious: The Case of Critias." *Méthesis* 31 (1): 47–66.
- . 2023. *The Second Alcibiades: A Platonist Dialogue on Prayer and on Ignorance*. Las Vegas: Parmenides Publishing.
- Tompkins, D. P. 1972. "Stylistic Characterization in Thucydides: Nicias and Alcibiades." *Yale Classical Studies* 22:181–214.
- Ueberweg, F. 1861. *Untersuchungen über die Echtheit und Zeitfolge platonischer Schriften und über die Hauptmomente aus Plato's Leben* [in German]. Wien: C. Gerold's Sohn.

- Usener, H. 1892. "Unser Platontext" [in German]. *Nachrichten von der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften und der Georg-Augusts-Universität zu Göttingen, Phil.-Hist. Klasse*, 25–50, 181–215.
- Waterfield, R. A. H. 1980. "The Place of the Philebus in Plato's Dialogues." *Phronesis* 25 (3): 270–305.
- Westerink, L. G. 1962. *Anonymous Prolegomena to Platonic Philosophy: Introduction, Text, Translation and Indices*. Amsterdam: North-Holland Publishing Company.
- Young, Ch. M. 1994. "Plato and Computer Dating: A Discussion of Gerard R. Ledger, Re-Counting Plato: A Computer Analysis of Plato's Style, and Leonard Brandwood, The Chronology of Plato's Dialogues." *Oxford Studies in Ancient Philosophy* 12:227–250.

ОЛЕГ АУРОВ*

ПОНЯТИЕ PALATIUM В ЯЗЫКЕ ИСПАНСКОГО ПРАВА IV – НАЧАЛА VIII ВВ. **

Получено: 28.06.2024. Рецензировано: 18.07.2024. Принято: 22.07.2024.

Аннотация: Статья посвящена эволюции значения латинского понятия *palatium* и его производных в правовых текстах IV – начала VIII вв. В IV–V вв. эти понятия используются для обозначения трех основных групп реалий. Во-первых, собственно помещений императорского дворца (*sacrum palatium*), как в столицах (Риме и Константинополе), так и в провинциях (в том числе – в Испании). Во-вторых, речь идет о системе учреждений, обеспечивавших как повседневную жизнь императора и его приближенных, так и управление Империей. В-третьих, речь идет об иерархически организованном корпусе дворцовых чиновников, набравшихся, главным образом, из числа куриалов. Наделенные многочисленными привилегиями, эти представители дворцовой бюрократии составляли костяк политической элиты позднеримского времени. С образованием Тулузского королевства вестготов (начало V – начало VI вв.) императорские дворцы в испанских и галльских провинциях бывшей Римской империи превратились в королевские, а их персонал автоматически перешел на службу королям готов. После падения Тулузского королевства и образования Толедского королевства вестготов (середина VI – начало VIII вв.) намечались изменения, особенно четко проявившиеся в языке королевского и церковного законодательства, начиная с VII в. Три основные группы реалий сохранились, но их конкретное содержание стало иным. Архитектурная модель римского дворцового комплекса сохранилась и продолжала воспроизводиться (в частности, в Рекополисе и Толедо), однако масштабы построек сократились. Система дворцовых учреждений хотя и сохранила римский облик, но существенно упростилась. На первый план вышли службы, обеспечивавшие личные потребности короля и его семьи. В составе дворцовых служащих все более значимые позиции занимали королевские рабы, вольноотпущенники и клиенты, составившие костяк новой формирующейся политической элиты. Эта тенденция была прервана мусульманским завоеванием начала VIII в., но уже с IX в. она проявилась вновь.

Ключевые слова: *palatium*, дворец, дворцовые службы, римская бюрократия, королевские рабы и вольноотпущенники, римская Испания, вестготская Испания.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-57-88.

*Ауров Олег Валентинович, к. и. н., доцент, Российский государственный гуманитарный университет (Москва); ведущий научный сотрудник, Институт общественных наук РАНХиГС (Москва), olegaurov1@yandex.ru, aurov-ov@ranepa.ru, ORCID: 0000-0002-0755-9902.

**© Ауров, О. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

À Céline Martin in temporibus belli ac pacis

Настоящая работа посвящена эволюции значения понятия *palatium* в языке испанского права IV – начала VIII вв., в разное время обозначавшего комплекс явлений, связанный с учреждениями, которые в центре и на местах представляли императорскую, а затем — королевскую власть. Будучи официальными резиденциями правителей Империи на местах, эти дворцы изначально выполняли также целый ряд административных (главным образом, фискальных) и судебных функций и предполагали наличие персонала, занятого реализацией этих функций. Основная проблема исследования состоит в изучении степени преемственности и разрывов традиции, проявившихся как на уровне понятийной системы, так и на уровне материальных структур — как архитектуры дворцов, так и связанных с ними институтов.

Хронологические рамки исследования простираются от эпохи Поздней Римской империи до падения Толедского королевства вестготов в результате мусульманского завоевания Испании (начало VIII в.). Географические рамки исследования постепенно сужаются параллельно изменению территориальных пределов политий, в состав которых входили испанские земли. Сначала речь идет о границах Западной (а частично — и Восточной) Римской империй, а затем — о территории позднеримского диоцеза Испании, ставшего основой для формирования двух испаногалльских политий — Тулузского и Толедского королевств вестготов.

1. ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Происхождение латинского слова *palatium* уже в VII в. вызывало затруднения даже у такого признанного эрудита, каковым являлся Исидор Севильский (ок. 570–636), считавшего, что *palatium* является производным от имени правителя Аркадии Палланта, в честь которого аркадцы построили укрепленное поселение Паллантей, а царский дворец (*regia*) называли *Palatium* (Isid. Ethym. xv.3.5). Как это часто бывает у Исидора, этимология не имеет ничего общего с реальностью, а служит для целей объяснения явлений, порой довольно далеких от понятия, рассматриваемого севильским епископом. На самом деле хорошо известно, что латинское *palatium* восходит к названию Палатинского холма в Риме и, прежде и раньше всего, именно в этом качестве слово неоднократно фигурирует в литературе времени Республики и Ранней Империи, в частности — в сочинениях Цицерона, Варрона, Тита Ливия, Валерия Максима и др. Вместе с тем, как показал К. Циглер (Ziegler,

1967: Kol. 10), а в конце 1970-х гг. уточнил крупнейший знаток проблематики Ф. Миллар (Millar, 1977: 20), уже в эпоху Августа, — сначала в поэзии, а затем и в прозаических текстах (в частности, у Тацита, Светония и Плиния Младшего (в панегирике Траяну)), — *palatium* (и синонимичным ему выражением *Domus palatina*) начал именоваться не только сам Палатинский холм, но и расположенная там со времен Августа официальная императорская резиденция. Тогда же, в I–II вв. под *palatium* стали (изначально — спорадически) понимать императорский двор, а связанные с ним явления начали обозначаться прилагательным *palatinus*. В начале III в. эти значения получили дальнейшее развитие, и под *palatium* стали понимать любую императорскую резиденцию, в том числе и расположенную вне Палатинского холма и даже вне Рима, включая походный императорский дворец и резиденцию императора в провинции. Видимо, наиболее емко истинную этимологию термина показал Дион Кассий на рубеже II–III вв. (Dio. 53.16.5–6).

Особо следует отметить тот факт, что ни одного специального исследования, посвященного содержанию как латинского термина *palatium* и его производным (на испанском материале), так и восходящему к нему кастильскому производному *palacio*, мне неизвестно. При том что существует некоторое количество работ, затрагивающих историю двора, дворцовой службы и связанных с ней отдельных категорий должностных лиц (в частности, применительно к эпохе Поздней Римской империи укажу лишь наиболее значимые работы: Вугу, 1889: 45–49; Cosenza, 1905; Ensslin, 1954: 449–468; Jones, 1964: 563–586; Frank, 1969; Weiss, 1975; Millar, 1977: 15–131; Clauss, 1980), собственно история понятия, как правило¹, ограничивается статьями в специальных словарях латинского языка (включая языки конкретных литературных памятников: *Lexicon totius latinitatis...*, 1965: 546–547; Ernout & Meillet, 2001: 475–476; Zimmermann, 1967: 100, 139, 232; Mellado Rodriguez, 1990: 484; [Du Cange], 1886: 98–107; Niermeyer, 1979: 753–754). Между тем, на примере истории понятия можно проследить, помимо собственно лингвистических, важнейшие закономерности эволюции институтов власти и статуса и обязанностей связанных с ними категорий должностных лиц в контексте глобальной проблемы континуитета/дисконтинуитета античной и средневековой европейских цивилизаций.

¹Исключения из этого правила, разумеется, существуют, но во всех известных мне случаях они посвящены частным аспектам истории понятия (Rodríguez de la Peña, 2000: 7–43).

2. ПОНЯТИЕ PALATIUM И ЕГО ПРОИЗВОДНЫЕ В ПЕРИОД ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ

Для начала обращусь к позднеантичной предыстории понятия. В языке императорского законодательства IV–V вв., прежде всего — в кодексе восточного императора Феодосия II, обнародованном 15 февраля 438 г. (на Западе — 1 января 439 г.) и вобравшем в себя конституции, изданные между 1 июня 311 г. (Константин I) и 16 марта 437 г. (сам Феодосий Младший). Общая картина распределения информации по 16 книгам кодекса (в издании Т. Моммзена — П. Крюгера — П. Мейера) выглядит следующим образом: из 149 конституций, 13 приходится на первую книгу (которая содержит нормы, регламентирующие понятие и функции закона и законодателя в целом, а также статус должностных лиц — от высшего до низшего ранга; тогда как во второй и третьей книгах, посвященных частному праву, упоминания о *palatium/palatini* отсутствуют), в четвертой книге (частное право, но также гражданский процесс) интересующие нас понятия фигурируют в 1-ой конституции, в пятой книге (завершающая часть норм частного права — наследственное право, аренда, договорное право и т. п.) — в 3 конституциях, в шестой (статус сенаторов и лиц, близких к ним по статусу, т. е. достигающих сенаторских привилегий по службе, то есть преторов, квесторов, консулов, префектов, магистров армии и патрикиев, префектов претория, префектов города) — в 47, седьмой (статус военнослужащих и воинской службы) — в 9, восьмой (гражданская служба) — в 14, девятой (уголовное право) — в 5, десятой (государственная казна — фиск) — 14, одиннадцатой (продолжает тему налогов и сборов) — 11, двенадцатой (муниципальное управление) — 16, тринадцатой (налогообложение, главным образом — применительно к муниципиям) — 6, четырнадцатой (городской жизни Рима и Константинополя, от их профессиональных корпораций до продовольственного снабжения, включая вопросы городского благоустройства и статуса нищих) — 2, пятнадцатой (общественные постройки, дороги, статус императорских изображений, зрелища и т. п.) — 5 и, наконец, в последней, шестнадцатой книге, посвященной церковному праву, — в 5 конституциях.

Эту проблематику продолжает содержащие сборников новелл, дополняющих кодекс Феодосия, в которых упоминания о *palatium* и *palatini* также присутствуют, пусть и неоднородно. В частности, их совсем нет в «Сирмодиевых конституциях» (изданных между 333 и 425 гг.) и новеллах восточного императора Маркиана (450–457) и императоров Запада

Либия Севера (461–465) и Антемия (467–472). В то же время, определенные данные содержатся в новеллах, изданных между февралем 438 и ноябрем 458 гг. восточным императором Феодосием II (402–450) и правителями Запада Валентинианом III (425–455) и Майорианом (457–461).

Уже этот перечень представляется весьма показательным: наибольшее число сохранившихся конституций с упоминанием *palatium/palatini* содержится в первой и шестой книгах, посвященных регламентации статуса и функций властных учреждений и их должностных лиц. В то же время, отсутствие соответствующих конституций лишь во второй и третьей книгах, посвященных частному праву *stricto sensu*, является свидетельством высокой степени проникновения дворцовых учреждений и их должностных лиц в самые разные сферы правовой жизни Поздней империи и ее испанских провинций, вплоть до области религии и Церкви (шестнадцатая книга).

Возникает, однако, вопрос, в какой мере информация, содержащаяся в императорских конституциях (как включенных в кодекс, так и сохранившихся в виде новелл), с IV в. получивших статус *lex generalis* и распространявшихся на всю империю (Сильвестрова, 2007: 28–50), может быть использована для понимания реалий испанских провинций Западной Римской империи? Ведь несмотря на очевидное единство правового режима в границах Империи, определенного нормами постклассического римского права (вплоть до автоматического распространения на западные провинции законодательства восточных императоров и наоборот), на местах с этим единством сочеталось значительное правовое разнообразие, традиционно определяемое понятием вульгарного римского права. В частности, одним из его очевидных проявлений стало законодательство варварских королей V–VII вв., отразившееся в королевских эдиктах, продолжавших традицию *edicta* позднеримских префектов претория (Ауров, 2013: 41–63).

Ответ на поставленный вопрос следует подразделить на несколько частей. Во-первых, следует подчеркнуть роль конституций Кодекса Феодосия и сборников императорских новелл V в. как важных источников т. н. «Бревиария Алариха» (известного также как *Breviarium Anianum* и *Lex Romana Wisigothorum*), правовой компиляции вестготского времени, обнародованной в 506 г. королем Аларихом II: связь этого памятника с территорией Тулузского королевства вестготов (включая его испанские провинции) очевидна (Gibert, 1968: 13–14; Coma Fort, 2014: 113–216). Во-вторых, еще более значимым представляется факт

присутствия в рукописной традиции памятника т. н. «Леонского палимпсеста» — кодекса *León, Archivo Catedralicio, 15* из собрания Леонского собора. Манускрипт, обнаруженный в 1887 г. (Coma Fort, 2014: 120–124), интересен не только как одна из наиболее ранних сохранившихся рукописей Бревиария (сер. VI – сер. VII вв.), которая, по мнению Р. Беера, была одной из тех официальных копий, которая рассылалась королем комитам провинций (Beer, 1888: 103–111).

Еще более значимым представляется тот факт, что текст, написанный поверх памятника (речь идет о «Церковной истории» Евсевия Кессарийского, переведенной на латынь и продолженной Руфином Аквилейским), датируется по письму серединой IX в.; он снабжен схолиями на латинском и (реже) арабском языках, что указывает на мосарабское происхождение его переписчика и комментатора. Ф. де Карденас и Ф. Фита в конце XIX в. связали это позднейшее копирование поверх текста вестготского времени (Бревиария и старолатинской Библии) с Кордовой; среди возможных переписчиков называется даже знаменитый Павел Альвар, христианский писатель и церковный деятель периода т. н. «добровольных мученичеств» кордовских христиан в середине IX в. (Cardenas, Fita, 1896: I–XXVII). Таким образом, едва ли не до момента вторичного использования пергамента, т. е. почти полтора столетия после падения Толедского королевства вестготов, Бревиарий сохранял практическое значение источника права.

Отмечу, что в Бревиарии Алариха понятие *palatium* упоминается не менее 9 раз (трижды в выдержках из кодекса Феодосия и еще 6 раз в новеллах Феодосия II, Валентиниана III и Майориана)². Леонский палимпсест (сохранившаяся часть Бревиария Алариха) отразил 4 из этих упоминаний³; кроме того, некоторые особенности понятийной си-

²См.: CTh. x.14.1 (21.03.315?, Constantinus) [=Brev. 10.6.1]; CTh. x.8.3 (=Brev. 10.4.1) (03.08.326, Constantinus I); CTh. 1.22.4 (a. 383, Grat. / Valentin. II / Theodosius I) (=Brev. 1.9.3; LRW fragm. deest). См. также: Nov. ad Theod. Theodosius II (= Brev. I); Nov. ad Theod. Valent. 1.3 (=Brev. VII). De indigentibus reliquorum (05.03.450, Valentinianus III / Theodosius II).2; Nov. ad Theod. Valent. 1.3 (= Brev. VII; LRW fragm. deest). De indigentibus reliquorum (05.03.450, Valent. III / Theodosius II).7; Nov. ad Theod. Valent. XXVII (=Haenel. XXVI; Brev. VIII; LRW fragm. deest). De triginta annorum praescriptione causis opponenda (17.06.449, Valent. III / Theodosius II).7; Nov. ad Theod. Maiorian. VII (=Brev. I; LRW fragm. deest). De curialibus et de agnatione vel distractione praediorum eorum et de ceteris negotiis (06.11.458, Maiorian. / Leo I). 14; Nov. ad Theod. Maiorian. VII (=Brev. I). De curialibus et de agnatione vel distractione praediorum eorum et de ceteris negotiis (06.11.458, Maiorian. / Leo I).

³LRW fragm. CTh. x.4.1 [=CTh. x.8.3]; LRW fragm. CTh. x.6.1 [=CTh. x.14.1]; LRW fragm. Nov. Theodosii II.1.7; LRW fragm. Nov. Maioriani. 1.16.

стемы памятника предопределили некоторые несовпадения (за счет употребления выражения *prefecto palatio* вместо *prefecto praetorio*) еще в 3 извлечения из Кодекса Феодосия⁴.

Наконец, в-третьих, необходимо отметить роль Кодекса Феодосия как образца юридической техники, задействованной в процессе составления свода законов вестготских королей — «Книги приговоров» (Вестготской правды) (Ауров, 2012: 96–107), сохранившегося в редакциях середины — второй половины VII — начала VIII вв. При этом, несмотря на формальный отказ от использования норм римского права⁵, оно не только продолжало действовать (по меньшей мере, спорадически), но и оказывало влияние на королевское законодательство.

Во всех перечисленных правовых текстах (также, впрочем, как и в текстах нарративных — см., например, в «Гетике» Иордана⁶) *palatia* предстают, в первую очередь, как общественные здания или, точнее, комплексы зданий, расположенные как в столицах Западной и Восточной империй (Риме, Медиолане, Равенне, Константинополе), так и в крупных провинциальных городах и их окрестностях. В числе последних можно назвать, в частности, *palatia* Рима, Константинополя, Сирмия (ныне — Сремская Митровица в Сербии), Треверов (Трир), Аквилеи, Антиохии и др. В законодательстве упоминаются некоторые помещения: главный зал (*aula*), *cubiculum* (императорская спальня), акведук (во дворце в Дафне, пригороде Константинополя, откуда злоумышленники воровали воду, врезавшись в него аж в трех местах) и др.⁷ Однако целостного представления составить об этом здании информация нормативных источников не позволяет.

И здесь для того, чтобы точнее представить себе значение латинского термина *palatium*, приходится обратиться к данным археологии. По меткому выражению С. А. Иванова, «...[Большой] дворец походил не на Версаль, а, скорее, на Запретный Город в Пекине» (Иванов, 2011: 85). Это многообразие хорошо видно на современных реконструкциях постепенно расширявшегося комплекса Большого дворца (Магнавра; позднее это здание стало лишь частью дворцового комплекса). В частности, при

⁴LRW fragm. CTh. IV.3.1 [=CTh. IV.3.1 (в издании Моммзена-Крюгера)]; LRW fragm. CTh. IV.13.1 [=CTh. 4.15.1]; LRW fragm. CTh. IV.17.1 [=CTh. IV.19.1].

⁵LI. II.1.8 (Rec.).

⁶См., например, о дворцах в Константинополе и Равенне (Iord. Get. 290, 306).

⁷См., например: CTh. XI.30.34 (09.11.364, Valentinianus I/Valens); XV.1.47 (21.02.409, Honorius/Theodosius II); XV.2.2 (30?.10.369, Valentinianus I/Valens/Gratianus); LRW fragm. 183; C. 1.2.22 (a. 529, Iustinianus I).

Юстиниане было построено отдельное помещение для Нового консistorия, ставшего местом обнародования императорских законов не позднее 529 г., судя по субскрипциям ряда конституций Юстиниана I (527–565), датированных этим периодом (Иванов, 2011: 85–138).

Данные, приведенные на слайде, свидетельствуют, что в целом подобная планировка была свойственна и другим дворцовым комплексам в столицах, в частности — расположенному на Палатине *Domus Augustana* (при том, что в начале V в. палатинские резиденции почти перестали использоваться и постепенно приходили в запустение, см. Royo, 2009: 68–69). Внешний вид помещения с главным залом (*aula palatina*), снаружи украшенного портиком с треугольным фронтоном, позволяет представить себе известная мозаика из базилики св. Аполлинария Нового в Равенне (начало VI в.).

Аналогичная тенденция была характерна и для императорских дворцов в провинции. В качестве примеров можно привести сохранившуюся часть ансамбля дворца Диоклетиана в Сплите — постройки перистиль (внутреннего двора) с парадными воротами (Portela Sandoval, 1988: 107–136), близкие по характеру постройки в Себастии (Киликия) (Tempesta, 2008: 97–114), Шаркамене (в современной Сербии) (Šarkamen..., 2005), а также главное здание (*aula palatina*) (т. н. Базилика) императорского дворца в Треверах, относительно неплохо сохранившуюся часть дворцового комплекса (Brown-Manrique, 1986: 31–42) и др. Все перечисленные объекты хорошо изучены археологами, их внешний вид не вызывает существенных дискуссий и позволяет лучше представить себе, что в данном случае подразумевалось под *palatium*.

Есть все основания четко связать все сказанное выше с испанскими провинциями Поздней империи. Речь идет об археологических данных, касающихся императорского дворца эпохи тетрархов в Серкадилы в окрестностях Кордовы. Традиционно он именуется «Дворцом Максимиана», однако более или менее уверенно можно говорить лишь о том, что здания дворцового комплекса были возведены в эпоху тетрархов и что это был далеко не единственный объект такого рода в римской Испании. План и реконструкции позволяют выделить те же ключевые структурные элементы дворцового комплекса: здание *aula palatina*, полукруглый перистиль с термами и другими жилыми и хозяйственными постройками, и главными воротами, за которыми находится еще более просторный двор, четырехугольный в плане. Очевидно, что в этих помещениях императорские чиновники не только работали, но и жили (Hidalgo Prieto & Fuertes Santos, 2003: 102–105).

Продолжая свои наблюдения, вернусь к письменным источникам. Для определения точного значения латинского слова *palatium* необходимо разделить его с другим близким по значению словом — *pr(a)etorium*, также выступающим в качестве места проживания и выполнения служебных обязанностей должностными лицами. Изначально речь идет о наместнике провинции (*praetor, iudex*), а также других чиновниках. Обратить внимание на этот термин заставляет конституция 471 г., изданная восточным императором Львом I (457–474), т. е. еще в период существования единой Империи, где говорится о проживании наместника в «священном дворце», в главном городе назначенной ему провинции. Обременять же постоем дома частных лиц (обычная практика в предшествующий период) в городе, в котором находился дворец, не следовало. Кроме того, в целях экономии, в тех центрах провинций, где располагались как дворец, так и преторий, первый следовало использовать как резиденцию наместника (вероятно, наряду с основной функцией — офиса, места проживания императорских служащих), тогда как второй — как место хранения общественных запасов (в частности, как амбар)⁸.

Эта близость дворца и претория, насколько можно понять, являлась реальией относительно позднего периода (о чем свидетельствуют и данные вестготской эпохи, рассмотренные ниже). В ряду общественных зданий (лат. *aedificia publica, loca publica*) римских провинциальных городов преторий (изначально — палатка полководца) появился значительно раньше дворца. Он фигурирует уже у Цицерона, в частности, как место жительства и, одновременно, место службы римского наместника (претора) Сицилии⁹. Насколько можно понять, временем повсеместного распространения преториев стала эпоха Ранней империи. Так, например, преторий в Тарраконе (Таррагоне), столице Тарраконской Испании, был построен в правление Веспасиана, автора муниципального закона Флавиев, ок. 73 г.

Таррагонский преторий (традиционно именуемый Дворцом Августа, Королевским замком или Башней Пилатта) сохранил лишь приблизительно четверть своей изначальной площади: его здание неоднократно перестраивалось и использовалось то как средневековый донжон королевского замка, то как казарма (XVII–XVIII вв.), то как городская тюрьма (XIX в.) и лишь в второй половине XX в., после реставрации,

⁸С. 1.40.15.1 (а. 471, Leo 1).

⁹См., например: Cic. Ver. 2.5.92.7.

продолжавшейся с перерывами между 1957 и 1973 гг., было окончательно музеефицировано. Несмотря на это, преторий в Таррагоне до сих пор остается значимым памятником римской эпохи. Он был возведен у подножия тарраконского акрополя (увенчанного храмами Августа и Юпитера, на месте которых в христианскую эпоху возникла сначала храм-базилика, а затем готический собор св. Феклы), рядом с т. н. Провинциальным форумом (Городской форум (Форум колонии) располагался в другом месте), площадью ок. 12 га (ок. 170 м на ок. 130 м), использовавшимся для проведения провинциальных собраний, у стен огромного цирка (ок. 110 м на ок. 340 м), также сооруженного в конце I в. (его постройки в Средние века были интегрированы в укрепления королевского замка). У пересечения форума и римской военной дороги (*via Augusta*), соединявшей Тарракон и Барцино (Барселону), была возведена триумфальная арка. В период с конца I до середины V вв. здание претория, четырехугольное в плане (длина (в современном состоянии) — ок. 26,4 м, ширина — ок. 6 м, наибольшая высота — ок. 23 м), являлось резиденцией римского претора, а его подвальная часть использовалась как следственный изолятор, а также место для допросов, в ходе которых активно применялись пытки (лат. *canificina*) (El subsuelo de la Torre del Pretorio..., 2014: 1–20).

Эти данные совпадают с информацией из письменных источников, согласно которым преторий предназначался для выполнения своих обязанностей должностными лицами, облеченными судебной властью (лат. *iudices*), в число которых входили, наряду с прочими, и наместники провинций¹⁰. Так, в эдикте Теодориха, на рубеже IV–V вв., мы видим его как место службы *iudex*'а, где принято выдвигать обвинения (в частности, в краже скота)¹¹. Наконец, Исидор Севильский, в полном соответствии с остальными имеющимися данными, связывает с преторием акт заверения завещаний и проведения судебных расследований¹².

К разговору о претории я вернусь ниже, когда речь пойдет о реалиях вестготской эпохи. Пока же обращусь к еще двум взаимосвязанным значениям латинского *palatium*. Во-первых, он выступает как институт власти, связанный, прежде всего, с судебной и фискальной сферой, и, одновременно, как корпус чиновников (*palatini*), несущих службу как в столичных, так и провинциальных *palatia*: ведь выражения типа *qui*

¹⁰См., например: CTh. 1.22.4pr. (=Brev. 1.9.3pr.); Isid. Ethym. IX.2.29.

¹¹ET. 58

¹²Isid. Ethym. V.24.6; Isid. Ethym. IX.2.29.

in palatio militarunt могут квалифицироваться двояко. Те из *palatini*, кто откомандировывались на места, должны были по своим функциям не пересекаться с чиновниками оффиция наместника провинции. Кроме того, их не следовало назначать сборщиками налогов (т. е. на должность не только хлопотную, но и непривилегированную)¹³. Не углубляясь в детали о конкретных категориях *palatini*, обращу внимание лишь на тот факт (и это во-вторых), что все они, — от придворных врачей-архиатров, дворецких (*castrenses*), служащих священной опочивальни (*sacrum cubiculum*) и канцелярий (*scrinia*), чиновников ведомств префекта претория, префекта города, а также четырех т. н. «придворных министров» (комита священных щедрот, комита частных имуществ императора, магистра оффиций и квестора священного дворца) и до вездесущих *agentes in rebus* (функции которых были столь разнообразны, что дать им единое определение почти невозможно), — при всех своих внутренних различиях, определявшихся как рангами, так и служебными обязанностями, представляли собой привилегированное сообщество, особое высокопоставленное сословие. Действительно, статус *palatini* как столиц, так и провинциальных городов определяется законодателем в категориях элитарности, проявлявшейся как во внешних признаках (места на зрелищах, обязанность уступать место при проходе в помещение, формы приветствия со стороны нижестоящих, состав и численность свиты и т. п.), так и в фискальных привилегиях, прежде всего — в освобождении т. н. «грязных» повинностей (*munera sordida*), ограничении исполнения постоянной повинности (или даже полным освобождении от нее) и т. п.¹⁴

Наиболее же зримо это привилегированное положение проявляется в противопоставлении дворцовых чиновников и декурионов. Раз за разом законодатель подчеркивает, что если декурионы и попадают на службу в дворцовые ведомства, то по окончании ее срока им следует возвращаться в свои города и курии. Из конституции в конституцию повторяется, что на декурионов не должны распространяться фискальные и иные льготы, полагающиеся штатным служащим (*numerarii*), включенным в официальный перечень должностных лиц (*matricula*), по их выходе в отставку по выслуге лет¹⁵. Возникает устойчивое ощущение, что, хотя штат *palatini* в значительной мере и формировался

¹³См., например: CTh. XII.1.5 (21.07.317, Constantinus I).

¹⁴См., например: CTh. VI.35.1 (29.10.314, Constantinus I).

¹⁵См., например: CTh. XII.1.22 (22.08.336, Constantinus I).

из декурионов (наряду с отставными военными, проходившими ранее действительную военную службу — *militia armata*), но лишь крайне ограниченная часть выходцев из муниципальных курий имела шанс достичь уровня привилегированных дворцовых чиновников, должности которых де-факто по выходу в отставку часто переходили к их сыновьям.

3. ПОНЯТИЕ PALATIUM И ЕГО ПРОИЗВОДНЫЕ В ЭПОХУ ВЕСТГОТОВ (V – НАЧАЛО VIII ВВ.)

Похожая картина складывается применительно к использованию термина *palatium* и его производных в вестготскую эпоху. Как и применительно к дворцу и придворным служащим Поздней империи, историография *palatium* этого времени довольно обширна, но касается исключительно истории института дворца и связанных с ним должностных лиц. Начиная со второй половины XVIII – начала XIX вв., с историков, размышлявших в русле историсофских идей испанского Просвещения (И. Х. Ассо и М. де Мануэль, Х. Ф. де Масдеу, Ф. Мартинес-Марина) и поставивших эту проблему в испанской историографии (Asso & Manuel, 1771: v; Masdeu, 1792: 36–41; Martínez Marina, 1808: 36–41), и до историков эпохи романтизма (Romeu, 1839: 252–283), и времен полемики испанских и португальских романистов и германистов времен становления модели национальной историографии, соответствовавшей критериям XIX столетия, проблематика истории дворцовых учреждений вестготского времени неизменно оставалась в центре внимания исследователей (Х. Семпере-и-Гуаринос, П. Х. Пидаль, М. Кольмейро, Ж. П. де Оливейра Мартинш, М. Лафуэнте, А. Фернандес Герра и Х. де Дьос де ла Рада-и-Дельгадо, Э. Перес Пужоль). Тем не менее, их концепции в слишком значительной степени объяснялись потребностями текущей политики, в которую эти историки были вовлечены достаточно глубоко, а потому их идеи к настоящему времени в значительной мере принадлежат истории исторической науки (Sempere, 1822: 71–74; Pidal, 1880: 265–270, 295–300; Colmeiro, 1855: 71–76; Oliveira Martins, 1880: 51–52; Lafuente, 1887: 46–47, 118; Fernández Guerra et al., 1891: 342–343, 414; Fernández Guerra et al., 1892: 19, 110, 254–255, 263–265, 267–272; Pérez Pujol, 1896: 259–318).

Наступление XX столетия знаменовало собой начало нового этапа истории испанской медиевистики. В значительной мере он был связан с именем и трудами К. Санчеса-Альборноса. Инициировавший перевод на испанский язык труда немецкого историка права, убежденного германиста Э. Майера (Mayer, 1926: 43–69), он посвятил королевскому

дворцу вестготской эпохи и связанным с ним институтам специальную большую работу, выводы которой частично перекликаются с наблюдениями испанских германистов XIX столетия (Sánchez-Albornoz, 1971: 151–252). В дальнейшем, разработку проблемы продолжили М. Торрес Лопес, Э. Томпсон, Х.-М. Перес Прендес, Х. Орландис, Л. А. Гарсия Морено, П. Диас, Х. Арсе (Torres López, 1926: 424–434; España Visigoda..., 1940; Thompson, 2007: 207–303; España Visigoda..., 1991; Orlandis, 1980: 177–187; Orlandis, 2003; García Moreno, 1974: 128–132; García Moreno, 1989: 317–323, 329–331; Díaz, 1998: 175–195; Arce, 2011: 76–78). Тем не менее, целый ряд частных вопросов (и в первую очередь — степень преемственности института дворца вестготской эпохи по сравнению с позднеримскими дворцовыми учреждениями) до сих пор требует своего решения.

Возвращаясь к источникам об институте *palatium* вестготского времени, отмечу, что в противовес спорадическим и кратким упоминаниям в нарративных текстах этот термин и его производные нередко фигурируют в источниках нормативных. Во-первых, речь идет о королевском законодательстве, «Книге приговоров» или королевском судебнике, где *palatium* и производное от него прилагательное *palatinus* (тогда как существительное *palatinus* исчезает из правовой терминологии!) фигурируют в 13 законах шести королей — Сисебута (612–620), Хиндасвинта (641–652), Рецесвинта (649–672), Вамбы (672–680), Эрвигия (680–687) и Эгики (687–701)¹⁶. Во-вторых, *palatium/palatinus* (в последнем случае — также исключительно как прилагательное) нередко появляются и в постановлениях толедских поместных соборов, принятых при пяти королях: Хинтиле (636–640), Хиндасвинте (641–652), Рецесвинте (649–672), Эрвигии (680–687) и Эгике (687–701)¹⁷.

¹⁶См.: «officium palatinum» (LI. II.1.4 (Reccesv.) = II.1.5 (Ervigius)); «societas palatii», «officium palatinum», «dignitas palatina» (LI. II.1.5 (Reccesvintus) (= II.1.6 Ervig.)); «officium palatinum» (LI. II.1.6 (Chind.) (= II.1.8 Egica)); «officium palatinum», «ordo palatinum» (LI. II.1.7 (nova; Egica)); «officium palatinum», «servitium palatinum» (LI. II.4.4 (Chind., Ervig.)); «primates palatii» (LI. III.1.5 (Chind. — Ervig.)); «primates palatii», «dignitas officii palatini» (LI. VI.1.2 (Chind. — Erv.)); «maiores palatii» (LI. VI.1.6 (Chind.)); «officium palatinum» (LI. IX.2.8 (Wamba — Ervig.)); «primates palatii», «officium palatinum» (LI. IX.2.9 (Wamba — Ervig.)); «optimates palatii», «officium palatinum» (LI. XII.1.3 (Ervigius)); «officium palatinum» (LI. XII.2.14 (Sisebutus)); «palatii mediocres» (LI. XII.2.15 (Reccesvint.)).

¹⁷См.: «optimates et seniores palatii» (Conc. Tolet. V (a. 636). pr.); «primates palatii» (Conc. Tolet. can. 13); «officium palatinum» (Conc. Tolet. VII (a. 646). P. 251); «officium palatinum» (Conc. Tolet. VIII (a. 653). P. 265); «maiores palatii» (Conc. Tolet. P. 283); «officium palatinum» (Conc. Tolet. P. 289); «officium palatinum» (Conc. Tolet. P. 291–292); «officium

В целом, за исключением отсутствия производного существительного *palatinus*, можно говорить о прямой преемственности традиции позднеримской правовой терминологии. Как и в последнем случае, первое из спектра значений связано с *palatium* как зданием (или комплексом зданий). Несмотря на то, что это значение не встречается в «Книге приговоров», оно фиксируется в соборных постановлениях. Можно привести и примеры из нарративных источников, в частности — из житийной литературы и историографии, согласно которым королевские дворцы-резиденции были возведены в разных городах Тулузского, а затем и Толедского королевства вестготов, в частности — в Мериде (VPSE. v.6.25; Isid. Hist. 43 (s. a. 569)).

Эти тенденции отразили и археологические источники. Из них явствует как факт присутствия королевских дворцов-резиденций в разных городах Испании, а также то, что их планировка являлась прямым продолжением позднеримских традиций. Так, хорошо изученный дворец в Рекополисе, городе, основанном королем Леовигильдом (568–586) и названном в честь его сына Реккареда, располагался в самом центре города и представлял собой комплекс построек, центром которых предсказуемо являлась *aula palatina*, главный (Olmo Enciso, 2006: 51, 60–61). К сожалению, в отличие от Рекополиса, собственно Толедо, вестготский Царьград — *urbs regia* (Ауров, 2010: 33–51), — применительно к вестготскому времени изучен гораздо хуже: современная планировка города восходит, главным образом, не к римско-вестготскому, а к мусульманскому времени. Поэтому локализация места королевской резиденции продолжает оставаться объектом дискуссий (Toledo..., 2016: 42–51, 56–61). Тем не менее, достаточно хорошо изучен расположенный в окрестностях города комплекс в местечке Лос-Итос (поселение Арисготас), где выявлена характерная *aula palatine* (Los Hitos, 2019: 43, 53).

В Толедо же, судя по письменным источникам, была и еще одна, более важная, королевская резиденция, известная нам по письменным

palatinum» (Conc. Tolet. P. 296); «officium palatinum» (Conc. Tolet. IX (a. 655). P. 307); «primates palatii» (Conc. Tolet. XI (a. 675). can. 5); «seniores palatii» (Conc. Tolet. XII (a. 681). P. 384); «seniores palatii» (Conc. Tolet. Can. 1); «officium palatinum» (Conc. Tolet. Can. 8); «officium palatinum» (Conc. Tolet. XIII (a. 683). P. 413); «officium palatinum», «ordo palatinus» (Conc. Tolet. Tomus Ervigii. 2; Conc. Tolet. can. 6); «officium palatinum» (Conc. Tolet. P. 434–435); «optimates palatii»; «officium palatinum» (Conc. Tolet. P. 438–439 (Lex in confirmationem concilii)); «officium palatinum», «ordo palatinus» (Conc. Tolet. XVI (a. 693). Pr. P. 487); «ordo palatinus», «seniores palatii» (Conc. Tolet. can. 10). См. также: Conc. Tolet. P. 521.

источникам. Для ее обозначения используется слово *pr(a)etorium* (выше уже говорилось о том, что в ряде случаев это понятие выступало прямым синонимом латинского *palatium*). Существуют разные варианты идентификации местоположения этой резиденции. Чаще всего речь идет о том месте, где ныне находится толедский Алькасар (что было бы уж слишком хрестоматийным, чтобы в это поверить, но вовсе не невероятным), но есть и другие варианты, включая упоминавшееся выше местечко Лос-Итос в окрестностях Толедо.

В письменных же источниках речь идет не о самом претории, а о связанных с ним двух христианских храмах, возможно, совмещавших (или деливших между собой?) функции домового церкви и кафедрального собора. Речь идет о храмах «при претории» — св. Леокадии и свв. апостолов Петра и Павла. Базилика св. Леокадии фигурирует в постановлениях IV–VI (633–638 гг.)¹⁸ и XVII (694 г.) толедских соборов как место этих собраний. Л. А. Гарсия Морено считает, что этот храм, возведенный при короле Сисебуте, выполнял в структуре дворцового комплекса ту же роль, что и храм св. Софии в Константинополе применительно к ансамблю императорского дворца (García Moreno, 1989: 322). Возможно, впрочем, что упоминание в постановлениях XVII Толедского собора (694 г.) касается другой базилики, т. к. эта последняя церковь св. Леокадии, судя по оговорке в тексте, была расположена «in suburbio Toletano»¹⁹. Археологические данные новейшего времени заставляют считать, что именно за городскими стенами базилика располагалась изначально, и что, следовательно, нет никаких оснований говорить о двух разных храмах св. Леокадии в Толедо (Toledo..., 2016. 51–55).

Что же касается базилики свв. Апостолов, возможно, выполнявшей ту же роль, что и одноименная константинопольская базилика, возведенная ок. 330 г. Константином I как главный храм новой столицы Империи (ibid.; Высоцкий и Беляев, 2001: 101–102), то в ее стенах собирались VIII (653 г.), XII (681 г.), XIII (683 г.), XV (688 г.) и XVI (693 г.) соборы²⁰. Для сравнения: трижды такие собрания епископов происходили в базилике св. Марии²¹; отсутствуют данные о точном месте проведения еще двух

¹⁸Conc. Tolet. VI (a. 638).pr. Cfr.: Conc. Tolet. IV (a. 633).pr.; Conc. Tolet. V (a. 636).pr.; Conc. Tolet. VI (a. 638).pr.; Conc. XVII (a. 694).pr.

¹⁹Conc. XVII (a. 694).pr).

²⁰Conc. Tolet. XII (a. 681) (Vives. P. 690); cfr.: Conc. Tolet. VIII (a. 653).pr.; Conc. Tolet. XII (a. 681).pr.; Conc. Tolet. XIII (a. 683). praeeamb., XV (a. 688) pr.; XVI (a. 693). pr.

²¹Conc. Tolet. IX (a. 655); Conc. Tolet. XI (a. 676); Conc. Tolet. XIV (a. 684).

соборов — VII (546 г.) и X (656 г.)²²; не знаем мы и о том, где проводились первые три толедских собора (соответственно, в 397–400, 527 и 589 гг.). Таким образом, даже не считая XVII толедского собора 694 г., получается, что из 12 толедских соборов, места проведения которых нам известны, не менее 8 собирались в храмах при претории.

Из этих двух храмов явно более значимое положение занимала базилика свв. Апостолов. Не случайно изображение последней церкви мы видим на миниатюре из раннесредневекового Кодекса Вигилы (или Альбельдского кодекса), созданного в конце X в. в монастыре св. Мартина в Альбельде (область Риоха)²³. На глубокую связь церкви свв. Апостолов с королевской традицией указывают и данные других источников. Так, именно там в 672 г. король Вамба помазывался на царство епископом Квириком²⁴. Там же хранились боевые знамена и золотой крест, который вручался правителю, выступавшему во главе войска в ходе торжественной церемонии проводов короля в поход, происходившей в том же помещении²⁵. Наконец, совсем не случайно «Служебник Толедской церкви» (*Liber Ordinum*) содержит отдельный (и не имеющий аналогов в сборнике) текст, посвященный возведению в сан примикерия этой базилики, видимо, занимавшего место непосредственно вслед за епископом (архиепископом) «стольного града» (*urbs regia*) Толедо²⁶. Получается, что применительно к комплексу зданий дворца-претория базилика свв. Апостолов занимала такое же место, как и собор св. Софии в Константинополе по отношению к ансамблю Большого дворца.

Перейдем к характеристике вестготского *palatium* как института власти. Здесь также видна четкая преемственность традиций Поздней империи. Дворец предстает как учреждение, состоящее из отдельных специализированных ведомств, возглавлявшихся высшими должностными лицами (*primates palatii, seniores palatii, optimates palatii*) в должности комитов и ранге *illustres* (сиятельных). Согласно законодательству, наряду с епископами, эти высшие должностные лица принимали участие

²²Conc. Tolet. VII (a. 546); Conc. Tolet. X (a. 656).

²³Codex Vigilanus (976 г.). RBME. d-1-2 (2°), fol. 344r.

²⁴Iul. Hist. 4.

²⁵Ordo quando rex cum exercitu ad prelium egreditur // Liber Ord. Eccl. Tolet. 151.

²⁶Benedictio ad consecrandum primicerium // Liber Ord. Eccl. Tolet. 53.

в выработке важнейших решений, в том числе — в избрании короля²⁷ и интронизации вновь избранного правителя²⁸.

Структура королевского офиса отражается, в первую очередь, в подписях светских магнатов, участников толедских соборов, наряду с именами которых указываются их должности. Более или менее полный список этих должностей (и соответствующих им ведомств) представляется следующим:

- личная казна короля (*thesaurus*) (комит личной казны);
- государственная казна (фиск) (комит патримония);
- королевская канцелярия (комит нотариев);
- личная охрана короля (комит спатариев);
- службы, обеспечивавшие бытовые потребности короля и его приближенных; ими ведали комит постельничьих, комит виночерпьев, комит конюшен²⁹. В числе должностей, относящихся к этим службам и зачастую (если не всегда) замещавшихся королевскими рабами королевское законодательство называет конюхов, ювелиров, смотрителей винных погребов, а также шеф-поваров³⁰.

К. Санчес-Альборнос считал также необходимым добавить к перечню высших дворцовых служащих комита Толедо, представлявшего власть короля в городе. Он считал, что в совокупности все эти должностные лица составляли королевский двор (*Aula Regia*) (Sánchez-Albornoz, 1971: 177–180). Однако с этой точкой зрения согласиться сложно: дело в том, что латинское *aula* (фигурирующее лишь в текстах соборных постановлений, в составе т. н. *tomus regius* (проекта соборных постановлений, вручавшегося королем епископам при открытии собора), но ни разу не встречающееся в «Книге приговоров») при ближайшем рассмотрении оказывается не институтом власти, а сообществом светских магнатов, участвовавших в толедских соборах, в противовес представленным там же прелатам³¹.

²⁷См., например: Conc. Tolet. VIII (a. 653, Reccesv.). Can. 10.

²⁸См., например: Conc. Tolet. VIII (a. 653, Reccesv.). P. 292. Вслед за этим декретом, санкционировавшим переход власти к Рецесвинту после смерти его предшественника Хиндасвинта, в документах собора далее следует *Lex in confirmationem concilii*, изданный Рецесвинтом и придавший законную силу соборным постановлениям, которая определяла возможность их использования в мирских судах.

²⁹См., например: Vives. Conc. Tolet. XIII (a. 683). P. 434.

³⁰См., например: LI. II.4.4 (Chind., Ervig.).

³¹См., например: Conc. Tolet. XV (a. 688). [Tomus regius]. P. 451.

Попутно замечу, что обозначавшее в понятийной системе Поздней империи архитектурный элемент — главный зал императорского двора (*aula palatina*), латинское *aula* в языке толедских соборов фигурирует в похожем значении лишь применительно к церкви, для обозначения церковного здания, да и то только однажды, в наименее надежном нормативном источнике — постановлениях Толедского собора 597 г.³², подлинность которых неочевидна: дело в том, что каноны этого собора не сохранились ни в одном списке «Испанской канонической коллекции» (*Hispana*) (Martínez Díez, 1966) и известны лишь по Эмилиановскому кодексу конца X в. (Orlandis & Ramos-Lissón, 1986: 241–242).

Возвращаясь, однако, к понятию *palatium* и его производным, отмечу его связь с обозначением корпорации (*officium palatinum*³³) (или даже сословия: *ordo palatinus*³⁴) дворцовых служащих, фигурирующей в законодательстве как участник процесса законотворчества³⁵ и судопроизводства в королевском суде и от имени короля³⁶. В структурном плане этот корпус служащих включал должностных лиц, различавшихся по своему рангу (*dignitas palatina*)³⁷, высшего (*primates palatii, seniores pa-*

³²Conc. Tolet. (a. 597). can. 2.

³³См., например: LI. II.1.4 (Reccesv.) (=LV II.1.5 (Ervigius)); LI. II.1.8 (Chind.) (=II.1.8 Egica); LI. VI.1.2 (Chind. — Ervig.) и др.

³⁴Это понятие выступает как синонимичное по отношению к *officium palatinum*, так что однажды оба выражения фигурируют в тексте одного и того же закона — новеллы короля Эгики (LI. II.1.7 (Egica)). Однако, это единственное упоминание об *ordo palatinus* в королевском законодательстве. Вероятно, употребление этого выражения было более свойственно языку вестготского канонического права, однако, утверждать это уверенно нельзя в силу ограниченности материала; см., например: Conc. Tolet. XII (a. 683). Tomus [Ervigii]. 2; Conc. Tolet. XIII (a. 683). can. 6 (основной текст постановлений того же собора); Conc. Tolet. XVI (a. 693, Egica). Can. 10.

³⁵См., например: LI. II.1.4 (Recc.) = LI. II.1.5 (Ervig.); XII.2.14 (Sisebut.). См. также: Conc. Tolet. XII (a. 681). P. 384 (Lex in confirmationem concilii) и др. На судебные функции корпуса служащих указывает также наличие в его составе должностных лиц, именуемых (*iudices*), хотя реальный круг их полномочий, разумеется, не сводился исключительно к судебным; см., например: Conc. Tolet. VII (a. 646). can. 1.

³⁶См., например: LI. II.1.5 (Recc.) = LI. II.1.6 (Ervig.). См. также: LI. II.1.4 (Recc.) (=LI. II.1.5 (Ervig.)); LI. II.1.8 (Chind.).

³⁷См.: «palatine dignitatis» (LI. II.1.5 (Recc.) (= LI. II.1.6 (Ervig.)); «dignitas officii palatini» (LV VI.1.2 (Chind. — Erv.)).

latii, optimates palatii)³⁸, среднего (*palatii mediocres*)³⁹ и, надо полагать, низшего уровня (хотя прямых указаний на существование последних нет)⁴⁰. Связать эти уровни с конкретными рангами не представляется возможным. Не совсем понятно также, какую роль в становлении института королевского дворца сыграли местные императорские *palatia*, а в какой — наследие (*officia*) префектов претория Галлий, викария (комита) Испаний и *iudices* — наместников провинций. Ясно лишь, что все эти влияния имели место в той же мере, в какой круг должностных обязанностей короля сложился под влиянием элементов юрисдикции римских наместников перечисленных категорий. Однако вопрос об деталях этого процесса несомненно заслуживает отдельного исследования, которое я надеюсь предпринять позднее.

Перейду к характеристике дворцовых служащих как социального (*societas palatii*)⁴¹ или, точнее, сословного (*ordo palatinus*) сообщества. В данном случае, не вдаваясь в детали, обращу внимание только на два ключевые момента.

Во-первых, как и их позднеримские предшественники, те, кто составлял *palatium* вестготского времени⁴², обладали широким кругом привилегий, не столько фискальных (в своем прежнем виде они ушли в прошлое вместе с публичным налогообложением в VI в.), сколько в том, что касалось неприкосновенности их жизни и имущества. Это видно, в частности, в знаменитом «вестготском *Habeas corpus*» (Х. Орландис)⁴³ — втором каноне XIII Толедского собора (Conc. Tolet. XIII (a. 683). can. 2), а также в тексте его подтверждения королем Эрвигием (680–687)), включенного в «Книгу приговоров» как LI. XII.1.3

³⁸«Primates palatii» (LI. III.1.5 (Chind. — Ervig.); LI. VI.1.2 (Chind. — Erv.); LI. IX.2.9 (Wamba — Ervig.)); «maiores palatii» (LI. VI.1.8 (Chind.); Conc. Tolet. VIII (a. 653). can. 10); «optimates palatii» (LI. XII.1.3 (Ervig.)); «palatii ... primi» (LI. XII.2.15 (Recc.)); «seniores ... officii palatini» (Conc. Tolet. VII (a. 646). Can. 1); «seniores palatii» (Conc. Tolet. XII (a. 681). P. 384 (Lex in confirmationem concilii)).

³⁹LI. XII.2.15 (Recc.).

⁴⁰Возможно, впрочем, в этом качестве можно рассматривать выражение «cum maiorum minorumque conventu», фигурирующее в декрете, включенном в постановления VIII Толедского собора (653 г.) (см.: Conc. Tolet. VIII (a. 653, Reccesv. P. 292)).

⁴¹Это выражение встречается лишь однажды применительно к исключению из этого привилегированного «общества»: LI. II.1.5 (Recc.) = LI. II.1.6 (Ervig.).

⁴²Пример автоматического распространения понятия *palatium* на дворцовых служащих (по меньшей мере — на их наиболее высокопоставленную часть) находим в анонимном «Житии св. Фруктуоза»: Vit. Fruct. 8.

⁴³Orlandis, 1997.

(Ervig.)⁴⁴, который отменил репрессивное постановление Вамбы, восходившие к короля закону Хиндасвинта (642–653)⁴⁵. Эта норма вошла и в «Книгу приговоров», и вновь жестокость предыдущей нормы была существенно смягчена⁴⁶. Кроме того, король Эрвигий скорректировал и нормы исполнения палачами воинской повинности, введенные его предшественником Вамбой⁴⁷. Добавлю также, что высших палатинов и их сыновей было запрещено подвергать пытке⁴⁸; при этом даже при Хиндасвинте палачам разрешалось просить о помиловании обвиненного в преступлениях против «народа и родины», относившихся к числу особо тяжких преступлений⁴⁹.

В целом же сравнение более ранних и более поздних версий одних и тех же королевских законов позволяет констатировать устойчивую тенденцию к расширению прав и общему повышению статуса дворцовых служащих, привилегии которых, к тому же, в полной мере распространялись и на их потомство⁵⁰. Правда, Эгика (687–702), с согласия епископата, вновь несколько ограничил права *officium palatinum*⁵¹ вплоть до возможности наказания обращением в рабов фиска виновных в особо тяжких преступлениях против правителя и его близких. Однако, в конечном итоге, это было вынужденной мерой, проведенной в общих интересах: в сохранении королевского контроля над чрезмерно резко возвысившимся и от того склонным к непокорности и мятежам отдельными представителями сословия дворцовых служащих было заинтересовано все это сословие в целом.

Причем даже после реформ Эгики круг привилегий палатинов остался весьма значительным. А ведь еще следует принять во внимание право, данное Рецесвинтом (649–672) верхушке *officium palatinum*, участвовать в выборе короля⁵². И хотя Л. А. Гарсия Морено считает, что в реальной политической практике Толедского королевства вестготов эта норма не действовала (García Moreno, 2010: 395–412), но даже с учетом

⁴⁴Vives. Conc. Tolet. XIII (a. 683). P. 438. Cfr.: Vives. Conc. Tolet. can. 2; LI. XII.1.3 (Ervig.).

⁴⁵LI. II.1.6 (Chind.).

⁴⁶LI. II.1.6 (Ervig.).

⁴⁷LI. IX.2.8–9 (Ervig.).

⁴⁸LI. VI.1.2 (Ervig.); cfr.: LI. VI.1.2 (Chind.).

⁴⁹LI. VI.1.6 (Chind.).

⁵⁰См., например: LI. VI.1.2 (Chind.). Cfr.: LI. VI.1.2 (Ervig.).

⁵¹См.: Conc. Tolet. XVI (a. 693). can. 10; LI. II.5.19 (Egica).

⁵²Conc. Tolet. VIII (a. 653). can. 10.

этого замечания она указывает на высокий статус паладинов вестготской эпохи. О том же самом косвенно свидетельствует и другая норма «Книги приговоров», касающаяся максимального размера приданного магнатов (включая верхушку паладинов), причем и она была смягчена Эрвигием⁵³.

Наконец, значимой для представления о статусе *officium palatinum* является норма, фигурирующая в последние десятилетия VII в. и требовавшая от паладинов (*palatinum*) принесения правителю клятвы личной верности. Практика такого рода получила отражение в тексте Приговора (*Iudicium*), вынесенного участникам мятежа дукса Павла (672–673); текст вошел в состав «Истории Вамбы» Юлиана Толедского. Попытка мятежников в судебном заседании опровергнуть факт принесения ими такой присяги была опровергнута предъявлением им соответствующих документов (*conditiones*). Речь шла о двух актах: первый — подписанный, наряду с другими магнатами, Павлом и его сотоварищами, и скреплявший присягу верности, принесенную ими королю Вамбе и «родине», второй — аналогичное письменное обязательство со стороны магнатов восточных областей Толедского королевства самому Павлу в момент узурпации им власти над этим регионом. Именно противоречие основного содержания первого и второго документов (а вовсе не признание самих обвиняемых) стало основанием как для определения факта виновности, так и для установления конкретного наказания⁵⁴. Прямое же требование приносить и соблюдать присягу содержится в двух новеллах короля Эгика⁵⁵.

Во-вторых, если в позднеримское время законодатель стремился жестко контролировать уровень пребывания декурионов в числе дворцовых служащих (особенно штатных), то в вестготскую эпоху куриалы окончательно исчезают в середине VII в. (последний раз они упоминаются в законе короля Хиндасвинта⁵⁶. На их месте оказываются выходцы из других слоев, прежде всего — королевские рабы и вольноотпущенники. В начале 680-х гг. король Эрвигий последний раз попытался закрыть им путь на дворцовую службу и тем самым противодействовать устойчивой тенденции⁵⁷. Однако еще раньше король Хиндасвинт (642–653) безуспешно пытался решить гораздо менее сложную задачу —

⁵³LI. III.1.5 (Chind.). Ср.: LI. III.1.5 (Ervig.).

⁵⁴Iul. Iud. 6.

⁵⁵LI. II.1.7 (Egica); LI. II.5.19 (Egica).

⁵⁶LI. V.4.19 (Chind.).

⁵⁷Vives. Conc. Tolet. XIII (a. 683). P. 413 (=LI. XII.1.3 (Ervig.)).

хотя бы ограничить допуск этих категорий населения в привилегированное сословие, сделав исключение для рабов и вольноотпущенников королевского фиска⁵⁸.

Более поздний материал свидетельствует о полном и окончательном фиаско этой политики: ограничить приток зависимых людей в число дворцовых служащих королевской власти явно не удалось: ни самостоятельно, ни при поддержке епископата. Более того: в королевском законодательстве высшие должностные лица дворца (*primates palatii*) (в том числе, надо полагать, незнатного происхождения⁵⁹) в середине – второй половине VII в. уверенно приравниваются как к епископам⁶⁰, так и к потомственной знати испано-римского и варварского происхождения — *senioribus gentis Gotorum*. При этом нормой становятся межкласовые альянсы, одним из путей формирования которых были брачные союзы между представителями «старой» и «новой» знати⁶¹. Поэтому мы можем уверенно рассматривать *palatium* вестготского времени как настоящую фабрику новой социальной элиты: рабы и вольноотпущенники фиска, подчас де-факто весьма могущественные люди, имеющие собственных рабов и контролирующие значительное имущество, используют дворцовые ведомства как социальные лифты.

Мусульманское завоевание начала VIII в. прервало действие этой тенденции. Но уже вскоре она возобновилась. Дворец эпохи Астури-Леонского королевства IX – первой трети XI вв., сохранив генетическую связь с дворцовыми учреждениями эпохи Толедского королевства, окончательно превратится в ведомство, где определяющую роль играли зависимые люди короля, главным образом, из числа его рабов, клиентов и вольноотпущенников. Его институциональная структура, еще более упростившаяся по сравнению с вестготским временем, соответствовала реалиям новой эпохи — как в истории королевского дворца, так и в социальной истории испанских политических эпохи раннего Средневековья. Соответствующим образом изменилось и значение понятия *palatium* и его производных.

Однако реалии этого периода требуют отдельного исследования, которое обещает быть не менее интересным и будет осуществлено в обозримом будущем.

⁵⁸LI. II.4.4 (Chind.).

⁵⁹См., например: LI. II.4.4 (Chind., Ervig.).

⁶⁰См., например: LI. XII.1.3 (Ervigius) (Lex in confirmation concilii edita) = Vives. Conc. Tolet. XIII (a. 683). P. 413 и др.

⁶¹LI. III.1.5 (Chind., Ervig.).

СОКРАЩЕНИЯ

- Brev. Breviarium Alarici.
- C. Codex Iustinianus // Corpus Iuris Civilis. Vol. 2 / Rec. P. Krueger. — Berolini : Apud Weidmannos, 1906. — P. 1–513.
- Cic. Ver. *Cicero*. The Verrine Orations. Vol. 1. Against Caecilius. Against Verres / trans. from the Latin by L. H. G. Greenwood. — Cambridge, MA : Harvard University Press, 1982. — P. 122–500. — (Loeb Classical Library ; 221).
- Conc. Tolet. Concilium Toletanum.
- CTh Theodosiani libri XVI cum Constitutionibus Sirmodianis et leges Novellae ad Theodosianum pertinentes. Vol. 1. Pars 2. / ed. T. Mommsen, P. M. Meyer. — Berolini : Apud Weidmannos, 1905.
- Dio Dio's Roman History. With an English Translation by E. Cary. Vol. 6. — London, Cambridge, Mass. : W. Heinemann Ltd., Harvard University Press, 1955. — (Loeb Classical Library ; 83).
- Haenel [Breviarium Alarici] // Lex Romana Visigothorum / ed. G. Haenel. — Lipsiae : Sumptibus et typis B. G. Teubneri, 1849. — P. 1–122.
- Iord. Get. Iordanis De origine actibusque Getarum // Iordanis Romana et Getica / rec. T. Mommsen. — Berolini : Apud Weidmannos, 1882. — P. 53–138.
- Isid. Ethym. Isidori Hispalensis episcopi Etymologiarum sive Originum libri XX : in 2 vols. / rec. W. M. Lindsay. — Oxonii : E Typographeo Clarendoniano, 1911.
- Isid. Hist. Las Historias de los Godos, Vandalos y Suevos de Isidoro de Sevilla / ed. y trad. por C. Rodríguez Alonso. — Leon : Centro de Estudios e Investigación «San Isidoro», 1975. — (Coleccion «Fuetes y estudios de Historia Leonesa» ; 13).
- Iul. Hist. Historia Wambae regis auctore Iuliano episcopo Toletano // MGH : SRM / Ed. W. Levison. — Hannoverae, Lipsiae : Impensis Bibliopoli Hahniani, 1910. — P. 486–535.
- LI Leges Visigothorum. Liber Iudiciorum sive Lex Visigothorum / Ed. K. Zeumer. — Hannoverae, Lipsiae : Impensis Bibliopolii Hahniani, 1902. — S. 33–464.

- Liber Ord. Eccl. Tolet. Le Liber Ordinum en usage dans l'église Wisigothique et Mozarabe d'Espagne du cinquième au onzième siècle / Ed. par D. M. Férotin. — Paris : Librairie de Firmin-Didot et Cie, 1904.
- LRW fragm. Código de Alarico II. Fragmentos de la «Ley Romana» de los visigodos conservados en el codice palimpsesto de la Catedral de León. — León : Fundación Sánchez-Albornoz, 1991.
- Vit. Fruct. *Díaz y Díaz M.* Vida de San Fructuoso de Braga. Estudio y edición crítica. — Braga : s. e., 1974.
- Vives. Conc. Tolet. Concilios visigóticos y hispano-romanos / Ed. por J. Vives, T. Marín Martínez y G. Martínez Díez. — Barcelona y Madrid : CSIC. Instituto «Enrique Flórez», 1963.
- VPSE Vitas Sanctorum Patrum Emeritensium / Ed. A. Maya-Sánchez. — Turnholti (Turnhout) : Brepols, 1992. — (Corpus Christianorum, Ser. Lat. ; 116).

ЛИТЕРАТУРА

- Ауров О. В.* «Gladio vindice Leuuigildi» : Король-реформатор перед лицом памяти // Вестник РГГУ. Сер. «Исторические науки. Всеобщая история». — 2010. — № 18. — С. 33–51.
- Ауров О. В.* «Вестготская правда» («Книга приговоров») : причины, источники и основные этапы истории кодификации // Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст. Перевод. Исследование / под ред. О. В. Аулова, А. В. Маряя. — М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. — С. 96–107.
- Ауров О. В.* «Sicut in edictum scriptum est». К проблеме преемственности римско-правовой традиции в эдиктах варварских королей VI вв. // Вестник древней истории. — 2013. — № 2. — С. 41–63.
- Высоцкий А. М., Беляев Л. А.* Апостолов Святых церковь в Константинополе // Православная энциклопедия. Т. 3. — М. : ИНИЦ «Православная энциклопедия», 2001. — С. 101–102.
- Иванов С. А.* В поисках Константинополя. Путеводитель по византийскому Стамбулу и его окрестностям. — М. : Вокруг света, 2011.
- Сильвестрова Е. В.* Lex Generalis. Императорская конституция в системе источников греко-римского права V–X вв. н. э. — М. : Индрик, 2007.
- [*Du Cange*]. Glossarium Mediae et Infimae Latinitatis conditum a Carolo du Fresne domino Du Cange. Vol. 6. — Niort : L. Favre, Imprimeur-Éditeur, 1886.
- Arce J.* Esperando a los árabes : los visigodos en Hispania (507–711). — Madrid : Marcial Pons, 2011.

- Asso I. J. y Manuel M.* Instituciones del Derecho Civil de Castilla. — Madrid : En la Imprenta de Francisco Xavier García, 1771.
- Beer R.* La Lex Romana Visigothorum y la Biblia Itálica en un códice palimpsesto de la Catedral de León // Boletín de la Real Academia de la Historia. — 1888. — Vol. 12. — P. 103–111.
- Brown-Manrique G.* Trier : Between Memory and Place // Places. — 1986. — No. 1. — P. 31–42.
- Bury J. B.* A History of the Later Roman Empire from Arcadius to Irene (395 A.D. to 800 A.D.) Vol. 1. — London, New York : MacMillan & Co., 1889.
- Cardenas F., Fita F.* Prooemium // Legis Romanae Wisigothorum Fragmenta ex Codice Palimpsesto Sanctae Legionensis Ecclesiae. — Matriti : Apud Ricardum Fe, Regiae Academiae typographum, 1896. — I–XXIX.
- Clauss M.* Der magister officiorum in der Spätantike (4.–6. Jahrhundert). Das Amt und sein Einfluss auf die kaiserliche Politik. — München : C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1980.
- Colmeiro M.* De la constitución y del gobierno de los reinos de León y Castilla. Vol. 1. — Madrid et. al. : Librería de don Angel Calleja, editor, 1855.
- Coma Fort J. M.* Codex Theodosianus; historia de un texto. — Madrid : Universidad Carlos III de Madrid, 2014.
- Cosenza M. E.* Official Positions After the Time of Constantine. — Lancaster, Pa. : Press of the New Era Printing Company, 1905.
- Díaz P. C.* Rey y poder en la monarquía visigoda // Iberia. — 1998. — N° 1. — P. 175–195.
- El subsuelo de la Torre del Pretorio : subestructuras de tradición helenística bajo la sede del Concilium Prouvinciae Hispaniae Citerioris (Tarraco) / M. Serena Vinci [et al.] // Arqueología de la Arquitectura. — 2014. — N° 11. — P. 1–20.
- Ensslin W.* Der Kaiser in Spätantike // Historische Zeitschrift. — 1954. — Jg. 177. — S. 449–468.
- Ernout A., Meillet A.* Dictionnaire étymologique de la langue latine. — Paris : Klincksieck, 2001.
- España Visigoda (414–711). Vol. 3.2 / J. M. Pérez-Prendes [et al.]. — Madrid : España Calpe, 1991.
- España Visigoda (414–711 de J. C.) / M. Torres López [et al.]. — Madrid : Espasa Calpe, 1940.
- Fernández Guerra A., Hinojosa E. y Dios de la Rada y Delgado J.* Historia de España desde la invasión de los pueblos germánicos hasta la ruina de la Monarquía visigoda. En 2 vols. Vol. 1. — Madrid : El Progreso, 1891.
- Fernández Guerra A., Hinojosa E. y Dios de la Rada y Delgado J.* Historia de España desde la invasión de los pueblos germánicos hasta la ruina de la Monarquía visigoda. En 2 vols. Vol. 2. — Madrid : El Progreso, 1892.
- Frank R. I.* Scholae Palatinae. The Palace Guards of the Later Roman Empire. — Rome : American Academy in Rome, 1969.

- García Moreno L. A.* Organización administrativa del Reino visigodo de Toledo // Anuario de Historia del Derecho Español. — 1974. — Vol. 44. — P. 5-155.
- García Moreno L. A.* Historia de España visigoda. — Madrid : Catedra, 1989.
- García Moreno L. A.* La sucesión al trono en el Reino Godo de Toledo. La perspectiva prosopográfica // Doctrina a magistro discipulis tradita. Estudios en homenaje al prof. dr. D. Luis García Iglesias / Ed. por A. J. Domínguez Monedero y G. Mora Rodríguez. — Madrid : Ediciones UAM, 2010. — P. 395-412.
- Gibert R.* Historia general del Derecho español. — Granada : s. e., 1968.
- Hidalgo Prieto R. y Fuertes Santos M. C.* El palatium imperial de Cercadilla. (Palatium Maximiani) // Guía arqueológica de Córdoba. Una visión de Córdoba en el tiempo a través de su patrimonio arqueológico / Ed. D. Vaquerizo. — Córdoba : Anales de arqueología cordobesa, 2003. — P. 102-105.
- Jones A. H. M.* The Later Roman Empire, 284-602. Vol. 2. — Oxford : Basil Blackwell, 1964.
- Lafuente M.* Historia general de España. Vol. 2. — Barcelona : Montaner y Simon, editores, 1887.
- Lexicon totius latinitatis ab Aedigio Forcellini [et al.] ... lucubratum. In 6 vols. Vol. 3 / ed. by A. Forcellini. — Bononiae, Patavii : Arnaldus Forni, Gregoriana Edente, 1965.
- Los Hitos : de Palacio a un Panteón visigodo / ed. por J. Morín de Pablos e I. M. Sánchez Ramos. — Madrid y Castellón : Audema Editorial, 2019.
- Martínez Díez G.* (S.I.). Estudio // La Colección Canonica Hispana. Vol. 1. — Madrid : CSIC. Instituto Enrique Flórez, 1966. — P. 5-58.
- Martínez Marina F.* Ensayo histórico-crítico sobre la antigua legislación y principales cuerpos legales de los reinos de León y Castilla especialmente sobre el código de D. Alfonso el Sabio, conocido por el nombre de las Siete Partidas. — Madrid : En la Imprenta de la hija de D. Joaquín Ibarra, 1808.
- Masdeu J. F.* Historia crítica de España y de la cultura española. Vol. 11. España Goda. Lib. 3: Historia de la Religión, Gobierno y Cultura de la España Goda. — Madrid : En la Imprenta de Sancha, 1792.
- Mayer E.* Historia de las instituciones sociales y políticas de España y Portugal durante los siglos V al XIV. Vol. 2. — Madrid : Publicaciones del Anuario de Historia del Derecho Español, 1926.
- Mellado Rodríguez J.* Léxico de los concilios visigóticos de Toledo. Vol. 2. — Córdoba : Servicio de publicaciones de la Universidad de Córdoba, 1990.
- Millar F.* The Emperor in the Roman World (31 BC — AD 337). — London : Gerald Duckworth & Co, 1977.
- Niermeyer J. F.* Mediae latinitatis lexicon minus. — Leiden : Brill, 1979.
- Oliveira Martins J. P.* Historia da civilização Iberica. — Lisboa : Livraria Bertrand, 1880.
- Olmo Enciso L.* Recopolis. Un paseo por la ciudad visigoda. — Madrid : MAN, 2006.

- Orlandis J.* Los laicos en los concilios visigodos // Anuario de Historia del Derecho Español. — 1980. — Vol. 50. — P. 177–187.
- Orlandis J.* El canon 2 del XIII Concilio de Toledo en su contexto histórico // Anuario de Historia del Derecho Español. — 1997. — Vol. 67. — P. 1603–1610.
- Orlandis J.* Historia del Reino visigodo español. — Madrid : Rialp, 2003.
- Orlandis J. y Ramos-Lissón D.* Historia de los concilios de la España romana y visigoda. — Pamplona : EUNSA, 1986.
- Pérez Pujol E.* Historia de las instituciones sociales de la España Goda. Vol. 2. — Valencia : Establecimiento tipográfico de F. Vives Mora, 1896.
- Pidal P. J.* Lecciones sobre la Historia del gobierno y legislación de España (desde los tiempos primitivos hasta la Reconquista) pronunciadas en el Ateneo de Madrid en los años de 1841 y 1842. — Madrid : Imprenta de la Revista de Legislación, 1880.
- Portela Sandoval F.-J.* El palacio de Diocleciano en Spalato // Gerión. — 1988. — N° 1. — P. 107–136.
- Rodríguez de la Peña M. A.* De la schola al palatium : las mutaciones del discurso sapiencial en los reinos de León y Castilla (siglos XI–XIII) // Cahiers d'études romanes. — 2000. — N° 4. — P. 7–43.
- Romey, Ch.* Histoire d'Espagne depuis les premiers temps jusqu'à nos jours. — Paris : Furne et Co., Libraires-Éditeurs, 1839.
- Royo M.* Le Palatium du IIe au VIe siècle // Rome et ses palais. Dossiers d'Archéologie. — 2009. — N° 336. — P. 68–69.
- Sánchez-Albornoz C.* El Aula Regia y las asambleas políticas de los godos // Estudios visigodos. — Roma : Instituto Stórico Italiano per il Medio Evo, 1971. — P. 151–252.
- Šarkamen (Eastern Serbia) : A Tetrachic Imperial Palace; The Memorial Complex / ed. by I. Popovic. — Belgrade : Archaeological Institute, 2005.
- Sempere J.* Historia del Derecho español. Vol. 1. — Madrid : En la Imprenta Nacional, 1822.
- Tempesta C.* The Byzantine Palace // Elaiussa Sebaste : A Port City Between East and West: An Archaeological Guide / ed. by E. Equini Schneider. — Istanbul : Betül Avunç, 2008. — P. 97–114.
- Thompson E. A.* Los godos en España. — Madrid : Alianza Editorial, 2007.
- Toledo. La construcción de una Civitas Regia. Espejo de las arquitecturas provinciales / R. Barroso Cabrera, J. Carrobes Santos, J. Morín de Pablos e I. M. Sánchez Ramos. — Madrid y Castellón : Audema, 2016.
- Torres López M.* El estado visigótico. Algunos datos sobre su formación y principios fundamentales de su organización política // Anuario de Historia del Derecho Español. — 1926. — Vol. 3. — P. 307–475.
- Weiss P. B.* Consistorium und Comites Consistoriani. Untersuchungen zur Hofbeamtenschaft des 4. Jahrhunderts n. Chr. auf prosopographischer Grundlage : Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde des Philosophischen Fachbereichs II. — Würzburg : Julius-Maximilians-Universität zu Würzburg, 1975.

- Ziegler K.* Palatium // Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neubearbeitung, begonnen von G. Wissowa, fortgeführt von W. Groll und K. Mittelhaus. Bd. 18.3. — Stuttgart : Alfred Druckenmüller Verlag, 1967. — S. 133.
- Zimmermann O. J.* The Late Latin Vocabulary of the Varias of Cassiodorus. With Special Advertnence to the Technical Terminology of Administration. — Hildesheim : Georg Olms Verlagsbuchhandlung, 1967.

Aurov, O. V. 2024. "Ponyatiye palatium v yazyke ispanskogo prava IV – nachala VIII vv. [The Concept of 'palatium' in the Language of Hispanic Law from the 4th to the Beginning of the 8th Centuries]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (3), 57–88.

OLEG AUROV
PHD IN HISTORY
LEADING RESEARCHER
INSTITUTE FOR SOCIAL SCIENCES
RUSSIAN ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION (MOSCOW, RUSSIA)
ASSOCIATE PROFESSOR
RUSSIAN STATE UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0002-0755-9902

THE CONCEPT OF "PALATIUM"
IN THE LANGUAGE OF HISPANIC LAW
FROM THE 4TH TO THE BEGINNING
OF THE 8TH CENTURIES

Submitted: June 28, 2024. Reviewed: July 18, 2024. Accepted: July 22, 2024.

Abstract: The article is devoted to the evolution of the meaning of the Latin concept *palatium* and its derivatives in legal texts of the 4th – early 8th centuries. In the 4th – 5th centuries these concepts were used to designate three main groups of realities. First, the actual premises of the imperial palace, both in the capitals (Rome and Constantinople) and in the provinces (including Spain). Second, the system of institutions that ensured the administration of the Empire. Third, the hierarchically organized corps of palace officials. In the Visigothic epoch changes emerged in the language of royal and church legislation, starting from the 7th century. The architectural model of the Roman palace complex was preserved and continued to be reproduced (in particular in Recopolis and Toledo), however, the scale of the buildings was reduced. The system of palace institutions, although it retained its Roman appearance, was significantly simplified. Services that provided for the personal needs of the king and his family came to the fore. Among the palace employees, increasingly important positions were occupied by royal slaves, freedmen and clients, who formed the backbone of the new emerging political elite.

Keywords: palatium, Palace, Palace Services, Roman Bureaucracy, Royal Slaves and Freedmen, Roman Spain, Visigothic Spain.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-57-88.

REFERENCES

- [Du Cange]. 1886. *Glossarium Mediae et Infimae Latinitatis conditum a Carolo du Fresne domino Du Cange* [in Latin]. Vol. 6. Niort: L. Favre / Imprimeur-Éditeur.
- Arce, J. 2011. *Esperando a los árabes: los visigodos en Hispania (507–711)* [in Spanish]. Madrid: Marcial Pons.
- Aso, I. J., and M. Manuel. 1771. *Instituciones del Derecho Civil de Castilla* [in Spanish]. Madrid: En la Imprenta de Francisco Xavier García.
- Aurov, O. V. 2010. “‘Gladio vindice Leuigildi’ [‘Gladio vindice Leuigildi’]: Korol’-reformator pered litsom pamyati [The Reformer King in the Face of Memory]” [in Russian]. *Vestnik RGGU. Ser. “Istoricheskiye nauki. Vseobshchaya istoriya” [RSUH/RGGU Bulletin. Series “Historical Studies. General History”]*, no. 18, 33–51.
- . 2012. “‘Vestgot-skaya pravda’ (‘Kniga prigovorov’) [‘Visigothic Truth’ (‘Book of Sentences’)]: prichiny, istochniki i osnovnyye etapy istorii kodifikatsii [Reasons, Sources and Main Stages in the History of Codification]” [in Russian]. In *Vestgot-skaya pravda (Kniga prigovorov). Latinskii tekst. Perevod. Issledovaniye [Liber Iudiciorum. Russian Text, Translation, Investigation]*, ed. by O. V. Aurov and A. V. Marey, 96–107. Moskva [Moscow]: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke [Russian Science and Education Aid Foundation].
- . 2013. “‘Sicut in edictum scriptum est’. K probleme preymstvennosti rimsko-pravovoy traditsii v ediktakh varvarskikh koroley VI vv. [‘Sicut in edictum scriptum est’. On the Problem of Continuity of the Roman Legal Tradition in the Edicts of the Barbarian Kings of the 6th Cen.]” [in Russian]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]*, no. 2, 41–63.
- Barroso Cabrera, R., et al. 2016. *Toledo. La construcción de una Civitas Regia. Espejo de las arquitecturas provinciales* [in Spanish]. Madrid and Castellón: Audema.
- Beer, R. 1888. “La Lex Romana Visigothorum y la Biblia Itálica en un códice palimpsesto de la Catedral de León” [in Spanish]. *Boletín de la Real Academia de la Historia* 12:103–111.
- Brown-Manrique, G. 1986. “Trier: Between Memory and Place.” *Places*, no. 1, 31–42.
- Bury, J. B. 1889. *A History of the Later Roman Empire from Arcadius to Irene (395 A.D. to 800 A.D.)*. Vol. 1. London and New York: MacMillan & Co.
- Cardenas, F., and F. Fita. 1896. “Prooemium” [in Latin]. In *Legis Romanae Visigothorum Fragmenta ex Codice Palimpsesto Sanctae Legionensis Ecclesiae*, I–XXIX. Matriti: Apud Ricardum Fe / Regiae Academiae typographum.
- Cicero. 1982. *Against Caecilius. Against Verres*. Vol. 1 of *The Verrine Orations*, trans. from the Latin by L. H. G. Greenwood, 122–500. Loeb Classical Library 221. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Clauss, M. 1980. *Der magister officiorum in der Spätantike (4.–6. Jahrhundert). Das Amt und sein Einfluss auf die kaiserliche Politik* [in German]. München: C. H. Beck’sche Verlagsbuchhandlung.
- Código de Alarico II. Fragmentos de la “Ley Romana” de los visigodos conservados en el códice palimpsesto de la Catedral de León* [in Spanish]. 1991. León: Fundación Sánchez-Albornoz.
- Colmeiro, M. 1855. *De la constitución y del gobierno de los reinos de León y Castilla* [in Spanish]. Vol. 1. Madrid et al.: Librería de don Angel Calleja, editor.
- Coma Fort, J. M. 2014. *Codex Theodosianus; historia de un texto* [in Spanish]. Madrid: Universidad Carlos III de Madrid.
- Cosenza, M. E. 1905. *Official Positions After the Time of Constatine*. Lancaster, Pa.: Press of the New Era Printing Company.

- Díaz, P. C. 1998. "Rey y poder en la monarquía visigoda" [in Spanish]. *Iberia*, no. 1, 175–195.
- Díaz y Díaz, M. 1974. *Vida de San Fructuoso de Braga. Estudio y edición crítica* [in Spanish]. Braga: s. e.
- Dio's *Roman History*. With an English Translation by E. Cary. 1955. Vol. 6. Loeb Classical Library 83. London and Cambridge, Mass.: W. Heinemann Ltd. / Harvard University Press.
- Ensslin, W. 1954. "Der Kaiser in Spätantike" [in German]. *Historische Zeitschrift* 177:449–468.
- Ernout, A., and A. Meillet. 2001. *Dictionnaire étymologique de la langue latine* [in French]. Paris: Klincksieck.
- Fernández Guerra, A., E. Hinojosa, and J. Dios de la Rada y Delgado. 1891. [in Spanish]. Vol. 1 of *Historia de España desde la invasión de los pueblos germánicos hasta la ruina de la Monarquía visigoda*. 2 vols. Madrid: El Progreso.
- . 1892. [in Spanish]. Vol. 2 of *Historia de España desde la invasión de los pueblos germánicos hasta la ruina de la Monarquía visigoda*. 2 vols. Madrid: El Progreso.
- Férotin, D. M., Ed. par. 1904. *Le Liber Ordinum en usage dans l'église Wisigothique et Mozarabe d'Espagne du cinquième au onzième siècle* [in French]. Paris: Librairie de Firmin-Didot et Cie.
- Forcellini, A., ed. 1965. [in Latin]. Vol. 3 of *Lexicon totius latinitatis ab Aedigio Forcellini [et al.] ... lucubratum*. 6 vols. Bononiae and Patavii: Arnaldus Forni / Gregoriana Edente.
- Frank, R. I. 1969. *Scholae Palatinae. The Palace Guards of the Later Roman Empire*. Rome: American Academy in Rome.
- García Moreno, L. A. 1974. "Organización administrativa del Reino visigodo de Toledo" [in Spanish]. *Anuario de Historia del Derecho Español* 44:5–155.
- . 1989. *Historia de España visigoda* [in Spanish]. Madrid: Catedra.
- . 2010. "La sucesión al trono en el Reino Godo de Toledo. La perspectiva prosopográfica" [in Spanish]. In *Doctrina a magistro discipulis tradita. Estudios en homenaje al prof. dr. D. Luis García Iglesias*, Ed. por A. J. Domínguez Monedero and G. Mora Rodríguez, 395–412. Madrid: Ediciones UAM.
- Gibert, R. 1968. *Historia general del Derecho español* [in Spanish]. Granada: s. e.
- Haenel, G., ed. 1849. "[Breviarium Alarici]" [in Latin]. In *Lex Romana Visigothorum*, 1–122. Lipsiae: Sumptibus et typis B. G. Teubneri.
- Hidalgo Prieto, R., and M. C. Fuertes Santos. 2003. "El palatium imperial de Cercadilla. (Palatium Maximiani)" [in Spanish]. In *Guía arqueológica de Córdoba. Una visión de Córdoba en el tiempo a través de su patrimonio arqueológico*, Ed. D. Vaquerizo, 102–105. Córdoba: Anales de arqueología cordobesa.
- Ivanov, S. A. 2011. *V poiskakh Konstantinopolya. Putevoditel' po vizantiyskomu Stambulu i yego okrestnostyam [In Search of Constantinople. A Guide to Byzantine Istanbul and Its Surroundings]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Vokrug sveta.
- Jones, A. H. M. 1964. *The Later Roman Empire, 284–602*. Vol. 2. Oxford: Basil Blackwell.
- Krueger, P., ed. 1906. *Codex Iustinianus* [in Latin]. In *Corpus Iuris Civilis*, 2:1–513. Berolini: Apud Weidmannos.
- Lafuente, M. 1887. *Historia general de España* [in Spanish]. Vol. 2. Barcelona: Montaner y Simon, editores.
- Levison, W., ed. 1910. "Historia Wambae regis auctore Iuliano episcopo Toletano" [in Latin]. In *MGH : SRM*, 486–535. Hannoverae and Lipsiae: Impensis Bibliopoli Hahniani.
- Lindsay, W. M., ed. 1911. *Isidori Hispalensis episcopi Etymologiarum sive Originum libri xx* [in Latin]. 2 vols. Oxonii: E Typographeo Clarendoniano.
- Martínez Díez, G. 1966. "(S.I.). Estudio" [in Spanish]. In *La Colección Canonica Hispana*, 1:5–58. Madrid: CSIC. Instituto Enrique Flórez.

- Martínez Marina, F. 1808. *Ensayo histórico-crítico sobre la antigua legislación y principales cuerpos legales de los reinos de León y Castilla especialmente sobre el código de D. Alfonso el Sabio, conocido por el nombre de las Siete Partidas* [in Spanish]. Madrid: En la Imprenta de la hija de D. Joaquín Ibarra.
- Masdeu, J. F. 1792. *España Goda. Lib. 3: Historia de la Religión, Gobierno y Cultura de la España Goda* [in Spanish]. Vol. 11 of *Historia crítica de España y de la cultura española*. Madrid: En la Imprenta de Sancha.
- Maya-Sánchez, A., Ed. 1992. *Vitas Sanctorum Patrum Emeritensium* [in Latin]. Corpus Christianorum, Ser. Lat. 116. Turnhouti (Turnhout): Brepols.
- Mayer, E. 1926. *Historia de las instituciones sociales y políticas de España y Portugal durante los siglos V al XIV* [in Spanish]. Vol. 2. Madrid: Publicaciones del Anuario de Historia del Derecho Español.
- Mellado Rodríguez, J. 1990. *Léxico de los concilios visigóticos de Toledo* [in Spanish]. Vol. 2. Córdoba: Servicio de publicaciones de la Universidad de Córdoba.
- Millar, F. 1977. *The Emperor in the Roman World (31 BC—AD 337)*. London: Gerald Duckworth & Co.
- Mommsen, Th., ed. 1882. "Iordanis De origine actibusque Getarum" [in Latin]. In *Iordanis Romana et Getica*, 53–138. Berolini: Apud Weidmannos.
- Mommsen, Th., and P. M. Meyer, eds. 1905. *Theodosiani libri XVI cum Constitutionibus Sirmodianis et leges Novellae ad Theodosianum pertinentes. Vol. 1. Pars 2.* [in Latin]. Berolini: Apud Weidmannos.
- Morín de Pablos, J., and I. M. Sánchez Ramos, eds. 2019. *Los Hitos: de Palacio a un Panteón visigodo* [in Spanish]. Madrid and Castellón: Audema Editorial.
- Niermeyer, J. F. 1979. *Mediae latinitatis lexicon minus* [in Latin]. Leiden: Brill.
- Oliveira Martins, J. P. 1880. *Historia da civilização Iberica* [in portugese]. Lisboa: Livraria Bertrand.
- Olmo Enciso, L. 2006. *Recopolis. Un paseo por la ciudad visigoda* [in Spanish]. Madrid: MAN.
- Orlandis, J. 1980. "Los laicos en los concilios visigodos" [in Spanish]. *Anuario de Historia del Derecho Español* 50:177–187.
- . 1997. "El canon 2 del XIII Concilio de Toledo en su contexto histórico" [in Spanish]. *Anuario de Historia del Derecho Español* 67:1603–1610.
- . 2003. *Historia del Reino visigodo español* [in Spanish]. Madrid: Rialp.
- Orlandis, J., and D. Ramos-Lissón. 1986. *Historia de los concilios de la España romana y visigoda* [in Spanish]. Pamplona: EUNSA.
- Pérez Pujol, E. 1896. *Historia de las instituciones sociales de la Espana Goda* [in Spanish]. Vol. 2. Valencia: Establecimiento tipográfico de F. Vives Mora.
- Pérez-Prendes, J. M., et al. 1991. *España Visigoda (414–711)* [in Spanish]. Vol. 3.2. Madrid: España Calpe.
- Pidal, P. J. 1880. *Lecciones sobre la Historia del gobierno y legislación de España (desde los tiempos primitivos hasta la Reconquista) pronunciadas en el Ateneo de Madrid en los años de 1841 y 1842* [in Spanish]. Madrid: Imprenta de la Revista de Legislación.
- Popovic, I., ed. 2005. *Sh-Charkamen (Eastern Serbia): A Tetrachic Imperial Palace; The Memorial Complex*. Belgrade: Archaeological Institute.
- Portela Sandoval, F.-J. 1988. "El palacio de Diocleciano en Spalato" [in Spanish]. *Gerión*, no. 1, 107–136.
- Rodríguez Alonso, C., ed. and trans. 1975. *Las Historias de los Godos, Vandalos y Suevos de Isidoro de Sevilla* [in Spanish]. Colección "Fuetes y estudios de Historia Leonesa" 13. León: Centro de Estudios e Investigación "San Isidoro".

- Rodríguez de la Peña, M. A. 2000. “De la schola al palatium: las mutaciones del discurso sapiencial en los reinos de León y Castilla (siglos XI–XIII)” [in Spanish]. *Cahiers d'études romanes*, no. 4, 7–43.
- Romey, Ch. 1839. *Histoire d'Espagne depuis les premiers temps jusqu'à nos jours* [in French]. Paris: Furne et Co. / Libraires-Éditeurs.
- Royo, M. 2009. “Le Palatium du IIe au ve siècle” [in French]. *Rome et ses palais. Dossiers d'Archéologie*, no. 336, 68–69.
- Sánchez-Albornoz, C. 1971. “El Aula Regia y las asambleas políticas de los godos” [in Spanish]. In *Estudios visigodos*, 151–252. Roma: Instituto Stórico Italiano per il Medio Evo.
- Sempere, J. 1822. *Historia del Derecho español* [in Spanish]. Vol. 1. Madrid: En la Imprenta Nacional.
- Serena Vinci, M., et al. 2014. “El subsuelo de la Torre del Pretorio: substructiones de tradición helenística bajo la sede del Concilium Prouincia Hispaniae Citerioris (Tarraco)” [in Spanish]. *Arqueología de la Arquitectura*, no. 11, 1–20.
- Sil'vestrova, Ye. V. 2007. *Lex Generalis. Imperatorskaya konstitutsiya v sisteme istochnikov greko-rimskogo prava v–XII vv. n. e.* [Lex Generalis. The Imperial Constitution in the System of Sources of Greco-Roman Law of the 5th – 10th cen. AD] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Indrik.
- Tempesta, C. 2008. “The Byzantine Palace.” In *Elaiussa Sebaste : A Port City Between East and West: An Archaeological Guide*, ed. by E. Equini Schneider, 97–114. Istanbul: Betül Avunç.
- Thompson, E. A. 2007. *Los godos en España* [in Spanish]. Madrid: Alianza Editorial.
- Torres López, M. 1926. “El estado visigótico. Algunos datos sobre su formación y principios fundamentales de su organización política” [in Spanish]. *Anuario de Historia del Derecho Español* 3:307–475.
- Torres López, M., et al. 1940. *España Visigoda (414–711 de J. C.)* [in Spanish]. Madrid: Espasa Calpe.
- Vives, J., T. Marín Martínez, and G. Martínez Díez, Ed. por. 1963. *Concilios visigóticos y hispano-romanos* [in Spanish]. Barcelona and Madrid: CSIC. Instituto “Enrique Flórez”.
- Vysotskiy, A. M., and L. A. Belyayev. 2001. “Apostolov Svyatykh tserkov' v Konstantinopole [Apostles Saints Church in Constantinople]” [in Russian]. In *Pravoslavnaya entsiklopediya [The Orthodox Encyclopedia]*, 3:101–102. Moskva [Moscow]: INTs “Pravoslavnaya entsiklopediya” [The Orthodox Encyclopedia].
- Weiss, P. B. 1975. *Consistorium und Comites Consistoriani. Untersuchungen zur Hofbeamtenschaft des 4. Jahrhunderts n. Chr. auf prosopographischer Grundlage: Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde des Philosophischen Fachbereichs II* [in German]. Würzburg: Julius-Maximilians-Universität zu Würzburg.
- Zeumer, K., ed. 1902. *Liber Iudiciorum sive Lex Visigothorum* [in Latin]. In *Leges Visigothorum*, 33–464. Hannoverae and Lipsiae: Impensis Bibliopolii Hahniani.
- Ziegler, K. 1967. “Palatium” [in German]. In *Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neubearbeitung, begonnen von G. Wissowa, fortgeführt von W. Groll und K. Mittelhaus*, 18.3:133. Stuttgart: Alfred Druckenmüller Verlag.
- Zimmermann, O. J. 1967. *The Late Latin Vocabulary of the Variae of Cassiodorus. With Special Advertence to the Technical Terminology of Administration* [in German]. Hildesheim: Georg Olms Verlagsbuchhandlung.

JUAN SOTA*

“MENTE IUBILEMUS INTERIUS,
UOCE PSALLAMUS EXTERIUS”**

THE MARIAN WORKS OF JUAN GIL DE ZAMORA, OFM

Submitted: Mar. 25, 2024. Reviewed: June 04, 2024. Accepted: July 22, 2024.

Abstract: Franciscan Juan Gil de Zamora’s writings represent the most extensive surviving collection of 13th-century Latin Marian literature in Castile. Covering a broad spectrum of topics and genres, from poetic hymns and sermons to theological treatises and miracle tales, these works offer valuable insights into the Franciscan approach to promoting devotion to Mary among varied audiences. This article provides an overview of Juan Gil’s Mariological contributions, emphasizing his “Office of the Virgin”, commissioned by King Alfonso x. Juan Gil’s writings, primarily didactic, were influenced by his teaching roles within the Franciscan Order and aimed to support preaching. His strategic use of language to inspire devotion aligns with 13th-century mendicant preaching trends. By integrating earlier theological traditions with innovative elements, Juan Gil created a distinctive body of work that served both educational and devotional functions. This article reexamines the “Office of the Virgin” not merely as a pious text but as an integral part of Alfonso x’s ideological agenda. By placing the Office within the framework of the king’s political theology, new perspectives emerge on its function and its connection to other royal projects. The analysis demonstrates how Juan Gil’s work intertwined religious and political narratives, enhancing Alfonso x’s image as a devout ruler and reinforcing the political legitimacy of the Castilian monarchy. This study underscores the dual role of Marian devotion in shaping both spiritual and political spheres in 13th-century Castile.

Keywords: Marian Devotion, Juan Gil de Zamora, Castile, Franciscan Literature, Hagiography, Office of the Virgin, Alfonso x, Political Theology.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-89-116.

In recent decades, historiography, especially in the Anglo-Saxon world, has emphasised the importance of studying the cult of the Virgin Mary and its transformations in order to understand multiple aspects of medieval society (Fulton, 2002; Mary..., 2007; Rubin, 2009a,b). The application of fresh approaches and methodologies, such as gender studies, social history, cultural history, and the history of emotions, has demonstrated in various instances that Mary was a vital element of medieval culture.

* Juan Sota, PhD Student in History at the HSE University (Moscow, Russia), jsota@hse.ru, juansota96@gmail.com, ORCID: 0009-0005-0773-7448.

** © Juan Sota. © Philosophy. Journal of the Higher School of Economics.

One of the most evident outcomes of this scholarship is the recognition of the universality of the Virgin's cult and her ability to connect with people of any background and social status: men and women, monks and clerics, kings and nobles, bourgeoisie and common people with various occupations. Mary had something to communicate to everyone, and at the same time, the various Marian practices of devotion that arose constituted a vehicle for the expression and communication of values and ideals, contributing to the forging and consolidation of specific identities (Rubin, 2009a).

This distinctive capacity of the cult of the Virgin has prompted scholars to investigate its propagandistic utilisation in various contexts (Remensnyder, 2014; Scarborough, 2009). Consequently, the study of the promotion of the veneration of Mary extends beyond the mere observation of the extent of this devotion to encompass an examination of the motives of those promoting it.

The thirteenth century is widely regarded as the golden age of Marian devotion, building on the significant groundwork laid in previous centuries within the monastic domain, particularly in the Cistercian order. Since the eleventh century, the increasing focus on the humanity of Christ fostered the popularity of the Virgin. However, it was particularly during the thirteenth century when Marian devotion spread widely outside of monasteries, permeating the most varied environments of medieval society. Mary's *ubiquity*, as Miri Rubin describes it (Rubin, 2009b: 177, 338, etc.), was made possible to a great extent through the preaching of mendicant friars, especially the Franciscans (*ibid.*: 197; *Medieval Franciscan Approaches...*, 2018).

The corpus of works by the Franciscan Juan Gil de Zamora represents the largest surviving body of Latin Marian literature from the thirteenth century in Castile. It encompasses a wide range of topics and employs a variety of genres, offering valuable insights into the Franciscan's methods of propagating devotion to Mary among disparate audiences.

Juan Gil de Zamora († ca. 1306), or *Iohannes Aegidius Zamorensis* as he called himself in Latin, was a Castilian Franciscan polygraph, who was active during the last quarter of the thirteenth century and the beginning of the fourteenth. From the little evidence that has remained of his life, we know that he held the position of *lector* of the Franciscans in his hometown of Zamora around 1278, subsequently becoming *custos* of the same city (with jurisdiction over eight convents), provincial vicar at some time around 1292 and until 1296, and finally minister of the Franciscan province of Santiago from around 1300 until his death. His works, written in Latin,

cover a wide range of subjects from history to music, including rhetoric and hagiography among others (Castro y Castro, 1955; Ferrero Hernández, 2009; 2010; Gil de Zamora, 2018; Pérez-Embid Wamba, 2002; Peralta, 2015: 6–13). His work as *lector* in Zamora proves that he passed his studies in a provincial *studium*, and afterwards in one of the *studia generalia* of the Order, probably in Paris, such as were required for this office.

Juan Gil had close ties to the court of Alfonso X and his son Sancho. He composed the Office of the Virgin for the former and two books for the latter, *De Preconiis ciuitatis Numantine* and *De Preconiis Hispanie*, which was intended as a Mirror of Princes (Hernández, 2021: 255–306; O’Callaghan, 2022). This work celebrates the history and glories of the land where the prince is to reign, praises the virtues of its great men, condemns the vices of the powerful, enumerates the duties of princes and ends with a short treatise on military art. On the basis of this work and in particular the prologue, in which Juan Gil describes himself as Sancho’s “scriptor”, historians assumed for a long time that the Franciscan was a sort of preceptor or secretary for the prince. However, most contemporary scholars are hesitant to speculate on whether Juan Gil served as Sancho’s tutor, and unless further evidence emerges, they prefer to limit his role to the composition of this particular work (Gil de Zamora, 2014: 17; Gil de Zamora, 2018: 21–22; O’Callaghan, 2022: 129). Nevertheless, it is indisputable that Juan Gil acted as an adviser to the prince at least on one occasion, during a pledge in Zamora in 1278. Furthermore, Professor Hernández has recently convincingly argued that he kept some connection with Sancho until at least 1285 and seems to have supported him during the confrontation with his father (Hernández, 2021: 255).

Juan Gil began his output in a fashion typical of his time, by creating an extensive encyclopaedia of knowledge, from which he subsequently developed more specific treatises (Martín-Iglesias, 2015: 143; Peralta, 2015: 14). This initial compilation, of which only fragments remain, consisted of thematic entries arranged in alphabetical order and was entitled *Historia naturalis, canonica et civilis* (and also called *Archiuus siue Armarium scripturarum* or *Mare Magnum*). On the basis of this vast work, Juan Gil subsequently composed more specific treatises including the *Historia naturalis*, the *Historia canonica ac civilis* (also known as *Liber illustrium personarum*), the *Legende sanctorum*, the *Liber Ihesu et Marie*, and others¹.

¹In Juan Gil’s mind this obeys to an organised plan: the first encyclopaedia explores the totality of creation (angels, celestial objects, inanimate things, plants, animals, rational

As might be expected, in his production, Juan Gil dedicated significant attention to religious subjects, with a particular focus on the Virgin Mary. His Marian corpus includes a series of sermons on the Virgin², a monographic treatise on her life and miracles (the *Liber Marie*, Bohdziewicz, 2014b), an explanation of the most important Marian liturgical feasts as part of his extensive hagiographic compilation (the *Legende sanctorum*, Gil de Zamora, 2014), and, finally, a metrical office commissioned by King Alfonso X (Gil de Zamora, 2018).

As we will see, three of his Marian works—the sermons on the Virgin, the *Liber Marie* and the *Legende sanctorum*—were directed towards the lesser brothers, with the double purpose of fostering devotion and providing preaching material. Of particular interest is the fourth work, which was addressed to King Alfonso X and was undoubtedly intended for performance at court.

If we accept that the entry “*Maria multiplex*”, the content of which has not been preserved, found in the index of the *Liber illustrium personarum* (Gil de Zamora, 2014: 103), contained information about the Virgin Mary, we can conclude that this was a topic Juan Gil wrote about since the beginning of his career³. There exists additional evidence of Juan Gil’s works that focus on the Virgin, however, they have not been located or preserved. This could be the case of a *Liber miraculorum* referenced in the *Liber Marie* and identified by Fita⁴.

beings), the *Historia naturalis* deals with inanimate things, plants and animals, and finally the *Historia canonical ac civilis* focuses only on rational beings. This is explained in the beginning of the latter: “In Libro siquidem illustrium personarum, qui est Liber de Historia canonica et civili, laudet te specialiter creatura rationalis. In Libro siquidem de Historia naturali laudet te creatura vegetabilis, sensibilis et insensibilis. In libro autem, cuius titulus est: Archivus sive Armarium scripturarum, laudet te omnis creatura universalis, angelica videlicet et coelica, elementalıs et vegetabilis, sensibilis et rationalis” (Hamy-Dupont, 2017: 161).

²We have notice of 16 sermons that have been edited in the unpublished doctoral thesis by A. Hamy-Dupont (ibid.).

³The preserved entry about Jesus, included in the *Liber illustrium personarum*, proceeding from Juan Gil’s *Armarium*, clearly points towards this conclusion. The entry “*Maria multiplex*” almost certainly contained information about the Virgin and other famous Marias such as Mary Magdalene and Mary of Egypt (Bohdziewicz, 2014b: 61; and especially Gil de Zamora, 2014: 22–23). The *Liber Marie* addresses Her as “*Maria maxima Mariarum*”, pointing towards the same conclusion. *Liber Marie*, tract. v (Bohdziewicz, 2014b: 197).

⁴“Sicut patet per multa miracula, quae in libro nostro de Virgine almiflua sunt digesta, de quibus ad deuotionem uestram unum breue miraculum subscribemus” (*Liber Mariae*, tract. VII, cap. III). Fita, 1888: 188. Cf. Bohdziewicz, 2014b: 53–54. For the opinion that this book must instead be identified with chapter XVI of *Liber Marie*, see Gil de Zamora, 2018: 32.

When addressing the corpus of works of Juan Gil on the Virgin Mary, it is necessary to keep in mind some essential aspects of his overall output. The first one is its connection with preaching. Preaching constituted a fundamental activity for the friars, for which they required appropriate material. In numerous instances, Juan Gil insists that his writings were compiled in order to assist his Franciscan brothers, or other people (such as the bishop of León Martín Fernández or the anonymous prelate, who commissioned the *Opus sermonum copiosus*), in their task as preachers. This aim is particularly evident in the sermons, the *Liber Ihesu et Marie*, and the *Legende sanctorum*. Furthermore, this applies even to several of his non-religious works, either because they were intended for the linguistic preparation of the future preachers (*Prosodion*, *Dictaminis Epithalamium*⁵), or because of their moral and didactic character, as it has been shown for the *Historia naturalis*, which contains a valuable collection of moral exempla (Hamy-Dupont, 2014: 88–90; see also García, 2013; Martínez Gázquez, 1998; 2000).

The second aspect that should be taken into account concerns the working methods of the Franciscan. Juan Gil presents himself, as it is indeed the case, as a compiler that gleans information “ex dictis et scriptis orthodoxorum doctorum”, organising it to make it easier for others to access that material. Nevertheless, as it has been proven in recent scholarship, Juan Gil was much more than that. For each of his works, he undertook a thorough selection of authors and passages, bringing them together to create a genuine composition that would meet a specific demand (Bohdziewicz, 2014a; Ferrero Hernández, 2019). His production reveals a solid foundation in the liberal arts and familiarity with the oeuvre of the most significant scholars of his era, which suggests a university education⁶.

One last consideration before approaching the Marian works of Juan Gil in detail. It must be noted that, in addition to his encyclopaedic and preaching interest, the Franciscan asserts a devotional purpose for many of his religious writings (Hamy-Dupont, 2017: 258; Ferrero Hernández, 2019). This is suggested by the insertion of meditations in the *Liber illustrium personarum*, as well as introducing groups or categories of sermons in his sermonary and some treatises of the *Liber Marie*. The XVIII treatise of the latter is entirely dedicated to prayers or meditations on the Virgin, with

⁵See Juan Gil's prologue to the *Dictaminis Epithalamium* (Gil de Zamora, 1978: 33–34).

⁶Nevertheless, as has already been noted, he is not included in Vázquez Janeiro's list of Franciscans who graduated in theology from the University of Paris in the thirteenth century (Hamy-Dupont, 2017: 49–50).

a total of 23 included. Furthermore, this devotional intention is directly declared in several passages of his works⁷.

The main sources of all Juan Gil's Marian compositions are three Cistercian authors of the twelfth century: Bernard of Clairvaux, Nicholas of Clairvaux and Adam of Perseigne; and the *Legenda Aurea*. To a lesser extent he turns to the Marian works of Anselm of Canterbury, Paschasius Radbertus, Petrus Damianus, Autpert Ambrose, Hugh of Saint Victor, Vincent of Beauvais, Helinand of Froidmont, Bonaventure, Alcuin, to the *Glossa ordinaria* and to the Latin Fathers of the Church: especially Jerome, Augustine and Ambrose⁸.

The dating of Juan Gil's works is difficult to settle with precision, since some of them still lack a critical edition. Many times it is only possible to achieve an internal chronology of his output, based on references of his writings. According to the chronology of the whole Egidian production

⁷"Hoc igitur amore et horum amore attractus et illectus, Ihesu scilicet et Marie, duos cogitavi libros in eorum titulum compilare in confutatione errantium, ad confirmationem credencium, ad illuminationem et inflamationem proficiencium et ad contemplationem et degustationem seu dulcedinem perfectionem" (*Meditatio prohemialis in librum de Ihesu et Maria*. Bohdziewicz, 2014b: 162).

"Ipsa uero preconia cedunt in Virginis commendationem, in legentium contemplationem, in predicatorum informationem et in audientium deuotionem" (*Liber Marie*. Tract. VI, *meditatio prohemialis*. *ibid.*: 206).

"Sicut patet per multa miracula, quae in libro nostro de Virgine almiflua sunt digesta, de quibus ad deuotionem vestram unum breve miraculum subscribemus" (*Liber Marie*. Tract. VII, cap. III. *ibid.*: 267).

"Incipit prologus in librum Ihesu Nazareni filii summi regis primogeniti et heredis quem edidit frater Iohannes Egidii de ordine fratrum Minorum in titulum et preconium eorum et contemplationem cordium deuotorum" (*Liber Ihesu*. Incipit. Gil de Zamora, 2014: 26)

"Explicit liber almiflui Dei filii Ihesu Christi, cuius incarnatione excitamur ad deuotionem, cuius natiuitate allicimur ad dilectionem, cuius circumcisione monemur ad subiectionem, cuius apparitione manu ducimur ad ipsius inquisitionem, cuius passione inducimur ad compassionem, cuius resurrectione obligamur ad gratiarum actionem, cuius ascensionem subleuamur ad contemplationem, cuius missione spiritus sancti introducimur ad annum iubilei, ubi est omnimoda quies corporis et anime cum Ihesu Nazareno, Ihesu, inquam, meo, qui cum patre et spiritu sancto uiuit et regnat in secula seculorum. Amen" (*Historia canonical ac ciuilis*. *ibid.*: 23)

"De hoc igitur Ihesu meo tam dulci, tam suauis, tam potentifico, sapientifico et salubri libellum in contemplationem et consolationem religiosorum pauperum Christum Ihesum pauperem sequentium et Franciscum eius signiferum compingentes, primo tractabimus..." (*Historia canonica ac ciuilis*. *Litera I*. "Ihesu". *ibid.*: 27)

"Incipit meditatio affectum anime alliciens et mouens ad deuotionem et contemplationem sollempnitatis omnium sanctorum. Quam meditationem ordinauit frater Juannes Egidii doctor fratrum Minorum..." (*Historia canonica ac ciuilis*. *Litera O*. "Omnes sancti". *ibid.*: 104).

⁸Cfr. The Critical edition of each of the works cited above.

provided by Estrella Pérez (Gil de Zamora, 2018: 25–28), his Marian works would have appeared in the following order:

- (1) The *sermones virginales*, as part of his books of sermons. We know that the *Liber sermonus copiosum* should have been completed before the composition of the *Liber illustrium personarum* in which it is mentioned, i. e. before 1282/88. We know nothing about the chronology of any previous book of sermons⁹.
- (2) The hypothetic entry “Maria” in the *Liber illustrium personarum* (between 1279 and 1282/88¹⁰).
- (3) The *Officium almiſtue Virginis* (finished before the death of Alfonso X, to whom it is dedicated, 4.04.1284): since we know it was written in Zamora, as Juan Gil reveals in the prologue, the composition of the office can be situated after Juan Gil’s return to Spain, somewhere around 1278¹¹.
- (4) The second part of the *Liber Ihesu et Marie*, i. e. the *Liber Marie* (after 1268¹² and before the conclusion of the *Legende sanctorum*, i. e. before 1289).
- (5) The entries that correspond to the 4 Marian feasts in the *Legende sanctorum* (between 1279 and 1289).

This approximate time frame places Juan Gil’s Marian production, as well as the rest of his works, in the decades of the 1270s and especially 1280s. During this period, Gil served as a lector of the Franciscan *studium* of Zamora, a role that may have prompted his desire to systematically compile the knowledge of his era to enhance accessibility for his pupils. His wisdom must have been appreciated in the Order, since he was asked to write several books aimed at helping his brothers in their predication, and even General Ministers asked him to compile specialized treatises¹³. This last fact, together with his use of the Latin language and the dispersion of the manuscripts that contain his works all around Europe, is proof of the

⁹On these different books of sermons, see what is explained below.

¹⁰For the last date, see Gil de Zamora, 2014: 32–33.

¹¹See Gil de Zamora, 2018: 85.

¹²For the identification of this *terminus post quem*: Gil de Zamora, 2014: 33–34. If we assume that it was based on the *Liber illustrium personarum*, we should place its composition after the conclusion of that work, i. e. after 1279.

¹³It is the case of his *Ars Musica*, composed on Johannes de Mirovalle’s request, who ruled the Order from 1296 to 1304. His *Contra Venena* is also dedicated to a general minister, Raymond Geoffroy, although we do not know if it was commissioned by him or was Juan Gil’s initiative (Ferrero Hernández, 2009: 19).

international vocation of his output (Gil de Zamora, 2018: 28): something most probably related to the years of formation he spent in Paris.

It is reasonable to assume that this recognition extended to his Marian writings. Otherwise, is it feasible that someone with the preoccupation for knowledge of the King Alfonso X, who certainly had a team of experts working in the creation of the colossal project of the *Cantigas de Santa María*, as well as cultivated clerics at his service¹⁴, may have commissioned him an *Officium* of the Virgin for its use at the court?

A CORPUS OF WORKS FOR THE USE OF THE FRIARS

1. THE BOOKS OF SERMONS

It is probable that at least some of the sermons were composed quite soon by the Franciscan. According to Peralta (Peralta, 2021), Juan Gil followed in his sermonaries the same strategy as in the rest of his production: he initially compiled an extensive sermonary, for all the different situations that a preacher could face (*Opus sermonum magnum*), from which he later made a smaller version (*Opus sermonum parvum*, called also *Liber sermonus copiosum*)¹⁵, as well as a collection of sermons on virtues and vices (*Breviloquium sermonum virtutum et vitiorum*) for the bishop of León, Martín Fernández (Peralta, 2015). This last collection is the only one that can be given an approximate dating based on the years that Martín Fernández carried out his ministry in León (1254–1289).

Leaving aside the *Breviloquium*, both the big collection and the smaller one are divided into 12 categories: sermons for all the Sundays of the Liturgical year, including the feasts of Christ (*sermones temporales*); for the feasts of the Virgin (*sermones virginales*), the angels, the Holy Cross, the different categories of saints — apostles, evangelists, martyrs, confessors... — (*sermones sancturales*) and for a wide range of different pastoral situations (see categories 6–12).

- (1) Sermones temporales
- (2) Sermones uirginales
- (3) Sermones angelorum

¹⁴On Alfonso X's scriptorium see especially, Fernández Fernández, 2020.

¹⁵Proof for the distinctions of these two sermonaries provided by Peralta is the text copied by Francisco Méndez in 1777 from the explicit of the *Liber Ihesu*: “Prefatas vero materias a Nativitate Christi usque ad Sancti Spiritus missionem, si quis plenius habere voluerit requirat in opere magno Sermonum nostrorum. In parvo enim opere sucinte traduntur, comunes Sermones, et generales, licet eundem habeat Prologum utrumque opus”. Peralta, 2021: 321.

- (4) Sermones de cruce
- (5) Sermones sancturales
- (6) Sermones curiales
- (7) Sermones conuentuales
- (8) Sermones synodales
- (9) Sermones pro dedicationibus templorum
- (10) Sermones pro consecrationibus monialium
- (11) Sermones in processionibus et clamationibus populorum
- (12) Sermones pro exequiis mortuorum

As we can appreciate, these two collections included sermons on the main Marian feasts, although only those in the two manuscripts containing the smaller compilation were preserved. Nevertheless, Hamy-Dupont has demonstrated that at least 10 sermons of the Virgin were intercalated in the *Liber Marie* (Hamy-Dupont, 2017), 8 of which are not found in the *Opus sermonum parvum*. It can be assumed that these proceeded from the major collection, which thus contained at least 16 sermons on the Virgin: 4 for each of the 4 big Marian feasts (the Nativity, the Annunciation, the Purification, and the Assumption).

These texts follow the structure of university sermons. The exposition is based on a *thema*, a quotation from the Holy Scripture. After a brief introduction to the subject (*introductio thematis*), and a reference to a current issue that requires correction (*divisio*), the different parts of the sermon are announced (*declaratio partium*). These are then explained in order, following the method of *dilatatio*, which may include recourse to authority (biblical, Church Fathers or other ecclesiastical writers and philosophers), explanation of the Scripture, prefiguration, the use of examples (*exempla*) and comparisons. The sermon usually ends with a doxology in praise of God (Gil de Zamora, 2011: 55–62).

2. THE HAGIOGRAPHIC COLLECTION

The *Legende sanctorum* is a big hagiographic compilation, structured, like an encyclopaedia, in alphabetical order. Its main sources are Jacobus de Voragine's *Legenda Aurea* and Jean of Mailly's *Abreuiatio in gestis et miraculis sanctorum* (Gil de Zamora, 2014: 19). Juan Gil explains that it is an abbreviation of the lives of the saints featured in one of his major works,

the *Historia illustrium personarum*. It is designed as a more portable and accessible volume for preaching purposes¹⁶.

The aim of the entries concerned with the feasts dedicated to Mary is to describe the events honoured on each occasion: the Nativity of Mary, the Annunciation (including the Visitation), the Purification, and the Assumption into Heaven. The narration of these events is a vivid story presented to the imagination, full of dialogues and details, that relies heavily on the *Legenda Aurea*. However, and this differentiates these entrances from other lives of saints in the book, the narration is constantly interrupted by pious considerations and prayers in first person, mainly from saint Bernard, with whom the reader (or the hypothetical audience of the sermon) is invited to join the scene and somehow interact with the Virgin. Thus, Juan Gil is providing his brethren with material that fits perfectly with the preaching method of the Franciscans, leading to what has been called *affective meditation*.

Finally, the explanations of the feasts of the Annunciation and the Assumption are completed by several miracle tales that Juan Gil presents as proofs of the dogma.

THE LIBER MARIE

The same equilibrium between explaining the doctrine and providing material for contemplation can be established for the *Liber Marie*, although the latter was conceived as a summa of Mariology that covers everything related to this cult in an orderly manner.

The opening meditation (*meditatio prohemialis*), which combines several passages from Adame of Perseigne, sets the reader in a contemplative mood, which is characteristic of the author and constitutes one of the keys to understanding his entire oeuvre. It is a highly mystical prayer, from which I present several lines that effectively convey the author's desired tone¹⁷:

¹⁶“Legendas eorum, iuxta uotum et desiderium plurimorum, in libris nostris de Ystoria canonica et ciuilis prolixè tradidi, eo quod eisdem utilius esse credidi. Nunc autem, quia fratres nostri patris sancti Francisci emuli, tenues paupertate, gaudent breuitate, maxime quia, cum ad predicandum exeant, tantum honus librorum secum deferre non possunt, idcirco ipsis instantibus et supplicantibus, ex multis pauca excerpsti, que in hoc libro breui calamo et atramento fluido exarauì, pauperum crucifixi respiciens necessitatem potius quam utilitatem” (Gil de Zamora, 2014: 132).

¹⁷Bohdziewicz, 2014b: 162. The translation is mine.

Ihesus enim et Maria religiose anime sunt melodie musicorum, decores colorum, respirationes odorum, dulciores saporum, honesti amplexus spiritualium brachiorum etiam solutionum omnium questionum. Ihesus et Maria religiose anime sunt scola uirtutum, angelorum scala, hominum erudicio salutans, piscina misericordie et pietatis, regula euangelice ueritatis, statera iusticie ac equitatis. Ihesus et Maria sunt fontes dulcedinum, sponsos amorum, affectiones castorum osculorum, confabulationes animorum, consolationes et recreationes tubulorum¹⁸. Ihesus et Maria sunt uere amanti sole lucidiores, luna pulciores, niue candidiores, antiquo ebore rubicundiores et quolibet odorabili fragantiores. Per Ihesum et Maria mundi luctus depellitur, planctus penalis absoluitur, tristitia criminis aboletur, celestis letitia restauratur. Ihesus et Maria sunt refectio repatriantium, amantium se dulcor unicus et ad se peruenientium, leticia proficientium, peruenientium plenitudo. Ihesu et Marie caritate nichil felicius, cui tantum est in uicia odium, in homines amor, in angelos transitus, desiderium in eternis. Ihesu et Marie amor dissidentia unit, disiuncta compaginatur, peruersa corrigit, bona dirigit et optima queque custodit. Amor Ihesu et Marie in sapientia proficit et ad splendorem prouehit sempiternum.

For pious souls, Jesus and Mary are the melody of musicians, the beauty of the colours, the breath of fragrance, the sweetness of taste, the honest embraces of spiritual arms, and the solution to all needs. For pious souls, Jesus and Mary are a school of virtues, the ladder of angels, bringers of enlightenment to humanity, a pool of mercy and piety, rule of evangelical truth, balance of justice and equity. Jesus and Mary are a sweet source, the love of spouses, the affection of a chaste kiss, harmony between souls, comfort and enjoyment of the afflicted (?). For their authentic lovers Jesus and Mary are brighter than the sun, more beautiful than the moon, whiter than the snow, ruddier than rubies, and more fragrant than any perfume. Through Jesus and Mary, the world is freed from mourning, the penitent weeping is absolved, the sadness of crime is abolished, and heavenly joy is restored. Jesus and Mary are rest for those returning home, unique sweetness for those who love them and come to them, happiness for those parting, and fullness for those arriving. There is nothing more joyful than Jesus and Mary's love, which is the same as hatred of vice, love for others, ascension to the angels and desire for the eternal. The love of Jesus and Mary unites the separated, reconciles the disunited, corrects the perverse, directs the good and safeguards the best. The love of Jesus and Mary benefits wisdom and leads to eternal glory.

The fact that the *Liber Marie* is conceived as the second part of a *Liber Ihesu et Marie* inserts the whole Mariology of the Franciscan in a solid

¹⁸The term "tubulus" does not seem to make any sense here. If we instead read it as "tribulorum" it can be easily understood. I do not have access to the manuscript, so I cannot say if this is a mistake made by the editor.

Christology¹⁹. The first three chapters of the work deal with the prefiguration of Mary in the Old Testament, a relevant element in the whole Marian production of the Franciscan (Gil de Zamora, 2018: 37). Chapters IV to XV detail the earthly life of the Virgin from her conception to her Assumption. These are followed by a collection of miracles (chapter XVI), an exhortation to virgins and widows (chapter XVII) and a collection of 23 prayers in alphabetical order (chapter XVIII).

Juan Gil anticipates the major aspects of his vision of the Virgin in the *prohemium*, where he explains the title of his book, in which he asserts to have consciously mentioned both the virginity and the maternity of Mary, emphasizing his desire to honour both the Son and the Mother.

Post primum librum editum in titulum et preconium Ihesu Nazareni, Filio summi Regis primogeniti et heredis, sequitur secundus liber editus in preconium et in titulum almiflue Matris eius. Marie, Matris alme Regis Ihesu altissimi, libellum in nostre mentis compaginibus preconcepimus sigillare tandem et ad hedificationem legentium exterius annotare in titulum tante Virginis et in titulum tante Matris, in titulum seu preconium tanti Filii tante Matris (Bohdziewicz, 2014b: 165).

Our initial reaction to this text is that all those elements that Juan Gil claims to cover in the title were nevertheless not included, at least explicitly, since the title reads simply “Liber Marie”. Where, then, are the references to the “Mother” and the “Virgin”? Where is the mention of her Son? The answer is hidden in the deciphering of the name of Mary, provided by Juan Gil: Maria corresponds to “*Matris alme Regis Ihesu altissimi*” (Holy Mother of the Highest King Jesus). The name is to be interpreted as an acronym, in which each letter corresponds to a word, in a fashion very extended during the Middle Ages²⁰, although we have been unable to find this precise usage in any other author. Thus, Juan Gil truly offers a very condensed summary of his work in its title. All the mentioned elements are here, if we assume

¹⁹“Hoc igitur amore et horum amore atractus et illectus, Ihesu scilicet et Marie, duos cogitavi libros in eorum titulum compilare in confutatione errantium, ad confirmationem credencium, ad illuminationem et inflammationem proficiencium et ad contemplationem et degustationem seu dulcedinem perfectionem. Primus autem liber erit de Ihesu Nazareno, Filio summi Regis, primogeniti et heredis. Secundus intitulabitur liber Virginis Marie, almiflue Matris eius. Titulus ergo libri talis est: liber Ihesu et Marie” (Bohdziewicz, 2014b: 164). About the Liber Ihesu see Martín-Iglesias & Pérez Gordillo, 2021.

²⁰Alfonso X’s Cantiga 70 dwells as well upon the name of Mary, giving however multiple interpretations to each of the letters CSM. 70.

that an allusion to the virginity of Mary is present in the adjective “alma” (here used as “holy”, or “pure”²¹).

Another central aspect of Juan Gil’s Mariology that can be apprehended from the structure of the *Liber Marie*, is its concern about Scripture. As we said, the first three chapters deal with the prefiguration of the Virgin in the Old Testament (some of the discussed fragments are: Gen 3:15, Ex 17:6, Ct 3:6, 4:7, 6:9, Is 7:14). The typological interpretation of the Old Testament is also strongly present in the sermons of the Virgin — almost all parting from a quotation (*thema*) of the Old Testament — and in the use of multiple metaphors of Mary throughout the Franciscan’s production: burning bush, Aaron’s rod, ark of the Covenant, stem of Jesse, fleece of Gideon... The following eleven chapters of the *Liber* have to do with the life of the Virgin and follow the Gospels, adding significant evidence from the Apocrypha, which nevertheless is granted less authority, as Juan Gil clarifies in the prologue²². This has led some scholars to consider the book an early example of the genre of Mary’s lives (Arronis Llopis & Baños Vallejo, 2014: 72–73).

It is in this narrative and scriptural framework that Juan Gil discusses such theological topics as the assumption (Chapter XIV) or the conception and sanctification of Mary (Chapters IV–V). About the Assumption in body and soul he states, that although it is not testified by Scriptures, it is nevertheless credible, since there is no notice of her tomb or place of burial, something believers would have certainly kept memory of and transmitted if existed²³. The chapter devoted to this topic starts with a meditation and

²¹Regarding the use of this word by Juan Gil, E. Pérez notices that, apart from its classical sense as “nutritious”, “nourishing” or “revitalizing”, during the Middle Ages it was used to refer to God and the saints with the meaning of “divine, venerable, sublime, holy” (Gil de Zamora, 2018: 121). The more precise meaning as “pure” in this context is suggested by another passage from one of the meditations of the *Liber*: “Maria, mater alma et fecunda uirgo, mater et incorrupta...” (ibid.: 202), in which “mater alma” and “fecunda uirgo” are used as a pair of oxymorons to express the mystery of Mary’s simultaneous virginity and maternity.

²²“Si qua in hoc libello propter deuotionem legentium scribuntur apocrypha, ut apocrypha esse uolo, sicut uerba Iacobi, filii Alpei et euangelium Nichodemi et quedam alia, que ad deuotione tantummodo conscribuntur. Quecumque uero hic et alibi a me scripta sunt, accipiantur absque preiudicio sentencie melioris” (Bohdziewicz, 2014b: 164).

²³“Ipsa enim surrexisse in corpore et in anima, licet autentica nulla Scriptura testetur, ex eo tamen credibile est quia nulla ubique terrarum de presencia eius opinio habeatur. Plurimorum corpora martirum diuinitus reuelari noscuntur. Quomodo ergo Matris corpus sine honore in terris sineret occultari qui legem scripsit de parentibus honorandis?” (ibid.: 170). See also Tractatus XIV “De almiffue Virginis dormitione et ipius in celum assumptione et annorum uite sue computatione quartus decimus tractatus” (ibid.: 337–370).

follows with the narration of the events according to tradition, including reflections on the number of years Mary lived on earth.

Regarding the more controversial issue of the conception, Juan Gil gives notice of being aware of the different opinions regarding the matter²⁴. He explains that he believes Mary was conceived in sin (*conceptam esse credimus in peccato*) but was nonetheless sanctified in her mother's womb prior to birth (in another place, he states that Mary was "in utroque super angelos exaltata"). In his view, is this sanctification rather than the conception itself (*conceptionem seminum / conceptionem naturarum*) that is liturgically celebrated in the feast of the Conception of the Virgin²⁵. In addition, he states that after sanctification the Virgin was preserved of all sins²⁶. This position, known as the "sanctificatio in utero", was previously prominently defended by Bonaventure (who developed the doctrine of Bernard of Clairvaux), whose works are extensively cited in the *Liber*. From him Juan Gil also drew the teaching of the "double sanctification" of Mary: first in the womb and second after Her birth²⁷. It is also noteworthy the omission of the feast of the Conception of Mary in the *Legende sanctorum*, which must be understood as a consequence of the opinion expressed in the *Liber Marie*: those celebrating the feast should not be reprehended, but neither should they be praised²⁸.

²⁴"De sanctificatione eius a diuersis doctoribus uarie decertatur. Quidam enim dicere uoluerunt in anima gloriose Virginis gratiam preuenisse maculam originalis peccati. [...] Aliorum uero positio est quod sanctificatio Virginis subsequata est originalis peccati et contractionem" (Bohdziewicz, 2014b: 197).

²⁵"Et ideo non est concepcio habendo respectum ad conceptionem seminum ab Ecclesia celebranda, sed per respectum ad sanctificatione, que facta est post conceptionem naturarum, id est unionem anime ad corpus, que naturarum conceptio nuncupatur" (ibid.: 192). On this topic: Marchand & Baldwin, 1987; Hamy-Dupont, 2017: 217–226. More generally on the discussion in medieval Hispanic literature see Twomey, 2008.

²⁶"Et ita fuit immunis secundum Augustinum in libro de Natura et Gracia et secundum Bernardum Ad Lugdunenses ab omni culpa tam ueniali quam mortali per sanctificationis gratiam copiosam" (Liber Marie, tract. v. Bohdziewicz, 2014b: 201).

²⁷"Propter quod notandum est quod iuxta uerbum propheticum decet domum Dei sanctitudo et spiritualem domum decet sanctitudo. Cum igitur almiflua Mater Christi dupliciter fuerit domus Dei, scilicet quod ad inhabitationem spiritualem in mente et quo ad inhabitationem corporalem in carne. Iuxta hoc duplicem sanctificationem meruit obtinere. Prima fuit sanctificatio mentis, secunda uero ipsius carnis, quia uero maior fuit effectus secunde sanctificationis eciam usque ad carnem oportuit quod maior esset copia gracie sanctificationis" (Liber Marie, tract. v. ibid.: 200; Bonaventura, 1887: 77).

²⁸"Sunt tamen aliqui qui ex spirituali deuotione celebrant conceptionem beate Virginis, quos nec omnino laudare nec simpliciter audeo reprehendere" (Liber Marie, tract. iv. Bohdziewicz, 2014b: 194).

The overall image of Mary in this work is that of the Mother of God, chosen from eternity for this mission and filled with privileges from the moment of her conception. Mary is presented as the holiest and most perfect of creatures, united in a unique and special way to her Son and therefore also possessing an incomparable power, greater than that of all the saints. Mary is finally the Merciful Mother of mankind, with whom she exercises solicitous and constant care. All this is conveyed through a rich variety of images and arguments from the tradition of the Church, which are seldom innovative. Nevertheless, there can be found several examples for which we do not know precedents. This is the case of the already mentioned way of addressing Mary, very often used by Juan Gil, as “Mater alma Regis Ihesu altissimi”. Another example, although only used once in the book, is the original naming of the Virgin as “our abness” alongside the more conventional “Queen” in the context of the Assumption²⁹.

To summarize, the *Liber Marie* presents an exhaustive exposition about the figure of Mary, that is far from being a conventional theological treatise. It combines exegetical reflections with extensive narrative sections and a constant contemplative and laudatory interest, expressed in meditations, prayers and hymns. All these elements make it difficult to categorize the *Liber Marie* simply as a theological, hagiographical, or devotional work, and point rather towards a sort of Marian encyclopaedia, something in perfect accordance with the spirit of its author. It seems reasonable to suppose that the *Liber Marie* resulted from the reorganisation of all the Marian writing of Juan Gil, including the sermons, the *Liber Illustrium personarum* and maybe the Office. Thus, the aim of this work would be, in my view, related to the formation of the friars (spiritual as well as intellectual) and the preparation of preaching (Castro y Castro, 1955: CVIII).

AN OFFICE FOR THE ROYAL COURT

As Cándida Ferrero has observed, Juan Gil’s production adhered to a pedagogical plan aimed at reaching society through the formation of the

²⁹The significance of these two expressions is similar, alluding to the exaltation of Mary in Heaven and the power conferred on Her over humanity. “Plane supra omne genus humanum ascendit usque ad angelos, sed ipsos eciam superat et trascendit et celestem omnem supergreditur creaturam. Et ideo sicut ad primatem est recursus de omne grauamine, ita quoque ad Virginem gloriosam, quam Deus in celis nobis constituit abbatissam. [...] Ascendens igitur in altum Virgo beata dabat omnibus ipsa dona. Nec mirum quia nec facultas sibi deerit nec uoluntas. Regina celorum est et misericors et Mater omnipotentissimi Ihesu Christi” (*Liber Marie*, tract. XIV. Bohdziewicz, 2014b: 337).

friars and the kings (Ferrero Hernández, 2019). The majority of his religious writings were directed towards the former, while his *De preconiiis Hispanie* and the *Officium* were aimed at the latter. If the initial text is correctly identified as a *Speculum principum* for King Alfonso X's son Sancho, the Virgin's office is yet to be recognised as a pedagogical and political text and has been treated solely as devotional, despite Pérez-Embid's warning, that "this work is of great importance in the process of the formation of the monarch's Marian ideology" (Pérez-Embid Wamba, 2002: 305).

The Office has been preserved in a single copy, dating from the late thirteenth or early fourteenth century, which could have been made for Juan Gil himself, as the editor suggests (Gil de Zamora, 2018: 179). The manuscript, although not luxurious, was carefully written and revised by two professional scribes, probably from Juan Gil's convent (ibid.). Before the Office, it includes the *Liber Marie*. This fact leads the editor to make another suggestion: the volume would have been made for the devotion of the friars of the convent of Zamora or, less likely, someone else external to it, such as the king or a nobleman (ibid.: 171–172).

Regardless of the owner of the book, in the letter that precedes the Office, Juan Gil clearly addresses King Alfonso X as the commissioner of the text (ibid.: 214):

Incipit OFFICIVM ALMIFLVE VIRGINIS, quod composuit frater Io(annes) Egidii apud Zamoram ad preces et insta<n>ciam illustrissimi Aldefonsi, regis Legionis et Castelle. [...] Officium almiflue matris alme regis Ihesu altissimi, pro cuius ordinatione deuote uestra serenitas michi scripsit, uestre mitto magnificencie per presencium portitorem

Here begins the Office of the Blessed Virgin, composed by Brother Iohannes Egidius in Zamora, at the request and requirement of the noble Alfonso, King of León and Castile. [...] Herewith I send to Your Majesty the Office of the Holy Mother of the Most High King Jesus, for which composition Your Serenity devotedly wrote to me.

It is therefore a king's personal request; we may assume for his devotion and that of his court. It is then a text written with this special commission in mind: an office to serve the spiritual needs of the royal court.

Juan Gil's office is versified and follows the Roman *cursus* (cathedral use). While the oldest surviving Marian offices date back to the eleventh century, it was not until the thirteenth century that they gained popularity (Fulton, 2017: 17–18). The versified office was a genre widely cultivated by the Franciscan friars.

Only two of the eight canonical hours have come down to us in Juan Gil's office: the first: the *matutinum* and the *laudes*. Although this type of office was intended to be sung, we lack any preserved indication of the melody with which it was to be performed. The core of each hour consisted of several psalms. These were accompanied by antiphons, responsories and readings. According to the author of the latest critical edition of this work, the metrical offices are peculiar in that they constitute "a closed and perfect whole in itself, a story" (Gil de Zamora, 2018: 77).

It is not clear whether the office of Juan Gil was intended for daily recitation (the so-called *officium parvum*) or for some special liturgical occasion. The editor favours the latter, proposing that it could be an office for the feast of the Annunciation, based on the importance of this topic in the office and the length of the readings, which she considers too extensive for everyday use (*ibid.*: 105).

On the example of the *libellus precum* written for Otto III (983–1002), Sarah Hamilton has illustrated how books created by the clergy for the devotion of monarchs could serve as instruments for influencing and shaping the piety of the king: "libelli precum offered concrete guidance to rulers in how to pray, and through the texts of their prayers sought to guide their thoughts" (Hamilton, 2001: 260). In this respect, it is interesting to note that sometimes such prayer books also contained a mirror of princes (Boynton, 2008: 267).

The same can apply to liturgical offices, composed frequently on special requests. In particular, it was not uncommon during that period for such offices to be arranged explicitly for nobles or kings. The existent freedom for selecting antiphons, hymns, and office readings, made it possible to modulate the psalms to be read in a certain way, as Professor Rachel Fulton Brown has masterfully explained in her book on the Hours of the Virgin (Fulton, 2017). Thus, the selection of these texts, that crafted a specific narrative, was often made with the needs of the readers they were addressing in mind.

The psalms for matins and lauds were always the same, so we cannot look here for traces of a special "personalisation" of the office by Juan Gil. On the other hand, the antiphons, responsories and readings that accompanied them varied, framing them, and suggesting a specific interpretation. The hymn and antiphons for Matins narrate the life of the Virgin Mary, whereas the readings delve into its theological significance and address Her as intercessor.

The opening of the office is an example of Juan Gil's proposal for a particular interpretation of the psalms. Matins always begins with an incitement to praise God through Psalm 94: "Venite, exultemus Domino". Juan Gil

precedes this psalm with an invitatory, inspired by that of the office of St. Clare, which serves as a devotional frame for the whole text. The exhortation here is to praise Jesus incarnated in the Virgin's womb inwardly and outwardly: with mind and voice in unison (Gil de Zamora, 2018: 215):

Ihesu, qui carnem induit
uirginei pudoris,
in cuius carne ferbuit
stupendi uis amoris
mens iubilet interius
uox concinat exterius
in organis sonoris.

This invitation is developed in a striking way in the hymn, which begins the narration of the Virgin's life that will be followed by the antiphons. Here we are told of the time that, according to tradition — taken from the apocryphal Gospels, following the *Legenda aurea* — Mary spent in the temple of Jerusalem during her childhood. The author takes advantage of this scene to describe the Virgin devoutly praying the psalms of David at the customary hours, i. e. doing *exactly the same* as the reader of the office at that moment (ibid.: 217):

A mane usque terciam
laudibus insistebat;
post hec totam industriam
ad opus conuertebat.
ad cantica Dauitica
post rediens ut sciens
tempus sic expendebat.

The aim is to offer the Virgin to the reader's imagination as an example of devotion, using existing traditions to underline the similarity between Mary's prayer and that of the reciter of the office: Mary prays with the psalms in the morning ("from dawn to the third hour") and after daily work. The hymn provides further details about Mary's way of praying. On the one hand, she encourages her companions to join in her praises (*ad laudes preclarissimas ipsas [uirgines] exhortabatur*). On the other hand, hers is a contemplative and peaceful prayer that makes use of hymns and music³⁰. The similarity of this image of Mary with that of Alfonso as the new David can hardly be considered a coincidence, especially if we bear in mind that

³⁰:"Deifica, pacifica, // hymnidica, melodica // Deum contemplabatur" (Gil de Zamora, 2018: 216).

Juan Gil himself, in his biography of the Wise King, wished to highlight precisely this facet of his³¹.

As we can see, from the very first stanzas of the Office, Juan Gil offers a whole guide on how to read it: imagining and imitating the Virgin. A guide that is presented to us again, in a clearer and more developed way in the first lesson of the first nocturne: “The magnificent and astounding mysteries of the venerable and exalted mother of Jesus, Most High King, accepting them with catholic devotion and veneration, let us celebrate inwardly in our spirit, let us sing outwardly with our voice, let us clap very loudly with our hands as the most sonorous instruments”³². And later (referring to the birth of Mary) he makes clear the role that the imagination must play in this prayer: “It is good that we are here, better that we tarry, optimal that we remain to contemplate in wonder (*ut contemplemus stupentes*)”.

As can be seen, the main purpose of the office is to incite devotion, which inseparably unites Jesus Christ with Mary by virtue of the Incarnation, praising Him through Her. Indeed, the invitatory’s exhortation to praise Jesus Christ is answered by all that follows, which is praise of Mary. The same can be said of the invitations to praise God in the rest of the psalms: the praises of Mary are the expression of the desire that “the words of my mouth and the meditation of my heart may be acceptable in your sight, O Lord” (Ps. 18, first nocturnal). This is explained by the fact that Mary is, as the first lesson also asserts with words of Adam of Perseigne, “the honour and glory of the Creator”³³.

The liturgical office constitutes a prayer to God and His Mother, that is made one’s own by recitation. This is the reason why this is the most contemplative and emotional of Juan Gil’s works. Within the context of prayer it is particularly appropriate to address the Virgin directly, using emotive language. It is precisely through the performance of this prayer that the king and his companions are shaped by the author’s teachings (Fulton, 2006; McNamer, 2010; Rubin, 2009a: 93–94; Fulton, 2017: 32).

³¹“More quoque Davitico etiam, [ad] preconium Virginis gloriose multas et perpulchras composuit cantinelas, sonis convenientibus et proportionibus musicis modulatas” (Fita, 1884: 321). About Alfonso as a new David in the Cantigas, see Snow, 1999.

³²“Almiffue matris alme regis Ihesu altissimi magnifica et mirifica sacramenta deuotione ac ueneratione catholica prosequentes, mente iubilemus interius, uoce psallamus exterius, manibus plaudamus uberius in organis personoris” (Gil de Zamora, 2018: 219). The translation is mine.

³³“Lauda Virginem uoce et uide ne uita uoci aliquatenus obloquatur. Cum sit tota laudabilis, nichil in te cesset a laudibus quia nichil esse arbitror laudabilius quam se laudibus eius totum impendere, que Conditoris est honor et gloria, laus et leticia ciuium supernorum” (ibid.: 221).

The different rhetorical means used by Juan Gil, himself being well acquainted with rhetoric³⁴, are directed at the consecution of this didactic goal. Notably, the text contains a high concentration of action verbs directed at the readers, such as: “let us contemplate”, “let us sing”, “let us honour”, “let us confess”, “turn to look at Her, embrace Her, praise and love Her” [...] Although it is true that we find them primarily in the readings that were taken from the Cistercians authors mentioned above, it is also clear that Juan Gil deliberately selected texts that were rich in such language and used it as well — although in a softer way — in the texts he directly composed³⁵. The usage of action verbs, especially in the imperative form, was a distinctive element of the emerging contemplative literature that disseminated across Europe since the end of the eleventh century and especially since the thirteenth, particularly through the efforts of the mendicants (Fulton, 2002; Montefusco, 2020).

All that has been said about the Office acquires special importance in connection to its political implications. We should remember that the very fact that this prayer was commissioned by King Alfonso X indicates something more than personal devotion. This was a prayer intended for recitation in the king’s court and therefore constituted a ritual of political character for the king’s inner circle (Carrasco Manchado, 2006: 534–536; Nieto Soria, 2003: esp. 273; Laliena Corbera, 2000: 470–471).

The various implications of Marian piety in the court of the Wise King have already been studied, especially through more than 400 songs compiled under Alfonso’s supervision, known as the *Cantigas de Santa María* (among others: Fernández Fernández, 2008; Le Goff, 1990; Presilla, 1987; Scarborough, 2009; Snow, 2013; 2016–2017). The recitation of the Office was another element of a particular political theology consciously conducted by the King since the beginning of his reign (Remensnyder, 2014: 45–57). The collective prayer to Mary in a courtly space was intended to reinforce the presence of this key element of Alfonso’s political ideology.

It is difficult to settle with any precision where, how and by whom this office was said. But if we assume that it was for the prayer of the king and

³⁴Juan Gil authored an *Ars dictaminis*: the *Dictaminis Epithalamium* (Gil de Zamora, 1978). On the rhetorical work of Juan Gil see especially Zamora, Kirsch, 2009; McNabb, 2003; 2004.

³⁵He prefers the usage of the second person of plural or the passive voice. See for example the Hymn of Laudes: “Ob hoc Pater exaltetur, // ob hoc Filius laudetur, // ob hoc Pneuma inuocetur, // <ob hoc Virgo imploretur> // a nobis fideliter // atque unanimiter” (Gil de Zamora, 2018: 264).

his nobles, it can be considered as a means of creating — together with the *Cantigas* — an emotional community around the Virgin and Alfonso X as a devout king (Rubin, 2009a: 60; Scarborough, 2009: 34).

Praying the Hours was apparently a common practice in the royal court. Among the duties of the royal chaplain, as evidenced by the *Partidas* (2, 9, 3), was primarily to minister the hours to the king and his entourage and to explain them. It seems likely, especially given King Alfonso X's personal devotion to the Virgin Mary, that in addition to the usual canonical hours, the Hours of the Virgin were recited at his court, at least on Saturdays. Besides, while the *Partidas* do not explicitly mention the Hours of the Virgin Mary, the *Cantigas* frequently do so. Moreover, they make it clear that this practice is beneficial not only for clerics but also for the laity, as it is very pleasing to Mary and disposes Her to intervene mercifully in difficult situations³⁶.

Cantiga 170 offers us an image of the King knelt with his courtiers in a church before an image of Mary with the Child. The decoration of the altar cloths with the symbols of Castile and Leon indicates a courtly space. The king is holding a piece of paper in his hand, which can be interpreted as a *cantiga*, but also as the text of the Office. The poem's text does not help us much in this case.

Alfonso X with his courtiers. CSM 170. Escorial, Ms. T-I-1. Fol. 228v. © Patrimonio Nacional.

However, apart from the use of Juan Gil's Office for services at court (mainly in the chapels of the Seville *alcázar*, where Alfonso resided for most of his reign), there was another space in which it was probably performed and for which — as I shall try to prove further — it may have been originally commissioned.

³⁶CSM. 98 tells the story of a woman who could not enter the Church to hear the Hours of the Virgin until confessing. In CSM. 144 a good man in Plasencia who was devoted to the Virgin and always attended her hours was miraculously defended from a fierce bull. In CSM. 152 a sinful knight never prayed the hours but used to say the *Ave Maria*. See as well, CSM. 208, 351.

I am referring to the monumental funerary chapel built by Alfonso X for his parents, Ferdinand III and Beatrice of Swabia, in the cathedral of Seville. The so-called Royal Chapel (*Capilla Real*) was erected sometime between 1261 and 1279. It was designed by King Alfonso X as a representation of the power of the monarchy in its sacred dimension. Consequently, all elements were meticulously crafted, from the artistic programme to the services to be held there for his father's soul (Laguna Paúl, 2012; 2013).

Although the chapel was demolished together with the old cathedral in the fifteenth century, some descriptions have survived which allow us to reconstruct its original appearance (Ortiz de Zúñiga, 1795: 143–145). The Royal Chapel, which occupied a large area in the eastern part of the former mosque, was raised 2–3 metres above the floor of the cathedral and was accessed by stairs. It had two hierarchical levels. On the first level were the tombs of Ferdinand and his wife Beatrice, and a seated life-size statue of Ferdinand III. On the second level, there was a sculpture of the Virgin Mary in a silver tabernacle studded with precious stones (the so-called “Our Lady of the Kings”). The realistic effigy of King Ferdinand depicted him sitting on a silver throne. He wore royal vestments and a crown, and held a sword in his right hand.

The connection between the monarchs and Mary here became visible, demonstrative. The chapel was like a stage, raised above the floor of the cathedral and illuminated with lamps. It is notable that Saturday services, traditionally dedicated to the Virgin Mary, were held in this chapel. This can be linked to the bull of Pope Innocent IV (1254), which granted indulgences to those who prayed for Ferdinand's soul in Seville Cathedral on that day (Laguna Paúl, 2013: 144; Sánchez Herrero & Álvarez Márquez, 1989: 147–148). Moreover, in Alfonso X's eyes, the Royal Chapel had a special sacredness, for in it Mary performed a miracle, which he recounts in one of his cantigas (CSM. 292).

The demonstrative character of the royal burials specially came to the fore on the two feasts established by Alfonso X on the anniversaries of the capture of Seville (November 23, St Clement's Day and Alfonso X's birthday) and the death of Ferdinand III (29 May). Every year on these days people from different parts of the kingdom and foreigners arrived and a solemn procession was organised in the cathedral (Pérez Monzón, 2007: 384).

Given the significance of this chapel in Alfonso X's political propaganda and the meticulous attention he paid to the various elements of the representation of power within it, it seems reasonable to suggest that Alfonso X may have commissioned the Office of the Virgin Mary to be performed in

the Royal Chapel³⁷. After all, we know that the king specified that the cantigas composed under his direction were to be sung at the place of his burial on the feast days of the Virgin Mary (Fernández Fernández, 2008: 79). The fact that Juan Gil's office follows the cathedral use points towards the same conclusion.

A historiographical finding published two years ago indirectly supports this hypothesis. It was revealed that a manuscript created for Alfonso X probably in Seville in the last decade of the king's life, which contains a biography and office of St Elizabeth of Hungary, a relative of Queen Violante, has a direct connection with Juan Gil de Zamora (López-Monís, 2022). The author of the discovery puts forward the hypothesis that the creation of the manuscript relates to the transfer of the remains of Beatriz of Swabia (whose baptismal name was Elizabeth) from Burgos to the Royal Chapel of Seville in 1279. It is possible that Alfonso X may have requested two texts from Juan Gil at the same time: one about Elizabeth of Hungary and the other with the office of the Virgin Mary. This dating is consistent with our current understanding of the creation timeline of Juan Gil's Office of the Virgin: we know that it was written after the Franciscans returned to Zamora in 1278 and before King Alfonso X died in 1284. It seems probable that the commission of both works formed part of a wider programme to honour the parents through their divine patrons.

Furthermore, it can be postulated that manuscript NAL 868, which contains the text of the *vita* and *officium* of St Elizabeth, may give an idea of what the book with the Virgin's office created for King Alfonso X was like (assuming that its realisation did indeed take place). NAL 868 includes rubrics in Castilian, miniature illustrations, and musical notation.

This hypothesis allows us to view the text of Juan Gil's office in a new light, no longer as a mere pious text, but as part of a meticulously crafted ideological programme of a king with imperial ambitions. A programme in which devotion to the Virgin Mary seems to have played a central role.

Further exploration of this hypothesis may help clarify the relationship between Juan Gil and King Alfonso X, which has been the subject of much speculation. In my opinion, instead of being considered a collaborator in the composition of the *Cantigas de Santa María*, Juan Gil should be seen primarily as a scholar who received specific requests from the King to create Latin works for use at court.

³⁷I develop this hypothesis in another article, currently in progress.

CONCLUSIONS

Juan Gil considered Marian devotion a privileged vehicle for the transmission of doctrine, both to his brethren friars, who should strive to meditate on the Mother of God, and to the rest of the faithful, whom their preaching should reach. For Juan Gil, the Virgin is truly a universal model for all Christians, and Her devotion is a sure way of reaching Christ.

With his liturgical office composed on Alfonso X's request, the Franciscan provided the King with a suitable instrument not only for prayer and meditation but also for reinforcing his political theology.

ABBREVIATIONS

CSM Mettmann, W., ed. 1986/1989. *Alfonso X el Sabio. Cantigas de Santa María* [in Spanish]. 3 vols. Madrid: Castalia.

REFERENCES

- Arronis Llopis, C., and F. Baños Vallejo. 2014. "Las vidas de María en el ámbito peninsular pretridentino" [in Spanish]. *Estudios Humanísticos. Filología* 36:65–105.
- Bohdziewicz, O. S. 2014a. "El Liber Mariae de Juan Gil de Zamora y el discurso compilatorio" [in Spanish]. *Studia Zamorensia* 13:95–107.
- . 2014b. *Una contribución al estudio de la prosa latina en la Castilla del siglo XIII: Edición crítica y estudio del Liber Mariae de Juan Gil de Zamora. Ph.D Thesis* [in Spanish]. Buenos Aires: Universidad de Buenos Aires.
- Bonaventura. 1887. *Commentaria in quattuor libros Sententiarum magistri Petri Lombardi* [in Latin]. Opera omnia 3. Ad Claras Aquas (Quaracchi) prope Florentiam: ex typographia Collegii s. Bonaventurae.
- Boss, S. J., ed. 2007. *Mary: The Complete Resource*. New York: Continuum.
- Boynton, S. 2008. "Libelli precum in the Central Middle Ages." In *A History of Prayer. The First to the Fifteenth Century*, ed. by R. Hammerling, 255–318. Brill's Companions to the Christian tradition 13. Leiden and Boston: Brill.
- Carrasco Manchado, A. I. 2006. "Símbolos y ritos: el conflicto como representación" [in Spanish]. In *La monarquía como conflicto en la Corona castellano-leonesa (c. 1230–1504)*, dir. J. M. Nieto Soria, 489–546. Madrid: Sílex.
- Castro y Castro, M. 1955. *De Preconiis Hispanie. Estudio preliminar y edición crítica* [in Latin]. Madrid: Universidad de Madrid.
- Fernández Fernández, L. 2008. "Imagen e intención. La representación de Santiago Apóstol en los manuscritos de las Cantigas de Santa María" [in Spanish]. *Anales de Historia del Arte*, no. 18, 73–94.
- . 2020. "El Scriptorium alfonsí: coordenadas de estudio" [in Spanish]. In *Alfonso X el Sabio : cronista y protagonista de su tiempo*, ed. by E. Fidalgo, 89–114. San Millán de la Cogolla: Cilengua.

- Ferrero Hernández, C. 2009. *Liber contra venena et animalia venenosa* [in Latin]. Barcelona: Reial Acadèmia de Bones Lletres.
- . 2010. “Nuevas perspectivas sobre Juan Gil de Zamora” [in Spanish]. *Studia Zamorensia* 9:19–33.
- . 2019. “El Liber illustrium personarum de Juan Gil de Zamora. Manuductio ad praedicatores atque ad piam meditationem” [in Spanish]. In *Œuvrer pour le salut : Moines, chanoines et frères dans la péninsule Ibérique au Moyen Âge*, ed. by A. de las Heras, F. Gallon, and N. Pluchot, 39–54. Madrid: Casa de Velázquez.
- Fita, F. 1884. “Biografías de San Fernando y de Alfonso el Sabio por Juan Gil de Zamora” [in Latin]. *Boletín de la Real Academia de la Historia* 5:308–328.
- . 1888. “Treinta Leyendas por Gil de Zamora” [in Spanish]. *Boletín de la Real Academia de la Historia* 13:187–225.
- Fulton, R. 2002. *From Judgment to Passion. Devotion to Christ and the Virgin Mary, 800–1200*. New York: Columbia University Press.
- . 2006. “Praying with Anselm at Admont: A Meditation on Practice.” *Speculum* 81 (3): 700–733.
- . 2017. *Mary and the Art of Prayer. The Hours of the Virgin in Medieval Christian Life and Thought*. New York: Columbia University Press.
- García, Ch. 2013. “Miroir des anciens et observations sur les animaux dans l’encyclopédisme castillan du Moyen Âge (XIIIe siècle)” [in French]. e-Spania. Accessed May 19, 2024. <http://e-spania.revues.org/22461>.
- Gil de Zamora, J. 1978. *Dictaminis Epithalamium* [in Latin]. Ed. by C. Faulhaber. Pisa: Pacini.
- . 2009. *Dictaminis Epithalamium: The Marriage Song of Letter Writing*. Ed. by R. McNabb. Trans. from the Latin by D. Gil de Kirsch. Spanish Series 143. New York: Hispanic Seminary of Medieval Studies.
- . 2011. *Sermonario* [in Latin]. Ed. by R. Lillo Redonet. Iohannis Aegidii Zamorensis Opera Omnia I. Zamora: Instituto de Estudios Zamoranos “Florián de Ocampo”.
- . 2014. *Legende sanctorum* [in Latin]. Ed. by J. C. Martín-Iglesias and E. Otero Pereira. Iohannis Aegidii Zamorensis Opera Omnia II. Zamora: Instituto de Estudios Zamoranos “Florián de Ocampo”.
- . 2018. *Obra poética* [in Latin]. Ed. by E. Pérez Rodríguez. Iohannis Aegidii Zamorensis Opera Omnia, III. Zamora: Instituto de Estudios Zamoranos “Florián de Ocampo”.
- Hamilton, S. 2001. “‘Most Illustrious King of Kings’. Evidence for Ottonian Kingship in the Otto III Prayerbook (Munich, Bayerische Staatsbibliothek, Clm 30111).” *Journal of Medieval History* 27:257–288.
- Hamy-Dupont, A. 2014. “Apis Dei: hallazgos homiléticos y propuestas” [in Spanish]. *Studia Zamorensia* 13:71–93.
- . 2017. *Système encyclopédique et prédication mariales chez Juan Gil de Zamora (OFM, + c. 1306): les sermons virgin ales. Édition, traduction et*

- commentaires. Thèse de doctorat* [in French]. Paris: Université Paris VII — École Pratique des Hautes Études.
- Hernández, F. J. 2021. *Los hombres del rey y la transición de Alfonso X el Sabio y Sancho IV (1276–1286)* [in Spanish]. Salamanca: Ediciones Universidad de Salamanca.
- Laguna Paúl, T. 2012. “‘Una capilla mía que dicen de los Reyes’. Memoria de la Capilla Real de la catedral mudéjar de Santa María de Sevilla” [in Spanish]. In *La Capilla Real. XIX Edición Aula Hernán Ruiz*, dir. A. Jiménez Martín, 175–233. Sevilla: Catedral de Sevilla-Taller dereçeo.
- . 2013. “Devociones reales e imagen pública en Sevilla” [in Spanish]. *Anales de Historia del Arte* 23 (II): 127–157.
- Laliena Corbera, C. 2000. “Rituales litúrgicos y poder real en el siglo XI” [in Spanish]. *Aragón en la Edad Media* 16:467–476.
- Le Goff, J. 1990. “Le roi, la Vierge et les images: le manuscrit des Cantigas de Santa Maria d’Alphonse X de Castille” [in French]. In *Rituels : mélanges offerts au Père Gy*, dir. P. de Clerck and E. Palazzo, 385–392. Paris: Cerf.
- López-Monís, M. 2022. “‘Beata in purpura nobiliter educata’: tradición textual de santa Elisabeth de Hungría en la Castilla del siglo XIII” [in Spanish]. *Anuari de Filologia. Antiqua et Mediaevalia* 12 (2): 97–111.
- Marchand, J. W., and S. W. Baldwin. 1987. “A Maculist at the Court of Alfonso el Sabio: Gil de Zamora’s Lost Treatise on the Immaculate Conception.” *Franciscan Studies* 47:171–180.
- Martín-Iglesias, J. C. 2015. “Las legende sanctorum et festiuitatum aliarum de Juan Gil de Zamora (O. Min.): Metodología de una edición crítica” [in Spanish]. In *Métodos y técnicas en ciencias eclesiásticas. Fuentes, historiografía e investigación*, ed. by M. A. Pena González and I. Delgado Jara, 139–164. Salamanca: Servicio de Publicaciones Universidad Pontificia de Salamanca.
- Martín-Iglesias, J. C., and M. E. Pérez Gordillo. 2021. “El Liber Ihesv de Juan Gil de Zamora (OFM) en sus tres manuscritos conservados: una panorámica de su transmisión” [in Spanish]. *Incipit* 41:39–86.
- Martínez Gázquez, J. 1998. “Moralización de las piedras preciosas en la Historia Naturalis de Juan Gil de Zamora (1240–1320)” [in Spanish]. *Faventia* 20 (2): 177–186.
- . 2000. “Moralización de los animales de Juan Gil de Zamora (s. XIII)” [in Spanish]. *Micrologus* 8:237–259.
- McMichael, S., and K. Wristley Shelby, eds. 2018. *Medieval Franciscan Approaches to the Virgin Mary. Mater Misericordiae Sanctissima et Dolorosa*. Leiden and Boston: Brill.
- McNabb, R. 2003. “Innovations and Compilations: Juan Gil de Zamora’s Dictaminis Epithalamium.” *Rhetorica: A Journal of the History of Rhetoric* 21 (4): 225–254.
- . 2004. “To Father Juan, with Love, Bishop Alexander: Juan Gil De Zamora’s Medieval Art of Letters.” *Rhetoric Review* 23 (2): 103–120.
- McNamer, R. 2010. *Affective Meditation and the Invention of Medieval Compassion*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

- Montefusco, A. 2020. “Stimuli, remedi e altre immagini: sulla rivoluzione devozionale dei francescani” [in Italian]. *Mélanges de l'École française de Rome* 132 (1). <http://journals.openedition.org/mefrm/7352>.
- Nieto Soria, J. M. 2003. “Tiempos y lugares de la ‘realiza sagrada’ en la Castilla de los siglos XII al XV” [in Spanish]. *Annexes des Cahiers de linguistique et de civilisation hispaniques médiévales* 15:263–284.
- O’Callaghan, J. F. 2022. “Fray Juan Gil de Zamora, Infante Sancho, and Alfonso el Sabio.” *Philosophy: Journal of the Higher School of Economics* 6 (4): 127–152.
- Ortiz de Zúñiga, D. 1795. *Anales eclesiásticos y seculares de la muy noble e muy leal Ciudad de Sevilla* [in Spanish]. Vol. II. Sevilla: Imprenta Real.
- Peralta, M. A. A. 2015. *Breviloquium sermonum virtutum et vitorum de Juan Gil de Zamora. Estudio preliminar, editio princeps y traducción anotada. Tesis doctoral* [in Spanish]. Salamanca: Universidad de Salamanca.
- . 2021. “Aproximación a los sermonarios de Juan Gil de Zamora, OFM” [in Spanish]. *Hispania Sacra* 73:315–324.
- Pérez Monzón, O. 2007. “‘Quando rey perdemos nunq[u]a bien nos fallamos’. La muerte del rey en la Castilla del siglo XIII” [in Spanish]. *Archivo español de arte* 80 (320): 379–394.
- Pérez-Embid Wamba, J. 2002. *Hagiología y Sociedad en la España medieval. Castilla y León (siglos XI–XIII)* [in Spanish]. Huelva: Universidad de Huelva.
- Presilla, M. 1987. “The Image of Death and Political Ideology in the Cantigas de Santa Maria.” In *Studies on the Cantigas de Santa Maria. Art, Music and Poetry*, ed. by I. Katz and J. E. Keller, 403–458. Madison: Hispanic Seminary.
- Remensnyder, A. 2014. *La Conquistadora. The Virgin Mary at War and Peace*. New York: Oxford University Press.
- Rubin, M. 2009a. *Emotion and Devotion. The Meaning of Mary in Medieval Religious Cultures*. Budapest and New York: Central European University Press.
- . 2009b. *Mother of God. A History of the Virgin Mary*. New Haven and London: Yale University Press.
- Sánchez Herrero, J., and C. Álvarez Márquez. 1989. “Fiestas y devociones en la Catedral de Sevilla a través de las concesiones medievales de indulgencias” [in Spanish]. *Revista española de derecho canónico*, no. 46, 129–178.
- Scarborough, C. 2009. *Holy Alliance. Alfonso X’s Political Use of Marian Poetry*. Newark and Delaware: Juan de la Cuesta.
- Snow, J. 1999. “‘Cantando e con dança’. Alfonso X, King David, the Cantigas de Santa María and the Psalms.” *La corónica: A Journal of Medieval Hispanic Languages, Literatures & Cultures* 27 (2): 61–74.
- . 2013. “Huellas sociopolíticas de la devoción mariana del rey Alfonso X en las Cantigas de Santa María” [in Spanish]. In *Poder, piedad y devoción. Castilla y su entorno (siglos XII–XV)*, ed. by R. Domínguez Hernanzm, 53–73. Madrid: Silex.
- . 2016–2017. “La utilización política de la devoción mariana en el reinado de Alfonso X, el Sabio (1252–1284)” [in Spanish]. *Alcanate* 10:61–85.

Twomey, L. 2008. *The Serpent and the Rose: The Immaculate Conception and Hispanic Poetry in the Late Medieval Period*. Leiden and Boston: Brill.

Sota J. [Coma X.] «Mente iubilemus interius, uoce psallamus exterius»: труды францисканца Хуана Хилья де Самора о Деве Марии [The Marian Works of Juan Gil de Zamora, OFM] // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. — 2024. — Т. 8, № 3. — Р. 89–116.

ХУАН СОТА

АСПИРАНТ, НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ» (МОСКВА); ORCID: 0009-0005-0773-7448

«MENTE IUBILEMUS INTERIUS, UOCE PSALLAMUS EXTERIUS»

ТРУДЫ ФРАНЦИСКАНЦА ХУАНА ХИЛЯ ДЕ САМОРА О ДЕВЕ МАРИИ

Получено: 25.03.2024. Рецензировано: 04.06.2024. Принято: 22.07.2024.

Аннотация: Сочинения францисканца Хуана Хилья де Самора представляют собой самый большой сохранившийся корпус латинской марианской литературы XIII века в Кастилии. Его труды, посвященные Богородице, охватывают большой спектр тем и жанров — от поэтических гимнов до проповедей, богословских трактатов или рассказов о чудесах. Такое многообразие дает ценное представление о методах францисканца по распространению почитания Девы Марии среди разных аудиторий. В этой статье представлен обзор мариологических трудов Хуана Хилья, уделяя особое внимание его «Оффицию Девы Марии», написанному по заказу короля Альфонсо X. Большинство трудов Хуана Хилья отличаются энциклопедизмом и имели явную дидактическую роль, что связано, по всей видимости, с одной стороны, с его преподавательской деятельностью внутри ордена, и с тем, что многие из трудов были призваны стать вспомогательным средством для проповеди, с другой. Использование им риторических приемов для стимулирования благочестия соответствует тенденциям проповедничества мендикантов XIII века. Объединив более ранние богословские традиции с новаторскими элементами, Хуан Хилья создал корпус работ, которые служили одновременно образовательным и благочестивым целям. Хотя мы знаем, что «Оффиций» Хуана Хилья был написан по заказу короля Альфонсо X, уделявшего почитанию Богоматери ключевую роль в своей политике, этот текст до сих пор, на удивление, не удостоился достаточного внимания со стороны историков. В статье представлен новый подход к этому произведению, рассматривающий его не просто как благочестивый текст, но как неотъемлемую часть идеологической программы Альфонсо X. Включение «Оффиция» в контекст политической теологии короля открывает новые перспективы его функций и связи с другими королевскими проектами. Наш анализ демонстрирует, как в текстах Хуана Хилья переплетаются религиозные и политические нарративы, укрепляя образ Альфонсо X как благочестивого правителя и усиливая политическую легитимность кастильской монархии. Исследование подчеркивает двойственную роль культа Девы Марии в формировании как духовной, так и политической сфер в Кастилии XIII века.

Ключевые слова: Культ Девы Марии, Хуан Хилья де Самора, Кастилия, францисканская литература, агиография, оффиций Девы Марии, Альфонсо X, политическая теология.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-89-116.

КОНСТАНТИН ЕРУСАЛИМСКИЙ*

ЭТИКО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ КНЯЗЯ АНДРЕЯ КУРВСКОГО**

Получено: 18.06.2024. Рецензировано: 31.08.2024. Принято: 06.09.2024.

Аннотация: Политико-правовые представления кн. А. М. Курбского в статье предложено рассматривать как языковую проблему. Давно известный в науке факт различий между религиозно-политическим тезаурусом Курбского до эмиграции в 1564 г. и в сочинениях, написанных в годы жизни в Короне Польской и Великом княжестве Литовском (и в Речи Посполитой), служит отправной точкой для интерпретации «макаронического» языка Курбского в эмиграции как особого образовательного проекта, возникшего в связи с готовящимся в его интеллектуальном кругу планом православной академии для русской шляхты и эмигрантов из Московского государства. В основе данного проекта был свод библейских, святоотеческих и исторических сочинений, призванный подготовить тираноборцев и защитников православия в борьбе с иноверцами. Эту задачу помогают решить глоссы, при помощи которых Курбский и его сотрудники выстраивали семантические сетки, сближающие православное образование с католической схоластикой и античными этико-политическими учениями.

Ключевые слова: Князь Андрей Курбский, москвиты в эмиграции, этические учения, православная апологетика, рутенский язык, политический тезаурус.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-117-175.

В науке достигнуто частичное согласие, что князь Андрей Курбский (1528–1583), не будучи доктринером или теоретиком, все же высказал несколько взаимосвязанных представлений о вселенной, власти, государственном управлении, правопорядке, а также о высших ценностях, добродетелях и пороках, правах и обязанностях граждан. Они сводятся к ряду достаточно простых суждений, не подкрепленных слишком глубокими историческими и логическими обоснованиями, но тем не менее заслуживающих внимания в «истории общественной мысли». Смысл этих суждений сводится к тезисам о том, что Курбский отстаивает:

- ◇ идеал целомудренной монархии, ограниченной аристократией;
- ◇ права княжеской власти, шляхтичей и «всенародных человек»;
- ◇ возможность созыва Земского собора;

*Ерусалимский Константин Юрьевич, д. и. н., профессор, исследовательский центр «Res Publica» Европейского университета (Санкт-Петербург), kerusalimski@mail.ru, ORCID: 0000-0002-3961-2376.

**© Ерусалимский, К. Ю. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

- ◇ избрание и утверждение высшей светской власти гражданами;
- ◇ заступничество глав духовенства за светских граждан;
- ◇ казнь граждан только по суду;
- ◇ право на сопротивление тиранам внешним и внутренним;
- ◇ свободную службу, открыто выступает против холопства.

Если бы этот набор требований был оформлен в единую программу, то он вряд ли бы сильно отличался по своему политическому звучанию от современных князю Андрею Михайловичу европейских трактатов, петиций и постановлений представительных учреждений. Однако между приведенными «единым списком» положениями есть существенные различия, которые заставляют задаться вопросом о том, что в «программе Курбского» было почерпнуто из российских, польско-литовских и, в целом, христианских реалий, а что было плодом его воображения. Например, идеал целомудренной монархии, согласно ряду высказываний автора, был осуществлен в Российском царстве в начальные годы правления Ивана Грозного, созыв Земского собора нигде прямо Курбский не упоминает и даже не отстаивает, заступничество духовенства считает несправедливо утраченным, а право на сопротивление тиранам — общеобязательным и неотъемлемым, а значит, скорее в этом смысле частью религиозной этики, чем политической теории¹.

Более стройный вид программа Курбского приобрела бы, если бы мы обосновали происхождение терминов, которые возникают в его сочинениях впервые в эмиграции. Именно после побега из Юрьева в апреле 1564 г. князь Андрей Михайлович высказал убеждение, что Святорусская земля его времени — это империя, подобная Священной Римской империи и управляемая, так же подобно европейской Империи, как республика. Сочинения мятежного князя московского и польско-литовского периодов разительно отличаются между собой в терминологии, кругозоре и идейных построениях. В «Истории о князя великого московского делех» и связанных с ней сочинениях эмигрантского периода (около 1570-х — начала 1580-х гг.) князь отстаивал образ единой *христианской республики*, которую впервые в русской книжности называл *Святорусской империей* (Граля, 2019: 261–262). Республиканский идеал выражен князем в различных формах. Прежде всего, в идее *добротоу и полезному*

¹Здесь и далее мы не вступаем в дискуссии о рукописных традициях литературного корпуса князя Андрея Курбского. Нельзя исключать, что часть наблюдений утратят или поменяют значимость в результате дальнейшего продвижения историко-филологических исследований, которые испытали за последние годы настоящий бум пересмотров и дополнений (Ерусалимский, 2018; Калугин, 2014; Рыков, 2021; Auerbach, 1990).

общего — это *общее* упоминается в том же контексте и подразумевает *общую вещь*, которая является буквальной калькой для обозначения *республики* (Курбский, Алексеев, 2015: 835. Примеч. 132–2)². Воплощением блага, пользы, ангельской чистоты и благодати Святого Духа был для князя Андрея Михайловича ближний советник Ивана IV Алексей Адашев (там же: 24). Вера в *общее всех воскресение* и *общежительный* принцип северных отшельников объединяют в построениях князя религиозную жизнь и политику (там же: 194, 216). Этот взгляд на *республику* приближает идеал князя к проекту реформ во Флоренции Джироламо Савонаролы в конце XV в., сторонником которых применительно к Московскому государству был, по всей видимости, Максим Грек³. Впрочем, Россия в правление *Избранной рады*, согласно Курбскому, — именно *общая вещь христианская*, несущая Крест «аж до Каспийского моря и окрест» (там же: 216). Это приближает идеал *республики* к поздней Римской империи (продолжением которой при дворе Василия III и Ивана Грозного и считали Российское царство)⁴.

²В московской рукописной традиции конца XVII–XVIII в. глосса к *общей вещи*, которая читается в ранних списках: *посполитой речи*, — была устранена уже из общего протографа подавляющего большинства копий II–V изводов (т. е. в списке ОР ГИМ, собр. А. С. Уварова № 301, л. 132). Помимо польской и русской кальки Курбский использует и транслитерацию *рез публика*, однако предпочитает в основном тексте «Истории» использовать именно русскую кальку. Лексема *вещь* в переводных томах из книжной мастерской кн. А. М. Курбского используется также в качестве синонима для: *материя* (ИД. 358, 363 об., 379, 388).

³Враги *Избранной рады* при дворе царя Ивана Васильевича при этом выступают и за свержение республики, будучи скрытыми сообщниками дьявола и сторонниками превращения христианского царя в тирана. Как республиканское правительство осуществляет общее христианское дело, так и «ласкатели» царя *общуют со дьяволом*, как говорится в «Истории» еще о временах Василия III и неоднократно — о свержении *Избранной рады*. Общение с дьяволом также приносит *пользу*, но она представлена как прямая противоположность пользы для республики (Курбский, Алексеев, 2015: 152).

⁴Возможно, но ничем прямо не доказано сближение представлений А. М. Курбского с современными ему католическими и реформационными учениями о государстве. Нет ни одного явного источника его доктрины среди европейских современников. Курбскому был бы близок современный ему университетский томизм с его *via antiqua* в отношении естественного закона, церковных полномочий в ограничении власти и борьбе с тиранией. Вместе с тем, он — поборник расширенной версии *консильярзма*, когда рассуждает о роли духовенства в просвещении монарха и защите христианской республики от тирании (например, попа Сильвестра, предположительно митрополита Германа Полева, митрополита Филиппа, псковского игумена Корнилия и своего духовного отца Феодорита Кольского). При этом его взгляды на ересь и на право сопротивления богопротивной власти приближаются к реформационным тезисам (ср., например: Скиннер, Олейников, 2018: 198–255).

Гибрид доктрины *общего дела* с идеей богоспасаемой имперской власти дополнялся осмысленной метафорой политического тела, которое представляла Русская земля, когда в ее сердце правила «Избранная рада», возглавляла «тело» светлая и просвещенная голова — юный царь Иван Васильевич, а укрепляли прочие части тела («уды»): ангелоподобные и «добрые» советники и «всенародные» люди. На советниках держится республика, и образ столпов, подпирающих и утверждающих царя, вписывается в богословскую естественнонаучную доктрину Иоанна Дамаскина, говорившего в «Богословии» о природных стихиях, подпирающих мир «яко столп филляр». Курбский и его сотрудники комментируют на полях последнее слово: «Подпора яковые-либо вещи» (ИД. 380). Поскольку республика является такой же *materией*, как любая другая *вещь*, советники и их благие советы — в своем роде «филляры» этой *общей вещи*. Учение о *corpus rei publicae* восходило в европейской традиции к сочинениям богослова XII в. Иоанна Солсберийского, хотя, как отмечал Эрнст Канторович, они были общим местом у его современников-юристов, «но и там они не представляли собой чего-либо оригинального» (Канторович, Бойцов и Серегина, 2015: 305. Примеч. 42). Это учение было унаследовано в Короне Польской и Великом княжестве Литовском, составив риторическую основу унии двух государств, соединенных в *единое тело*.

Еще одно возможное заимствование из европейской политической мысли — понятие *всенародных человек*. Этот, судя по всему, гапакс для московской письменной культуры находит прямой аналог в латинской книжности XV в. у Павла Влодковица, который заимствовал его у Марсилия Падуанского: *universitas civium*, то есть собрание граждан, имеющих право от лица народа решать ключевые вопросы республики (Frost, Fiedorek, 2018: 209–210). Оно характеризует не демократизм либерального типа и не требует предположения об участии простых горожан, крестьян и челяди в управлении монархической республикой⁵. Курбский намечает «чины» этого политического народа, когда говорит в подробностях о бессудных казнях Ивана Грозного. Это — ближние советники царя (*Избранная рада*), высшая княжеская аристократия, нетитулованные боярские роды и вся шляхта республики, духовенство

⁵С. О. Шмидт допускал, что речь в данном случае идет именно о служилых людях, о «менее знатных феодалах». В таком случае выражение А. М. Курбского следовало бы рассматривать как развитие идеи шляхетского народа Московского государства (Шмидт, 1996: 211–213, 268–269; Ерусалимский, 2019: 176–214).

и пустынножители. Избрание в ближний совет царя по государственным заслугам и пользе для республики возможно из любых слоев этого политического народа, и примеры такого участия представлены в «Истории» Курбского. Подобие парламента можно во взглядах видеть скорее в *Избранной раде*, чем во всеобщих соборах, которым князь Андрей Михайлович не уделяет в своем построении никакого внимания, хоть и допускает их созыв для дел, касающихся всей республики.

Идея тела-республики в «Истории» Курбского дополнена неоплатоническими аллюзиями, почерпнутыми из учения Максима Грека, и медицинскими открытиями в духе Мигеля Сервета. Последнему принадлежит и разделяемое Курбским учение о ненасилии в отношении еретиков и заблуждающихся в религиозных воззрениях, которых князь считал необходимым перевоспитывать и убеждать духовным оружием, а не градским мечом. При всей архаичности этих взглядов в эпоху Люблинской унии, они были не только созвучны представлениям реформационных христиан, но и стали частью полемического пространства, в котором Курбский лично и вместе с православными Короны и Литвы выступил в защиту традиционного православия. «История» Курбского содержит также ряд параллелей с идеей универсального христианского народа. Царь Иван Васильевич после своего духовного падения и скатывания республики в опричный («кромешный», по словам Курбского) ад не уважает те естественные права, которые соблюдают даже скифы и сарматы. Пример античного прошлого обманчив — скифы и сарматы в сознании современников князя Андрея Михайловича были актуальными народами, населяющими Степь и земли *Двух Сарматий*. Вместе с тем, естественные права были предметом бурного обсуждения на Констанцском соборе, где Павел Влодковиц в 1416 г. подобным тезисом опровергал смысл крестоносной идеи и отстаивал права Жмуди самой выбирать себе веру. Это был шаг на пути к отказу от насильственной христианизации, фоном для которого послужил спор о причинах войны Тевтонского ордена с христианскими странами. Предки Курбского покоряли Югру, а сам он — Казань и поволжских язычников. Сближение князя Андрея Михайловича с идеями Влодковица смягчает взгляд на задачи крестоносной войны, развитый им, видимо, в тех фрагментах «Истории», которые создавались еще в период его московской службы.

Князь Андрей Михайлович стремится выйти за пределы польской языковой стихии, когда рассуждает о *всенародных человеках и сынах русских*. Шляхта *Муромского повета* и *Волынская шляхта* в его «Истории» — родственные понятия, и это знак общности в самосознании

военного аристократа Московского царства и Короны Польской (и Великого княжества Литовского). При этом к польской шляхте Курбский относится критично, вменяя ей бездействие перед лицом турецкой и татарской угрозы, тогда как ангелоподобного Алексея Адашева, по своему фактическому положению вплоть до получения околичества — сына боярского и одного из двух безусловных лидеров Избранной рады, князь Андрей Михайлович нигде в своих трудах шляхтичем не называет и к шляхте не причисляет. В целом, московскую шляхту Курбский считает гибнущей под ударами «внутреннего дракона», то есть Ивана Грозного, и «внешнего дракона», т. е. крымского хана и других заграничных врагов христианства. Следовательно, шляхта не в силах выполнять свои республиканские обязанности — противостоять внешней и внутренней тирании, что отчасти нарушает функциональность республики в ее понимании, возникшем у Курбского в эмиграции, и недопустимо ограничивает права *чинов*, согласно его Посланию Вассиану Муромцеву еще Московского периода.

Права высшей власти, включая царя, князь Андрей Михайлович не оспаривает, а вслед за Новым Заветом и Отцами Церкви считает непоколебимыми: избранного народом («людом»), поставленного и утвержденного на царстве «от царства изгнати», как и «исторгнути ото власти дьявола» может только Бог. Но это не лишает прав самих подвластных, и это не гарантирует царям, что они не потеряют царство в наказание за свои грехи. Царь — это лишь голова республики, тогда как «средой и владыкой всего тела», согласно Курбскому, является сердце, откуда вместе с кровью во все края организма поступает очищенное питание от причастного «бращна жития». Так и родители отправляют своих детей на обучение «внешним наукам» к чужим людям, но обучение должно раскрыть их таланты, а причастие духовное, семейное и общереспубликанское — поддерживать в них тягу к добру и душеспасению. В сердце Святорусского царства в годы юности князя Андрея Михайловича была, по его представлениям, Избранная рада, состав которой был и качествами, и числом подобен апостольскому кругу Христа, и главное достоинство советников заключалось в способности открыто и нелицеприятно по отношению к царю дать полезный совет. Цель советов не в том, чтобы потешить голову из сердца республики, а наоборот — чтобы достичь общего блага, при необходимости врачую любой орган тела, если потребуется — то и голову (Ерусалимский, 2018: 497–547).

Ряд приведенных выше заимствований и языковых новоделов был бы лишеной почвы абстракцией, игрой ума московского интеллектуала, изолированного во «внешних науках» и даже претендовавшего на то, чтобы быть экспертом в «дарах Святого Духа», насколько это было возможно для светского мыслителя, приближенного к трону и высшему военному командованию. И все же достижения последних лет в области рукописного наследия кн. А. М. Курбского показывают, что этот взгляд был бы глубоко ошибочен. Далее мы покажем, как связаны языковые компетенции князя-эмигранта с его этико-политической доктриной и попытаемся установить, в чем эти компетенции и доктрина были взаимно скоординированы. Прежде всего, князь Андрей Курбский был убежден в общих истоках и принципиальном тождестве в различных языках понятий христианской политической культуры. Исследования Инги Ауэрбах, Юлианны Бестерс-Дилгер, Н. К. Гаврюшина, С. А. Елисеева, В. В. Калугина, Витторио-Спрингфилда Томеллери затрагивают политическое учение Курбского как философскую и языковую доктрину, в которой идейные новации неотъемлемы от переводов и мнемотехник. В науке утвердилось несколько суждений о языковой компетенции кн. А. М. Курбского в целом и особенностях его текстов до эмиграции и после — в частности. С них мы и начнем, сведя их к ряду тезисов:

(1) Язык кн. А. М. Курбского до эмиграции отражает особенности, далекие от нормы рутенского языка в Короне Польской и Великом княжестве Литовском. Сочинения Курбского в эмиграции — как авторские, так и переводные — отражают, прежде всего, симбиоз элементов московского и рутенского идиомов (Норберт Дамерау и В. В. Калугин используют здесь понятие «западнорусский»). По меньшей мере, из последнего следует, что эмигрант не противился включению в его книжный язык местных влияний. Хотя нельзя исключать, что он считал свои литературные труды предварительными и не вполне завершенными;

(2) Курбский использует средства различных стилистических регистров в зависимости от направленности его текстов. Его переводы из Отцов Церкви, включая авторские предисловия и прочие «сказы», выполнены на книжном кириллическом «нашем словенском языке», «книжном словенском языке». Сниженную лексику Курбский называл «простыми пословицами» и призывал своих читателей их исправлять в его переводах на «книжные пословицы словенские». Письма князя написаны как раз на сниженном, «простом» московском с элементами рутенского (Э. Л. Кинан говорил о «макароническом» языке). Известно

одно письмо от имени кн. А. М. Курбского на польском языке и, по меньшей мере, два — на деловом рутенском языке (возможно, в оригинале оба были написаны также на польском);

(3) Князь Андрей Михайлович проявлял интерес к филологической работе, формулируя различия между языками, прежде всего — известными ему лучше и теми, с которыми он столкнулся в эмиграции. Согласно его представлениям, цель филологии — православное просвещение, и оно достижимо различными способами: на пути совершенствования высокого книжного языка, при помощи переводов между сакральными языками (например, с латыни на славянский) и переводов сакральных и учительных текстов на местные языки (например, славянских книг на язык лопшский);

(4) Почерк Курбского известен только по одной его латинской подписи. Степень участия сотрудников Курбского в создании его переводных и авторских сочинений не известна, но признана им самим. Работу своих переводчиков с латинского языка («римской бесѣды») князь сравнивал с тем, как Максиму Греку помогал книжник-монах Сильван. Следовательно, всякий раз, когда на основе литературного корпуса и деловых текстов высказываются оценки языковой компетенции князя Андрея Михайловича, требует прояснения, относятся ли они к его языковому портрету или к портрету его секретарей;

(5) Заявление А. М. Курбского на доверенности слуге Миколаю Богушевскому от 19 сентября 1571 г. гласит, что князь не умел писать по-русски:

и на то есми дал сес мой вмоцованый лист тому служебнику моему Миколаю Богушовскому под печатю моею и с подписом руки моее властное литеры по латыне писаные, а для того иж сам по рускии писати неумею (ЦДИАУК. Ф. 25. Оп. 1. Спр. 458. Арк. 475 (запись от 9 октября 1571 г.)).

Эти слова вызвали дискуссию о языковой компетенции князя Андрея Михайловича, которую нельзя считать завершенной, а высказанные точки зрения в полной мере доказуемыми (Auerbach, 1981: 583–585; Auerbach, 1985: 375–376; Auerbach, 1990: 15; Keenan, 1982: 110 (ссылка на устную консультацию у И. Ауэрбах); Keenan, 1986: 241–247; Keenan, 1998: 404, 407–410; Halperin, 1998: 393–396; Калугин, 1998: 19). Мне представляется, что эти слова являются судебной уловкой и прямо не характеризуют языковую компетенцию кн. А. М. Курбского (Ерусалимский, 2009а: 78–82).

Единственный текст, если не считать «Истории о князя великого московского делех», дошедший в московской и польско-литовской авторских редакциях, это Первое послание Ивану Грозному. Исправления в редакции Сборника Курбского — авторские. Сравнение упрощается благодаря тому, что редакционные отличия ранней версии послания от более поздней надежно подкреплены цитатами из Курбского в ответном Первом послании Ивана Грозного, что позволяет рассматривать все вторжения в раннюю редакцию как плод авторской переработки, подготовленной автором для повторного отправления царю или для каких-то иных целей уже в Речи Посполитой. Если верен тезис о рутенском влиянии на язык Курбского в эмиграции, было бы логично обнаружить в этих поздних исправлениях следов интерференции. Между тем, и в редакционных поправках, и в значительных амплификациях подобных интерференций мы не обнаружим.

ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ (1564)	ВТОРАЯ РЕДАКЦИЯ (1579)	РУКОПИСНЫЙ КОРПУС
...и от земли Божии тобою туне отогнан бых	...и от земли <i>Божии туне</i> отогнан <i>бысть аки тобою понужден. Не испросих умоленными глаголы, ни умолих ты многослезным рыданием, ни изодатайствовах от тебя никоея же милости архиерейскими чинми</i>	<i>Вставка находит параллели в Третьем послании Курбского старцу Вассиану (также московского периода) и в послесловии Львовского «Апостола» Ивана Федорова 1574 г.</i>
яко мало и рождышия мя зрех, и жены моя познавах, и отечества своего отстоях	<i>и всегда</i> отечества своего отстоях и мало рождышия мя [гlossa: матери моя] зрѣх и жены моя познавах	
Но тебѣ, царю, вся сия ни во что же бысть	Но тебѣ, царю, вся сия <i>аки ничто же бысть, но развие нестерпимую ярость и горчайишую ненависть паче раждеженныя пеци явялеш к нам</i>	<i>Ср. в «Истории»: ...к тому не яко ли у мучителей древних различные орудия мученей, тако же и у нашего новаго не скаврады ли и пеци? не бичевания ли жестокое и ногти острые? не клещи ли раждеженныя торгания ради тѣлес человеческих? (СК. 131 об.)</i>

продолжение на следующей странице

продолжение с предыдущей страницы

ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ (1564)	ВТОРАЯ РЕДАКЦИЯ (1579)	РУКОПИСНЫЙ КОРПУС
И еще, царю, сказую ти х тому	<i>А вѣм яко и сам их не не вѣси. И да будет ти, царю, вѣдомо к тому</i>	<i>Конструкции с глаголом вѣсти в обращениях к царю в «Истории». Двойное отрицание также в СК в «15 беседе» Иоанна Златоуста: ...ничто же не невѣсть когда слыша яко никто же знает Отца, токмо Сын (СК. 193)</i>
их же сотворил на похвалу твою	<i>их же сотворих на похвалу твою силою Христа моего</i>	
уже не узриши, мною, лица моего до дни Страшнаго суда	<i>уже не узриши, мною, в мире лица моего до дня преславнаго явления Христа моего</i>	
и призываю в помощь... господаря моего князя Федора Ростиславича	<i>и призываю в помощь... господаря моего праотца князя Федора Ростиславича, иже целокупно тѣло имѣет во множайшихъ лѣтахъ соблюдаемо и благоухания, паче арамат от гроба испущающе и благодатию Святаго Духа струи исцѣления чудес источающе, яко же ты, царю, о сем добре вѣси</i>	<i>Имя св. князя Федора Ростиславича дважды упомянуто в «Истории» и единожды в Третьем послании Ивану Грозному. Это был ответ на слова царя в Первом послании о святыхъ предках Курбского, которые молятся не за своихъ потомков, а за московскихъ царей.</i>
...и попирающе аггельский образ	<i>...и попирающе ангельский образ [гlossa к слову ангельский: Сказ. То есть тѣмъ наругаются ангельский образ, егда ся на нѣкоторыхъ разгнѣвается, тогда силою во мнихи стрижет их и со женами и с малыми дѣтками, и в вѣчное предает заточение, затворяюще их в монастырѣхъ твердыхъ в темныхъ кѣлиахъ и чиняще святыя мѣста твердынями адскими, согласующе ему и потакающе треокаяные нѣкоторые лукавые мнихи</i>	<i>Отрывок находит прямую параллель с Посланием Т. И. Тертина и У. В. Сарыхозина М. Я. Морозову, где также говорится о монастырскихъ твердыняхъ. О нихъ же в предисловии к «Новому Маргариту» в переводе кружка кн. А. М. Курбского.</i>

продолжение на следующей странице

продолжение с предыдущей страницы

ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ (1564)	ВТОРАЯ РЕДАКЦИЯ (1579)	РУКОПИСНЫЙ КОРПУС
иже дѣтьми своими паче Кроновых жерцов дѣйствуют	иже <i>тя подвижут на Афродитския дѣла и дѣтьми своими паче Кроновых жерцов дѣйствуют</i>	<i>Ср. в «Истории»: не пред Афродитовым болваном блудотворения и нечистоты плодоти, но на явственѣиших своих скверных пированиях присквернѣйшие глаголы со восклицанием и со вопиянием отрыгати (СК. 130)</i>
и выгубил уже сильных во Израили	и выгубил уже <i>сильных и благородных во Израиле</i>	<i>При помощи слова от благороднѣйшего Курбский в СК поясняет в глоссе к переводу слово от зацнѣйшаго. В «Новом Маргарите» к Сыновский сан в гомилии Златоуста глосса: зацност (NM. 240. Ann. b). В «Иоанне Дамаскине» встречаем глоссу з зацнѣиших з отрывку з нарочитѣиших основного текста (JD. 20b). В «Истории» многократно блѣгородный и зацный, которое встречается в польском послании Курбского Альбрехту Бранденбургскому уже в 1565 г.</i>

Ряд приведенных примеров находят параллели в «Истории» и других сочинениях рукописного корпуса кн. А. М. Курбского. В них нет следов рутенского влияния, а сама склонность к повторам застывших словосочетаний может свидетельствовать о приверженности князя Андрея Михайловича к идиоматическим выражениям, которые отмечаются у него в различных сегментах его рукописного корпуса как надежный знак его личного участия. Курбский использовал афоризмы («краткописанные стихи»), с небольшими изменениями повторяя их из текста в текст, как правило, в значимых для него мировоззренческих суждениях. Одно из них — о подобии «ласкателей», «потаковников» или «похлебников» для царства (или королевства) «прыщу поветренному». В. В. Калугин обнаружил лишь один пример влияния рутенского («западнорусизм») в этой идиоме (Калугин, 1998: 214–218).

«Новый Маргарит»	«Иоанн Дамаскин»	Третье послание	«История»
Ни един прищ повѣтренный <i>во королевстве</i> горши над ласкателя. Ни единое безсловесное прелютейше над <i>похльбника</i> . Лучше есть власти в между врагов, нежели <i>маньяков</i> : оные <i>бо</i> ядят мертвых, а тѣ живых (NM. 3v. Anm. a)	Ни един прыщ поветренный <i>во царстве</i> горши ласкателя. Ни едино безсловесное прелютейшее над <i>человекогодника</i> . Лучше есть власти между врагов, нежели между <i>ласкателей</i> : оные ядят мертвых, а те живых (JD. lvi. Anm. 23 ⁰⁰)	[<i>гlossa к:</i> ласкатели] человекоугодники, или по-их маньяки, паче же все мудрые согласуют, иже <i>во царствѣ</i> , гдѣ любят их, ничто ж может смертоноснѣйшаго прыща быть над них (СК. 142 об.)	...презлым ласкателем (над них же уже, яко многогажды рѣхом ни един прыщ смертный <i>во царстве</i> повѣтреннѣйши быти может) (СК. 68)

Лишь в самом раннем примере заметно рутенское влияние в лексике и синтаксисе: *во королевстве*, *бо* («Новый Маргарит», около 1570–1572 гг.). Они неустойчивы и как раз отсутствуют не только в поздних сочинениях, к которым авторская причастность Курбского даже более вероятна, чем в переводном «Новом Маргарите» (составленном при участии книжников из Речи Посполитой), но не читаются эти рутенизмы и в глоссе из предисловия к «Иоанну Дамаскину» (около 1572–1575 гг.). Еще один значимый показатель афористичного мышления Курбского — использование устойчивых выражений в глоссах, как в Третьем послании Курбского Ивану Грозному (сентябрь 1579 г.), и в скобках, как в «Истории» (здесь около 1579–1581 гг.). Курбский возвращается к идиоме, но больше не использует рутенизмов, а сохраняет книжный московский язык и в названном случае — «во царстве». Во всех случаях перед нами вероятное дополнение к первоначальным текстам, которые могли создаваться при участии секретарей. На протяжении всего бытования данной эпитаграммы в авторском корпусе в период эмиграции Андрея Курбского в Речи Посполитой в изученной идиоме нет влияния рутенской речи. Они минимальны в «Новом Маргарите» и могут быть отнесены на редактирование со стороны местных секретарей.

Осознание того, что московский и рутенский языки различаются, выражено у Курбского в формулах *по их* и т. п.:

величие гордые паны, по их языку — боярове (СК. 3 об.)

с стремнии высоких мечюще их, а по их языку — с крылец або с теремов (СК. 3 об.)

стратилатове, а по их — воеводы полков (СК. 14 об.)
правый рог, а по их — правая рука (СК. 15)
стратилатове, а по их — воеводы полков (СК. 16 об.)
такое знамение, а по их языку — ясак (СК. 16 об.)
пред великим бискупом их, а по их — со великим анарьи або амиром (СК. 26 об.)
[о *реке*] (бо мълка была в том мѣску, по их — счастью) (СК. 28 об.)
о великих же панов родѣх, а по их — о боярских (СК. 93)
обрѣл храмину, глаголют, зѣло високу, по их же обыкновенному слову нарицают еѣ — повалуша (СК. 97)
преславнаго похлѣбника, а по их языку — маняка и губителя своего и Святоруские земли (СК. 100 об.)

Все приведенные примеры в «Истории» говорят об адресате этого сочинения — местных шляхтичах и горожанах, которым автор в ряде мест раскрывает языковые реалии Речи Посполитой при помощи московских и тюрко-татарских аналогий, предваряемых конструкцией *по их*. Почти все эти реалии связаны с военным и инженерным делом, а также в редких случаях — с географическими названиями, политическими и конфессиональными вопросами. Пояснение о *панах/боярах* выступает в начале «Истории» и ближе к концу в мартирологе боярских и дворянских родов, а слово *стратилатове* обсуждается дважды на небольшом участке текста. Можно обратить внимание и на то, что подавляющее большинство конструкций *по их* приходится в «Истории» на ее начальные разделы, после чего полностью исчезают, как если бы этот прием проводился непоследовательно, не в связи с объемом языковых реалий (иноязычные лексемы есть и далее в тексте), а в связи с какими-то задачами повествования.

Появление конструкции *по их* в Третьем послании Курбского, адресованном Ивану Грозному, аномально и говорит о том, что глосса создавалась к той версии текста, которая либо поясняла реалии Московии секретарям, либо была адресована, в целом, не царю, а читателям Речи Посполитой. В этом случае показательно, что Сборник Курбского в составе «Истории» и трех посланий Курбского Ивану Московскому появился в рукописной традиции как единое целое, к которому, возможно, были приложены как отдельная книга или подборка тетрадей кириллические послания Курбского корреспондентам из Речи Посполитой.

Свои переводные сочинения князь Андрей Михайлович адресовал русскоязычным шляхтичам из Речи Посполитой и Московской Руси

и в «Истории» даже говорил о Руси «здешней» (т. е. в составе Речи Посполитой) и «тамошней» (т. е. в составе Московского государства). В предисловии к «Симеону Метафрасту»:

И якоже и в здѣшних землях нѣгде удержаться, паче на подкору соборы их волочатся, такоже и во оных русских предѣлах, ихже здѣ обыкли нарицати Московскою землею, таковые непохвальные на прелесть человеком обретаются (БЛДР. Т. 11. 586–587).

Курбский не принял распространенный в его время в Короне Польской и Великом княжестве Литовском общеевропейский (а также греческий, персидский и тюркский) политоним «москвитин», себя москвитом не считал, подчеркивал свое ярославское происхождение и действующее прямое подданство польскому королю. Его слова «здѣ обыкли нарицати» можно, как представляется, рассматривать как знак отторжения и непризнания сложившейся языковой практики. «Тамошнюю» Русскую землю Курбский считает Русской землей, Русью, Святорусской империей (царством), частью «здешней» Русской земли, и считает возможным объединение этих земель в конфедерацию или под властью своего — и единственного на всех русских землях — законного монарха, т. е. короля Короны Польской и господаря Великого княжества Литовского. Одним из объединительных маркеров для всех русских земель служит конструкт «словенские людие», выражающий причастность к книжному «словенскому языку» (NM. 419. Anm. f). За ним — как религиозное единство, так и готовность к реконструкции православного книжного наследия, отчасти утраченного из-за бурной истории русских земель, отчасти замутненного неудачными и неполными переводами древних текстов. В этом смысле речь идет не об исконном единстве, а о проектируемом. Отличие по принципу «наш — их» в изучаемом корпусе всякий раз отражает полемику, а не готовое знание. Таким же образом и конструкции, противопоставляющие «наш — их» у кн. А. М. Курбского выражают различия не только лексические и культурные, но и мировоззренческие. В письме Кузьме Мамоницу:

святых вселенских великих седми синодов, кои были удержании не тылко восточных наших церквей епископами, но их заподными и самыми святыми папежи древними (СК. 164 об.).

Митрополию всяя Руси в Москве Курбский, рассказывая в глоссе к «Новому Маргариту» о митрополите Филиппе (Колычеве), называет «Русской митрополией» (NM. 3v. Anm. b). При этом игнорируется

духовный статус православного первоиерарха Речи Посполитой. Вряд ли это знак того, что в эмиграции кн. А. М. Курбский поддерживал единство русской церкви под эгидой митрополита московского и всея Руси, поскольку его отношение к церковной иерархии в Москве, в целом сдержанно-критическое, обострено его отношением к иосифлянам и декларациями о неспособности московской иерархии противостоять нарастающей политической тирании.

Частным проявлением единства Руси в представлениях князя Андрея Михайловича является представление о единстве рутенского и московского языков. Словоформы из обоих иногда в связке выступают и предпосланы конструкцией «а по-руску». Кроме того, Курбский игнорирует грамматические различия между ними и всякий раз в глоссах и внутритекстовых экскурсах подчеркивает расхождения в лексике. И лишь в маркированных политических случаях, говоря о тех явлениях московской жизни, от которых следует отказаться, он подчеркивает отличия московского языка от русского:

димиев [глосса: Димии — грецка пословица, а по-руску — палачи або каты] (NM. 1v. Anm. c; ср.: NM. 435. Anm. k; CM. 83, 267 об., 283 об., 417)

ласкателей [глосса: По их слову московскому — маняков або потаковников, а ту обыкли их нарицати похльбники] (NM. 3. Anm. a)

Включение московского и рутенского узусов в «словенскую» высокую книжность выдержано в тех же современных Курбскому традициях, которые обнаруживаются в буквальном копировании посланий из Великого княжества Литовского и рутенских переводов с текстов из других стран в московские посольские книги наряду с московской же московской документацией. Это не значило, что рутенский в Москве хорошо понимали. Судя по всему, Иван Грозный нуждался в переводе при контактах с представителями Короны и Литвы, а свои знания польского преувеличивал.

Несмотря на лексические экскурсы, именно в рутенских интерференциях язык кн. А. М. Курбского демонстрирует новаторство и различные семантические расхождения с языками Речи Посполитой. Слово *присяга* («при присезе») Курбский поясняет как *целование креста или Евангелия* («при целованию креста або Еваггелия»), которое происходит тайно у царя и его опричников и предполагает взаимное обязательство в совершении злодеяний (NM. 3). В Великом княжестве Литовском и Короне Польской институт присяги имел ограниченное правовое значение и требовал публичного исполнения. Формула *за царя и общую вещь* (глоссы

в «Новом Маргарите» и Сборнике Курбского уточняют общую вещь как *Речь Посполитую* или *Рез Публику*) неоднократно в его эмигрантских сочинениях отражает аналог — за *Короля и Речь Посполитую* (НМ. 2v). У Курбского доброхоты, добрые советники царя, его избранная рада готовы положить душу за царя и республику. В московском политическом дискурсе, современном Ивану Грозному, эта формула никак не выявляется. Но и одно из важнейших в тезаурусе Курбского понятий, характеризующих придворный фаворитизм в Москве, — *маньяк* — в источниках из московской придворной среды не выявлено.

Интерференции в авторские тексты Курбского и глоссы (и сам его выбор слов для комментирования в переводных текстах) не ограничиваются рутенскими и польскими элементами, но нередко восходят к латинскому, греческому, немецкому, тюрко-татарскому, ивриту. Словарные глоссы к переводным сочинениям волынских книжников не однонаправленны, а нередко допускают вариативность в выборе основного варианта, помещая то один, то другой языковой аналог на место основного и, соответственно, остальные варианты — на роль комментария к основному тексту. Работа глоссаторов заключается не в том, чтобы находить трудные по каким-либо причинам места, а в том, чтобы устранять различия, вводя одни и те же лексемы, иногда навязчиво по несколько раз сопровождая одними и теми же глоссами основной текст на протяжении одной страницы.

Причину этих усилий можно видеть в образовательной направленности сочинений князя Курбского и в его личной склонности к определенным лексемам и идиоматическим оборотам. Исследователи уже обращали внимание на то, что книжные и филологические понятия князь заимствует из различных источников, отражая их в глоссах и авторских сочинениях. Трагедию он в традициях Аристотеля многократно называет в глоссах «игрой плачевной» и таким же образом определяет свой рассказ о событиях в Русской земле Ивана Грозного. Эпистолярная практика в его творчестве заслужила целого ряда заимствований из европейской латинской традиции, и вместе с понятиями «послание», «эпистолия», «лист» пришло ренессансное риторическое обрамление, которого Курбский старается придерживаться в своей переписке. Однако если обратиться ко всему комплексу глосс, задействованному в волынской книгописной мастерской князя Андрея Михайловича, то во многих словарных глоссах мы обнаружим вариации, которые отражены в авторском творчестве Курбского и имеют в нем непосредственные, часто весьма значимые параллели. Далее в нашем исследовании речь пойдет

только о тех глоссах, которые сопровождаются специальными знаками вставки к основному тексту и, более вероятно, восходят непосредственно к книжной мастерской князя А. М. Курбского.

Излюбленные словарные единицы в глоссах находят параллели в авторских текстах и без глосс, как если бы Курбский учил читателя тем словам, служебным частям речи и клитикам, которые сам использовал в своих текстах. Если собрать попарно лексемы, сближенные между собой благодаря их частичному повторению, то образуются цепочки словоформ, показывающие в своем роде герменевтические поля, в рамках которых возникали как основные круги значений, так и более отдаленные от них толкования по сходным сюжетам.

Особый кластер собирается из глосс, отражающих общие взгляды на мир, справедливость и воздаяние. В нем видны выходы на отождествление вселенной и церкви, соборная склонность, которая подкрепляется представлением о единстве просвещенного мира и способности очистить его от болезней и грехов, в том числе и усилиями самих людей.

В «Истории» Курбского *вселенная* упомянута пять раз как место обитания, весь мир и как цель завоевания; мир, которым мог бы обладать православный царь; весь мир, где известна Москва или святой; место поселения людей в отличие от пустыни. В этом значении лексем *аер*, *мир* и *свят* не используются. Слово *синод* упомянуто в Сборнике Курбского девять раз, главным образом в значении: Церковь, Вселенские соборы (в оппозиции нынешним еретикам и римскому папе). Встречается в «Истории» и мусульманский совет Казани (в списках: *сенот/сенат/карачи/советники*). Мусульманские и любые иноверческие страны подчиняются общим законам, и в этом смысле в томе «Иоанн Дамаскин» говорится о христианской миссии апостолов после Вознесения Христа — они разошлись «в начальствия всея вселенные». На поле читается глосса к слову *начальствия*: «в царства» (ИД. 524).

Юридическая и военная лексика пересекается во взаимных пояснениях лексем, обозначающих полководцев, воинов, советников, судей. Однако в плане правоприменения многое зависит от интерпретации кластеров *плод — чада — дружба — стяжания — недаром — вина*. Их насыщенность и взаимные переплетения позволяют говорить об идеале быстрого плодотворного взаимодействия с целью взаимного обогащения между друзьями. Категория вины не имеет устойчивого референта и служит обозначением общего порядка причинности, который отличает «Историю» Курбского от памятников летописания его времени и связывает единой моделью интерпретации категории общей пользы

(*не туне, недаром*) с представлениями об угрозах (*вина, осуждение, казни*), между которыми необходим учительствующий запрет и моральное суждение (*строгость, запрет, прещение, прорицание*), с которыми тесно переплетены *труды, страдания и казни*. Множество лексем описывают воздаяние и ожидающий всех людей Страшный суд, а также *казни*, с которыми тесно коррелируют *гроза, лютость, беда, труд, изнеможение*. Однако Курбский убежден, что *труды и казни* не должны быть *избавлением неповинных* и должны вести к улучшению, выздоровлению и спасению, и универсальной метафорой для любых усилий в его тезаурусе является врачевание, возможное как применительно к душе, так и к плоти (Попович, 2020).

К душе применима в медицинском смысле пара *молитва/обещание*. Собственно, высшим Избавителем и является Спас, то есть Христос. Возможно, с ожиданием Второго Пришествия Спасителя связана и частотность пары *грядущее/будущее* в переводных томах князя Андрея Курбского. При этом лексическая пара *чаемый/ожидаемый*, вызвавшая недовольство у церковных цензоров Максима Грека, у Курбского выступает как приемлемая при переводе отрывков, касающихся ожидания Царствия Небесного (ИД. 490).

Основной текст	Глосса
аер	воздух (NM. 52, 60, 108, 338; ИД. 38, 57, 305, 372 об., 518 об.; JD. 4b, 22a; CM. 359 об., 365, 410, 463 об.) вѣтер (ИД. 519)
на аери	в воздухе (ИД. 15 об.)
скиния	шатер (ИД. 51 об.)
свѣт	мир (NM. 136, 152, 348v)
мир	свѣт (NM. 18v; ИД. 420, 463 об.)
мира	всяческих (NM. 37)
мир	вселенную всю (NM. 40)
суетный сей мир	прелесный свѣт той (ИД. 461 об.)
весь округ земли, округ земный, округ земль, округ земли	вся вселенная, вселенная вся (NM. 66v, 72v, 109, 128, 146, 360v, 428)
земля	вселенная (СК. 148 об.)

продолжение на следующей странице

продолжение с предыдущей страницы

Основной текст	ГЛОССА
вся подсолнечная	вся вселенная (NM. 425)
вся вселенная	весь округ земли (NM. 368)
вселенские	церъковные (NM. 96v)
в голке мира	в туку свѣта (NM. 347v)
свѣт	мир (NM. 421v)
мир	покой (NM. 115; CM. 149 об.)
покой	мир (NM. 363v)
спокойный	мирный (CM. 13 об.)
успокоение	мир (CM. 282 об.)
згода	согласие (NM. 82; ИД. 114)
згажаются	согласуются (СК. 143)
катавасия	согласие або схожение (ИД. 298)
спадок	склонение альбо согласие (ИД. 298)
согласие	умирение (ИД. 318)
сѣчетание	случение (ИД. 434)
всемирное	соборное (NM. 401v)
общее	сполные (ИД. 70) соборне (ИД. 351 об.)
соборное	общее (ИД. 353)
кафолицки	соборне (ИД. 469)
сообщителнѣйши	соборнѣйши (ИД. 351 об.)
совокупился	соединился (ИД. 429)
совокопление	соединение (ИД. 429)
синод	собор (NM. 420v)
рои	соборы (NM. 435)
и до синоду	и до великаго собору (NM. 428)
в соборех божественных	во церквах Божиих (NM. 69)
собрания	собори (NM. 85)
толща	собор (JD. 14b)
народ	род (NM. 66)

продолжение на следующей странице

продолжение с предыдущей страницы

ОСНОВНОЙ ТЕКСТ	ГЛОССА
род	поколѣние (JD. 2b)
люд	народ (СМ. 71)
община	всенародство (NM. 37) все царство (СК. 150)
не общующе	не совѣтующе (NM. 42)
сослужебники	сообщники (ИД. 175 об.)
думою	совѣтом (ИД. 29)
совѣтники	синглитове (СМ. 25 об.)
синглиты	сенаты (СК. 142 об.)
синглит	сенатор (СК. 146 об.)
во боярех	во синглитех (ИД. 414)
сенот	совѣтницы (NM. 427)
сенот	сичгов или совѣтников (СМ. 67 об.)
бѣ и сенот весь	тамо быша совѣтн[ици] и синглитове всѣ (СМ. 72)
у синглита	у проконсуля (NM. 403v)
синглитикия	властелская бы[.]ше жена (СМ. 285)
властели	князи (ИД. 47 об.)
Первоизводитель	Создатель (ИД. 252)
стратилат	воевода
стратилаты благородные	ротмистры свѣтлые (СК. 154 об.)
стратижство	гетманство (NM. 334v)
вожд, вож	гетман (NM. 355v; ИД. 550 об.) воевода (NM. 429v; СК. 149 об.) начальник (СК. 150 об.)
звѣрхность	началство (СК. 166)
игемон	и гетман (NM. 438v) воевода великий або стратиг (NM. 438v)
гетман великий	стратиг (СК. 18 об., 19–19 об.)
гетман	император (СК. 160)

продолжение на следующей странице

продолжение с предыдущей страницы

Основной текст	Глосса
рыцерь	воин храбрый (NM. 335)
рыцерьские	военные (ИД. 561)
витезь	победитель (NM. 234)
ширмер	богатырь (NM. 140v)
ширмерей	борител (NM. 75)
ширмереви	наезнику або витезю (NM. 381)
зброя	оружие (NM. 334v) пансыр (NM. 334v)
бронь	зброя (ИД. 481)
овощ	плод (NM. 30, 79, 137, 158, 165, 166v, 171, 390, 435v) утешение (NM. 310)
влага	плод (ИД. 476 об.)
овощи	ягоды (NM. 390)
яблоко	овощ (NM. 88v, 168v)
дѣти	чада
сыны	чада (NM. 171v)
чяды	сыны (ИД. 484 об.)
отрочатка	[мл]аденчики (СМ. 360 об.)
приятелство	дружба (NM. 331v)
стяжания	богатства (NM. 382)
статочне	устроително (NM. 384)
устроители	началницы (ИД. 540)
абие	прутко (ИД. 487)
прутко	скоро (NM. 384)
скорый	пруткий (СМ. 148 об.)
скорошество	пруткость (ИД. 46)
не безлеп	не туне (NM. 41)
туне	безлеп (NM. 372)
даром	туне (NM. 127v)

продолжение на следующей странице

продолжение с предыдущей страницы

Основной текст	ГЛОССА
без вины	туне (NM. 381v)
убытки	тщеты (NM. 38, 48, 82)
шкodaющий	тщетный (ИД. 339 об.)
бѣдно	неудобно или зело нужно (ИД. 466)
нужное	убогое (ИД. 499 об.)
разлиятели	марнотравцы (NM. 168)
проторы	знищенья (NM. 48)
альчба	глад (ИД. 70)
докучати	стужати (NM. 416v)
дерзостен	упователен (СМ. 76)
грозяще	претяще (NM. 355v, 391)
грозбы	прещения (NM. 76v, 366v, 416v, 435, 436)
срогость	прещение (NM. 432v)
срогий	жестокий (NM. 25; СК. 128 об.)
срогие	лютые (NM. 436)
лютый	срогий (ИД. 97)
срозе	ужасне (СК. 6)
грозил	претил (NM. 379v, 380)
погрози	запрети (NM. 367v)
возвещают	прорицают (ИД. 47)
порицания	запрещения (СМ. 416 об.)
хульно	порицаа (ИД. 477 об.)
беды	скорби (ИД. 440 об.)
казняще	порицающе (СМ. 390)
казнь	язва (СМ. 93 об.)
осуждение	казнь (СМ. 411)
истязание	суд (ИД. 434 об.)
испытуемый	истязуемый (СК. 104 об.)
испытание	истязание (СК. 105)

продолжение на следующей странице

продолжение с предыдущей страницы

Основной текст	Глосса
суд	разсуждение (ИД. 509)
усуждено	[нос]тановлено (СМ. 412 об.)
карания	казни (NM. 58v)
труды	казни (NM. 140) попечении (ИД. 486)
труд	беда (NM. 168v)
со трудом	со прокажением (СК. 105 об.)
не утрудилася	не изнеможе (ИД. 474 об.)
томяще	удручающе (ИД. 190 об.)
муки	страдания (NM. 38v; ИД. 248 об., 260 об., 262) раны (NM. 140)
мучена	страдавша (ИД. 482 об.)
суровство премогаху	мучителство преодолеваху (ИД. 554 об.)
тершит	стражет (ИД. 123 об., 237, 238, 253)
терпѣние	страдание (ИД. 225 об., 245, 259, 377)
страдати	терпѣти (ИД. 362)
терпѣти	страдати (ИД. 362)
тепѣвше	страдавше (ИД. 523 об.)
который тершит терпѣнием нарицает- ся	стражет страданием имянуется (ИД. 77 об.)
терпѣние и терпящее качество	страдание и страдателную якость (ИД. 376)
незносимо	нестерпимо (NM. 168)
неподемлем	нестершим (СК. 119 об.)
блостися	бояться (СК. 149)
смертный	человек (СМ. 403 об., 405, 406 об.)
смертоносный	смертный (ИД. 489 об.)
сокрушенно	тлѣнно (ИД. 133)
истомлены	умершвени (ИД. 478 об.)

продолжение на следующей странице

продолжение с предыдущей страницы

Основной текст	Глосса
потребы	болезни (NM. 55)
потреба	подобает (NM. 56v, 72v)
рвение	ревность (ИД. 498 об.)
рвением божественным	ревностию божественною (ИД. 562)
бдят	бодрствуют (ИД. 485)
чюйны	бодры (СК. 56 об.)
чюйный	обозрительный или опасный (СК. 181 об.)
помолився	просив (ИД. 494 об.)
ко полепшению	ко издравлению (NM. 58v)
не без надежды	без отчаяния (ИД. 496)
в надбьющееся	во упователное (ИД. 573)
цилевание	поздравление (ИД. 422 об.)
приимати	причащаются (ИД. 472)
лъкар	врач (NM. 28, 67)
врач	лекарь (NM. 43, 371v)
лъкарство	врачевство (NM. 48, 387)
врачевание	цельба (ИД. 63)
врачевство	цельба (СМ. 320 об.)
избавление	спасение (NM. 42, 67v, 135v, 147, 168; ИД. 120, 177, 260 об., 261 об.; СМ. 503)
откупление	избавление (СМ. 513)
спасение	избавление (ИД. 320 об., 462, 506)
избави	очисти (ИД. 464 об.)
Избавитель	Спас (ИД. 22, 98 об.)
избавит	спасет (ИД. 98 об.)

Позитивные качества и добродетели выступают в той же тесной связке между собой, которую мы обнаружим во всей полноте в Сборнике Курбского. Прежде всего, *самовластье* в этике Курбского вслед за «Богословием» Иоанна Дамаскина и «Этикой» Аристотеля — одно из

важнейших качеств свободной души, суверенно и самостоятельно, в отличие от бессловесных зверей, отстаивающей свое стремление к *благу*. Это стремление очевидно в кластере двойных лексических цепочек, соединяющих *душу, разум, ум, думы, фантазию, мудрость, целомудрие, наказание, учитель, совет, думу*. Последние пять лексем напрямую выводят разумное действие в область политико-правовой реальности, где деятельность мыслится как *повеление, заповедь, устав, закон, узаконение, уложение, заповедь, декрет* (ср. в Третьем послании царю лексические пары: *повельния/декреты, декреты/номоканоны, повельния/уставы*).

Впрочем, пороки ума видны во мнениях — пара *жаланиа/мнѣния* ведет осмысленное рассуждение к негативным качествам души, похотям и ересям. Вместе с тем и *хула* встречается в лексическом мире Курбского как в области наставления и воспитания, так и в одном ряду с *клеветой* и *ересями* (см. в следующей таблице).

Душа, способная возвышаться над чувственными *аффектами, самовластна, разумна* и *словесна*. Ее связь с политическим миром через *думы* и *совет* наилучшим образом воплощена в *Избранной раде*, которой в Москве 1540–50-х гг. были свойственны и многочисленные добродетели, упоминаемые в глоссах к переводным томам. Это был период, когда республикой правили *мудрые* и *целомудренные, искренние, добрые и храбрые, сильные во Израиле*, а царь был *кротким* и *тишайшим*. Не было тяги к насилию и неволе обычной для московских великих князей, унаследованной им по природе от предков и их чужеземных жен. Благо республики тесно связано со свободой и способностью избранных советников и всего народа устанавливать декреты и узаконения благодаря тем, кто одарен Святым Духом.

Душа находится в *сердце*, и единство этих двух лексем в тезаурусе князя Андрея Курбского видно по их взаимной заменяемости. Сердце — тот орган тела и республики, который позволяет телу причаститься страданий Христа, а в республике Избранный совет собирает дары Духа, Божественную благодать, чтобы направить ее в голову, т. е. к царю и «во уды». Нет противоречия и между разумом и сердцем. Ум самовластен, но требует причастия и очищения, а это значит, что мудрый правитель не может пользоваться своей свободой воли, самовластьем, без очистительного действия сердца — Избранного совета. В Сборнике Курбского и в «Истории» связь *ума* и *души* реализована в оценках царствования Ивана Грозного и в философских отступлениях. *Душа*

и однокоренные с ней слова встречаются в «Истории» 29 раз. *Ум* и *разум* — более 300 раз, в том числе в тесной связи с темой *совета*, умением подать своевременный совет. *Достоит*, *достоинство* и т. п. — также 29 раз, в том числе о Феодорите Кольском:

Понеже еще в телеси тлѣнном суща, безтелесными и невестественными почтен достоинствы и аероплавательными хождении (СК. 126 об.).

Здесь важна связь между достоинствами (добродетелями), способностью преодолевать естественные законы мира, с одной стороны — это условие добродетельного правления, с другой — святости. Показательно в этом смысле лексическое сближение между *умом* — *преодолением* — *победой*, соединяющее область этики с политикой (наоборот, лексемы тленности тесно связаны у Курбского с идеей сокрушения: *сокрушено/тлѣнно*). Пролетая эту цепочку, мы могли бы увидеть подобию между *добром/благом* в военном деле и политике (*храбрость*, *мужество*, *сила*, *статечность*, *бесстрашие*), с одной стороны, и качествами души (*жалость*, *тихость*, *щедрость*, *искренность*, *простота*). В этом разделе заметна прямая связь между *свободой* как *избавлением* и *избавлением* как *спасением* из рассмотренного выше первого кластера понятий. Достоянием учителей является учение о благе, и глоссы показывают бесконфликтный переход от лексем, определяющих добро и благо, в кластер учительства и наставничества, от которого один шаг как до *вождества* и *благородства*, так и до *целомудрия*, *смирения* и *истины*. Посредством *смирения* человек достигает того идеального состояния, которое подробно раскрыто в кластере *мир/покой*.

Показательным для этического кругозора Курбского представляются тесные связи между *умом* и душевными качествами воина-интеллектуала: *ученостью*, *хитростью*, *преодолениями*, *победами*, *сановитостью* и *почестями*. Учительство, ученость, постижение, исследования — это одна сторона взыскующей души. Практическое применение ума — *хитрость*, *художество* и *козни*, как в глоссах, так и в авторских сочинениях Курбского нередко выступающие в позитивном значении и в сочетании с эпитетами (например, *благокозненный*). Однако в ряде случаев — наоборот, *художество* толкуется как *злохитрство* «лукавого змия» (ИД. 535 об.).

Требует дополнительных понятийный изысканий круг лексем, связанных со словом *власть*. Для Курбского он в равной мере обнаруживается в сфере общего богословия (*самовластие души*, *добровольность*, *воля*,

произволение, обладание) и политической этики (*сила, совет, область и князь*).

Характерно для учения князя Андрея Михайловича почерпнутое у трудов Иоанна Дамаскина почтительное сочетание категорий *достоинства (сана)* и мыслительной способности души (*душевный сан мысли*). Разумная мысль направлена на *благо*, которое является целью *благородного* и любого *благого* человека, а полнота благих помыслов приравнена к *благодатям*, которые уподоблены *дарованиям*, свидетельствующим о *дарах Духа*. К словам «Повести о Варлааме и Иоасафе» о благодатях князь Андрей Курбский предлагает глоссу, возводящую идею благодатей с Божественным воздаянием. Показательно, что в это отрывке звучат те же слова, которые в «Истории» Курбского заимствованы из Цицерона по одному из итальянских изданий:

Сиа убо истънии вѣтра на аере дышающаго суть немощнѣйше, их же мала и прежде малых благодать и не благодать, но блазнь и прелесть мирские злости, их же любити весма, ненавидети же паче от сердца научени есмо. **И** есть поистинне ненавидим сей мир и небрегом. **Е**лико бо дарует кто другом своим со гнѣвом, паки восхищает, нагии же паки от всего блага и срамом облеченным, всѣм облежащим тяжек во вѣчную посылает скорбь. **К**оторых нынѣ возносит, тѣх абие послѣднею нищетою смиряет, в подножие их полагает, в радость врагом их, таковое убо благодатие его, таковы сут дарования [*глосса: мздовоздаяние*]. **В**раг бо ест другом своим и супостат всѣм творящим волю его. **Н**изревает злѣ гонящихся за ним и силу прерывает [*глосса: разтерзает*] уповающим на него. **С**овѣты полагающе с безумными и обѣты ложные им обещающе, да точию тѣм привлечет их к собѣ, не разумив сам, и ложь показуется, ничтоже им исполняюще, еже был обещал (ИД. 456–456 об.)⁶.

Данный отрывок повести (это фрагмент ответа Варлаама Иоасафу), вошедшей в состав тома «Иоанн Дамаскин», показывает тесное единство между данным томом, «Историей» и Третьим посланием Ивану Грозному князя Андрея Курбского. Ряд категорий из его тезауруса здесь переплетены между собой и образуют целостную установку. Инок Варлаам показывает царевичу Иоасафу, что царства мимолетны и рушатся от малейшего дуновения ветра. Причины падения царств здесь напоминают слова «Истории» Курбского о причинах крушения Избранной рады и превращения царя Ивана в угнетателя для своего царства, республики и всего христианства. Поговорка *враг бо есть другом своим*,

⁶Полужирным выделены рубрики-инициалы в рукописи. — К. Е.

наряду с идеей о злых советниках как заразных прыщах, прослеживается в творчестве Курбского в различных формах и отвечает его этической доктрине о республике как общем деле мудрых друзей, противостоящем тирании самодержавного правителя, окруженного безумными и лукавыми шептунами и товарищами трапез. Единовластие для Курбского — проявление, прежде всего, неразумия. Его истоки в неумении противостоять соблазнам, тогда как его рациональная недопустимость заключается в том, что единовластный правитель оказывается уединенным воином. Курбский толкует *единоборитель* как *уединенный*, подразумевая одиночество в праведном деле, «еже неискусным и страшливым приключается» (ИД. 575).

Благо благодаря лексеме *благолепие* связано с *пристойностью*, которая, в свою очередь, с одной стороны, связана с *великолепием* и *пригожестью*, с другой — с *чинами*. С другой стороны, *благо* через *ублажение* напрямую связано с лексемами и этическими представлениями о *кротости*, *смирении*, *тихости*. При этом как *думы* (т. е. *советы*, *рады*) соединяют политическую этику с общей доктриной Церкви как Совета, так и *силы* сочетаются в глоссах с идеей *свободного произволения* и *избавления*, а следовательно, напрямую адресуют этику в область мироустройства и душеспасения. С другой стороны, *произволение* напрямую привязано одной глоссой из тома «Иоанн Дамаскин» с *усуждением*, которое входит в обильный кластер судебно-политических лексем. Все названные связки напрямую заявлены в глоссах к переводным томам и отвечают взглядам автора в «Истории о князя великого московского делех».

Основной текст	Глосса
умысл	смысл (NM. 54) разум (NM. 77, 115, 140v, 161, 162v, 168, 380v, 389v, 400, 432v, 434; ИД. 20; JD. 8a) ум (NM. 70v, 86v, 101, 107, 115, 135v, 166, 388v; ИД. 188 об.) мысль (NM. 431)
сенс	разум (СК. 160 об.)
сен[с]овным мышлением	тончайшею мыслию (ИД. 184 об.)
смысл	ум (ИД. 69 об., 244)

продолжение на следующей странице

продолжение с предыдущей страницы

ОСНОВНОЙ ТЕКСТ	ГЛОССА
ум	смысл (ИД. 236)
вымышление	смышление (ИД. 340 об.)
смыслил	замыслил (ИД. 288 об.)
домышляются	разумѣют (ИД. 519 об.)
под лицемѣрием	под замышлением (ИД. 562)
душа	ум (NM. 63v)
думы	совѣты або рады (NM. 2v) совѣты (ИД. 142)
рада	дума (СК. 8) дума или совѣт (СК. 45)
фантазии	думы (ИД. 392)
совѣтованием	порадою альбо думою (ИД. 79 об.)
думает	совѣтует (ИД. 79 об.)
чул	[об]разумевал (СМ. 413 об.)
мнимание	разумѣние (NM. 412v) мнѣние (ИД. 114) мнѣние або разумѣние (ИД. 21 об.; JD. 9a)
мнимати	разумѣти або нещевати (ИД. 171)
мнимаю	мню (СК. 163 об.)
росказуют	разумѣют или мнят (СК. 177 об.) повелѣвают (СК. 177 об.)
нещевание	мнѣние (ИД. 107 об., 329)
нещевася	мниться (ИД. 205 об.)
непшуй	разумѣй (ИД. 350 об.)
мнѣние	небщевание (ИД. 125 об.) мечтание (ИД. 144)
жалания	мнѣння (ИД. 519 об.)
возмнить	вознепшует (ИД. 198)
познанно	разумно (JD. 15a)
вырозумѣние	познание (ИД. 75 об.)

продолжение на следующей странице

продолжение с предыдущей страницы

Основной текст	ГЛОССА
познание	искусство (ИД. 339 об.)
познание	достояние (ИД. 369 об.)
качества вырозумѣваем	якости познаваем (ИД. 131)
качество	якость (ИД. 132, 221, 362 об., 370)
якость	качество (ИД. 348 об., 349 об., 378 об.)
и премудростию высокою	и зрѣнием нависочайшим (ИД. 568)
разумѣюще	мудроствующе (ИД. 118)
мудрѣствующий	философѣствующий (ИД. 420 об., 476)
о премудрых твоих и витиах	философах твоих и риторех (ИД. 546 об.)
философия	любомудрие (СК. 186)
встыдливою	целомудренно (NM. 41v)
целомудрие	воздержание (ИД. 9 об., 455; JD. 8b)
целомудрение	воздержание (СК. 64 об.)
целомудрено	воздержно (ИД. 422)
целомудреному	[..]держному (СМ. 284 об.)
мѣрность	цѣломудрие (СК. 73)
мѣрне	целомудренне (СК. 129 об.)
воздержное	цѣломудренное (СК. 74)
хитрость	преодоление (NM. 140v)
без козней	безхитросным (ИД. 92)
хитрец	промысленник (JD. 4b)
проразумительный	промысленник (JD. 5b)
достоинства	добродѣтели (NM. 86) саны (NM. 104)
годно	достойно (NM. 86v)
подобные	достойные (ИД. 446 об.)
сан	достоинство (NM. 405v) превосходность (СМ. 178 об.)

продолжение на следующей странице

продолжение с предыдущей страницы

Основной текст	Глосса
сановитость	неподвижность (СК. 147 об.)
превысочайшие	предостойнѣйшие (ИД. 184 об.)
достоинство	сан (NM. 81v)
достояние	сан (СМ. 417)
достоинѣство	великость (ИД. 105 об.)
пригодилося	достоило (ИД. 520 об.)
до достоинства не хотяще, до добротства	ко сану не хотяще, ко приязни же хотяще (NM. 416v)
душевное достоинѣство	душевный сан мысли (ИД. 92 об.)
душевный	сердечный (ИД. 471 об.)
и богатырским саном	[и x]рабрых воинов достоинством (СМ. 102 об.)
гадание	спор (ИД. 343)
побѣда	[пр]еодольние (СМ. 76 об.)
одольние	побеждение (ИД. 86 об.)
одольи	победи (ИД. 318)
триумфующе	преодолевающе (ИД. 163 об.)
триумф	[пр]есветлая победа (СМ. 468 об.)
преодольнные	побѣдоносные (СМ. 97)
преодольтельный	победительный (ИД. 577)
победиша	преодольша (ИД. 153 об.)
преодольл	[no]бедил (СМ. 98 об.)
непобедимая	непреодольнная (ИД. 570)
преодолевала	превозходил[а] (СМ. 214)
превосходит	превышает (ИД. 24, 238 об., 419)
наивышшая	превосходная (СМ. 365 об.)
в великом разумѣнию	во многой почести (NM. 398v)
навыкнем	научимся (ИД. 76)
наказател	учитель (СМ. 168)
дидааскал	учитель (ИД. 463 об., 526)

продолжение на следующей странице

продолжение с предыдущей страницы

Основной текст	ГЛОССА
наказание	совѣт (ИД. 125 об.)
совѣтных козни	силогизмы (ИД. 525 об.)
слогни	силогизмы (СК. 164 об.)
свидѣтельства поученей	аргументы наук (ИД. 75 об.)
аргументы	доводы (ИД. 226 об.)
доводы	аргументы (ИД. 541)
образовательные	ремесленные (ИД. 82)
ремесленная	ходожнаа (ИД. 375)
художество	ремесло (ИД. 380) злехитръство (ИД. 535 об.)
художествовати	хитроствовати (ИД. 552 об.)
довѣдомые	постижимы (ИД. 13; JD. 2b)
не ислѣдован	непостижим (ИД. 482)
постигнути	[..]учити (СМ. 172 об.)
постигли	получили (ИД. 258 об.)
направление	наставление (ИД. 76)
игумен	наставник (ИД. 292)
наставником	[вож]дем (СМ. 188 об.)
свѣтлые	благородные (НМ. 362v)
благородные	славные (ИД. 346)
благородные	великородные (ИД. 471 об.)
доброродный	благородный (ИД. 510 об.)
етера	свѣтлыи (ИД. 50 об.)
ясне	свѣтле (ИД. 580)
пресветлѣише	пречестнѣише (JD. 4a)
чеснѣйше бо ест животных кровь	дражайше бо ест приносимое на жертву (ИД. 542)

продолжение на следующей странице

продолжение с предыдущей страницы

Основной текст	ГЛОССА
знаменитый	нарочитый (NM. 28v, 158v; CM. 405, 412) пресвѣтлый (NM. 30v, 72v, 405, 419; ИД. 579) свѣтлый (CM. 416)
знамяните	явственне (CM. 204 об.) нарочите (CM. 416)
нарочитый	знаменитый (NM. 155v; ИД. 251 об.; CM. 406)
доброродные	знамянитые (ИД. 472 об.)
нарочитѣйшыя	зацнѣйшыя (ИД. 36 об.)
зацнѣйший	благороднейший (СК. 160 об.)
зацные	свѣтлые (СК. х–178 об.)
благородне творящим	великородным страждущим (NM. 446)
добро	благо (NM. 391v)
добра	благие (NM. 379)
благо	добро (ИД. 132, 205)
во блазе	в добръ (ИД. 46 об.)
благой	добрый (NM. 41v, 149v) предобрѣйший (ИД. 481 об.) красный (ИД. 567 об.)
добрый	благой (NM. 63v, 153; ИД. 137 об.) пресвѣтлый (СК. 1)
доброе	благое (ИД. 33)
ублагается	утишается (ИД. 204)
богобязненное	благочестивое (ИД. 163 об.)
добро	лучши (NM. 27v)
лешное	лучшее (ИД. 165 об.)
паче хуждъших	лучшие (ИД. 507)

продолжение на следующей странице

продолжение с предыдущей страницы

Основной текст	ГЛОССА
доброты	цноты (NM. 2, 163v; ИД. 180, 485) преподобия (ИД. 70, 97) [п]реподобия (СМ. 380 об.) благодати (ИД. 559 об.)
доброть	преподобие (ИД. 452)
преподобия	доброты (ИД. 138 об.) добродѣтели (СК. 147 об., 148)
преподобие	доброта (СК. 147 об.)
блаженства	доброты альбо блага (ИД. 71 об.)
блага	блаженства (ИД. 462)
благодать	доброта (ИД. 190 об.)
благодати	дарования (ИД. 455 об.)
благодатие	мздовоздание (ИД. 456 об.)
добродѣтель	цнота
добродѣтели	благодѣяния (ИД. 479)
благодѣяние	добродѣян[ие] (СМ. 486)
добродѣяти	благодѣтелствовати (ИД. 553 об.)
доброта	цнота (ИД. 468) благодсть (СК. 53)
добротные	цнотливые (ИД. 87, 153)
доброжитие	щастье (ИД. 507)
благословенне	щасливе (NM. 72)
и незлобивое благосное	и простое добротное або цнотливое (ИД. 152 об.)
предобрѣшише	благолепнѣшише (ИД. 5 об.; JD. 4b) наилѣпѣшише (ИД. 179 об.)
зело благолѣпно	нанапристойнѣшише (ИД. 97 об.)
великолепие	благолепие (NM. 45)
сеновне	благолѣпне (ИД. 254 об.)
ко благому	ко доброму (NM. 27)
благодсть его	добродѣтель его (NM. 353)

продолжение на следующей странице

продолжение с предыдущей страницы

Основной текст	Глосса
о благодсти	о доброты (ИД. 91 об.)
благодстен	добротлив (СМ. 365 об.)
благодѣяние	добродееяние (СМ. 408)
даждь добродѣтелю добродѣтельное	благодателю благо да (ИД. 563 об.)
блажайший	добрѣйший (ИД. 211 об.)
щасливыми	благословенными (НМ. 164v)
любов	благодсть (НМ. 38v)
любовник	возлюбленный (ИД. 217 об.)
любовь совѣтнаа	жалание совѣтное (ИД. 468)
милое [отечество]	любимое (СК. 65 об.)
милость	любовь (СК. 176)
во благом удобство	в добром латвост (НМ. 378v)
питающий	благодатель (НМ. 45v)
благородия	великородия (СМ. 68)
добродееяния	благодееяния (НМ. 45v)
завдячно	благодарно (СК. 182 об.)
благодѣяние творили	добре управлялися (ИД. 201)
дѣлатель	управитель (ИД. 220 об.)
справа	управление (СК. 43)
дѣйствие	дѣлание (ИД. 579 об.)
управляше	привождаше (ИД. 552 об.)
творитель	дѣлатель (ИД. 504 об.)
преподобие	добродѣтель (НМ. 136, 167, 343, 348v)
святые	преподобные (НМ. 52v)
с пригожим	с пристойным (НМ. 47)
пристойность	чин (НМ. 167v)
обычаи	чины (ИД. 184 об., 244 об., 367)
образ	чин (ИД. 510)
по ряду	по чину (ИД. 533)
нрав	обычай (ИД. 394, 528 об.)

продолжение на следующей странице

продолжение с предыдущей страницы

Основной текст	ГЛОССА
жалосные	скорбные (NM. 86v)
жалость	скорбь (NM. 398v)
жалосно	скорбно (NM. 401)
жалостный	бедный (СК. 113)
храбрый	мужественный (NM. 385)
храбрѣйши	мужественѣйши (NM. 163v)
свободнѣйша	храбрѣйш[а] (СМ. 471)
мужественны	храбры (NM. 436)
храбрость	крѣпость (ИД. 486 об.)
ко статечности	ко непоколеблемости (NM. 386v)
кроткий	тихий (NM. 23v)
тихий	кроткий (NM. 23v, 24, 51v, 58)
тихость	кротость (NM. 24)
смирнѣйший	кротчайший (NM. 162)
смирение	мир или покой (СМ. 239 об.)
смирение	кротость (СМ. 281)
укротимый	усмиримый (СМ. 94)
кротяще	усмиряюще (ИД. 499)
тчирость	простота (NM. 96v)
правда	истинна (NM. 144, 152v)
праведно	истинне (ИД. 78)
истиннаго	Сказ. Речи истиннаго Бога [п]очита- ти (СМ. 68 об.)
истовѣйший	истиннѣйший (ИД. 472)
искрений	приятель (NM. 29)
искренний	ближний (ИД. 521)
сила	моц (JD. 8b) власть (ИД. 193)
силы	моцы (ИД. 21)
моцы	силы (ИД. 72 об.)

продолжение на следующей странице

продолжение с предыдущей страницы

Основной текст	ГЛОССА
мощи	силы (ИД. 39 об.; JD. 23b)
силны	крѣпцы (ИД. 47 об.)
державный	крѣпкый (ИД. 504)
немошна	несилна (ИД. 250 об.)
несильно	непотщательно або бездѣльно (СМ. 129 об.)
силный	могущтвен (NM. 446–2)
в силе его	во власти их (СМ. 28)
иступительныя его	учасницы силы его (ИД. 210)
по самовластной его силе	произволению (ИД. 68 об.)
произволение	воля (NM. 389) самовластие (NM. 404)
избрание	изволение (ИД. 124 об.)
призволити	повелѣти (NM. 430v)
произволение	усуждение (ИД. 81)
так о изволениях	сице о произволениях (ИД. 468 об.)
непроизводительне	недоброволне (ИД. 83)
недоброволне	непроизводительне (ИД. 83 об.)
призволивший	повинувший (СК. 119)
устав	узаконение (NM. 167v)
уложение	узаконение (ИД. 259, 300)
[церковные] каноны	узаконения (СК. 72 об.)
декрет	уложение албо осуждение (NM. 128v) усуждение албо уложение (ИД. 79 об.) усуждение (NM. 331v; ИД. 78 об., 287 об.; СМ. 385) сказание суда (NM. 139) повелѣние и [ли усу]ждение (СМ. 68)
декреты	усуждения або повеления (NM. 331) повеления (NM. 331; СМ. 417, 418)
суд се и декрет	усуждение або повелѣние (СК. 72 об.)

продолжение на следующей странице

продолжение с предыдущей страницы

Основной текст	ГЛОССА
заповедь	повелѣние (ИД. 189)
велѣнья	преданья (ИД. 333)
казал	повелѣл (СК. 2)
кажеш	повелиш (СК. 162)
усуждение	декрет (NM. 68, 332; ИД. 216, 284 об.; СК. 70 об.)
постановление	уложение (NM. 39) умовление (NM. 45) уложение або узаконение (ИД. 238)
роковати	постановляти (СК. 51)
сказание	вырок або декрет (NM. 139)
устав	узаконение (NM. 167v)
закон	устав (ИД. 249 об.)
уставы	законы (СК. 150 об.)
законы	номоканоны (СК. 149 об.)
уставляюще	вытолкующе (ИД. 197 об.)
скончание	вытолкование (ИД. 360)
выкладает	толкует (СК. 178 об.)
декрет	улужение албо осуждение (NM. 128v) усуждение альбо уложение (ИД. 79 об.) уложение албо постановление (ИД. 81 об.) усуждение (NM. 331v; ИД. 78 об.; СМ. 385) сказание суда (NM. 139) повелѣние и[ли усуж]дение (СМ. 68) усуждение або сказание суда (ИД. 248)
законоставители	законоположители (ИД. 314 об.)
свобода	избавление (СМ. 149 об.)
свобождение	волност (NM. 436v)

продолжение на следующей странице

продолжение с предыдущей страницы

ОСНОВНОЙ ТЕКСТ	ГЛОССА
свободное	волное (NM. 2) самовласное (ИД. 248)
свободне	волне (NM. 94v)
свободне	безстрашне (NM. 403v)
свободен	волен (ИД. 238)
вольность	свобода (NM. 66v, 367v)
волно	свободно (NM. 21v, 430)
волное	свободное (NM. 33; ИД. 236, 240; СК. 49 об., 149 об.) самовласное або свободное (ИД. 246)
волне	свободне (ИД. 238 об.)
вызволненные	свободные (СК. x-178 об.)
несвободно	отлучно (ИД. 140)
вольный	самовластный (NM. 401v; ИД. 426 об.)
самовластен	волен (ИД. 226)
доброволне	самовластне (NM. 401v; ИД. 138) произволителне (ИД. 80, 80 об.) благоволителне (ИД. 188) самоизволне (ИД. 235 об., 258, 259 об.) самоизволне або савласне [так] (ИД. 246 об.) самовласне або самоизволне (ИД. 258)
доброволен	самовластен (ИД. 121 об., 122)
добровольный	самовластный или самоизвольный (ИД. 151)
область	самовласт[.] (СМ. 183)
притча	воля (NM. 54v)
приповести	притчи (ИД. 180)
преизобилне	свободно (NM. 386v)
пространно	преизобильне (ИД. 468)

продолжение на следующей странице

продолжение с предыдущей страницы

Основной текст	ГЛОССА
охота	благоволение или потщание (NM. 385) тщание (NM. 73)
благоволительный	добровольный (ИД. 120 об.)
благоволение	самовластие (ИД. 154)
благоволенный	доброизволенный (ИД. 428 об.)
рачи	благоволи (СК. х-179 об.)
ключимое	благополучное (ИД. 471)
право	благополучно (ИД. 556 об.)
охотный	подщательный (NM. 26v)
хотение	тщание (NM. 431)
воли	хотѣния (ИД. 252 об.)
усилие	тщание (ИД. 208 об.)
усилствуеши	тщися (ИД. 569)
щедр	милосерд (ИД. 564 об.)
гостелюбие	странноприимство (NM. 347v)
окромнѣ	со прилежанием (NM. 136)
окромный	внѣшний (NM. 340) уединенный (СК. 150 об.)
прилежание	промысел (ИД. 474, 474 об., 478) помощь (ИД. 521 об.)
смотрение	промысел (ИД. 537) почесть (ИД. 573 об.)
промысл	провидѣние (ИД. 515)
всѣм прилежаща	о всѣх помышляющаго (ИД. 504 об.)
общий	чуждый (NM. 81v)
а з особна	а окромне (NM. 365v)
особливый	окромный (СК. 11 об.)
чужеземец	странный (NM. 371)
чужоземцы	странные (NM. 411)

Кластер негативных проявлений тесно связан со словами, описывающими низменные природные силы, человеческие недостатки, грехи, врагов и враждебные сообщества. В гл. 38 «Нового Маргарита» Курбский подробно комментирует, как он подбирает наиболее удачный перевод для грецизма «афект»:

Сказ. Афект— по-римский, а по-словенский нѣции выложили страсти, а мене видит приличнѣй по-словенский обьятия, яко то радости ради смѣх, бѣды або напасти ради печаль (NM. 172. Ann. e)⁷.

В глоссах использованы оба варианта — и принятый в «словенской» книжности до Курбского *страсти*, и избранный им самим для перевода *обьятия*, хотя чаще используется именно вариант Курбского. Кроме того, лексема *афект* иногда выступает в роли глоссы к принятой в основном тексте находке Курбского. Как представляется, это знак личного участия князя в переводе и составлении глосс. Вокруг аффектов в глоссах образовано множество смысловых лексических пар. Они выстраиваются в параллели и к *страстям*, и к *пристрастиям*, и к *волнению*, и к *возмущению*. Все это лексемы с негативной смысловой окраской. Они находятся в одном смысловом поле с идеями *мятежа*, *крамолы* и *навета*. Лживые губительные слухи в представлениях князя Андрея Курбского тесно связаны с разрушительным антимиром царских клеветов, шептунов и сотрапезников. Если мятеж в круге этических представлений Курбского восходит к поджигателям-наветчикам, то *изгнание* мыслится им не как *заточение*, тогда как на категорию государственной измены князь Андрей Михайлович ни в оценках своего побега от царя, ни в переводах из «Парадоксов» Цицерона не выходит (ИД. 566 об.).

Побег от тирана — дело свободной воли, а вот прельщение и любовью мятежный соблазн — это результат *недоумевания*. Вместе с тем аффекты не всегда ведут к отрицательным последствиям. Желание (*хотение*) Курбский нередко комментирует как *произволение*, адресуя к свободе воли. Противостоит свободе принуждение, и для Курбского ограничением свободы является *случай/фортуна/казус/притча* и как

⁷ «Печаль» в другом месте Курбский толкует как «скорбь» (ИД. 77) и ниже «с печалью» комментирует: «по нужде» (ИД. 83 об.). И «по нужде» используется также как глосса для «через насилие» или «по насилию» основного текста (ИД. 84, 84 об.). В том же томе в глоссе к слову «опечальѣт» Курбский и его сотрудники используют эквивалент: «оскорбит» (ИД. 317 об.). Ниже «празньствуя» истолковано в глоссе как «радостно творя» (ИД. 548 об.).

ложное божество, и как суеверие, вера в удачу (ИД. 16; ср.: СК. 14, 148). Упомянутые в «Сказе» об аффекте эмоции выступают нередко в позитивных контекстах у Курбского, в том числе в глоссах (например, в «Симеоне Метафрасте» к словам «радующеся» и «ликующе» глосса: *веселящеся*) (СМ. 91 об., 104). Но если чувства поработают *неволей, нуждой*, то человек, забыв естество как *прирождение*, устремляется своим чувственным естеством на грехи, доходя до печали, гнева, ярости и безумия, из которых три последние выступают в одном кластере со злодеяниями и виной.

На этом пути человека ждет *дракон* греха (*смок превеликий, змий великий, превеликий и прелютейший змий* и др.), являющийся эвфемизмом для обозначения дьявола, а республику — внутренняя или внешняя политическая тирания (также «внутренний» и «внешний» *драконы*). В борьбе за спасение души и за победу над тиранией путь христианского воина всегда предполагает преодоление грехов и готовность пострадать за благо «общей вещи христианской». В некоторых случаях грань между добродетелями и пороками тонка, но во всех случаях для опытного воина она различима. Кластер *гнева* содержит ряд «огненных» словоформ, намекая на то, что от пороков разжигается в душе и республике настоящий *пожар лютости*. В этом смысле «История» оказывается воплощением этических взглядов князя Андрея Михайловича, поскольку как причастие и причащение крови и плоти Христа буквально спасает тело республики, как тело человека, так же и *гнев, злоба, лютость* приводят к пожарам не только душу человека, но и республику в целом — как это и было в Москве в 1547, 1560 и 1571 гг. Все эти три пожара упомянуты в «Истории» и «Новом Маргарите» в контексте Божественного воздаяния.

Множество грехов толкают человека на особый род коллективного действия во зле. Один из значимых кластеров в глоссах касается *злобы* и *злости*, которые тесно сопряжены с *лукавством, злорадством, злодейством, злохитрством, злыми образами* и *грехами*. В «Истории» эти качества упоминаются многократно применительно к *злым* и *лживым* советникам-*ласкателям*, плетущим *сикованци*, и просыпающейся в крошечном-опричном мире царя Ивана *древней злобе*.

Роскошь выступает в тезаурусе Курбского как проявление слабости, сладости, наслаждений. В этой парадигме князь Андрей Михайлович в «Истории» обрушивается на изнеженных (*раздроченных*) воинов-шляхтичей, забывающих в своих удовольствиях о борьбе против татар

и спасении единоверцев из плена. Изнеженность в изучаемых смысловых парах располагается в одном кластере с *роскошью, сладостью, наслаждением, слабостью*. Войти в этот круг определений означает отказаться от этического поступка и политического действия и окунуться в мир греха и разврата.

Показательно, что принятое в польско-литовском контексте понятие *товарищ* у Курбского используется как в значении *дружина* (здесь: *воинство*), так и в негативном понимании, определяя сотрапезников и соратников по злодеяниям. В этом смысле находясь в оппозиции кластеру понятий *приятель, приятельство*, тогда как значимая для этики Аристотеля *дружба* выступает у Курбского то в негативных, то в позитивных значениях. Негативным коннотатом *храбрости* в тезаурусе Курбского являются *смелость*, тесно связанная с идеей *дерзости*, и *упорство*, находящееся в одном ряду со *своеволием, упрямством* и *ожесточением*. В «Истории» упоминаются многочисленные устремления царя и его *клеветов — верных товарищей трапезам* (ср. в Третьем послании царю: *паразитов/подобедов/тунеядцев*), которые противопоставляет его *друзьям и братьям*, а также *сообщникам-сослужебникам*, уподобляемым апостолам аналогично тому, как они выступают в томе «Иоанн Дамаскин» (кн. 4, гл. 16). Впрочем, это различие последовательнее проведено в «Истории», чем в переводных томах, где *клеветство* образует пару с *содружением*.

Венчает эту антииерархию ценностей политическая ложь, которая выступает в глоссах во множестве лексических пар и в единстве образует сообщества предателей своего отечества и царя, которые неистово удовлетворяют любой ценой свои природные аффекты. Образуемые ими сообщества Курбский уподобляет синагоге, а их самих иудеям.

Иноверцы, с которыми воин должен быть готов сразиться умом или мечом, образуют в сочинениях и переводах Курбского антииерархии от безопасных, но нуждающихся в просвещении *непокоривых/непослушных* неверных до опасных врагов истинной веры — мусульман и иудеев. Иудеи в доктрине Курбского наиболее частый пример враждебной религии, хотя в глоссах князь считает необходимым объяснять и кто такие англичане (британцы), галлы (французы), фряги, скифы (татары), элины (поганые) и др. Очевидно, полемика времен раннего христианства и московские фобии не обошли стороной философию православного магната.

В «Истории» прямая отсылка к «Новому Маргариту» в глоссе о *яде смертоносном*, где говорится о *страстях и злостях человеческих*. Неоднократно Курбский поясняет в глоссах и слова, определяющие разла-

гающие последствия грехов: (*смертоносный*) *яд/трутизна/повътрие* (ИД. 6; ЈД. 5а). Они — следствие неумеренности и ошибок свободной воли человека. В «Истории» не чувствуется склонности автора к находке переводных томов *обятие*, но тема естественной любви и естественной злобы звучит неоднократно и содержит прямые отсылки к переводным опытам. Соблюстись от соблазнов означает осторожно обращаться с чувственным миром (отсюда значимые для Курбского лексические пары *сохранити/соблюдати, стрежешися/блюдешися, соблюде / сохр[ан]ит и/ спас[ет], ко страже / ко соблюдению*) (ИД. 474 об.; СМ. 150, 198, 243 об.). Насыщенный сходной лексикой пример в «Истории» по мотивам этих же категорий:

И естественных, яко рѣхом, которые в поганских языцех соблюдаемы и сохраняемы, и сохранятись будут и соблюдатись по впоенному [*гlossa: Во яковый барахт человеческий род дьявол вверже со своим стаинником, зри здѣ. Се маньяков, или похлѣбников, плоды полезны таковы*] в нас прирожденному [*гlossa: естеству*] от Бога (СК. 112 об.).

Основной текст	Гlossa
афект	обятие (NM. 332, 340, 379v, 382) обида (NM. 172) страсть (NM. 172, 381v)
по афекту	по пристрастию албо по обятию (NM. 341)
по страсти	по офекту (СК. 172 об.)
вольнения	пристрастия (ИД. 255 об.)
возмущение	пристрастие (ИД. 256 об.)
страсти	афекты албо обятия (NM. 399; ИД. 482 об.) возмущения (ИД. 256)
обятие	афект (NM. 254v)
обятия	страсти (ИД. 34 об., 77, 81 об.; ЈД. 19b)
описани	обемлемы (ИД. 46 об.)
неодержимое	необемлемое (ИД. 103)
окрыжити	обьяти (ИД. 51 об.)

продолжение на следующей странице

продолжение с предыдущей страницы

Основной текст	ГЛОССА
стихии	элементы (NM. 33; ИД. 16, 60, 517 об.; JD. 5a)
элементы	стихии (NM. 85v; ИД. 50 об., 394, 396, 475 об.; CM. 149, 286 об.)
чувство	естество (NM. 42v)
прирожение	естество (NM. 171v; ИД. 77 об.)
естество	прирожение (ИД. 77 об., 91 об.)
натура	естества (СК. 197)
прироженный, прирожденный	естественный (ИД. 79; JD. 15a; CM. 183 об.; СК. 160 об.)
прироженно	естественно (ИД. 146)
прирожденное	естество (СК. 112 об.)
въ естественной якости	во естественном качестве (ИД. 185)
родным обычаем	естественным чином (ИД. 479)
над обычаи	преестественне (ИД. 261)
со животною	со одушевленную (ИД. 109)
звѣрь	животный (ИД. 133, 136 об., 230 об., 346, 348) жывотное (ИД. 242, 243, 345 об., 351 об., 352, 353, 353 об., 356, 357 об., 363, 383 об., 397 об.)
скотины	звѣри (ИД. 518 об.)
жывотное	звѣрь (ИД. 363, 364, 397 об., 401 об., 519 об.)
жывотные	звѣрозрачные (ИД. 308)
хищницы	растерзатели (ИД. 330 об.)
тѣло	плоть (CM. 193 об.)
безтелесных	безплотных (ИД. 12 об.)
стремление	мѣры (ИД. 480)
искушение	смущение (ИД. 175)
пробовати	искушати (СК. 160, 160 об.)
и задѣти ми	и соблазн навести ми (ИД. 562 об.)

продолжение на следующей странице

продолжение с предыдущей страницы

Основной текст	ГЛОССА
заражение	соблажнение (НМ. 169)
запаление	гнѣв (НМ. 31v)
возгорение	запаление (ИД. 144)
яръсть	лютость (НМ. 140v) гнѣв (ИД. 408 об.)
рети	свары (ИД. 445 об.)
голка	мятеж (СМ. 77)
говор	голка (ИД. 561 об.-562)
буря	мятеж (ИД. 471)
волнование	мятежи (СК. 189)
возмятша	восколебавши (ИД. 537 об.)
крамола	брань (ИД. 570, 574)
крамола упрямая	брань жестокая (ИД. 447)
битва	брань (СК. 61, 64 об.)
война	брань (СК. 176 об.)
крамолы	свары або мятежи (ИД. 454 об.)
крамолник	навѣтник (ИД. 468 об.) недруг (ИД. 577)
пустота	суета (ИД. 456)
пустошь	суета (ИД. 464)
пустошни	суетни (ИД. 456)
нахудѣше	немощѣше (СМ. 144 об.)
прескверное	прегнушателное (СМ. 329 об.)
плогавые	прескверные (СК. 179)
омразиши	возгнушаешис (ИД. 327)
злоба	злость (НМ. 29v)
злюбные	презлые (ИД. 568 об.)
злорадный	презлый (НМ. 47)
злорадная	презлая (НМ. 32, 40)
от неблагочестивых	от презлых (НМ. 147v)

продолжение на следующей странице

продолжение с предыдущей страницы

Основной текст	ГЛОССА
к неприязни	ко презлому (ИД. 531 об.)
лукавые	презлые (СМ. 68 об.)
презлые	лукавые (СМ. 93, 416 об.) прелу[кавые] (СМ. 312, 390 об.)
трикакову [так]	напрезлѣйшему (ИД. 330)
роде злый и огорчевающий	родѣ строптивый и развращенный (NM. 62v)
злые их образы	грозные их взоры (ИД. 215)
проклятых	злых (ИД. 539 об.)
воображение	образ або кумир (ИД. 352 об.)
испорчены	растлѣнны (JD. 2a)
злодѣйства	грехи (NM. 56)
разбойничество	злодѣи (СК. 149 об.)
вина	грѣх (NM. 62)
с принуждения	по неволе (NM. 145v)
заблудил	прельстился (СМ. 335)
от союзов	ото оков (СМ. 25 об.)
слуга	раб (NM. 58, 395)
подданный	раб (NM. 145v)
пахолик	слуга (СК. 63)
непристойно	недостойно (NM. 147)
неслава	безщестие (NM. 49v)
уничужение	безщестие (NM. 36v, 53, 54)
досада	бещестие (NM. 62)
досаждаема	наругаема (ИД. 467)
насмевати	наругати (ИД. 541)
глупые	безумные (СК. 186 об.)
глупѣйший	безумнѣйший (NM. 403)
глупство	безумие (NM. 82)
фангътазмат	мечтание (NM. 139)

продолжение на следующей странице

продолжение с предыдущей страницы

Основной текст	ГЛОССА
безумие	глупость (NM. 394)
уродивый	безумный (NM. 373)
нарекательное	плачевное (CM. 96)
воздыхают	нарекают (CM. 149)
обжарство	обядение (NM. 367, 411)
лакомство	миролюбие або сребролюбие (NM. 6v) сребролюбие (NM. 24v, 28, 165v) користь (NM. 92)
сладость	роскошь (NM. 161v; ИД. 189)
сласти	роскоши (ИД. 9, 70 об., 207, 238, 256, 318 об.)
сладострастии	роскоши (ИД. 461 об.; СК. 57 об.)
розкошми	сладострасти (СК. 176)
в наслажению	в роскоши (NM. 168v)
наслажденми	роскошми (СК. 126)
пирующие	наслажающиеся (ИД. 580)
слабый	роскошный (ИД. 6; JD. 5a)
слабости	роскоши (СК. 57 об.)
разпускное	слабое (ИД. 197 об.)
вабилы	прелщенми (NM. 163)
недоумъвание	прелщение (ИД. 567 об.)
араторскими штуками	рыторскими прелщенными (СК. 165 об.)
вождеделение, возделение	сребра желания (NM. 43) лакомство или сребролюбие (NM. 43) сребролюбие (NM. 43)
вожделѣние	похоть (ИД. 77)
похоть	жалание (ИД. 77, 464)
желатель	похотник (ИД. 520 об.)
душевныя сих любви	душевные сии похоти (ИД. 463)
хотѣния	жалания (ИД. 80)

продолжение на следующей странице

продолжение с предыдущей страницы

Основной текст	ГЛОССА
о жалателных	о вождельтельных (ИД. 78 об.)
вождельтелнаа	жалателнаа (ИД. 78 об.)
вождельнно	желаемо (СК. 149)
рачители	жалатели (ИД. 506 об.)
вождеделение предателя	сиреч сребролюбия вождеделение (NM. 43)
зрада	предателства (NM. 376)
упорнѣ	самосмышленне або своволне (NM. 414v)
упорны	упрямы (NM. 45v)
ожесточилося	упрямилося (ИД. 187 об.)
безвстыдный	безсрамный (NM. 29v)
безсрамный	безстыдный (NM. 168)
безстыдие	безсраме (NM. 27v)
встыд	срам (NM. 141v)
безвстыдна	безсрамна (NM. 162)
устыдѣстася	срамляшеса (ИД. 192 об.)
посрамощение	постыдѣние (ИД. 148)
не постыдѣвѣвшимся	не усрамившимся (ИД. 524)
смеле	безвстыдне (NM. 43v)
смѣльство	дрѣзость (NM. 27; СК. 42 об.)
смѣш	дерзаеш (NM. 144, 145)
дерзосне	безвсты[дне] (СМ. 159)
дерзновение	смѣль[ство] (СМ. 172)
гордость	презорство (NM. 43v)
горды	презоривы (JD. 2a)
возгордиш	презриш (NM. 48v, 54)
кои смѣлою гордостию	яже дерзновением беснования (NM. 60)
празная хвала	тщеславие (ИД. 318)

продолжение на следующей странице

продолжение с предыдущей страницы

Основной текст	ГЛОССА
надутые	величавые (NM. 72v)
возноситься	величатис (СК. 151)
гнусный	ленивый (NM. 44v, 377v; СК. 148 об.)
гнуcность	лѣность (NM. 404) ленивство (NM. 422)
грѣющая	согнившая (СК. 211 об.)
ленивые	обинователные (NM. 431)
нерадением	ленивством, або молчанием (NM. 431v)
товарищи	клеветры (NM. 18; CM. 182 об.)
клевет	товариць (CM. 409 об.)
клеветство	содружение (ИД. 218) стоварищение (ИД. 228 об.)
содружение	стоварищение (ИД. 229 об.)
стоварищитися	содружитися (ИД. 228 об.)
товариство	клеветство (NM. 328v)
товарищи	дружина (NM. 415)
мзды	посулы (CM. 175)
невдлѣчное	неблагодарное (СК. x-180)
немота	немовство (NM. 18)
оклеветание	потвар (NM. 136) зазрѣние (ИД. 340)
потвар	клевета (NM. 419) лжеклеветание (NM. 411v) ложная клевета (NM. 430v) лжешпивание (NM. 435; ИД. 2 об.; СК. 104 об.) лжешпивания або навѣты (NM. 435v)
клеветы	потвари или лжешпивания (ИД. 445 об.)
лжеклеветники	лжешпиватели (СК. 121 об.)
навѣтницы	потварцы (ИД. 286 об.)

продолжение на следующей странице

продолжение с предыдущей страницы

Основной текст	ГЛОССА
навѣтники	потворцы (СК. 109)
лжепотвар	лжеклеветание (ИД. 118)
потворяти	ложно оклеветати (СК. 141)
хулил	клеветал (NM. 446–2v)
лясфимии	хуление (СК. 120 об.)
сиковантов невстыдливы	лжишпивателей або потворцов во бестыдными (NM. 436)
в сикованствах	во лжеплетениях (NM. 436)
сикованции	лжесшивание (СК. 35 об.) лжесшивания (СК. 68, 141 об.) лжесшивания или потворцы (СК. 123 об.) потворцы (СК. 147)
злехитрства	лукавоглагольники (NM. 71v)
показание	лицемѣрие (NM. 94v)
смышляеш	лицемѣриш (NM. 28)
лярва	машкара альбо личина (NM. 136v)
машкара	личина (СК. 55 об.)
паразитове	шуты або блазнове (NM. 433v) подобѣды или тунейдцы (СК. 158)
ласкатели	паразиты (СК. 185 об.)
блазны	шуты (СК. 109)
непостояние, непостоянность	нестатечность (NM. 161)
неуставичные, от неуставичного духа движими	непостоянные, от непостоянного духа подвизаемы (СК. 171)
пререкуяй	противник (ИД. 204)
неприязнъ	презлый (ИД. 577)
неприятель	недруг (NM. 332) супостат или враг (СК. 177)
неприятели	супостаты (СК. 129, 180)
недруг	враг (NM. 88v, 380) супостат (NM. 77, 163v, 427v, 428)

продолжение на следующей странице

продолжение с предыдущей страницы

Основной текст	Глосса
враг	супостат (NM. 141, 328v)
под супостатным [градом]	под неприятельским (СК. 97)
недружбы	вражебства (NM. 430v)
незгода	вражда (NM. 14)
незгоды	нестроения (NM. 76)
не згодилис	не согласилися (СК. 171)
злым люблением	ненависти ради (NM. 55)
вѣщевала	чаровала (СМ. 173)
макги	чаровники (СМ. 307)
отравники	чародѣи (ИД. 428)
отравление	чарование (ИД. 445 об.)
неистовство	беснование (NM. 168v)
прелютость	неистовство (СК. 185 об.)
неистовствующаго	сиречь рода жидовскаго (NM. 33v)
глупыи неистовятца	дурные бѣсятя (СК. 149)
жыды	июдѣи (NM. 58, 146)
июдеи	жиды (NM. 17, 60, 354v)
июдѣю которым челом святиш	жидовине коим безвстыдием празнуеш (NM. 46)
синагога	соборище (NM. 31v) сонмище (ИД. 197)

Наконец, обнаруживаются параллели и служебным частям речи, которые Курбский и его сотрудники глоссируют в своих переводных томах: *ту/здѣ, камо/гдѣ, то/сие, або/или, еда/али, понеже/ибо, про то / сего ради, а так / а сего ради, а так / а сие, тогда/убо, тогда / а сего ради, то есть / сиречь, до того / к тому, что/еже, который/яже, кои/яже, над/паче* и т. д. Этими глоссами испещрены поля всех книг из волынской мастерской князя-эмигранта. Они ничем не примечательны с точки зрения диалектики и этики, но важны как часть задуманного князем тривиума и как необходимые элементы риторики и логики, как неотъемлемая часть православного просвещения. Подсчеты показали, что логических связей, построенных на местоимениях и иных

обозначениях причинно-следственных связей в «Истории» Курбского примерно в два раза больше, чем в современной ему московской официальной летописи.

Общий вывод, сделанный на основе анализа словоупотребления, распространяется на весь комплекс известной ныне словарной работы кн. А. М. Курбского. Глоссы выполняли в его сочинениях и переводах в своем роде функцию ключей, связывающих переводы и его основные идеи. Обратимость значительного числа лексических единиц в качестве принятого в тексте варианта и глоссы к нему говорит о том, что глоссы в чистовых томах не призваны были решать стилистические или переводческие задачи. Они выстраивали синонимию в тех лексемах, которые приобретали в системе взглядов Курбского терминологическое значение. Однако сам подбор иноязычных параллелей показывал, что именно в этой системе для автора было важно достичь взаимопонимания со своими секретарями, слушателями и потенциальными читателями.

Судя по обилию и многоликости переводных лексических комплексов, восстанавливаемых на основе глосс и бытования их лексических единиц в текстах Курбского, было бы точнее во многих случаях говорить не о поиске словарных соответствий, а о понятийной работе, нацеленной на подбор наиболее удачного соответствия из книжного «словенского» языка и обоих русских — московского и рутенского.

Расширение круга изучаемых глосс из рукописной мастерской Курбского могло бы позволить более полно связать лексическую работу с мировоззренческой и дополнить и наши знания о системе взглядов московского эмигранта. Например, до сих пор при изучении политических взглядов не обращали внимание на корреляции между республиканскими и имперскими лексемами, учение Курбского о дарах Святого Духа отражено в глоссах (например, в лексической паре *харизма/дар*), а представления о роли православия в мирном просвещении языческих народов связано и с частотой этнической лексики, и с неоднократным обращением в глоссах к переводным томам и Сборнике Курбского к образу просветительской лампы, освещающей тьму (*лампада / светило / свеща великая*) (СМ. 141).

Установленный круг смыслообразующих лексем и связанных с ними герменевтических полей может быть проиллюстрирован примерами, которые князь Андрей Курбский в своей «Истории» удостоверил общим мнением и своими собственными впечатлениями.

В заключительной похвале своему духовному отцу Феодориту Кольскому князь Андрей Михайлович приводит связный ряд лексем, напрямую восходящих к ученому тезаурусу, многообразно проявленному в парных глоссах. Учитель преодолевает телесные препоны, чтобы получить *невещественные достоинства* и, подобно апостолу, прославиться *воздухоплавательным хождением*. Его отличали *тихость* и *кротость*, *наказания премудрые* и *взущения предивные* и т. д., все необходимое, чтобы учительствовать *священными поучениями*. Своими наставлениями Феодорит целил даже самые *гнилые* и *неисцелимые раны*, которые, подобно *обыкновениям*, которые за много лет от молодости (или из-за порочной *сладости*) *утверждаются в человеческой душе* и *врастают в естество человека*. *Ветхие гнусности* и *нечистые злости* подвижник умел *очищать* и *просвещать*, возвращая человека к Богу *покаянием* и *слезами* и *запрещая* самим дьяволам *силой Святого Духа*:

Понеже еще в телеси тлѣнном суща, безтелесными и невещественными почтен достоинства и аероплавательными хождении. **О**, якоую той муж тихость и кротость многую имѣл и яковые наказания премудрые и взущения предивные, и насладчайшии бесѣдования, и пользуетельные апостолоподобные вещания [егда случилось ему бесѣдовати] сыновом своим духовным! Их же нѣкогда и аз недостойный многажды причастен был, тѣх священных его поучений. Еще к тому немало ко удивлению: о, яко умѣл он и искусен был целити согнившие и застарѣвшии неисцельные раны, сирѣчь презлые дела, в челоувѣцех обыкновенные многими лѣты [яко всѣ мудрые глаголют, иже многолѣтные обыкновения от младости [*в списках ТД*: *сладости*] утвердившиися во человеческих душах, во естество обращаются], ине плохо или неудобь заглажаеми бывають, таковыи он умѣл ветхие гнусности и нечистые злости разторгати и искореняти от душ человеческих, и нечистых и скверных сущих очищати и просвещати, и к Богу усвояти многим покаянием и слезами, и самым дияволом запрещати силою Святаго Духа, по данной ему от Бога власти презвитерской, да к тому не наступит, ани дерзнет паки и осквернити покаявшихся душ человеческих (Курбский, Алексеев, 2015: 208–209)⁸.

Старец Феодорит представлен «Истории» как образцовый наставник, одухотворенно выполнявший свою учительскую миссию и, согласно достигшим князя Курбского слухам, пострадавший за это перед московским тираном. Связь между томами переводных сочинений «Новый

⁸Сохраняем инициалы реконструированного авторского текста, а также квадратные скобки — знак, который кн. Курбский использовал в своих текстах осмысленно. Глосса — по факультативным спискам Первого извода (Тихонравовский — Т, СПбДА — Д).

Маргарит», «Иоанн Дамаскин» и «Симеон Метафраст» позволяет судить о продуманной программе риторического, богословского, исторического и политико-этического воспитания благодаря тем представлениям, которые реализованы Божественном мироустройстве, иерархии ценностей и в актуальной истории. Комплекс кириллических переводов призван был взрастить русскую шляхту и православных горожан, приучая не только к непосредственному участию в политике, но и к каноническому толкованию устройства вселенной, небесной и земной иерархии на основе христианской космологии и античной натурфилософии. В проведенном исследовании мы стремились показать, что «История о делах великого князя московского», послания и толкования-«сказы» Курбского создавались в рамках замысла, в котором словарная работа была неотъемлемым компонентом и предполагала постоянное реверсное движение между живыми разговорными языками для целей создаваемого заново «словенского» книжного.

СОКРАЩЕНИЯ

БЛДР. Т. 11	Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. XVI век / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. — СПб. : Наука, 2001.
ИД	Рукопись «Иоанн Дамаскин»: ОР ГИМ. Собр. А. И. Хлудова. № 60.
СК	<i>Ерусалимский К. Ю.</i> Сборник Курбского : Исследование книжной культуры. В 2 т. Т. 2. — М. : Знак, 2009а.
СМ	Рукопись «Симеон Метафраст»: ОР ГИМ. Синодальное собр. № 219.
ЦДІАУК	Центральний державний історичний архів України (Київ). Фонд 25 (Луцький гродський суд). Опис 1. Справа 458.
JD	Die Dogmatik des Johannes von Damaskus in der Übersetzung des Fürsten Andrej M. Kurbskij (1528–1583) / hrsg. von J. Besters-Dilger. — Freiburg : Weiher, 1995.
NM	<i>Kurbskij A. M.</i> Novyi Margarit. Historisch-kritische Ausgabe auf der Grundlage der Wolfenbütteler Handschrift : In 1-4. Т. 1–21 / hrsg. von I. Auerbach. — Giessen : Wilhelm Schmitz Verlag, 1976/2005.

ЛИТЕРАТУРА

Граля Х. Была ли «Святая Русь» «местом памяти» Руси Речи Посполитой? // «Места памяти» Руси конца XV — середины XVIII в. / под ред. А. В. Доронина. —

- М. : Политическая энциклопедия, 2019. — С. 260–291. — (Post-Древняя Русь: у истоков наций Нового времени ; 3).
- Ерусалимский К. Ю.* Сборник Курбского : Исследование книжной культуры. В 2 т. Т. 1. — М. : Знак, 2009а.
- Ерусалимский К. Ю.* На службе короля и Речи Посполитой. — М., СПб. : Нестор-История, 2018.
- Ерусалимский К. Ю.* У истоков российской политической культуры : С. О. Шмидт в осмыслении абсолютизма // Археографический ежегодник за 2013 год / под ред. С. М. Каштанова. — М. : Наука, 2019. — С. 176–214.
- Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный : (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя) / под ред. В. В. Кускова. — М. : ЯРК, 1998.
- Калугин В. В.* Симеон Метафраст в переводческом кружке князя Андрея Курбского // Търновски писмена. Алманах за Търновската книжовна школа / под ред. Д. Кенанов. — Велико Търново : Св. св. Кирил и Методий, 2014. — С. 309–334.
- Канторович Э. Х.* Два тела короля : исследование по средневековой политической теологии / пер. М. А. Бойцова, А. Ю. Серegiной. — 2-е изд. — М. : Институт Гайдара, 2015.
- Курбский А. М.* История о делах великого князя московского / под ред. Ю. Д. Рыкова ; сост. К. Ю. Ерусалимского ; пер. А. А. Алексеева. — М. : Наука, 2015.
- Попович А. И.* «Изображая жертву» : пафос обличения и мученичества в сочинениях Ивана Грозного и Андрея Курбского // Проблемы исторической поэтики. — 2020. — Т. 18, № 4. — С. 67–98.
- Рыков Ю. Д.* Князь Курбский и опричина Ивана Грозного. — М. : Квадрига, 2021.
- Скиннер К.* Истоки современной политической мысли. В 2 т. Т. 2 / пер. с англ. А. Олейникова, А. Яковлева. — М. : Дело, 2018.
- Шмидт С. О.* У истоков российского абсолютизма : Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. — М. : Прогресс — «Культура», 1996.
- Auerbach I.* Rec. ad op. : Rossing N., Rønne B. Apocryphal — Not Apocryphal? и Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. — 1981. — Jg. 29. — S. 583–585.
- Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij : Leben in osteuropäischen Adelsgesellschaften des 16. Jahrhunderts. — München : O. Sagner, 1985.
- Auerbach I.* Russische Intellektuelle im 16. Jahrhundert. Andrej Michajlovič Kurbskij und sein Kreis // Novyi Margarit. Historisch-kritische Ausgabe auf der Grundlage der Wolfenbütteler Handschrift. Bd. 4. Т. 15–17 / А. М. Курбский. — Giessen : Schmitz, 1990. — S. 13–190.
- Frost R.* Oksfordzka historia unii polsko-litewskiej : Powstanie i rozwój 1385–1569. Т. 1 / tłum. z ang. Т. Fiedorek. — Poznań : Dom Wydawniczy Rebis, 2018.

- Halperin C. J.* Edward Keenan and the Kurbskii-Groznyi Correspondence in Hindsight // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. — 1998. — Jg. 46/3. — S. 376–403.
- Keenan E. L.* Apocryphal—Not Apocryphal?—Apocryphal! // *Canadian-American Slavic Studies*. — 1982. — Vol. 16, no. 1. — P. 95–112.
- Keenan E. L.* A Landmark of Kurbskii Studies // *Harvard Ukrainian Studies*. — 1986. — Vol. x, no. 1/2. — P. 241–247.
- Keenan E. L.* Response to Halperin, „Edward Keenan and the Kurbskii-Groznyi Correspondence in Hindsight“ // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. — 1998. — Jg. 46. — S. 404–415.

Erusalimskii, K. U. 2024. “Etiko-politicheskoye ucheniye knyazya Andreya Kurbskogo [Prince Andrei Kurbskii’s Ethical and Political Doctrine]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki* [*Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*] 8 (3), 117–175.

KONSTANTIN ERUSALIMSKII

DOCTOR OF LETTERS IN HISTORY

PROFESSOR

RESEARCH CENTER “RES PUBLICA” OF THE EUROPEAN UNIVERSITY (SAINT PETERSBURG, RUSSIA);

ORCID: 0000-0002-3961-2376

PRINCE ANDREI KURBSKII’S ETHICAL AND POLITICAL DOCTRINE

Submitted: June 18, 2024. Reviewed: Aug. 31, 2024. Accepted: Sept. 06, 2024.

Abstract: The article proposes to consider Prince A. M. Kurbskii’s juridical and political views as a linguistic problem. The well-known fact of shift from his religious and political thesaurus before his emigration in 1564, to the literary works and translations written during his life in the Polish Crown and the Grand Duchy of Lithuania (and in the Polish-Lithuanian Commonwealth), serves as launch point for the interpretation of Prince Kurbskii’s “macaronic” language in emigration as a special educational project, one that arose in connection with the plan of an Orthodox Academy for the Russian nobility and emigrants from the Moscow state being prepared in the Prince’s intellectual circle. At the heart of this project was a corpus of biblical, patristic, and historical writings designed to instruct fighters against tyranny and defenders of Orthodoxy in the struggle against religious dissidents. This task was aided by the book-glosses with which Prince Kurbskii and his collaborators constructed semantic fields that brought Orthodox education closer to Catholic scholasticism and ancient ethical-political doctrines.

Keywords: Prince Andrei Kurbskii, Muscovites in Emigration, Ethical Doctrines, Orthodox Apologetics, Ruthenian Language, Political Thesaurus.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-117-175.

REFERENCES

- Auerbach, I. 1981. “Rec. ad op.: Rossing N., Rønne B. Apocryphal—Not Apocryphal? i Perepiska Ivana Groznogo s Andreyem Kurbskim” [in German]. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 29:583–585.

- . 1985. *Andrej Michajlovič Kurbskij: Leben in osteuropäischen Adelsgesellschaften des 16. Jahrhunderts* [in German]. München: O. Sagner.
- . 1990. "Russische Intellektuelle im 16. Jahrhundert. Andrej Michajlovic Kurbskij und sein Kreis" [in German]. In *Novyi Margarit. Historisch-kritische Ausgabe auf der Grundlage der Wolfenbütteler Handschrift*, by A. M. Kurbskij, vol. 4, bk. 15–17, 13–190. Giessen: Schmitz.
- Besters-Dilger, J., ed. 1995. *Die Dogmatik des Johannes von Damaskus in der Übersetzung des Fürsten Andrej M. Kurbskij (1528–1583)* [in German]. Freiburg: Weiher.
- Frost, R. 2018. *Oksfordzka historia unii polsko-litewskiej [The Oxford History of Poland-Lithuania]: Powstanie i rozwój 1385–1569 [The Making of the Polish–Lithuanian Union, 1385–1569]* [in Polish]. Trans. from the English by T. Fiedorek. Vol. 1. Poznań: Dom Wydawniczy Rebis.
- Gralya, Kh. 2019. "Byla li 'Svyataya Rus' 'mestom pamyati' Rusi Rechi Pospolitoj? [Was the 'Holy Russia' the lieu de mémoire of the Rus' of the Polish-Lithuanian Commonwealth?]" [in Russian]. In "*Mesta pamyati' Rusi kontsa XV – serediny XVIII v. [Places of Memory' of the Rus', from the Late 15th to the Middle 18th Centuries]*", ed. by A. V. Doronin, 260–291. Post-Drevnyaya Rus': u istokov natsiy Novogo vremeni 3. Moskva [Moscow]: Politicheskaya entsiklopediya [Political Encyclopedia Publishers].
- Halperin, C. J. 1998. "Edward Keenan and the Kurbskii-Groznyi Correspondence in Hindsight" [in German]. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 46/3:376–403.
- Kalugin, V. V. 1998. *Andrej Kurbskij i Ivan Groznyj [Andrej Kurbskij and Ivan the Terrible]: (Teoreticheskiye vzglyady i literaturnaya tekhnika drevnerusskogo pisatelya) [Theoretical Views and Literary Techniques of the Writer in "Old Rus'"]* [in Russian]. Ed. by V. V. Kuskov. Moskva [Moscow]: YaRK.
- . 2014. "Simeon Metafrast v perevodcheskom kruzhke knyazya Andrey Kurbskogo [Simeon Metaphrastes in Andrei Kurbskii's Translation Circle]" [in Russian]. In *T'rnovski pisma. Almanakh za T'rnovskata knizhovna shkola [Tarnovo Letters. Almanac for the Tarnovo Intellectual School]*, ed. by D. Kenanov, 309–334. 6. Veliko T'rnovo: Sv. sv. Kiril i Metodiy [St Cyril and Methodius Publishing].
- Kantorowicz, E. H. 2015. *Dva tela korolya [The King's Two Bodies]: issledovaniye po srednevekovoy politicheskoy teologii [A Study in Medieval Political Theology]* [in Russian]. 2nd ed. Trans. by M. A. Boytsov and A. Yu. Seregina. Moskva [Moscow]: Institut Gaydara.
- Keenan, E. L. 1982. "Apocryphal – Not Apocryphal? – Apocryphal!" *Canadian-American Slavic Studies* 16 (1): 95–112.
- . 1986. "A Landmark of Kurbskii Studies." *Harvard Ukrainian Studies* x (1–2): 241–247.
- . 1998. "Response to Halperin, 'Edward Keenan and the Kurbskii-Groznyi Correspondence in Hindsight'." *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 46:404–415.
- Kurbskij, A. M. 1976/2005. *Novyi Margarit. Historisch-kritische Ausgabe auf der Grundlage der Wolfenbütteler Handschrift* [in German]. Ed. by I. Auerbach. Bk. 1–21. Giessen: Wilhelm Schmitz Verlag.
- Kurbskij, A. M. 2015. *Istoriya o delakh velikogo knyazya moskovskogo [The History of the Deeds of the Grand Duke of Moscow]* [in Russian]. Ed. by Yu. D. Rykov. Comp. K. Yu. Yerusalmitskiy. Trans. by A. A. Alekseyev. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Likhachev, D. S., et al., eds. 2001. *xvi vek [16th Century]* [in Russian]. Vol. 11 of *Biblioteka literaturny Drevney Rusi [The Old Russian Library]*. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.

- Popovich, A. I. 2020. “‘Izobrazhaya zhertvu’ [Representing the Victim]: pafos oblicheniya i muchenichestva v sochineniyakh Ivana Groznogo i Andrey Kurbskogo [Pathos of Denunciation and Martyrdom in the Writings of Ivan the Terrible and Andrei Kurbskii]” [in Russian]. *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]* 18 (4): 67–98.
- Rykov, Yu. D. 2021. *Knyaz' Kurbskiy i oprichnina Ivana Groznogo [Prince Kurbskii and Oprichnina of Ivan the Terrible]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Kvadriga [Quadriga].
- Shmidt, S. O. 1996. *U istokov rossiyskogo absolyutizma [The Origins of Russian Absolutism]: Issledovaniye sotsial'no-politicheskoy istorii vremeni Ivana Groznogo [A Study of Social and Political History During the Reign of Ivan the Terrible]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Progress — “Kul'tura”.
- Skinner, K. 2018. [in Russian]. Vol. 2 of *Istoki sovremennoy politicheskoy mysli [The Foundations of Modern Political Thought]*, trans. from the English by A. Oleynikov and A. Yakovlev. 2 vols. Moskva [Moscow]: Delo.
- Yerusalimskiy, K. Yu. 2009a. [in Russian]. Vol. 1 of *Sbornik Kurbskogo [The Kurbskii Literary Collection]: Issledovaniye knizhnoy kul'tury [A Study of Book Culture]*. 2 vols. Moskva [Moscow]: Znack.
- . 2009b. [in Russian]. Vol. 2 of *Sbornik Kurbskogo [The Kurbskii Literary Collection]: Issledovaniye knizhnoy kul'tury [A Study of Book Culture]*. 2 vols. Moskva [Moscow]: Znack.
- . 2009c. *Sbornik Kurbskogo [The Kurbskii Literary Collection]: Issledovaniye knizhnoy kul'tury [A Study of Book Culture]* [in Russian]. 2 vols. Moskva [Moscow]: Znack.
- . 2018. *Na sluzhbe korolya i Rechi Pospolitoj [At the Service of the King and the Polish-Lithuanian Commonwealth]* [in Russian]. Moskva [Moscow] and Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nestor-Istoriya [Nestor Book].
- . 2019. “U istokov rossiyskoy politicheskoy kul'tury [The Origins or Russian Political Culture]: S. O. Shmidt v osmyslenii absolyutizma [S. O. Schmidt as a Researcher of Absolutism]” [in Russian]. In *Arkheograficheskiy yezhegodnik za 2013 god [Yearbook for Archeography. Year 2013]*, ed. by S. M. Kashtanov, 176–214. Moskva [Moscow]: Nauka.

ГАЗИЗ ТЕЛЕБАЕВ, АЯУЛЫМ АЛТАЙБАЕВА, АСЫЛЗАТ БЕКСЕЙИТ*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ В ТРАДИЦИОННОМ ТЮРКСКОМ МИРОПОНИМАНИИ**

Получено: 22.01.2024. Рецензировано: 15.05.2024. Принято: 16.07.2024.

Аннотация: В статье рассмотрены политические концепты в традиционном тюркском миропонимании. Обоснован выбор традиционного тюркского миропонимания в контексте основных объектов анализа: тувинского героического эпоса «Хунан Кара» и этико-политического трактата Жусупа Баласагуни «Кутадгу Билиг». Проанализирован базовый политический концепт тюркского миропонимания — «El», который часто употребляется как обозначающий и «страну», и «государство», и «народ». Сделан вывод о том, что концепт «страна» имел важное значение на ранних стадиях тюркской истории, что нашло отражение в тюркском героическом эпосе. В поэме «Кутадгу Билиг» этот концепт выступает как следствие государственной власти. Концепт «народ» передается в тюркских источниках терминами «budun», «bodun», «ара-албытызы». Этот концепт весьма значим в «Кутадгу Билиг» в качестве критерия успешности власти бека. Концепт имеет и два оригинальных смысловых оттенка в тюркском миропонимании. Многогранный концепт «государство» в классическом тюркском миропонимании в основном передается термином «tđǵı» и включает в себя такие смысловые единицы, как «правитель», «власть», «закон». Для эпохи тюркского героического эпоса важными становятся такие концепты, как «наследственная власть», «управление государством». Наибольшее развитие концепт «государства» получил в поэме «Кутадгу Билиг». Здесь его многогранность усилилась в контексте добавления таких важных для политического миропонимания концептов, как «закон», «справедливость», «личные качества правителя», «политические должности». Концепты «доблесть», «воинская доблесть», «героическая личность» взаимосвязаны. Они передаются многозначными тюркскими терминами «alp» и «eg». Концепт «воинская доблесть» весьма ярко проявлен в тюркском героическом эпосе. В «Кутадгу Билиг» его значение ослабевает в силу исторических обстоятельств.

Ключевые слова: тюркское миропонимание, тюркский политический концепт, тувинский героический эпос Хунан Кара, этико-политический трактат Жусупа Баласагуни

*Телебаев Газиз Турысбекович, д. филос. н., профессор, КазНУ им. Аль-Фараби (Алматы, Казахстан), telebaevg@gmail.com, ORCID: 0000-0003-1343-9867; Алтайбаева Аяулым Нурболдиевна, докторант, КазНУ им. Аль-Фараби (Алматы, Казахстан), ayaulym-91@mail.ru, ORCID: 0009-0007-3323-1832; Бексейит Асылзат Маликайдаровна, докторант, КазНУ им. Аль-Фараби (Алматы, Казахстан), assylzat02@gmail.com, ORCID: 0009-0000-6672-1984.

** © Телебаев Г. Т.; Алтайбаева А. Н.; Бексейит А. М. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Кутадгу Билиг, базовый концепт страна, концепт народ, концепт государство, концепт воинская доблесть.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-176-206.

ВВЕДЕНИЕ

Тюркология как комплексная научная дисциплина продолжает расширять свое проблемное поле. Если обратиться к ее истории, то, как известно, первые сведения о языке, истории, культуре тюркских народов мы находим в «Диван Лугат ат-Тюрк», созданном в XI веке Махмудом аль-Кашгари. Продолжением стали многоязычные и двуязычные словари, среди которых самым известным был «Codex Cumanicus». Византийские, испанские, итальянские, французские путешественники, послы, историки и географы, в том числе посещавшие тюркские земли (путешествие византийского посла Зимарха к тюркам на Алтай в 569–571 гг.; путешествия Плано Карпини, Гийома Рубрука, Андре де Лонжюмо и Марко Поло в XIII веке; путешествие Гонсалеса де Клавихо в 1404 г. в Центральную Азию ко двору Тимура и другие), вносили свой вклад в становление тюркологии. Значительным импульсом для развития тюркологии стали открытие и расшифровка орхоно-енисейских письменных источников, осуществленная Вильгельмом Томсеном в 1893 г.

В настоящее время тюркология как комплекс наук постоянно расширяется за счет таких разных дисциплин, как лингвистика, топонимика, ономастика, этимология, генетика, археология, физическая антропология, нумизматика и другие.

Одним из объектов исследования тюркологов традиционно выступает тюркское мировоззрение, тюркское миропонимание, тюркская картина мира. В целом можно, на наш взгляд, отвлечься от существующих различий между этими терминами и понимать их как синонимичные.

В нашей статье рассмотрены политические концепты в традиционном тюркском миропонимании. Безусловно многообразие политических традиций в тюркской истории усложняет задачу выделения таких концептов.

Во-первых, это многообразие собственно историческое. По мнению большинства авторитетных исследователей, достоверные (в том числе и письменные) свидетельства о тюрках берут начало в III в. до н. э. с примерной локализацией на Алтае. За более чем две тысячи лет сменилось такое множество государств, правителей и политических систем, что практически невозможно выделить какие-то общие концепты.

Во-вторых, тюрки за две тысячи лет распространились на огромную территорию, которая и по природно-ландшафтным, и по социально-культурным условиям весьма многообразна. В таких условиях образовалось такое множество социально-политических общностей, что даже их классификация составляет весьма непростую научную проблему.

В-третьих, обусловленное генетическими причинами антропологическое многообразие тюркских народов. Оно также в определенной степени усложняет картину тюркской политической концептосферы.

Для конкретизации нашего подхода мы выбрали традиционное тюркское миропонимание примерно VIII–XIII вв., которое, на наш взгляд, достаточно релевантно представлено в тюркском героическом эпосе и в этико-политическом трактате Жусупа Баласагуни «Кутадгу Билиг».

Объектом анализа мы выбрали достаточно известный источник — тувинский эпос «Хунан Кара». Этот эпос вместе с другим эпосом — «Боктуг-Кириш, Бора-Шэлей» — был издан в 1997 г. в Москве в научной редакции (Тувинские героические сказания, 1997). Эти два эпоса обозначаются в книге как «лучшие героические произведения тувинцев». Как отмечает одна из самых авторитетных современных исследователей, С. М. Орус-оол: «Составитель отобрал самые характерные и, как правило, достаточно распространенные произведения, взяв для тома наиболее полные и доброкачественные варианты из числа записанных, по которым можно судить об особенностях тувинской эпической традиции» (Орус-оол, 2001: 9).

Еще одной из причин выбора данного эпоса стало то, что в нем в традиционном смысле представлены сюжеты, характерные для других эпосов. В этом смысле он может пониматься как «репрезентативный» для анализа тюркской картины мира в ее базовых концептах. В эпосе можно вычленить несколько концептов, которые имеют политический смысл — это «держава», «власть», «народ», «героическая личность».

Как отмечает Гребнев, отдельные структурные элементы эпоса имеют разновременное происхождение (Гребнев, 1960: 41).

Во-первых,

формирование тувинского героического эпоса относится к периоду разложения первобытнообщинного строя, хронологически — периоду создания орхон-енисейских камнеписных памятников и каменных изваяний, т. е. VII–IX вв. (там же: 50).

Во-вторых,

это утверждение отнюдь не означает, однако, что созданные в древности героические сказания дошли до нас в своем первоначальном виде, без каких-либо изменений. В течение веков, с развитием феодальных отношений подвергались переосмыслению и образы эпоса, и его содержание (Гребнев, 1960: 50–51).

Это означает, что некоторые элементы сложились в то же время, в какое были вырезаны в камне орхоно-енисейские памятники, битиги, а другие — позже, примерно во время написания Жусупом Баласагуни трактата «Кутадгу Билиг».

Сюжетная композиция эпоса «Хунан Кара» достаточно традиционна. В эпосе описываются подвиги сына Далай-Байбын-хана, жившего в краю Шил-Даг, Шилен-даг. Сюжет эпоса вполне традиционен, но тем не менее достаточно занимателен. Зачином служит чудесное рождение героя, чему предшествует другое знаменательное событие — «стала жеребой соловая жеребистая кобылица, которая была девять лет нежеребой» (Тувинские героические сказания, 1997: 80–82). Это событие значительно в силу того, что судьба героя станет неразрывно связана с его конем, тем жеребенком, который родился и стал предвестником рождения необычного мальчика. Само рождение героя, перерезание его пуповины, фантастически быстрое взросление, его физические качества («с поясницей, сотворенной из чугуна, с грудью, сотворенной из стали»), его расправа с шулбу — все является вполне традиционно чудесным.

Через совершение обряда герой получает имя Хунан-Кара-моге, а его конь — кличку Арзылан-Кара. Приключениям героя, который на своем «говорящем» коне отправился к морю за невестой, а также его подвигам и посвящено основное повествование. Для нас в эпосе важны те концепты, которые могут быть выделены в ходе тщательного анализа.

Выдающееся произведение тюркской мысли — поэма Жусупа Баласагуни «Кутадгу билиг» — по своему содержанию является этико-политическим трактатом. Его значение для тюркского миропонимания трудно переоценить, поскольку именно в нем нашли отражение базовые концепты этого миропонимания. Среди этих концептов значительное место занимают политические концепты, такие как: «власть», «справедливость», «закон», «правитель», «политическая должность».

В самой поэме автор пишет о политической составляющей своего трактата так:

В ней сказано все обо всем мудрецами — как править властителям, кто они сами, и как властелинам державу блюсти — каким к тому мерам быть долж-

но в чести, что губит страну, что навеки упрочит, что власть укрепляет, что — рушит и точит, как войско собирать и к каким переходам готовить его, отправляясь походом (Баласагунский, Иванов, 1983: 35–38).

Современные исследователи также обращают внимание на политические идеи в трактате. Так, Х. Миннегулов, анализируя проблемы государственности в труде Баласагуни, выделяет такие темы, как «правитель», «закон», «положение народа», «управление страной», «этикет» (Миннегулов, 2016). С. Малабаев в статье, опубликованной в сборнике конференции, также затрагивает важные в политическом аспекте идеи: «законность», «просвещенный правитель», «отношение правителя к народу», «правдивость» и другие (Малабаев & Жолдошбек Кызы, 2021).

В рамках нашего сравнительного исследования важно подчеркнуть мысль о значимой эволюции политических концептов в «Кутадгу билиг» по сравнению с политическими концептами в тюркском героическом эпосе. Это касается, прежде всего, акцента на таком политическом концепте, как «справедливость», который занял центральное место в системе политических концептов Жусупа Баласагуни.

Как известно, в поэме основное содержание раскрывается через четыре персонажа: Кунтоғды, Айтоғды, Өгдүлмиш, Одгүрмыш. Первым и главным является Кунтоғды — элик, правитель, который обозначает начало этого смыслового ряда: «основа сей книги — несколько непреходяще ценных сунетей: первая — Справедливость, вторая — Счастье, третья — Разум, четвертая — Непритязательность» (Баласагунский, Иванов, 1983: 6).

Кстати, как отмечает А. Н. Кононов (Кононов, 1983: 485–517), эти ценности названы в книге тюркскими терминами: «Кюнтоғды — „Солнце возшло“, Айтоғды — „Полная луна“, Огдүльмиш — „Достохвальный“ и Одгүрмыш — „Пробуждающий“».

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Тюркский героический эпос, по авторитетному мнению академика В. М. Жирмунского, стал изучаться в конце XIX в. и его исследование связано с именами В. В. Радлова, В. В. Бартольда, Г. Н. Потанина, Ч. Ч. Валиханова, А. Диваева (Жирмунский, 1974: 12–14).

Позже этническому героическому эпосу отдельных тюркских народов были посвящены специальные монографии: А. С. Орлова «Казахский героический эпос»; В. М. Жирмунский, Х. Т. Зарифов «Узбекский народный героический эпос»; Л. В. Гребнев «Тувинский героический эпос»;

(опыт историко-этнографического анализа)»; И. В. Пухов «Якутский героический эпос олонхо. Основные образы»; Ф. Урманчеев «Героический эпос татарского народа»; С. С. Суразаков «Алтайский героический эпос»; А. И.-М. Сикалиев (Шейхалиев) «Ногайский героический эпос» и другие (Гребнев, 1960; Жирмунский и Зарифов, 1947; Орлов, 1945; Пухов, 1962; Сикалиев (Шейхалиев), 1994; Суразаков, 1985; Урманчеев, 1984).

В литературе особенности тюркского героического эпоса обозначаются несколькими моментами. Прежде всего, это синтез во многих эпосах мифологических и имеющих историческую основу сюжетов. Далее, это акцент на главном герое — батыре, причем обязательным его атрибутом наряду с мощью и воинским снаряжением является боевой конь.

Следующую особенность подробно проанализировал Фатых Урманче в недавней монографии «Тюркский героический эпос» (Урманче, 2015). Это основные темы и сюжетные линии в героических эпосах, которые в той или иной вариации повторяются во многих из них: начало повествования; бездетность, вымаливание детей; рождение (обычно необычное) героя; имя эпического героя; богатырский конь и оружие; богатырское сватовство (или поход за невестой); битвы батыров; конец повествования (иногда гибель героя).

Как мы видим, эти сюжетные линии содержат в себе немало концептуального содержания, которое характеризует миропонимание тюркских народов. К таким концептам можно отнести: «начало мира», «бездетность», «рождение героя», «битвы батыров» и другие.

Тувинский героический эпос как органичная часть эпоса тюркского исследовался, как описывает Л. В. Гребнев, начиная с 70-х гг. XIX в. Г. Н. Потаниным, Н. Ф. Катановым, Ф. Я. Коном (Гребнев, 1960: 4–5), первыми записанными эпосами были «Хангавай» и «Тана-Херель».

Сегодня тувинский героический эпос достаточно хорошо изучен, имеется немало публикаций и на русском языке (см. там же; Орус-оол, 2001; Хертек, 2017 и др.).

Тувинский героический эпос во многих особенностях схож с героическими эпосами других тюркских народов. Так, к примеру, такие эпические произведения, как «Алпамыш батыр», «Кобланды-батыр», «Эр Тэштюк», «Гер-оглы» (Урманче, 2015: 11) имеют похожие сюжетные линии.

Вместе с тем, исследователи выделяют специфические особенности тувинского героического эпоса. Так, Л. В. Гребнев выделяет такую особенность как «замедление действия», показывающую «величавость описываемых событий» (Гребнев, 1960: 32). Использование в большом

объеме эпитетов, сложных эпитетов, сравнений и гипербол обеспечивают художественную выразительность тувинским героическим сказаниям.

Традиционное мировоззрение тюрков изучалось начиная с XIX в., достаточно сослаться на работу В. В. Радлова «Мифология и мирозерцание жителей Алтая». Кроме того, в работах Н. Ф. Катанова, А. Вамбери, А. фон Габайн, С. Е. Малова, А. Н. Самойловича, А. Н. Кононова есть немало идей, которые касаются особенностей тюркского миропонимания (например, при интерпретации тех или иных тюркских слов).

В позднее советское время внимания заслуживают три книги под общим названием «Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири», выпущенные Сибирским отделением АН СССР, в которых рассматриваются отдельно представления тюрков о пространстве и времени, начале мира, вещном мире; о человеке, его жизненном круге, его месте в природе и обществе; о ритуальной деятельности, знаках, родовых отношениях и др. Как пишут сами авторы, их задачей было наметить «контуры той системы взглядов на мир, которая в течение многих столетий доминировала в обществе южно-сибирских тюрков» (Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир, 1988: 3).

Традиционное мировоззрение тюрков анализируется также в недавней книге А. Досымбаевой «История тюркских народов. Традиционное мировоззрение тюрков» (Досымбаева, 2013). На значительном археологическом материале (который является преимущественно авторским) исследователь пытается обнаружить значимые мировоззренческие символы западного и восточного ареалов тюрков Центральной Азии.

Концептуальной является также статья О. С. Сапашева «Принципы представления картины мира у народов Центральной Азии», в которой автор делает следующий вывод:

нынешняя картина мира у тюрков имеет очень глубокие традиционные корни. Картина мира имеет свое сакральное место в полифоническом мировоззрении тюрков (Сапашев, 2020: 79).

Анализируются в отдельных книгах и статьях также разные картины мира, присущие тюркской культуре: С. Аязбекова «Картина мира этноса: Коркут-ата и философия музыки казахов», Г.-Р. Гусейнов «Тюркская языковая и мифологическая картина мира в ее древнем перднеазиатском контексте», Г. Смагулова «Тюркская языковая картина мира в фразеологизмах», В. И. Харитонова «Тувинский (нео)шаманизм

как культовая и целительская практика в современном мире» и другие (Аязбекова, 2011; Гусейнов, 2021; Смагулова, 2020; Харитоновна, 2018).

Во многих работах акцент делается на религиозном аспекте мировоззрения. Поэтому значительная часть публикаций посвящена тенгрианству (хотя некоторые авторы понимают тенгрианство не только в религиозном смысле): Н. Аюпов «Тенгрианство как открытое мировоззрение», Р. Безертинов «Тенгрианство — религия тюрков и монголов», «Вера в Тенгри (Избранное: сборник статей)», М. С. Уланов «Тенгрианство в истории и культуре кочевников Центральной Азии» и другие (Аюпов, 2012; Безертинов, 2006; Вера в Тенгри..., 2018; Уланов, 2022).

Политические аспекты тюркской цивилизации (как принадлежащей к кочевым обществам) сегодня анализируются, в основном, в объективно-историческом смысле, как политические системы и структуры: Васютин, 2002; Жумаганбетов, 2008; Крадин, 2002 и другие.

А как часть мировоззренческой картины мира они представляются как ценности, Х. Абжанов «Социокультурные ценности и ориентиры древнетюркского общества», М. Ю. Горбунова «Ценностные доминанты турецкой традиции: кочевой культурно-исторический пласт» (Абжанов, 2012; Горбунова, 2017); как идеалы, С. Г. Кляшторный «Общественные идеалы и социальное устройство в древнетюркских государствах» (Кляшторный, 2009); как политическая культура, С. В. Дмитриев «Политическая культура тюрко-монгольских кочевников в историко-этнографической перспективе» (Дмитриев, 2002).

Известно, что сегодня все более влиятельным в литературе становится методологический подход, различающий «понятие» и «концепт». В ряде недавних статей разбираются отличия «концептов» от «понятий»: Ю. В. Акимцева «Отличительные особенности терминов „концепт“ и „понятие“»; Н. Ф. Алефиренко «Концепт — понятие — категория в свете современной лингвокогнитивистики»; В. Г. Зусман «Концепт в системе гуманитарного знания»; А. И. Швырков, Д. М. Кошлаков «Концепт и проблема перевода» и другие (Акимцева, 2017; Алефиренко, 2010; Зусман, 2003; Швырков и Кошлаков, 2020).

Как отмечается, в структуре концепта наиболее важным представляются образ, информационное содержание и интерпретационное поле. Отличает концепт от понятия превалирование смысла, а также обязательная включенность в концепт субъекта, каковым обычно становится общность: социальная, политическая, этническая. Концепты, в отличие

от понятий, имеют культурную, историческую и этническую обусловленность. Поэтому вполне легитимно утверждать «тюркские политические концепты».

В тюркологии сегодня изучение концептов становится достаточно популярным, есть несколько работ, посвященных такому подходу. Это исследование отдельных концептов: Т. А. Голикова «„ЙЕР-СУ“ как базовый концепт тюркской картины мира»; А. Ф. Ситдыкова «К вопросу определения базового концепта „төс“ и его семантического поля на примере цветообозначений в татарском языке» (Голикова, 2008; Ситдыкова, 2013). В последнее время появились работы, направленные на обобщение изучения тюркских этнических концептов: Т. А. Голикова «Исследование тюркских этноспецифичных концептов: состояние и тенденции»; З. Р. Шайхутдинова «Понятие „концепт“ в тюркской языковой картине мира» (Голикова, 2016; Шайхутдинова, 2017).

Концептуальный подход к политическим феноменам наиболее плодотворно использован, на наш взгляд, в монографии Светланы Неретиной и Александра Огурцова «Концепты политической культуры» (Неретина и Огурцов, 2011). Авторы показывают метод путем анализа становления концепта «политика» у Платона, Аристотеля и Марка Аврелия. Кроме богатого историко-философского материала в книге проанализированы концептуальные подходы Лео Штрауса и Ханны Арендт. В дополнение к этому авторы анализируют отдельные политические концепты: власть, страх, равенство, русская специфика, гражданское общество.

КОНЦЕПТ «ЕL» В ТРАДИЦИОННОМ ТЮРКСКОМ МИРОПОНИМАНИИ

Базовый политический концепт в традиционном тюркском миропонимании выражается термином «Еl». Этот многозначный концепт является стержневым в тюркском политическом словаре, поскольку обозначает и «страну», и «народ», и «государство». Подобный подход объясняется, на наш взгляд, общим синкретизмом тюркского миропонимания, который проявляется и при оценке природных, и при оценке социально-политических явлений.

В «Древнетюркском словаре» мы находим этому подтверждение. Здесь приведены три основных значения концепта «Еl»: «(1) племенной союз, племенная организация; (2) народ; (3) государство, административная единица».

Подробный анализ понятия «el/il» представлен в статье С. Васютина в Тюркологическом сборнике (Васютин, 2011: 81–83).

Известно, например, что в орхоно-енисейских памятниках концепт «El» встречается около сотни раз. Причем употребляется этот концепт в разных смыслах.

Основной смысл употребления концепта — «страна, племенной союз». Объяснение значимости этого феномена связано с образом жизни тюркских народов, для которых территория имела первостепенное значение. Конно-кочевая цивилизация тюрков того времени требовала для ведения хозяйства больших территорий и наличие страны как родной земли имело огромное значение.

В тюркской мировоззренческой традиции развитием концепта «El» выступает концепт «beŋgı̆ el» («вечная страна»), который имел следующие смысловые коннотации, выявляемые философским анализом. Это народ, имеющий свою столицу, центр страны, из которого управляется страна и который помогает в борьбе с врагами с четырех сторон света. Это сильное государство, для построения которого нужны такие условия, как мудрый правитель, отношения поддержки среди жителей, справедливый закон, стремление к знаниям. Это идеальное общество, в котором воплотились чаяния народа о мирной стране, с процветающим народом, живущим в комфортных природных условиях. Это стремление к «Вечной Жизни», которая в итоге не противопоставляется Смерти, а понимается как бессмертие добрых дел и славного имени, остающиеся навечно в памяти потомков.

В тувинском героическом эпосе «Хунан Кара» анализ позволил выявить пусть не в прямой дидактической форме, а через контекст повествования те политические концепты, зачатки которых могут быть обнаружены в орхоно-енисейских источниках. Это — страна, народ, власть, доблесть. Данная коннотация имеет причиной, на наш взгляд, прежде всего, общую тюркскую мировоззренческую основу, общий менталитет, характерный для конно-кочевой цивилизации. Общее историческое прошлое тюркских племен, живших в пределах Алтая, эту коннотацию усиливало.

Прежде всего, это концепт «страна». В эпосе «Хунан Кара» страна называется «держава, великий мой край» («улуҕ чурт»).

Почитание родной земли явственно прочитывается в эпосе через мировосприятие главного героя. Хунан-Кара несколько раз в сказании испытывает острую тягу-тоску по родному краю: «мать-отец в его мысли вошли, Арзылан-Ала-Тайга — край Шил-Дага, Шилен-Дага — ему вспомнилась» (Тувинские героические сказания, 1997: 4097–4101).

Наиболее точно ценность родной земли, страны выражена в том месте эпоса, где главный герой объясняет своей уже супруге, Узун-Назындангына, почему она должна остаться, когда он едет на войну с шулбу, спасать своих родителей, их подданных и их скот: «Если близко, через семь лет я вернусь. Если далеко, то через девять лет я вернусь... Нашим краем-аалом хорошо управляй» (Тувинские героические сказания, 1997: 4235–4240; 4246–4247).

И далее он уточняет свою и ее главную миссию относительно родной страны: «Сени улуг чурттуң күрүзүн тудар дээш, Алган-на болгай мен... Сен улуг чурттуң күрүзүн Ээлээр сен...», «Я взял тебя [для того], чтобы державу — великий край принять, державой — великим краем править!» (там же: 4266–4267; 4270–4271).

В трактате «Кутадгу Билиг» концепт страна интерпретируется так же, как он понимается в орхоно-енисейских письменных источниках. Страна осмысливается как главная цель государственной власти.

При этом концепт «страна» в «Кутадгу Билиг» обозначается термином «El». Разъясняя «сущность свойств Справедливости», т. е. своего имени, элик Кюнтогды обращается к своему визирю со словами: «кауи элке тегсе мениң бу төрүм ол эл барға этлүр тағ ерсе корум» (дословный перевод: «Какой страны достигнет мой этот закон, та страна вся будет такой как будто камни расцвели»). В переводе С. Н. Иванова: «Благи для людей моей власти свершенья: Где прочен закон, там цветут и каменья!» (Баласагунский, Иванов, 1983: 830).

Самым главным критерием успешности справедливой власти является состояние дел в стране.

Мы находим здесь такие слова: «İlig sakhıki kıldı elke asıǵ, bu asǵı bile boldı elde tatıǵ» (буквальный, подстрочный перевод таков: «Элика зоркость сделала стране пользу, эта польза знай сделала страну мирной»). В академическом издании «Кутадгу билиг» дан поэтический перевод: «При мудром владыке страна расцвела, все жили в довольстве, не ведая зла» (там же: 448).

Вместе с тем, заметно, что концепт «El» в значении «страна» в «Кутадгу Билиг» не имеет того прямого, патриотического смысла, который был присущ концепту в орхоно-енисейских источниках и в тюркском героическом эпосе. Здесь страна понимается в ключе оценки эффективности государственной власти. Как мы увидим позже, власти элика, ее характеристикам в поэме придается первостепенное значение. А благополучие страны — это следствие государственной политики.

Это связано, безусловно, с тем историческим периодом, в который был написан трактат. Это было время уже ставшего, прочного государства, в котором жили представители разных этнических групп, а также кочевое и оседлое население. Поэтому государство было на первом месте, а страна — на втором.

В целом, можно сделать вывод о том, что концепт «страна» имел важное значение на ранних стадиях тюркской истории, что нашло отражение в орхоно-енисейских источниках и чуть менее значимо в тюркском героическом эпосе. В поэме «Кутадгу Билиг» этот концепт носит не самостоятельный, а как бы вспомогательный характер, выступает как следствие государственной власти.

КОНЦЕПТ «BUDUN» В ТРАДИЦИОННОМ ТЮРКСКОМ МИРОПОНИМАНИИ

Не менее важный политический концепт для тюркского мировоззрения, который также часто обозначается термином «El» — это народ. Правда для этого сопоставимого и равнозначного с концептом страна (иногда они употребляются один вместо другого) концепта «народ» в тюркских письменных источниках используется также отдельный, специфический термин — «budun».

В «Древнетюркском словаре» значения этого термина обозначены так: «(1) население, подданные; народ; (2) народные массы, простой народ; (3) народ (как этническая общность); (4) люди». Все эти значения обнаруживаются в тюркском традиционном мировоззрении, начиная с орхоно-енисейских источников.

Отличие от орхоно-енисейских источников, в тувинском эпосе нет развернутых характеристик такого концепта, как народ. В эпосе о Хунан-Кара речь идет в основном о подданных.

Термин, которым обозначается народ, «подданный люд» — это «ара-албатызы». Когда у хана родился сын, его поздравляют подданные: «Ара-албатызы-даа Алган-йөрээнтурган иргин ийин», «Подданный люд Благопожелания произносил» (Тувинские героические сказания, 1997: 371–372).

На наш взгляд, для более адекватной интерпретации этого концепта в эпосе «Хунан Кара» важно, что отдельные представители народа действуют наравне с ханом, ханшой и их сыном, помогают им, часто спасают их от беды. Речь идет о двух персонажах сказания: «Сайын-Куу хавырчы (табунщик) на куцем своем жеребце Хыртын-Шокаре» и «пастух овец Хоюскан-старик».

Сайын-Куу, к примеру, приносит хану весть: «Эки чүме көөр чүмедир, хаан», «Что-то хорошее предвещается, хан!» (Тувинские героические сказания, 1997: 131), сделав этот вывод из-за того, что у соловой норовистой кобылы родился жеребенок. А этим хорошим стало рождение сына у хана.

Уже после его рождения он помогает главному герою победить шулбу Амырга-Кара-мангыса, со своим куцом жеребцом Хыртын-Шокарком врезавшись прямо в пасть врагу. В конце сказания эти же два персонажа помогают главному герою победить еще одного шулбу — Кара-Когел-хана и спасти его родителей.

Другой смысл интерпретации концепта «народ» заключается в следующем. Необходимо обратить внимание на такой сюжетный ход в эпосе: в минуты наибольшей опасности главный герой приобретает вид «оборвыша на кляче», т. е. представителя самого низшего слоя из народа. Вот как описывается это превращение в эпосе:

Своего Арзылан-Кара в паршивого черного стригунка обратил — вот-вот помрет. А сам Хунан-Кара плохоньким стал, в желтом войлочном хевенеке, на чепраке из барсучьей шкуры, со стремянами из деревяшек еле-еле он затрусил (там же: 4369–4377).

Эта хитрость, это стремление показать, насколько он слаб, оставаясь сильным, безусловно имеет «народную интенцию», которая многократно воспроизводилась в фольклоре разных стран в персонажах Алдар-Косе, Ивана-дурака, бравого солдата Швейка и других.

В «Кутадгу Билиг» концепт «народ» также передается термином «bodun». Прежде всего, отметим, что концепт «народ» тесно связан с концептом «власть»: «Begi edgü bolsa bodun barça tüz...» («Если бек хорош, то и народ правильный...»).

В «Кутадгу Билиг» народ, как и страна, является объектом заботы государственной власти. В поэме часто, рефреном повторяется мысль, что власть элика оценивается по тому, как живет народ: «Bayudı bodun hem itildi eli, iligke duâ kildi bodni tili», перевод дословный: «Богател народ и делалась страна, элику молитвы возносила речь народа». В академическом переводе: «Народ богател, и страна была в силе, // И все за элика мольбы возносили» (Баласагунский, Иванов, 1983: 1039).

Второй аспект концепта «народ» весьма своеобразен. Трактат Жусупа Баласагуна в некотором отношении оценивается исследователями как своего рода «пособие» для политических служащих. А одной из

основных обязанностей политических служащих (и это звучит весьма современно!) является работа с народом, с населением.

Поэтому наряду с системой иерархии государственных должностей Баласагуни в своем политическом трактате разбирает социальную структуру общества своего времени. Он выделяет такие социальные слои и группы, как: ученые, лекари, знахари, толкователи снов, звездочеты, стихотворцы, земледельцы, торговцы, скотоводы, ремесленники, бедняки. И дает практические советы как вести себя с этими группами, исходя из их особенностей.

Так, с простым народом Жусуп Баласагун советует вести себя по простому: «Tilin sözle yumşak negü kolsa ber...»; «Будь мягок на слово, отдай, что попросят...» (Баласагунский, Иванов, 1983: 4331).

С людьми благородного происхождения надо вести себя по другому, ведь среди них есть, пишет автор, и «потомки пророка». «Bularnı katıg sev köñülde berü, negin edgülik kil baka tur kögü»; «Люби их всем сердцем, всем пылом души, // Дары посылай им, добро им верши» (там же: 4338).

Баласагуни полагал, что общение с народом является не только обязанностью государственного служащего, но и может принести ему пользу. Так, с людьми знающими и учеными надо обходиться следующим образом: «Стремись мудрость знанья от них перенять...», «Хоть малое знанье от них перейми...» (там же: 4342, 4344).

Также пользу может принести общение с лекарями: «Врачей уважай, с ними дружбу веди, // Нужны они людям, — права их блюди» (там же: 4360).

Особую пользу обществу приносят купцы, Баласагун так это описывает: «Когда из Хытая не быть караванам, // Привез ли кто-нибудь ткани-шелка нам?» (там же: 4426). Поэтому он советует: «И с ними ты добрую связь береги: Давай им, что просят, наладь и торги» (там же: 4421).

Выделяет автор «Кутадгу Билиг» также скотоводов и ремесленников, о пользе их труда его познания конкретны. «Одежда, еда, кони — все из их стад, // Они же и вьючных животных растят. Кумыс, молоко, масло, сыр, и творог, подстилки и седла их — все тебе впрок» (там же: 4441–4442), — оценивает он скотоводов. А про ремесленников пишет: «Умельцам сапожных и кузничных дел, Швецам и точильщикам луков и стрел» — «И с ними общенье свое приумножь» (там же: 4458, 4461).

Таким образом, концепт «budun» («bodun») весьма значим в орхоно-енисейских источниках и «Кутадгу Билиг» в качестве критерия успешности власти кагана и бека. Более того, главным объектом государственной власти является как раз «народ».

Вместе с тем, этот концепт имеет два оригинальных смысловых оттенка в тюркском миропонимании. Один из них может быть назван «имитация народности», которая приносит больший эффект, чем показная элитарность. Это мы видим в эпосе «Кунан Хара». Другой — «методика работы с народом», представленная в «Кутадгу Билиг».

Это является свидетельством, на мой взгляд, не только многомерности концепта, но и его содержательной оригинальности.

КОНЦЕПТ «TÖRÜ» В ТРАДИЦИОННОМ ТЮРКСКОМ МИРОПОНИМАНИИ

Важнейший концепт в тюркском миропонимании, который иногда также передается через термин «El» — это государство. Однако и в этом случае существует специальный термин, «törü», обозначающий государство и связанные с ним явления и процессы.

Термин «tögü» означал и государственную власть, и даваемое этой властью высокое положение, и родовитость, передаваемую по наследству (кстати, в современных тюркских языках этот термин обозначает самое почетное место в жилище). В этот синтетический концепт входили также и «правитель», и «система власти», и «государственные должности».

В «Древнетюркском словаре» тем временем значение термина «törü» ограничено только некоторыми смыслами: «(1) порядок, правило, закон; (2) обычай, обряд...». Однако, другие производные слова делают этот термин многогранным, многозначным. Так, «tör» означает и «почетное место», и «ценность», «значение»; «tögü öjdi urul» — «устанавливаться (о законах)»; «tögü ur-» — «устанавливать законы»; «törülüg» — «(1) сведущий в законах; (2) справедливый».

В тувинском героическом эпосе «Хунан Кара» концепт «государство» интерпретируется в аспекте главной функции государства — «осуществление власти». Поэтому для главного героя эпоса его миссия — править страной.

Для выполнения такой миссии нужна была сильная власть, в то время это была власть наследственная. Именно поэтому в начале сказания Далай-Байбын-хан, у которого не было сына, так вопрошает: «Улуг чурттуң күрүзүнде мен Хаан төрезинден Төрел аралгыр болзумза, Аралбатыдан Эки оол төрүттүнер бе?»; «Когда я умру, // Оставив ханскую власть, // Родится ли мальчик достойный // В моей державе — великом краю, // Среди моих подданных?» (Тувинские героические сказания, 1997: 191–195).

Примечательно, что в этом небольшом отрывке сконцентрированы три важных политических концепта традиционного тюркского миропонимания. О двух мы уже писали — «Улуг чурт» — «великий край» и «Ара-албаты» — «народ, подданные». Третий — это рассматриваемый сейчас концепт «государство, власть». Он передается сходным термином «Хаан төрези» — «ханская власть», где корень «törü», «төре» остается инвариантным от орхоно-енисейских письменных источников через тюркский героический эпос до тюркских письменных источников средних веков.

Кроме того, терминами, которые характеризуют в эпосе концепт ханской власти, являются: «хаан дүжүлгези» — ханский престол и «дөр» — трон (Тувинские героические сказания, 1997: 889).

Сам главный герой Хунан-Кара в духе Культегина вполне ясно понимает главную задачу государственной власти: «Нөре тудар Ужурлуг-даа мен, Дөрт чааны базар Төөгүлүг-даа мен»; «Правление [отца] должен я удержать! Врагов с четырех [сторон] одолеть мне суждено!» (там же: 758–761). Здесь мы можем видеть почти буквальное повторение строк из памятника Культегину: «с четырех сторон было много врагов; сражаясь с четырех сторон много народа победили, много усмирили».

В поэме Жусупа Баласагуни «Кутадгу Билиг» концепт «государство» также имеет много составляющих, среди которых «власть», «закон», «властитель» и другие. В то же время, зримая эволюция в трактате связана с тем, что акцент сделан на такой составляющей этого комплекса концептов, как «справедливость».

В поэме «справедливость» передается термином «könilik». Баласагуни пишет: «Menig me kılınçım ağar okşadı, könilik bile toldı eksümedi»; «Деянья мои на светило похожи: моя справедливость немеркнула тоже» (Баласагунский, Иванов, 1983: 826).

В «Древнетюркском словаре» есть определение этого термина: «könilik — правдивость, праведность». А происходит термин от корня «köni» со значениями «(1) верный, правдивый, истинный, (2) справедливо, верно».

В «Кутадгу Билиг» дается такое определение «справедливости»: «Mınu men me körgil könilik törü, törü kılkları bu baka tur körü»; «Я — знак Справедливости, правды закон, Пойми, чем и славен и праведен он» (там же: 800).

Раскрывается справедливость через следующие четыре аспекта: личные качества, привлечение к власти, расцвет страны и верховенство

закона. Как видно, это достаточно демократичные политические ценности, что не может не вызывать уважения к тюркской политической традиции.

В поэме описываются личные качества элика: «Kılınçı köni erdi kılkı oçay, tili çın bütün hem közi köñli bay»; «В делах справедливый, был прям он и строг, правдив был в речах он и духом высок» (там же: 407).

Особенно привлекательным выглядит такое качество: «Властитель премудрым умением владел — сверять свою волю с велением дел» (Баласагунский, Иванов, 1983: 410), которое в терминах современного менеджмента может быть названо залогом эффективности деятельности политического руководителя.

Другое важное качество, которое необходимо для справедливой власти, — привлечение к управлению лучших (сейчас это назвали бы принципом меритократии): «Всех мудрых к себе он призвал на порог, всех умных возвысил и к делу привлек» (там же: 416).

Важный аспект справедливости как политического концепта касается законов. Справедливое государство — это правовое государство, так весьма современно звучит политическая идея у Баласагуни: «İdi edgü beglik takı edgürek, törü ol amı tüz yoritğu kerek»; «Власть бека достойна великих похвал, но лучше — закон, что во благо он дал» (там же: 454).

При этом, обратим внимание на прямую преемственность идей «Кутадгу Билиг» и орхоно-енисейских памятников в контексте употребления термина «törü». В орхоно-енисейских памятниках он означал и государственную власть, и даваемое этой властью высокое положение, и родовитость, передаваемую по наследству. У Баласагуни: «Твердый, правильный закон (*köni törü*), который олицетворяет правителя Кюнтогды» (Кононов, 1983: 508).

При этом, закон должны чтить и поддерживать его первенство все государственные деятели, считал Баласагуни. Он пишет: «Köñül tüzse begler yontsa törü, bu beglik buzulmaz turur keç örü»; прямой перевод: «Если беки всем сердцем закон воспримут, их власть нерушима будет долго стоять».

Необходимо при этом обратить внимание и на следующее — недаром «Кутадгу билиг» называется поэмой. Метафоричность и аллегории есть стиль этого произведения. В таком ключе описаны в поэме свойства справедливости. Вначале описывается, что видит визирь Айтолды, войдя к элику по его вызову: «Сиденье элика — серебряный трон — на крепком треножии был водружен. В руке его — нож, рядом чаши стоят: направо — с усладой, в другой — слева — яд» (Баласагунский, Иванов,

1983: 771–772). Разгадка этой метафоры позволяет определить, что же означает справедливая власть.

Первый признак справедливой власти: правда, причем, равная для всех: «По правде вершу все дела я привычно, а бек или раб предо мной — безразлично» (там же: 809). Это объяснение треножника, который прочно стоит на ножках, потому что они равны между собой.

Следующие признаки — строгость закона, а также его карающая и воздающая функции:

А то, что ты видел в руке моей нож, так нужно быть острым: карай и пристрожь! Как нож, я остер, и дела мои режу — караю грешащего кривдой невежу! А сладость что значит? — Изведавший гнет у врат моих правду закона найдет... А яд предназначен для тех из людей, что правды сторонятся в злобе своей. Для них мой закон, и суровый и правый: придется спознаться им с ядом-отравой (Баласагунский, Иванов, 1983: 810–812, 814–815).

Вывод, сделанный Жусупом Хас-хаджибом, укрепляет нас в мнении, что главным концептом в тюркском миропонимании той эпохи действительно является справедливость: «*Bu beglik uli kör könilik-turur, koni bolsa begler tiriglik bolur*»; «Для власти во всем справедливость — основа, и власть лишь во правде жива и здорова» (там же: 819). И как нетривиально замечает С. Н. Иванов, то, что в поэме в живых остаются Кюнтогды и Огдюльмиш, свидетельствует о высоком значении Справедливости и Разума как главных качеств в политическом бытии тюркского общества (Иванов, 1983: 530).

При этом к разряду политических концептов в «Кутадгу билиг» относится также такой прикладной, как «облик государственного деятеля». Отрицательные качества, которые нежелательны, автор прописывает специально устами того же правителя:

Вот первое, что мне не любо: обман, и склонность к насилию — тоже изъян. Негожи корысть и бессовестный нрав, и норов крутой, что во гневе неправ. Порочна горячность, гневливость дурна, вредны лиходей и любитель вина (Баласагунский, Иванов, 1983: 849–850).

В целом, в поэме много практических рекомендаций, которые описывают такие прикладные политические ценности, как функции тех или иных политических служащих.

И начинается Баласагуни с самой важной должности в стране — с правителя, бека. К нему предъявляются очень высокие требования, среди которых прежде всего ум, знания, мудрость, зоркость, благородство,

честь, доблесть. Подробно автор описывает, что бек должен быть заботливый, расчетливый, осторожный, совестливый, вдумчивый, бдительный, смелый. Такое подробное описание, безусловно, есть развитие тех требований, которые предъявлялись к каганам в орхоно-енисейских источниках. И прямая преемственность здесь заметна, к тому же в поэме Баласагуни ссылается на высказывание «Отюкенского бека», усиливая эту преемственность.

Такие же высокие требования прописаны и к должности везира. Главная его функция обозначена так: «*Beginde basa ilke elgi uzun, vezir ol iligke kilinçin sözün*»; «Народу глава он — за беком вослед, владыке нужны его труд и совет» (Баласагунский, Иванов, 1983: 2193). Отдельно упоминается родовитость везира, которая служит гарантией соответствия его такой важной должности.

Отдельно Баласагуни рассматривает должности великого хаджиба, управителя дворца, посла и дает им такие характеристики. Хаджиб «правдивым и в вере смиренным быть должен», управитель дворца — «в ночи во дворце он, как солнце взойдет, и там же встречает он солнца заход», а посол — «Быть мудрым, степенным послу надлежит, он должен быть в мудрости слов даровит. Он должен все тонкости слов превзойти — уметь и пропащее дело спасти» (там же: 2600–2601).

Кроме того, упоминаются такие должности, как писец-письмовод, казначей, повар, стольничий, чашиник, ведающий напитками.

Таким образом, многогранный концепт «государства» в классическом тюркском миропонимании включает в себя такие смысловые единицы (которые можно понимать и как отдельные концепты), как «правитель», «власть», «закон». На ранних стадиях тюркской истории для государства важны были правитель и подчиненные ему военачальники. Поэтому в орхоно-енисейских письменных источниках делается акцент на концептах «каган», «правление», «беки».

Для эпохи тюркского героического эпоса наряду с концептами «хаан», «правление» важными становятся такие концепты, как «наследственная власть», «управление государством».

Наибольшее развитие концепт «государство» получил в поэме Жусупа Баласагуни «Кутадгу Билиг». Здесь его многогранность усилилась в смысле добавления таких важных для политического миропонимания концептов, как «закон», «справедливость», «личные качества правителя», «политические должности».

Во-вторых, была выстроена, на наш взгляд, система концептов, касающихся государства. На вершине пирамиды — концепт «справедливость»,

который является ключевым не только для этой части концептов, связанных с государством, но и в целом для всех политических концептов «Кутадгу Билиг». Например, «расцвет страны», «благоденствие народа» есть непосредственное следствие справедливой власти.

На втором уровне, после справедливости, такие концепты, берущие начало с нее: «личные качества элика», «привлечение к управлению государством лучших», «соблюдение закона», «государственный деятель».

В свою очередь, в каждом из этих концептов мы можем выделить стороны, которые в совокупности определяют специфику концепта.

КОНЦЕПТ «ALP ER» В ТРАДИЦИОННОМ ТЮРКСКОМ МИРОПОНИМАНИИ

Важным концептом в тюркском миропонимании является «воинская отвага, доблесть». Это именно политический концепт, поскольку государство, власть в то время напрямую зависели от воинской доблести.

В таких условиях одним из главных политических умений было, конечно, воинское искусство. Применение этого искусства позволило создать мощное тюркское государство, которое «покорив народы с четырех сторон», могло заниматься мирным трудом. Одним из главных результатов сражений было состояние, которое описывается как «*jaýsız qiltim*» («сделал так, что не стало врагов»).

Для обозначения такой героической личности в древнетюркских источниках используются термины «er» и «alp» («alp»).

В «Древнетюркском словаре» «er» имеет только значение «(1) муж, мужчина; (2) муж, супруг; (3) мужской». В то же время, в словаре приведен термин «erät», который имеет значение «мужи, мужчины, воины». Этимология слова, скорее всего, связана с двумя компонентами: «муж» и «имя».

Как указывает Л. В. Гребнев: «Часто герои эпоса, наделенные титулами бег, маадыр и другими, называются эр. По контексту этот термин можно перевести „герой“, „воин“, „мужчина“» (Гребнев, 1960: 47).

Отличие от термина «er» гораздо больше коннотаций и ассоциаций имеет термин «alp». В Древнетюркском словаре основные значения термина представлены так: «(1) меткий стрелок; (2) герой, богатырь, витязь; (3) отважный, храбрый, смелый; (4) отвага, храбрость, мужество». Кроме того, термин имеет такие производные: «*alpaüt*» — герой, богатырь, неуязвимый храбрец, посылаемый в одиночку на врага; «*alp atim*» — доблесть; «*alp jüräk*» — смелый, храбрый.

Есть и специальный термин «alp er», имеющий значение «богатырь, герой, отважный воин».

В героическом эпосе «Хунан-Кара» такой концепт, как «воинская доблесть», «отвага» представлен в явном виде. Он передается через описание личности и деяний главного героя сказания.

Уже само рождение героя описано как нечто необычное и чудесное, предвещающее геройство и подвиги.

Этот родившийся мальчик — не простой мальчик! Утром родился, когда серые утки-несушки сцепляются клювами, это примета, [что родился] ребенок, кому битвы-сражения суждены! (Тувинские героические сказания, 1997: 257–263).

(Часто употребляется в эпосе термин «чаа-дайын» — битва-война, который позволяет раскрыть один из содержательных оттенков концепта «воинская доблесть».)

И примета начинает сбываться буквально сразу же после его рождения: едва начав ходить, он сражается с шулбу и мангысом и уничтожает их. В дальнейшем Хунан-Кара побеждает еще множество врагов, среди которых главный его соперник — Демир-Мого.

В конце сказания дается суммарная характеристика воинской доблести главного героя, которая также во многом сходна с теми оценками, которые в орхоно-енисейских памятниках давались Культегину.

Человек по имени Хунан-Кара-мого, имеющий коня Арызлан-Кара, ни под [кем] с [его] грудью-лопатками не окажется, [ни один] славный муж с пальцем-ногтем большим, не сможет [его] сразить-застрелить. В тридцати тысячах грозных сражений, не прерывавшихся три срока, он победил, в бесчисленных грозных сражениях, не заканчивающихся девять сроков, [он] победил (там же: 4526–4542).

В поэме Баласагуни «Кутадгу Билиг» концепт «доблесть» показан в той части, где расписаны требования к разным политическим деятелям. Здесь отражены специфические требования к военачальнику. В эпоху автора «Кутадгу билиг» войн и сражений было меньше, чем в предыдущую эпоху древнетюркской истории, тем не менее военачальник был третьей по важности должностью в государстве караханидов.

Требования к нему расписываются достаточно подробно: «Bu işke idi kurç katıg er kerek, başında keçürmiş tükel toñ yürek. İdi ök uluğ iş bu sü başlamak, çerig tüzmeği hem yağın sımak»; «Муж нужен могучий для этого дела, все в жизни выдавший и бьющийся смело. Искусство великое — править войсками и в бой их водить для побед над врагами» (Баласагунский, Иванов, 1983: 2271–2272).

И еще: «Он должен быть зорким и бдящим всегда», «Он должен быть храбрым и метким стрелком», «Ему нужно смелым и знающим

быть, и стойким, и в битвах дерзающим быть», «Муж должен беречь и хранить свою честь» (там же: 2273, 2274, 2282, 2290).

Мы уже упоминали о метафоричности стиля поэмы, здесь мы видим еще один пример аллегории в описании качеств военачальника:

Yağıda kür arslan yüreki kerek, karıştuktaki esri bileki kerek. Tonuz teg titimlig böri teg küçi, adığlayu azgın kotoz teg öçi. Yana alçı bolsa kızıl tilkü teg, titir buğrası teg kör öç sürse kek. Sağızğanda şakrak kerek tutsa öz, kaya kuzum teg yarak tutsa köz. Uluğ tutsa hamyet kür arslanlayu, ügi teg usuz bolsa tünle sayu;

В бою смелость львиную надо иметь, а хватку тигриную надо иметь, кабанье упорство и волчий бросок, медвежью свирепость, олений наскок. Воитель, как лисы, будь хитростью лют, и яростен, словно взбешенный верблюд. Да будет муж бдителен — зорче сорок, да будет, как ворон в горах, дальнюок! Да будет во гневе он яростней льва, да будет недремлющим, словно сова (Баласагунский, Иванов, 1983: 2310–2314).

Таков многомерный состав концепта «доблесть», представленный в поэме Баласагуни.

В заключение, среди множества советов, которые дают элику и Огдюльмиш, и Одгурмыш, можно выделить такой, в котором в синтетическом виде отражены политические концепты: «власть», «закон», «народ» и «воинская доблесть». Вот эти строки:

Во-первых, всегда говори с прямоотой, второе — за твердость закона постой. И третье — будь щедрым, в заботе усердным, к народу участливым будь, милосердным. Четвертое — будь и бесстрашным и смелым, смири всех врагов силой воинских дел (там же: 5903–5905).

Таким образом, концепт «воинская доблесть» весьма ярко проявлен в орхоно-енисейских памятниках и тюркском героическом эпосе. В «Кутадгу Билиг» его значение ослабевает в силу исторических обстоятельств.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ позволяет сделать несколько значимых выводов. К тюркским политическим концептам мы можем отнести такие, как: «el» (страна, народ, государство), «власть», «правитель», «доблесть». Вместе с тем, в течение нескольких веков произошла значимая эволюция этих концептов и к ним прибавились такие, как: «справедливость», «закон», «политический служащий». Из этого мы можем сделать вывод, что тюркские концепты обладают своей явной спецификой.

Главными концептами в ранний период тюркской истории были: страна, народ, государство, власть и героическая личность. Только их сочетание, гармоническое взаимодействие позволили тюркам создать несколько мощных империй, которые в самый расцвет занимали территории от Восточной Европы до Тихого океана. В дальнейшем эти концепты нашли отражение, в частности, в героическом эпосе тюрков.

В тюркском героическом эпосе (на примере тувинского эпоса «Хунан-Кара») мы смогли выделить те политические концепты, которые зафиксировались в орхон-енисейских письменных источниках. Особенно это ярко заметно относительно воинской доблести, которая делает таких героев, как Культегин и Хунан-Кара достаточно близкими по свойствам героической личности.

В поэме «Кутадгу билик», которая написана примерно на 3–4 века позже орхон-енисейских письменных памятников, мы можем наблюдать зримую эволюцию тюркского миропонимания в контексте политических концептов.

Прежде всего, это касается большей значимости концептов «государство», «власть», «правитель» и меньшей — «страны», «территории». Это было время уже ставшего, стабильного государства, в котором главной задачей не было «собрание страны», а было — укрепление государственной власти.

Во-вторых, на первый план выходит «справедливость» как главный принцип осуществления государственной власти. Причем через призму этого концепта рассматриваются все вопросы государственности, а они весьма многообразны в таком зрелом государстве: планирование и осуществление государственного правления, подбор и расстановка кадров, награды и наказания, отношения с другими государствами и многое другое.

В-третьих, немного в тень уходит такой концепт как «личная отвага», от правителя требуются больше такие качества, как: мудрость, знания, добрый нрав, умение работать с подданными.

ЛИТЕРАТУРА

- Абжанов Х. Социокультурные ценности и ориентиры древнетюркского общества // Түркологиялық зерттеулер / под ред. Г. Сагидолда. — Астана : «Сарыарқа» баспа үйі, 2012. — С. 356–366.

- Акмицева Ю. В.* Отличительные особенности терминов «концепт» и «понятие» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 7. — С. 61–63.
- Алефиренко Н. Ф.* Концепт — понятие — категория в свете современной лингвокогнитивистики // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. — 2010. — Т. 18, № 7. — С. 5–12.
- Аюпов Н. Г.* Тенгрианство как открытое мировоззрение. Монография. — Алматы : КазНПУ им. Абая, Кие, 2012.
- Аязбекова С. Ш.* Картина мира этноса: Коркут-ата и философия музыки казахов : Монография. — 2-е изд. — Астана : ТОО «Баспа — АС», 2011.
- Баласагуинский Ю.* Благодатное знание / пер. С. Н. Иванова. — М. : Наука, 1983.
- Безертинов Р. Н.* Древнетюркское мировоззрение «Тенгрианство». Учебное пособие. — Казань : РИЦ «Школа», 2006.
- Васютин С. А.* Типология потестарных и политарных систем кочевников // Кочевая альтернатива социальной эволюции. — М. : Институт Африки Российской академии наук, 2002. — С. 63–71.
- Васютин С. А.* Образ правителя в ментальных представлениях кочевников Центральной Азии в период раннего средневековья (по письменным и эпическим памятникам тюркоязычных народов) // Тюркологический сборник 2009–2010 : Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. — М. : Восточная литература, 2011. — С. 79–108.
- Вера в Тенгри (Избранное: сборник статей) / под ред. Л. В. Федоровой. — Якутск : Дани-Алмас, 2018.
- Голова Т. А.* «ЙЕР-СУ» как базовый концепт тюркской картины мира // Экономика. Право. Лингвистика. — 2008. — № 15. — С. 101–107.
- Голыкова Т. А.* Исследование тюркских этноспецифичных концептов : состояние и тенденции // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. — 2016. — № 5. — С. 670–674.
- Горбунова М. Ю.* Ценностные доминанты турецкой традиции : кочевой культурно-исторический пласт // Культура и цивилизация. — 2017. — Т. 7, 4А. — С. 606–615.
- Гребнев Л. В.* Тувинский героический эпос: опыт историко-этнографического анализа. — М. : Восточная литература, 1960.
- Гусейнов Г.-Р.* Тюркская языковая и мифологическая картина мира в ее древнем переднеазиатском контексте // Вопросы востоковедения. — 2021. — № 91. — С. 55–59.
- Дмитриев С. В.* Политическая культура тюрко-монгольских кочевников в историко-этнографической перспективе // Кочевая альтернатива социальной эволюции. — М. : Институт Африки Российской академии наук, 2002. — С. 160–176.
- Досымбаева А. М.* История тюркских народов. Традиционное мировоззрение тюрков. — Алматы : Service Press, 2013.

- Жирмунский В. М.* Тюркский героический эпос. — Л. : Наука, 1974.
- Жирмунский В. М., Зарифов Х. Т.* Узбекский народный героический эпос. — М. : Художественная литература, 1947.
- Жумаганбетов Т. С.* Власть кагана в древнетюркской государственной организации // Вестник Челябинского государственного университета. — 2008. — № 34. — С. 14–19.
- Зусман В. Г.* Концепт в системе гуманитарного знания // Вопросы литературы. — 2003. — № 2. — С. 3–29.
- Иванов С. Н.* О «Благодатном знании» Ю. Баласагунского // Благодатное знание / Ю. Баласагунский ; пер. С. Н. Иванова. — М. : Наука, 1983. — С. 518–538.
- Кляшторный С. Г.* Общественные идеалы и социальное устройство в древнетюркских государствах // Государства и народы евразийских степей : от древности к Новому времени / С. Г. Кляшторный, Т. И. Султанов. — СПб. : Петербургское востоковедение, 2009. — С. 182–193.
- Кононов А. Н.* Поэма Юсуфа Баласагунского «Благодатное знание» // Благодатное знание / Ю. Баласагунский ; пер. С. Н. Иванова. — М. : Наука, 1983. — С. 495–517.
- Кочевая альтернатива социальной эволюции. — М. : Институт Африки Российской академии наук, 2002.
- Крадин Н. Н.* Структура власти в кочевых империях // Кочевая альтернатива социальной эволюции. — М. : Институт Африки Российской академии наук, 2002. — С. 79–90.
- Малабаев С. К., Жолдошбек Кызы А.* Дидактико-философские мысли Юсуфа Баласагуни через призму государственного управления новейшей истории Кыргызстана // Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт : Сборник научных статей, Омск, 11–13 июня 2021 года / Ю. В. Попова, Н. В. Кефнер. — Омск : Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 2021. — С. 105–110.
- Миннегулов Х. Ю.* Идея государственности в тюрко-татарской литературе VII–XVI вв. : Монография. — Казань : ЯЗ, 2016.
- Неретина С. С., Огурцов А. П.* Концепты политической культуры. — М. : ИФ РАН, 2011.
- Орлов А. С.* Казахский героический эпос. — М., Л. : Академия наук СССР, 1945.
- Орус-оол С. М.* Тувинские героические сказания : (Текстология, поэтика, стиль). — М. : МАКС-пресс, 2001.
- Пухов И. В.* Якутский героический эпос олонхо. Основные образы. — М. : Академия наук СССР, 1962.
- Сапашев О. С.* Принципы представления картины мира у народов Центральной Азии // Вестник КазНУ. Серия востоковедения. — 2020. — Т. 95, № 4. — С. 70–81.
- Сикалиев (Шейхалиев) А. И.-М.* Ногайский героический эпос. — Черкесск : КЧИГИ, 1994.

- Ситдыкова А. Ф.* К вопросу определения базового концепта «төс» и его семантического поля на примере цветообозначений в татарском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 5. — С. 163–168.
- Смагулова Г.* Тюркская языковая картина мира в фразеологизмах // *Turkic Studies Journal*. — 2020. — Т. 2, № 1. — С. 63–71.
- Суразаков С. С.* Алтайский героический эпос. — М. : Наука, 1985.
- Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / Э. Л. Львова, И. В. Октябрьская, А. М. Сагалаев, М. С. Усманова. — Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1988.
- Тувинские героические сказания / сост. С. М. Орус-оол. — Новосибирск : Наука, 1997.
- Уланов М. С.* Тенгрианство в истории и культуре кочевников Центральной Азии // Новые исследования Тувы. — 2022. — № 3. — С. 103–115.
- Урманче Ф. И.* Тюркский героический эпос. — Казань : ИЯЛИ, 2015.
- Урманчиев Ф.* Героический эпос татарского народа. — Казань : Татарское книжное изд-во, 1984.
- Харитонова В. И.* Тувинский (нео)шаманизм как культовая и целительская практика в современном мире / Новые исследования Тувы. — 2018. — URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/806> (дата обр. 15 нояб. 2023).
- Хертек Л. К.* Своеобразие эпической синонимии (на материале тувинских героических сказаний) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 1. — С. 49–52.
- Шайхутдинова З. Р.* Понятие «концепт» в тюркской языковой картине мира // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. — 2017. — № 3. — С. 132–139.
- Шевырко А. И., Кошлаков Д. М.* Концепт и проблема перевода // *Nomothetika* : Философия. Социология. Право. — 2020. — Т. 45, № 1. — С. 59–68.

Telebayev, G. T., A. N. Altaybayeva, and A. M. Bekseyit. 2024. "Politicheskiye kontsepty v traditsionnom tyurkskom miroponimani [Political Concepts in the Traditional Turkic Worldview]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (3), 176–206.

TELEBAEV GAZIZ

DOCTOR OF LETTERS IN PHILOSOPHY

PROFESSOR

AL-FARABI KAZAKH NATIONAL UNIVERSITY (ALMATY, KAZAKHSTAN); ORCID: 0000-0003-1343-9867

ALTAIBAEVA AYAULYM

PHD STUDENT

AL-FARABI KAZAKH NATIONAL UNIVERSITY (ALMATY, KAZAKHSTAN); ORCID: 0009-0007-3323-1832

BEXEIT ASYLZAT

PHD STUDENT

AL-FARABI KAZAKH NATIONAL UNIVERSITY (ALMATY, KAZAKHSTAN); ORCID: 0009-0000-6672-1984

POLITICAL CONCEPTS IN THE TRADITIONAL TURKIC WORLDVIEW

Submitted: Jan. 22, 2024. Reviewed: May 15, 2024. Accepted: July 16, 2024.

Abstract: The article examines political concepts in the traditional Turkic worldview. The choice of the traditional Turkic worldview in the context of the main objects of analysis is justified: the Tuvan heroic epic "Hunan Kara" and the ethical and political treatise of Zhusup Balasaguni "Kutadgu Bilig". The basic political concept of the Turkic worldview—"El", which is often used as denoting "country", "state", and "people", is analyzed. It is concluded that the concept of "country" was important in the early stages of Turkic history, which was reflected in the Turkic heroic epic. In the poem "Kutadgu Bilig" this concept acts as a consequence of state power. The concept of "people" is conveyed in Turkic sources by the terms "budun", "bodun", "ara-albytyzy". It is very significant in "Kutadgu Bilig" as a criterion for the success of the beak's power and also has two original semantic shades in the Turkic worldview. The multifaceted concept of "state" in the classical Turkic worldview is mainly conveyed by the term "Töri" and includes such semantic units as "ruler", "power", "law". During the era of the Turkic heroic epic, concepts such as "hereditary power" and "government of the state" gained significance. The concept of "state" was most developed in the poem "Kutadgu Bilig". There, the term's versatility increased through the addition of such concepts as "law", "justice", "personal qualities of the ruler", "political positions", all key to the political understanding of the world.

Keywords: Turkic Worldview, Turkic Political Concept, Tuvan Heroic Epic Hunan Kara, Ethical and Political Treatise Kutadgu Bilig by Zhusup Balasaguni, Basic Concept of Country, Concept of People, Concept of State, Concept of Military Valor.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-176-206.

REFERENCES

Abzhanov, Kh. 2012. "Sotsiokul'turnyye tsennosti i oriyyentiry drevnetyurkskogo obshchestva [Sociocultural Values and Principles of the Ancient Turkic Society]" [in Russian]. In *Tyrko-logiyalyk zertteuler [Turkic Culture]*, ed. by G. Saridolda, 356–366. Astana: "Sary-arqa" baspa yyi.

- Akimtseva, Yu. V. 2017. "Otlichitel'nyye osobennosti terminov 'kontsept' i 'ponyatiye' [Distinctive Features of the Terms 'Concept' and 'Notion']" [in Russian]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues], no. 7, 61–63.
- Alefirenko, N. F. 2010. "Kontsept — ponyatiye — kategoriya v svete sovremennoy lingvokognitivistiki [Concept — Notion — Category in the Light of Modern Cognitive Linguistics]" [in Russian]. *Nauchnyye vedomosti BelGU. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Scientific Bulletin of BelSU. Series Humanitarian sciences] 18 (7): 5–12.
- Ayazbekova, S. Sh. 2011. *Kartina mira etnosa: Korkut-ata i filosofiya muzyki kazakhov* [The Ethnic View of the World: Korkut-ata and the Philosophy of Kazakh Music]: Monografiya [Monograph] [in Russian]. 2nd ed. Astana: TOO "Baspa — AS".
- Ayupov, N. G. 2012. *Tengrianstvo kak otkrytoye mirovozzreniye. Monografiya* [Tengrism as an Open Worldview. Monograph] [in Russian]. Almaty: KazNPU im. Abaya / Kiye [KazNPU named after Abay and Kie].
- Balasagunskiy, Yu. 1983. *Blagodatnoye znaniye* [Graceful Knowledge] [in Russian]. Trans. by S. N. Ivanov. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Bezertinov, R. N. 2006. *Drevnetyurkskoye mirovozzreniye "Tengrianstvo". Uchebnoye posobiye* [Ancient Turkic Worldview "Tengrianism". Study Guide] [in Russian]. Kazan': RITs "Shkola".
- Dmitriyev, S. V. 2002. "Politicheskaya kul'tura tyurko-mongol'skikh kochevnikov v istoriko-etnograficheskoy perspektive [Political Culture of the Turkic-Mongol Nomads in Historical and Ethnographic Perspective]" [in Russian]. In *Kochevaya al'ternativa sotsial'noy evolyutsii* [The Nomadic Alternative to Social Evolution], 160–176. Moskva [Moscow]: Institut Afriki Rossiyskoy akademii nauk [Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences].
- Dosymbayeva, A. M. 2013. *Istoriya tyurkskikh narodov. Traditsionnoye mirovozzreniye tyurkov* [History of the Turkic Peoples. Traditional Worldview of the Turks] [in Russian]. Almaty: Service Press.
- Fedorova, L. V., ed. 2018. *Vera v Tengri (Izbrannoye: sbornik statey)* [Faith in Tengri (Selected: Collection of Articles)] [in Russian]. Yakut-sk: Dani-Almas.
- Golikova, T. A. 2008. "'YER-SU' kak bazovyy kontsept tyurkskoy kartiny mira ['YER-SU' as a Basic Concept of the Turkic Picture of the World]" [in Russian]. *Ekonomika. Pravo. Lingvistika* [Economy. Law. Linguistics], no. 15, 101–107.
- . 2016. "Issledovaniye tyurkskikh etnospetsifichnykh kontseptov [Research of Turkic Ethno-Specific Concepts]: sostoyaniye i tendentsii [Status and Trends]" [in Russian]. *Dinamika yazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoy Rossii* [Dynamics of Language and Cultural Processes in Modern Russia], no. 5, 670–674.
- Gorbunova, M. Yu. 2017. "Tsennostnyye dominanty turetskoy traditsii [The Dominating Values of the Turkish Tradition]: kochevoy kul'turno-istoricheskiy plast [Nomadic Cultural and Historical Layer]" [in Russian]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization] 7 (4A): 606–615.
- Grebnev, L. V. 1960. *Tuvinskiy geroicheskiy epos: opyt istoriko-etnograficheskogo analiza* [The Tuwan Heroic Epic: An Experience of Historical and Ethnographic Analysis] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Vostochnaya literatura.
- Guseynov, G.-R. 2021. "Tyurkskaya yazykovaya i mifologicheskaya kartina mira v yeye drevnem peredneaziat-skome kontekste [The Turkic Linguistic and Mythological Picture of the World in Its Ancient Near Eastern Context]" [in Russian]. *Voprosy vostokovedeniya* [Questions of Oriental Studies], no. 91, 55–59.

- Ivanov, S. N. 1983. "О 'Blagodatnom znanii' Yu. Balasagunskogo [On the 'Blessed Knowledge' of Yu. Balasagunsky]" [in Russian]. In *Blagodatnoye znaniye [Graceful Knowledge]*, by Yu. Balasagunskiy, trans. by S. N. Ivanov, 518–538. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Kharitonova, V. I. 2018. "Tuvinskiy (neo)shamanizm kak kul'tovaya i tselitel'skaya praktika v sovremennom mire [Tuvan (Neo)shamanism as a Cult and Healing Practice in Contemporary World]" [in Russian]. *Novyye issledovaniya Tuvy*. Accessed Nov. 15, 2023. <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/806>.
- Khertek, L. K. 2017. "Svoeobraznye epicheskiye sinonimii (na materiale tuvinskiykh geroicheskikh skazaniy) [Peculiarities of Epic Synonyms (On the Material of Tuvan Heroic Legends)]" [in Russian]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice]*, no. 1, 49–52.
- Klyashtornyy, S. G. 2009. "Obshchestvennyye idealy i sotsial'noye ustroystvo v drevneturkskikh gosudarstvakh [Social Ideals and Social Structure in the Ancient Turkic States]" [in Russian]. In *Gosudarstva i narody yevraziyskikh stepey [States and Peoples of the Eurasian Steppes] : ot drevnosti k Novomu vremeni [From Antiquity to the New Time]*, by S. G. Klyashtornyy and T. I. Sultanov, 182–193. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Peterburgskoye vostokovedeniye [Petersburg Oriental Studies].
- Kochevaya al'ternativa sotsial'noy evolyutsii [The Nomadic Alternative to Social Evolution] [in Russian]. 2002. Moskva [Moscow]: Institut Afriki Rossiyskoy akademii nauk [Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences].
- Kononov, A. N. 1983. "Poema Yusufa Balasagunskogo 'Blagodatnoye znaniye' [Poem by Yusuf Balasagunsky 'Blessed Knowledge']" [in Russian]. In *Blagodatnoye znaniye [Graceful Knowledge]*, by Yu. Balasagunskiy, trans. by S. N. Ivanov, 495–517. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Kradin, N. N. 2002. "Struktura vlasti v kochevykh imperiyakh [The Structure of Power in Nomadic Empires]" [in Russian]. In *Kohevaya al'ternativa sotsial'noy evolyutsii [The Nomadic Alternative to Social Evolution]*, 79–90. Moskva [Moscow]: Institut Afriki Rossiyskoy akademii nauk [Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences].
- L'vova, E. L., et al. 1988. *Traditsionnoye mirovozzreniye tyurkov Yuzhnoy Sibiri. Prostranstvo i vremya. Veshchnyy mir [Traditional Worldview of the Turks of Southern Siberia. Space and Time. The World of Things (1988)]* [in Russian]. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-niye [Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences].
- Malabayev, S. K., and A. Zholdoshibek Kyzy. 2021. "Didaktiko-filosofskiyemyсли Yusufa Balasaguni cherez prizmu gosudarstvennogo upravleniya noveyshey istorii Kyrgyzstana [Didactic and Philosophical Thoughts of Yusuf Balasaguni through the Prism of Public Administration of the Modern History of Kyrgyzstan]" [in Russian]. In *Razvitiye politicheskikh institutov i protsessov: zarubezhnyy i otechestvennyy opyt [Development of Political Institutions and Processes: Foreign and Domestic Experience] : Sbornik nauchnykh statey, Omsk, 11–13 iyunya 2021 goda [Collection of Scientific Articles, Omsk, June 11–13, 2021]*, by Yu. V. Popov and N. V. Kefner, 105–110. Omsk: Omskiy gosudarstvennyy universitet im. F. M. Dostoyevskogo [Omsk State University named after F. M. Dostoevsky].
- Minnegulov, Kh. Yu. 2016. *Ideya gosudarstvennosti v tyurko-tatarskoy literature VII–XVI vv. [The Idea of Statehood in Turkic-Tatar Literature of the 7th–16th Centuries]: Monografiya [Monograph]* [in Russian]. Kazan': YaZ.
- Neretina, S. S., and A. P. Ogurtsov. 2011. *Kontsepty politicheskoy kul'tury [Concepts of Political Culture]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: IF RAN [Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences].

- Orlov, A. S. 1945. *Kazakhskiy geroicheskiy epos [Kazakh Heroic Epic]* [in Russian]. Moskva [Moscow] and Leningrad: Akademiya nauk SSSR [USSR Academy of Sciences].
- Orus-ool, S. M., comp. 1997. *Tuvinskiye geroicheskiye skazaniya [Tuvan Heroic Legends (1997)]* [in Russian]. Novosibirsk: Nauka.
- . 2001. *Tuvinskiye geroicheskiye skazaniya [Tuvan Heroic Legends]: (Tekstologiya, poetika, stil') [Textology, Poetics, Style]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: MAKS-press.
- Pukhov, I. V. 1962. *Yakut-skiy geroicheskiy epos olonkho. Osnovnyye obrazy [Yakut Heroic Epic Olonkho. Main Images]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Akademiya nauk SSSR [USSR Academy of Sciences].
- Sapashev, O. S. 2020. "Printsiy predstavlениya kartiny mira u narodov Tsentral'noy Azii [Principles of Representation of the Picture of the World Among the Peoples of Central Asia]" [in Russian]. *Vestnik KazNU. Seriya vostokovedeniya [Bulletin KazNU. Orientalism Series]* 95 (4): 70–81.
- Shaykhutdinova, Z. R. 2017. "Ponyatiye 'kontsept' v tyurkskoy yazykovoy kartine mira [The Notion of 'Concept' in the Turkic Linguistic Picture of the World]" [in Russian]. *Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. M. Akmully [Bulletin of the Bashkir State Pedagogical University M. Akmully]*, no. 3, 132–139.
- Shvyrkov, A. I., and D. M. Koshlakov. 2020. "Kontsept i problema perevoda [The Concept and the Problem of Translation]" [in Russian]. *Nomothetika [Nomothetika]: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo [Philosophy. Sociology. Law]* 45 (1): 59–68.
- Sikaliev (Sheykhaliyev), A. I.-M. 1994. *Nogayskiy geroicheskiy epos [Nogai Heroic Epos]* [in Russian]. Cherkessk: KChIGI.
- Sitdykova, A. F. 2013. "K voprosu opredeleniya bazovogo kontsepta 'tës' i yego semanticheskogo polya na primere tsvetooboznacheniy v tatarskom yazyke [On the Definition of the Basic Concept 'Color' and Its Semantic Field on the Example of Color Designations in the Tatar Language]" [in Russian]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice]*, no. 5, 163–168.
- Smagulova, G. 2020. "Tyurkskaya yazykovaya kartina mira v frazeologizmakh [Turkic Linguistic Picture of the World in Phraseologisms]" [in Russian]. *Turkic Studies Journal [Turkic Studies Journal]* 2 (1): 63–71.
- Surazakov, S. S. 1985. *Altayskiy geroicheskiy epos [Altai Heroic Epic]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Ulanov, M. S. 2022. "Tengrianstvo v istorii i kul'ture nomadov Tsentral'noy Azii [Tengrianism in the History and Culture of Nomads of Central Asia]" [in Russian]. *Novyye issledovaniya Tuvy [New Researches of Tuva]*, no. 3, 103–115.
- Uрманche, F. I. 2015. *Tyurkskiy geroicheskiy epos [Turkic Heroic Epic]* [in Russian]. Kazan': IYaLI.
- Urmancheyev, F. 1984. *Geroicheskiy epos tatarskogo naroda [Heroic Epic of the Tatar People]* [in Russian]. Kazan': Tatarskoye knizhnoye izd-vo [Tatar Book Publishing House].
- Vasyutin, S. A. 2002. "Tipologiya potestarnykh i politarnykh sistem kochevnikov [Typology of Potestary and Politar Systems of Nomads]" [in Russian]. In *Kochevaya al'ternativa sotsial'noy evolyutsii [The Nomadic Alternative to Social Evolution]*, 63–71. Moskva [Moscow]: Institut Afriki Rossiyskoy akademii nauk [Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences].
- . 2011. "Obraz pravatelya v mental'nykh predstavleniyakh kochevnikov Tsentral'noy Azii v period rannego srednevekov'ya (po pis'mennym i epicheskim pamyatnikam tyurkoyazychnykh narodov) [The Image of the Ruler in the Mental Representations of the Nomads of Central Asia in the Early Middle Ages (Based on Written and Epic Monuments of the Turkic-Speaking Peoples)]" [in Russian]. In *Tyurkologicheskiy sbornik 2009–2010*

- [*Turkological Collection 2009–2010*] : *Tyurkskiye narody Yevrazii v drevnosti i sred-nevekov'ye* [*The Turkic Peoples of Eurasia in Ancient Times and the Middle Ages*], 79–108. Moskva [Moscow]: Vostochnaya literatura.
- Zhirmunskiy, V. M. 1974. *Tyurkskiy geroicheskiy epos* [*The Turkic Heroic Epic*] [in Russian]. Leningrad: Nauka.
- Zhirmunskiy, V. M., and Kh. T. Zarifov. 1947. *Uzbekskiy narodnyy geroicheskiy epos* [*Uzbek Folk Heroic Epic*] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Khudozhestvennaya literatura.
- Zhumaganbetov, T. S. 2008. "Vlast' kagana v drevnetyurkskoy gosudarstvennoy organizatsii" [The Power of the Kagan in the Ancient Turkic State Organization]" [in Russian]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [*Bulletin of the Chelyabinsk State University*], no. 34, 14–19.
- Zusman, V. G. 2003. "Kontsept v sisteme gumanitarnogo znaniya" [On Concept in the System of Humanitarian Knowledge]" [in Russian]. *Voprosy literatury*, no. 2, 3–29.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ
И СОЦИАЛЬНЫЕ УТОПИИ

ИССЛЕДОВАНИЯ. ЧАСТЬ ВТОРАЯ

STUDIES. PART 2

Илья Павлов*

КОНТЕКСТЫ ФИЛОСОФИИ И НАМЕРЕНИЯ ФИЛОСОФОВ**

В ЗАЩИТУ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПОДХОДА
К ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОМУ ИССЛЕДОВАНИЮ

Получено: 05.10.2023. Рецензировано: 28.01.2024. Принято: 16.07.2024.

Аннотация: Статья посвящена проблеме применения методологии интеллектуальной истории (в первую очередь — программы К. Скиннера) к историко-философским исследованиям. Хотя уже Скиннер говорил о его необходимости и сам опирался на результаты аналитической философии языка, релевантность предложенных им подходов для поля теоретической философии часто подвергалась сомнению. В статье выдвигаются три аргумента в защиту применения интеллектуальной истории к истории теоретической философии: во-первых, теоретические подходы, на которые опирался Скиннер, являются философскими и задумывались аналитическими философами языка как применимые для анализа самой философии; во-вторых, метод Скиннера на уровне предмета исследования предполагает учет намерений интеллектуалов прошлого и реальных полемических контекстов, что в случае с историей философии означает внимание к теоретическому содержанию философских концепций и дискуссий и отказ от их редукции к вне-философскому контексту; в-третьих, противопоставление интеллектуальной истории и теоретической философии в англо-американской академии обусловлено спецификой аналитической философии, что означает необязательность подобного противопоставления для других контекстов — в частности, российского. В качестве программы применения интеллектуальной истории к истории философии в статье предлагается комплексная методология, дополняющая идеи Скиннера рядом других подходов, в частности — вниманием И. Хантера к личности философа и практикуемым философами способам мышления, критическим анализом социальной институционализации дискурса

*Павлов Илья Ильич, к. филос. н., старший преподаватель, младший научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), elijahpavloff@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-5355-2584.

**© Павлов, И. И. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Также я хотел бы выразить благодарность Антону Шаблинскому, любезно согласившемуся прочитать и прокомментировать черновую версию статьи, — замечания Антона значительно помогли мне в итоговой доработке текста. К слову, именно обсуждение с Антоном методологии историко-философского исследования, состоявшееся несколько лет назад, стало началом моего интереса к Кембриджской школе. В меньшей мере я признателен Марии Черновской, обратившей мое внимание на идею борьбы за именование у Люббе, и Алексею Козлову, от которого я узнал об учете внеязыковых институциональных отношений в теории речевых актов Серля.

философии в духе М. Фуко, концепцией политических условий философской культуры Э. ван дер Зверде и идеей борьбы за именование Г. Люббе. В статье демонстрируется эвристический потенциал разрабатываемой методологии для более комплексного понимания как идей мыслителей прошлого, так и теоретической философии в целом.

Ключевые слова: история философии, интеллектуальная история, методология истории философии, теория речевых актов, перформативность, Кембриджская школа, история понятий, философская культура.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-209-247.

Подходы интеллектуальной истории, в первую очередь — те из них, которые предлагают историки Кембриджской школы (Квентин Скиннер, Джон Покок и др.), в последние годы все больше привлекают внимание российских исследователей¹, и рефлексия о методологии и дисциплинарном статусе истории философии² — одно из проблемных полей, в которых может осуществляться рецепция этих подходов. В российском контексте на значение для истории философии интеллектуальной истории — как кембриджской методологии, так и идей Ричарда Рорти и французских философов — указывает Ольга Власова (Власова, 2020), однако сам вопрос о легитимности такого применения до сих пор является дискуссионным. Возражения против него, как правило, опираются на представления о дисциплинарной специфике философии: если история философии оказывается подразделом философии, ее задачей является

¹Наиболее значимую роль в популяризации методологии интеллектуальной истории в России играют Михаил Велижев и Тимур Атнашев: их усилиями в 2018 году в издательстве «Новое литературное обозрение» вышел сборник «Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории», объединяющий программные статьи кембриджских историков (Скиннер, Пируская, 2018a; Скиннер, Пируская, 2018b и др.), обзорную статью составителей (Атнашев, Велижев, 2018b) и ряд других текстов; они применяют кембриджскую методологию к российскому контексту (Атнашев, Велижев, 2018a; Велижев, 2022) и выдвигают аргументы в ее защиту, полемизируя с альтернативными направлениями интеллектуальной истории (Атнашев и Велижев, 2022). Конечно, об идеях кембриджских историков пишут и другие российские исследователи, связанные с другими научными площадками; отличие стратегии Велижева и Атнашева состоит в особом акценте на методологической составляющей (Белявский, 2020; Павлов, 2018), что делает их работы наиболее релевантными для обсуждаемой здесь темы. В 2023 году серию русскоязычных изданий значимых для интеллектуальной истории текстов продолжил перевод посвященной истории и теории движения книги Ричарда Уотмора (Уотмор, Эдельман, 2023) — к ней я отсылаю тех, кому хотелось бы получить детальное введение в интеллектуальную историю: в задачи моей статьи такое не входит.

²Какое место история философии занимает в структуре современных гуманитарных дисциплин? К какой области она относится — к философии или к истории? Каким образом анализ вечных философских проблем может сочетаться с выявлением исторически изменчивого и контингентного контекста их постановки? Эти и другие вопросы ставят исследователи: Ажимов, 2014; Душин, 2015 и др.

поиск философской истины, в то время как интеллектуальная история как подраздел истории ищет истину историческую³.

Может ли методология интеллектуальной истории быть продуктивно применена к историко-философскому исследованию, ставящему перед собой в первую очередь философские задачи? В настоящей статье я намерен обосновать возможность такого применения и раскрыть его основные черты. Для этого я покажу, что как методология Кембриджской школы, так и родственные ей стратегии изучения истории философии с учетом контекста философских высказываний, рассмотренных в качестве совершаемых автором действий, отнюдь не являются анти-философскими — напротив, обращение к ним логически вытекает из самой философской рефлексии, а последовательное их применение учитывает автономное теоретическое измерение как предмета истории философии, то есть философских идей прошлого, так и предполагаемого подобными стратегиями понимания философии в целом.

В первой части статьи я обрисую исторические отношения между интеллектуальной историей и теоретической философией и отвечу на возможные возражения против применения интеллектуальной истории к изучению теоретической философии. Во второй же части я намечу перспективы комплексного историко-философского исследования, включающего в себя сильные стороны разных версий интеллектуальной истории и родственных ей оптик, демонстрируя тем самым, каким именно образом интеллектуально-исторический подход может применяться к изучению истории философии без элиминации теоретико-философского измерения и собственно философского интереса.

1. НЕ ВРАГ, А ДРУГ: ВКЛЮЧЕННОСТЬ ТЕОРЕТИКО-ФИЛОСОФСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ В МЕТОД И ПРЕДМЕТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Значение методологии интеллектуальной истории для философии было заявлено уже Квентином Скиннером в хрестоматийной статье 1969 г. «Значение и понимание в истории идей». Формулируя лучший в основу кембриджской методологии принцип анализа текстов как действий, совершаемых авторами в том или ином контексте согласно авторскому

³О подобных возражениях в частности см.: Catana, 2016; Rorty et al., 1984. В этой же логике строится и утверждение, что, поскольку характерный для интеллектуальной истории принцип контекстуальности предполагает обращение в том числе к социальным и политическим контекстам, анализ которых в свою очередь требует использования не только философской рефлексии, но и подходов других наук, методология интеллектуальной истории находится за пределами философии как дисциплины.

намерению⁴, и критикуя целый ряд порождаемых анахроническими подходами мифологий (Скиннер, Пируская, 2018а: 54–97), Скиннер говорил о «философской ценности изучения интеллектуальной истории» и называл возможность диалога между «философской рефлексией и историческим свидетельством» «самой интригующей возможностью» интеллектуальной истории. Он подчеркивал, что «понимание сформулированных в прошлом утверждений, очевидно, ставит особого рода проблемы и может привести к нетипичным выводам, особенно в том, что касается условий изменения языка», и сетовал на игнорирование философами этого факта, говоря о наивности любой попытки «обосновать изучение предмета, ссылаясь на „вечные вопросы“ и „универсальные истины“, которые можно извлекать из классических текстов», поскольку «любое утверждение [...] неизбежно воплощает собой конкретное намерение в конкретной ситуации, обращенное к решению конкретной проблемы и поэтому специфическое для данной ситуации». Скиннер утверждал, что «в философии просто нет вечных вопросов: есть лишь отдельные ответы на отдельные вопросы, причем различных ответов столько же, сколько и вопросов» (там же: 110–111). Другими словами, свой подход, предполагающий критику вневременного прочтения текстов, Скиннер предлагал распространить и на философию.

При этом сам Скиннер полемически не заострял свои идеи против конвенциональных способов философской работы и не требовал, чтобы историки философии с ним безоговорочно соглашались. В частности, во введении к известному сборнику 1984 г. «Философия в истории» Скиннер вместе с Ричардом Рорти и Джеромом Шнивиндом проводил различие между историей философии, которая ищет философскую истину, и интеллектуальной историей, которая ищет истину историческую (Rorty et al., 1984: 7), — это различие Лео Катана называет мирным (Catana, 2016: 134).

В этом же сборнике вышло и знаменитое эссе Рорти «Историография философии: четыре жанра», в котором Рорти понимал интеллектуальную историю в отчасти схожем со Скиннером ключе, поскольку подчеркивал значение постановки вопросов о том, какие цели преследовали интеллектуалы и «в каких отношениях находились с окружающим миром и обществом». Однако главный акцент Рорти делал на междисциплинарности предмета интеллектуальной истории и преодолении

⁴Подробный разбор статьи и оценку ее значения для интеллектуальной истории см.: Уотмор, Эдельман, 2023: 74–85.

жестких классификаций интеллектуалов прошлого на философов, ученых или литераторов. Свой подход Рорти также считал значимым для философии, поскольку тот мог бы помочь традиционным жанрам истории философии стать более самокритичными и, в частности, обращать внимание на различие между современным каноном «великих философов» и реальной влиятельностью интеллектуалов в контексте своей эпохи (Рорти, Джохадзе, 2001: 192–196).

Хотя Катана и оценивает позицию эссе Рорти как полемическую и отличную от мирного духа введения (Catana, 2016: 134), Рорти адресовал сформулированный в духе Скиннера упрек за прочтение истории философии как набора оторванных от эпохи ответов на вечные философские вопросы лишь жанру доксографии, который, по мнению американского философа, «должен сойти со сцены» (Рорти, Джохадзе, 2001: 188–192). По отношению к другим жанрам Рорти занимал примирительную позицию и отнюдь не настаивал на их вытеснении интеллектуальной историей, не выступая и против наиболее противоречащего кембриджскому подходу жанра рациональной реконструкции, предполагающего внеконтекстуальное прочтение идей и аргументов философов прошлого на языке современных дискуссий (там же: 180–183).

Где же в этом случае проходит граница между интеллектуально-историческим и «собственно философским» подходами к истории философии — и, что более важно, насколько эта граница отрефлексирована? Обращение к исследованиям интеллектуальных историков и к тем примерам, которыми они иллюстрируют свои идеи, подводит к мысли, что разделение осуществляется по довольно нехитрому принципу — тематическому: Скиннер и его кембриджские соратники широко известны своими работами по истории политической мысли (Покок, Пируская, 2020; Скиннер, Магун, 2006 и др.); говоря о значимости интеллектуальной истории для истории философии и сетуя на отсутствие контекстуального подхода в классических учебных курсах по философии, Ричард Уотмор ограничивает приводимые примеры областями политической философии и экономической теории (Уотмор, Эдельман, 2023: 31–38); применяющие кембриджскую методологию к российскому контексту Михаил Велижев и Тимур Атнашев также обращаются к проблеме политических языков (Атнашев, Велижев, 2018a)⁵.

⁵В этом плане показательна книга Велижева о Чаадаеве, в которой автор рассматривает общественно-политические контексты публикации первого «философического письма»

Заложена такая тенденция была уже в «Значении и понимании...», где, по замечанию Катаны, Скиннер также ограничивался примерами из истории практической философии (Catana, 2016: 134)⁶. Более того, Катана показывает, что подобная ситуация характерна не только для сторонников непосредственно кембриджской традиции: в эссе Рорти интеллектуальная история также иллюстрировалась примерами из практической, в первую очередь, политической философии, в то время как жанр рациональной реконструкции — из теоретической (ibid.: 135). Другими словами, несмотря на слова об актуальности интеллектуальной истории для философии вообще, Скиннер и Рорти не наметили перспектив для применения контекстуальной методологии к истории теоретической философии — что и подтверждается тематикой интеллектуально-исторических исследований, — и хотя они эксплицитно не декларировали дисциплинарное отделение интеллектуальной истории от теоретической философии, может сложиться впечатление, что сами принципы прочтения текстов как действий, совершаемых в контексте, релевантны только для практической философии.

Такое положение дел подталкивает к выводу, что различие между предметными областями философов-теоретиков и интеллектуальных историков столь непреодолимо, что их продуктивное сотрудничество невозможно. Хотя и раздаются отдельные голоса в поддержку такого сотрудничества (Frasca-Spada, 1996; Schneider, 1996; Hutton, 2014), общей тенденцией остается его отсутствие. Указывая на неудачи попыток Скиннера наладить диалог между историками и философами, Уотмор замечает, что некоторые философы в ответ на его аргументы попросту «спрашивали, что уж такого страшного в анахронизмах, учитывая, что интересы и устремления философов лежат совершенно в иной плоскости, нежели у историков» (Уотмор, Эдельман, 2023: 113). Так же и Катана, обращаясь к различию бэкграундов историков и философов, констатирует продолжающееся разделение (Catana, 2016: 139).

Однако этим сюжетом отношения интеллектуальной истории и теоретической философии не ограничиваются, поскольку их второй стороной

(Велижев, 2022), оставляя в стороне последующие письма, куда более насыщенные по философскому содержанию.

⁶Справедливости ради следует указать, что в статье 1988 года «Ответ моим критикам» Скиннер иллюстрировал свой подход в том числе сюжетом из теоретической философии Декарта (Скиннер, Пируская, 2018с: 327–328), однако подобные примеры для текстов кембриджских историков являются редкостью.

является тот факт, что методология Кембриджской школы сама строилась на результатах теоретической философии, в первую очередь — на аналитической философии языка Витгенштейна и Остина (Атнашев и Велижев, 2022: 289). В «Значении и понимании...» Скиннер ссылался (Скиннер, Пируская, 2018а: 106–108)⁷ на работу Остина «Как совершать действия с помощью слов», в которой тот развивал теорию речевых актов⁸, основанную на представлении о перформативном измерении языка. Последнее связано с проведенным Остином различием между констативными высказываниями — истинными или ложными суждениями о фактах, — и перформативными, самим своим совершением создающими новые факты (Остин, Макеева и Руднев, 1999: 17–43). Это различие в более систематическом виде развивало предложенную поздним Витгенштейном в «Философских исследованиях» практическую теорию языка как набора языковых игр, правила которых задаются социальным контекстом и многообразие которых не может быть сведено к практикам описания объектов реальности (Витгенштейн, Козлова и Асеев, 1994: 80–127 и др.)⁹. Размышления Скиннера о взаимосвязи авторского намерения и контекста (Скиннер, Пируская, 2018b; Скиннер, Пируская, 2018c), как и исследования представителей Кембриджской школы в целом (Уотмор, Эдельман, 2023: 69–73), могут быть сопоставлены с дальнейшим развитием философии языка в работах Грайса, более систематически, чем Витгенштейн и Остин, рассматривавшего влияние на семантику и прагматику высказываний факта коммуникации и взаимосвязи намерений говорящего с ожиданиями слушающего и конвенциями сообщества (Макеева, 2020: 71–74).

На теоретической философской рефлексии строится и поворот от вневременной философии «вечных вопросов» к междисциплинарной истории интеллектуалов, совершаемый Рорти, что становится понятным при рассмотрении этого поворота в связи с собственным проектом

⁷Также ссылки Скиннера на Витгенштейна и Остина см.: Скиннер, Пируская, 2018а: 294–297, 329 и др.

⁸Для подхода Скиннера особенно значимо выделение Остином локутивных (основанных на буквальной референции), иллокутивных (связанных с намерениями говорящего) и перлокутивных (определяющихся оказываемым эффектом) речевых действий (Остин, Макеева и Руднев, 1999: 87–93). На основе идеи иллокутивных действий Скиннер и говорил о необходимости анализа авторских намерений для понимания смысла высказывания.

⁹Ср. акцент Остина на перформативном измерении языка с тезисом Витгенштейна: «Слова суть дела» (Витгенштейн, Козлова и Асеев, 1994: 232).

Рорти¹⁰, за которым так же, как за идеями Остина и позднего Витгенштейна, стоял отказ от трактовки языка как пассивного отражения реальности. Критикуя восприятие философии как «зеркала природы», Рорти отвергал платоновский образ философа-царя и вводил идею «герменевтического салона», в котором философ осуществляет медиацию между различными дискурсами. В своей критике Рорти также опирался на аналитическую философию, привлекая куда больший спектр аргументов, чем Скиннер, — в частности, обращаясь к идеям Куайна и к проблематике философии сознания (Рорти, Целищев, 1997).

Таким образом, методологически интеллектуальная история восходит к результатам теоретической рефлексии в аналитической философии, однако при этом именно теоретическая философия становится камнем преткновения в вопросе о применимости подходов интеллектуальной истории к истории философии. Есть ли серьезные философские возражения против анализа теоретической философии методами интеллектуальной истории — или, напротив, философская рефлексия подталкивает нас к необходимости такого анализа?

Аргумент 1. Как было отмечено выше, философы склонны воспринимать интеллектуальную историю как нечто чуждое их проблемному полю и их теоретическим интересам. Да, могут сказать они, интеллектуальная история применяется к анализу исторических текстов как действий идеи аналитических философов, но делает это в поиске исторической истины, а не ради решения проблем теоретической философии, по отношению к которым является внешним предприятием, располагаясь за пределами философии как дисциплины. Действительно ли это так — или же автономный интерес к философской рефлексии и философским проблемам, напротив, предполагает применение интеллектуальной истории к самой философии?

Для ответа на этот вопрос следует вспомнить историю аналитической философии, на результаты которой опираются интеллектуальные историки. Заложившие основания аналитической философии Фреге, Рассел и ранний Витгенштейн обратились к философии языка не из интереса к последнему как таковому, а из желания на основе анализа его семантических структур разработать подход, который позволил бы с научной строгостью решить проблемы теоретической философии¹¹.

¹⁰На момент выхода сборника «Философия в истории» книга Рорти «Философия и зеркало природы» уже была опубликована (1979).

¹¹Об аналитической философии данного периода см.: Макеева, 2011: 13–77.

Аналитическую философию языка часто прочитывают (Рорти, Чернокутов, 2004: 323–328; Макеева, 2011: 7–10) как продолжение проекта Канта, предложившего идею критики разума как альтернативу «догматизму» — претензии на философское познание без предварительного анализа тех наших способностей, с помощью которых это познание осуществляется¹², — и разработавшему стратегию трансцендентального исследования этих способностей как условий возможности познания¹³. По мысли Канта, такая критика разума позволила бы, с одной стороны, ограничить сферу компетенций разума, отказавшись от теоретизирования на темы, выходящие за пределы этих компетенций, а с другой, получить точное знание о том, что из структуры познавательных способностей непосредственно выводится. В отсутствии подобной критики разума в предшествующей философии Кант и видел причину неудачи метафизики как науки (Кант, Лосский, 1999: 22–47).

Продолжая жест Канта, аналитические философы обратили внимание на неразрывную связь философской — да и любой — теории с языком: задавая вопросы и предлагая ответы, философы формулируют суждения в языке, причем предполагают, что эти суждения являются осмысленными и истинными. В этом случае для понимания возможностей теоретической философии оказывается необходимым анализ условий истинности и осмысленности, который аналитические философы периода до «Философских исследований» позднего Витгенштейна осуществляли методами логического анализа — применяя затем результаты этого анализа к рефлексии о философии и критикуя непродуктивные способы философского теоретизирования как исходящие из неправильного понимания языка¹⁴.

В дальнейшем аналитическая философия отказалась от стратегии априорного решения философских вопросов путем логического анализа в его классическом виде¹⁵, и развивающий этот отказ Рорти прямо

¹² «Наша критика направлена [...] против догматизма, т. е. [против] притязания продвигаться вперед с помощью одного только чистого знания из понятий (философских) согласно принципам, давно уже употребляемым разумом, не осведомляясь о правах разума на эти принципы и о способе, каким он дошел до них» (Кант, Лосский, 1999: 46).

¹³ «Я называю трансцендентальным всякое знание, занимающееся не столько предметами, сколько нашей способностью познания предметов, поскольку оно должно быть возможным *a priori*» (там же: 68).

¹⁴ Наиболее известный пример такого применения — статья Рудольфа Карнапа «Преодоление метафизики логическим анализом языка» (Карнап, Кезин, 1993).

¹⁵ Во многом благодаря проделанной Куайном критике разделения аналитических и синтетических суждений (Куайн, Дмитриев, 2000: 342–358). Однако и последующие

противопоставлял свои идеи трансцендентальному проекту Канта и его продолжению у ранних аналитических философов, выявляя ориентацию традиционного трансцендентального исследования на априорные условия возможности и подчеркивая его отличие от подходов естественных и исторических наук, обращенных к эмпирическому и действительному (Рорти, Черноскутов, 2004: 323, 326–328). Конечно, сам Кант требовал чистоты трансцендентального уровня, связанного с априорными условиями, от всего эмпирического (Кант, Лосский, 1999: 68), однако отход от кантианского априоризма можно сформулировать и в ином, чем у Рорти, ключе — не отвергая вопрос об условиях возможности философии, а переводя его с уровня априорного логического анализа на уровень связанных с философией реальных речевых практик¹⁶. Так, поздний Витгенштейн в «Философских исследованиях» отнюдь не отказывался от характерных для ранней аналитической философии притязаний на основе анализа языка понять природу, возможности и задачи самой философии (Витгенштейн, Козлова и Асеев, 1994: 127–132 и др.) — но лишь расширял этот анализ, включая в него все многообразие контекстуально обусловленных языковых игр. Подобным же образом можно оценивать и философию языка Остина и Грайса — не просто как разработку одной из «философий родительного падежа», а как инструментарий, могущий быть примененным к анализу возможностей теоретической философии как существующей в языке¹⁷.

В эту же линию вписывается и методология интеллектуальной истории. Отталкиваясь от критического обнаружения, что теоретическая философия определяется возможностями языка и существует — как мы понимаем после Витгенштейна, Остина и Грайса — в речевых актах, совершаемых философами в социальном контексте, согласно языковым конвенциям и с определенным намерением, интеллектуальная история добавляет к анализу языка темпоральное измерение, замечая, что речевые акты философов не осуществляются где-то вне времени,

аналитические философы предлагали стратегии решения философских проблем путем анализа семантики языка, хотя и более нюансированной (Макеева, 2011: 78–269).

¹⁶В подобном ключе об условиях возможности говорил Мишель Фуко, которого сложно заподозрить в априоризме (Фуко, Табачников, 1996: 80).

¹⁷Серьезность притязаний аналитической философии языка целиком разделяется Скиннером: характерно его утверждение, что практикуемый им подход к пониманию текстов применим не только к истории политической мысли, но и к анализу любых высказываний вообще, включая философию и литературу (Скиннер, Пирусская, 2018с: 329–332).

а локализованы исторически¹⁸, и предлагая программу изучения связи с этой локализацией теоретического измерения философии. При таком ракурсе рассмотрения противопоставление теоретической и исторической истин снимается, поскольку достоверное изучение исторических фактов философии прошлого оказывается значимым для уточнения того, что вообще такое философия, и дальнейшего выявления условий возможности философского познания.

Аргумент 2. Что ж, могут сказать мне, на уровне метода интеллектуальная история, пожалуй, имеет философское значение как основанная на аналитической философии языка, которая разрабатывалась с целями последующего применения ее результатов к пониманию самой философии. Но когда мы подходим к текстам философов прошлого из позиции интеллектуальной истории, то мы уже на уровне предмета вырываем их из поля философской рефлексии, относя к области истории, а не философии, что вкупе с контекстуальными подходами, которые пропагандируют интеллектуальные историки, приведет к объяснению фактов философской мысли вне-философскими историческими процессами — например, экономикой, социологией и политикой, — устраняя из текстов философов прошлого собственно философское содержание и редуцируя работу с историей философии к методологии внешних по отношению к философии дисциплин. Подобные опасения понятны. Действительно, существуют подходы к философии, сводящие последнюю к внешним ей факторам; старшее поколение российских исследователей может вспомнить советские практики написания истории философии.

Хотя при разговоре о перспективах применения интеллектуальной истории к истории философии обычно на передний план выводят акцент Скиннера на контекстуальности и предпринятую им критику вневременных подходов (Hutton, 2014: 928–935; Власова, 2020: 108–109), не стоит забывать о втором фронте полемики кембриджского историка, направленной также против тех способов контекстуализации, которые полностью игнорируют авторские намерения (Скиннер, Пируская, 2018а: 97–109). Такая позиция характерна не только для Скиннера: с критикой противоречащих авторским намерениям способов контекстуализации — как марксистского, так и других, — выступают и другие

¹⁸В этом и состоит философское значение критики Скиннером разного рода анахронизмов. Об интеллектуальной истории в контексте «темпорального поворота» см.: Атнашев и Велижев, 2022: 293–296.

интеллектуальные историки¹⁹. В случае работы с историей философии внимание к авторскому намерению философа позволяет сохранить теоретический уровень, не редуцируя его к не-философскому контексту: интеллектуальный историк должен учитывать, что, публикуя тот или иной текст, философ намеревался предложить аргумент, указать на противоречие в позиции оппонента или разработать новую концепцию, принимая участие в теоретической дискуссии.

Более того, и акцент Скиннера на контекстуализации так же работает в пользу чувствительности к автономии теоретического уровня философии прошлого, а не против него²⁰, поскольку интеллектуальная история предполагает внимание в первую очередь к реальному полемическому контексту, а не к экономическому или какому-то другому. Иначе говоря, интеллектуальный историк будет помещать высказывание философа в рамки той полемики, в которой тот действительно участвовал; для многих специальных проблем философии это будет дискуссия внутри философского сообщества. Работая, например, с текстами Аристотеля, интеллектуальный историк, ставящий целью обнаружить наиболее исторически достоверную интерпретацию исходных намерений и контекстов, будет отдавать предпочтение трактовкам, отталкивающимся от полемики Аристотеля с Платоном, а не тем, которые прочитывают наследие античных философов из современных политических дискуссий.

Таким образом, характерное для интеллектуальной истории внимание и к намерениям авторов, и к полемическому контексту позволяет блокировать стратегии вроде сведения метафизики Аристотеля к интеллектуальной легитимации привилегий белого мужчины-работодателя, а неокантианской эпистемологии — к отвлечению рабочих масс от классовой борьбы. В вопросе сохранения автономии теоретико-философского содержания, обнаруживаемого историей философии в идеях и дискуссиях мыслителей прошлого, от внешних этому содержанию

¹⁹Подробной критике марксизма и социального детерминизма посвящена классическая статья Хейдена Уайта (White, 1969). Также см. полемику Атнашева и Велижева с постструктуралистскими редукциями языка к отношениям власти (Атнашев и Велижев, 2022: 284–292). На цели интеллектуалов предлагал обращать внимание и Рорти (Рорти, Джогадзе, 2001: 193).

²⁰См. ранее упомянутый пример с Декартом, где Скиннер обращается к контексту полемики с ширронизмом для понимания теории уверенного знания (Скиннер, Пируская, 2018с: 327–328).

объяснений интеллектуальная история оказывается другом философов, а не их врагом²¹.

Аргумент 3. Мой третий аргумент будет сформулирован в духе самой интеллектуальной истории — через обращение внимания на тот контекст, в котором возникает противопоставление теоретической философии исторической оптике. Этим контекстом выступает аналитическая философия.

Ставка интеллектуальной истории на аналитическую философию создала проблему, связанную, однако, не с неприятием теоретических основ подхода интеллектуальной истории (которые в аналитическую традицию как раз-таки вписываются), а с более фундаментальным противопоставлением философии и истории философии, которое Катана находит в позиции Куайна и других аналитических философов, считавших аналитическую философию кульминацией развития философии (Catana, 2016: 135–137). В рамках этого противопоставления аналитические философы если и обращались к истории философии, то делали это в поисках аргументов, значимых для современных дискуссий. На фоне подбора легитимных философов прошлого, возникающего при проецировании на историю философии представлений современных аналитических философов о философии и способах философской аргументации²², становится более понятным и намерение Рорти с помощью интеллектуальной истории ввести в поле рассмотрения тех мыслителей, которые не считаются полноценными философами в рамках других жанров.

Обнаружение контекстуальной обусловленности противопоставления философии и интеллектуальной истории позволяет заключить, что подобное противопоставление не является чем-то вечным, универсальным

²¹С иронией замечу, что игнорирующие намерения авторов и полемические контексты подходы к истории философии обычно предлагали не историки, а философы. Идеальный враг философа — другой философ, придерживающийся альтернативной философской концепции, а отнюдь не историк. Что касается проблемы социологических объяснений философии, то разбираемый во втором аргументе сюжет не относится исключительно к философии, а представляет собой частный случай дискуссий вокруг сильной программы социологии знания (Блур, Гавриленко, 2002). Осмелюсь предположить, что методология Кембриджской школы, в равной мере чувствительная как к контексту, так и к авторским намерениям, может стать решением этой проблемы для истории не только философии, но и других наук.

²²См. об этом свидетельство Хилари Патнэма, упоминавшего, в частности, неконвенциональный для аналитической философии статус Кьеркегора, Маркса и Фрейда (Боррадори, Никифоров и др., 1999: 72–86).

и вытекающим из самой природы философии, но заложено в определенных особенностях локальной академической традиции, которые отнюдь не обязаны разделять философы, работающие в других контекстах — например, в российском²³. В этом плане поле отечественных историко-философских исследований представляет собой довольно благоприятную почву для рецензии интеллектуально-исторических подходов. Многие российские историки философии и без прямой опоры на кембриджскую методологию работают в близком последней ключе, предлагая стратегии рассмотрения текстов философов в историческом контексте, реконструируемом с применением подходов других гуманитарных наук²⁴, так что обращение к кембриджской оптике может практиковаться для уточнения методологических и концептуальных оснований уже существующего стиля историко-философской работы. То же касается и идей Рорти, которые в российском контексте звучат куда менее провокационно, чем в Америке, поскольку главный конкурент интеллектуальной истории — жанр рациональной реконструкции — в России не распространен²⁵, а многие «фигуранты» интеллектуальной истории по Рорти (Рорти, Джохадзе, 2001: 193–194), не вписывающиеся в канон аналитической философии, у нас воспринимаются как вполне легитимный предмет историко-философского интереса.

Но если для российской академии аналитическая философия не является нормативной, то почему отечественные историки философии должны использовать подходы, опирающиеся на идеи Остина и Витгенштейна? На это следует ответить, что сам поворот к прагматическому, контекстуальному и перформативному измерению языка происходил не только в аналитической философии, но охарактеризовал собой развитие

²³Так, Феликс Ажимов, рефлексирова об отношениях теоретической философии и истории философии, дистанцируется от позиции Куайна (Ажимов, 2014: 29).

²⁴Среди таких стратегий выделяют (Ажимов и Леонидова, 2016) подход Виталия Куренного, предлагающего модель взаимодействия истории философии с другими гуманитарными науками на основе идей Дильтея и Целлера (Куренной, 2006), и методологию Татьяны Щедриной, строящуюся вокруг концепта «архив эпохи» (Щедрина, 2009). Аргументы Куренного против вневременного подхода к истории философии, критика идеи «чистой философии» и требование учитывать при работе с историей философии социальный и культурный контекст (Куренной, 2004: 5–10) особенно близки кембриджской методологии.

²⁵Куренной связывает это с отсутствием в российской академии одной доминирующей философской традиции вроде аналитической философии или феноменологии (там же: 12–16).

современной философии в целом. Этот поворот, в аналитической философии осуществленный поздним Витгенштейном, Рорти находил также в «Бытии и времени» Хайдеггера (Рорти, Чернускутов, 2004), а Карл-Отто Апель — в широком диапазоне направлений от прагматизма Пирса до философской герменевтики²⁶. Апель рассматривал этот спектр как продолжение трансцендентального проекта Канта (Апель, Куренной и Скуратов, 2001), что особенно важно в контексте первого аргумента.

2. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ: ВОЗМОЖНАЯ ОПТИКА КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Теперь рассмотрим, в каком направлении могло бы развиваться интеллектуально-историческое исследование истории философии, — для краткости такое исследование можно называть интеллектуальной историей философии, — и каковы его эвристические возможности. Итак, интеллектуальная история философия должна учитывать следующие аспекты:

1. *Перформативность речевого акта, его исторический контекст и авторское намерение* — все то, что традиционно выделяется в рамках кембриджского подхода к анализу текстов как действий. При этом данные принципы, сформулированные Скиннером, могут быть развиты и дополнены — особенно учитывая замечание Александра Павлова, что кембриджская методология представляет собой открытый проект для дискуссий, а не нечто устоявшееся (Павлов, 2018: 291).

2. *Личность философа и перформативный характер философии как культивации определенного способа мышления*. Говоря о стратегиях применения идей кембриджских теоретиков к философии, нельзя не упомянуть выделяемый Уотмором (Уотмор, Эдельман, 2023: 113–114) подход Иэна Хантера. Хантер предлагает задействовать методологию кембриджской школы для того, чтобы заменить абстрактное представление о субъекте познания в духе Канта на понятие личности философа, осуществляющего в том или ином историческом контексте определенные речевые акты, способы мышления, логические и риторические техники,

²⁶На философскую герменевтику опирается родственный Кембриджской школе проект немецкой истории понятий (Гелдерен, Мовнина, 2018: 383–386). В герменевтической традиции — и у Хайдеггера, и у Гадамера, и в более ранних подходах, к которым обращается Куренной (Куренной, 2006), — мы обнаруживаем не менее последовательное, чем у Скиннера, внимание к исторической темпоральности философии. При этом сам Скиннер относился к ряду положений герменевтики Гадамера и их использованию другими теоретиками довольно критически (Скиннер, Пируская, 2018с: 258, 312–313, 322–325, 334).

и писать историю философии исходя из образа человеческого разума, рефлекслирующего о себе (Hunter, 2007: 583–584)²⁷. Хантер применяет свой подход непосредственно к истории теоретической философии (метафизики и эпистемологии), так что теоретическая философия в его оптике оказывается культивацией определенного способа мышления и самосознания посредством интеллектуальных техник, разрабатываемых и практикуемых философами (ibid.: 587–590). Другими словами, ту перформативность, которую Скиннер вслед за Остином обнаруживает в речевых актах, Хантер распространяет и на сами акты философского мышления.

Подходу Хантера близки размышления ряда российских историков философии, также выделяющих личностное измерение философии как определенной практики себя. Так, Ольга Власова указывает на значение интеллектуальной истории для выявления условий возможности философии как «практики мудрости, жизни по правде, правдивого высказывания»; для реконструкции этого измерения Власова обращается не только к идеям Скиннера и Рорти, но и к герменевтическому проекту Дильтея, а также к французской школе истории философии — в частности, к Мишелю Фуко²⁸ (Власова, 2020: 107–109), на которого ссылается и Хантер (Hunter, 2007: 587). При этом, по Власовой, не только философия, но и сама история философии, прошедшая школу интеллектуальной истории, может быть практикой культивации философского самосознания (Власова, 2020: 111), и именно в этом ключе Власова прочитывает Фуко, сближая его как историка философии с Пьером Адо (там же: 107), трактовавшим философию как способ жить (Адо, Воробьев, 2005), и Карлом Ясперсом (Власова, 2014). Александр Дьяков, обращающийся, как и Власова (Власова, 2017), к теме самосознания историка философии, использует эту оптику для рефлексии об отношениях истории философии с другими дисциплинами (Дьяков, 2019b) и, подобно Хантеру, говорит о повороте истории философии

²⁷Такой взгляд на историю философии представляет альтернативу не только позиции аналитических философов, но и более традиционному подходу в духе Куно Фишера, в рамках которого главной задачей истории философии становится реконструкция философских систем мыслителей прошлого. Историографический концепт «система философии» критически анализируется у Катаны (Catana, 2008); ср. идеи Катаны с критикой «мифа системности» у Скиннера (Скиннер, Пирусская, 2018a: 68–69).

²⁸В связи с поднятыми Власовой темами особенно важны лекции позднего Фуко о парресии (Фуко, Карелечкин, 2020). О проблеме парресии у Фуко в контексте французской школы истории философии эксплицитно говорит Александр Дьяков (Дьяков, 2016: 181).

к фигуре философа, хотя и в связи с французской философией (Дьяков, 2019a,c), а не кембриджской методологией. Так, обращение Хантера и российских историков философии к личности философа и практической культивации философского мышления также актуализирует для интеллектуальной истории философии использование ряда идей Фуко, несправедливо²⁹ отвергаемых сторонниками Кембриджской школы.

3. *Влияние академической институционализации на порядок дискурса философии.* Характерное для интеллектуальной истории внимание к философии как набору речевых актов, рассмотренных в контексте, может быть продуктивно дополнено и другой идеей Фуко — о связи дискурса с регулируемыми его отношениями власти и институциональными структурами (Фуко, Табачников, 1996). На первый взгляд может показаться, что обращение Фуко к сцепке дискурса, власти и институтов находится совершенно в другой теоретической плоскости, чем аналитическая философия языка, однако это не так. В частности, развивавший теорию Остина Джон Серль при анализе критериев успешности речевых актов предлагал учитывать внеязыковые институциональные факторы — например, институты церкви, права, частной собственности и государства, — и те места, которые участники коммуникации занимают

²⁹В отличие от Власовой, ставящей Фуко как историка философии в один ряд с Адо и Ясперсом, сторонники Кембриджской школы помещают его в контекст французского постструктурализма и критикуют в таком виде, в том числе распространяя на Фуко общие упреки постструктурализму, поставившему под вопрос необходимость рассматривать тексты в историческом контексте и отвергавшему принцип языкового реализма (Вотмор, Эдельман, 2023: 57; Атнашев и Велижев, 2022: 284–288). Эти упреки точно не относятся к Фуко, который не только в своих исторических исследованиях, но уже на уровне формулировки исследовательской программы подчеркивал материальность дискурса и его связь с историческим контекстом (Фуко, Табачников, 1996: 79–84). Критика непосредственно Фуко за игнорирование авторского намерения (Атнашев и Велижев, 2022: 286) более обоснована, поскольку, анализируя властные отношения, регулирующие дискурс, французский философ действительно сводил авторство к функции в порядке дискурса (Фуко, Табачников, 1996: 62–65), в то время как Скиннер от подобной оптики дистанцировался (Скиннер, Пируская, 2018c: 312–314). Однако позже Фуко перешел к другому пониманию авторства (Глухов, 2019) — в том числе в связи с акцентированными Власовой и Дьяковым темами практик себя и парресии как свободной речи. Эта часть наследия Фуко, на мой взгляд, позволяет отвести от него и упрек в дегуманизации (Атнашев, Велижев, 2018b: 34–35): дегуманизирующими являются скорее властные практики, вскрытые Фуко, а не программа их критики. При этом я согласен со сторонниками Кембриджской школы в том, что Скиннер более, чем Фуко, даже поздний, чувствителен к авторскому намерению, в связи с чем и предлагаю дополнить кембриджскую методологию отдельными идеями Фуко, а не отказаться от подхода Скиннера в пользу ортодоксального фуколядианства.

в рамках этих институтов (Searle, 1975: 358–361), так что внимание к институциональному измерению дискурса представляет собой не отказ от кембриджской апелляции к теории речевых актов, а учет дальнейшего развития этой теории.

В рамках данной стратегии в первую очередь необходимо выделить связь философии с институциональными структурами академии, поскольку именно они затрудняют диалог между интеллектуальной историей и теоретической философией. Помимо описанной выше связи таковых затруднений с контекстом аналитической философии Лео Катана выделяет и значение чисто институционального разделения между факультетами, на которых работают философы и интеллектуальные историки, а внеконтекстуальный проблемно-ориентированный подход к истории философии, практикуемый аналитическими философами, связывает с дидактическими соображениями (Catana, 2016: 139) — подобно Ульриху Шнайдеру, также объяснявшему специфику существующих историй философии задачами образования (Schneider, 1996: 29–30).

Особую роль в этом вопросе играет понятие дисциплины и, в частности, то влияние дисциплинарных различий на восприятие истории философии, которое обсуждалось уже в классических для интеллектуальной истории текстах. Так, в «Значении и понимании...» Скиннер связывал появление критикуемых им мифологий с тем фактом, что

историк идей, анализируя работы конкретного автора, неизбежно руководствуется каким-то представлением об определяющих чертах дисциплины, в которую этот автор, как предполагается, внес некий вклад (Скиннер, Пиресская, 2018a: 76).

Во введении к «Философии в истории» эта связь также оговаривалась, причем авторы введения подчеркивали влияние на восприятие истории философии не только дисциплинарного разделения историков и философов, но и различия субдисциплин внутри самой философии³⁰. Собственно, эту классическую стратегию, полемически ее заостряя, и продолжал Шнайдер, связавший традиционные истории философии с воспроизводством дисциплинарных конвенций³¹.

³⁰Замечая, например, что специалисты в метафизике, социальной философии и философии религии будут считать собеседниками Спинозы разных философов и, соответственно, прочитывать его тексты из разных полемических контекстов (Rorty et al., 1984: 3).

³¹ «Конвенциональные истории философии конвенциональны не только в смысле обыденности; они конвенциональны потому, что выражают и поддерживают дисциплинарные и культурные конвенции относительно того, каково это — философствовать (точно так

Полезные инструменты для анализа институциональных процедур производства дисциплинарных различий можно найти уже Фуко — в особенности в его анализе образования, дискурсивного сообщества, социального присвоения дискурсов и самого понятия научной дисциплины как механизмов властной регуляции дискурса (Фуко, Табачников, 1996: 65–75). В случае философии в перечень подобных механизмов можно добавить выявленную Александром Бикбовым фигуру «философского достоинства», под которым Бикбов понимал претензию философов на некий одним им доступный способ мышления, сохраняющий чистоту от других наук и занимающий по отношению к последним привилегированное положение; Бикбов показал, каким образом эта претензия оказывается связана со структурным положением философии в академической институционализации дисциплинарных различий (Бикбов, 2002). Стратегию Бикбова можно поставить в один ряд и с выпадами Рорти против «доктринерской философии», смотрящей «сверху вниз на естественные науки и историю» (Рорти, Черноскутов, 2004: 326), и с характерной для интеллектуальной истории в целом подозрительностью к вневременным подходам.

Так, учет академической институционализации дисциплинарных различий позволяет, с одной стороны, дистанцироваться от тех предпосылок, которые затрудняют применение интеллектуальной истории и других междисциплинарных подходов к изучению истории философии, а с другой — дополнить сам метод интеллектуальной истории философии, включая в него, вслед за Серлем, анализ институциональных предпосылок успешности речевых актов, то есть, в случае истории философии, роли академически институционализированных властных отношений в формировании влияния как самих философских текстов, так и разного рода историографий. Для такого анализа оптика Фуко может быть дополнена подходами социологии знания³², а сама современная академическая философия может быть помещена в глобальный контекст «социологии философий» в духе Рэндалла Коллинза (Коллинз, Розов и Вертгейм, 2002), позволяющий, в том числе, выявлять социальные контексты философии, альтернативные академическому. Такой ракурс позволяет перейти ко второму значению

же, как истории литературы или искусства выражают и поддерживают дисциплинарные и культурные конвенции относительно того, каково это — быть писателем или художником» (Schneider, 1996: 29).

³²Классический пример ее приложения к историко-философскому кейсу см.: Куш, Веретенников, 2002.

выражения «контексты философии», вынесенного в заголовок, и рассматривать взаимосвязь контекстов, задаваемых самой философией, то есть контекстов теоретической философской полемики, с контекстами, внешними по отношению к философии, но на нее влияющими. Анализ последних предполагает обращение к оптике не только философии, но и других наук, осуществляемое при этом из собственной логики философской рефлексии.

4. *Внешние и внутренние политические условия философской культуры.* Но каким образом обращение к внешним контекстам философии может учитывать критику Скиннером редукции авторских намерений к внешним факторам и внимание Хантера к личности философа и культивации философского мышления? Для решения этой задачи эвристически продуктивным мне представляется понятие философской культуры, введенное Эвертом ван дер Звеерде — философом, не относящимся напрямую к интеллектуальной истории, но работающим в близком ей ключе³³.

Понятие философской культуры Звеерде вводит в качестве альтернативы двум крайностям: философизму, то есть описанию философии только через философию, и социологизму, сводящему объяснение философии к внешнему социальному контексту (Zweerde, 2014: 65). Сама эта постановка вопроса, вполне соответствующая программе Скиннера, характерна для интеллектуальной истории: против социологизма была направлена классическая статья Хейдена Уайта³⁴, а об ограниченности объяснений философии только через философию говорил Шнайдер³⁵. Философскую культуру Звеерде понимает не в эссенциалистском ключе, а как то, где и как философия делается (ibid.: 78), — что, в свою очередь, требует анализа внешних и внутренних политических условий философской культуры.

Под внешними условиями Звеерде понимает все то, что позволяет философам занимать свое место в обществе, и с опорой на Коллинза

³³Хотя Звеерде и не ссылается на Скиннера, у него также можно встретить рассмотрение философских текстов как действий, совершаемых в политическом контексте (Звеерде, Николаева, 2011).

³⁴Критикуя марксистские подходы, Уайт использовал и понятие «социологизм» (White, 1969: 617, 626).

³⁵«Только не-философская, или не предубежденная дисциплинарно (*not-discipline-biased*), история философии могла бы объяснить интеллектуальные недостатки традиционных историй философии. Необходимо нечто большее, чем просто философское понимание, чтобы написать историю культурного значения философии» (Schneider, 1996: 30).

говорит о необходимости учитывать экономические, социальные, политические (в узком смысле) и институциональные условия — подводную часть айсберга, на видимой вершине которого находятся крупные философы, оказывающие значимое культурное влияние. Такой внешний ракурс Звеезде не противопоставляет внимание к внутренним политическим условиям, то есть к политическому аспекту того, что философы делают своим философствованием, поскольку они не просто работают в определенных условиях, но сами воспроизводят эти условия — и во внешнем, и во внутреннем смыслах. В этом случае философская культура определяется факторами, приходящими как извне, из контекста, так и изнутри, от субъекта, занимающегося философией: философы обнаруживают себя в уже данной им философской культуре³⁶, которую они, однако, могут менять, поскольку именно они ее производят и воспроизводят, в том числе посредством культивации своей профессии, иногда в форме прямого культа философии и любви к ней (Zweerde, 2014: 73–81). Так, различные стратегии культивации философии вкупе с перформативным характером самого философствования как акта свободной мысли и составляют внутренние политические условия философской культуры³⁷.

Подход Звеезде представляется мне продуктивным для интеллектуальной истории философии по трем причинам.

Во-первых, он позволяет ввести в рассмотрение социальные и политические контексты философии без элиминации внутреннего содержания последней, избегая крайностей философизма и социологизма. Помимо внешних контекстов, для реконструкции которых могут быть полезны подходы в духе Коллинза³⁸, оптика Звеезде предполагает учет политического измерения самих актов философствования и философских высказываний, то есть сохраняет ту чувствительность к политическому аспекту дискурса и истины, которая характерна для Фуко. Но если Фуко периода «Порядка дискурса» сводил истину к властным притязаниям

³⁶Понятие философской культуры у Звеезде охватывает, с одной стороны, единую философскую культуру как условие возможности философской мысли вообще, а с другой — фактическое множество локальных философских культур, существующих в различных политических условиях (Zweerde, 2014: 83–84).

³⁷При этом отношение между внутренними и внешними политическими условиями, то есть между философией как свободным занятием самостоятельного человеческого разума и политической свободой, Звеезде считает непосредственным и внутренним (*ibid.*: 89–90).

³⁸Об актуальности — с оговорками — подхода Коллинза для истории философии говорит и Власова (Власова, 2022: 26–29).

«воли к истине» (Фуко, Табачников, 1996: 54–59) и понимал авторство как функцию, задаваемую внешними автору дискурсивными структурами (там же: 62–65), то Зверде рассматривает связанное со стремлением к истине намерение философов заниматься философией и делать то, что они делают³⁹, без его редукции к интересам борьбы за власть⁴⁰, а также не устраняет субъектности философов в качестве авторов речевых актов. Подход Зверде предполагает понимание внутреннего политического измерения философии исходя из намерений философов — так что в его модели, как и ранее у Скиннера, именно философы, спорящие об истине, а не безличные властные структуры оказываются конечными агентами связанных с философией политических языковых действий.

Во-вторых, комплексное понятие философской культуры позволяет сочетать внимание к политическим условиям в широком (например, фукольдианском) смысле, для которого «все есть политическое», в том числе и сам акт философствования, и в классическом узком, трактующем политику как одну из сфер жизни общества, связанную с политическими институтами — в частности, с институтом государства и его осуществлением в форме конкретных государств, что предполагает влияние их политических режимов и глобального политического контекста на механизмы функционирования локальных философских

³⁹В модели Зверде первичным оказывается стремление философов к свободному поиску истины, из-за которого они и участвуют в политическом поле философии. При этом Зверде формулирует намерения философа аккуратно: «Я говорю и пишу то, что я говорю и пишу, потому что я думаю, что это истинно, или, по крайней мере, потенциально истинно, или, по крайней мере, имеет отношение к истине» (Zweerde, 2014: 72). Подход Зверде, связывающего темы истины и свободной речи, оказывается близок к тем идеям позднего Фуко, на актуальность которых для интеллектуальной истории указывает Власова, а не к критикуемым сторонниками Кембриджской школы положениям. Для интеллектуальной истории философии подобная оптика предполагает, что в анализ философских культур оказывается включена и реконструкция полемических контекстов, в случае теоретической философии часто представлявших собой дискуссии по специальным философским проблемам с целью установления истины.

⁴⁰Идеи Зверде не предполагают такой редукции ни на объяснительном, ни на нормативном уровне, поскольку под внутренним политическим измерением философии Зверде имеет в виду сам перформативный характер акта философствования как воспроизводящего возможность философской культуры и отнюдь не призывает к подчинению философии заданным ей извне политическим целям (скорее уж напротив — понимание, что без постоянной перформативной культивации философия как свободная мысль не существует в готовом виде, побуждает философов к заботе об автономии философской теории от посягательств извне).

культур⁴¹. В такой оптике политика в узком смысле также оказывается одним из условий философии, поскольку не при любом политическом режиме возможна философская культура как публичное пространство свободного мышления; другими словами, и полемические контексты философии, и внутреннее измерение культивации последней из стремления к истине существуют не где-то отдельно от внешних политических условий философской культуры⁴². Таким образом, политические контексты философии могут учитываться вне крайностей как редукции теоретической философии к отношениям власти, так и оставления влияния последних на философию в ее прошлом и настоящем в слепой зоне.

И, наконец, в-третьих, эксплицитный акцент Зверде на условиях возможности философии позволяет прочитывать его идеи как дальнейшее продолжение критического проекта Канта, по-новому звучащего в ситуации после аналитической философии языка и исследований Фуко.

Но насколько понятие философской культуры, введенное Зверде скорее в метафилософском ключе, применимо к изучению философии прошлого? Не является ли анахронизмом предположение, что в намерения философов других эпох входила политическая культивация той

⁴¹ Такое сочетание представляется крайне ценным. Результаты исследований Фуко, марксистов и других левых теоретиков, вскрывающих существующие в обществе невидимые структуры власти, сложно игнорировать — но при всем при этом в нашей жизни присутствует и онтологически несводимое к этим структурам политическое как реальность *sui generis*, характеризующееся в том числе отличием ресурсов государства от тех инструментов, которые задействованы в воспроизводстве микрофизики власти. О политических (в узком смысле) условиях локальных философских культур и возможных стратегиях изучения последних с учетом политического фактора см.: Zwerde, 2014: 84–89.

⁴² При комплексном подходе к философской культуре эти условия рассматриваются не как лишние всякого значения для намерения философа-теоретика, поскольку речь идет о политических условиях самой философии как автономной теоретической рефлексии. Так, намерение предложить аргумент в защиту, например, физикалистской теории сознания включает в себя также намерение философа высказаться о теоретической философской проблеме, практиковать теоретическую философию и иметь возможность свободно обсуждать ее темы; другими словами, заинтересованность в выполнении политических условий возможности теоретической философии уже включена в намерения философа-теоретика, а воспроизводство этой возможности оказывается частью перформативного аспекта его действия. Подобная взаимосвязь рассмотрения проблем теоретической философии с перформативным характером акта философствования и политическим измерением культивации философского мышления может эксплицитно осознаваться философом, пример чего мы видим, в частности, у Мераба Мамардашвили (Мамардашвили, 1992), к философии которого обращается Зверде (Zwerde, 2014: 78–79, 89). При этом нельзя забывать, что, по пронизательному замечанию Зверде, далеко не всегда философы, желая свободы для себя, хотели ее для других (*ibid.*: 89), и это интеллектуальный историк также должен учитывать.

или иной философской культуры? Здесь следует оговорить, что акцент Скиннера на авторском намерении нельзя понимать догматически, поскольку иначе становится неприменим подход самого Скиннера: вряд в сознательные намерения мыслителей прошлого входило совершать речевые акты, обладающие иллокутивной силой. Позиция Скиннера состоит скорее в том, чтобы не допускать таких версий контекстуализации, которые блокируют возможность рассмотрения авторских намерений, — а подход Зверде к таковым не относится. Более того, обращение к неосознаваемым намерениям и последствиям, особенно в связи с дискурсивными контекстами, мы встречаем и у самих кембриджских историков⁴³, не отрицавших связанные с языком социальные и политические отношения, но настаивавших на несводимости самостоятельного «речевого порядка» к игре внешних факторов (Атнашев и Велижев, 2022: 292).

Указывая на значение идей Зверде для комплексной интеллектуальной истории философии, я, разумеется, не предлагаю свести исследования конкретных историко-философских кейсов к банальной констатации, что тот или иной философ культивировал особый тип мышления, воспроизводил философскую культуру и участвовал в политическом поле философии. В случае каждого кейса необходимо детально анализировать его концептуальную сторону, то есть место теорий, понятий, аргументов, логических и риторических приемов в предлагаемых философами способах мышления, а также функционирование этих способов в реальных полемических контекстах.

⁴³Ср. идеи Фуко с методологической программой Джона Покока, уделявшего особое внимание к дискурсам, формируемым речевыми актами, и признававшего, что речевые акты могут менять дискурс неявно и непреднамеренно (Покок, Бондаренко и Климова, 2015). О подходе Покока также см.: Рихтер, Логутов, 2018: 351–357; Уотмор, Эдельман, 2023: 69–71. Позиция же Скиннера по этой проблеме подробно раскрыта в «Ответе моим критикам», где он акцентировал несводимость смысла текста к осознаваемому авторскому намерению, не отказываясь при этом от тезиса о невозможности понять текст в случае полного игнорирования сознательных намерений автора (Скиннер, Пирусская, 2018с: 308–319). Подчеркивая, что ответ на вопрос, что сделал тот или иной автор своим речевым действием, предполагает нечто большее, чем одно лишь установление авторского намерения, Скиннер и Покок следовали Остину, в теории которого многообразии речевых актов не ограничивалось иллокутивными действиями, — напротив, предполагаемая подходом Остина семантика включает в себя и буквальный смысл высказывания, и индивидуальные намерения, и оказываемые речевыми актами эффекты, не сводясь при этом ни к одному из этих аспектов по отдельности (что, на мой взгляд, особенно значимо при обсуждении темы политических последствий философского высказывания).

5. *Подвижность семантики философских понятий в «борьбе за именование».* Вопрос о применении общих принципов интеллектуальной истории философии к анализу отдельных концептуальных кейсов может решаться через обращение к немецкой школе истории понятий⁴⁴. При этом необходимо учитывать, что далеко не все идеи, предложенные в рамках этой школы, могут без противоречия объединяться с методологией Скиннера, который критиковал проект истории понятий и, отталкиваясь от сопоставления слов с инструментами (Витгенштейн, Козлова и Асеев, 1994: 84–85), предлагал говорить не об истории понятий, а об истории употребления понятий (Скиннер, Пирусская, 2018с: 294). Однако под эту критику, основанную на введенной в «Философских исследованиях» концепции значения как употребления⁴⁵, не подпадает та версия истории понятий, которую предложил Герман Люббе⁴⁶, исходивший, как и Скиннер, из семантики позднего Витгенштейна⁴⁷.

Значимой для интеллектуальной истории философии представляется предложенная Люббе трактовка понятий не как фиксированных, но как постоянно переопределяемых вследствие того, что и содержание понятий, и само именование оказывается полем политического языкового действия и предметом политической борьбы (Люббе, Кильдюшов, 2017). При этом о политической борьбе Люббе говорит в широком смысле, имея в виду не только случаи открытой ангажированности реальной политикой, но и отделяющую себя от последней «духовную борьбу» в области теории (Куренной, 2017: 222–223), что и позволяет включить его подход в комплексную методологию интеллектуальной истории философии⁴⁸. Исследовательская программа Люббе и истории понятий

⁴⁴Об отношениях истории понятий с Кембриджской школой см.: Гелдерен, Мовнина, 2018; Рихтер, Логутов, 2018; Уотмор, Эдельман, 2023: 51–56.

⁴⁵«Для *большого* класса случаев — хотя и не для *всех*, — где употребляется слово „значение“, можно дать следующее его определение: значение слова — это его употребление в языке» (Витгенштейн, Козлова и Асеев, 1994: 99). О концепции значения как употребления и ее роли для теорий Остина и Грайса см.: Макеева, 2011: 115–125.

⁴⁶Характерно, что Мелвин Рихтер, обсуждая критику Скиннером истории понятий, не упоминает Люббе (Рихтер, Логутов, 2018: 363–366). Подробнее о Люббе в контексте истории понятий см.: Куренной, 2017.

⁴⁷Люббе ссылался на «Философские исследования» и утверждал, что «„дефиницию“, которую можно дать „значению“ специального философского слова, в общем случае можно рассматривать как результат истории его употребления» (цит. по: там же: 219). Другими словами, подход Люббе представляет собой результат применения к истории мысли той же философской базы, которой вдохновлена кембриджская методология.

⁴⁸Сам Люббе предлагал исследовать политическую борьбу в истории понятий с целью распознавания и нейтрализации идейной партийности исходя из принципа автономии теор-

в целом традиционно применяется к понятиям из областей социальной и политической философии⁴⁹, однако ее можно использовать и для анализа концептов теоретической философии, поскольку последняя также оказывается вовлеченной в поле политического языкового действия. Конечно, сама идея исторической подвижности теоретико-философских понятий не нова⁵⁰, но оптика Люббе позволяет более последовательно выявлять политическое измерение этой подвижности.

Наиболее интересной возможностью такого направления исследований будет, на мой взгляд, применение идеи Люббе к самому понятию «философия» и рассмотрение этого понятия как динамично переопределяемого — в том числе в связи с политическими аспектами философского дискурса. Такой подход позволит интеллектуальному историку философии, совершив критическое эпохе по отношению к современным дисциплинарно обусловленным представлениям о философии, понимать последнюю в ее истории не как некую родовую сущность, а как многообразие интеллектуальных практик, объединенных по принципу семейного сходства, и учитывать включенность притязаний на определение того, что же такое философия, в поле политического языкового действия⁵¹. В этом случае предметом интереса интеллектуального историка будет вопрос о том, что делали интеллектуалы прошлого, когда определяли свою речь как философию, и в каком полемическом контексте это определение осуществлялось; каковы были их намерения; чему как не-философии они противопоставляли свою философию; наконец, как производимые интеллектуалами определения философии были связаны с осознаваемыми и неосознаваемыми политическими контекстами. Такой подход предполагает восприятие философии в качестве множества

итического разума и критики программ ангажированного знания (Куренной, 2017: 222–225). В оптике интеллектуальной истории стратегия Люббе сама оказывается полемическим ходом в «духовной борьбе», включенным в политическое поле философии и перформативно культивирующим определенный тип мышления в противовес другим, а значимый для Люббе принцип автономии теоретического разума — внутренним политическим условием того типа философской культуры, который отстаивает Люббе.

⁴⁹Пример реализации подхода истории понятий см.: Словарь..., 2014–2016. Из исследований самого Люббе широко известен анализ понятия «секуляризация» (Lübbe, 1965).

⁵⁰Этой идее следуют, в частности, статьи (хотя и не все) сборника: Персональность..., 2007.

⁵¹И дисциплинарное определение философии, в том числе негативно заданное исключением из ее поля тем и подходов других дисциплин, и культивация альтернативных способов мыслить отношение философии к ее другому могут быть рассмотрены как участие в борьбе за содержание понятия «философия».

фактов интеллектуальной истории, требующих комплексного научного объяснения, — так что ответ на вопрос, что же такое философия, историю которой изучают историки философии, должен даваться путем дескрипции наличных в истории способов философствования, будучи понят как искомый результат историко-философского исследования, а не как его предпосылка⁵².

Подобно тому, как отказ от проецирования в прошлое современных представлений о философии позволяет с большей корректностью относиться к философии былых эпох⁵³, так и понимание исторического многообразия философских интеллектуальных практик помогает увидеть современные философские понятия, включая понятие «философия», как подвижные и расположенные в поле политического языкового действия⁵⁴. Осознавая контингентность современных трактовок философии⁵⁵, интеллектуальный историк понимает, что, говоря о философии

⁵²Такая стратегия доводит до логического конца как идею интеллектуальной истории по Рорти, обращающейся к интеллектуалам прошлого без предпосланного исследованию деления их на философов и не-философов, так и общую для интеллектуальной истории критику влияния современных дисциплинарных разделений на представления историков философии о своем предмете.

⁵³Подробное обсуждение этого вопроса в связи с проблемой презентизма предлагает Сара Хаттон: вскрывая историческую контингентность «вневременных» философских тем и проблем, задаваемых современными механизмами определения философии как дисциплины и вопросами, волнующими философов сегодня, Хаттон призывает историков философии быть более чувствительными к тому, как исторически менялись цели философии и само понимание, что она такое (Hutton, 2014: 927–937). Наблюдения Хаттон ср. с тезисами Скиннера (Скиннер, Пируская, 2018а: 114–115; Скиннер, Пируская, 2018с: 328–329). О презентизме также см.: Атнашев и Велижев, 2022: 293–294.

⁵⁴Это поле включает в себя и процедуры, выявленные Фуко, и фигуру «философского достоинства». При этом в оптике интеллектуальной истории философии, как и в концепции Зверде, конечными агентами в этом поле оказываются философы, спорящие об истине, а не безличные властные структуры. Рассмотрение политического поля понятия «философия» в концептуальной рамке Зверде может быть также дополнено экзистенциальной (в духе Хайдеггера и Сартра) критикой установки, предполагающей, что другие люди за нас определяют, что такое философия и что значит философствовать; подобный ракурс хорошо совместим с вниманием к философии как к перформативной культивации определенного типа мышления — культивации, имеющей, очевидно, и экзистенциальное измерение.

⁵⁵Задача вскрытия контингентности настоящего важна для подхода Люббе и немецкой истории понятий: «Когда мы проясняем, как исторически возникла та или иная особенность нас самих — в форме общества, используемых понятий и т. д., — мы освобождаемся от догматической абсолютизации того, что представляется нам самоочевидным» (Куренной, 2017: 217). Ср.: «Узнать из истории мысли, что на самом деле не существует вневременных идей, а существует только множество разнообразных идей, зародившихся во множестве разнообразных обществ, значит понять основную истину не только о прошлом, но и о нас

и философской истине, он всегда уже оказывается включен в борьбу за содержание понятия «философия», в которой его работа либо поддерживает существующие дисциплинарные конвенции, либо подсвечивает альтернативные образы того, что значит философствовать. При этом внимание к исторической плюральности возможных способов философствовать может осуществляться не только в рамках актуализации философских практик прошлого, но и с целью культивации большей открытости к появлению новых философий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Применение подходов интеллектуальной истории к историко-философскому исследованию может осуществляться в предметном поле не только практической философии, что демонстрируют исследования кембриджских историков, но и философии теоретической. Интеллектуальная история отнюдь не является чем-то внешним по отношению к теоретико-философской рефлексии, но сама основана на результатах теоретической философии, а ее приложение к последней — как в историческом аспекте, так и в метафилософском⁵⁶ — отнюдь не приводит

самых. Кроме того, общеизвестно — в этом мы все марксисты, — что наше собственное общество ставит невидимые преграды нашему воображению. Поэтому стоит сделать общим местом утверждение, что историческое исследование идей других обществ должно стать обязательным и незаменимым средством преодолеть эти преграды» (Скиннер, Пирусская, 2018а: 115). Идеи Скиннера и Люббе интересно сопоставить с размышлениями Фуко о «критической онтологии нас самих», проект которой французский философ возводил к Канту (Фуко, Офертас, 2002: 357).

⁵⁶Для меня эти два аспекта неотделимы друг от друга — в связи, во-первых, с соображениями, изложенными в первом аргументе, и, во-вторых, с тем фактом, что история философии уже на уровне выделения своего предмета предполагает то или иное понимание философии, которое затем и воспроизводит, — однако я признаю, что теоретически эти аспекты можно разделять. Так, Антон Шаблинский в комментарии к черновой версии текста выделит в моей статье два разных тезиса, связанных с двумя значениями выражения «теоретическая философия», которое я использую по отношению к (а) теоретико-философским построениям мыслителей прошлого, которые история философии изучает в поиске исторической истины, ставя вопрос о более или менее исторически достоверных интерпретациях, и (б) актуальному философствованию (включая философствование о том, что такое философия) в поиске истины теоретической. Этим двум значениям соответствуют два тезиса: (а) о релевантности методологии интеллектуальной истории для исторически корректного изучения философского наследия прошлого и (б) о ее актуальности для наших (современных) размышлений о том, что такое философия, — так что второй тезис приводит к новому пониманию теоретической философии вообще. В случае такого прочтения предлагаемую программу интеллектуальной истории философии можно трактовать (а) в слабой, чисто методологической версии — как продуктивную для тех историко-философских исследований, которые ограничиваются историческими

к элиминации автономного уровня рассмотрения философских проблем.

Хотя уже Скиннер и Рорти говорили об актуальности интеллектуальной истории для философии, в их работах мы не обнаруживаем разработанной рефлексии о стратегии применения интеллектуально-исторической методологии конкретно к теоретической философии. Такую стратегию можно наметить, дополняя положения классиков интеллектуальной истории рядом других подходов, в частности — вниманием И. Хантера к личности философа и практикуемым философами способам мышления, критическим анализом социальной институционализации дискурса философии в духе М. Фуко, концепцией политических условий философской культуры Э. ван дер Зверде и идеей борьбы за именование Г. Люббе. Это дополнение позволяет обозначить программу комплексного исследования интеллектуальной истории философии, чувствительную как к авторским намерениям философов, так и к различным контекстам производства философского знания — выявление которых может осуществляться не как противостоящее теоретическим устремлениям философов, но как, напротив, внутренне связанное с философским интересом к свободному поиску истины.

ЛИТЕРАТУРА

- Адо П.* Философия как способ жить : беседы с Жанни Карлие и Арнольдом И. Дэвидсоном / пер. с фр. В. А. Воробьева. — М., СПб. : Степной ветер, Коло, 2005.
- Ажимов Ф. Е.* Философия: история или теория? Заметки о специфике истории философии // Вопросы философии. — 2014. — № 9. — С. 28–32.
- Ажимов Ф. Е., Леонидова В. В.* История философии как научно-исследовательская программа : анализ некоторых подходов в современной отечественной истории философии // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. — 2016. — № 4. — С. 84–88.
- Апель К.-О.* Трансформация философии / пер. с нем. В. Куренного, Б. Скуратова. — М. : Логос, 2001.
- Атнашев Т. М., Велижнев М. Б.* История политических языков в России : к методологии исследовательской программы // Философия : Журнал Высшей школы экономики. — 2018а. — Т. 2, № 3. — С. 107–137.

задачами и не ставят метафилософских, и (б) в более сильном ключе — как предполагающую, в дополнение к верности слабого тезиса, уточнение нашего понимания философии в целом. В рамках такого различия те исследователи, которые не согласны с моими метафилософскими притязаниями, могут принять аргументы в пользу слабого тезиса, не разделяя сильного.

- Атнашев Т. М., Велижнев М. Б.* Кембриджская школа : история и метод // Кембриджская школа : теория и практика интеллектуальной истории / под ред. Т. Атнашева, М. Велижева. — М. : Новое лит. обозрение, 2018b. — С. 7–50.
- Атнашев Т. М., Велижнев М. Б.* Языковой реализм и два вида интеллектуальной истории // Новое литературное обозрение. — 2022. — № 6. — С. 281–301.
- Белявский Б. А.* Кембриджская школа: импорт и модернизация метода анализа истории : рецензия на сборник «Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории» // Философия. Журнал Высшей школы экономики. — 2020. — Т. 4, № 3. — С. 217–229.
- Бижбов А. Т.* Философское достоинство как объект исследования // Логос. — 2002. — № 3/4. — С. 30–60.
- Блур Д.* Сильная программа в социологии знания / пер. с англ. С. Гавриленко // Логос. — 2002. — Т. 35, № 5/6. — С. 162–185.
- Боррадори Д.* Американский философ : беседы с Куайном, Дэвидсоном, Патнэмом, Нозиком, Данто, Рорти, Кейвллом, МакИнтайром, Куном / пер. с англ. А. Л. Никифорова, Л. Б. Макеевой, О. А. Назаровой. — М. : Дом интеллектуальной книги, Гнозис, 1999.
- Велижнев М. Б.* Чаадаевское дело : идеология, риторика и государственная власть в николаевской России. — М. : Новое литературное обозрение, 2022.
- Витгенштейн Л.* Философские исследования / пер. с нем. М. С. Козловой, Ю. А. Асеева // Философские работы. В 2 т. Т. I / сост. М. С. Козловой. — М. : Гнозис, 1994. — С. 75–319.
- Власова О. А.* Карл Ясперс и Мишель Фуко : история философии как практика «заботы о себе» // Вестник СПбГУ. Сер. 17. — 2014. — № 4. — С. 47–53.
- Власова О. А.* Возможность самосознания : историки философии в современной России // Вестник Челябинского государственного университета. — 2017. — № 7. — С. 88–94.
- Власова О. А.* Интеллектуальная история как поле методологического самосознания историков философии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2020. — № 54. — С. 105–114.
- Власова О. А.* Методологии Memory Studies и социологии философий в исследованиях истории философии и науки // Социологический журнал. — 2022. — Т. 28, № 1. — С. 24–39.
- Гелдерен М. ван.* Между Кембриджем и Гейделбергом : понятия, языки и образы в интеллектуальной истории / пер. с англ. Н. Мовниной // Кембриджская школа : теория и практика интеллектуальной истории / под ред. Т. Атнашева, М. Велижева. — М. : Новое лит. обозрение, 2018. — С. 381–405.
- Глухов А. А.* Фуко как свержавтор // Логос. — 2019. — № 2. — С. 104–125.
- Душин О. Э.* История философии как академическая дисциплина : философия versus история // Вестник СПбГУ. Сер. 17. — 2015. — № 4. — С. 27–32.
- Дьяков А. В.* Постмодернистская история философии : pro et contra // Вопросы философии. — 2016. — № 6. — С. 176–184.

- Дьяков А. В.* Возвращение мудреца : история идей и история философии // Диалог со временем. — 2019а. — № 69. — С. 227–236.
- Дьяков А. В.* Историк философии и его опыт : в пространстве философии и вовне // Философские науки. — 2019б. — № 62. — С. 43–54.
- Дьяков А. В.* История философии как философия : французский опыт // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия Философия и конфликтология. — 2019с. — Т. 35, № 1. — С. 222–229.
- Зверде Э. ван дер.* Народный подъем и политическая философия «веховцев» / пер. с англ. О. Николаевой // «Правда»: дискурсы справедливости в русской интеллектуальной истории / под ред. Н. С. Плотникова. — М. : Ключ-С, 2011. — С. 276–319.
- Кант И.* Критика чистого разума / под ред. В. А. Жучкова ; пер. с нем. Н. О. Лосского. — М. : Наука, 1999.
- Карнап Р.* Преодоление метафизики логическим анализом языка / пер. с нем. А. В. Кезина // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. — 1993. — № 6. — С. 11–26.
- Кембриджская школа : теория и практика интеллектуальной истории / под ред. Т. Атнашева, М. Велижева. — М. : Новое лит. обозрение, 2018.
- Коллинз Р.* Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения / пер. с англ. Н. С. Розова, Ю. Б. Вертгейм. — Новосибирск : Сибирский хронограф, 2002.
- Куайн У. В. О.* Две догмы эмпиризма / пер. с англ. Т. А. Дмитриева // Слово и объект / пер. с англ. А. З. Черняка, Т. А. Дмитриева. — М. : Логос, Праксис, 2000. — С. 342–367.
- Куренной В. А.* Заметки о некоторых проблемах современной отечественной истории философии // Логос. — 2004. — № 3/4. — С. 3–29.
- Куренной В. А.* Эмпирическая метафизика и исследовательская программа истории философии Эдуарда Целлера // Логос. — 2006. — № 1. — С. 89–102.
- Куренной В. А.* История философской истории понятий : предисловие к переводу Г. Люббе // Социология власти. — 2017. — Т. 29, № 4. — С. 197–239.
- Куш М.* Социология философского знания : конкретное исследование и защита / пер. А. Веретенникова // Логос. — 2002. — № 5/6. — С. 104–134.
- Люббе Г.* Быть и именоваться. История значения как поле политического языкового действия / пер. с нем. О. Кильдшонова // Социология власти. — 2017. — Т. 29, № 4. — С. 240–256.
- Макеева Л. Б.* Язык, онтология и реализм. — М. : Высшая школа экономики, 2011.
- Макеева Л. Б.* Что есть значение? Ответ Пола Грайса // Философский журнал. — 2020. — Т. 13, № 4. — С. 69–88.
- Мамардашвили М. К.* Философия — это сознание вслух // Как я понимаю философию. — М. : Прогресс, Культура, 1992. — С. 57–71.

- Остин Дж.* Как совершать действия при помощи слов? // *Избранное* / пер. с англ. Л. Б. Макеевой, В. П. Руднева. — М. : Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. — С. 13–138.
- Павлов А. В.* Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах // *Логос*. — 2018. — № 4. — С. 261–302.
- Персональность. Язык философии в русско-немецком диалоге* / под ред. Н. С. Плотникова, А. Хаардта, В. И. Молчанова. — М. : Модест Колеров, 2007.
- Покок Д. Г. А.* Момент Макиавелли : политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция / пер. с англ. Т. Пирусской. — М. : Новое литературное обозрение, 2020.
- Покок Д. Г. А.* The State of the Art (введение к книге «Добродетель, торговля и история») / пер. с англ. А. Бондаренко, У. Климовой // *Новое литературное обозрение* / под ред. Е. С. Островской. — 2015. — Т. 134. — С. 45–74.
- Ризтер М.* Покок, Скиннер и Begriffsgeschichte / пер. с англ. А. Логутова // *Кембриджская школа : теория и практика интеллектуальной истории* / под ред. Т. Атнашева, М. Велижева. — М. : Новое лит. обозрение, 2018. — С. 347–380.
- Рорти Р.* Философия и зеркало природы / пер. с англ. В. В. Целищева. — Новосибирск : Издательство Новосибирского университета, 1997.
- Рорти Р.* Историография философии : четыре жанра / пер. с англ. И. Д. Джохадзе // *Неопрагматизм Ричарда Рорти* / И. Д. Джохадзе. — М. : Эдиториал УРСС, 2001. — С. 180–198.
- Рорти Р.* Витгенштейн, Хайдеггер и реификация языка / пер. с англ. Ю. Ю. Чернокутова // *Мартин Хайдеггер : сборник статей* / сост. Д. Ю. Дорофеев. — СПб. : РХГИ, 2004. — С. 323–344.
- Скиннер К.* Свобода до либерализма / пер. с англ. А. В. Магуна. — СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2006.
- Скиннер К.* Значение и понимание в истории идей / пер. с англ. Т. Пирусской // *Кембриджская школа : теория и практика интеллектуальной истории* / под ред. Т. Атнашева, М. Велижева. — М. : Новое лит. обозрение, 2018a. — С. 53–122.
- Скиннер К.* Мотивы, намерения и интерпретация текстов / пер. с англ. Т. Пирусской // *Кембриджская школа : теория и практика интеллектуальной истории* / под ред. Т. Атнашева, М. Велижева. — М. : Новое лит. обозрение, 2018b. — С. 123–141.
- Скиннер К.* Ответ моим критикам / пер. с англ. Т. Пирусской // *Кембриджская школа : теория и практика интеллектуальной истории* / под ред. Т. Атнашева, М. Велижева. — М. : Новое лит. обозрение, 2018c. — С. 249–346.
- Словарь основных исторических понятий : избранные статьи* : в 2 т. / под ред. Ю. Зарецкого, К. Левинсона, И. Ширле ; пер. с нем. К. Левинсона. — М. : НЛЮ, 2014–2016.
- Уотмор Р.* Что такое интеллектуальная история? / пер. с англ. Н. Эдельмана. — М. : Новое литературное обозрение, 2023.

- Фуко М.* Порядок дискурса // Воля к истине : по ту сторону власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с фр. С.В. Табачникова. — М. : Касталь, 1996. — С. 47–96.
- Фуко М.* Что такое Просвещение? / пер. с фр. С. Ч. Офертаса // Интеллектуалы и власть : в 3 т. Т. 1 / под ред. В. П. Визгина, Б. М. Скуратова. — М. : Праксис, 2002. — С. 335–369.
- Фуко М.* Речь и истина : лекции о парресии (1982–1983) / под ред. М. Маяцкого ; пер. с фр. Д. Кралечкина. — М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020.
- Щедрина Т. Г.* Архив эпохи : проблема и концепт // Культурология. Дайджест ИНИОН РАН. — 2009. — № 1. — С. 104–111.
- Catana L.* The Historiographical Concept “System of Philosophy” : Its Origin, Nature, Influence, and Legitimacy. — Leiden : Brill, 2008.
- Catana L.* Intellectual History and the History of Philosophy : Their Genesis and Current Relationship // A Companion to Intellectual History / ed. by R. Whatmore, B. Young. — Chichester : Wiley-Blackwell, 2016. — P. 129–140.
- Frasca-Spada M.* Notes on Intellectual History, History of Philosophy, and History of Ideas // Intellectual News. — 1996. — Vol. 1, no. 1. — P. 30–31.
- Hunter I.* The History of Philosophy and the Persona of the Philosopher // Modern Intellectual History. — 2007. — No. 4. — P. 571–600.
- Hutton S.* Intellectual History and the History of Philosophy // History of European Ideas. — 2014. — Vol. 40, no. 7. — P. 925–937.
- Lübbe H.* Säkularisierung : Geschichte eines ideenpolitischen Begriffs. — Freiburg, München : Karl Alber, 1965.
- Rorty R., Schneewind J. B., Skinner Q.* Introduction // Philosophy in History : Essays on the Historiography of Philosophy / ed. by R. Rorty, J. B. Schneewind, Q. Skinner. — Cambridge : Cambridge University Press, 1984. — P. 1–14.
- Schneider U. J.* Intellectual History and the History of Philosophy // Intellectual News. — 1996. — Vol. 1, no. 1. — P. 28–30.
- Searle J. R.* A Taxonomy of Illocutionary Acts // Language, Mind, and Knowledge. — Minneapolis : University of Minnesota Press, 1975. — P. 344–369. — (Minnesota Studies in the Philosophy of Science ; 7).
- White H. V.* The Tasks of Intellectual History // The Monist. — 1969. — Vol. 53, no. 4. — P. 606–630.
- Zweerde E. van der.* On the Political (Pre-)Conditions of Philosophical Culture // Transcultural Studies. — 2014. — Vol. 10, no. 1. — P. 63–92.

Pavlov, I. I. 2024. "Konteksty filosofii i namereniya filosofov [Contexts of Philosophy and Philosophers' Intentions]: v zashchitu intellektual'no-istoricheskogo podkhoda k istoriko-filosofskomu issledovaniyu [In Defense of the Intellectual History Approach to Research in the History of Philosophy]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (3), 209–247.

ILIA PAVLOV

PHD IN PHILOSOPHY

SENIOR LECTURER

JUNIOR RESEARCH FELLOW

HSE UNIVERSITY (MOSCOW, RUSSIAN FEDERATION); ORCID: 0000-0002-5355-2584

CONTEXTS OF PHILOSOPHY AND PHILOSOPHERS' INTENTIONS IN DEFENSE OF THE INTELLECTUAL HISTORY APPROACH TO RESEARCH IN THE HISTORY OF PHILOSOPHY

Submitted: Oct. 05, 2023. Reviewed: Jan. 28, 2024. Accepted: July 16, 2024.

Abstract: This paper considers the problem of applying the intellectual history approach to research in history of philosophy and demonstrates the heuristic potential of this application for a more comprehensive understanding of both the ideas proposed by thinkers of the past and theoretical philosophy in general. Although Skinner emphasized the necessity of this application, the relevance of his approaches to the field of theoretical philosophy has often been questioned. The article presents three arguments in defense of said application. First, the theoretical approaches that Skinner relied on were conceived by analytical philosophers of language as applicable to the analysis of philosophy itself. Second, Skinner's method at the level of the subject of the study involves considering the intentions of intellectuals and real polemical contexts, which draws attention to the theoretical content of philosophical concepts and discussions. Third, the opposition of intellectual history and theoretical philosophy by Anglo-American scholars is based on analytical philosophy, which means that this opposition is not obligatory for other contexts. Furthermore, the paper proposes a comprehensive methodology that complements Skinner's ideas with other approaches, in particular, I. Hunter's study of philosophers' personalities and their ways of thinking, a critical analysis of philosophical discourse and its social institutionalization in the Foucauldian way, E. van der Zweerde's concept of political (pre-)conditions of philosophical culture, and H. Lübbe's idea of the struggle for the naming.

Keywords: History of Philosophy, Intellectual History, Methodology of History of Philosophy, Speech Act Theory, Performativity, Cambridge School, History of Concepts, Philosophical Culture.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-209-247.

REFERENCES

- Apel, K.-O. 2001. *Transformatsiya filosofii [Transformation der Philosophie]* [in Russian]. Trans. from the German by V. Kurennoy and B. Skuratov. Moskva [Moscow]: Logos.
- Atnashev, T., and M. Velizhev, eds. 2018. *Kembridzhskaya shkola [The Cambridge School]: teoriya i praktika intellektual'noy istorii [Theory and Practice of Intellectual History]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Novoye lit. obozreniye.

- Atnashev, T. M., and M. B. Velizhev. 2018a. "Istoriya politicheskikh yazykov v Rossii [History of Russian Political Languages]: k metodologii issledovatel'skoy programmy [Introducing Methodology of a Research Program]" [in Russian]. *Filosofiya [Philosophy]: Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Journal of the Higher School of Economics]* 2 (3): 107–137.
- . 2018b. "Kembridzhskaya shkola [The Cambridge School]: istoriya i metod [History and Method]" [in Russian]. In Atnashev and Velizhev 2018, 7–50.
- . 2022. "Yazykovoy realizm i dva vida intellektual'noy istorii [Linguistic Realism and Two Types of Intellectual History]" [in Russian]. *Novoye literaturnoye obozreniye [New Literary Observer]*, no. 6, 281–301.
- Austin, J. 1999. "Kak sovershat' deystviya pri pomoshchi slov? [How to Do Things with Words]" [in Russian]. In *Izbrannoye [Selected Works]*, trans. from the English by L. B. Makeyeva and V. P. Rudnev, 13–138. Moskva [Moscow]: Ideya-Press / Dom intellektual'noy knigi.
- Azhimov, F. Ye. 2014. "Filosofiya: istoriya ili teoriya? Zametki o spetsifike istorii filosofii [Philosophy: History or Theory? Notes on the Specifics of the History of Philosophy]" [in Russian]. *Voprosy filosofii*, no. 9, 28–32.
- Azhimov, F. Ye., and V. V. Leonidova. 2016. "Istoriya filosofii kak nauchno-issledovatel'skaya programma [History of Philosophy as a Scientific Research Program]: analiz nekotorykh podkhodov v sovremennoy otechestvennoy istorii filosofii [An Analysis of Some Approaches in Modern Russian History of Philosophy]" [in Russian]. *Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke [Humanities Research in the Russian Far East]*, no. 4, 84–88.
- Belyavskiy, B. A. 2020. "Kembridzhskaya shkola: import i modernizatsiya metoda analiza istorii [The Cambridge School: Importing and Modernizing the Method of Historical Analysis]: retsenziya na sbornik 'Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noy istorii' [Book Review of 'Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History']" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 4 (3): 217–229.
- Bikbov, A. T. 2002. "Filosofskoye dostoinstvo kak ob'yekt issledovaniya [Philosophical Dignity as an Object of Study]" [in Russian]. *Logos*, nos. 3–4, 30–60.
- Bloor, D. 2002. "Sil'naya programma v sotsiologii znaniya [The Strong Programme in the Sociology of Knowledge]" [in Russian], trans. from the English by S. Gavrilenko. *Logos* 35 (5–6): 162–185.
- Borradori, G. 1999. *Amerikanskiy filosof [The American Philosopher]: besedy s Kuaynom, D-vidsonom, Patn-emom, Nozikom, Danto, Rorti, Keyulom, MakIntayrom, Kunom [Conversations with Quine, Davidson, Putnam, Nozick, Danto, Rorty, Cavell, McIntyre and Kuhn]* [in Russian]. Trans. from the English by A. L. Nikiforov, L. B. Makeyeva, and O. A. Nazarova. Moskva [Moscow]: Dom intellektual'noy knigi / Gnozis [Intellectual Book House Press and Gnozis].
- Carnap, R. 1993. "Preodoleniye metafiziki logicheskim analizom yazyka [Überwindung der Metaphysik durch logische Analyse der Sprache]" [in Russian], trans. from the German by A. V. Kezin. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 7. Filosofiya [Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy]*, no. 6, 11–26.
- Catana, L. 2008. *The Historiographical Concept "System of Philosophy": Its Origin, Nature, Influence, and Legitimacy*. Leiden: Brill.
- . 2016. "Intellectual History and the History of Philosophy: Their Genesis and Current Relationship." In *A Companion to Intellectual History*, ed. by R. Whatmore and B. Young, 129–140. Chichester: Wiley-Blackwell.

- Collins, R. 2002. *Sotsiologiya filosofiy. Global'naya teoriya intellektual'nogo izmeneniya* [The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change] [in Russian]. Trans. from the English by N. S. Rozov and Yu. B. Vertgeym. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf [Company Limited Publishing House "Sibirskiy Khronograph"].
- D'yakov, A. V. 2016. "Postmodernist-skaya istoriya filosofii [The Postmodern History of Philosophy]: pro et contra [pro et Contra]" [in Russian]. *Voprosy filosofii*, no. 6, 176–184.
- . 2019a. "Istoriik filosofii i yego opyt [The Historian of Philosophy and His Experience]: v prostranstve filosofii i vovne [Within and Beyond the Realm of Philosophy]" [in Russian]. *Filosofskiyi nauki [Russian Journal of Philosophical Sciences]*, no. 62, 43–54.
- . 2019b. "Istoriya filosofii kak filosofiya [History of Philosophy as Philosophy]: frantsuzskiy opyt [The French Experience]" [in Russian]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filosofiya i konfliktologiya [Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies]* 35 (1): 222–229.
- . 2019c. "Vozvrashcheniye mudretsa [The Return of the Sage]: istoriya idey i istoriya filosofii [The History of Ideas and the History of Philosophy]" [in Russian]. *Dialog so vremenem [Dialogue with Time]*, no. 69, 227–236.
- Dushin, O. E. 2015. "Istoriya filosofii kak akademicheskaya distsiplina [The History of Philosophy as an Academic Discipline]: filosofiya versus istoriya [Philosophy versus History]" [in Russian]. *Vestnik SPbGU. Ser. 17 [Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies]*, no. 4, 27–32.
- Foucault, M. 1996. "Poryadok diskursa [L'Ordre du discours]" [in Russian]. In *Volya k istine [The Will to Truth] : po tu storonu vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let [Beyond Power and Sexuality. Works of Different Years]*, trans. from the French by S. V. Tabachnikov, 47–96. Moskva [Moscow]: Kastal'.
- . 2002. "Chto takoye Prosveshcheniye? [Qu'est-ce que les Lumières?]" [in Russian]. In *Intellektualy i vlast' [Intellectuals and Power]*, ed. by V. P. Vizgin and B. M. Skuratov, trans. from the French by S. Ch. Ofertas, 1:335–369. Moskva [Moscow]: Praxis.
- . 2020. *Rech' i istina [Discours et vérité]: lektzii o parrésii (1982– 1983) [Précédé de La parrésia]* [in Russian]. Ed. by M. Mayatskiy. Trans. from the French by D. Kralechkin. Moskva [Moscow]: Izdatel'skiy dom "Delo" RANKhiGS.
- Frasca-Spada, M. 1996. "Notes on Intellectual History, History of Philosophy, and History of Ideas." *Intellectual News* 1 (1): 30–31.
- Gelderen, M. van. 2018. "Mezhdru Kembridzhem i Geydel'bergom [Between Cambridge and Heidelberg]: ponyatiya, yazyki i obrazy v intellektual'noy istorii [Concepts, Languages and Images in Intellectual History]" [in Russian]. In *Kembridzhskaya shkola [The Cambridge School] : teoriya i praktika intellektual'noy istorii [Theory and Practice of Intellectual History]*, ed. by T. Atnashev and M. Velizhev, trans. from the English by N. Movnina, 381–405. Moskva [Moscow]: Novoye lit. obozreniye.
- Glukhov, A. A. 2019. "Fuko kak sverkhavtor [Foucault as Superauthor]" [in Russian]. *Logos*, no. 2, 104–125.
- Hadot, P. 2005. *Filosofiya kak sposob zhit' [La philosophie comme manière de vivre]: besedy s Zhanni Karliye i Arnol'dom I. D.evidsonom [Entretiens avec Jeannie Carlier et Arnold I. Davidson]* [in Russian]. Trans. from the French by V. A. Vorob'yev. Moskva [Moscow] and Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Stepnoy veter / Kolo.
- Hunter, I. 2007. "The History of Philosophy and the Persona of the Philosopher." *Modern Intellectual History*, no. 4, 571–600.
- Hutton, S. 2014. "Intellectual History and the History of Philosophy." *History of European Ideas* 40 (7): 925–937.

- Kant, I. 1999. *Kritika chistogo razuma [Kritik der reinen Vernunft]* [in Russian]. Ed. by V. A. Zhuchkov. Trans. from the German by N. O. Losskiy. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Kurennoy, V. A. 2004. "Zametki o nekotorykh problemakh sovremennoy otechestvennoy istorii filosofii [Notes on Some Problems of the Contemporary Russian History of Philosophy]" [in Russian]. *Logos*, nos. 3-4, 3-29.
- . 2006. "Empiricheskaya metafizika i issledovatel'skaya programma istorii filosofii Eduarda Tsellera [Empirical Metaphysics and Eduard Zeller's History of Philosophy Research Program]" [in Russian]. *Logos*, no. 1, 89-102.
- . 2017. "Istoriya filosofskoy istorii ponyatiy [The History of the Philosophical History of Concepts]: predisloviye k perevodu G. Lyubbe [A Preface to the Translation of H. Lübbe]" [in Russian]. *Sotsiologiya vlasti [Sociology of Power]* 29 (4): 197-239.
- Kusch, M. 2002. "Sotsiologiya filosofskogo znaniya [The Sociology of Philosophical Knowledge]: konkretnoye issledovaniye i zashchita [A Case Study and a Defense]" [in Russian], trans. by A. Veretennikov. *Logos*, nos. 5-6, 104-134.
- Lübbe, H. 1965. *Säkularisierung: Geschichte eines ideenpolitischen Begriffs* [in German]. Freiburg and München: Karl Alber.
- . 2017. "Byt' i imenovat'sya. Istoriya znacheniya kak pole politicheskogo yazykovogo deystviya [Sein und Heißen. Bedeutungsgeschichte als politisches Sprachhandlungsfeld]" [in Russian], trans. from the German by O. Kil'dyushov. *Sotsiologiya vlasti [Sociology of Power]* 29 (4): 240-256.
- Makeyeva, L. B. 2011. *Yazyk, ontologiya i realizm [Language, Ontology, and Realism]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Vysshaya shkola ekonomiki [HSE Publishing House].
- . 2020. "Chto yest' znacheniye? Otvet Pola Graysa [What is Meaning? Paul Grice's Answer]" [in Russian]. *Filosofskiy zhurnal [Philosophy Journal]* 13 (4): 69-88.
- Mamardashvili, M. K. 1992. "Filosofiya — eto soznaniye vslukh [Philosophy is Consciousness Out Loud]" [in Russian]. In *Kak ya ponimayu filosofiyu [How I Understand Philosophy]*, 57-71. Moskva [Moscow]: Progress / Kul'tura.
- Pavlov, A. V. 2018. "Priklucheniya metoda: Kembridzhskaya shkola (politicheskoy mysl'i) v kontekstakh [Adventures of a Method. Cambridge School (of Political Thought) in Contexts]" [in Russian]. *Logos*, no. 4, 261-302.
- Plotnikov, N. S., Khaardt A., and Molchanov V. I., eds. 2007. *Personal'nost'. Yazyk filosofii v russko-nemetskom dialoge [Personality. The Language of Philosophy in German-Russian Dialogue]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Modest Kolerov.
- Pocock, J. G. A. 2015. "The State of the Art (vvedeniye k knige 'Dobrodetel', torgovlya i istoriya)" [in Russian], ed. by Ye. S. Ostrovskaya. Trans. from the English by A. Bondarenko and U. Klimova. *Novoye literaturnoye obozreniye [New Literary Observer]* 134:45-74.
- . 2020. *Moment Makiavelli [The Machiavellian Moment]: politicheskaya mysl' Florentsii i atlanticheskaya respublikanskaya traditsiya [Florentine Political Thought and Atlantic Republican Tradition]* [in Russian]. Trans. from the English by T. Pirusskaya. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Quine, W. V. O. 2000. "Dve dogmy empirizma [Two Dogmas of Empiricism]" [in Russian]. In *Slovo i ob'yekt [Word and Object]*, trans. from the English by T. A. Dmitriyev, 342-367. Moskva [Moscow]: Logos, Praktis.
- Richter, M. 2018. "Pokok, Skinner i Begriffsgeschichte [Pocock, Skinner and Begriffsgeschichte]" [in Russian]. In Atnashev and Velizhev 2018, 347-380.
- Rorty, R. 1997. *Filosofiya i zerkalo prirody [Philosophy and the Mirror of Nature]* [in Russian]. Trans. from the English by V. V. Tselishchev. Novosibirsk: Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta.

- . 2001. "Istoriografiya filosofii [The Historiography of Philosophy]: chetyre zhanra [Four Genres]" [in Russian]. In *Neopragmatizm Richarda Rorty [Neopragmatism of Richard Rorty]*, by I. D. Dzhokhadze, trans. from the English by I. D. Dzhokhadze, 180–198. Moskva [Moscow]: Editorial URSS.
- . 2004. "Vitgenshteyn, Khaydegger i reifikatsiya yazyka [Wittgenstein, Heidegger, and the Reification of Language]" [in Russian]. In *Martin Khaydegger [Martin Heidegger] : sbornik statey [A Collection of Articles]*, comp. D. Yu. Dorofeyev, trans. from the English by Yu. Yu. Chernoskutov, 323–344. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: RKhGI [RCHI].
- Rorty, R., J. B. Schneewind, and Q. Skinner. 1984. "Introduction." In *Philosophy in History : Essays on the Historiography of Philosophy*, ed. by R. Rorty, J. B. Schneewind, and Q. Skinner, 1–14. Cambridge: Cambridge University Press.
- Schneider, U. J. 1996. "Intellectual History and the History of Philosophy." *Intellectual News* 1 (1): 28–30.
- Searle, J. R. 1975. "A Taxonomy of Illocutionary Acts." In *Language, Mind, and Knowledge*, 344–369. Minnesota Studies in the Philosophy of Science 7. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Shchedrina, T. G. 2009. "Arkhiv epokhi [Archive of The Epoch]: problema i kontsept [A Problem and a Concept]" [in Russian]. *Kul'turologiya. Daydzhest INION RAN [Herald of Culturology]*, no. 1, 104–111.
- Skinner, Q. 2006. *Svoboda do liberalizma [Liberty before Liberalism]* [in Russian]. Trans. from the English by A. V. Magun. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Yevropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge [European University at St. Petersburg Press].
- . 2018a. "Motivy, namereniya i interpretatsiya tekstov [Motives, Intentions and the Interpretation of Texts]" [in Russian]. In *Atnashev and Velizhev 2018*, 123–141.
- . 2018b. "Otvét moim kritikam [A Reply to my Critics]" [in Russian]. In *Atnashev and Velizhev 2018*, 249–346.
- . 2018c. "Znachenije i ponimaniye v istorii idey [Meaning and Understanding in the History of Ideas]" [in Russian]. In *Atnashev and Velizhev 2018*, 53–122.
- Velizhev, M. B. 2022. *Chaadayevskoye delo [The Chaadaev Case]: ideologiya, ritorika i gosudarstvennaya vlast' v nikolayevskoy Rossii [Ideology, Rhetoric and State Power in Nikolai Russia]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Vlasova, O. A. 2014. "Karl Yaspers i Mishel' Fuko [Karl Jaspers and Michel Foucault]: istoriya filosofii kak praktika 'zaboty o sebe' [History of Philosophy as a Practice of 'Care of the Self']" [in Russian]. *Vestnik SPbGU. Ser. 17 [Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies]*, no. 4, 47–53.
- . 2017. "Vozmozhnost' samosoznaniya [The Possibility of Self-Awareness]: istoriki filosofii v sovremennoy Rossii [Historians of Philosophy in Contemporary Russia]" [in Russian]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University]*, no. 7, 88–94.
- . 2020. "Intellectual'naya istoriya kak pole metodologicheskogo samosoznaniya istorikov filosofii [Intellectual History as a Field of Methodological Self-Consciousness of Historians of Philosophy]" [in Russian]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science]*, no. 54, 105–114.
- . 2022. "Metodologii Memory Studies i sotsiologii filosofiy v issledovaniyakh istorii filosofii i nauki [Methodologies of Memory Studies and Sociology of Philosophy in the Study of the History of Philosophy and Science]" [in Russian]. *Sotsiologicheskii zhurnal [Sociological Journal]* 28 (1): 24–39.

- Whatmore, R. 2023. *Chto takoye intellektual'naya istoriya? [What Is Intellectual History?]* [in Russian]. Trans. from the English by N. Edel'man. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- White, H. V. 1969. "The Tasks of Intellectual History." *The Monist* 53 (4): 606–630.
- Wittgenstein, L. 1994. *Filosofskiye issledovaniya [Philosophische Untersuchungen]* [in Russian]. In vol. 1 of *Filosofskiye raboty [Philosophical Works]*, comp. M. S. Kozlova, trans. from the German by M. S. Kozlova and Yu. A. Aseyev, 75–319. 2 vols. Moskva [Moscow]: Gnozis.
- Zaretskiy, Yu., K. Levinson, and I. Shirle, eds. 2014–2016. *Slovar' osnovnykh istoricheskikh ponyatiy [Geschichtliche Grundbegriffe]: izbrannyye stat'i [Selected Articles]* [in Russian]. Trans. from the German by K. Levinson. 2 vols. Moskva [Moscow]: NLO.
- Zweerde, E. van der. 2011. "Narodny pod'yem i politicheskaya filosofiya 'vekhovtsev' [The Rise of the People and the Political Philosophy of the Vekhi Authors]" [in Russian]. In *"Pravda": diskursy spravedlivosti v russkoy intellektual'noy istorii ["Pravda" (Truth): Discourses of Justice in Russian Intellectual History]*, ed. by N. S. Plotnikov, trans. from the English by O. Nikolayeva, 276–319. Moskva [Moscow]: Klyuch-S.
- . 2014. "On the Political (Pre-)Conditions of Philosophical Culture." *Transcultural Studies* 10 (1): 63–92.

ЛАРИСА ЖГИЛЕВА*

РЕАЛЬНОСТЬ «УТОПИЧЕСКОГО» В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ СОЦИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ**

Получено: 05.04.2024. Рецензировано: 05.05.2024. Принято: 17.07.2024.

Аннотация: В обзоре на примере современного французского дискурса рассматриваются тенденции в изучении феномена утопии. Проанализированы темы научных исследований, выделены основные концептуальные тренды. Предметом рассмотрения являются монографии, диссертации и статьи из научных журналов. Критериями отбора выступают наличие актуальности, новизны, использование современной методологии, практическая значимость работ. Хронологический охват работ — 2020–2023 годы, включившие в себя период пандемии COVID-19, а также серьезные изменения в мировой политической обстановке. Автором обзора сделан вывод, что термин «утопия» во французском утопическом дискурсе не избежал судьбы множественной смысловой трактовки. Наиболее ярко утопия представлена в качестве просветительских и политических проектов, дающих возможность реализовать мечту о более лучшем и совершенном мире. Исследовательские компании заинтересованы в изучении утопических умонастроений французского общества. Результаты исследований востребованы интеллектуалами, представителями политических движений, а также применяются при долгосрочных прогнозах общественного развития. Отмечается важность восстановления гуманистического духа утопической мысли, позволяющего продолжать практику реализации утопических проектов, а не ограничивать ее во имя стремления к реализму. В социально-культурном контексте обсуждаются темы, связанные с утопиями и нормативными идеалами, религиозным влиянием, либеральными педагогическими технологиями, сохранением и умножением культурной памяти, решением экологических и урбанистических проблем. При осмыслении социокультурной роли утопии в области литературы и киноискусства, вектор интереса сосредоточен на антиутопиях. Функцией произведений данного жанра определяется предостережение и подготовка социума к возможным вариантам развития событий. Автору обзора видится перспективным обращение к утопиям не как к отстраненным от реальности нарративам или фантастическим проектам. Утопия может рассматриваться как полноценный социально-политический проект.

Ключевые слова: утопия, утопизм, антиутопия, утопическое сознание, научные исследования, французский утопический дискурс.

DOI: 10.1723/2587-8719-2024-3-248-282.

*Жгилева Лариса Александровна, к. филос. н., доцент, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск), larsamor@gmail.com, ORCID: 0000-0003-1639-5791.

**© Жгилева, Л. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Публикуя в 1516 году свое произведение «Золотая книжечка, столь же полезная, сколь и забавная о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия», сэр Томас Мор, сам того не подозревая, начал многовековой процесс дискуссий о совершенном мироустройстве. Уже при первом приближении к содержанию понятия «утопия» мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией, когда оно употребляется с различными смысловыми значениями. В основе противоречивых оценок утопии лежит изначально двойственный смысл, вложенный в это слово Т. Мором, и до сих пор исследователи не дали однозначное определение термину «утопия» в связи с его изменчивостью и многоплановостью. Наиболее часто об утопии начинали вести речь в определенные моменты политической деятельности, в научных исследованиях или размышлениях о путях дальнейшего развития общества. Со временем диапазон значений термина «утопия» приобрел множество смысловых оттенков, начиная с обозначения свойственного всем людям стремления к лучшей и комфортной жизни, заканчивая самыми фантастическими идеями и проектами. Кроме того, данный термин начинает активно использоваться в ранее нехарактерных для его применения сферах и экстраполируется на области наук, не связанные с социально-гуманитарным знанием.

Автор работы обращается к современному французскому утопическому дискурсу, который значительно отличается от знакомой российскому научному сообществу линии интерпретации феномена утопии и утопического сознания. Указанный аспект позволяет предположить, что настоящий обзор будет интересен для российских исследователей, и позволит расширить понимание укорененности и влияния утопий в современном социуме.

В стране, подарившей миру блестящих мыслителей эпохи Просвещения, утопию рассматривают в качестве образовательного и политического проекта. Воображение авторов утопий представляло совершенные конструкции, которые сочетали в себе как критику современного им порядка вещей, так и описание общества иного, которого нет в зоне досягаемости. Благо в таком социуме формируется, главным образом, благодаря образованию, культуре, искусству и служения обществу. «Решающий вклад утопистов заключается не в щедрости их ожиданий, а в бесконечном уважении, которое они оказывают человечеству», — отмечает Т. Пако (Paquot, 2005: 119).

Надежда и желание преодолеть непосредственное, в которое мы погружены, питают утопию. Утопический дух рассматривается как еще

один способ по-иному увидеть «реальность», найти пути ее преобразования или представить себе альтернативные реальности. «Упражнение в латеральных возможностях» — так определяет данный процесс Р. Рюйер в своей книге «L'Utopie et les utopies» (Ruyer, 1988). Речь идет об открытии того, что находится за пределами непосредственного, о вещах, какими они могли бы быть, и о том, как с помощью надежды и воображения достичь наиболее полного знания. «Упражнение в латеральных возможностях» — это также и практика поиска различных способов организации общества, возможных решений проблем, затрагивающих людей, осмысление перспектив реформ, поиск иных способов политической и социальной организации. Именно надежда как «видение запредельного», способна поддерживать утопический дух, стремление к другому миру, к альтернативной реальности.

Негативный опыт реализации утопических проектов, начиная с первых попыток якобинцев периода Революции и заканчивая трагическими и негативными примерами в XX веке, привели к мысли о том, что «утопия — это плохая идея». Основные надежды были возложены на демократию, когда правительство способно слышать голос общественности и принять его во внимание при подготовке политических решений в основных областях, влияющих на общественную жизнь. Элемент критики был допущен в политическую жизнь. Однако сам акт критики, как отмечает С. Данкомб¹, — это сила, противоположная совершенству, поскольку она имплицитно предполагает нечто большее, что нужно сделать и улучшить. Общество, допускающее критику внутри себя, осознает себя несовершенным, желает постоянной самокоррекции, находится всегда в постоянном диалоге и в перманентной трансформации. Если диалог прекратится, у нас останется монолитный и фиксированный идеал.

Единственная политика, которая останется в распоряжении — это полицейская деятельность: обеспечение подчинения законам и проведение границ между теми, кто является частью «дивного нового мира» и теми, кто не принадлежат ему (Duncombe, 2012: XI–XIII).

Если мы хотим изменить мир, нам нужно отказаться от политического проекта чистой критики и двигаться в новом направлении. То есть нам нужно примириться с Утопией (ibid.: XIX).

¹Стивен Данкомб является одним из наиболее цитируемых зарубежных авторов во французских исследованиях об утопии.

«Новая утопия», по выражению С. Данкомба, будет «открытой утопией», демократической по своей концепции.

Это будет уже не просто «идеал», построенный воображением, «мечта», которую лелеют немногие, взявшие на себя ответственность за организацию «альтернативного» общества, которое навязывается всем жителям как высшее благо, но новая форма мышления, утопия как общество участия, в котором все жители свободны и несут совместную ответственность (Duncombe, 2012: XX).

Попытка представить себя другими видится одним из наиболее важных элементов утопического проекта. Человек испытывает желание прожить лучшую жизнь, в самом полном смысле этого слова хорошую жизнь, будучи самим собой, но другим, лучше и счастливее. Это желание, порыв к лучшей жизни живет в глубине человеческого сердца, и оно вписано в утопию. Поэтому утопию рассматривают и как движение к мечте. «Для чего нужна утопия? Для того, чтобы идти вперед. Утопию можно представить не как место, в которое вы попали, а как путешествие к нему» (Ressler & Schmidt-Gleim, 2016: 2).

Требование лучшего мира должно стать реальностью уже сейчас. Без надежды на альтернативное будущее мы можем лишь с ностальгией смотреть назад, если — в зависимости от того, с какой позиции мы смотрим — вообще есть что-то позитивное, на что можно было бы оглянуться назад. Поэтому политически нам нужна утопия. Утопическое мышление и воображение кажутся предпосылками для начала дискуссий о том, как организовать общество... Утопическое мышление может учитывать и формулировать желания, что является хорошей отправной точкой для создания чего-то нового,

— заключает в одном из интервью О. Ресслер² (ibid.: 10).

Современный мир, далекий от утопий, представляется одновременно однородным и разделенным, а индивидуальность сместилась в сторону индивидуализма. Т. Пако отмечает, что

общества, сосуществующие в данный момент, переживают глубокие изменения, каждое в соответствии со своими ритмами, своей историей и своей культурой, своими отношениями с природой и экосистемой, которые отсоединяют социальные группы друг от друга, разобщают их, изолируют их и увеличивают их способность к безразличию (Paquot, 2005: 119).

²Оливер Ресслер, автор международного проекта «Утопический пульс». Его исследовательские и критические фильмы и инсталляции по вопросам экономики, демократии, глобального потепления, форм сопротивления и социальных альтернатив были представлены во всем мире, в т. ч. во Франции, что позволяет отнести автора к представителям французского утопического дискурса.

Все более громко начинают звучать призывы изменить существующее представление о мире и построить новое политическое пространство. В январе 2012 года французское движение «Утопия» публикует очередной «Манифест», предлагая модель нового демократического пространства. Оригинальность проекта его авторы видят в привнесении в модель идей партий левого, леворадикального крыла, представителей экологических движений и антиглобалистов (Manifeste Utopia..., 2012).

Ситуация «интеллектуального застоя» еще более обострилась во Франции в начале XXI века. М. Флербе, используя свой значительный опыт, накопленный в ходе исследовательской деятельности, отмечает, что

недавняя идеологическая эволюция, а также тенденция глобализации в обществе и науке требуют возрождения интереса к социальной трансформации. Для этого необходимо найти новый способ, иной, чем предыдущие интеллектуальные преобразования (Fleurbæy, 2015: 3).

Он выдвигает ряд тезисов, конкретизирующих данную позицию. Утопическое мышление в современном мире должно пониматься и использоваться как рациональное исследование социальных преобразований. Подобные исследования должны проводиться группами интеллектуалов с участием социальных субъектов («глобальными интеллектуалами»), а не мыслителями-одиночками. Результаты исследований необходимо объединять и распространять в открытом доступе. «Представление реальных утопий» должно стать коллективным и скоординированным усилием.

Обломки неудавшихся утопий прошлого столетия образовали вакуум, а исследования социальных трансформаций в последние десятилетия вообще не были модными в академических кругах. Однако существует важный социальный запрос на долгосрочную перспективу и ориентиры для надежд. Социальные науки лучше, чем когда-либо, оснащены для удовлетворения этого спроса. Форма, которую может принять такой ответ сейчас, сильно отличается от утопий-антиутопий и самопровозглашенных научных идеологий, которые провидцы предлагали два столетия назад. Что можно предложить сейчас, так это проведение серьезного, действительно строгого и научного анализа чаяний и возможностей для изменений в социальной организации и социальной структуре. Утопическое мышление должно быть «включено» в академический и технический анализ институтов и социальных общностей. При этом утопия может потерять свою романтическую ауру, но обретет гораздо большую благотворную силу,

— заключает М. Флербе (Fleurbaey, 2015: 27).

Такова специфика понимания утопии и утопизма во французской социальной мысли. Ниже автор работы обобщает результаты анализа современного французского утопического дискурса, который включает в себя тенденции в изучении утопий, анализ тематики научных исследований, выявление основных концептуальных трендов. Предметом рассмотрения являются монографии, диссертации и статьи, опубликованные в научных журналах и, в большинстве своем, размещенные в открытом доступе. Поиск электронных информационных ресурсов осуществлялся в базах данных Cairn.info, Journals.openedition.org, Doaj.org. Критериями отбора выступают наличие актуальности, новизны, использование современной методологии при проведении исследований, а также практическая значимость работ. Анализ проводится с применением общенаучных методов исследования. Хронологический охват — публикации за период 2020–2023 годов.

Идея глобального изучения утопических умонастроений, посеянная М. Флербе, дала обильные всходы и была реализована исследовательской и стратегической консалтинговой компанией «L’Observatoire & Société Consommation» (ObSoCo). В период с 2019 по 2022 годы сотрудники компании провели три масштабных социологических исследования, результаты которых были скрупулезно подведены и опубликованы в ряде статей и в виде статистических сборников, размещенных в открытом доступе.

В предисловии к первому отчету 2019 года руководитель проекта Ф. Моати поясняет, почему речь зашла об утопиях:

я поставил диагноз кризиса современности, на котором базируются демократии западных культур. Это утопия, согласно которой высвобождение сил разума вызывает экономический, социальный и политический прогресс. Наш кризис современности стал, отчасти, следствием реализации его проекта. Действительно, организация общества, созданная Просвещением, для наибольшего числа людей ведет к более продолжительной жизни, защищенной от холода, голода и боли, признанию прав личности в мирном и демократическом обществе с дополнительным бонусом доступа к комфорту и удовольствиям потребления и постоянных развлечений. Но что же нам остается еще желать? (Moaty, 2019: 6)

Исследователи отмечают, что появилось общество потребителей, состоящее из индивидуумов, разочарованных отсутствием доступа к удовлетворению потребностей всех своих желаний, или погруженных в по-

верхностное благополучие, делающее их апатичными (Heilbrunn, 2019). Цель исследования группы Ф. Моати состояла в том, чтобы

погрузиться во мнения и чаяния французов. Выявить их способность придерживаться установленных утопических систем или, по крайней мере, выявить их простые утопические взгляды... Полученные результаты должны стать ценным источником информации для политических движений, позволяя им, помимо формального подхода, соотносить свои действия с глобальным и долгосрочным видением, соответствующим надеждам населения (Moaty, 2019: 7).

При составлении ObSoCo программы исследования, в термин «утопия» вкладывался смысл, который ему придают К. Мангейм и П. Рикер. Утопия

знаменует собой несогласие с состоянием действительности и имеет функцию исследования (анализа) возможного... Она отдаляет нас от настоящего и предлагает новые возможные реальности... Сегодня принято называть утопии реалистичными, более скромными по масштабу, но конвертируемыми в конкретные действия, которые, вероятно, будут реализованы в краткосрочной или среднесрочной перспективе (ibid.).

Первый обзор ObSoCo «L'observatoire des perspectives utopiques» вышел по итогам анкетирования в октябре 2019 года и был посвящен выявлению массива утопических идей, которые могли бы быть применены в современном обществе. Были заявлены задачи: создать картину современных утопических перспектив, выявить элементы согласованности или несоответствия между ними; определить стремления и ценности, которые они несут, чтобы лучше понять настроения и будущие стратегии; по результатам исследования сформировать алгоритмы возможных стратегий для компаний и сообществ. ObSoCo проводила онлайн-опрос выборки из 2000 человек, представляющих население Франции в возрасте от 18 до 70 лет. Исследование 2019 года выявило три основных тематических вектора применения утопически идей: экология, безопасность, а также техно-либерализм, основанный на прогрессе, связанный с передовым развитием науки и техники. По итогам первой волны исследования вышла монография «Утопии и потребление», авторы которой отмечают, что

одним из наиболее ярких результатов этого исследования является сила притяжения, оказываемая «экологической утопией», которая изображает различные аспекты общества. На смену ценностям общества потребления приходят новые ценности с идеями о лучшем мире, выстраиваемом благодаря

техническому прогрессу, трансгуманизму и глобализации (Badot & Moati, 2020: 11).

Второе исследование было проведено в период с 6 по 13 мая 2020 года и посвящалось утопическим представлениям французов во время пандемии COVID-19. Руководители проекта поставили задачей изучение изменений, внесенных пандемией в видении мира и устремлений французов. Изучалась степень приверженности населения к одной из трех «утопических систем» совершенного общества, выявленных по результатам исследования 2019 года: *экологическая утопия* (организация экономики и общества, стремящаяся к равновесию и трезвой оценке, жизни по принципу «меньше, но лучше»); *утопия безопасности* (общество, ностальгирующее по ушедшему прошлому, озабоченное сохранением своей идентичности и своей исключительности перед лицом иностранного влияния); *техно-либеральная утопия* (мир, сосредоточенный на прогрессе, связанном с передовым развитием науки и техники, а также с трансгуманизмом в качестве ориентира на горизонте устремлений). Каждая из трех систем была описана респондентам относительно подробно посредством примерно пятнадцати предложений, изложенных в простых терминах. Выборка респондентов составила 1888 человек на всей территории Франции в возрасте от 18 до 70 лет.

По итогам исследования был сделан общий вывод о том, что кризис, связанный со здоровьем, не сопровождался кардинальными изменений в видении французами своего будущего. По сравнению с 2019 годом на 3% увеличилось количество сторонников «экологической утопии», особенно среди обладателей профессионального высшего образования и молодых людей в возрасте 18–24 лет. На 6% выросла доля респондентов, верящих в способности науки и техники справиться с глобальными проблемами, особенно в области экологии и здравоохранения. На 2% увеличилось количество сторонников «утопии безопасности». Одновременно, «техно-либеральная утопия» набирает недоброжелателей и теряет сторонников.

Кризис в области здравоохранения укрепил критическое отношение к глобализации. Космополитические взгляды сдают позиции, респонденты надеются на сокращение притока мигрантов. Большинство респондентов не поддерживают идею идеальной политической системы, основанной на выборных должностных лицах из непрофессиональных

политиков или случайно выбранных граждан. Однако стремление увидеть более активное участие граждан в принятии решений за счет использования референдумов остается очень сильным.

В отношении неравенства наблюдается тенденция поддержки «полтока» заработной платы (79%). Вместе с тем многие из опрошенных соглашались с политикой дополнительных выплат не только за тяжелый труд, но и за талантливый подход к работе, а также высокие достижения. Каждый второй респондент согласился бы на снижение заработной платы в случае уменьшения продолжительности рабочей недели ниже 35 часов.

В анкете 2020 года содержались новые вопросы в отношении видов деятельности, от которых стоит отказаться в будущем. Во главе списка — деятельность, вредящая экологии и воздушные авиаперевозки. Многие респонденты высказались за принятие мер, ограничивающих массовое производство и потребление. Были высказаны предложения, чтобы в будущем развивались сегменты социальной жизни, связанные со взаимопомощью, поддерживающие развитие малого бизнеса.

В целом, для французов в 2020 году остается важным смыслом необходимость реагировать на чрезвычайную климатическую ситуацию, и желание коренным образом пересмотреть основы экономической и политической организации общества. В плане социальной жизни отмечено желание выстроить такой образ жизни, который будет способствовать новому определению благополучия посредством интенсификации социальных отношений, территориальной привязки, личных достижений и завоевания большей автономии личности.

С 17 по 27 января 2022 во Франции прошло третье анкетирование с выборкой из 4000 человек, представляющих население страны в возрасте от 18 до 75 лет. Организаторы опроса подчеркивают, что результаты исследования были обработаны и опубликованы до начала военного конфликта на Украине.

По итогам исследования был сделан вывод, что процент сторонников «экологической утопии» не изменился (51%). «Утопия безопасности» привлекла еще 1% сторонников, число которых составило 39% от опрошенных. 1% поддержки потерял тип «техно-либеральной» утопии (10%). Среди ценностей, которых не хватает современному обществу, отмечены: уважение к природе и борьба за экологию (44%); солидарность между людьми (56%); равенство (34%); законопослушность (33%); свобода (27%), а защита и усиление национальной и региональной идентичности набирают 11% голосов. Вместе с тем, исследователи отмечают крайне

пессимистичный взгляд французов на будущее: 54% респондентов ожидают от будущего для своих детей и внуков, менее хорошей жизни, чем у них. 58% опрошенных согласны с мнением, что «в целом раньше было лучше». Это чувство в значительной степени присуще большинству во всех группах опрошенного населения.

Французские респонденты расходятся во мнениях относительно своего отношения к науке и технологиям: 50% одобряют утверждение о том, что «развитие науки и техники приносит больше пользы, чем вредного воздействия», тогда как 32% придерживаются противоположного мнения. 59% считают, что «не следует накладывать ограничения на работу исследователей в области прогресса знаний и науки», и 50%, что «не следует налагать ограничения на экономическое применение научного прогресса». Однако 55% респондентов соглашаются с утверждением «когда я думаю о будущих научных открытиях и технологических инновациях, я беспокоюсь о будущем человечества».

Французы остро обеспокоены экологическими проблемами. 56% принявших участие в опросе идентифицируют себя с утверждением «ситуация очень тревожная» и призывают к радикальным изменениям в организации экономики и общества, возвращаясь к тому, чтобы уменьшить как производство, так и потребление излишней продукции.

Предпочтения, касающиеся политической жизни, выраженные в 2022 г., весьма значительно отличаются от тех, которые наблюдались в 2019 г., что, по мнению исследовательской группы, является вероятным следствием кризиса в области здравоохранения и той роли, которую играет государство в преодолении кризиса. Каждый респондент мог отметить не более двух моделей политических систем. Политическая система, которая занимает первое место в предпочтениях французов, — это «система, при которой решения принимаются по результатам голосования на референдумах». За нее высказались 64% опрошенных, что на 14% больше, по сравнению с 2019 годом. За «систему, в которой решения принимаются нейтральными экспертами (учеными, интеллектуалами, специалистами и т. д.)» проголосовали 39% опрошенных. Наименьшее количество голосов получили «система, в которой решения принимаются выборными должностными лицами, не являющимися политическими профессионалами» (29%) и «система, при которой решения принимаются представителями всего населения по жребию» (25%).

Большая часть французских респондентов отмечает дискомфорт от скорости, с которой меняется мир (68%), а 43% признают, что им трудно адаптироваться к этой скорости.

Любопытно, что, отвечая на вопросы о возможных сценариях будущего во время опросов 2019 и 2020 годов, французы поставили гипотезу серьезных пандемий в Европе на предпоследнее место. 69% считали такое событие маловероятным, в том числе 32% — невозможным. Несколько месяцев спустя разразился крупнейший глобальный кризис в области здравоохранения. Маловероятны в 2022 году для 72% респондентов сценарии третьей мировой войны, для 69% сценарий ядерного катаклизма. Треть респондентов считают такую перспективу невозможной.

Таким образом, «тяга французов к экологической утопии, вера в науку и технику, степень оптимизма в отношении будущего, критическое отношение к потреблению, степень открытости космополитизму, открытость различиям [...] похоже, возрастают с уровнем образования», — заключает Ф. Моати. Несмотря на «трещины, пересекающие и угрожающие французскому обществу, выявленные утопические устремления и чаяния, помогают определить общие основополагающие элементы, на базе которых можно построить будущий проект, который способен объединить всех» (Moaty, 2022: 12).

На просторах интернет-сообщества, образовательную и объединяющую население Франции функцию, принял на себя портал «Utopies.com», девизом которого стали слова Эдуардо Галеано: «Для чего нужна утопия? Она служит для движения вперед». Создатели портала своей миссией видят повышение осведомленности читателей по вопросам устойчивого развития общества. Рассказ о позитивных практиках призван вдохновлять людей по-новому думать о мире. Тематика портала разнообразна и включает такие тематические направления, как архитектура; высшее образование, медиа, новые технологии, политика, финансы, экономика и потребление; энергетика.

Переходя к вопросу *изучения феноменов утопии и утопизма* во Франции, обратим внимание на ряд тематических номеров научных журналов и монографий. «Archives de sciences sociales des religions» в 2020 году опубликовал материалы круглого стола, посвященного идеям О. Конта и А. де Сен-Симона. Авторы статей обсуждают вопрос, что представляет собой утопия и что происходит, когда она смешивается с религией. Предметом исследования стали произведения А. Сен-Симона и О. Конта, посвященные религиозным вопросам, но подвергшиеся интерпретациям, направленным, с одной стороны, на ностальгию по старому порядку, а с другой, на изобретение нового мира, в котором разум и религия будут разделять изобретение смысла, придаваемого общей жизни (Iogna-Prat, Rauwel, 2020).

Специальный номер журнала «Mouvements» 2021 года посвящен современным исследованиям утопий. Редакторы и составители номера отмечают, что если традиционные утопии претендовали на научно-реалистический подход к изображению будущего общества, то современная утопия возникает непосредственно внутри общества и выражает критическое отношение к действительности. Несмотря на разнообразие тематики (урбанистика, освоение космического пространства, политическое переустройство социума, феминистическое движение), констатируя утопический нарратив, авторы выпуска отмечают, что современная роль утопии заключается в служении процессу «ведения битвы на почве символической гегемонии». Сегодня утопия определяется, прежде всего, как «признание непосредственной прагматической полезности воображаемого» (Mouvements..., 2021).

Журнал «Les Grands Dossiers des Sciences Humaines» также посвящает в 2021 году специальный выпуск теме утопии, собрав под своей обложкой как размышления об утопических проектах прошлого, так и современные утопические идеи. Девиз составителей номера:

мы не можем помешать человеку мечтать о лучшем мире, и утопия способна направить эту энергию в общую мечту. Добро пожаловать в эту историю о лучших мирах, которые нужно создать коллективно... срочно! (Testot, 2021: 6)

В отдельном номере 2021 года журнал «Cahiers philosophiques» организует обсуждение «мест Утопии», возникающих в современном политическом, экономическом, социальном и экологическом контексте. Отмечено, что стремление «создать утопию» здесь и сейчас призвано стать ответом на существующую «инерцию способов мышления и действия». Авторы статей анализируют альтернативные образы утопий, которые могут быть способны расширить поле возможностей, рассуждают о том, при каких условиях они смогут сохранить свое утопическое измерение и не превратиться в «обязывающую модель» (Chouchan, 2021).

Ж.-Ж. Бойо в своей монографии утверждает, что современная экономика «должна заново открыть себя, и она может сделать это, только черпая вдохновение из источника утопии» (Boillot, 2021). Обращаясь к истории утопических учений от истории до современности, автор систематизирует утопии и формирует их общую типологию. Именно утопия, по мнению автора, способна сегодня помочь обществу, измученному глобализацией, найти новые ориентиры и перспективы развития.

Утопию можно рассматривать с точки зрения беспорядка: такова гипотеза книги, составителями которой выступают Дж. Коэн, С. Лагранж и А. Тюрбю. Работа построена на перекрестном рассмотрении классических и современных теорий утопии, а также анализе истории социальных движений. Авторы рассматривают различные виды утопий, от революционных до сюрреалистичных. Особому изучению подвергнуты последствия реализации утопических идеалов. Отмечается, что «террор, коллапс, апокалипсис или пророчества ставят под сомнение идею утопии, в которой не установлен заранее принцип порядка» (Cohen et al., 2022: 32). Составители книги приходят к выводу, что

необходимо уметь объяснить утопическое измерение революционных мыслей, которые после определенных событий, не стремятся к возвращению к порядку. Нужно научиться думать о тех местах, в которых мечтаешь о расцвете множественного, о нестабильном, о сложном, о настоящем и будущем. Местах, где поэтика гармонии уступает место эстетике беспорядка, но в этих местах все равно есть место для счастья (ibid.: 10).

М. Рио-Сарси в монографии «Эмансипация затруднена. Идеал под угрозой идеологий 20-го века» обращается к проблемам социального прогресса. Автор пересматривает идею прогресса и идеологию «освободительных доктрин» с позиций политических событий XIX и XX веков (от дела Дрейфуса до мая 1968 года, от американского рабочего движения до учреждения Интернационалов, от испанского восстания 1936 года до катастрофы Хиросимы и антиколониальной борьбы). Несколько глав работы посвящены анализу политической ситуации в СССР. Анализируя процессы, посредством которых свободный субъект в каждый решающий момент нивелируется в пользу «тотализирующих видений», М. Рио-Сарси замечает, что «в XX веке свобода утратила свое освободительное значение, и сегодня ее не хватает тем, кто пытается ее осуществить» (Riot-Sarcey, 2023: 6). Но автор доказывает, что подлинная идея способна регулярно возрождаться и возвращаться в самых неожиданных ситуациях.

Ряд публикаций посвящен *изучению социального утопического опыта*. Изучению утопических нарративов, моделей и концептуальных идей, содержащихся в произведениях прошлого, а также социального утопического опыта, в 2021 году посвящен специальный франко-итальянский номер журнала «Diogenes». Авторы статей сходятся во мнении, что состояние неопределенности порождает поиск путей изменения обстоятельств. Окончание пандемии открыло горизонт ожиданий иного

социального порядка и расширило ощущение возможностей выхода из общего кризиса. Настало время вновь обратиться к богатому историческому опыту, связанному с поиском утопических идеалов. Отметим наиболее интересные статьи данного выпуска.

Р. Мордаччи отмечает важность восстановления гуманистического, реалистического и образного духа утопической мысли, изначально заложенного в него Т. Мором. Автор изучает сущностные структуры и образ мысли утописта, когда он определяет принципы разумного, справедливого и счастливого общества. Р. Мордаччи приходит к выводу, что такие черты утопии, как критичность, регламентированность, рациональность, реалистичность и обращение в будущее видятся важными для использования в настоящем времени, «когда политическое воображение, кажется, попало в ловушку и находится между неправильно понятыми формами реализма и ностальгическими искушениями» (Mordacci, 2021: 14–15).

И. Гилчер-Холти проводит сравнение различных утопических концепций. Обозначив ряд критериев, таких, как цель, стратегия действия, стратегия трансформации, уровни поддержки, реализаторы, она показывает шесть этапов трансформации утопий: от пространственной утопии к временной утопии; от воображаемого контрмира к опережающему проекту; от предвосхищения к последовательной реализации утопии; от уничтожительного внешнего обозначения к идеальному типу; от науки к утопии; от утопии мира труда к утопии коммуникационного общества, демонстрируя многофокусную перспективу, которая позволяет понять способ разработки и причины выживания утопии. Работа завершается вымышленными дебатами о проблемах утопий между Юргеном Хабермасом и Карлом Поппером (Gilcher-Holtey, 2021).

Т. Пако, понимая под утопией «западную литературную форму, которая воплощается в экспериментах с более или менее продолжительной жизнью» (Paquot, 2021: 86), предлагает новый авторский каталог утопий, хронологически начинающийся с произведения Т. Мора. Особое внимание автор уделяет архитектурным и урбанистическим утопиям XX века. В панорамном обзоре он показывает множественность утопии, где каждый проект имеет свою территориальную концепцию и встроенное выражение. Например, архитектурная или урбанистическая утопия не существует без политической, социальной утопии.

Утописты сначала меняют свой образ жизни, чтобы освободиться от ограничений, налагаемых системой, которую они оспаривают (сексуальность,

образование, работа, творчество, природа и т. д.), и только потом они изобретают себе новое окружение. Доказательство утопии состоит в утопическом тестировании,

отмечает автор (Raquot, 2021: 103–104). Т. Пако предполагает, что «будущие утопии будут основаны на беспрецедентной концепции отношения людей к природе, будут рисовать прерывистые территории, развивая среду обитания, меняя городские формы в соответствии с пробуждением чувств и уважением к хронобиологии» (ibid.: 104).

М. Мухуб трактует утопию как

проекцию в будущее, бегство от настоящего, настоящее, установленное, оспариваемое и идентифицируемое как устаревшая идеология или идеология, которую необходимо преодолеть. Утопия разворачивается и как претензия на прошлую историю, и как вызов, брошенный легитимности настоящего. Утопия всегда осуществляется как движение назад и вперед между прославленным прошлым и осуждаемым настоящим, как регрессивная прогрессия (Maouhoub, 2021: 147).

Опираясь на «конституцию Медины», определяющую мирное сосуществование нескольких конфессий (мусульманской, иудейской, христианской и т. д.), автор исследует функционирование утопии на примере мусульманской истории.

Журнал «Civilisations» в 2021 году также посвящает отдельный номер теме создания утопических коммун в сельской местности. В работах, включенных в номер проведено исследование французских нео-сельских инициатив, идеологии проведения панк-концертов в сельских общинах департамента Вогезы, общин «Новой деревни» Маньчжурии и индуистской общины Маяпура в Индии.

В редакторской статье М. Саллюстио отмечает, что целью авторов собранных в выпуске работ является осуществление анализа социально-антропологических основ утопии и выработка такого понимания данного феномена, который позволил бы реализовывать утопии в действительности. Отталкиваясь от понимания утопии в качестве «принципа надежды» (Э. Блох), «возможно говорить о полезности утопии, а также возможности ее реализации, поскольку она основана на историческом, социально-экономическом и практическом познании мира. Это то, что Э. Блох определяет как „конкретную утопию“, — отмечает редактор (Sallustio, 2021: 12).

Интерес авторов номера к сельской утопии объясняется ими важностью проблематики для современности:

кажется, что гармоничную жизнь легче достичь в сельской местности, учитывая возможности доступа к земле и производству продуктов питания (овощи, мясо, сыры, крупы) или, по крайней мере, близость к местам производства. Эта установка также применима к доступу к питьевой воде и дровам, что позволяет предусмотреть относительную энергетическую автономность для отопления или приготовления пищи... В отличие от городского пространства, которое считается перенасыщенным событиями и политически контролируемым, сельская местность предлагает перспективы ухода от излишней тревожности, возможность экспериментировать и строить среду обитания по своему желанию... Сельский мир пробуждает еще и возможность автономии в смысле пространственной удаленности от мест власти, государства или рынка, часто ассоциирующихся с городом (Sallustio, 2021: 32–35).

Идеи Ш. Фурье вдохновили на проведение исследований опыта реализации утопии М. Лальмана и Д. Руссельера. М. Лальман изучает реализованные в Соединенных Штатах Америки утопические проекты, приводя в пример коммуну Онайда (штат Нью-Йорк), основанную в 1848 году Джоном Хамфри Нойесом. Именно этот проект Огюст Фабр назвал «самой любопытной социалистической попыткой столетия» (1896 г.). В контексте исследования феминистской модели утопии, автор описывает новые формы организации труда (свободный труд) и отношения между женщинами и мужчинами (свободная любовь), существовавшие в этой коммуне. Исследователь приходит к выводу, что подобные утопические проекты необходимо анализировать в связке с дискуссиями об аболиционизме, предварявшими Гражданскую войну, а также феминистскими идеями Шарля Фурье (Lallement, 2022). Д. Руссельер изучает деятельность утопической коммуны Альфадельфия (1844–1848), построенной с опорой на утопические идеи Ш. Фурье. В сфере его интересов методы урегулирования различных споров, характерные для общественной жизни. Автор обращает внимание, что анализируемые примеры управления, связанные с недовольством членов коммуны, подчеркивают необходимость того, «чтобы подобные целенаправленные сообщества умело сочетали самовыражение членов, лояльность к организации и достижение экономического успеха» (Rous-selière, 2023: 46).

Исследователи продолжают анализировать *политическую утопию, а также идеологию как ее проявление*. Ж.-П. Кужу сравнивает философские теории Суареса с наследием Томаса Мора и Алонсо де Мадригал Эль Тостадо (1410–1455). Автор ставит своей задачей выявить двойственность, лежащую в основе структуры политической теории.

С одной стороны, она ориентирована на достижение лучшего режима, создание идеального правительства, установление лучшей из республик. С другой стороны — цель установить не наилучшую форму правления, но такую, которая принесла бы улучшение имеющихся условий. Исследователь приходит к выводу, что

согласие совершенного общества с разумом и естественным правом должно подразумевать аналогичное согласие с властью, предназначенной для управления им, без которой возникла бы угроза политического упадка (раздор и анархия) и онтологического упадка (коррупция и отчуждение проекта от мистического тела [*corps mystique*]). Следовательно, всегда остается надежда предположить, что Конституция, полностью основанная на принципах постоянства бытия в течение долгого времени и естественного закона, останется для человеческого рода окончательным оправданием его исторического существования (Soujou, 2020: 260).

В 2020 году увидела свет монография С. Одьё «Экологический город: для эко-республиканизма». В аннотации к работе автор отмечает, что «наши идеи и наши институты не соответствуют современным вызовам. Следовательно, ни мораль, ни технология не спасут нас в одиночку, а их взаимодействие очень сложно осуществить» (Audier, 2020: 2). Книга призвана внести вклад в обновление экологической политики,

показать, что у нас есть теоретическое и практическое наследие, которое, начиная с античности, никогда не переставало искать пути «общего блага» и «общих возможностей». Например, демократический республиканизм и социализм искали способы формулирования требований свободы, равенства и солидарности. Их необходимо срочно обновить, поскольку ясно, что экологическая проблема вопрос также является социальным и демократическим вопросом и что неравенство является решающим фактором, препятствующим любым изменениям. Эти идеалы освобождения приобретают беспрецедентный размах в то время, когда горизонт ответственности расширяется в пространстве и во времени, и снова приходит понимание, что общий мир состоит не только из людей (*ibid.*).

М. Коган на основе анализа работ М. Фуко и П. Рикера, рассуждает о месте гетеротопий (пространственных утопий) в революционной борьбе. На примере автономного феминистского движения в Болонье (1971–1986 гг.) автором обсуждаются функции, роль и эффективность гетеротопий, выступающих в качестве инструмента борьбы революционных движений (Caugant, 2021).

О. Геген и Л. Жанпьер возвращаются к теоретическому анализу возможностей преобразования будущего. Опираясь на методологию

К. Маркса и М. Вебера, привлекая концепции Д. Лукача и Э. Блоха, они осуществляют критическую реконструкцию влияния утопических проектов на общество, актуализируют острые вопросы противостояния утопий и науки в контексте формирования идей представителями утопических теорий XIX–XX вв. В аннотации к работе авторы книги выражают надежду, что проведенный ими анализ может быть полезным для понимания современных политических реалий, деятельности партий левого крыла, а также будет способствовать реабилитации критического подхода в социальных науках. «Проявите творческий подход, требуйте возможного!», — дают они совет современникам, призывая поощрять трансформацию социального мира, а не ограничивать ее во имя предполагаемого реализма (Guéguen, Jeanpierre, 2022).

С. Брион-Порте анализирует военный конфликт на Украине, через призму проекта вечного мира, возникшего в эпоху Просвещения и связанного с прогрессивным видением истории и верой в человеческое совершенствование. Автор утверждает, что такие универсальные утопические идеи, как Всемирная республика или Планетарная гармония подорваны современными реалиями. Сегодня необходимо уже мыслить иными категориями и снова учиться вести диалог при построении международных союзов и расширении межгосударственных федераций (Bryon-Portet, 2022).

Изучение проявлений феномена утопии не ограничивается социально-политическими исследованиями. Утопия продолжает обретать новые смыслы и характеристики *в социально-культурном контексте*. В силу значительного объема изучаемой тематики, весь спектр исследований поделим на подгруппы.

Ряд авторов обращается к аспектам утопий, связанным с их *аксиологической и этической спецификой*. Авторы классических утопий часто упрекали современное им общество в том, что законодательство призвано наказывать пороки вместо того, чтобы изменить социум и сделать такие пороки невозможными. Ф. Одежан в своей работе рассуждает о причине того, почему инструмент смертной казни долгое время оставался в обществах, рисуемых классическими утопиями. По его мнению,

эта устойчивость, несомненно, парадоксально объясняется самим совершенством утопических законов, малейшее нарушение которых сразу представляется иррациональным и противоестественным, так как любое отклонение поведения в мире утопии имеет свои корни в исключительной порочности мятежной души... Поэтому, и в ряде более поздних утопий, смертная казнь,

как орудие высшей власти, продолжает напоминать о возможности жесткого пресечения правонарушений (Audegean, 2020: 364).

Э. Тэйб исследует различные тексты по медицинской тематике, созданные в рамках трансгуманизма. Он показывает, каким образом данные тексты попадают в парадигму «идеального здоровья», а в широком смысле, под понятие биовласти. Автор отмечает, что подобные работы можно рассматривать в качестве реалистичной или разумной утопии, в которой технологии будут служить заботе о человеке. В работе сделан вывод, что, несмотря на резкую критику во Франции медицинского измерения трансгуманизма, он представляет собой заботу о себе и поиск «биологического счастья» (Таïeb, 2020).

Я. Фергюсон в своей работе через призму системы власти осуществляет критический анализ процесса функционирования организации в случае применения в ее работе технологии искусственного интеллекта. Он демонстрирует процесс создания организационной антиутопии, которая, в итоге, может привести к дегуманизации организации. В статье сделан вывод, что в случае применения определенных технологий и бездумной замены человека машиной, через алгоритмизацию управления организацией способна внедриться только антиутопия. При создании утопии применяли бы гуманизм, дарвинизм, этику (Ferguson, 2020).

Ф. Сабуль исследует здоровье как нормативный идеал, изучает концепцию «Единое здоровье», реализуемую во Франции по окончании пандемии COVID-19. Он ставит целью анализ утопических аспектов дискурса, развернутого в рамках этой концепции, усомнившись в понимании здоровья как универсального измерения, а также гибридности научной и политической позиции государства. Пандемия подтвердила, что в настоящее время здоровье имеет универсальную ценность, оно играет роль желаемого горизонта и является предметом беспрецедентного внимания. Именно здоровье было возведено в идеал, ради которого все государства мира смогли приостановить течение социальной жизни населения. Автор полагает, что данный пример позволяет считать, что программа «Единое здоровье», это «мертворожденная концепция, позволяющая правительству и далее использовать ограничения социальной жизни» (Saboul, 2023: 171).

О проекте реализации педагогической утопии рассказывает А. Оайон. Автор повествует об исторических, политических, социальных и культурных нюансах, которые сопровождали создание экспериментального

университетского центра Венсена после событий мая 1968 г., анализирует его деятельность до 1980-х гг. Штат молодых преподавателей, многочисленные и нестандартные проекты, новизна преподаваемых гуманитарных дисциплин, разнородность студентов и способ управления, тяготеющий к самоуправлению, определяли статус этого «левого» учреждения. А. Оайон, сегодня почетный преподаватель Парижского университета VIII, размышляет над причинами, почему данный эксперимент был решительно прекращен государственными структурами в начале 1980-х годов, а образовательная утопия в Венсене прекратила существование (Ohaion, 2022).

М. Молинье, П. Фрейс и А. Шанте исследуют понятие «документальная утопия», для чего обращаются к трем аспектам деятельности Поля Отле (1868–1944): отношению к музею в его «Договоре о документации» (1934); рассуждениям об использовании образов музеев в рисунках Франсуа Шутена; работе с посетителями в «Городе знаний» (*Palais Mondial, Mundaneum*), месте, сочетающем в себе музей, библиотеку, архив и центр интерпретации источников. П. Отле часто называют предшественником или пионером документации. Он стремился сделать мир лучше, содействуя его всеобщему пониманию через разработку новых сервисов работы с документами и распространение знаний. Этот гуманистический проект предполагал разработку инструментария, способного осуществлять поиск, сбор, идентификацию и систематизацию документов. По мнению авторов, проект П. Отле объединил в себе три великие утопические идеи: библиотеки, музея, всеобщего мира. Первая утопическая идея: объединение всех знаний, которые размещены в помещении, подобном древней Александрийской библиотеке. Идея, которая приобрела значение «Потерянного рая» и была также связана с мифом о Вавилонской башне. П. Отле сегодня стал частью этой утопии, когда появилась универсальная библиотека, которая сегодня посредством сети Интернет объединяет цифровой контент, использует сложные устройства для чтения и хранения данных. Вторая утопическая идея — создание музея идей, которые представлены разными документами (масштабными моделями, образцами, фотографиями, картами, схемами, диаграммами). Это мечта создания мира в миниатюре. Третья утопическая идея — мечта П. Отле о всеобщем мире. Эти идеи неизбежно присутствуют и в современном мире. Авторы обсуждают, как с помощью технологий реализуются две утопические идеи. Остается третья — мечта о всеобщем мире (Molinier, Fraysse, Chante, 2020). В целом, утопический характер документального проекта Поля Отле

обусловлен его проектом индексации и классификации всех знаний мира в одном месте.

В продолжении темы идей о создании универсальной библиотеки, отметим исследование Р. Фетнана. Автор рассуждает о технологиях создания «книги-карты», символе эрудиции, позволяющей свести информацию к минимуму для более глобального распространения. П. Отле представил свою теорию «документальной утопии» в произведении «Книга о книге». В этой работе охарактеризованы процессы, направленные на рационализацию книги и управление ею посредством библиологии, которую П. Отле намеревался создать в науке с помощью лингвистики, логики, математики, способствующих умениям создавать, публиковать и распространять научные данные. Цель проекта состоит в том, чтобы выйти за рамки книги, путем объединения всех средств массовой информации, имеющих аналогичные функции. П. Отле считал, что средства информации и коммуникации, такие как телевидение, радио, пластинки, кино, а также театр, произведения искусства и выставки, предназначены для передачи синтеза знаний в его универсальном измерении. «Город знаний = Мировой дворец» (*Palais Mondial*) представлял собой очередную попытку материализовать «документальную утопию». Созданный в 1920-х годах во Дворце Пятидесятилетия в Брюсселе, он объединил в себе библиотеку, музей и проведение научных мероприятий. Все предметы, документы и артефакты предназначены для образовательных целей. Р. Фетнан резюмирует, что

в документальном проекте Поля Отле книга представляет собой парадигмальную модель, вокруг которой развиваются формы, устройства и методы, лежащие в основе документирования: все начинается с книги, но все к ней же и возвращается (Fetnan, 2021: 195).

Я. Рейзон дю Клезьё пытается определить место и роль католицизма в современном мире. Ссылаясь на Д. Линденберга, он отмечает интересное свойство непримиримого католицизма, который имеет тенденцию становиться «замещающей контркультурой». Чтобы понять, как католицизм стал структурирующим элементом дискурса интеллектуалов, Я. Рейзон дю Клезьё обращается к анализу публицистики и романов известного современного автора Мишеля Уэльбека. Автор далек от того, чтобы считать Мишеля Уэльбека католическим писателем, квалифицировать его романы как католические или утверждать, что католицизм лежит в основе его критики современных западных обществ. Анализ творчества М. Уэльбека помогает ему

глубже понять своеобразие развернутого там антилиберального дискурса и его переплетений с антимодернистской риторикой... Католицизм находит свое место в романтическом настроении произведений, потому что он представлен как цивилизационная форма, метафизика, способная приостановить стремление к господству «естества» (желание, сексуальность, первобытность и т. д.) и растворить личность в порядке,

— отмечает автор исследования (Raison du Cleuziou, 2021: 156). Темы романтического дискурса Мишеля Уэльбека, действительно, имеют много консервативных измерений: отождествление дехристианизации с процессом децивилизации; критика сексуального освобождения мая 1968 года как причины регресса в положении женщин; осуждение иллюзии индивидуальной свободы; апология традиционных семейных структур, защищенных запретом на супружескую измену; анализ католицизма как устоявшейся исторической мудрости; превосходство исторического обычая над абстрактным разумом; защита ясновидения Папы Иоанна Павла II. Я. Рейзон дю Клезье отмечает, что

дискурс романов Мишеля Уэльбека предполагает, что возврат к прошлому невозможен. Исторические социальные формы, позволявшие людям обрести относительное счастье, определенно устарели. Либерализм уничтожил их условия возможности. В романах Уэльбека обращение к христианскому общественному порядку служит для критики настоящего и описания функций социальной интеграции, которые должен восстановить будущий порядок. Регро-фантастика — движущая сила антиутопической проекции. Будущее должно быть религиозным, как и прошлое, и закрыть скобки либерализма. Но теперь только наука может взять на себя эту миссию. Этот переход от учительства священников к ученому — это не просто передача власти, это новое определение человечества. *Homo sapiens* должен уступить место научно «дополненному (взрожденному)» наследнику (ibid.: 155).

Эмансипация — это не горизонт, уверяет читателей Я. Рейзон дю Клезье. Антиутопический «регистр» позволяет Уэльбеку иронизировать по поводу «тушика мира», который делает такое будущее привлекательным.

Современная эпоха лишает наследства давно созревшую мудрость своих предков. Со времени Шатобриана романтизм и консерватизм соединились в литературном выражении острого осознания трагического характера исторической ситуации. Имеет место непоправимый разрыв между временностью идеалов и временностью возможного (ibid.: 156).

Неоднозначное искусство Мишеля Уэльбека, по мнению автора исследования, напоминает о сложности круговорота смыслов между политикой и эстетикой.

Внимание при осмыслении социокультурной роли утопии в *области литературного творчества* сосредоточено на антиутопиях. В 2021 году журнал «Quaderni» посвящает номер вымышленным антиутопиям, являющихся тревожным симптомом пандемийного социума. Редакторы и составителя номера отмечают, что современное информационное пространство наполнено антиутопиями, предвосхитившими возможное темное будущее человечества. Столь активное распространение антиутопий создает странное ощущение конца света, как будто каждый день новая катастрофа готова обрушиться на человечество и уничтожить его. Размышления о будущем в плане утопий/антиутопий, по их мнению, позволяет предотвратить подобное развитие событий. Вместе с тем, антиутопию не нужно путать с коллапсологическим дискурсом и тематизацией конца света.

Художественная литература представляет собой осведомителя, оружие не только для того, чтобы предсказать конец, который слишком масштабен и слишком неопределен, но и для того, чтобы подготовиться ко всем изменениям, и, как ни странно, к худшим (Taïeb & Candel, 2021: 11).

Я. Румпала анализирует феномен киберпанка в контексте антиутопического изображения технологического будущего. Киберпанк, по мнению автора, — это эволюционировавшая антиутопия. Он (киберпанк),

показывает уровень, который больше не является полем тоталитарных антиутопий, и вовлекает в игру другие социальные силы, помимо сил диктаторских правительств или репрессивных бюрократических аппаратов. Оригинальность киберпанка также заключается не только в пересборке компонентов антиутопии, но и в развитии новых для нее элементов и предвидении в художественном воображении новых возможных тревог. Персонажи киберпанка пребывают в среде, которая, одновременно, гипертехнологична и уязвима, как и сама система. Экономические приоритеты больше не боятся демонстрировать свою жестокость. В этих мирах значительная часть общества, по-видимому, находится под контролем гигантских фирм, которые приобрели власть, сумев обойти или обезоружить антимонопольные законы (Rumpala, 2021: 33).

Автор полагает киберпанку перспективное будущее в области содействия пониманию социальных событий и тенденций.

Л. Семаль целью своей работы ставит изучение того, как разнообразное описание глобальных катастроф в научно-фантастических произведениях XIX–XX веков может помочь выявить и проблематизировать вопросы, поднимаемые представителями экологических движений.

Причины возможных глобальных катастроф рассматриваются автором в трех ракурсах: выявление того, кто или что несет ответственность за первоначальную катастрофу; повторяющийся или беспрецедентный характер катастрофы; темп, с которым происходит катастрофа — будь то медленная антиутопия, быстрый коллапс или мгновенный апокалипсис. Л. Семаль призывает к более пристальному изучению предвидений, сделанных писателями-фантастами. Разнообразие их литературных приемов

позволяет экспериментировать с различными способами повествования о сложной катастрофической траектории, пытаясь найти справедливый баланс между необходимой частью глобальной катастрофы и той частью свободы действий и изобретательности, оставшихся в живых участников (Semal, 2021: 52).

Ряд работ Т. Мишо посвящены институциональной научной фантастике. Предмет его интереса — творческие идеи фантастических произведений, которые используются компаниями в качестве прототипов и, впоследствии, внедряются в качестве технических изобретений. Институциональная научная фантастика — это технология создания сценариев развития организаций, выполненных в жанре научной фантастики, с целью предложить видения будущего, на которые организации могут положиться при реализации своих стратегий. В результате использования данной технологии возникает «инновационный менталитет», который направляет технический и социальный прогресс в этическое измерение. По мнению автора,

институциональная научная фантастика может стать полноценным течением научной фантастики, воображаемым продуктом организаций, проектирующих себя в будущее посредством подхода, вдохновленного художественными практиками дизайнерской фантастики (Michaud, 2022: 12).

Создание научной фантастики действительно полезно для развития научного духа нации, заключает автор. Однако эту технологию стоит использовать с осторожностью, чтобы не отпугнуть инвесторов и не направить развитие компании по ложному пути (Michaud, 2023).

В области *исследований кино-утопий*, философский дискурс также пронизывают антиутопические мотивы. А. Ж.-Ж. Коэн, приглашенный автор журнала «Diogenè» и руководитель дискуссии о современных измерениях утопии, предлагает для оценки читателям и зрителям анализ

антиутопических анаморфоз в фильме Стивена Содерберга «Заражение». Эта киноработа, за десять лет предвосхитившая мировую пандемию, иллюстрирует, как повседневная жизнь превращается в непригодную для жизни антиутопию. Утопия и антиутопия, по мнению автора, находятся в постоянной диалектической динамике, когда

(ретроспективно) утопическое прошлое уже содержит код собственного самоуничтожения, так и (перспективно) антиутопическое настоящее порождает выносливость и борьбу не на жизнь, а на смерть за выживание, хотя бы в способе существования, отличном от потерянного прошлого и смертного настоящего (А. J.-J. Cohen, 2021: 182–183).

Э. Будон анализирует французский мини-сериал «Трепалиум» (2016), рассказывающий об альтернативном обществе, разделенном на две части стеной и подвергающем остракизму безработных граждан. В сюжетных линиях поднимаются темы социального неравенства, безработицы, а также страданий людей во время работы. Автор приходит к общему выводу, что

сценаристы, продюсеры и телеведущие могут считать себя «моральными предпринимателями», использующими антиутопическую сериальность, чтобы добиться построения «драматургии» общественных проблем (Boudon, 2021: 72).

Исследование С. Хамич посвящено антиутопическим блокбастерам «Голодные игры», «Дивергент» и «Бегущий в лабиринте». Автор анализирует политические подтексты сюжетных линий, а также влияние, которое оказывают на молодых французов подобные «псевдополитические» сюжеты. В своей оценке исследователь опирается на 24 качественных интервью, проведенных с молодой аудиторией в 2018 и 2019 годах. Опрос был проведен среди 13 молодых людей и 11 подростков, в том числе 15 женщин и 9 мужчин различных профессий. Исследователь отмечает, что для всех респондентов эти фильмы остаются, прежде всего, развлечением. Однако респонденты отметили также факт размышлений по итогам просмотра указанных киноработ. С. Хамич предполагает, что причинами размышлений является то,

люди вживаются в антиутопии, осуществляя «виртуальное перемещение», позволяющее им соотнести свой опыт с общественными проблемами, предлагаемыми антиутопиями...; возраст молодых людей, которые тревожатся по поводу рынка труда (нестандартная занятость, первые рабочие места и т. д.); пережитый ранее экономический кризис 2008 года (Hamiche, 2021: 102).

Автор приходит к выводу, что

антиутопии, ориентированные на молодежь, можно считать политическими, если они изображают определенное количество общественных проблем, представляют собой стратегии общественного сопротивления и воспринимаются как таковые, хотя бы частично, молодой аудиторией. Традиционное удовольствие от экшена и научной фантастики сочетается с удовольствием от размышлений, что характеризует склонность опрошенной публики к этой голливудской версии жанра антиутопии (Hamiche, 2021: 104).

Отмеченный в ходе социологических опросов интерес социума к *экологическим утопиям*, затрагивает и социально-философские исследовательские практики. К. Берглю анализирует проекты создания городских эко-районов: Клиши-Батиньоль (17-й округ Парижа) и Бель-Эр—Гран-Пешер Монтрей (восточный пригород Парижа) с позиций социальных представлений об экологических территориях. Текст работы также включает выдержки из полуструктурированных интервью, полученных в период с января по март 2018 г. у специалистов в области устойчивого развития, участвовавших в организации указанных эко-районов. В исследовании показано, как построенные на долгосрочных прогнозах «идеалистические» представления об «эко-жителях» и проекты эко-районов, сталкиваются с реальными управленческими решениями и ограниченным бюджетом, что приводит к «стандартизации способа производства устойчивого города и коммерциализации экологических проблем» (Berthelot, 2020: 64).

К. Х. Хансер рассказывает о реализованном проекте экологической утопии «Путевая хижина», который был разработан с целью пригласить молодых людей выйти за стены учебных заведений и приобщить их к бытовым и профессиональным практикам посредством «жеста художественного гостеприимства». Автор рассказывает о трех этапах реализации «блуждающей утопии» (*Utopie vagabonde*): изучении экзистенциального измерения творческого процесса (2010–2015 гг.), формировании навыков «проводника» (2015–2018 гг.) и оформлении теоретической концепции проекта (с 2018 года) (Hanser, 2022).

Б. Вилялба рассуждает о влиянии «конкретных утопий», которые являются частью уже существующей теоретической и политической структуры, и способствуют формированию их политики действий. Автор обращается к анализу идеологии и примерам современных экологических утопий, основанных на реальной возможности трансформации реальности, а также на понимании социального и экологического контекста их

построения. Взвешенно анализируя положительные и проблемные стороны процессов, Б. Вилялба приходит к выводу, что подобные проекты

способны формировать префигуративную политику, особенно в случае экологических и посткапиталистических альтернатив, они продвигают освободительное политическое намерение отдельных лиц, поскольку речь идет о создании условий для преобразования условий жизни каждого человека (Villalba, 2022: 1).

Однако,

учитывая ухудшение экологического давления и расширение технических угроз (особенно ядерных), мы можем поставить под сомнение способность этих утопических контрпредложений сформировать полноценный институциональный ответ, отвечающий на такие масштабные вызовы (ibid.: 40).

А. Мюссе анализирует проект футуристического, ультратехнологического и экологического мегаполиса «The Line» («Линия»), строительство которого осуществляется в Саудовской Аравии. Разработчики и реализаторы проекта заявляют, что «„The Line“ перевернет представление о том, как должна быть устроена цивилизация. Это город, где качество жизни находится на невиданной высоте, где природу берегают, а потребности людей стоят на первом месте. Это новый взгляд на городское планирование и на то, как будет выглядеть город будущего». Однако А. Мюссе задается вопросом, не окажется ли в итоге фантастический проект темной антиутопией, подобно «Альфавиллю», изображенному Ж.-Л. Годаром в одноименном фильме. Описывая проект города, его технические службы и возможности, автор находит множество пересечений с примерами из научно-фантастических произведений и кинофильмов, изображающих альтернативную, подконтрольную и жестокую реальность.

Этот город станет полностью вне контроля его обитателей, которые сами будут полностью контролироваться, [...] станет паноптическим городом, в котором расцветет «общество контроля». Это кошмар географа и социолога, смешавший экологическую катастрофу, социум и цифровую диктатуру. Добро пожаловать в матрицу!

— восклицает А. Мюссе (Musset, 2023: 2).

В целом, утопическая тематика не оставляет умы французского общества, и не только исследователей. Например, в июне 2023 года компания «Europe Direct» в городе Ош (Гасконь), вручила призы победителям конкурса, посвященного актуальности утопической проблематики среди литературных произведений. Победитель конкурса, Лорерин Даш

уверяет: «У нас есть утопия повсюду, но мы недостаточно открываем глаза, чтобы увидеть ее».

Подводя итог аналитическому обзору современного французского утопического дискурса, отметим ряд его наиболее интересных и перспективных для будущих научных исследований моментов:

- ◇ Термин «утопия» во французском утопическом дискурсе не избежал судьбы множественной смысловой трактовки. Наиболее ярко она представлена в качестве просветительских и политических проектов, дающих возможность реализовать мечту о более лучшем и совершенном мире. Утопическое мышление сегодня может стать альтернативным ресурсом, питающим интеллектуальное движение;
- ◇ Исследовательские группы заинтересованы в изучении утопических умонастроений французского общества. Результаты исследований востребованы представителями политических движений, а также применяются при долгосрочных прогнозах общественного развития;
- ◇ В области изучения феноменов утопии и утопизма, за утопией закрепляется ее функция содействия обретению нового жизненного смысла;
- ◇ Исследователи положительно оценивают социальный утопический опыт, как в его исторической ретроспективе, так его современные примеры. Отмечается важность восстановления гуманистического духа утопической мысли, позволяющего продолжать практику реализации утопических проектов, а не ограничивать ее во имя стремления к большему реализму;
- ◇ Утопия продолжает обретать новые смыслы и характеристики в социально-культурном контексте. Исследователями обсуждаются темы, связанные с нормативными идеалами, религиозным влиянием, либеральными педагогическими технологиями, сохранением и преумножением культурной памяти, решением экологических и урбанистических проблем;
- ◇ Внимание исследователей при осмыслении социокультурной роли утопии в области литературы и киноискусства сосредоточено на антиутопиях. Функцией произведений данного жанра определяется предостережение и подготовка социума к возможным вариантам развития событий;

- ◇ Видится перспективным обращение к утопиям не как к отстраненным от реальности нарративам или фантастическим проектам. Утопия может рассматриваться как полноценный социально-политический проект.

ЛИТЕРАТУРА

- Audegean P.* Avant Beccaria. Utopie et peine de mort au XVIIIe siècle // Revue Droit & Littérature. — 2020. — Т. 4, n° 1. — P. 363–370.
- Audier S.* La cité écologique. Pour un éco-républicanisme. — Paris : La Découverte, 2020.
- Badot O., Moati, Ph.* Utopies et consommation. — Caen : EMS Editions, «Societing», 2020.
- Berthelot K.* Du mythe de l'habitant-écocitoyen à l'optimisation des modes de vie : vers une subjectivation néolibérale des conduites? Étude des représentations professionnelles sur l'écologie et les écoquartiers // Reflets et perspectives de la vie économique. — 2020. — Т. VIII, n° 1. — P. 49–64.
- Boillot J.-J.* Utopies made in monde. Le sage et l'économiste. — Paris : Odile Jacob, 2021.
- Boudon H.* Trepalium : quand une série dystopique participe de la dramaturgie des problèmes publics // Quaderni : Politique(s) des dystopies. — 2021. — Т. 102, n° 1. — P. 71–86.
- Bryon-Portet C.* La guerre en Ukraine au prisme de l'utopie européenne : les déceptions d'un projet de paix perpétuelle? // Hermès, La Revue. — 2022. — Т. 90, n° 2. — P. 191–195.
- Caugant M.* Construire un autre monde : penser la place des hétérotopies dans les luttes révolutionnaires. Exemple du féminisme autonome bolonais de 1971 à 1986 // Matériaux pour l'histoire de notre temps. — 2021. — Т. 139–142, n° 1–4. — P. 139–144.
- Chouchan N.* Lieux de l'utopie // Cahiers philosophiques. — 2021. — Т. 4, n° 167.
- Cohen A. J.-J.* Anamorphoses dystopiques dans Contagion de Steven Soderbergh. L'Autre du désir. L'Autre de la mort // Diogène. — 2021. — Т. 273/274, n° 1/2. — P. 171–185.
- Cohen J., Lagrange S., Turbiau A.* Esthétiques du désordre. Vers une autre pensée de l'utopie. — Paris : Le Cavalier Bleu, 2022.
- Coujou J.-P.* Alphonse de Madrigal, Thomas More et Suárez. La question des limites du possible en politique // Revue des sciences philosophiques et théologiques. — 2020. — Т. 104, n° 2. — P. 243–260.
- Duncombe S.* Open/Utopia. Introduction to More's Utopia. — Wivenhoe, New York : Port Watson, 2012.
- Ferguson Y.* Puissance de calcul, force de l'emprise? Critique de l'«organisation augmentée» // Nouvelle revue de psychosociologie. — 2020. — Т. 29, n° 1. — P. 157–169.

- Fetnan R.* L'érudition selon Paul Otlet, ou le dépassement utopique du livre // Hermès, La Revue. — 2021. — T. 87, n° 1. — P. 193–195.
- Fleurbaey M.* Mainstreaming Utopia : A Global Challenge // Penser global : Internationalisation et globalisation des sciences humaines et sociales. — Paris : Éditions de la Maison des sciences de l'homme, 2015. — P. 93–102.
- Gilcher-Holtey I.* Les formes changeantes de l'utopie de Thomas More à Jürgen Habermas // Diogène. — 2021. — T. 273/274, n° 1/2. — P. 64–85.
- Guéguen H., Jeanpierre L.* La perspective du possible. Comment penser ce qui peut nous arriver, et ce que nous pouvons faire. — Paris : La Découverte, 2022.
- Hamiche S.* Vers une réception politique des dystopies destinées aux jeunes : le cas des séries de films Hunger Games, Divergente et Le Labyrinthe // Quaderni : Politique(s) des dystopies. — 2021. — T. 102, n° 1. — P. 87–104.
- Hanser C. H.* Une pratique vagabonde des histoires de vie : réflexion sur une utopie spatiale de la formation pour adultes en cabane itinérante // Le sujet dans la cité. — 2022. — T. 14, n° 2. — P. 15–30.
- Heilbrunn B.* L'obsession du bien-être. — Paris : Ed. Robert Lafont, 2019.
- Ioana-Prat D., Rauwel A.* Archives de sciences sociales des religions : Autour de Comte et Saint-Simon: Reconfigurations socio-religieuses post-révolutionnaires // Archives de sciences sociales des religions. — 2020. — T. 3, n° 190.
- Lallement M.* Utopie concrète, travail et genre. Le cas Oneida // Travail, genre et sociétés. — 2022. — T. 48, n° 2. — P. 129–145.
- Manifeste Utopia. Avant-propos : Appel pour la constitution d'un nouvel espace politique mondial / S. Hessel [et al.] ; Les éditions utopia. — 2012. — URL : <http://www.editions-utopia.org/wp-content/uploads/2016/12/Pages-de-Manifeste-.pdf>.
- Maouhoub M.* Utopie et histoire. Esquisse du cas de l'Islam // Diogène. — 2021. — T. 273/274, n° 1/2. — P. 147–161.
- Michaud T.* La science-fiction institutionnelle, un imaginaire au service du management de l'innovation. Institutional Science Fiction, an imaginary at the service of the management of innovation // Interfaces numériques. — 2022. — T. 11, n° 1. — URL : <https://www.unilim.fr/interfaces-numeriques/4732>.
- Michaud T.* La science-fiction institutionnelle. — Paris : L'Harmattan, 2023.
- Moaty P.* L'Observatoire des perspectives utopiques : Rapport d'analyse. Vague 1. Octobre 2019. — Paris : ObSoCo, 2019.
- Moaty P.* L'Observatoire des perspectives utopiques : Synthèse. Vague 3. Mars 2022. — Paris : ObSoCo, 2022.
- Molinier M., Fraysse P., Chante A.* Paul Otlet muséologue? La patrimonialisation de l'utopie documentaire de Paul Otlet au Mundaneum de Mons // Les Cahiers du numérique. — 2020. — T. 16, n° 1. — P. 165–180.
- Mordacci R.* Essence et méthode de l'utopie // Diogène. — 2021. — T. 273/274, n° 1/2. — P. 7–22.
- Mouvements : Utopies. Troubles dans le présent / V. Bourdeau [et al.] // Éditeur : La Découverte. — 2021. — T. 4, n° 108.

- Musset A.* Neom et The Line (Arabie saoudite) utopie futuriste ou cauchemar urbain? // *L'Information géographique*. — 2023. — Т. 87, n° 1. — P. 139–161.
- Ohayon A.* Utopies et réalités d'un centre universitaire expérimental : Vincennes (1969–1980) // *Nouvelle revue de psychosociologie*. — 2022. — Т. 33, n° 1. — P. 219–234.
- Paquot T.* Utopie : uniformité sociale ou hétérogénéité. Thomas More, Robert Owen, Charles Fourier et André Godin revisités // *Informations sociales*. — 2005. — Т. 125, n° 5. — P. 112–119.
- Paquot T.* Les lieux des utopies. Petit catalogue commenté // *Diogène*. — 2021. — Т. 273/274, n° 1/2. — P. 86–104.
- Raison du Cleuziou Y.* L'apologie du catholicisme dans les romans de Michel Houellebecq : entre rétro-fiction conservatrice et progressisme dystopique // *Quaderni : Politique(s) des dystopies*. — 2021. — Т. 102, n° 1. — P. 133–156.
- Ressler O., Schmidt-Gleim M.* Utopian Pulse—Flares in the Darkroom : Interview // *Anthropology & Materialism*. — 2016. — No. 3. — URL: <http://journals.openedition.org/am/592>.
- Riot-Sarcey M.* L'émancipation entravée. L'idéal au risque des idéologies du XXe siècle. — Paris : La Découverte, 2023.
- Rousselière D.* Alphadelphia (1844–1848) : à propos de la dynamique des disputes dans une communauté fouriériste américaine // *Histoire, économie & société*. — 2023. — Т. 42, n° 1. — P. 28–46.
- Rumpala Y.* Entre désenchantement et problématisation: le cyberpunk comme panorama d'un devenir dystopique du technocapitalisme? // *Quaderni : Politique(s) des dystopies*. — 2021. — Т. 102, n° 1. — P. 25–38.
- Ruyer R.* L'utopie et les utopies. — Saint-Pierre-de-Salerno : Gérard Monfort, 1988.
- Saboul F.* Stratégie «ONE HEALTH». La santé publique et ses utopies // *Communication & Organisation*. — 2023. — Т. 63, n° 1. — P. 157–171.
- Sallustio M.* Collectifs utopiques en milieu rural—Introduction // *Civilisations*. — 2021. — Т. 70, n° 1. — P. 9–26.
- Semal L.* Les récits de désastre global entre lenteur dystopique, précipitation collapsologique et instantanéité apocalyptique // *Quaderni : Politique(s) des dystopies*. — 2021. — Т. 102, n° 1. — P. 39–54.
- Taïeb E.* Transhumanisme et santé parfaite // *Quaderni*. — 2020. — Т. 99/100, n° 1. — P. 125–135.
- Taïeb E., Candel É.* Éditorial : Chaque jour, la fin du monde // *Quaderni : Politique(s) des dystopies*. — 2021. — Т. 102, n° 1. — P. 9–11.
- Testot L.* Les Grands Dossiers des Sciences Humaines : Utopies: 3 000 ans de rêves pour changer le monde. — Dijon : Éditions Sciences Humaines, 2021. — (Hors-série ; 10).
- Villalba B.* Utopie, pragmatopie et hétérotopie. À propos de quelques limites politiques des expérimentations de transition écologique // *Développement durable et territoires*. — 2022. — Т. 13, n° 2. — P. 1–23.

Zhgileva, L. A. 2024. "Real'nost' 'utopicheskogo' v sovremennom frantsuzskom sotsial'nom diskurse [Reality of the 'Utopian' in Modern French Social Discourse]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (3), 248–282.

LARISA ZHGILEVA

PHD IN PHILOSOPHY

ASSISTANT PROFESSOR

NORTHERN (ARCTIC) FEDERAL UNIVERSITY NAMED AFTER M. V. LOMONOSOV (ARKHANGELSK, RUSSIA);

ORCID: 0000-0003-1639-5791

REALITY OF THE “UTOPIAN” IN MODERN FRENCH SOCIAL DISCOURSE

Submitted: Apr. 05, 2024. Reviewed: May 05, 2024. Accepted: July 17, 2024.

Abstract: Turning to modern French discourse, the review examines current trends in the study of the phenomenon of utopia. Academic research topics are analysed and key conceptual trends are highlighted. The subject of consideration is monographs, dissertations and articles published in scholarly journals, the selection criteria being relevance, novelty, use of modern methodology and practical significance. The works span between 2020 and 2023, and thus belong to a period comprising the COVID-19 pandemic as well as serious changes in the global political situation. The author comes to the conclusion that in French utopian discourse the term *utopia* was subject to multiple semantic interpretations, being most vividly presented in the form of political and educational projects aimed at realizing the dream of a better, perfect world. Research companies are interested in the utopian sentiments of French society. Results of utopian studies are in demand by intellectuals and representatives of political movements, in addition to being used in long-term social development forecasts. The works highlight the importance of reviving the humanistic spirit of utopian thought in order to continue the implementation of utopian projects and not to limit said spirit in the name of striving for realism. In the sociocultural context, topics related to normative ideals, religious influence, liberal educational technologies, preservation and enhancement of cultural memory are discussed, as well as ways of solving environmental and urban problems are discussed. Investigating the sociocultural role of utopia in literature and cinematography, researchers focus on dystopias, ascribing to them the function of warning and preparing society for possible scenarios. The author of the review finds it promising to consider utopias not as fantastic projects or narratives detached from reality, but as fully fledged sociopolitical projects.

Keywords: Utopia, Utopianism, Dystopia, Utopian Consciousness, Research, French Utopian Discourse.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-248-282.

REFERENCES

- Audegean, Ph. 2020. "Avant Beccaria. Utopie et peine de mort au XVIIIe siècle" [in French]. *Revue Droit & Littérature* 4 (1): 363–370.
- Audier, S. 2020. *La cité écologique. Pour un éco-républicanisme* [in French]. Paris: La Découverte.
- Badot, O., and Moati, Ph. 2020. *Utopies et consommation* [in French]. Caen: EMS Editions / "Societing".

- Berthelot, K. 2020. "Du mythe de l'habitant-écocitoyen à l'optimisation des modes de vie: vers une subjectivation néolibérale des conduites? Étude des représentations professionnelles sur l'écologie et les écoquartiers" [in French]. *Reflets et perspectives de la vie économique* VIII (1): 49–64.
- Boillot, J.-J. 2021. *Utopies made in monde. Le sage et l'économiste* [in French]. Paris: Odile Jacob.
- Boudon, H. 2021. "Trepalium: quand une série dystopique participe de la dramaturgie des problèmes publics" [in French]. *Quaderni: Politique(s) des dystopies* 102 (1): 71–86.
- Bourdeau, V., et al. 2021. "Mouvements: Utopies. Troubles dans le présent" [in French]. *Éditeur: La Découverte* 4 (108).
- Byron-Portet, C. 2022. "La guerre en Ukraine au prisme de l'utopie européenne: les désillusions d'un projet de paix perpétuelle?" [In French]. *Hermès, La Revue* 90 (2): 191–195.
- Caugant, M. 2021. "Construire un autre monde: penser la place des hétérotopies dans les luttes révolutionnaires. Exemple du féminisme autonome bolonais de 1971 à 1986" [in French]. *Matériaux pour l'histoire de notre temps* 139–142 (1–4): 139–144.
- Chouchan, N. 2021. "Lieux de l'utopie" [in French]. *Cahiers philosophiques* 4 (167).
- Cohen, A. J.-J. 2021. "Anamorphoses dystopiques dans Contagion de Steven Soderbergh. L'Autre du désir. L'Autre de la mort" [in French]. *Diogène* 273–274 (1–2): 171–185.
- Cohen, J., S. Lagrange, and A. Turbiau. 2022. *Esthétiques du désordre. Vers une autre pensée de l'utopie* [in French]. Paris: Le Cavalier Bleu.
- Coujou, J.-P. 2020. "Alphonse de Madrigal, Thomas More et Suárez. La question des limites du possible en politique" [in French]. *Revue des sciences philosophiques et théologiques* 104 (2): 243–260.
- Duncombe, S. 2012. *Open/Utopia. Introduction to More's Utopia*. Wivenhoe and New York: Port Watson.
- Ferguson, Y. 2020. "Puissance de calcul, force de l'emprise? Critique de l'organisation augmentée" [in French]. *Nouvelle revue de psychosociologie* 29 (1): 157–169.
- Fetnan, R. 2021. "L'érudition selon Paul Otlet, ou le dépassement utopique du livre" [in French]. *Hermès, La Revue* 87 (1): 193–195.
- Fleurbaey, M. 2015. "Mainstreaming Utopia: A Global Challenge." In *Penser global : Internationalisation et globalisation des sciences humaines et sociales*, 93–102. Paris: Éditions de la Maison des sciences de l'homme.
- Gilcher-Holtey, I. 2021. "Les formes changeantes de l'utopie de Thomas More à Jürgen Habermas" [in French]. *Diogène* 273–274 (1–2): 64–85.
- Guéguen, H., and L. Jeanpierre. 2022. *La perspective du possible. Comment penser ce qui peut nous arriver, et ce que nous pouvons faire* [in French]. Paris: La Découverte.
- Hamiche, S. 2021. "Vers une réception politique des dystopies destinées aux jeunes: le cas des séries de films Hunger Games, Divergente et Le Labyrinthe" [in French]. *Quaderni: Politique(s) des dystopies* 102 (1): 87–104.
- Hanser, Ch. H. 2022. "Une pratique vagabonde des histoires de vie: réflexion sur une utopie spatiale de la formation pour adultes en cabane itinérante" [in French]. *Le sujet dans la cité* 14 (2): 15–30.
- Heilbrunn, B. 2019. *L'obsession du bien-être* [in French]. Paris: Ed. Robert Lafont.
- Hessel, S., et al. 2012. "Manifeste Utopia. Avant-propos: Appel pour la constitution d'un nouvel espace politique mondial" [in French]. Les éditions utopia. <http://www.editions-utopia.org/wp-content/uploads/2016/12/Pages-de-Manifeste-.pdf>.
- Iogna-Prat, D., and A. Rauwel. 2020. "Archives de sciences sociales des religions: Autour de Comte et Saint-Simon: Reconfigurations socio-religieuses post-révolutionnaires" [in French]. *Archives de sciences sociales des religions* 3 (190).

- Lallement, M. 2022. "Utopie concrète, travail et genre. Le cas Oneida" [in French]. *Travail, genre et sociétés* 48 (2): 129–145.
- Maouhoub, M. 2021. "Utopie et histoire. Esquisse du cas de l'Islam" [in French]. *Diogène* 273–274 (1–2): 147–161.
- Michaud, T. 2022. "La science-fiction institutionnelle, un imaginaire au service du management de l'innovation. Institutional Science Fiction, an imaginary at the service of the management of innovation" [in French]. *Interfaces numériques* 11 (1). <https://www.unilim.fr/interfaces-numeriques/4732>.
- . 2023. *La science-fiction institutionnelle* [in French]. Paris: L'Harmattan.
- Moaty, Ph. 2019. *L'Observatoire des perspectives utopiques: Rapport d'analyse. Vague 1. Octobre 2019* [in French]. Paris: ObSoCo.
- . 2022. *L'Observatoire des perspectives utopiques: Synthèse. Vague 3. Mars 2022* [in French]. Paris: ObSoCo.
- Molinier, M., P. Fraysse, and A. Chante. 2020. "Paul Otlet muséologue? La patrimonialisation de l'utopie documentaire de Paul Otlet au Mundaneum de Mons" [in French]. *Les Cahiers du numérique* 16 (1): 165–180.
- Mordacci, R. 2021. "Essence et méthode de l'utopie" [in French]. *Diogène* 273–274 (1–2): 7–22.
- Musset, A. 2023. "Neom et The Line (Arabie saoudite) utopie futuriste ou cauchemar urbain?" [in French]. *L'Information géographique* 87 (1): 139–161.
- Ohayon, A. 2022. "Utopies et réalités d'un centre universitaire expérimental: Vincennes (1969–1980)" [in French]. *Nouvelle revue de psychosociologie* 33 (1): 219–234.
- Paquot, T. 2005. "Utopie: uniformité sociale ou hétérogénéité. Thomas More, Robert Owen, Charles Fourier et André Godin revisités" [in French]. *Informations sociales* 125 (5): 112–119.
- . 2021. "Les lieux des utopies. Petit catalogue commenté" [in French]. *Diogène* 273–274 (1–2): 86–104.
- Raison du Cleuziou, Y. 2021. "L'apologie du catholicisme dans les romans de Michel Houellebecq: entre rétro-fiction conservatrice et progressisme dystopique" [in French]. *Quaderni: Politique(s) des dystopies* 102 (1): 133–156.
- Ressler, O., and M. Schmidt-Gleim. 2016. "Utopian Pulse—Flares in the Darkroom: Interview." *Anthropology & Materialism*, no. 3, <http://journals.openedition.org/am/592>.
- Riot-Sarcey, M. 2023. *L'émancipation entravée. L'idéal au risque des idéologies du xxe siècle*. Paris: La Découverte.
- Rousselière, D. 2023. "Alphadelphia (1844–1848): à propos de la dynamique des disputes dans une communauté fouriériste américaine" [in French]. *Histoire, économie & société* 42 (1): 28–46.
- Rumpala, Y. 2021. "Entre désenchantement et problématisation: le cyberpunk comme panorama d'un devenir dystopique du technocapitalisme?" [in French]. *Quaderni: Politique(s) des dystopies* 102 (1): 25–38.
- Ruyer, R. 1988. *L'utopie et les utopies* [in French]. Saint-Pierre-de-Salerne: Gérard Monfort.
- Saboul, F. 2023. "Stratégie 'ONE HEALTH'. La santé publique et ses utopies" [in French]. *Communication & Organisation* 63 (1): 157–171.
- Sallustio, M. 2021. "Collectifs utopiques en milieu rural—Introduction" [in French]. *Civilisations* 70 (1): 9–26.
- Semal, L. 2021. "Les récits de désastre global entre lenteur dystopique, précipitation collapsologique et instantanéité apocalyptique" [in French]. *Quaderni: Politique(s) des dystopies* 102 (1): 39–54.
- Taieb, E. 2020. "Transhumanisme et santé parfaite" [in French]. *Quaderni* 99–100 (1): 125–135.

- Taïeb, E., and É. Candel. 2021. "Éditorial : Chaque jour, la fin du monde" [in French]. *Qua-
derni: Politique(s) des dystopies* 102 (1): 9–11.
- Testot, L. 2021. *Les Grands Dossiers des Sciences Humaines: Utopies: 3 000 ans de rêves
pour changer le monde* [in French]. Hors-série 10. Dijon: Éditions Sciences Humaines.
- Villalba, B. 2022. "Utopie, pragmatopie et hétérotopie. À propos de quelques limites poli-
tiques des expérimentations de transition écologique" [in French]. *Développement durable
et territoires* 13 (2): 1–23.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И ЭПИСТЕМОЛОГИЯ

ИССЛЕДОВАНИЯ. ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

STUDIES. PART 3

ДАРЬЯ ШАХОВА*

ВЛАДИМИР БИБАХИН: ТОПОЛОГИЯ ВСТРЕЧИ**

Получено: 31.03.2024. Рецензировано: 28.04.2024. Принято: 16.07.2024.

Аннотация: В данной статье предпринимается попытка феноменологического описания акта встречи с другим с опорой на философские тексты В. В. Бибахина. Встреча рассматривается через призму следующих ключевых понятий бибахинской мысли: «мир», «пора», «событие», «другой» и «слово», в результате чего выстраивается определенная топология данного феномена. Первый пункт описания встречи в свете философии Владимира Бибахина — это место встречи, его «где», которым является мир. Мир понимается как целое, единое, как то, что ускользает от концептуализации, то, что захватывает нас и нашу мысль; мир как абсолютная открытость, тайна. Выход к миру, а значит, к встрече — через отрешенность, тишину, согласие. Далее в статье анализируется время встречи, которое описывается через бибахинское понятие «поры». Пора внекалендарна, событийна, уникальна, исторична, относится к моменту «вдруг», это кайротическое время. Пора — это время покаяния, метанойи, смены аспекта. Затем в статье обращается внимание на сущность феномена встречи, на его «что», которое понимается через концепцию «события» В. В. Бибахина. Событие — исторически конкретно, всегда ново, молниеносно и стихийно, нам неподвластно и неподконтрольно; оно связано с удивлением и озарением. Событие нас захватывает, погружает в себя. После этого в статье рассматривается фигура «другого», так как встреча — это всегда встреча с другим: с другим собой, с идеей, с Богом, с иным человеком. В итоге встреча с другим понимается как выход к инаковости по ту сторону представления, как узнавание себя-иного-настоящего. Топологическое описание акта встречи с другим завершается рассмотрением феномена слова. Слово — это весть о событии встречи. Через язык осуществляется выход к миру-единому. Слово понимается как продолжение человеческого тела. Без слова нет события, но и слова нет без события. В слове — наше свидетельство о мире; весть о событии лежит в начале общения и общества.

Ключевые слова: встреча, Бибахин, мир, пора, событие, другой, слово.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-285-309.

Я не вижу другой возможности улучшить наше положение чем расширение личных встреч между людьми разных жизненных миров всеми приличными средствами, лишь бы удалось не соскальзывать на общие места и пустые фразы.

Владимир Бибахин. «Наше положение»

*Шахова Дарья Сергеевна, аспирант, Университет Сорбонна (Париж), shakhova.spb.dasha@gmail.com, ORCID: 0000-0003-1879-8076.

**© Шахова, Д. С. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

МИР: «ГДЕ» ВСТРЕЧИ

Мы решили начать рассмотрение феномена встречи в свете философии Владимира Библихина с вопроса о месте, где эта встреча происходит. Осмелимся утверждать, что, скорее всего, в ответ от философа мы бы получили короткое слово «мир». Встреча, несомненно, происходит в мире. На первый взгляд, ответ кажется слишком очевидным, он как будто ничего не прибавляет к нашему пониманию. Однако оказывается, что все не так просто, если отважиться подойти к миру со всей строгостью философской мысли. Именно эту задачу ставит перед собой Владимир Библихин в своем первом авторском курсе лекций, прочитанном весной 1989 года в Институте теории и истории мировой культуры при философском факультете МГУ. Попробуем же и мы, следуя за его размышлениями, если не ответить на то, что есть мир, то как минимум приблизиться к его библихинскому пониманию.

Сегодня много внимания уделяется необходимости найти свое место в мире. Человек, потерпевший неудачу в этом непростом предприятии, так или иначе все-таки вынужден как-то устраиваться в нем. Но дело в том, что такое устраивание себя не может его удовлетворить, скорее это будет устраивать кого-то другого, но при этом сам он будет чувствовать потерянность, чуждость и неприкаянность. А что, если сначала попробовать найти мир? С такого предложения начинает свое размышление о мире Владимир Библихин.

Предложение, хоть и заманчивое, но не так просто поддающееся реализации. Мы определенно не можем видеть мир, мы всегда видим вещи, предметы, отдельных людей. Мы не можем обладать миром, не можем им завладеть, мы не можем дать одного всех удовлетворяющего определения мира; на самом деле, мы даже не можем его потерять. Мы все в мире: «человека без мира нет» (Библихин, 2020: 136)¹. Тогда необходимо задаться вопросом о том, что же дает нам доступ к этому «мирному» ощущению, как-таки его найти?

Мир нам дан как целое². При этом, «мы не знаем, что такое целое; мы его узнаем, когда оно есть» (там же: 18). Мир нас захватывает,

¹Оригинальная пунктуация В. В. Библихина сохранена в статье.

²Как отмечает в этой связи друг Владимира Библихина, философ Сергей Хоружий: «В тематизации Мира, которая развернута в курсе 1989 г., одно из самых онтологически нагруженных понятий — „целый мир“. Это — апофатическое понятие; „целый мир“, по Библихину, — самое необходимое..., и однако всегда неприступное, не данное, отсутствующее» (Хоружий, 2024).

окутывает; в мире мы дома, вне мира — мы бездомны. Сами, собственными силами создать мы его не можем, «мир дарят» (Бибихин, 2020). Очевидно, что чувство полноты не всегда присутствует в нашей жизни, это событийное состояние.

«Целый мир» бывает, когда нас захватывает чувство, одновременно с которым мы чувствуем, что оно не очерчено нашим телом, а относится ко всему. Таким чувством может быть беспричинная радость, которая стоит у здравого смысла под большим подозрением. Беспричинная радость относится ко всему миру, нам тогда кажется, что целый мир хорош, и мы несомненно знаем, что во всем мире нет ничего, что избежало бы этого чувства, т. е., стало быть, мы неким образом охватываем этим чувством целый мир (там же).

С целым миром нас также роднят и те чувства, когда кажется, что мир пополз, «во всем начинает мерещиться обман, неладность» (там же): ключевым здесь является то, что это наше настроение распространилось на весь мир.

На первый взгляд кажется, что такие размышления носят сугубо психологический характер, хотя мы взяли рассуждать о мире как целом. И тем не менее, Владимир Бибихин избирает именно такой путь, с самого начала давая понять, что к миру подойти напрямую и вплотную не получится, он всегда будет уклоняться от попыток навязать ему наше видение, наше понимание, ни в каких схемах и понятиях ни передать, ни ухватить его не получится.

Не нужно думать, — пишет Бибихин, — будто стоит нам занять ту или иную позицию, как произойдет что-то вроде хранения мира. Целое присутствует только в нашем надрыве от того, что его нет (там же: 138).

Может сложится впечатление, что мир намеренно скрывается от нас, он как будто не хочет, чтобы человек его нашел. На самом деле, дело обстоит совсем иначе: «мир не просто открыт и свободен, он сам и есть открытость и свобода. Ничего окончательного в мире не произошло, значит мир сбережен открытым» (Бибихин, 2010: 82). Абсолютная открытость мира — с одной стороны, с другой — всегда остается опасность того, что мир человеком так и не будет найден. Что же тогда становится препятствием этой встрече?

Пожалуй, главной ошибкой является спешность человека понять этот мир, приручить его, сделать своим. Наше сознание так устроено, что оно непрерывно набрасывает на окружающую его реальность привычные, знакомые, уже сформированные им образы, оно непрестанно подвергает все, что встает на его пути, интерпретациям; постоянно идет процесс

толкования мира, его перебаривания и присвоения. Общество приучает нас выстраивать стены защиты своего Я, учит предвидеть, взвешивать, выбирать; «правильное» поведение — это чувствовать себя в этом мире уверенно, твердо, победительно. Новое, доселе неизвестное, таинственное пугает: его непременно необходимо «обезоружить», понять, разъяснить себе и вписать в свою картину мира, внести как очередной отшлифованный кирпичик в здание своего мировоззрения; «свое, пусть малое, владение приносит больше, кажется, удовлетворения. Мы общество мелких владельцев» (Бибихин, 2015b: 42).

Нет никакого сомнения в том, что умение собирания мира в единое целое неоценимый дар, полученный человеком. И тем не менее, у этого процесса есть обратная сторона: увлекшись конструированием своего мирка, мы очень близки к тому, чтобы окончательно закрыть дверь перед миром. Занимаясь его частями, мы забываем, что есть мир как целое, и, что важно, охватить, разгадать который нам никогда не удастся.

Мир не то, что думают истолкователи. Мир всегда и больше и меньше чем им кажется, он неожиданный... Мир не то что недоразъяснен и требует окончательного верного мировоззрения, а он не такая вещь которой можно было бы вообще распорядиться. Мир загадка. Он сделан чтобы сводить нас с ума (там же: 156–157).

И, как мы помним, человека нет без мира. Настоящее переживается в нем, и только в нем. Ощущаем, что живем мы именно в мире, вне мира мы существуем, функционируем, заняты либо заботами о будущем, либо заботами прошлого.

Что делает нас присутствующими в мире? Открытость, согласие, принятие.

Я не *раньше* откуда-то знаю, — пишет Владимир Бибихин, — что такое целый мир, а в согласии мира, когда целый мир для меня такой, что я допускаю ему быть, я только начинаю знать, какой он (Бибихин, 2020: 82).

Мир нас захватывает, не мы его; последнее нам просто не по силам. Просто допустить вещам быть — оказывается сложнейшей задачей для человека-строителя мира. Он видит в мире изъяны, недоделанности, неточности, несправедливости; они требуют его немедленного вмешательства, его активизма. Но, конечно, не это приблизит нас к миру: мир не надо спасать, он есть, он лишь ждет нашего присутствия, т. е. нашего «да» — ему, миру.

Наше присутствие в мире можно описать через настроение, настроенность, на-строй. Так, Владимир Бибихин пишет об отрешенности как определенного рода «мирном» настроении, которое

не будучи приглашением погрузиться в разочарование и с вялым равнодушием отталкивать от себя мир, близко настроению строгой науки: не ждать и не надеяться, что есть разгадка всего, иметь дело с тем, с чем можно иметь дело, не терзаться положением, когда целое снова и снова ускользает от нашей хватки. Отрешенность учит, что самое захватывающее, первые начала и последние концы, не в человеческой власти (Бибихин, 2020: 51),

и дальше он точно замечает: «Согласитесь: это невыносимо. Трезвость, смирение, терпеливое благоразумие — невыносимы» (там же: 18).

Как нами было уже упомянуто выше, сознание практически не дает человеку высвободиться от режима схем, картин, мировоззрений, взвешиваний и мер. Вещи так или иначе подпадают под трактовку, рационализируются нашим разумом, впадают в подчинение нашей волей. Все затянута сетью стратегий и порядков³. Миру отведено человеком определенное место, определенное назначение. Мир человеком поделен, сам человек раздерган. Кажется, выхода нет, но он есть — это выход к миру в его тишине, согласии, безволии.

Тихое безмолвие мира не оставляет человека в покое, наоборот, захватывает. Захваченность поднимает человеческое существо. Прикосновение к миру неслышно снимает его, как лодку с мели. Да, мир незаметно правит всегда; его власть над нами, когда она не замечена нами, сказывается в безумной легкости наших отношений с ним. Но находим мы себя в нем не всегда. Мир приходит неслышно; чтобы расслышать его, надо услышать тишину.

³Заметим в этой связи, что каждый, кто хоть немного прикоснулся к философской мысли Владимира Бибихина, не мог не заметить ее особенное устройство, выбор которого, как нам кажется, кроме всего прочего, был продиктован мирным, но настойчивым бибихинским противлением любым схематизациям в философии. Как верно по этому поводу пишет исследователь творчества Владимира Бибихина, философ Александр Михайловский: «Работа мысли Бибихина подчеркнута неметодична и неаналитична... вместо схем, классификаций, дефиниций и т. д. слушателю/читателю предлагается новый и рискованный опыт прочтения хрестоматийных текстов, неотступное кружение вокруг *интересных* [...] и неприступных тем, челночное движение от частного к общему и от общего к частному, наконец, постоянная перенастройка оптики или смена аспекта в витгенштейновском духе: самое очевидное и наиболее употребляемое как раз менее всего очевидно, а потому его открытие всегда ново... [Требуемое от читателя герменевтическое усилие] имеет шанс состояться не иначе как через (1) следование самому тексту, отказ от внешних ему шаблонов и схем; и (2) увлеченность самим предметом мысли, или, говоря словами самого Бибихина, через „захваченность“ и „открытость“» (Михайловский, 2015: 307).

Тогда мы начинаем слышать голоса самих вещей как бы издали; они словно приходят в согласие. Мир не кроме вещей, но он и не вещь и не имеет голоса среди других голосов; он заколдованное и завораживающее согласие, такое, которого среди голосов мира не бывает (Бибихин, 2020: 58–59).

В тишине, в безмолвии услышать голос мира — вот задача. Ее исполнение необходимо, если мы хотим найти свое место в мире, если мы хотим присутствовать, если мы хотим свершаться, если мы желаем Встречи. Предприимчивость и активизм стоит оставить на пути ее осуществления: от нас не все зависит. Но это и не распускание себя. Это задача задач:

хранить целый мир, уже отсутствующий, через хранение себя, последнего оставшегося в мире места, где целый мир еще имеет себе место в памяти об отсутствии его спасенного целого, — это, может быть, и безумное, но единственное дело, оставшееся достойным человека (там же: 137).

По силам ли эта задача человеку? По крайней мере, мы должны о ней знать, если хотим найти мир, если хотим найти место в мире. Далеко не просто решиться на безусловное «да» миру, на позволение себе быть захваченным миром (а там — будь, что будет), на смиренное согласие с ним, на верность ему. Но только в мире мы можем встретиться с самими собой, узнать себя, и, что важно, это встреча с собой невозможна без связи с другим: «опыт мира невозможен без другого» (там же: 120) — почему это так, мы будем размышлять далее; в этом же разделе мы попытались дать феноменологическое описание самого «места» — мир — где опыт встречи возможен, где встреча свершается.

ПОРА: «КОГДА» ВСТРЕЧИ

Если мы принимаем тезис о том, что место встречи принадлежит миру, далее, на наш взгляд, логично будет задаться вопросом о времени встречи. Не будем забывать о том, что сам феномен времени до сих пор не оставляет в покое философскую мысль, поэтому и мы постараемся быть осторожными в наших рассуждениях о нем. Тайну времени также не мог обойти и Владимир Бибихин: оно стало одним из главных героев его курса лекций «Пора» на философском факультете МГУ в 1995–1996 гг.

Встреча, несомненно, происходит во времени, но о каком конкретно времени идет речь? Для того, чтобы различить это самое время встречи, подсветить его на фоне движущейся механически стрелки часов,

мы решили воспользоваться бибихинским понятием «пора», феноменологическое описание которого, мы надеемся, позволит нам лучше проникнуть в суть самого события встречи.

Когда мы слышим «пора», очевидно, что мы относим ее ко времени, в широком смысле эти два слова могут выступать синонимами. Однако, у поры есть свои особые модусы проявления, которые выделяют ее время из остального потока. «Пора единственна» (Бибихин, 2015а: 17), относится к моменту; она — скорее у Кайроса, чем у Хроноса. Пора

сама определяет нашу историю, так что мы ни в коем случае не можем переступить за пределы, продиктованные порой, за ее горизонт не выступим, все равно с каким бы возмущением сознание ни убеждало нас, что оно хозяин положения... Пора заставляет думать о «моменте», который нужно «ловить» [...]. Время и пора как открывшийся путь *внезапны* (там же: 19–20).

Пора всегда внекалендарна; событие поры не может оказаться в нашем расписании, среди наших намерений и замыслов, оно приходит вдруг. Ожидание поры не требует планирования, нашей инициативы, нервозности, скорее доверия — и именно в таком ожидании залог успеха⁴. Пора исторична, точнее, она приносит историю: новое, уникальное, небывалое. Пора — это всегда возвращение к настоящему, которому «противоположно не прошлое, не будущее, не вообще длительность, а ненастоящее» (Бибихин, 2012: 234); это время присутствия, в котором раскрывается и будущее, и прошлое, время-благо внутри времени. Пора ничему не противостоит, так, например, нельзя сказать, что она противопоставлена механистическому времени, но их взаимосплетенность ухватить непросто, они как бы идут парой: «от нас ускользает, вывертывается, где в настоящем летучий момент и где постоянное» (Бибихин, 2015а: 83–84).

Пора связана с встречей с большим, которое нас захватывает, хотим мы этого или не хотим. Большое, которым мы захвачены, — это всегда сдвиг, перемена.

Время разворачивается, — пишет Владимир Бибихин, — между «раньше» и «позже» события встречи с большим, на перепаде если хотите «в глубину», куда мы во всяком большом проваливаемся. — она же и глубина нашего существа, которая при встрече с большим раскрывается, а так — нет, может быть даже и никогда (там же: 52).

⁴Успех понимался Владимиром Бибихиным через «успеть», так, например, природа успешна.

Сдвиг — это что-то, что «предполагается величием» (Бибихин, 2015а: 53), которое проще всего потерять (там же: 64). Бессмысленно заниматься подсчетом сдвигов, они все уникальны и неповторимы и всегда в *настоящем* настоящем. Пора — это время сдвига-события, а «событие берет себе времени сколько ему надо и какого ему надо» (там же: 120); оно включает нас в свое измерение, нарушая наши счеты и меру времени;

событие растянуто, оно протяженное по свойству своей величины, величия, захватывающего... [оно] втягивает нас. Во времени мы прикасаемся не к «форме» события, а к нему самому (там же: 126).

Пора — это точка нашего собирания, нас настоящих, когда мы отвлечены от рассмотрения нашего прошлого, и не заняты планированием будущего. В этот момент есть нечто, что больше нас — и оно интереснее нас самих, оно захватывает и очаровывает. Можно даже сказать, что это точка принципиальной пассивности: от нас не требуется предприимчивости и инициативности, скорее — внимание и открытость; не стоит рассчитывать и на сиюминутное понимание:

о «понимании» события речь не может идти... потому что захват им предполагает смену аспектов, т. е. что мы *обязательно* посмотрим на него «другими глазами», и смена аспектов... не планируется и не вычисляется (там же).

Время нами воспринимается как что-то необратимое и безвозвратно ушедшее. Иначе обстоит дело с временем-порой. Можно сказать, что ее всегда можно наверстать, у нас всегда остается шанс нагнать ее — «войти» в пору. Мы как бы всегда приглашены, пора есть открытость. Если упустили приглашение сегодня, пора, кайротическое время остается; оно не задето нами, но оно никуда и не девается; мы можем почувствовать, услышать пору, а можем и нет. Как пишет Владимир Бибихин:

пора сейчас такая же свежая, так же требует собранности и обещает собранность как и упущенная пора... О *поре* не совсем можно говорить как о времени что она будто бы безвозвратно упущена, что-то мешает: время ушло необратимо, но *именно* потому что время ушло и потеряно, теперь *тем более пора* — а о времени нельзя сказать, что раз оно упущено, то оно тем более время. Тем более *мы* должны ценить время, тем дороже время, но мы не говорим: тем дороже пора (там же: 129).

Как мы отметили выше, с рекой времен, с Летой, мы связываем необратимость, она все уносит в прошлое, вернуть которое мы не можем. Однако, нам всем почему-то свойственно забывать о том, что эта же самая река не только уносит, но и приносит — все новое, небывалое

доселе, захватывающее нас. Это новое вытягивает нас из безвременья и бесконечности, из суеты и мельтешения и возвращает в время, в существование здесь и теперь, по-хайдеггеровски мы бы сказали, в вот-бытие, в присутствие, в *Dasein*. Здесь происходит упомянутая выше смена аспектов, изменение, сдвиг, метанойя; здесь мы попадаем в историю, одновременно высвобождаясь из бесконечных просторов

«вечных истин», «обобщений» «глобальных схем» [...] только тогда мы спасаемся от вечности или вернее от мнения о вечности избавляемся для настоящей вечности, как говорит это слово, «новой силы» (Бибихин, 2015а: 228).

Метанойя — то, что в нашем языке стало «покаянием» — в буквальном переводе с греческого значит «перемена мыслей, ума», такая, что, если я и помню себя до перемены, мне уже сложно понять себя того, прошлого, до-метанойного; витгенштейновская смена аспекта: я вдруг — другой,

отчего — не совсем отдаю себе отчета но раньше и не думал, что смогу так думать, так стать другим, хоть в этом себе, который стал вдруг другим, не узнаю чужого, узнаю себя настоящего [...] и полностью перехожу в новое [...] через порог такого покаяния я только и могу [...] шагнуть — не в «мир иной» о «мире ином» в отличие от «мира сего» Евангелие никогда не говорит; «мир сей» без сожалений оставляется, чтобы выйти из него в — вот евангельское выражение — «век грядущий» (Бибихин, 2020: 94).

Пора — это время «века грядущего», событийного, нас берущего в захват; и это, несомненно, требует смелости, решимости, решения — довериться, «это немножко как оказаться без парашюта — требует доверия земле или вернее подземному, смертному» (Бибихин, 2015а: 143).

Итак, время для нас непомерное, несмотря на все наши попытки его приручить и управлять им. Наши меры иллюзорны, «внутри сплошного захвата, который мы только искусственно делим на захват нас и захват наш» (там же: 147). Свойством времени, времени-поры является то, что оно «сцеплено с бытием и небытием» (там же: 227), а общее, одинаковое основание для обоих — событие (там же). Встреча — это, вне всякого сомнения, событие — феномен, рассмотрению которого мы посвятим следующий раздел нашего исследования.

СОБЫТИЕ: «ЧТО» ВСТРЕЧИ

Рассмотрев место и время встречи, мы, наконец, подобрались к описанию ее «чтойности», «такости», к ее феноменологической сути. Итак, в этом разделе нашим основным тезисом будет следующее утверждение:

встреча — это событие, феномен, который всегда занимал, правильное сказать, захватывал бибахинскую мысль⁵.

Встреча как событие — это, прежде всего, *уникальное* переживание, оно не имеет аналогов ни в нашей биографии, ни даже в мировой истории: «обобщенных событий не бывает. Событие имеет место только в этот исторический момент в этом единственном месте» (Бибахин, 2020: 175). Событие — это то, что вносит в нашу жизнь новизну, свежесть, трепет; то, что придает вкус и цвет жизни; то, что разбивает нашу повседневность, наши планы, замыслы и проекты; то, что рушит наши скрупулезно и добросовестно выстроенные концепции, представления, картины мира — то, что, наконец, выбрасывает нас в мир. Событие — это всегда событие мира. Оно есть «перевертывание и раскол. Событие всегда слишком ново» (Бибахин, 2010: 9).

Итак, запланировать событие невозможно, оно приходит вдруг и захватывает нас, не мы его: «никаким сверхусилием активной воли я без мира события не создам» (там же: 71). Без захваченности не может быть события. Но обычно мы чем-то всегда уже заняты: очередным, как нам кажется, крайне необходимым делом, но «новым, — обращает наше внимание Владимир Бибахин, — мы не занимаемся, новым мы бываем захвачены». Далее он замечает:

Мы заняты — обманывающее выражение. На самом деле нас никто не захватил и ничто не захватило, заняли мы на самом деле и продолжаем занимать самих себя. Совсем другое начинается, когда мы по-настоящему захвачены. Захватить может только новое. Когда мы захвачены событием — а ничто другое нас не захватит, — мы никогда не говорим и нам не придет на ум сказать, что у нас нет времени. У захваченного — увлеченного — как раз оказывается время (Бибахин, 2020: 257).

Своей величиной, своей дружостью, абсолютной инаковостью событие очаровывает, завораживает, но, в тоже время, этим же оно и пугает. Со всем, что входит в нашу жизнь, мы привыкли распоряжаться похозяйски: все входящее мы тут же располагаем на нужной полочке, классифицируем, категоризируем, интегрируем в нашу картину мира —

⁵Как отмечает исследователь бибахинской мысли философ Михаил Богатов: «Концепция события у Бибахина... может быть смело поставлена в один ряд с пониманием события у Хайдеггера, Витгенштейна, Бахтина и Бадью. Перед нами пятая концепция события в философии XX–XXI веков, которая впитала в себя все предыдущие и представляет собой корректный ответ на них в пределах событийного мышления как такового» (Богатов, 2015).

другими словами, овладеваем, делаем своим, ставим под контроль. При этом, «соблазн справиться с событием, введя его в схему, тем больше, чем выше событие» (Бибихин, 2022: 390). Как бы мы ни старались, все наши попытки «справиться с событием» обречены: оно всегда превышает как нас, так и наши возможности понимания. Такой подход только наносит вред, так как «соблазняет подгонять, *вмысливать* неповторимость события в ту или иную схему... Ничего кроме стирания единственности события это не даст» (Бибихин, 1998: 49–50). Да и не в том состоит наша задача: главный труд — это дело внимания, которое невозможно без сохранения открытости, «которое не инструмент, взятый человеком, а то первое, куда он и должен падать» (Бибихин, 2011: 58).

На первый взгляд кажется, что труд внимания — вещь крайне нерезультативная, разве можем мы им что-то создать или изменить? Но будучи внимательными к захватившему нас событию, изменимся мы сами, «и не надо смущаться, что узнать себя и измениться мало, когда другие люди давно уже изменяют, потрясают и поражают мир» (Бибихин, 1998: 42). Более того,

когда говорят об изменении себя, то думают почти всегда одно: моя данность должна поставить себе цель и как-то расти, оставшись данностью с прибавлением желанного прироста. Но нет: чтобы измениться, не надо над собой совершать никаких экспериментов. Настоящее изменение приходит вдруг и так же незаметно, как все, что нами правит. В отличие от этого изменения, задуманные для спешного сотрясения мира, не настоящие. Они, кроме того, никогда не достигают своей цели (там же: 42–43).

Итак, событие всегда представляет собой шанс узнать себя; это дар мира нам, удалившимся от настоящей действительности и вещей, и тем самым уходящим все дальше в темноту от света мира. Такая возможность, приоткрывшись, может снова закрыться, если мы не готовы, но «лучшей подготовкой будет знание, что подготовиться здесь еще не все» (Бибихин, 2010: 80). Другими словами, «перспектива события как дара, требующего себе человека и отдающего захваченного им человека его сбывшемуся существу» (там же: 70) нами, на самом деле, желаемы; при этом неважно, осознаем мы это или не осознаем. Через событие раскрывается то, что сбывается (там же: 69); с событием всегда связаны удивление, озарение и понимание. Более того, настоящее сомнение — «философский камень» мысли — также входит с событием,

и, что важно, «только [с сомнением] получит шанс, сможет поднять голову несомненное» (Бибихин, 2020: 428).

Событие, кроме того, несет в себе дар освобождения, так как «приоткрываемая событием правда вещей дарит, отпускает человека из тесноты частных устроений на свободу белого света, таинственного простора мира» (Бибихин, 2010: 70). Захватывает в событии именно то, благодаря чему все, внутри и вокруг человека, окрашивается абсолютно по-новому, мир открывается и расширяется неожиданным для нас образом, мы становимся заодно с ним, вдруг начинаем его понимать; «свет события являет истину вещей, их не частный, а первый и потому последний смысл» (там же).

Дар свободы, получаемый нами в событии, не имеет, конечно, ничего общего с пониманием свободы как вседозволенности, как свободы, прежде всего, от чего-то⁶. Скорее наоборот,

дар свободы есть и вместе с тем высшая ответственность, не потому что за свободу надо отвечать, а потому что сохранить свободу можно только отвечая ей. Только захваченный свободой правды и принадлежащий ей человек сбывается в своем существе. Произвол разгуливается там, где есть принуждение. Безраздельный дар свободы есть безусловный долг... Захваченность уникальным подарком сковывает человека освободительной необходимостью (там же: 70).

В событии человек получает исключительный опыт причастности к чему-то гораздо большему, чем он есть сам, к чему-то предельно иному, к чуду, что ни его разумом, ни его воображением охвачено быть не может, к чему-то, что исцеляет его от отчужденности и изолированности в своем автономном я-субъекте; так, он становится соучастником дела мира, софии;

человек существует постольку, поскольку есть светящееся, что-то является — поскольку дает место, пространство событию. Человек не посторонний бытию, он сохнет и сникает, когда скатывается в безсобытийность (Бибихин, 2009: 14).

⁶ «Человек, вырывающийся на свободу из тесноты, обычно видит свободу как возможность несогласия, отказа, сопротивления, битвы, как возможность ухода. Владимир Вениаминович, — пишет О. А. Седакова, — знал другую, глубокую свободу: свободу согласия, принятия, прихода, возвращения — свободу мира. Покой этой свободы держится на том, что есть реальность, которая не нуждается в легитимации, которая ее не требует. Она и так *есть*» (Бибихин, Седакова, 2019: 282).

Беспомощность, как бы это странно ни звучало, может быть ключом к событию, другими словами, — наш крик о жизни, наше желание вырваться из скуки и усталости от рутины обыденности; общее для нас всех ощущение того, что есть высокое, ожидание «отзыва, знания, что тебя приняли в тот самый родной круг, предчувствие которого каждый несет в себе» (Бибихин, 2015b: 229). Что мешает этому крику о жизни? Владимир Бибихин указывает на смерть и ее безусловную власть над нами:

смерть выставляет доводы, приглашая смириться с очевидностью и наблюдать в молчании уход жизни. Приглашение отказаться от того, чего нет, и согласиться с тем, что есть, убедительно (там же).

Однако,

только безрассудство может спасти от разумных уговоров смерти, только в безумном крике может прорваться, открывшись и для тебя самого, та правда, что ты не вещь, а событие. Ни у кого не спросившее разрешения. Нигде не заручившееся гарантией (там же).

Человек — событие; его задача — отстоять жизнь в неравной схватке со смертью, с безжизненностью, когда всё и все вокруг призывают к благоразумию, здравому рассудку, к трезвому реализму. В этом его долг, его дар и в этом же его спасение.

Способен ли современный человек к этому призванию, по Бибихину единственно успешному — вот вопрос. Ведь сегодня успешность оценивается, прежде всего, исходя из личной предприимчивости и инициативности, крайне важным является список личных достижений, побед, приобретений; ключевые слова современности: проект, целеполагание, планирование и пр. К этому следует, несомненно, добавить и роль техники, на которую человек часто возлагает все свои мыслимые и немыслимые чаяния и надежды, в ней он ищет защиту и укрытие от страха и экзистенциального ужаса перед своей конечностью. Посредством техники мы пытаемся овладеть миром, тем самым наоборот отгораживаясь от него:

охватить «мир» как можно «глобальнее», теперь цель почти всякой деятельности, и такая направленность внимания значит вовсе не то, что земля стала привлекать внимание, а наоборот, что она заслонена схемами, экраном так, как никогда раньше (Бибихин, 2011: 54).

От необъятности, стихийности, своенравности и событийности настоящего мира мы бежим также в программирование будущего: ведь

там, как нам кажется, проблемы будут рано или поздно, но все-таки решены. Наше сознание с легкостью отдается делу фабрики грез и фантазий; и вот мир уже (пусть даже это и завтрашний мир) стал ручным, одомашненным, послушным. На самом же деле, побег от настоящего в контролируемое и идеализированное будущее — не только лишает нас жизни сегодня, более того, он лишает нас и будущего — как источника нового: событийного и животворящего. Осталось ли еще пространство для события в личной судьбе человека, а также в судьбе человечества? С одной стороны, кажется, что ответ очевиден: ведь событие — это не человеческий конструкт; он не может запретить событию быть; как мы помним, от нас не все зависит. С другой стороны, по-видимому, с событием дело обстоит так, что каждый, взглянув на себя и на мир вокруг, должен ответить на этот вопрос самостоятельно.

ДРУГОЙ: «КТО» ВСТРЕЧИ

В нашем исследовании топологии встречи мы вполне естественным образом подошли к феномену другого, к «кто» встречи. Но перед тем как непосредственно перейдем к нему, заметим, что особенностью настоящих встреч является то, что

от них, — как замечает Владимир Бибахин, — нет толку, но они единственное, что остается от жизни и что связывает с жизнью. Она по существу состоит из таких ускользающих моментов. Они настоящий опыт... Дело здесь в неповторимости события, которое хочет через нас быть и будет, если только у нас хватит сил его вынести [...] в такого рода ощущениях бессмысленностью дело не ограничивается, за ней, глубже нее встает тот самый «мир как есть» [...]. Если конечно человек умеет вынести панику бессмысленности. Сомнительно, что он может жить только в рамках придуманного смысла. Скорее наоборот. В тех рамках нечем дышать [...] — такие моменты похожи на точки, где как бы пришита или вернее начинает ткаться какая-то ткань. Истории? спасения? То, что человеку при этом тяжело, значит только, что ему повезло нести (вынести) мир (Бибахин, 2015b: 427–428).

Встреча — наш способ выхода к жизни и к миру, а значит, к другому. А зачем нам другой? Ведь человек может комфортно чувствовать себя одиночкой, бережно оберегая от других свое внутреннее, в какой-то степени и внешнее, пространство. Но, по-видимому, иначе как через другого встречи с собой настоящим произойти просто не может. Узнать себя, то есть узнать в себе другого — то есть себя настоящего — мы способны только будучи захваченными событием встречи с другим —

с словом, с миром, с Богом и с другим человеком, к встрече с которым мы и обратимся в этом разделе.

«Человек настолько теряет себя без другого, — пишет Владимир Бибихин, — что его вне отношения к другому, в отвлечении от него невозможно увидеть» (Бибихин, 2020: 115). Иначе говоря, другой в некотором роде спасает нас от нас же самих, причем делает он это, парадоксально, через возвращение нас к нам же самим. Попробуем разобраться, что именно здесь имеется ввиду. По всей видимости, человек — такое существо, что он нигде «не может вернее убежать от самого себя, чем занявшись самопознанием» (Бибихин, 2015b: 427–428). И напротив,

чтобы найти себя потерявшему человеку, всего вернее, и это будет как выйти на воздух из комнаты, забыться, забыть хотя бы на время все в себе и себя и выйти на улицу, на люди, не отгораживаясь от неожиданностей, от внезапностей, от нового [...] вовсе не «познать себя» нужно мне, я и так задохнулся в самом себе, а лучше хоть немножко отвернуться от себя, стать другим или хотя бы просто увидеть другого, настоящего другого как мы говорим «интересного человека», а не все снова опять такого же как я, произносящего те же самые банальности (там же).

Почему в благородном, на первый взгляд, труде самопознания человек оказывается в итоге потерянным и заблудившемся? Несомненно, можно найти немало сторонников самокопания и самоанализа (современная культура предлагает нам десятки и сотни подобных практик), которые уверены в обратном — что именно эта деятельность погружения в себя может приблизить нас к пониманию нас самих. Более того, часто можно встретить мнение о том, что, не разобравшись в себе, — а это делать, как настоятельно советуют «эксперты», крайне желательно в присутствии психолога, — нам не стоит торопиться связывать себя серьезными отношениями с другими (например, заводить семью). Мы же попробуем утверждать обратное, а именно, что

мы скорее найдем себя, если бросим себя, например на какое-то дело... [Необходимо] без рассуждений бросить себя на что-то такое, что безусловно право... Без того, на что он [человек] может себя бросить, он нигде, неприкаян, что и значит лишний. От него требуется решительный поступок: бросить себя... Сам человек себе задание, как бы сырье, и если несвободен, то с самого начала как такое сырье он подключен, пристроен к чужому делу; но если *свободен*, т. е. не использован другими, он лишний, поэтому должен отдать себя заданию. Он ищет это призвание, в которое должен вложить себя; *сам по себе* он себе задача, неприкаянный лишний (там же: 7–8).

Наверное, продолжая мысль Владимира Бибикина, мы имеем право утверждать, что встреча с собой-другим-настоящим находится в *абсолютной* зависимости от другого, более того, в этой зависимости, в этом бросании себя на дело только и можно почувствовать себя свободным. Как определить, увидеть эту зависимость? «О зависимости от другого говорит совесть» (Бибикин, 2020: 117), а именно,

совестью⁷ я вижу, что я весь при другом, что я в самом своем существе другой, чем сейчас сознаю себя. Я угадываю в другом себя вовсе не по подобию с таким, каким себя сейчас сознаю, — *такого* другого я как раз никогда собой не признаю, такой меня скорее отталкивает, — но догадкой совести угадываю в другом себя такого, каким себя пока не знаю, настоящего. В неприступности, неподвластности другого я узнаю себя самого вместе с моей бездной и с моей неприступной каменностью (там же: 119).

Пожалуй, всем знакомо это ощущение крайнего удивления от самого себя, от своего поступка; ведь, сознание настойчиво уверяет нас в том, что что-то, но себя-то мы знаем: свои недостатки и достоинства, свои светлые и темные стороны; в целом мы более или менее представляем себе, как бы поступили в той или иной ситуации. И, тем не менее, оказывается, в момент вдруг, встречи, события — я-то на самом деле другой — и в этот самый неподвластный и неподконтрольный мне момент поры-времени я и есть истинный, настоящий. Именно во встрече я смог взглянуть на себя по-настоящему, и оказывается, я не один такой, так как одновременно узнав себя во встрече с другим, я увидел ту же неприступность в этом другом, то есть мою неспособность приспособить его к моему сознанию, невозможность безболезненно встроить его в мои схемы, иначе говоря, объективировать его. «Угадыванием себя в другом, любовью и ненавистью сцепляется человеческое общество, отсюда его нерушимая прочность, которую не сравнишь с прочностью договоров и условностей» (там же: 120).

⁷Считаем необходимым отметить, что Владимир Бибикин категорично отделял совесть от нравственности, видя в последней современную замену первой. По этому поводу он пишет: «Разрешить проблему добра и зла, бытия и небытия мы, люди а не боги, можем только в одном смысле: разрешив ей быть, допустив ей быть нашим настоящим. Ее обходят, когда называют ее этической и ставят в зависимость от нравственности. Нравственность способ уйти от неразрешимости добра и зла в воображение, будто каким-то своим устройением человек умеет или научится устраиваться так, чтобы угадывать в добро. Кто не достиг такого устройства, якобы попадает в зло... Вытеснение сознанием совести и его самоотжествление с нравственностью — злоецающая новость модерна» (Бибикин, 2017: 291).

Итак, общество не держится условностями и договоренностями, общество как мир — оно уже было до того, как возможность каких-либо договоров стала вообще реальна, оно уже было до нас.

Общество, напоминает наш язык, не устройство, а мир. Мир нельзя устроить, забыв, что он с самого начала уже был для человека тем целым, без которого человека еще нет. Тем, что человек с самого начала относится к миру, заранее предполагается его связь с другим (Бибихин, 2020: 124).

Перед человеком не стоит задачи устройства или переустройства общества, как видится, например, разного рода активистам или социалистам.

Возможность и призвание быть не муравейником, а миром обеспечена обществу тем, что человек узнает себя в другом и находит себя, только допустив себя до такого узнавания... В этом, но и только в этом смысле принадлежности другого к моему собственному существу я заранее принадлежу обществу как целому миру — а вовсе не в том смысле, будто общество коллективной властью вправе привязать меня к тому, чему я не могу сказать безусловного «да». Я найду себя только в мире. В его согласии, в допущении вещам быть тем, что они есть, в отпускаянии вещей на волю, в возвращении к чистому присутствию я встречаюсь с другим (там же: 125–126);

мы так устроены, так задуманы, что «с самого начала открыты значащему присутствию другого, *захвачены* им, — и всегда, хотим или не хотим, задеваем другого своим присутствием» (Бибихин, 2008: 36).

Вероятно, человеку не хочется признавать этой неизбежной зависимости от другого; сегодня призыв быть независимым и самодостаточным кажется многим куда более привлекательным. И как бы то ни было, никуда нам не деться от затронутости другим, мы можем это ненавидеть, пытаться не замечать, но мы уже всегда в нем. Пожалуй, более «продуктивным» было бы с нашей стороны попытаться открыть пространство понимания, так как

понимание, открытость и принятие, правит всеми телами и умами, оно само и есть ум, т. е. умение. Оно существо человека не потому, что человек такое исключительное существо, что ему природой дано в удел понимание, — понимание и без человека разлито во всей природе и правит всем, — а оно существо человека потому что человек не имеет в мире своей природы и не осуществится в своей истине, если не прикоснется к пониманию и не откроется в нем всему (Бибихин, 2015b: 40–41).

Понимание — как вслушивание в голос другого; это, конечно, нельзя приравнять к пассивному принятию какого-либо сообщения, информа-

ции⁸. Понимание — это жест гостеприимства, мы как бы высвобождаем в себе место и приглашаем туда другого; не пускаясь тут же пришедшее к нам интерпретировать и истолковывать (чему, действительно, трудно противостоять, так как именно к этому приучен до автоматизма наш рассудок), — таким образом, другой, чтоб быть и оставаться другим — другим, дарящим нам нас самих, требует работы принятия и мирного согласия; как верно отмечает Владимир Биbihин:

Никакой заранее готовой типологии, внутри которой оставалось бы только локализовать другого, в принципе не существует не из-за бесконечной сложности людей, а из-за их тайны. Настоящая встреча с другим происходит не внутри сколько угодно широкого универсума, подразумевается нашего. Другой, если говорить всерьез, это мне принципиально недоступный универсум... Я еще едва ли знаю, что такое другой, пока примериваюсь втиснуть его в свой широкий универсум. Я и сам себя тогда еще мало знаю (Биbihин, 2010: 121).

СЛОВО: «КАК» ВСТРЕЧИ

Наше исследование феномена встречи с другим мы заканчиваем рассмотрением слова. Без сомнения, слово непосредственно связано с языком и мыслью. Несмотря на огромное количество научных работ и исследований, посвященных языку, до сих пор остается немало вопросов, на которые нет ответов. Так, например, загадка происхождения языка до наших дней окончательно не решена, скорее наоборот, количество гипотез только возрастает, что не столько облегчает, сколько усложняет его понимание; можно сказать, что язык благополучно хранит от нас свою тайну, отстаивает свою субъектность, как бы давая нам понять, что он есть вещь мира, а не инструмент человека.

Люди, как известно, существа, которые не могут не наделять все и вся смыслом, значением, значимостью — и делают они это посредством слова. Как мы уже отметили, язык уходит вглубь человеческой истории настолько, что мы в принципе не имеем доступа к его истокам, можем ли мы вообще говорить о человеке до-языковом? По-видимому, природа человека сущностно языковая;

слово в звуке, тоне, ритме, темпе, метре, как образ, как исторически живущее — не постороннее тело, как дорожный знак, а продолжение человеческого

⁸В этом смысле точны слова французского философа и переводчика Мартина Хайдеггера Франсуа Феды: «*Слышать* что-то вы можете только в том случае, если вас и тот призыв, который обращен к вам, уже связывает некоторое понимание» (Федье, Седакова, 2018: 37). К слову сказать, Владимир Биbihин был знаком с Франсуа Феды и ценил их общение (см.: Биbihин, Седакова, 2019).

тела. Слово ближе нам чем дыхание, чем наше сознание, сознание идет следом за нашим словом; слово, пожалуй, ближе ко мне, чем мое я; я задним числом узнаю себя в своем слове (Бибихин, 2008: 38).

В основе языка — слово, которое дает мысли сбыться. Мысль же непосредственно связана со смыслом:

мысль, если она мысль, с самого начала уже есть то, чем оказывается в своем существе слово: она имеет смысл. Мысль поэтому всегда хранит исключительное отношение к слову (Бибихин, 2020: 142).

Слова нам необходимы, чтобы передать сообщение — весть, о случившемся, свершившемся, ставшем — о событии⁹. Необходимость передачи вести о событии лежит в начале как общества, так и общения; язык не просто одно из занятий человека, он есть его среда (там же: 152), «способ осуществиться во встрече с другими, [...] пространство нашего исторического бытия» (там же). Интересно также заметить, что, с одной стороны, мы имеем всеобщий, всечеловеческий язык, мы приходим в мир, где он уже есть, сложившийся и устоявшийся, то есть мы как бы встраиваемся в то, что создано не нами и нам не принадлежит; но, с другой стороны, именно язык позволяет нам обрести в обществе и посредством общения свою уникальность и неповторимость, осознать свою особенность и отличительность от других.

Если посмотреть на соотношение и связь мысли со словом, можно говорить об инструментализации со стороны мысли слова, оно — орудие мысли, которое соединяет мысль с миром, мысль словом прикасается к миру. Этим, конечно, не исчерпывается феномен мысли. Она — не простая функция приспособления человека к миру, такой взгляд был бы крайне поверхностным.

Мысль хранит себя только своей неприспособляемостью к жизни. Больше того, только не идя на соглашение с условиями, она может стать гарантом жизни. Стратегия мысли крупнее чем обслуживание даже хороших условий жизни. Мысль ставит себе целью сохранение смысла жизни. Мысль лучше жизни знает, в чем цель жизни (там же: 169).

⁹В тот же самый момент, слово также становится событием; в этой связи, в одной из статей, посвященных Владимиру Бибихину, его друг, философ Анатолий Ахутин пишет: «Когда слово касается события бытия, оно само происходит как событие. Мысль им не выражается, она в нем совершается. Какая-нибудь метафизическая теорема, например, *esse et unum convertuntur*, — только след, знак, примета некогда случившегося здесь события. А это значит, мыслящее слово не информирует, а трансформирует. Когда удастся подумать, случается понять, — тот, кому это удалось, уже не тот» (Ахутин, 2005).

Мы пришли к тому, что среда человека как существа исторического определяется языком, мыслью, а значит словом и смыслом. Именно это позволяет ему создавать свою биографию, человек словом выходит из области зоологии в область собственно человеческого. Язык лежит в основе понимания, и в то же время он является условием возможности расхождений, раздора.

Язык настолько обособляюще-разобщающая, насколько сообщающая среда [...] язык раздвигает, хранит и устраивает пространство между людьми. Благодаря языку каждый может занять свое место в этом пространстве отдельно от миллиардов других. Каждому из миллиардов язык позволяет быть таким особенным, каким в природном мире дано быть, возможно, только целым видам (Бибихин, 2020: 172).

Можно сказать, что без слова нет истории, но верным будет и обратное утверждение: без истории нет слова, иначе говоря, за словом всегда стоит событие, оно «несет на себе событие так, что в нем, казалось бы привычном и стершемся, проступает его исходная значительность. Она та же самая, что значительность события» (там же: 175); «слово в своем существе голос события» (там же: 176).

Слово дарит нам мир, то есть возможность в многообразии окружающих нас вещей увидеть, ухватить цельность, целое, единство. До конца понять, как же это происходит, мы на самом деле не можем: в этом тайна языка. Именно поэтому все попытки его рационализации, выявления базовых структур и схем не проясняют его сути, более того, они скорее отдаляют нас от нее. Проводя границы дефинициями между словами¹⁰, разбирая язык на кирпичики, делая из него объект нашего исследования, мы отрываем его от мира (справедливо будет сказать, что и от нас самих), искусственно выносим его вовне, тем самым, предполагая, что он что-то вне-мировое, что-то «неживое», как бы само по себе лишённое смысла, но без мира (логоса) и нет языка (как, собственно, и наоборот, что было отмечено нами ранее) — их взаимозависимость и взаимосвязь прямая и непосредственная.

В этой связи упомянем крайне интересные наблюдения Владимира Бибихина по поводу того, как ребенок «орудует» языком. Размышляя о феномене детского лепета, философ замечает:

¹⁰ «Слово живет не проведенным вокруг него забором, а той границей, которая похожа на внезапный блеск, на прозрение» (Бибихин, 2019: 77).

лепет ребенка по своей природе не имитация. Он представляет собой свободную игру только что возникшей у него способности к слоговой речи, которая на выходе дает нечто существенным образом отличное от речи, звучащей вокруг. Характеристики лепета детерминированы в большой мере изнутри... Лепетная стимулированная речь не всегда немедленно следует за стимулирующей, она может возникать много времени спустя после стимула. В промежутке ребенок обдумывает свой ответ на вызов окружения. Приходится говорить о самостоятельном стимулированном развитии речи (Бибихин, 2010: 102).

Действительно, ребенок отражает то, с чем имеет дело его организм, но в тоже время, по мысли Владимира Бибихина, говорить только о внешних физиологических стимулах, вызывающих детский лепет было бы опрострачиво;

совершенно естественно было бы предположить что определенные артикуляции лепета не в меньшей степени чем например интонация способны естественным (врожденным) путем отражать душевные события (там же: 103–104).

В этой связи философ делится интересным наблюдением:

самые тонкие, едва угадываемые в своих мотивах изменения в психическом состоянии отражаются на объеме лепета, его темпе, ритме, громкости, мелодике, интонации. Самыми длительными и разнообразными лепетными высказываниями являются ораторские монологи, которые могут длиться несколько минут, имеют свой пик увлеченности и постепенно угасают с ослаблением энтузиазма. Они начинаются только в хорошем расположении тела и духа, чаще вечером (там же: 103).

Ребенок естественным образом говорит с миром. Слыша речь взрослых, он также естественно реагирует на нее ответным лепетным высказыванием, он именуется мир, «он властный хозяин имен вещей» (там же: 105). Так, Владимир Бибихин склоняется к выводу о том, что «словоупотребление взрослых усваивается детьми не с нуля, а путем постепенной переработки и видоизменения изначально уже имеющейся у них способности именования» (там же: 106). Тем самым, язык, способность давания имен явлениям мира (а значит, наделения их смыслом) оказываются глубже и ближе к нашему естеству, чем кажется на первый взгляд. Ведь действительно до обретения речи ребенок же не молчит — с самых первых месяцев жизни он вступает в активное взаимодействие с миром, с другим. С помощью крика или лепета он не просто сообщает о своих физиологических потребностях, требуя

их немедленного удовлетворения, но он не в меньшей степени таким образом общается; у младенца

есть очень ранний навык выкрикивания, выпевания, разглашения своей ситуации, именованная своей вселенной. Ребенок своим первым криком и лепетом, так сказать, выносит сор из избы; ни у кого не прося на то разрешения, он по-своему высказывается о мире, сообщает невидимому третьейскому судье о своем самочувствии со смелостью, много примеров которой может видеть каждый во всяком новом приходе в наш мир (Бибихин, 2010: 110).

Можно сказать, что ребенок не проводит различия между словами и вещами, оно появляется уже позднее, когда он освоит язык, речь взрослых. Этот феномен, по мнению Владимира Бибихина, «ощущается нами как залог того, что ребенок несет с собой мир не только в смысле вселенной, но и в смысле потенциального принятия действительности, примирения» (там же: 111). Его дальнейший спор с миром, который неминуемо в будущем появится, начиная уже с подросткового возраста, также указывает на то, что в нем заложено чувство необходимости высказать *свое* свидетельство о мире и обязательно сообщить *свое* слово о нем другим.

Итак, словом мы несем свое свидетельство о мире; в слове наша весть о событии, а как мы помним, «всякое событие есть прежде всего событие мира» (Бибихин, 2020: 201). Этим словом-свидетельством, в котором — «наша» истина о мире, мы обращаемся к другому, надеясь, несомненно, на понимание — на встречу. Однако, как мы все по личному опыту знаем, эта встреча может не произойти, и причину не всегда стоит искать в тех словах, которыми мы свидетельствуем: «Мы не чувствуем слово, пока не участвуем в событии, о котором слово» (там же: 216). В то же время, само понимание того, что мы не понимаем — уже ценно само по себе; не чувствуя слова, мы можем, тем не менее, сохранять свою открытость по отношению к другому, то есть по отношению к тем новым вопросам, которые он поставил перед нами своим словом, в нашей власти не спешить разом отмахиваться от них. Этой открытостью (можно сказать, растерянностью перед новым) мы сохраняем в себе живую мысль и живой поиск, который в принципе не имеет конца (тот самый гегелевский совет сохранять сознание, в отличие от чулка, незаштопанным), мы удерживаем живую связь с миром, а значит сохраняем возможность встрече все-таки свершиться.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахутин А. А.* Памяти В. В. Бибикина / Владимир Бибикин. — 2005. — URL: http://bibikhin.ru/pamyati_bibikhina (дата обр. 25 янв. 2024).
- Бибикин В. В.* Новый ренессанс. — М. : МАИК Наука, Прогресс-Традиция, 1998.
- Бибикин В. В.* Внутренняя форма слова. — СПб. : Наука, 2008. — (Слово о сущем ; 80).
- Бибикин В. В.* Чтение философии. — СПб. : Наука, 2009. — (Слово о сущем ; 83).
- Бибикин В. В.* Слово и событие. Писатель и литература. — М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2010.
- Бибикин В. В.* Лес. — СПб. : Наука, 2011. — (Слово о сущем ; 94).
- Бибикин В. В.* Собственность. Философия своего. — СПб. : Наука, 2012. — (Слово о сущем ; 100).
- Бибикин В. В.* Пора (время-бытие). — СПб. : Владимир Даль, 2015а. — (Слово о сущем ; 113).
- Бибикин В. В.* Узнай себя. — СПб. : Наука, 2015b. — (Слово о сущем ; 119).
- Бибикин В. В.* Другое начало. — СПб. : Наука, 2017. — (Слово о сущем ; 120).
- Бибикин В. В.* Витгенштейн. Лекции и семинары 1994–1996 годов. — СПб. : Наука, 2019. — (Слово о сущем ; 121).
- Бибикин В. В.* Мир. Язык философии. — СПб. : Азбука-Аттикус, 2020.
- Бибикин В. В.* Алексей Федорович Лосев, Сергей Сергеевич Аверинцев. — СПб. : Владимир Даль, 2022. — (Слово о сущем ; 132).
- Бибикин В. В., Седакова О. А.* И слово слову отвечает. Письма 1992–2004 годов. — СПб. : Иван Лимбах, 2019.
- Богатов М. А.* Пора Бибикина (В. В. Бибикин. Пора (время-бытие)) / Владимир Бибикин. — 2015. — URL: http://bibikhin.ru/pora_bibikhina (дата обр. 21 янв. 2024).
- Михайловский А.* Онтологическая герменевтика Владимира Бибикина // *Stasis*. — 2015. — Т. 3, № 1. — С. 306–323.
- Федье Ф.* Голос друга / пер. с фр. О. А. Седаковой. — СПб. : Иван Лимбах, 2018.
- Хоружий С. С.* Входя в мир Бибикина / Владимир Бибикин. — URL: http://bibikhin.ru/vhodya_v_mir_bibikhina (дата обр. 17 янв. 2024).

Shakhova, D. S. 2024. "Vladimir Bibikhin: topologiya vstrechi [Vladimir Bibikhin: Topology of the Encounter]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (3), 285–309.

DARIA SHAKHOVA

PHD STUDENT IN PHILOSOPHY

SORBONNE UNIVERSITY (PARIS, FRANCE); ORCID: 0000-0003-1879-8076

VLADIMIR BIBIKHIN: TOPOLOGY OF THE ENCOUNTER

Submitted: Mar. 31, 2024. Reviewed: Apr. 28, 2024. Accepted: July 16, 2024.

Abstract: This article attempts to describe the phenomenon of encounter by drawing on the philosophical texts of Vladimir Bibikhin. The encounter is considered through the prism of key concepts of Bibikhin's thought: "the world", "the moment", "the event", "the other", and "the word". The first point in describing the encounter is its place, which is the world. The world is understood as a whole, as something that eludes conceptualisation, yet captures us and our thought. Access to the world, and thus to the encounter, extends through detachment, silence, consent. The article further analyzes the time of the encounter, which is described through Bibikhin's concept of "the moment". The moment is off-calendar, eventful, unique, it is kairotic time. The article then draws attention to the essence of the phenomenon of encounter, which is understood through Bibikhin's concept of "event". The event is historically concrete, always new, lightning-fast and spontaneous, it is beyond our control. The article then considers the figure of "the other", since the encounter is always an encounter with the other: with the other self, with God, with another person. As a result, the encounter is understood as an entrance to otherness on the other side of representation. The description of the encounter is completed through considering the phenomenon of the word. The word is the message of the event of the encounter. Without the word there is no event, but there is no word without an event. The message of the event lies at the beginning of communication and society.

Keywords: Encounter, Bibikhin, the World, the Moment, the Event, the Other, the Word.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-285-309.

REFERENCES

- Akhutin, A. A. 2005. "Pamyati V. V. Bibikhina [In Memory of V. V. Bibikhin]" [in Russian]. Vladimir Bibikhin. Accessed Jan. 25, 2024. http://bibikhin.ru/pamyati_bibikhina.
- Bibikhin, V. V. 1998. *Novyy renessans [The New Renaissance]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: MAIK Nauka / Progress-Traditsiya.
- . 2008. *Vnutrennyaya forma slova [The Internal Form of the Word]* [in Russian]. Slovo o sushchem 80. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- . 2009. *Chteniye filosofii [Reading Philosophy]* [in Russian]. Slovo o sushchem 83. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- . 2010. *Slovo i sobytiye. Pisatel' i literatura [Word and Event. The Writer and Literature]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke [Russian Science and Education Aid Foundation].
- . 2011. *Les [The Woods]* [in Russian]. Slovo o sushchem 94. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- . 2012. *Sobstvennost'. Filosofiya svoeyego [Ownership. Philosophy of the Ownership]* [in Russian]. Slovo o sushchem 100. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.

- . 2015a. *Pora (vremya-bytiye) [The Moment (Time-Being)]* [in Russian]. Slovo o sushchem 113. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Vladimir Dal'.
- . 2015b. *Uznay sebya [Discover Yourself]* [in Russian]. Slovo o sushchem 119. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- . 2017. *Drugoye nachalo [Another Beginning]* [in Russian]. Slovo o sushchem 120. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- . 2019. *Vitgenshteyn. Lektsii i seminar 1994–1996 godov [Wittgenstein. Lectures and Seminars 1994–1996]* [in Russian]. Slovo o sushchem 121. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- . 2020. *Mir. Yazyk filosofii [The World. Language of Philosophy]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Azbuka-Attikus.
- . 2022. *Aleksey Fedorovich Losev, Sergey Sergeevich Averintsev [Aleksiej Fedorovich Losev, Sergej Sergeevich Averincev]* [in Russian]. Slovo o sushchem 132. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Vladimir Dal'.
- Bibikhin, V. V., and O. A. Sedakova. 2019. *I slovo slovu otvechayet. Pis'ma 1992–2004 godov [And the Word Answers the Word. Letters 1992–2004]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Ivan Limbakh [Ivan Limbakh Publishing House].
- Bogatov, M. A. 2015. “Pora Bibikhina (V. V. Bibikhin. Pora (vremya-bytiye)) [Bibikhin's Moment V. V. Bibikhin (The Moment (Time-Being))]” [in Russian]. Vladimir Bibikhin. Accessed Jan. 21, 2024. http://bibikhin.ru/pora_bibikhina.
- Fédier, F. 2018. *Golos druga [Voix de l'ami]* [in Russian]. Trans. from the French by O. A. Sedakova. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Ivan Limbakh [Ivan Limbakh Publishing House].
- Khoruzhiy, S. S. “Vkhodya v mir Bibikhina [Entering the World of Bibikhin]” [in Russian]. Vladimir Bibikhin. Accessed Jan. 17, 2024. http://bibikhin.ru/vhodya_v_mir_bibikhina.
- Mikhaylovskiy, A. 2015. “Ontologicheskaya germenevtika Vladimira Bibikhina [Ontological Hermeneutics of V. V. Bibikhin]” [in Russian]. *Stasis* 3 (1): 306–323.

Михаил Волошин*

«ПРИНЦИП МАТЕРИАЛЬНОСТИ» В ЭПИСТЕМОЛОГИИ КОМПЬЮТЕРНЫХ СИМУЛЯЦИЙ**

Получено: 11.11.2023. Рецензировано: 18.02.2024. Принято: 19.07.2024.

Аннотация: В области эпистемологии компьютерных симуляций существует аргументативная стратегия, получившая название «принцип материальности» (Х. Дюран). Стратегия состоит в том, чтобы приписывать компьютерным симуляциям в науке эпистемические характеристики того или иного уровня на основе их онтологического сходства (степени «материальности») с материальными экспериментами. Это сопоставление отчасти мотивировано языковыми интуициями: компьютерное моделирование часто именуют «вычислительным экспериментом» и т. п. Если это верно, то компьютерные симуляции следует рассматривать как подвид научного моделирования и приписывать им соответствующее промежуточное положение между теоретическим и экспериментальным уровнем научного знания (как это делается в рамках современных подходов к структуре научного знания, а именно семантического и прагматического). Рассматриваются четыре варианта реализации «принципа материальности», аргументирующие как в пользу достоверности компьютерных симуляций, так и против нее. Компьютерные симуляции размывают границы между материальным и виртуальным (вычислительным) экспериментированием. «Принцип материальности» может работать аргументом как в пользу, так и против этого различия. Приводятся и усиливаются два основных аргумента против принципа материальности, условно называемые «аргумент непрозрачности» и «аргумент множественной реализуемости». Показано, что принцип материальности недостаточен для того, чтобы аргументированно обосновать эпистемологический статус компьютерных симуляций.

Ключевые слова: принцип материальности, компьютерная симуляция, научная модель, вычислительный эксперимент, эпистемологический статус, структура научной теории, прагматический подход.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-310-335.

ВВЕДЕНИЕ В ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Вопрос об эпистемологическом статусе компьютерных симуляций возник в литературе сравнительно недавно. При этом компьютеры достаточно давно могли использоваться в разных научно-исследовательских

*Волошин Михаил Юрьевич, преподаватель, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва), allrour95@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-6379-4771.

**© Волошин, М. Ю. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00804, <https://rscf.ru/project/23-28-00804/>.

целях: например, с одной стороны, в физике — чтобы рассчитывать последствия ядерных взрывов (Keller, 2003: 203–205), а с другой стороны, в экономике — для комплексного анализа поведения экономических систем (Hayenga & Manetsch & Halter, 1968). Однако в этот период (1940–70-е гг.) философская проблематизация эпистемологии компьютерных симуляций носила спорадический характер и не была связана с более общим контекстом философии и методологии науки. Первые попытки более комплексного определения понятия «компьютерная симуляция» относятся к началу 1990-х годов. Фриц Рорлих, Пол Хамфрис и Питер Галисон — ключевые имена в этой истории. В целом, с историей эпистемологии компьютерных симуляций можно ознакомиться в нашей работе «Концептуализация компьютерных симуляций в философии науки» (Хамдамов, Волошин, 2021: 153–159). Здесь же мы лишь кратко наметим ключевые точки развития этого дискурса.

Мы можем условно датировать возникновение эпистемологии компьютерных симуляций началом 1990-х годов. Фриц Рорлих, в частности, писал, что

Компьютерные симуляции обеспечивают [...] качественно новую и иную методологию для физических наук, и эта методология находится где-то посередине между традиционной теоретической физикой и ее эмпирическими методами экспериментирования и наблюдения (Rohrlich, 1990: 507).

Пол Хамфрис на основе работ Рорлиха и Р. Редди (Reddy, 1987) так определил компьютерные симуляции:

Компьютерная симуляция — это любой реализованный на компьютере метод исследования свойств математических моделей, для которых недоступны аналитические методы (Humphreys, 1990: 501).

В статье 1996 года Питер Галисон писал о методе Монте-Карло, который в 1940–50-е гг. впервые применили (Джон фон Нейман и Станислав Улам в лаборатории Лос-Аламос) к исследованию физических процессов, в частности — к взрыву водородной бомбы. Вместо физически производимого взрыва (более того — для того, чтобы продемонстрировать его возможность и актуальную мощность) ученые использовали расчеты с помощью компьютера. Эти расчеты обладали, разумеется, сомнительным статусом, до тех пор, пока на их основе не удалось сначала произвести актуальные выводы относительно изучаемых физических систем (потенциальных бомб), а затем — и рассчитать требуемые параметры этих систем и степень их реализуемости (Galison, 1996).

Таким образом, компьютерная симуляция послужила эффективной заменой множества нереализованных (и нереализуемых) материальных экспериментов.

Несмотря на то что развернутый Галисоном нарратив интересен в очень многих аспектах, в контексте эпистемологии компьютерных симуляций наиболее примечательной является характеристика, которую Галисон дает в начале своей статьи:

Методы Монте-Карло переместили физику в положение, парадоксальным образом не совпадающее с традиционной реальностью; в положение, которое заимствовало нечто как из экспериментального, так и из теоретического раздела, связало вместе эти заимствования и использовало полученный бриколаж для того, чтобы создать маргинализованную ничейную землю, которая была бы одновременно везде и нигде на методологической карте (Galison, 1996: 120).

Итак, вычислительные эксперименты находятся одновременно «везде и нигде на методологической карте»; выражение, которое плотно вошло в лексикон англоязычных эпистемологов¹. Эта радикально обрванная характеристика не должна вводить в заблуждение. То, о чем говорит Галисон, вполне ясно из перспективы 2020-х годов, хотя и могло читаться спекулятивно-произвольно в 1996 году. Ту форму научной практики, о которой пишет Галисон, мы сейчас называем «компьютерными симуляциями» или «вычислительными экспериментами», и это действительно промежуточная зона между практиками теоретизирования и экспериментирования. Слова о «везде и нигде», на наш взгляд, стоит интерпретировать как указание на разнородный характер источников конструирования симуляций. В каком-то смысле они — часть теоретизирования, в каком-то — часть экспериментирования; части своих существенных составляющих они заимствуют в обоих регионах существования знания. Возникает, конечно, естественный вопрос: где именно расположена «ничейная земля», которую Галисон характеризует как «везде и нигде на методологической карте»? Второй естественный вопрос, вытекающий из предыдущего и определяющий возможность ответа на него — а что именно вообще размещено и обозначено на этой самой «методологической карте»?

¹На эту фразу ссылаются Frigg & Julian, 2009; Humphreys, 2004; Jebeile, 2017; Keller, 2003; Lenhard, 2007, а Николь Саам вообще начинает с нее свой обширный (хотя и неточный) обзор эпистемологии компьютерных симуляций (Saam, 2017: 293).

Мы привыкли к тому, что научные методы делятся на две большие подгруппы: эмпирические и теоретические (Лебедев, 2010: 139; Степин, 2011: 196). Соответствующая этим подходам «методологическая карта» должна расположить произвольную интересующую нас научную практику в одном из этих доменов. Допустим, мы — «послушные дети»: мы характеризуем «эксперименты» как «эмпирический метод», а «моделирование» — как «теоретический» (Лебедев, 2010: 249–260; Степин, 2011: 196–232). Куда мы отнесем «вычислительные эксперименты», которые в то же самое время являются «компьютерными симуляциями», то есть «моделями»? Есть ли в традиционной эпистемологии вообще место для исследовательских практик этого рода?

Эпистемология XXI века отвечает однозначно: да, есть. Многообразие научных практик больше не ограничивается только двумя категориями (либо «устанавливайте факты», либо «предлагайте объяснения»). В промежутке между ними обнаруживаются эпистемические объекты самых разных типов: научные модели (Morrison & Morgan, 1999), вычисления (Хакинг, Кузнецов, 1998), идеальные и идеализированные объекты (Липкин, 2023) и, наконец, собственно компьютерные (вычислительные) эксперименты/симуляции (Humphreys, 2009)². Хотя этот список вряд ли полон, он достаточно красноречиво говорит о том, что разграничение между теоретическим и эмпирическим уровнями знания как минимум проблематично. Нет очевидного и однозначного способа провести разграничение между этими двумя «этажами» научной деятельности, а следовательно, нет и полной уверенности в том, что их следует называть «этажами» одного и того же здания (в качестве альтернативы «этажной» структуре научного знания см. Галисон, 2004).

В особенности, нас интересуют «эксперименты», проводимые непосредственно в материальной окружающей обстановке, а в «виртуальной» среде. Здесь приходится ставить слово «эксперименты» в кавычки: ведь традиционное представление об экспериментах связывает их с процедурами вмешательства в материю, составляющую предмет изучения естественнонаучных дисциплин (Хакинг, Кузнецов, 1998; Мах, Котляр, 2014: 208–224). Это, конечно, не так в случае вычислительных (компьютерных) экспериментов: материя, которая задействована в экспериментальной установке (то есть компьютерное «железо»), часто

²На протяжении дальнейшего текста словосочетание «компьютерная симуляция» эквивалентно словосочетанию «вычислительный эксперимент» и, *mutatis mutandis*, равноценно используется во всех контекстах.

вообще не составляет познавательного интереса для ученого³. С другой стороны, и «материальность» традиционной научно-исследовательской работы в принципе легко поставить под сомнение: кто мог бы удивиться, что материя, используемая во вполне *материальном* эксперименте, в *достаточно ясном смысле та же*, что и в природном (*natural*), естественном процессе?

Таким образом, возникает вопрос: как соотносятся экспериментальные практики, связанные с виртуализацией и/или воображаемым статусом экспериментального действия, с практиками материальной вовлеченности в материальные процессы? Ясно, что картина методологии науки больше не может ограничиваться дихотомией теоретического/эмпирического, и ясно, что статус и свойства научных практик, не вписанных в эту картину, должны быть подвергнуты прояснению. Но как именно в таком случае обстоит дело?

ЯЗЫКОВАЯ ИНТУИЦИЯ: «ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ» В СТРУКТУРЕ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Иногда интуитивно кажется, что язык сам подсказывает правильные ответы. В самом деле, у нас есть эпистемологически надежные позиции, связывающие «экспериментальность» компьютерного моделирования или симуляции с «экспериментальностью» произвольной физической установки. Мы знаем, что ученые используют выражения типа «вычислительные эксперименты», «экспериментальные симуляции», «симуляции экспериментов», «эксперименты *in silico*» (Jebeile, 2017: 380).

Особенно ярко это выразил Эрик Винсберг:

Почему [ученый] часто называет то, что он делает, проведением «вычислительных экспериментов»? Почему он называет то, что он получает, «данными»? Почему практика симуляции столь явным образом во многих отношениях напоминает экспериментальную практику? Должны ли мы отвергнуть это как всего лишь произвольную метафору? (Winsberg, 2010: 52)

С 2010 года (публикация Винсберга) стандартные формы словоупотребления среди ученых трансформировались в сторону еще большего сближения экспериментальных и компьютерно-симуляционных практик. Так, в 2017 году об этом свидетельствует Клаус Байсбарт:

³ Детали этого аргумента будут обсуждаться ниже.

Значительная часть разговоров о компьютерных симуляциях предполагает, что они являются экспериментами. Например, компьютерные симуляции называют «компьютерными экспериментами». Симуляционные исследования в биологии называют «эксперименты *in silico*». Некоторые люди используют выражения «эксперимент в теории», «вычислительное экспериментирование» или «виртуальная лаборатория», когда говорят о компьютерных симуляциях (Beisbart, 2017: 2).

Поэтому вполне естественно (хотя и, может быть, не вполне оправданно) думать о вычислительных экспериментах как подвиде практик экспериментирования.

Здесь есть несколько существенных проблем. Компьютерные симуляции, исходя из вышесказанного, соотносятся (или должны быть соотнесены) с практикой экспериментирования: или на субстратах, или на их заместителях (моделях). Неясно, считается ли эксперимент, проведенный на физической системе, которая рассматривается лишь как заместитель нужной системы, за эксперимент; будет ли он (его результат) эквивалентен материальному эксперименту (его результату). Соответственно, неясно, обладают ли компьютерные симуляции теми же эпистемическими характеристиками (добродетелями?)⁴, что и «материальные» эксперименты. Наконец, неясно — и это самое главное — связан ли эпистемологический статус компьютерных симуляций с тем, что они похожи (или не похожи) на материальные эксперименты? Релевантно ли вообще это свойство (сходство с материальным экспериментом) для определения места компьютерных симуляций «на методологической карте», используя выражение Галисона?

«Карта», на которой нам предлагается расположить вычислительные эксперименты, может выглядеть следующим образом. На ней расположены как минимум две области: область «чистой» теории (абстрактного теоретического знания) и область «чистой», хотя уже в менее ясном смысле, эмпирики — «наблюдения» и/или «данные». В свою очередь, «данные» также необходимо подразделить — они могут быть получены путем «представления» или путем «вмешательства» (Хакинг, Кузнецов, 1998), то есть, условно, путем пассивного созерцания или активного воздействия⁵. К области «чистой» теории примыкают не вполне чет-

⁴В англоязычной литературе имеется устойчивая конструкция «epistemic virtues». См., например, Галисон и Дагстон, Вархотов и др., 2018.

⁵Оговоримся, что в строгом смысле словосочетание «пассивное созерцание» является если не оксюмороном, то как минимум весьма проблематичным концептом, начиная с «Критики чистого разума» Канта.

ко отделимые от нее «мысленные эксперименты» (Мах, Котляр, 2014: 192–207; Вархотов, 2021). Наконец, исследования последних десятилетий указывают на необходимость учитывать существование областей, которые ранее выносились за скобки как «практические». Например, таким образом можно интерпретировать концепт «технонауки» в STS; а также, с рядом оговорок, приборно-инструментальную «зону», по Галисону (Галисон, 2004). Обобщить эти регионы в единую систему не представляется возможным; более того, в последнее время многие философы науки (в лице «Стэнфордской школы», например) эксплицитно отказываются от реализации проектов а-ля «Единая наука» (Cat, 2023).

Опосредующая связь между этими областями выглядит либо как «правила соответствия» (синтаксический подход, рассматривающий науку как систему высказываний), либо как гомоморфизм (семантический подход, использующий теоретико-множественное описание науки) (Da Costa & French, 1990), либо как практика моделирования данных и теории (*model of data* и *model for theory* в прагматическом подходе, рассматривающем науку как многообразие практик). Учитывая, что в философско-научном дискурсе достаточно давно признана невозможность «правил соответствия» (Куайн, Дмитриев, 2000), а интерпретация научных моделей в рамках теории множеств совместима с прагматической интерпретацией моделей (Da Costa & French, 2000), мы можем принять за минимально достаточную и необходимую именно концептуализацию прагматического типа. Таким образом, мы будем считать компьютерные симуляции вариантом *моделирования*.

Континуум научных практик					
	Наблюдение	Физический эксперимент	Модельный эксперимент	Мысленный эксперимент	Теория
Отличительные черты	Отсутствие вмешательства; максимальная конкретика	Вмешательство в «оригинальный» объект	Вмешательство в «заменитель»	Работа воображения	Максимальная абстрактность

ПРИНЦИП МАТЕРИАЛЬНОСТИ И ВАРИАНТЫ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ

Принципиальный вопрос: зависит ли степень достоверности производимого в науке знания от степени материального сходства объекта

манипуляции с объектом изучения? Интуитивно приемлемый *положительный* ответ на этот вопрос приводит к затруднению, описываемому в оставшейся части статьи.

В 2013 году Хуан Дюран опубликовал две статьи, обобщающие значительную часть траектории развития эпистемологии компьютерных симуляций (Duran, 2013a,b). Обе эти работы содержали важный концептуальный шаг: в них автор абстрагировался от многих существенных эпистемологических характеристик и вывел общий принцип, в соответствии с которым различные авторы в разное время разрешали теоретико-познавательные вопросы, связанные с компьютерным моделированием. Этот принцип, с его же легкой руки, получил название «принцип материальности».

Суть принципа материальности состоит в следующем. Мы доверяем некоторому набору научных практик, взаимодействующих непосредственно с материей, свойства которой мы изучаем. Таковы, например, эксперименты и натуралистические (натурные) наблюдения, в которых природа, как нам кажется, проявляет себя таковой, какова она есть, без лишних наслоений и вторичных обязательств. Мы, естественно, можем усомниться в эпистемических достоинствах практик такого рода. Но в нормальной ситуации мы признаем, что эти практики являются стабильным способом получения знания. Рефлексируя над тем, *почему* мы так думаем, мы приходим к тому, что эти практики в материальном смысле — в смысле субстрата, с которым мы взаимодействуем — почти не отличаются от объектов нашего интереса. То есть те объекты, которые нами заявлены как *искомые*, и те объекты, которые мы используем *для того, чтобы искать*, имеют как минимум одну важную общую характеристику: они сделаны из *той же самой* материи.

Таким образом, вывод от исследования некоторого объекта к знанию о других объектах легитимирован тем, что оба класса объектов онтологически представляют собой *один* класс, материальные свойства которого как раз и являются предметом научного поиска.

Принцип материальности применительно к компьютерным симуляциям состоит в том, что, если компьютерные симуляции (они же — вычислительные эксперименты) действительно являются экспериментами *с точки зрения их материального субстрата*, то знание, полученное с их помощью, является знанием экспериментального типа (то есть знанием с тем же уровнем доверия к нему). И наоборот, если компьютерные симуляции онтологически отличаются от изучаемых объектов,

то и знание, полученное с их помощью, страдает недостаточностью по сравнению с «материальным» экспериментом (Dugan, 2013a,b).

Рассмотрим несколько примеров того, как реализовывался «принцип материальности» в эпистемологии компьютерных симуляций⁶.

В 2003 году Мэри Морган пишет об «экспериментах без материального вмешательства»:

Архетип эксперимента предполагает, что, как бы ни была ограничена, контролируема или даже сконструирована экспериментальная ситуация, это, тем не менее, эксперимент над (в, с) материальной системой... Экспериментальное вмешательство содержит действие над материальным объектом или феноменом или его создание (Morgan, 2003: 218).

Языковая интуиция в этом случае та же, что и у Винсберга выше: использование термина «эксперимент» предполагает какую-то форму вмешательства познающего субъекта в изучаемую систему. Если эксперимент не является «материальным» (в случае вычислительного или мысленного эксперимента), становится неясным требуемый характер взаимодействия субъекта и объекта: что именно будет считаться за «вмешательство»?

Морган рассматривает два крайних случая: типичный лабораторный эксперимент и типичная математическая модель. В первом случае «вмешательство» однозначно есть, во втором — однозначно нет. Эти случаи сравниваются по трем параметрам:

- ◇ *способ экспериментального контроля*: в лаборатории он достигается манипуляцией с экспериментальной системой, физическим устранением или минимизацией незначущих факторов (например, Галилей, натирающий воском свои наклонные плоскости, чтобы минимизировать трение), а в математической модели — включением или невключением в перечень предпосылок тех или иных положений;
- ◇ *способ получения результата*: в лабораторном эксперименте манипуляции с экспериментальной системой ведут к новому состоянию этой системы, а в математической модели процесс получения результата состоит в дедуктивном выводе следствий из посылок;
- ◇ *способ производства вывода*: из лабораторного эксперимента мы получаем знание, актуальное для аналогичных материальных

⁶Ключевые моменты этой дискуссии уже были освещены в Хамдамов, Волошин, 2021, хотя и из несколько иной перспективы.

процессов, в том числе тех, которые протекают за пределами лаборатории, а в математической модели — результаты актуальны для абстрактно схожих систем, в том числе математических, то есть нематериальных (Morgan, 2003: 219–221).

Вычислительные эксперименты, или компьютерные симуляции, занимают промежуточное пространство между этими крайними, «идеальными» случаями. Морган пишет:

Это эксперименты, которые *используют* математическую модель как экспериментальное средства, а не эксперименты *на* математической модели (ibid.: 223).

Такого рода «гибридные эксперименты» она подразделяет на два типа: «virtually an experiment» и «virtual experiment». Мы попытались сохранить эту языковую игру при переводе на русский язык: «виртуально эксперимент», и «виртуальный эксперимент».

В первом типе эксперимента [команда ученых] превращает реальную коровью кость в компьютерное изображение. Эта процедура включает в себя нарезку очень тонких слоев кости, их подготовку... и цифровое фотографирование каждого слоя. Эти цифровые слои затем пересобираются в компьютере и создают высококачественное 3D-изображение этой реальной кости. Во втором типе эксперимента команда создает компьютерное 3D-изображение стилизованной кости, придавая ей структуру, состоящую из квадратных ячеек 3D-решетки. Элементы каждой ячейки — подпорки (*struts*), отсортированные по ширине на основе измерения реальных костей, и расположенные под углами, заданными случайно (ibid.: 222).

В каждом случае компьютер используется в качестве необходимого посредника (медиатора) практики моделирования, будь то визуальное оформление процесса или решение уравнений, описывающих состояние системы. Но мы не можем назвать это «чистым» математическим моделированием, потому что в первом случае объект, виртуальный образ которого создается на компьютере, *действительно существует* — это конкретный материальный объект, кость животного; во втором же случае мы производим *искусственный* объект, имеющий какое-то отношение к аналогичному классу *естественных* объектов, но не представляющий (не замещающий собой) один из них. Морган называет первый тип моделирования «полуматериальным», а второй — «псевдоматериальным». Эти термины достаточно хорошо отражают, опять же, языковую интуицию, сопровождающую компьютерное экспериментирование: это «как будто бы» эксперимент, или эксперимент «понарошку».

Эти случаи объединены тем, что они занимают промежуточное положение на «методологической карте» Морган («ничейная земля», как выразился Галисон за восемь лет до того). Однако в них есть и существенное различие, содержащееся в процессе конструирования этих моделей. Если в «*virtually an experiment*» была «оригинальная» коровья кость, которую экспериментатор пытался скопировать в виртуальной среде, то в «*virtual experiment*» коровья кость была создана *ex nihilo*, на основании общих предпосылок и теоретического знания о том, как вообще устроены кости. Мы поэтому можем использовать идеи Морган для детализации «методологической карты»: теперь на ней есть не только «эксперименты» и «теории», но и промежуточные случаи. Нижеследующая таблица — упрощенный и сокращенный перевод из статьи Морган.

	Лаборатория	Гибридные формы		Математическая модель
		Virtually	Virtual	
Способ контроля	Эксперимент	Экспериментальные данные на «входе», предположения — на «выходе»	Предположения	Предположения
Способ получения результата	Путем взаимодействия с материальной системой	Симуляция, использующая модельный объект		Дедукция из посылок
Степень материальности системы	Материальная	Полуматериальная	Псевдо-материальная	Нематериальная

Морган заключает, что формы экспериментально-модельной деятельности, которые были описаны выше, являются гибридными:

Они — смесь моделей и экспериментов. Они смешивают математическую и экспериментальную формы доказательства. Они смешивают типы контроля... Они смешивают нематериальные и материальные элементы (Morgan, 2003: 233),

и так далее.

Мы несколько раз упомянули «интуицию», говоря о том, какими способами и формами выражения ученые и философы науки описывают компьютерные симуляции. «Интуитивно» кажется очевидным, что чем «материальнее» научная модель, тем больше у нее шансов на производство достоверного, обоснованного знания о мире. В самом деле: экспериментировать (пусть и в виртуальной среде) с искусственно созданной «с нуля» костью или взять детальные данные о реальном материале? Кажется, что при прочих равных ответ очевиден: требуется предпочесть более «материальный» второй вариант. В этом смысле достоверность симуляционной практики производна от убежденности в «материальности» происходящего. Вычислительные эксперименты оказываются на заведомо второстепенных ролях.

Еще один пример, подтверждающий это — исследования Франческо Гуалы. Гуала в 2002 году исходит из той же интуиции, что и Винсберг и Морган:

Заметим, что повседневный научный дискурс часто относится к экспериментам, моделям и симуляциям как к образцам одного и того же типа деятельности... Почему ученые переходят от разговора об «экспериментах» к разговору о «моделях» и «симуляциях»? (Guala, 2002: 60)⁷

Этот переход, хоть и является распространенным уже 20 лет назад, не остается незамеченным даже для его участников, действующих ученых, которые безо всякой эпистемологической подготовки склонны разграничивать «настоящие» и «ненастоящие» эксперименты. Гуала пишет:

Это различие определено нагружено эпистемическими коннотациями: предполагается, что симуляции в некотором смысле менее плодотворны, чем настоящие эксперименты... Их результаты часто оцениваются как «всего лишь» симуляции, которые не следует путать с «настоящими вещами» (ibid.: 62).

Понятия «модель» и «симуляция» Гуала разграничивает через указание на динамический характер симулирования. Так симуляцию определял, в частности, С. Хартман:

Симуляция тесно связана с динамическими моделями... Эта модель предназначена для имитации эволюции реальной системы во времени. Другими словами, симуляция имитирует один процесс другим процессом (Hartmann, 1996: 83).

⁷Несколько противостоит говорить, что карта «симулирует» территорию, хотя вполне нормально сказать, что перемещение фигурок на этой карте «симулирует» перемещение армий по этой территории.

Поэтому, условно говоря, симуляция — это «подвижная» модель. Гуала пишет:

Различие лежит в характере отношения, которое существует между *экспериментом* и его *целевой системой*, с одной стороны, и *симуляцией* и ее *целевой системой*, с другой. В первом случае соответствие носит «глубинный», «материальный» характер, в то время как во втором случае признается только «абстрактное» и «формальное» сходство (Guala, 2002: 67).

Таким образом, онтологические предпосылки использования этих двух методов существенно различаются. Уточним: речь не идет о том, что материальные эксперименты *на самом деле* ближе к «истине», чем компьютерные симуляции. Но они интуитивно воспринимаются в таком качестве активными участниками процесса производства знания (а также философами, которые обращают свое внимание на этот процесс). С нашей точки зрения принципиально здесь то, что связь с *материальностью* происходящего используется как фактор *эпистемического* достоинства научной практики: чем материальнее, тем достовернее. Поэтому «принцип материальности» Дюрана здесь вполне работает: условно говоря, онтология предопределяет эпистемологию.

При этом, в отличие от Морган, Гуала не использует этот тезис как самоочевидный. Эпистемологический статус различных научных практик, в том числе экспериментирования и теоретизирования, менялся со временем и зависел от социокультурного контекста существования науки.

Степень доверия к конкретным научным инструментам или практикам менялась со временем. Так, эксперименты Галилея не были сразу же встречены с энтузиазмом, но было бы странно по этой причине вешать на них ярлык «симуляций», пока они не были приняты научным сообществом (*ibid.*: 65).

Возможно, этот вывод даже более важен, чем предполагает Гуала: он указывает на то, что «материальность» научной практики не свидетельствует однозначно о ее большей «достоверности», но в то же время и объясняет соблазн так думать⁸.

Морган уточняет (в другой работе):

Ученый в лаборатории *создает искусственную среду внутри реального мира*, в то время как автор математической модели *создает искусственный мир* (Morgan, 2002: 49).

⁸Возможна, однако, и альтернативная интерпретация. Альтернативой является то, что и сами эксперименты Галилея могли не рассматриваться как в полном смысле материальные (то есть относящиеся к познанию движения материи, к *физике*), по причине их избыточной искусственности. Я благодарю Т. А. Вархотова за это ценное замечание.

В этом смысле онтологическая связь между экспериментальной системой и миром, который нас интересует, оказывается гораздо более тесной, чем связь мира и симуляции. Но при этом:

Хотя [ученые] знают все об элементах, которые они помещают в модель (так что результаты модельных экспериментов заранее встроены в эту модель), ответы на их вопросы не вполне известны или не вполне понятны, в том числе за счет того, что мы не можем продумать до конца, как изменения в конкретных частях модели повлияют на другие элементы и отношения. Напротив, в случае лаборатории всегда есть вероятность не только удивиться (*surprised*), но и быть опровергнутым (*confound*), поскольку по отношению к миру в лаборатории мы не знаем заранее не только результатов собственных действий, но и поведения материальных элементов, задействованных в эксперименте (Morgan, 2002: 50).

Таким образом, способность изучаемого объекта «удивить» нас оказывается скоррелированной со способностью выходить из-под нашего контроля, выдавать результаты, плохо обрабатываемые нашей концептуальной рамкой. Различие между «surprise» и «confound» окажется впоследствии одним из ведущих лейтмотивов эпистемологии компьютерных симуляций, на что будет указывать тот же Дюран (Duran, 2013b: 91).

«Принцип материальности», но с обратным знаком, исповедуется в работах Уэнди Паркер. Для Гуалы и Морган «недостаточная материальность» компьютерных симуляций была аргументом в пользу недостаточной достоверности их результатов. Оба предполагали, явно или неявно, что чем ближе (в онтологическом смысле) исследуемые субстанции, тем выше значимость результатов исследования: «Онтологическая эквивалентность влечет эпистемологическую силу» (Morgan, 2005: 326). Паркер использует ту же схему аргументации, но в противоположных целях: она утверждает, что компьютерные симуляции *в буквальном смысле* являются материальными экспериментами.

Я защищаю ту точку зрения, согласно которой любое исследование с использованием компьютерных симуляций, которое обозначено как «эксперимент», является экспериментом в первую очередь в материальном смысле (Parker, 2009: 484).

Таким образом, Паркер отрицает, что между лабораторными экспериментами и компьютерными симуляциями существует онтологическое различие:

Эксперимент может быть охарактеризован как исследовательская активность, включающая в себя вмешательство в некоторую систему с целью увидеть, как изменятся интересующие нас свойства этой системы (Parker, 2009: 487).

Это определение выглядит так, как будто оно противопоставляет «представление» и «вмешательство» в духе Хакинга, но это не так: некоторые эксперименты могли бы служить симуляциями (в том числе компьютерными) для других экспериментов.

«Вмешательство», тем не менее, остается значимой характеристикой эксперимента. Но Паркер полагает, что оно имеет место в исследованиях компьютерных симуляций *в том же смысле*, что и в материальном эксперименте.

Экспериментальная система в компьютерном эксперименте это программируемый цифровой компьютер — физическая система, сделанная из проводов, пластика и т. д... Исследование компьютерной симуляции включает в себя помещение вычислительной системы в начальное состояние, запуск ее последующей эволюции и сбор информации о различных аспектах протекания этой эволюции (ibid.: 488–489).

Поэтому разграничить эксперимент и симуляцию по линии «материальное/нематериальное» не получится. На статус симуляций по отношению к экспериментам влияют другие параметры — в первую очередь, наличие релевантных сходств между экспериментальной и целевой системами. При этом оказывается, что «быть материальным» — это тривиальное сходство, которое само по себе не объясняет возможности вывода от результатов эксперимента к внешнему миру.

В некоторых случаях, как показывает пример прогнозов погоды, у ученых могут быть хорошие основания полагать, что результаты некоторого компьютерного эксперимента в большей степени способны предоставить желаемую информацию о целевой системе, чем результаты даже самых лучших доступных традиционных экспериментов (ibid.: 494).

Таким образом, Паркер соблюдает «принцип материальности»: если материальных различий нет, то и эпистемологические различия не порождаются⁹.

В ту же компанию, к Гуале, Морган и Паркер, Дюран включает также Эрика Винсберга и Маргарет Моррисон, что, на наш взгляд, является

⁹Стоит, однако, оговорить, что у самой Паркер нет указания на то, как могли бы быть выбраны «релевантные» свойства и как они связаны с интуицией «материальности» происходящего в симуляции процесса.

некорректным, особенно в последнем случае. Для анализа соотношений между вычислительным и материальным экспериментом Моррисон в явном виде задействует прагматический подход, рассматривающий эти эксперименты как практики, включающие существенный аспект *моделирования*. (Morrison, 2009; Morrison & Morgan, 1999). Ее задача состоит в том, чтобы показать, что в обоих случаях моделирование играет очень похожую роль (Morrison, 2009: 43). Собственно, онтологическая сторона вопроса эксплицитно игнорируется:

Роль моделей в экспериментальном процессе ставит под сомнение апелляции к материальности... Во многих случаях... материальность не влечет эпистемических или онтологических следствий (ibid.: 40).

Моррисон выбирает нетрадиционную для эпистемологов стратегию аргументации: анализировать не компьютерные симуляции (их природу, достоинства и недостатки), а классические эксперименты, с которыми их обычно сопоставляют. И тогда обнаруживается, что в классическом материальном эксперименте отсутствует та самая связь между теорией и действительностью, которую «принцип материальности» фактически рассматривает как непроблематичную.

Опосредующую роль выполняют модели. Этот тезис характерен как для семантического (теоретико-модельного) подхода (см., например, Fraassen, 1980), так и для прагматического (см., например, Cartwright, 1983; Morrison & Morgan, 1999); различие лежит в экспликации способа, которым модели соотносятся с теориями и действительностью. В примерах Моррисон модели фактически определяют практику измерения, то есть получения научно релевантных данных. Так, при измерении ускорения свободного падения в классической механике используется маятник, относительно которого известна длина и период колебаний. Однако точные (*precise*) измерения этих величин и подстановка их в соответствующее уравнение вряд ли способно дать общепризнанные $g=9,80665$ м/с². Чтобы получить «истинное» значение g , требуется сделать ряд технически неосуществимых поправок — на растяжимость нити, сопротивление воздуха, высоту над уровнем моря и т. д. Поэтому результат измерений g не релевантен напрямую теоретическим предпосылкам (то есть может быть далеким от g , рассчитанной через закон всемирного тяготения). Опосредующей инстанцией является *модель*. «Проще говоря: не существует измерений без моделей» (Morrison, 2009: 50). Из этого

следует, что «искусственность» виртуальной модели в случае компьютерной симуляции не отличается по существу от «искусственности» моделей, задействованных в «материальных» измерениях.

Моррисон, таким образом, отвергает принцип материальности, причем если Паркер, признавая равенство симуляций и экспериментов, считала материальность компьютера частью аргументации в пользу этого равенства, то Моррисон, напротив, прямо говорит:

Вопросы о «материальности» или основанном на «материальности» прямом сопоставлении между объектом и целевой системой не имеют значения для обоснования (Morrison, 2009: 52–53)¹⁰.

Поэтому Дюран неправ, утверждая, что «Моррисон онтологически идентифицирует модели и компьютерные симуляции, которые совпадают по выполнению ими эпистемической роли» (Duran, 2013a: 43), и тем самым записывая Моррисон в адепты принципа материальности.

При этом сама по себе аргументация Моррисон не является опровержением принципа материальности, который помимо прочего служит и как указание на истоки интуиции (выраженной, например, у Гуалы выше) относительно более высокого статуса материальных экспериментов. Скорее, вместо того, чтобы аргументировать в пользу большей достоверности компьютерных симуляций, она предполагает некоторое существенное ограничение (то есть более высокую произвольность) материальных экспериментов: они менее «материальны», чем мы привыкли думать. Несправедливо было бы требовать от компьютерных симуляций того, что не всегда свойственно нашим лучшим материальным экспериментам, и в этом смысле более последовательно говорить о континууме между различными использованиями моделей. Таким образом, Моррисон скорее «еретик» относительно принципа материальности, чем «язычник».

АРГУМЕНТЫ ПРОТИВ ПРИНЦИПА МАТЕРИАЛЬНОСТИ

Обсуждая аргументы против «принципа материальности», имеет смысл вначале прояснить, какая именно эпистемологическая позиция может быть рационально (и достаточно долго) отстаиваема.

Вообще говоря, неочевидно, что принятие или отвержение принципа материальности как-то влияет на *фактическую* степень доверия

¹⁰Отдельного внимания в этой фразе заслуживают красноречивые кавычки, обрамляющие слово «материальность».

ученых к компьютерным симуляциям. Придерживаясь мнения о том, что эпистемология науки носит *дескриптивный*, а не *нормативный* характер, мы не можем *заставить* ученых изменить свое мнение о соотношении компьютерных симуляций и материальных экспериментов. Это соотношение является предметом изучения, а не целью. Однако эпистемологические исследования вполне понятным образом изменяют мнение философов науки, показывая, что та или иная позиция противоречит / не противоречит другой позиции, вытекает из нее, совместима с ней и т. д.

В этом смысле тезис о том, что онтологическое (материальное) сходство/различие не влечет соответствующего эпистемического сходства/различия, открывает новые горизонты в эпистемологии. Для примера: если признавать компьютерные симуляции экспериментами в том же смысле, что и материальные эксперименты, то появляется повод задуматься, применим ли к виртуальным объектам манипулятивный реализм Хаккинга, или живут ли они «своей жизнью» и т. д. Напротив, подчеркивая вторичность онтологических характеристик, эпистемолог тем самым признает множественность онтологий научных практик, и возникают вопросы об их взаимной упорядоченности, иерархичности, взаимозаменяемости и т. д.

Один из аргументов против принципа материальности принадлежит самому Дюрану: это аргумент множественной реализуемости. Согласно, например, Паркер, вычислительный эксперимент является экспериментом над материальной системой — физическим компьютером, и в этом смысле не отличим от материального эксперимента. Однако Дюран указывает, что, во-первых, компьютерная программа, проводящая эксперимент, никогда не бывает единственным процессом, протекающим в цифровом компьютере. Состояние компьютера определяется всеми параллельными вычислительными процессами, и оно не обязательно повторится при повторном запуске программы-симулятора. То есть *одни и те же* «экспериментальные» запуски соответствуют *различным* физическим состояниям системы при их повторении. То же самое происходит, если одна и та же симуляция запущена на *разных* компьютерах (Duran, 2013b: 82–84).

Дюран останавливается на этом, однако мы можем развить эту идею несколько далее. Если считать компьютерную симуляцию экспериментом, это означает, что она *принципиально* не может быть воспроизведена. В таком случае, конечно, лучше бы не называть это «экспериментом», так как воспроизводимость — одно из его ключевых свойств (тем более,

что экспериментам свойственен кризис воспроизводимости, обоснованно ставящий их под сомнение, см. Fidler, Wilcox, 2021). Мы полагаем, что принятие принципа материальности (по крайней мере, в версии Паркер) является самопротиворечивым: стремление рассмотреть компьютерные симуляции как материальные приводит к их не-экспериментальности (то есть принципиальной невозможности).

Еще одним аргументом против принципа материальности следует считать тезис «эпистемической непрозрачности» Пола Хамфриса. Изначально этот тезис использовался в качестве аргумента в другом споре, а именно по поводу того, требует ли расширяющаяся практика применения компьютерных симуляций особой области эпистемологии, или все теоретико-познавательные проблемы, связанные с ними, уже так или иначе включены в классический набор эпистемологических тем (будь то моделирование, материальное экспериментирование, мысленные эксперименты и т. д.) (Frigg & Julian, 2009, см. также Хамдамов, Волошин, 2021: 164–167).

Однако мы можем переместить этот аргумент в несколько другой контекст без особой потери смысла. Аргумент непрозрачности состоит в том, что процессы, которые предположительно составляют функционирование экспериментальной установки, по умолчанию недоступны человеку, который с ними работает: человек может манипулировать последовательностью «входов» и фиксировать «выходы», но в большинстве симуляционных практик ученый не знает, а главное — не обязан знать, что происходит внутри «черного ящика», именуемого компьютером (Humphreys, 2009: 618–619).

Байсбарт усиливает этот аргумент: представим себе, что используется не один компьютер, а несколько (система распределенных вычислений). Тогда можно быть вообще не в курсе, на каком именно аппаратном обеспечении в некоторый данный момент времени ведутся расчеты¹¹. Теоретически это, конечно, можно выяснить. Но мы здесь констатируем факт, что знание об аппаратных материальных ресурсах (*hardware*) в общем случае не обязательно для запуска программного обеспечения (*software*) (Beisbart, 2017: 12–14). Более того, так может происходить и с классическими «лабораторными» экспериментами, которые часто

¹¹Бейсбарт описывает свой пример как гипотетический, но мы можем в качестве реального воплощения указать, например, на проект распределенных вычислений Rosetta@home, где вычисления проводились на домашней аппаратуре добровольцев, и у ученых не было ни прямого, ни опосредованного доступа к этим машинам. См. Rosetta@home, 2023.

задействуют сложное оборудование с неочевидной («непрозрачной») архитектурой. Жюли Жебель даже указывает на этот «эффект черного ящика», как она его называет, как на общее свойство симуляций и экспериментов (Jebeile, 2017: 387–389). Действительно, очень странно утверждать, что материальность лежит в основе статуса (сходного или различного) экспериментов и компьютерных симуляций, если в огромном количестве случаев собственно материальность происходящего практически полностью игнорируется познающими субъектами. Подчеркнем: важен тот факт, что материальность *на практике* игнорируют¹², хотя конечно же, отдельные случаи будут принципиально важны (скажем, процессор может перегреться, если вычислений много, а система охлаждения не справляется).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Место компьютерных симуляций (вычислительных экспериментов) на «методологической карте» Галисона становится все более четким. Незаконнорожденные дети от брака математических моделей с экспериментами, они постепенно обретают самостоятельность и признание. Вначале они делали это, «заимствуя» эпистемологический статус из родственных практик: на таком заимствовании и построен принцип материальности, предполагающий, что статус вычислительных экспериментов связан со степенью присутствия «материи» в его структуре. Однако, как мы попытались показать, до сих пор остается спорным, во-первых, удовлетворяют ли сами «материальные» эксперименты такому требованию (учитывая распространенность «модельных» экспериментов, где изучаемую систему замещает другая система, которая может находиться с первой в самых разных отношениях, исключая отношение тождества), а во-вторых, действительно ли онтология этой научной практики (вычислительного экспериментирования) предопределяет ее

¹²Хамфрис полагает, что в рамках дискурса эпистемологии компьютерных симуляций мы вправе ограничиваться анализом того, что происходит *на практике*, игнорируя вопросы о *принципиальной* возможности или невозможности. Так, М. Стоклер утверждал, что «в принципе, в [компьютерных] симуляциях нет ничего такого, что не могло бы быть получено без компьютеров» (цит. по Humphreys, 2009: 623). Это не значит, согласно Хамфрису, что у вычислений нет собственной эпистемологии, ведь *на практике* все эти расчеты без компьютеров заняли бы месяцы и годы. Вспомним также и о том, что «компьютером» изначально назывался человек, производящий вычисления, а не машина; *на практике* этот человек чаще оказывался женского пола, и вряд ли исследователь из области социальной эпистемологии мог бы успокоить себя утверждением, что *в принципе* это могли бы быть и мужчины.

эпистемологию. Мы полагаем, что ответ «нет» является правильным ответом на оба вопроса. Вместо «дискриминации»¹³ компьютерных симуляций (на какой бы основе она ни проводилась) эпистемология XXI века должна признать их в ряду множества познавательных практик, как это декларируется в рамках прагматического подхода к структуре научной деятельности (Winther, 2016). Принцип материальности недостаточен для того, чтобы аргументированно обосновать эпистемологический статус компьютерных симуляций.

ЛИТЕРАТУРА

- Вархотов Т. А.* От воображения к карте : недискурсивные основания мысленного эксперимента // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2021. — № 62. — С. 250–259.
- Галисон П.* Зона обмена : координация убеждений и действий // Вопросы истории естествознания и техники. — 2004. — № 1. — С. 64–91.
- Галисон П., Дагстон Л.* Объективность / пер. с англ. Т. А. Вархотова, С. М. Гавриленко, А. А. Писарева. — М. : Новое Литературное Обозрение, 2018.
- Квайн У. В. О.* Две догмы эмпиризма / пер. с англ. Т. А. Дмитриева // Слово и объект / пер. с англ. А. З. Черняка, Т. А. Дмитриева. — М. : Логос, Праксис, 2000. — С. 342–367.
- Лебедев С. А.* Философия науки : учебное пособие для вузов / под ред. С. А. Лебедева. — М. : Академический проект, 2010.
- Липкин А. И.* Философия науки : учебник для вузов / под ред. А. И. Липкина. — М. : Юрайт, 2023.
- Мах Э.* Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования / пер. с нем. Г. А. Котляра. — М. : Бином. Лаборатория знаний, 2014.
- Степин В. С.* История и философия науки : учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. — М. : Академический проект, 2011.
- Хакинг Я.* Представление и вмешательство. Введение в философию естественных наук / пер. с англ. С. Кузнецова. — М. : Логос, 1998.
- Хамдамов Т. В., Волошин М. Ю.* Концептуализация компьютерных симуляций в философии науки // Эпистемология и философия науки. — 2021. — Т. 58, № 2. — С. 151–169.

¹³Ученые, как уже указывалось, давно и активно используют компьютерные симуляции в качестве стандартного средства исследования. «Дискриминация», о которой идет речь, имеет место в первую очередь в области философско-научного осмысления этой деятельности. Можно сказать, что философия науки не поспевает за актуальной научной практикой.

- Beisbart C.* Are Computer Simulations Experiments? And If Not, How are They Related to Each Other? // *European Journal for Philosophy of Science*. — 2017. — Vol. 8, no. 2. — P. 171–204.
- Cartwright N.* How the Laws of Physics Lie. — Oxford, NY : Oxford University Press, 1983.
- Cat J.* The Unity of Science / *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* ; ed. by N. E. Zalta. — 2023. — URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2023/entries/scientific-unity/> (visited on Nov. 10, 2023).
- Da Costa N., French S.* The Model-Theoretic Approach in the Philosophy of Science // *Philosophy of Science*. — 1990. — Vol. 57, no. 2. — P. 248–265.
- Da Costa N., French S.* Theories, Models and Structures : Thirty Years On // *Philosophy of Science*. — 2000. — Vol. 67. — P. 116–127.
- Duran J.* A Brief Overview of the Philosophical Study of Computer Simulations // *American Philosophical Association Newsletter on Philosophy and Computers*. — 2013a. — Vol. 13. — P. 38–46.
- Duran J.* The Use of the Materiality Argument in the Literature on Computer Simulations // *Computer Simulations and the Changing Face of Scientific Experimentation* / ed. by J. Duran, E. Arnold. — Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Pub., 2013b. — P. 76–98.
- Fidler F., Wilcox J.* Reproducibility of Scientific Results / *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* ; ed. by E. N. Zalta. — 2021. — URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2021/entries/scientific-reproducibility/> (visited on Nov. 10, 2023).
- Fraassen B. van.* Scientific Image. — New York : Oxford University Press, 1980.
- Frigg R., Reiss J.* The Philosophy of Simulation : Hot New Issues or Same Old Stew? // *Synthese*. — 2009. — Vol. 169, no. 3. — P. 593–613.
- Galison P.* Computer Simulation and the Trading Zone // *Disunity of Science : Boundaries, Contexts, and Power* / ed. by P. Galison, D. Stump. — California : Stanford University, 1996. — P. 118–157.
- Guala F.* Models, Simulations, and Experiments // *Model-based Reasoning : Science, Technology, Values* / ed. by L. Magnani, N. Nersessian. — New York : Springer Science, Business Media, 2002. — P. 59–74.
- Hartmann S.* The World as a Process : Simulations in the Natural and Social Sciences // *Modelling and Simulation in the Social Sciences from the Philosophy of Science Point of View* / ed. by R. Hegselmann, U. Mueller, K. G. Troitzsch. — Dordrecht : Springer, 1996. — P. 77–100.
- Hayenga M., Manetsch T., Halter A.* Computer Simulation as a Planning Tool in Developing Economies // *American Journal of Agricultural Economics*. — 1968. — Vol. 50, no. 5. — P. 1755–1759.
- Humphreys P.* Computer Simulations // *PSA : Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association*. — 1990. — Vol. 2. — P. 497–506.

- Humphreys P.* Extending Ourselves : Computational Science, Empiricism, and Scientific Method. — New York : Oxford University Press, 2004.
- Humphreys P.* The Philosophical Novelty of Computer Simulation Methods // Synthese. — 2009. — Vol. 169, no. 3. — P. 615–626.
- Jebeile J.* Computer Simulation, Experiment, and Novelty // International Studies in the Philosophy of Science. — 2017. — Vol. 31, no. 4. — P. 379–395.
- Keller E. F.* Models, Simulation and “Computer Experiments” // The Philosophy of Scientific Experimentation / ed. by H. Radder. — Pittsburgh : University of Pittsburgh Press, 2003. — P. 198–215.
- Lenhard J.* Computer Simulation : The Cooperation Between Experimenting and Modelling // Philosophy of science. — 2007. — Vol. 74, no. 2. — P. 176–194.
- Morgan M.* Model Experiments and Models in Experiment // Model-based Reasoning : Science, Technology, Values / ed. by L. Magnani, N. Nersessian. — New York : Springer Science, Business Media, 2002. — P. 41–58.
- Morgan M.* Experiments without Material Intervention : Model Experiments, Virtual Experiments and Virtually Experiments // The Philosophy of Scientific Experimentation / ed. by H. Radder. — Pittsburgh : University of Pittsburgh Press, 2003. — P. 216–235.
- Morgan M.* Experiments versus Models : New Phenomena, Inference and Surprise // Journal of Economic Methodology. — 2005. — Vol. 12, no. 2. — P. 317–329.
- Morrison M.* Models, Measurement and Computer Simulation : The Changing Face of Experimentation // Philosophical Studies. — 2009. — Vol. 1. — P. 33–57.
- Morrison M., Morgan M.* Models as Mediating Instruments // Models as Mediators : Perspectives on Natural and Social Science / ed. by M. Morrison, M. Morgan. — New York : Cambridge University Press, 1999. — P. 10–37.
- Parker W. S.* Does Matter Really Matter? : Computer Simulations, Experiments, and Materiality // Synthese. — 2009. — Vol. 169, no. 3. — P. 483–496.
- Reddy R.* Epistemology of Knowledge-Based Systems // Simulation. — 1987. — Vol. 48. — P. 161–170.
- Rohrlich F.* Computer Simulation in the Physical Sciences // PSA : Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association. — 1990. — Vol. 2. — P. 507–518.
- Rosetta@home / Rosetta@home. — URL: <https://boinc.bakerlab.org> (visited on Nov. 10, 2023).
- Saam N.* What is a Computer Simulation? A Review of a Passionate Debate // Journal for General Philosophy of Science. — 2017. — Vol. 48, no. 2. — P. 293–309.
- Winsberg E.* Science in the Age of Computer Simulation. — Chicago, London : The University of Chicago Press, 2010.
- Winther R. G.* The Structure of Scientific Theories / The Stanford Encyclopedia of Philosophy ; ed. by E. N. Zalta. — 2016. — URL: <https://plato.stanford.edu/entries/structure-scientific-theories/> (visited on Nov. 10, 2023).

Voloshin, M. Yu. 2024. “‘Printsip material’nosti’ v epistemologii komp’yuternykh simulyatsiy [The ‘Materiality Principle’ in Studies of the Epistemology of Computer Simulations]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (3), 310–335.

MIKHAIL VOLOSHIN

LECTURER

LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0002-6379-4771

THE “MATERIALITY PRINCIPLE” IN STUDIES OF THE EPISTEMOLOGY OF COMPUTER SIMULATIONS

Submitted: Nov. 11, 2023. Reviewed: Feb. 18, 2024. Accepted: July 19, 2024.

Abstract: There is an argumentative strategy called the “materiality principle” (J. Duran) in the studies of epistemology of computer simulations. The strategy is about attributing epistemic characteristics to computer simulations on the basis of their ontological similarity with material experiments (the degree of “materiality”). This comparison is motivated in part by linguistic intuitions: computer modeling is often referred to as a “computational experiment” etc. It is reasonable then to consider computer simulations as a subspecies of scientific modeling, occupying an intermediate position between the theoretical and experimental level of scientific knowledge (as it is within the framework of modern approaches to the structure of scientific knowledge, namely semantics and pragmatics). Four different kinds of the implementation of the “materiality principle” are considered, arguing both in favor of the reliability of computer simulations and against it. Computer simulations blur the boundaries between material and virtual (computational) experimentation. The “materiality principle” can work as an argument both for and against this distinction. Two main arguments against the principle of materiality—the “opacity argument” and the “multiple realizability argument”—are hereby presented and strengthened. We conclude that the materiality principle is insufficient to substantiate the epistemological status of computer simulations.

Keywords: Materiality Principle, Computer Simulations, Scientific Model, Computational Experiment, Epistemological Status, Structure of Scientific Theory, Pragmatic View.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-310-335.

REFERENCES

- Beisbart, C. 2017. “Are Computer Simulations Experiments? And If Not, How are They Related to Each Other?” *European Journal for Philosophy of Science* 8 (2): 171–204.
- Cartwright, N. 1983. *How the Laws of Physics Lie*. Oxford and NY: Oxford University Press.
- Cat, J. 2023. “The Unity of Science.” Ed. by N. E. Zalta. The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Accessed Nov. 10, 2023. <https://plato.stanford.edu/archives/spr2023/entries/scientific-unity/>.
- Da Costa, N., and S. French. 1990. “The Model-Theoretic Approach in the Philosophy of Science.” *Philosophy of Science* 57 (2): 248–265.
- . 2000. “Theories, Models and Structures: Thirty Years On.” *Philosophy of Science* 67:116–127.
- Duran, J. 2013a. “A Brief Overview of the Philosophical Study of Computer Simulations.” *American Philosophical Association Newsletter on Philosophy and Computers* 13:38–46.

- . 2013b. “The Use of the Materiality Argument in the Literature on Computer Simulations.” In *Computer Simulations and the Changing Face of Scientific Experimentation*, ed. by J. Duran and E. Arnold, 76–98. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Pub.
- Fidler, F., and J. Wilcox. 2021. “Reproducibility of Scientific Results.” Ed. by E. N. Zalta. The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Accessed Nov. 10, 2023. <https://plato.stanford.edu/archives/sum2021/entries/scientific-reproducibility/>.
- Fraassen, B. C. van. 1980. *Scientific Image*. New York: Oxford University Press.
- Frigg, R., and J. Reiss. 2009. “The Philosophy of Simulation: Hot New Issues or Same Old Stew?” *Synthese* 169 (3): 593–613.
- Galison, P. 1996. “Computer Simulation and the Trading Zone.” In *Disunity of Science: Boundaries, Contexts, and Power*, ed. by P. Galison and D. Stump, 118–157. California: Stanford University.
- Galison, P. 2004. “Zona obmena [Trading Zone]: koordinatsiya ubezhdeniy i deystviy [Coordinating Action and Belief]” [in Russian]. *Voprosy istorii yestestvoznaniya i tekhniki [Studies in the History of Science and Technology]*, no. 1, 64–91.
- Galison, P., and L. Daston. 2018. *Ob'yektivnost' [Objectivity]* [in Russian]. Trans. from the English by T. A. Varkhotov, S. M. Gavrilenko, and A. A. Pisarev. Moskva [Moscow]: Novoye Literaturnoye Obozreniye.
- Guala, F. 2002. “Models, Simulations, and Experiments.” In *Model-based Reasoning: Science, Technology, Values*, ed. by L. Magnani and N. Nersessian, 59–74. New York: Springer Science / Business Media.
- Hacking, I. 1998. *Predstavleniye i vmeshatel'stvo. Vvedeniye v filosofiyu yestestvennykh nauk [Representing and Intervening: Introductory Topics in the Philosophy of Natural Science]* [in Russian]. Trans. from the English by S. Kuznetsov. Moskva [Moscow]: Logos.
- Hartmann, S. 1996. “The World as a Process: Simulations in the Natural and Social Sciences.” In *Modelling and Simulation in the Social Sciences from the Philosophy of Science Point of View*, ed. by R. Hegselmann, U. Mueller, and K. G. Troitzsch, 77–100. Dordrecht: Springer.
- Hayenga, M., T. Manetsch, and A. Halter. 1968. “Computer Simulation as a Planning Tool in Developing Economies.” *American Journal of Agricultural Economics* 50 (5): 1755–1759.
- Humphreys, P. 1990. “Computer Simulations.” *PSA: Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association* 2:497–506.
- . 2004. *Extending Ourselves: Computational Science, Empiricism, and Scientific Method*. New York: Oxford University Press.
- . 2009. “The Philosophical Novelty of Computer Simulation Methods.” *Synthese* 169 (3): 615–626.
- Jebeile, J. 2017. “Computer Simulation, Experiment, and Novelty.” *International Studies in the Philosophy of Science* 31 (4): 379–395.
- Keller, E. F. 2003. “Models, Simulation and ‘Computer Experiments’.” In *The Philosophy of Scientific Experimentation*, ed. by H. Radder, 198–215. Pittsburgh: U. P. P.
- Khamdamov, T. V., and M. Yu. Voloshin. 2021. “Kontseptualizatsiya komp'yuternykh simulyatsiy v filosofii nauki [Conceptualizing Computer Simulations in Philosophy of Science]” [in Russian]. *Epistemologiya i filosofiya nauki [Epistemology & Philosophy of Science]* 58 (2): 151–169.
- Lebedev, S. A. 2010. *Filosofiya nauki [The Philosophy of Science]: uchebnoye posobiye dlya vuzov [Guide for Higher Education]* [in Russian]. Ed. by S. A. Lebedev. Moskva [Moscow]: Akademicheskiy proyekt [Academic Project].
- Lenhard, J. 2007. “Computer Simulation: The Cooperation Between Experimenting and Modelling.” *Philosophy of science* 74 (2): 176–194.

- Lipkin, A. I. 2023. *Filosofiya nauki [The Philosophy of Science]: uchebnik dlya vuzov [A Handbook for Higher Education]* [in Russian]. Ed. by A. I. Lipkin. Moskva [Moscow]: Yurayt.
- Mach, E. 2014. *Poznaniye i zabluzhdeniye. Ocherki po psikhologii issledovaniya [Erkenntnis und Irrtum. Skizzen zur Psychologie der Forschung]* [in Russian]. Trans. from the German by G. A. Kotlyar. Moskva [Moscow]: Binom. Laboratoriya znaniy.
- Magnani, L., and N. Nersessian, eds. 2002. *Model-based Reasoning: Science, Technology, Values*. New York: Springer Science / Business Media.
- Morgan, M. 2002. "Model Experiments and Models in Experiment." In *Model-based Reasoning: Science, Technology, Values*, ed. by L. Magnani and N. Nersessian, 41–58. New York: Springer Science / Business Media.
- . 2003. "Experiments without Material Intervention: Model Experiments, Virtual Experiments and Virtually Experiments." In *The Philosophy of Scientific Experimentation*, ed. by H. Radder, 216–235. Pittsburgh: U. P. P.
- . 2005. "Experiments versus Models: New Phenomena, Inference and Surprise." *Journal of Economic Methodology* 12 (2): 317–329.
- Morrison, M. 2009. "Models, Measurement and Computer Simulation: The Changing Face of Experimentation." *Philosophical Studies* 1:33–57.
- Morrison, M., and M. Morgan. 1999. "Models as Mediating Instruments." In *Models as Mediators: Perspectives on Natural and Social Science*, ed. by M. Morrison and M. Morgan, 10–37. New York: Cambridge University Press.
- Parker, W. S. 2009. "Does Matter Really Matter?: Computer Simulations, Experiments, and Materiality." *Synthese* 169 (3): 483–496.
- Quine, W. V. O. 2000. "Dve dogmy empirizma [Two Dogmas of Empiricism]" [in Russian]. In *Slovo i ob'jekt [Word and Object]*, trans. from the English by T. A. Dmitriyev, 342–367. Moskva [Moscow]: Logos, Praxis.
- Radder, H., ed. 2003. *The Philosophy of Scientific Experimentation*. Pittsburgh: U. P. P.
- Reddy, R. 1987. "Epistemology of Knowledge-Based Systems." *Simulation* 48:161–170.
- Rohrlich, F. 1990. "Computer Simulation in the Physical Sciences." *PSA: Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association* 2:507–518.
- "Rosetta@home." Rosetta@home. Accessed Nov. 10, 2023. <https://boinc.bakerlab.org>.
- Saam, N. 2017. "What is a Computer Simulation? A Review of a Passionate Debate." *Journal for General Philosophy of Science* 48 (2): 293–309.
- Stepin, V. S. 2011. *Istoriya i filosofiya nauki [The History and Philosophy of Science]: uchebnik dlya aspirantov i soiskateley uchenoy stepeni kandidata nauk [A Handbook for Postgraduates and Applicants for the Candidate of Sciences]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Akademicheskii proyekt [Academic Project].
- Varkhotov, T. A. 2021. "Ot voozbrazheniya k karte [From Imagination to Map]: nediskursivnyye osnovaniya myslennogo eksperimenta [Non-discursive Basis for Thought Experiment]" [in Russian]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya [Tomsk State University Journal Of Philosophy Sociology And Political Science]*, no. 62, 250–259.
- Winsberg, E. 2010. *Science in the Age of Computer Simulation*. Chicago and London: The University of Chicago Press.
- Winther, R. G. 2016. "The Structure of Scientific Theories." Ed. by E. N. Zalta. The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Accessed Nov. 10, 2023. <https://plato.stanford.edu/entries/structure-scientific-theories/>.

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ
СУБЪЕКТНОСТИ НАУКИ

Дискуссии

DISCUSSION

ЕВГЕНИЙ МАСЛАНОВ*

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ НАУКИ**

Аннотация: В статье предпринимается попытка рассмотрения вопроса о политической субъектности науки. Для этого проводится анализ понятия «политическое». Выделяется два его понимания. Первое связано с борьбой с противником за суверенитет. Оно базируется на способности выделять «друзей» и «врагов». Второе — с попыткой включения в социальное единство новых элементов. В этом случае политическое оказывается связано с вхождением в существующее единство новых агентов. Оба эти понимания предполагают необходимость конструирования новых миров политического, которые отличаются от уже имеющегося положения дел. Политическое оказывается связано с возможностью формировать особые перспективы, которые используются для переопределения социального единства. Политическая субъектность науки заключается в способности конструировать новые миры, которые оказывают влияния на социальную жизнь. В этом случае наука выступает агентом, создающим новые практики и технологии, влияющие на общество. Это как раз и ведет к переопределению социального единства. Подобная политическая функция науки сформировалась благодаря активному использованию результатов ее исследований в экономической и общественной жизни. Политическая субъектность характерна именно для современной науки и является побочным следствием ее успешности. Наука не стремится обладать подобной субъектностью, но и не может сама отказаться от нее, ведь именно использование результатов научных исследований и формирует эту субъектность. Таким образом, наука оказывается политическим актором не из-за собственных устремлений. Она становится структурным элементом политического.

Ключевые слова: наука, политика, техногенная цивилизация, субъектность, социальное конструирование, постнормальная наука.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-339-351.

В современном обществе наука играет одну из ключевых ролей. Технологии, основанные на ее результатах, вошли в нашу повседневную жизнь, иногда говорят о новом типе цивилизации — техногенной цивилизации или отмечают, что мы вошли в новую геологическую эпоху — антропоцен, в которой человечество становится ведущей геологической силой (After the Anthropocene, 2014; Crutzen & Stoermer, 2000), что было бы невозможно без технологического развития. При этом особая роль современной науки в разработке технологий, анализе социальной

*Масланов Евгений Валерьевич, к. филос. н., научный сотрудник, Институт философии Российской академии наук (Москва), evgenmas@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-6403-8003.

**© Масланов, Е. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

реальности, а следовательно, ее влияние на экономику и принятие различных политических решений поставили вопрос о взаимосвязи науки и демократии (Stehr, 2015) или в целом о ее возможной политической субъектности. В. Н. Порус отмечает, что

именно современная наука так или иначе вовлечена в политические процессы. Вопрос в том, является ли это вовлечение субъектным, то есть выступает ли наука актором этих процессов (определяющим свои цели и средства их достижения) или ее роль — быть обстоятельством или инструментом в политической игре других участников? (Порус, 2023: 77)

Ответ на этот вопрос требует прояснения понимания политического.

Можно выделить как минимум два типологических ответа на вопрос о сущности политического. Первый из них можно условно назвать «шмиттовским». В этом случае под политикой понимается борьба с противником за суверенитет, т. е. способность устанавливать политический порядок и правила его осуществления и возможность на основе собственных представлений принимать различные решения. Это противостояние предполагает столкновение различных социальных групп, не важно, организованы они в государства, партии или какие-то общественные движения. В нем есть друзья и враги, и именно их борьба определяет возможные действия или их отсутствие. Политик воплощает в себе субъектность своей группы. В этом случае политическое оказывается связано с способностью, отмечает Э.-В. Бёкенфёрде,

доходить до крайнего противопоставления, до различения друга и врага, включающего готовность к борьбе, в том числе и вооруженной, и что оно феноменально определяется этой заложенной в нем возможностью (Бёкенфёрде, Кильдюшов, 2012: 167).

Оно появляется не просто как необходимость в конкретный момент времени решить, кто является другом, а кто врагом. «Политическое заключено в самой природе человека» (Филиппов, 2016: 533), что и дает человеку силы помогать своим «друзьям» и противостоять «врагам». В результате, все может быть пронизано политикой. Правда, именно поэтому в некоторых случаях одни вопросы и отношения приобретают такой характер, а в других они уже не являются политическими. На авансцену противостояния выходят другие проблемы. Разделение политического и религиозного, политического и морального, политического и экономического, а возможно, политического и научного — оказывается лишь ситуативным положением дел. Ведь «политическим

потенциально может стать все. Поэтому решение о том, является ли нечто политическим, в спорном случае является именно политическим решением» (Шмитт, Корицын, 2016: 412). Оно оказывается связано с постоянной способностью и готовностью выделять «друзей» и «врагов», для защиты собственных интересов вступать с последними в борьбу и видеть ситуации, в которых необходимость подобного разделения ведет к переосмыслению понимания политического в определенный момент времени.

Второй ответ, условно назовем его «рансьеровским», базируется на иной попытке подойти к вопросу о сущности политического. Он опирается на представление о том, что политика связана не только с борьбой одних групп против других. Ведь сама власть всегда проявляется как власть над чем-то уже данным и существующим, тогда как политическое скорее демонстрирует «разрыв» в социальной жизни и предполагает возможность по-новому перестраивать существующий порядок.

Сущностная работа политики состоит в конфигурировании ее собственного пространства. Она стремится явить взору мир своих субъектов и операций. Сущность политики — обнаружение разногласия как присутствия двух миров (Рансьер, Скураатов, 2006: 210).

Поэтому оно, скорее, связано со стремлением сконструировать новый мир, в котором будут присутствовать агенты, в настоящее время в нем не представленные. Это механизм производства разногласий, который и создает существующие в нем позиции. Итогом может стать перестроение существующего единства за счет их признания. Политическое предстает не как постоянное пространство противостояния между уже существующими группами интересов, а событием появления новых участников, которые как раз и стремятся обрести свой статус в процессе вхождения и перестроения уже существующего сообщества. Например, борьба уже присутствующих в политическом поле партий на выборах не всегда связана с политикой. Она просто воспроизводит уже существующий порядок, хотя там и имеется противостояние. Появление же новых агентов, заинтересованных в признании со стороны других групп, как раз и оказывается политическим событием. Они подрывают условия существования сообщества, которые рассматриваются как не подлежащие сомнению.

Политика оспаривает необходимость, которая якобы определяет порядок сообщества. В этом смысле политика в теории Рансьера избыточна, несовместима с установленными формами опыта и репрезентации. Она всякий

раз ставит под вопрос существующие способы распределения целого (Саркисянц, 2016: 23).

Поэтому успех политики приводит к ее исчезновению. Она заканчивается тем, что новая группа оказывается принята в сообщество. В нем больше нет агентов, которые борются за собственное признание. На место политики приходит «полиция». У Ж. Рансьера «полиция — это не столько деятельность, сколько имя самовоспроизводящегося порядка» (Карчагин и Сивков, 2014: 15). Взаимная смена политики и полиции оказывается тем пространством жизни и конструирования различных социальных целостностей, в которых как раз и протекает такая рутинная деятельность, как борьба за власть.

Получается, что борьба за власть это лишь одно из проявлений, которое бросается в глаза, но не совпадает с сущностью политического. При всем различии позиций Шмитта и Рансьера можно заметить одно фундаментальное сходство — оба они подразумевают конструирование и учреждение особых миров политического, отличных от обычного состояния. Они не могут возникнуть без активного участия различных агентов, которые переформатируют существующий порядок. В «шмиттовском» подходе необходимо разделение на «друзей» и «врагов», первых будут брать в союзники, а со вторыми бороться не на жизнь, а на смерть. Ведь успех последних будет подразумевать разрушение мира первых, потерю ими суверенитета, а следовательно, и прекращение их существования. «Рансьеровский» — связан с пересборкой общественного единства на новых основаниях. Как только оно собрано, то сразу политическое уходит из жизни и наступает период поддержания существующего порядка. Он будет нарушен, лишь когда появятся новые возмутители спокойствия, которые снова вернут политику к жизни. Это не обязательно должна быть особая революционная ситуация, ведь, например, демократия, по его мнению, постоянно предлагает ставить под сомнение существующий *status quo*, и поэтому является пространством осуществления политического. Новые агенты самим своим появлением подрывают устоявшийся порядок и начинают конструирование собственной идентичности.

Такое понимание политического позволяет по-новому поставить вопрос о вовлеченности науки в политику. Оно изначально исходит из того, что вопрос о борьбе науки за власть является вторичным. Непосредственная борьба за политическое лидерство характерна для профессиональных политиков, стремящихся занять места во главе госу-

дарственного аппарата. Она подразумевает достижение различных долгосрочных и краткосрочных целей, связанных с удержанием власти. Но кто определяет эти цели, кем они формулируются, действительно ли сами политики ставят ориентиры для общественного развития? «Шмиттовское» и «рансьеровское» понимание политического скорее акцентируют внимание на том, что действия политиков выражают различные интересы, сформированные в процессе дифференциации существующего общественного консенсуса. Именно этот процесс различения и приводит к его формированию. Поэтому политики стремятся защищать интересы собственных групп либо вступая в борьбу со своими оппонентами, либо формируя предпосылки для создания нового единства. Она подразумевает создание «разрывов» в устоявшемся мире. Его как раз и формируют новые агенты, либо ставящие вопрос о том, кто в действительности является «другом» или «врагом» в «шмиттовском» подходе, либо выражая сомнение по поводу существующего единства в «рансьеровском». И именно в процессе этого конструирования различий и можно найти место для политической субъектности науки. На что же похожа подобная роль научного знания?

Для ответа на этот вопрос нам стоит обратиться к некоторым современным антропологическим исследованиям. К примеру, Э. Кон отмечает тот факт, что для общин народности руна, живущих в Эквадоре в окрестностях реки Верхняя Напо, важнейшим механизмом конструирования окружающего мира является анимизм. Они предполагают, что различные живые организмы обладают самостями, которые в чем-то подобны, а в чем-то отличны от человеческой. Но все вместе они включены в единую экологическую систему. Для них, например, оказываются характерны допущения предполагающие, что, во-первых, «все разумные существа, будь духи, животные или люди, считают себя личностями», а «во-вторых, хотя все существа считают себя личностями, то, как их видят другие, зависит от видовой принадлежности обоих существ» (Кон, Боровиков, 2018: 151). Это приводит к особой форме перспективизма, когда представители этой народности пытаются занять позицию, характерную для других живых организмов. Примером является описание позиций, из которой «видит» мир гриф и человек. В силу особенностей поведения, грифы и люди населяют разные «миры», т. е. они по-разному воспринимают одни и те же объекты. Люди могут видеть гниющую мертвечину, тогда как для грифов, по мнению представителей племени руна, она оказывается клубнями маниоки. Но, благодаря возможности попытаться занять позицию грифа, люди племени руна

могут сказать, что гриф видит куски мертвечины именно как клубни маниоки. Подобное описание разительно отличается от поставленного Т. Нагелем вопроса о том какво быть летучей мышью (Nagel, 1974). Ведь он не столько пытается понять ее «перспективу» с точки зрения ее «души» и «личности», а в их наличии не сомневаются описываемые Э. Коном представители племени руна, сколько стремится описать инструментарий, при помощи которого она взаимодействует с окружающим миром. В результате он делает вывод о том, что раз человек не обладает присущими летучей мышши способами восприятия, то он и не сможет понять ее «перспективу». Но этот вывод может казаться абсурдным представителям племени руна. «Если для нас (людей, воспитанных в новоевропейской культуре. — *Е. М.*) моделью вселенной является машина, — пишет Э. Кон, — то для анимистов это животная личность» (Кон, Боровиков, 2018: 151). Все это позволяет обратить внимание на то, что «перспективы», которые используют разные агенты, тесно переплетены с «мирами», в которых они существуют. Каждая из «перспектив» дает возможность определенным образом структурировать мир.

Порожденные различными перспективами миры есть не просто ментальные конструкции. Они определяют поведение различных акторов. Их особенности, например, будут влиять и на вопросы, которые могут быть поставлены. Э. Вевейруш де Кастру отмечает, что различные культуры могут обладать совершенно непохожими онтологическими представлениями. Встреча индейцев Латинской Америки и испанцев поставила перед двумя этими группами необходимость ответить на вопрос, с кем они встретились. Но ответ на него в каждой культуре предполагал собственные способы проверки различных гипотез.

Европейцы никогда не сомневались в том, что у индейцев есть тело (оно есть и у животных), индейцы никогда не сомневались в том, что у европейцев есть души (они есть и у животных, и у призраков мертвых) (Вивейруш де Кастру, Кралечкин, 2017: 19).

Поэтому испанцы ставят вопрос о наличии души у индейцев, тогда как индейцы, наблюдая за разложением тел испанцев, пытаются понять есть ли у них тела. Эти действия показывают нам, что «миры» индейцев и испанцев различны. Они обладают разными пониманиями сущности человека, соотношением тела и души. Одни и те же физические процессы могут быть проинтерпретированными ими исходя из

разных описаний мира и причин, которые ведут к тем или иным событиям. И сформировано оно в том числе и концептами, которые они используют.

В современном обществе техногенной цивилизации наука как раз и является ключевым институтом ответственным за концептуальное описание мира, а следовательно, и конструирование мира, в котором мы живем. Подобное утверждение можно распространить на социально-гуманитарное знание. Ясно, что оно оказывает влияние на принимаемые любыми управленцами и политиками решения. Даже если формально они и не обращаются к ученым для разработки собственных управленческих подходов, они опираются на модели и представления, которые были сформулированы в результате научных исследований. К примеру, Р. Грундманн и Н. Штер, показали, что выработка решений в области экономической политики вполне может опираться на научные теории, например, идей Дж. М. Кейнса. Ведь он стремится найти ответ на ключевые для его времени экономические вопросы. Решение климатологических задач требует обращения к науке, но сами климатологи могут иметь определенное представление о необходимых действиях в области работы с климатическими проблемами (Grundmann, Stehr, 2009). При этом сторонники трансформации современного общества призывают выработать новые подходы к конструированию будущего, которые будут отличны от уже существующих (Srnciek & Williams, 2015). Поэтому современные техники власти, конечно же, зависят от концептуальных описаний социально-гуманитарного знания. Именно оно и является структурой, производящей как различие, которое порождает политическое в его «рансьеровском» описании, так и формирует стратегии нового объединения этих различий, или конструирует разделение на «друзей» и «врагов» в «шмиттовском» описании сущности политического. Но можно ли в этом же смысле говорить о политической субъектности естественных наук?

Ответ на этот вопрос может быть дан в двух плоскостях. Первый из них связан с предлагаемыми аналитическими моделями собственно научной практики. Одно из них, развиваемое в рамках акторно-сетевой теории, предполагает создание специфического описания научной деятельности, в котором выстраиваются отношения между различными агентами. Ими могут быть как люди, так и *non-human* акторы. Сам язык авторов этой теории, предполагающий использование терминов «коалиции», «союзы», «сети», «борьба» и другие оказывается пронизан политическими метафорами. Сети, которые стабилизируют отношения

между вовлекаемыми в совместную деятельность акторами, конструируются посредством формирование новых структур, которых до этого не было (Law, 2004). В процессе этой деятельности необходимо определить дружественных агентов и противостоять тем, кто пытается не дать возможности сформироваться этому новому единству. В этом случае сама научная деятельность оказывается пространством учреждения новых исследовательских миров, которых раньше не существовало. Работа одного из создателей акторно-сетевой теории так и называется: «Политики природы: как привить наукам демократию» (Латур, Блинов, 2018), что недвусмысленно намекает на наличие политического контекста в исследовательской деятельности.

Второй аспект политической субъектности науки связан с тем, что деятельность современной науки тесно переплетена с жизнью людей. Достаточно долго результаты, полученные учеными, работающими в различных областях естественных наук, сообщали нам лишь информацию об устройстве мира. Они уточняли наши знания, но их достижения не оказывали непосредственного влияния на жизнь людей. Однако в современном обществе, как мы уже отмечали, естественные науки не просто связаны с поиском законов мироздания, но и имеют огромное прикладное значение. «Конструируемые» ими миры оказывают влияние на общественное развитие. С. Фунтович и Дж. Раветц описывают подобную ситуацию как формирование «пост-нормальной науки» (Funtowicz & Ravetz, 1993). Основное ее отличие от нормальной науки заключается в том, что она связана с решением задач, которые требуют нахождения быстрого ответа. Он должен быть не только теоретическим, но и практическим. Научные описания и рекомендации оказываются основаниями для реализации политических решений. В результате они затрагивают интересы различных групп, а сами последствия их применения могут быть плохо предсказуемы на достаточно длительном промежутке времени. Типичным примером являются климатические исследования. Они констатируют текущее положение дел и позволяют описывать некоторые результаты исполнения тех или иных сценариев, которые не могут быть гарантированы со стопроцентной точностью. При этом реализация рекомендаций, основанных на научных сценариях развития, оказывает влияние на различные группы населения и может повлиять на объект исследования — климат.

Подобная деятельность ученых начинает напоминать формирование «перспектив», которые начинают использоваться различными социальными группами. Эта практика задает «видение» проблем и механизмов

их решения, даже если существует определенное недоверие к науке (Тухватулина, 2023). Именно в этом процессе и формируется политическая субъектность современных естественных наук. Но она не связана со стремлением получить власть в области государственного управления, поэтому и не может быть адекватно представлена без более глубокого понимания политического и обращением к опыту «иного» описания мира, представленного антропологами.

Политическая субъектность естественных наук связана с учреждением новых исследовательских миров. Они сообщают о том, что устоявшееся единство наших представлений о мире требует пересмотра. Так, они создают новую «перспективу» видения мира, которая должны быть подвержена проверки. Такая деятельность всегда была характерна для новоевропейской науки. Ученые не только занимались поиском следствий из уже имеющихся знаний, но и пытались расширить зону их применения, найти ответы на еще не решенные вопросы. Они часто формировали эти новые «перспективы» — ньютоновская механика, цикл Карно, квантовая механика, специальная и общая теория относительности — любая новая теоретическая разработка устанавливает новую «перспективу». Но в технауке они превратились не просто в теоретические миры, а стали оказывать непосредственное влияние на жизнь людей. Научные достижения стали основой больших технологических проектов, а технологический выбор может иметь историческое значение. Примером может служить различие научно-технологических выборов, сделанных учеными, работающими над атомными проектами в разных странах.

Политическая субъектность современной науки приобретает особый характер. Она не связана с борьбой за политическую власть. Наука при помощи новых исследовательских полей создает пространство для принятия решений, влияющих на жизнь людей. А какие решения будут приняты, это зависит от полученных учеными результатов. Конечно же, можно указать и на то, что сами ученые эти решения не принимают, а выбор делают политики. Однако, во-первых, выбор политиков в принципе не был бы возможен без деятельности ученых, а во-вторых, опирается на мнение определенной группы, которая сама себя репрезентирует как связанную с наукой, даже если оппоненты этих ученых считают иначе. *Поэтому политическая субъектность науки оказывается неожиданным следствием ее активного вхождения в жизнь людей.* Наука как социальный институт (отдельные представители науки вполне могут бороться за государственную власть) не борется за

эту политическую субъектность. Она не хочет получить власть над обществом, не стремится разрушить существующее общественное единство, поставить вопрос о «друзьях» и «врагах». *Но она уже не может отказаться от этой субъектности.* Техногенная цивилизация существует лишь благодаря тому, что учреждаемые наукой «перспективы» рассмотрения и изучения мира используются ею для своего развития. А они как раз и оказываются одним из механизмов конструирования политического как в «шмиттовском», так и в «рансьеровском» смысле.

ЛИТЕРАТУРА

- Бёкенфёрде Э.-В.* Понятие политического как ключ к работам Карла Шмитта по государственному праву / пер. с нем. О. В. Кильдюшова // Логос. — 2012. — № 5. — С. 165–185.
- Viveйруш де Кастру Э.* Каннибальские метафизики: рубежи постструктурной антропологии / пер. с фр. Д. Ю. Кралечкина. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.
- Карчагин Е. В., Сивков Д. Ю.* Политика и справедливость в философии А. Бадью и Ж. Рансьера // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. — 2014. — № 2. — С. 12–19.
- Кон Э.* Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека / пер. с англ. А. Боровикова. — М.: Ad Marginem, 2018.
- Латур Б.* Политики природы. Как привить наукам демократию / пер. с фр. Е. Н. Блинова. — М.: Ад Маргинем, 2018.
- Порус В. Н.* Политическая субъектность науки как тема философии науки // Вопросы философии. — 2023. — № 9. — С. 71–82.
- Рансьер Ж.* На краю политического / пер. с фр. Б. М. Скуратова. — М.: Праксис, 2006.
- Саркисьянц А. А.* Место события: устройство политического у Жака Рансьера // Социология власти. — 2016. — Т. 28, № 4. — С. 14–34.
- Тухватулина Л. А.* Наука как объект веры и недоверия: феномен дениализма // Эпистемология и философия науки. — 2023. — Т. 60, № 1. — С. 6–20.
- Филиппов А. Ф.* К истории понятия политического: прошлое одного проекта // Понятие политического / К. Шмитт; под ред. А. Ф. Филиппова; пер. с нем. А. Ф. Филиппова, А. П. Шурбелева, Ю. Ю. Коринца. — СПб.: Наука, 2016. — С. 433–551.
- Шмитт К.* Политика (статья 1936 года) / пер. с нем. Ю. Ю. Корицына // Понятие политического / под ред. А. Ф. Филиппова; пер. с нем. А. Ф. Филиппова, А. П. Шурбелева, Ю. Ю. Коринца. — СПб.: Наука, 2016. — С. 409–414.
- After the Anthropocene* / E. Johnson [et al.] // Progress in Human Geography. — 2014. — Vol. 38, no. 3. — P. 439–456.

- Crutzen P. J., Stoermer E. F.* The Anthropocene // IGBP Newsletter. — 2000. — Vol. 41, no. 17. — P. 17–18.
- Funtowicz S. O., Ravetz J. R.* Science for the Post-Normal Age // Futures. — 1993. — Vol. 25, no. 7. — P. 739–755.
- Grundmann R., Stehr N.* The Power of Scientific Knowledge. From Research to Public Policy. — New York : Cambridge University Press, 2009.
- Law J.* After Method. Mess in Social Science Research. — London, New York : Routledge, 2004.
- Nagel T.* What Is It like to Be a Bat? // The Philosophical Review. — 1974. — Vol. 83, no. 4. — P. 435–450.
- Srnicek N., Williams A.* Inventing the Future. Postcapitalism and World Without Work. — London, New York : Verso, 2015.
- Stehr N.* Information, Power, and Democracy. Liberty is a Daughter of Knowledge. — Cambridge : Cambridge University Press, 2015.

Maslanov, Ye. V. 2024. “K voprosu o politicheskoy sub”yektности nauki [On the Issue of the Political Subjectivity of Science]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [*Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*] 8 (3), 339–351.

YEVGENIY MASLANOV

PHD IN PHILOSOPHY

RESEARCHER

INSTITUTE OF PHILOSOPHY OF RAS (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0002-6403-8003

ON THE ISSUE OF THE POLITICAL SUBJECTIVITY OF SCIENCE

Abstract: The article attempts to consider the issue of the political subjectivity of science. To do this, an analysis of the concept “political” is carried out. There are two understandings of it. The first is related to the struggle with the enemy for sovereignty. It is based on the ability to distinguish between “friends” and “enemies”. The second is an attempt to include new elements into social unity. In this case, the political turns out to be associated with the entry of new agents into the existing unity. Both of these understandings imply the need to construct new political worlds that differ from the existing state of affairs. The political turns out to be associated with the ability to form special perspectives that are used to redefine social unity. The political subjectivity of science lies in the ability to construct new worlds that influence social life. In this case, science acts as an agent that creates new practices and technologies that influence society. This is precisely what leads to a redefinition of social unity. This political function of science was formed due to the active use of the results of its research in economic and social life. Political subjectivity is characteristic of modern science and is a side consequence of its success. Science does not strive to have such subjectivity, but it cannot itself abandon it, because it is the use of the results of scientific research that forms this subjectivity. Thus, science turns out to be a political actor not because of its own aspirations. It becomes a structural element of the political.

Keywords: Science, Politics, Technogenic Civilization, Subjectivity, Social Construction, Post-normal Science.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-339-351.

REFERENCES

- Böckenförde, E.-W. 2012. "Ponyatiye politicheskogo kak klyuch k rabotam Karla Shmitta po gosudarstvennomu pravu [Der Begriff des Politischen als Schlüssel zum staatsrechtlichen Werk Carl Schmitt]" [in Russian], trans. from the German by O. V. Kil'dyushov. *Logos*, no. 5, 165–185.
- Crutzen, P. J., and E. F. Stoermer. 2000. "The Anthropocene." *IGBP Newsletter* 41 (17): 17–18.
- Filippov, A. F. 2016. "K istorii ponyatiya politicheskogo [On the History of the Concept of the Political]: proshloye odnogo proyekta [The Past of One Project]" [in Russian]. In *Ponyatiye politicheskogo [Der Begriff des Politischen]*, by C. Schmitt, ed. by A. F. Filippov, trans. from the German by A. F. Filippov, A. P. Shurbelev, and Yu. Yu. Korinets, 433–551. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- Funtowicz, S. O., and J. R. Ravetz. 1993. "Science for the Post-Normal Age." *Futures* 25 (7): 739–755.
- Grundmann, R., and N. Stehr. 2009. *The Power of Scientific Knowledge. From Research to Public Policy*. New York: Cambridge University Press.
- Johnson, E., et al. 2014. "After the Anthropocene." *Progress in Human Geography* 38 (3): 439–456.
- Karchagin, Ye. V., and D. Yu. Sivkov. 2014. "Politika i spravedlivost' v filosofii A. Bad'yu i Zh. Rans'yera [Politics and Justice in the Philosophic Ideas of A. Badiou and J. Rancière]" [in Russian]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nyye tekhnologii [Bulletin of Volgograd State University. Series 7. Philosophy. Sociology and Social Technologies]*, no. 2, 12–19.
- Kohn, E. 2018. *Kak myslyat lesa [How Forests Think]: k antropologii po tu storonu cheloveka [Toward an Anthropology Beyond the Human]* [in Russian]. Trans. from the English by A. Borovikov. Moskva [Moscow]: Ad Marginem.
- Latour, B. 2018. *Politiki prirody. Kak pravit' naukam demokratiyu* [in Russian]. Trans. from the French by Ye. N. Blinov. Moskva [Moscow]: Ad Marginem.
- Law, J. 2004. *After Method. Mess in Social Science Research*. London, New York: Routledge.
- Nagel, T. 1974. "What Is It like to Be a Bat?" *The Philosophical Review* 83 (4): 435–450.
- Porus, V. N. 2023. "Politicheskaya sub'yektnost' nauki kak tema filosofii nauki [Political Agency of Science as a Theme of Philosophy of Science]" [in Russian]. *Voprosy filosofii*, no. 9, 71–82.
- Rancière, J. 2006. *Na krayu politicheskogo [Aux bords du politique]* [in Russian]. Trans. from the French by B. M. Skuratov. Moskva [Moscow]: Praxis.
- Sarkis'yants, A. A. 2016. "Mesto sobytiya [Place of Event]: ustroystvo politicheskogo u Zhaka Rans'yera [Arrangement of the Political in Theory of Jacques Rancière]" [in Russian]. *Sotsiologiya vlasti [Sociology of Power]* 28 (4): 14–34.
- Schmitt, C. 2016a. "Politika (stat'ya 1936 goda) [Politik (Artikel von 1936)]" [in Russian]. In *Ponyatiye politicheskogo [Der Begriff des Politischen]*, ed. by A. F. Filippov, trans. from the German by Yu. Yu. Koritsyn, 409–414. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.

- . 2016b. *Ponyatiye politicheskogo [Der Begriff des Politischen]* [in Russian]. Ed. by A. F. Filippov. Trans. from the German by A. F. Filippov, A. P. Shurbelev, and Yu. Yu. Korinets. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- Srnicek, N., and A. Williams. 2015. *Inventing the Future. Postcapitalism and World Without Work*. London and New York: Verso.
- Stehr, N. 2015. *Information, Power, and Democracy. Liberty is a Daughter of Knowledge*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tukhvatulina, L. A. 2023. “Nauka kak ob’’yekt very i nedoveriya [Science as an Object of Faith and Distrust]: fenomen denializma [The Phenomenon of Denialism]” [in Russian]. *Epistemologiya i filosofiya nauki [Epistemology & Philosophy of Science]* 60 (1): 6–20.
- Viveiros de Castro, E. 2017. *Kannibal’skiye metafiziki: rubezhi post-strukturnoy antropologii [Metaphysiques cannibals. Lignes d’anthropologie post-structurale]* [in Russian]. Trans. from the French by D. Yu. Kralechkin. Moskva [Moscow]: Ad Marginem Press.

ВАЛЕНТИН БАЖАНОВ*

ЛИЧНОСТНОЕ ЗНАНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ НАУКИ**

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-352-358.

Осознание тесной связи науки и философии заняло довольно много времени и приобрело статус общепризнанного положения не столь уж давно, где-то ближе к середине XX века — если судить историческими мерками (Outram, 1996: 1010–1012). Оно открыло целый новый пласт некогда незамечаемых феноменов для анализа. Сформировалась почва для становления политической философии науки и того ее раздела, который можно назвать политической эпистемологией (Muller & Afrouzi, 2023).

Исследования в области политической философии науки естественным образом связаны с проблемой понимания феномена политики вообще. В этом плане апелляция Е. В. Масланова (Масланов, 2024) к трактовкам политики в контексте идей К. Шмитта и Ж. Рансьера вполне понятна и оправдана, поскольку позволяет поместить вопросы, относящиеся к политической философии науки в некоторое поле, в котором органично сопрягаются вопросы, относящиеся к компетенции политологии и того, что можно было бы условно назвать «науковедением» или, что более точно, философией науки.

Подходы Шмитта и Рансьера, как убедительно показывается в статье, существенно различны: если Шмитт представляет политику как игру с нулевой суммой — выигрыш одной стороны означает поражение другой, то Рансьер представляет политику в виде активности, которая перекраивает социальное пространство. Между тем, несмотря на принципиальные различия, оба этих подхода находятся в плоскости социального реализма. Они «работают» с обществом как некоторой целостностью, которая детерминирует поведение и динамику ее элементов. В преломлении к политической философии науки это означает,

*Бажанов Валентин Александрович, д. филос. н., профессор, Ульяновский государственный университет (Ульяновск), vbazhanov@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-0336-9570.

**© Бажанов, В. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

что речь идет о «науке вообще», о науке как целостном образовании, внеличностном (или скорее безличностном и надличностным) феномене, заслоняющем ее, так сказать, личностное измерение.

Если задуматься о машинерии производства научных идей, то это производство всегда имеет личностное начало: идеи рождаются в голове определенного человека, ученого, затем могут либо подхватываться, либо отвергаться коллективом ученых, завоевывать сообщество и т. п. Поэтому не стоит опускать из виду подход к жизни науки и научному творчеству в духе социального номинализма¹. Согласно этому подходу, находящемуся в своеобразном отношении дополнительности к подходу Шмитта и Рансьера, исследование фокусируется на роли в генерации идей и концепций отдельных ученых, — идей, которые со временем могут приобрести универсальный (имея в виду конкретный исторический период) характер для всей науки, т. е. личностное знание при определенных условиях становится знанием «общим». Иными словами, анализ науки в духе идей Шмитта и/или Рансьера должен быть расширен до анализа роли отдельного ученого (и конкретного коллектива ученых, их «лаборатории») в динамике науки. Ее (достаточно) полная картина возможна только в сочетании ракурсов, предполагаемых и социальным реализмом, и социальным номинализмом. Не стоит забывать старые истины, о которых заставляет энергично напоминать нынешняя реальность, — истины, относящиеся к роли личности в истории, в данном случае в истории движения научных идей. Эпистемологические процедуры и в политических процессах играют первостепенную роль, которая заключается в сопоставлении действительности политических лозунгов, результатов политической активности с социальной материей. Речь идет о феномене воспроизводимости посредством механизма так называемого *fact-checking* (Frenandez-Roldan & Teira, 2024).

Эти суждения можно отнести к перспективам развития исследований в области политической философии науки.

Знакомство с интересной статьей Евгения Валерьевича подводит к мысли, что он солидарен с мнением В. Н. Поруса о том, что вопрос о политической субъектности науки допустимо адресовать только к науке начиная с XX века. Вполне можно согласиться с тем, что рождение и расцвет неклассической науки в XX столетии придал этому вопросу

¹ Стоит заметить, что социальный номинализм естественным образом предполагается концепцией социального конструктивизма (Ernest, 2004: 10).

особую актуальность ввиду, например, создания оружия массового уничтожения (типа атомного или ядерного). Тем не менее, я бы не был столь безапелляционен в стремлении привязать политическую субъектность науки исключительно к XX веку. Полагаю, что в XX столетии действительно эта проблема приобрела особое звучание, удельный вес науки как политического субъекта достиг некоторого критического максимума. Однако, как мне представляется, наука по меньшей мере примерно с XV–XVI веков способна претендовать на статус политического субъекта. Не исключено, что если вспомнить античность (и, прежде всего, Анаксимандра) и факт рождения картографии и топографии, то указанные исторические рамки следует даже существенно расширить.

Основы баллистики и фортификации, заложенные и развитые Тартальей и Галилеем, напрямую относились к науке как политическому субъекту, поскольку определяли степень успешности (или «неуспешности») экспансии государств вплоть до вопроса об их существовании вообще. То же самое можно сказать о разработке порохов и других взрывчатых веществ, металлургии и механики (изобретение спускового механизма у ружей), изобретении морской астролябии, открывшей эпоху открытий и завоеваний обширных заморских территорий западноевропейскими державами (прежде всего Великобританией, Испанией, Португалией и Францией). За всеми этими открытиями и разработками стоят конкретные ученые и инженеры, которые являлись и учеными, и инженерами (или картографами, архитекторами и т. п.) в одном лице, а творимая ими наука позволяла ей в той или иной форме участвовать в политической жизни — если речь шла о противостоянии государств, то в качестве элемента политики, проводимой «иными», т. е. военными средствами. Думается, что вовсе неслучайно ведущий мировой научный журнал «Nature» сравнительно недавно в своей редакционной статье «Почему *Nature* должна сейчас освещать политику плотнее, чем когда-либо» констатировал, что «наука и политика *всегда* (курсив мой. — В. Б.) зависели друг от друга» (Why Nature..., 2020: 169)². Данное замечание обусловлено тем очевидным и многие десятилетия известным фактом, что наука выступает противоядием против эрозии истины в обществах самого различного типа — явления, в избытке наблюдаемого в последнее время, когда расцветает пост-правда, мнение и экспертиза ученых

² Думается, что вовсе неслучайно с 1982 г. издается журнал «Политика и науки о жизни (Politics and the Life Sciences)».

не принимаются властью во внимание, а кто-то из «неудобных» ученых даже ею преследуется (Collins, 2023)³.

Рамки рассмотрения науки в качестве политического субъекта можно расширить за счет образования, которое, как известно, призвано непосредственно отражать успехи развития науки. Достаточно, скажем, вспомнить вероятно справедливое напоминание Ф. Энгельсом мысли О. Пешеля о том, что в австро-прусской войне одержала победу Пруссия, поскольку ее система образования превосходила австрийскую (Энгельс, 1979: 63). Думаю, что эта истина, которая отражает непреходящую роль образования в жизни социума, включая то время, когда она связана с военными действиями, взятая из арсенала классического марксизма, сохраняет свое значение и по сей день, хотя некоторые другие марксистские истины могут быть преданы забвению.

В истории науки XX века зафиксированы как научные достижения, удивительные прозрения отдельных ученых, так и ужасающие преступления, которые инспирировались атмосферой тоталитарных политических режимов, которые существовали не только в русле проводимой ими политики, но и имели все шансы заметно изменить ее траекторию. Достаточно вспомнить бесчеловечные эксперименты Й. Менгеле в Освенциме на людях (включая детей) в концлагере, опыты японцев в Китае под руководством Сиро Исии по созданию бактериологического оружия (отряды № 731 и № 100) или конструирование «газвагена» для уничтожения «неудобных» людей, не «той» нации, пленных и политических противников. За всеми этими экспериментами и техническими устройствами стоят конкретные люди, «ученые» с очевидными патологическими изменениями психики, которые определяли их целеполагание. Имена их известны, и, к великому сожалению, их список может быть продолжен представителями более поздней эпохи. Каждый из этой категории «ученый» почти наверняка мог отказаться от бесчеловечных «исследований» руководствуясь, моральными соображениями, но не только не сделал этого, но и был увлечен своими изысканиями,

³Например, президент Бразилии Ж. Больсонаро уволил директора Национального института космических исследований за указание на опасность уничтожения лесных массивов по течению Амазонки, премьер-министр Индии Т. Моди уволил сотню ведущих экономистов за якобы принижение и искажение экономического состояния страны, премьер-министр Японии Й. Суга вывел из состава научного совета при правительстве шесть не согласных с научной политикой премьера экспертов. Понятно, что список подобных случаев не ограничивается названными странами и может быть легко продолжен.

которые соответствовали политическому контексту и устремлениям тоталитарных режимов и укрепляли эти режимы.

Такого рода исследования и разработки проводились под покровом секретности. Режим секретности, иногда необходимый для военных разработок, вообще говоря, не соответствует духу научного поиска истины. Поэтому вполне понятны мотивы движения ученых, связанные со стремлением проводить свои исследования с открытым режимом, обозначая его как *open science* вплоть до *open access* — если иметь в виду открытый доступ к научным публикациям в журнальной периодике (Science as Open Enterprise..., 2012; Tananbaum et al., 2024).

В социальной и политической психологии открытость часто связывается со склонностью к либеральным воззрениям (Chatterjee, 2013), причем эта черта еще более выражена в среде научных работников. Так, согласно исследованиям, проведенным в США в 2017 г., среди населения страны и преподавателей университетов и колледжей, а также научных сотрудников⁴, соотношение сторонников республиканской партии, отличающихся симпатиями к консервативным идеям, и сторонников демократической партии, среди членов которой доминируют симпатии к либеральным идеям в совокупной выборке, равно 1 к 10; среди же тех, кто занимается социальными науками — 1 к 12, а естественными — 1 к 6 (May, 2021: 14). Такого рода умонастроения (по крайней мере среди американских преподавателей и исследователей) необходимо учитывать при анализе личностных измерений в контексте политической философии науки, дополняя тем самым картину динамики науки под углом зрения концепций Шмитта или Рансьера.

ЛИТЕРАТУРА

- Масланов Е. В. К вопросу о политической субъектности науки // *Философия : Журнал Высшей школы экономики*. — 2024. — Т. 8, № 3. — С. 339–351.
- Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии : пер. с нем. — М. : Политиздат, 1979.
- Chatterjee D. K. Building Common Ground : Going Beyond the Liberal Conundrum // *Ethics and International Affairs*. — 2013. — Vol. 27, no. 2. — P. 119–127.
- Collins H. Science as a Counter to the Erosion of Truth in Society // *Synthese*. — 2023. — Vol. 202.
- Ernest P. Nominalism and Conventionalism in Social Constructivism // *Philosophica*. — 2004. — Vol. 74. — P. 7–35.

⁴Выборка составила примерно 5000 респондентов.

- Frenandez-Roldan A., Teira D. The Epistemic Status of Reproducibility in Political Fact-Checking // *European Journal for Philosophy of Science*. — 2024. — Vol. 14.
- May J. Bias in Science : Natural and Social // *Synthese*. — 2021. — Vol. 199, no. 1/2. — P. 3345–3366.
- Muller J. F., Afrouzi A. E. An Egalitarian Challenge to Increasing Epistemic Value in Democracy // *Synthese*. — 2023. — Vol. 202.
- Outram D. Science and Political Ideology, 1790–1848 // *Companion to the History of Modern Science* / ed. by R. C. Olby, G. N. Cantor. — London, New York : Routledge, 1996. — P. 1008–1023.
- Science as Open Enterprise : Open Data for Open Science. — London : The Royal Society Service Policy Centre, 2012.
- Tananbaum G., Gentemann C., Naim K. A Plan to Develop Open Science’s Green Shoots into a Thriving Garden // *Issues in Science and Technology*. — 2024. — Vol. XL, no. 2. — P. 24–26.
- Why Nature Needs to Cover Politics Now More than Ever // *Nature*. — 2020. — Vol. 586. — P. 169–170.

Bazhanov, V. A. 2024. “Lichnostnoye znaniye i politicheskaya filosofiya nauki [Personal Knowledge and the Political Philosophy of Science]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [*Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*] 8 (3), 352–358.

VALENTIN BAZHANOV
DOCTOR OF LETTERS IN PHILOSOPHY
PROFESSOR

ULYANOVSK STATE UNIVERSITY (ULYANOVSK, RUSSIA); ORCID: 0000-0002-0336-9570

PERSONAL KNOWLEDGE
AND THE POLITICAL PHILOSOPHY OF SCIENCE

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-352-358.

REFERENCES

- Chatterjee, D. K. 2013. “Building Common Ground: Going Beyond the Liberal Conundrum.” *Ethics and International Affairs* 27 (2): 119–127.
- Collins, H. 2023. “Science as a Counter to the Erosion of Truth in Society.” *Synthese* 202.
- Engels, F. 1979. *Lyudvig Feyyerbakh i konets klassicheskoy nemetskoj filosofii* [*Ludwig Feuerbach und der Ausgang der klassischen deutschen Philosophie*] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Politizdat.
- Ernest, P. 2004. “Nominalism and Conventionalism in Social Constructivism.” *Philosophica* 74:7–35.
- Frenandez-Roldan, A., and D. Teira. 2024. “The Epistemic Status of Reproducibility in Political Fact-Checking.” *European Journal for Philosophy of Science* 14.

- Maslanov, Ye. V. 2024. "K voprosu o politicheskoy sub'yektnosti nauki [On the Issue of the Political Subjectivity of Science]" [in Russian]. *Filosofiya [Philosophy]: Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Journal of the Higher School of Economics]* 8 (3): 339–351.
- May, J. 2021. "Bias in Science: Natural and Social." *Synthese* 199 (1–2): 3345–3366.
- Muller, J. F., and A. E. Afrouzi. 2023. "An Egalitarian Challenge to Increasing Epistemic Value in Democracy." *Synthese* 202.
- Outram, D. 1996. "Science and Political Ideology, 1790–1848." In *Companion to the History of Modern Science*, ed. by R. C. Olby and G. N. Cantor, 1008–1023. London and New York: Routledge.
- Science as Open Enterprise: Open Data for Open Science*. 2012. London: The Royal Society Service Policy Centre.
- Tananbaum, G., C. Gentemann, and K. Naim. 2024. "A Plan to Develop Open Science's Green Shoots into a Thriving Garden." *Issues in Science and Technology* XL (2): 24–26.
- "Why Nature Needs to Cover Politics Now More than Ever." 2020. *Nature* 586:169–170.

Владимир Порус*

ДО КАКИХ ПРЕДЕЛОВ МОЖЕТ БЫТЬ РАСШИРЕНО ПОНЯТИЕ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ»?**

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-359-365.

Можно ли быть субъектом политической деятельности, не преследуя цель, которая признается специфической для этой деятельности, а именно, завоевание политической власти? Такой вопрос опирается, по меньшей мере, на две причины сомнений.

(1) Участник социального действия может не осознавать политического смысла последнего. Его субъективное представление о действии и своем участии в нем может отличаться от объективного значения того и другого. Например, участник движения против неконтролируемого загрязнения природной среды или против необоснованного повышения налогов считает, что это движение не направлено против действующей власти (ответственной за эти процессы) и не требует ее замены, а стремится только исправить ее ошибки или устранить злоупотребления. Если скажут, что, желает он того или нет, движение, в каком он принимает участие, подрывает существующую власть и стремится к ее замене, он может с этим не согласиться и воспримет негативную реакцию власти (интерпретирующей действия такого субъекта как политические именно затем, чтобы избежать невыгодного ей конструктивного диалога) как ошибку или провокацию. Но в то же время, исследователь, претендующий на объективный анализ данной (конкретной) ситуации, вправе считать, что подлинный смысл движения, возможно скрытый от его участников, действительно является политическим, и чем скорее это станет очевидным, тем больше шансов на его успех.

*Порус Владимир Натанович, д. филос. н., профессор-исследователь, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), vnporus@hse.ru, ORCID: 0000-0002-2958-2185.

**© Порус, В. Н. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Несовпадение субъективных оценок с объективным положением вещей — дело обычное, но вопрос в другом. Пусть субъективная уверенность актора совпадает с объективным смыслом его действий, то есть ни о какой борьбе за власть он не помышляет и то, что он делает, действительно не имеет отношения к этой борьбе. Можно ли в таком случае говорить о том, что его действия все же имеют политический характер? Если да, то это влечет сомнение в (признанных) определениях *политического*.

(2) Е. Масланов сопоставляет два подхода к определению «политического», условно именуемые «шмиттовским» и «рансьеровским». Рассмотрим их ближе.

По К. Шмитту, политическим является всякое противодействие сторон, направленное на достижение и упрочение суверенитета, то есть возможность принимать осуществляемые решения, устанавливающие определенный порядок вещей в соответствии с представлениями о том, каким именно должен быть этот порядок. «Быть политическим» значит быть участником борьбы, победитель в которой получает власть над побежденным. Из этого, по-видимому, следует, что в отсутствие борьбы отсутствует и политика, поскольку нет актуальных субъектов политического действия. Политика и ее субъекты становятся таковыми, если вступают в борьбу за власть, и прекращают свое статусное существование, если и когда борьба заканчивается чьей-либо победой. Но победа не бывает безусловной, побежденные ищут реванша, который (вполне возможно) рано или поздно наступит после очередного раунда. Стремление к власти порождает борьбу за нее, в которой политика проходит через фазы угасания к фазам возобновления и усиления. В философской подоплеке такого представления о «политическом» лежит вера в природную предрасположенность и предназначенность борьбы за власть и, следовательно, в принадлежность «политического» самой природе человека. Если признать войну формой борьбы за власть, известный тезис Клаузевица: «война есть не только политический акт, но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, проведение их другими средствами» (Клаузевиц, Рачинский, 1998: 55–56) в шмиттовской трактовке, по-видимому, должен быть ужесточен: «Война есть форма политики в той же мере, в какой политика есть форма войны» — и дополнен: «Война — естественное состояние человечества, прерываемое неестественными мирными состояниями, в которых она почему-либо теряет свою актуальность».

Противоречие этих тезисов с идеями трактата И. Канта «К вечному миру», доказывающими неестественность и невыгодность войны как орудия политики, отмечалось многократно (Куманьков, 2020; Орехов, 2014). Но отвлечемся от критики. Сопоставим их с позицией Ж. Рансьера. Она в том, что политика — не схватка за власть, а создание условий такой схватки. Эти условия возникают, если в существующий порядок вещей, т. е. в установившиеся стабильные отношения власти и подчинения (когда, по Шмитту, политическое «дремлет» в фазе временного покоя) вламываются новые для этого порядка акторы, ищущие своего места в нем, а не находя, пытаются сломать старый, чтобы установить новый, соответствующий их амбициям порядок.

Признаюсь, мне претит мысль о том, что война и политика едины как сиамские близнецы. О. фон Бисмарк некогда бросил фразу, ставшую крылатой: «Политика есть искусство возможного»; ее понимают по-разному. Между прочим, и в духе соответствия пресловутой доктрине *Realpolitik* (Emery, 1915; Norris, 1991), восходящей еще к Н. Макиавелли: отбросив метафизические или морально-оценочные подходы, при выборе политических действий руководствоваться исключительно расчетом сил и последствий их взаимодействий. При таком понимании политика может быть как причиной войны, так и способом ее избежать: все решает калькулятор, которым «реальный политик» пользуется *искусно*, сочетая в расчете различные формы воздействия (экономическое, идеологическое, возможно, даже религиозное), когда это позволяет или этого требует конкретная ситуация, а также не пренебрегая одиозными средствами (шантаж, пропаганда, подкуп, диверсионный подрыв стабильности), решаясь на риск так называемой «гибридной войны» (Жокошин, 2018; Hoffmann, 2009). Такое искусство действительно требует жертв, причем жертвой (в прямом смысле) может стать сам политик, если столкнется с более сильным и удачливым «искусником».

Не лишним было бы вспомнить Аристотеля: политика есть высшая форма социальной коммуникации, целью которой является общее благо, а средством — государственная власть, опирающаяся отнюдь не только на насилие, но прежде всего на природную склонность людей к разумной кооперации усилий. Не откажу себе в удовольствии процитировать одно из известнейших положений Стагирита:

Поскольку, как мы видим, всякое государство представляет собой своего рода общение, всякое же общение организуется ради какого-либо блага (ведь всякая деятельность имеет в виду предполагаемое благо), то, очевидно, все

общения стремятся (*stokhadzontai*) к тому или иному благу, причем больше других и к высшему из всех благ стремится то общение, которое является наиболее важным из всех и обнимает собой все остальные общения. Это общение и называется государством или общением политическим (Аристотель, Жебелев, 1983: 376).

Для Аристотеля человек есть существо, обладающее разумом и нравственностью, а политика — форма разумной и добродетельной жизни. Отказ от политики означает выпадение за грань человеческого:

...человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне государства, — либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек; [...] такой человек по своей природе только и жаждет войны (там же: 378–379).

К. Шмитт исходит из противоположной идеи-образа человека, конкретнее, из иной трактовки человеческой разумности, которую он, по сути, освобождает от каких-бы то ни было «привязок» к теологии, как аристотелевской, так и христианской. Нельзя не признать, что связка «политика-война» имеет важные практические следствия: например, она позволяет формулировать правовые регулятивы войны (если политика есть война, то ведь и война есть политика!) в отличие от моралистического отвержения, когда развязывание войны считается преступлением, наказание за которое должно быть неотвратимым и бескомпромиссным. Тем не менее, именно философско-антропологическая перспектива его концепции вызывает интуитивное сопротивление: историческая эволюция человечества, в конечном счете, выглядит как путешествие от первобытного зверства к новой животности, оснащенной машинной и социальной технологиями.

По-моему, Е. В. Масланову концепция Ж. Рансьера ближе, чем «шмиттовская». В ней сглажена острота тезиса о политике как борьбе за власть. Получается, что в этой схватке можно *присутствовать* не в роли ответственного актора, но соучастником политических событий. Это соответствует интуициям, имеющим моральный аспект. В самом деле, неужели ответственность за политические деяния должна возлагаться только на тех, чьи имена вписаны в соответствующие мартирологи или списки призеров политических игр, в то время как громадное большинство их участников в конце концов уходят с исторической сцены безымянными или упоминаются «гурьбой и гуртом»? Подчеркну: речь именно об *ответственности*: о *вине* судит либо история, либо трибунал, но ответственность «пред небом и землей» несут все те, без

чьего участия политическое действие оставалось бы только замыслом, рожденным фантазией или расчетом.

Наука действительно является *соучастником*, роль которого в современном мире так велика, что о реальных политических процессах теперь судят, разглядывая их сквозь призму научно-технического прогресса. Об этом сказано в статье Е. В. Масланова и, безусловно, может быть сказано больше. Это ведет к выводу, что наука все же обладает политической субъектностью и от этого обладания не может избавиться, как бы того ни желали или, напротив, как бы тому ни противились ученые. Независимо от того, признают ли они свою политическую ответственность, она лежит на них, и от нее им никуда не деться. Как говорил шекспировский Клавдий:

...Там в подлинности голой
Лежат деянья наши без прикрас,
И мы должны на очной ставке с прошлым
Держать ответ... (Шекспир, Пастернак, 1994: 136)

Но не то ли самое можно сказать не только о науке? Разве философия не играла ранее и, несмотря ни на что, продолжает играть не меньшую роль в создании условий, при которых становится возможной «пересборка общественного единства на новых основаниях» (Е. В. Масланов)? Пусть мы согласимся считать философию наукой (не будем отвлекаться на старые споры) и отнесем к ней все сказанное выше. Но разве, например, художественная литература не примет на себя (по крайней мере, важнейшие) черты политической агентности? «Путешествие из Петербурга в Москву», «Хижина дяди Тома», «Былое и думы», «Чума», «По ком звонит колокол?», «Тошнота», «Архипелаг ГУЛАГ», «Колымские рассказы» — кто скажет, что эти произведения не оказали влияния на формирование политических процессов, сравнимого с искусственным интеллектом, ядерной физикой и генетикой? Впрочем, кто-то именно так и скажет, и спорить с этим будет не скучно.

Живопись, театр, музыка, кино — любая из этих и других форм проявления человеческого гения в определенном смысле может быть сопоставлена с наукой, если речь идет о политической субъектности. Но если так, то расширение смысловых границ этого термина рискует стать безудержным.

Понятия «политического» и «политической субъектности» сохраняют свою проблематичность. Рискну предположить, что именно ввиду своей перманентной дискуссионности они могут в дальнейшем стать узлами сборки новых проектов социальной и политической философии.

ЛИТЕРАТУРА

- Аристотель*. Политика / пер. с древнегреч. С. А. Жебелева // Сочинения. В 4 т. Т. 4 / под ред. В. Ф. Асмуса. — М. : Мысль, 1983. — С. 375–644.
- Клаузевиц К. фон*. О войне / пер. с нем. А. К. Рачинского. — М. : Логос, Наука, 1998.
- Кокошин А. А.* Феномен «гибридной войны» в силовой составляющей современной мировой политики // Вестник Российской академии наук. — 2018. — Т. 88, № 11. — С. 971–978.
- Куманьков А. Д.* Война в XXI веке. — М. : Высшая школа экономики, 2020.
- Орехов А. М.* «Вечный мир» или «вечная война»? (И. Кант versus К. Клаузевиц) // Пространство и время. — 2014. — № 3. — С. 62–66.
- Шекспир У.* Гамлет, принц датский / пер. с англ. Б. Л. Пастернака // Полное собрание сочинений. В 14 т. Т. 8. — М. : Терра, 1994. — С. 5–238.
- Emery H. C.* What is Realpolitik? // International Journal of Ethics. — 1915. — Vol. 25, no. 4. — P. 448–468.
- Hoffman F. G.* Hybrid Warfare and Challenges // Joint Force Quarterly (JFQ). — 2009. — Vol. 52. — P. 35–39.
- Norris C.* The “End of Ideology” Revisited : The Gulf War, Postmodernism and Realpolitik // Philosophy and Social Criticism. — 1991. — Vol. 17, no. 1. — P. 1–40.

Porus, V. N. 2024. “Do kakikh predelov mozhnet byt’ rasshireno ponyatiye ‘politicheskaya sub’-yektynost’”? [To What Extent can the Concept of ‘Political Agency’ be Expanded?] [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (3), 359–365.

V. N. PORUS
 DOCTOR OF LETTERS IN PHILOSOPHY
 RESEARCH PROFESSOR
 NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY “HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS” (MOSCOW, RUSSIA);
 ORCID: 0000-0002-2958-2185

TO WHAT EXTENT CAN THE CONCEPT
 OF “POLITICAL AGENCY” BE EXPANDED?

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-359-365.

REFERENCES

- Aristotle. 1983. *Politika [Politika]* [in Russian]. In vol. 4 of *Sochineniya [Collected Works]*, ed. by V. F. Asmus, trans. from the Ancient Greek by S. A. Zhebelev, 375–644. 4 vols. Moskva [Moscow]: Mysl’.
- Clausewitz, K. von. 1998. *O voyne [Von Kriege]* [in Russian]. Trans. from the German by A. K. Rachinskiy. Moskva [Moscow]: Logos / Nauka.

- Emery, N. S. 1915. "What is Realpolitik?" *International Journal of Ethics* 25 (4): 448–468.
- Hoffman, F. G. 2009. "Hybrid Warfare and Challenges." *Joint Force Quarterly (JFQ)* 52:35–39.
- Kokoshin, A. A. 2018. "Fenomen 'gibridnoy voyny' v silovoy sostavlyayushchey sovremennoy mirovoy politiki [The Phenomenon of 'Hybrid War' in the Power Component of Modern World Politics]" [in Russian]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk [Vestnik RAS]* 88 (11): 971–978.
- Kuman'kov, A. D. 2020. *Voyna v XXI veke [War in XXI Century]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Vysshaya shkola ekonomiki [HSE Publishing House].
- Norris, Ch. 1991. "The 'End of Ideology' Revisited: The Gulf War, Postmodernism and Realpolitik." *Philosophy and Social Criticism* 17 (1): 1–40.
- Orekhov, A. M. 2014. "'Vechnyy mir' ili 'vechnaya voyna' ? (I. Kant versus K. Klauzevits) ['Perpetual Peace' or 'Perpetual War' ? (I. Kant versus K. Clausewitz)]" [in Russian]. *Prostranstvo i vremya [Space and Time]*, no. 3, 62–66.
- Shakespeare, W. 1994. "Gamlet, prints dat-skiy [The Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark]" [in Russian]. In vol. 8 of *Polnoye sobraniye sochineniy [Complete Works]*, trans. from the English by B. L. Pasternak, 5–238. 14 vols. Moskva [Moscow]: Terra.

СВЕТЛАНА ШИВАРШИНА*

НАУКА И ПОЛИТИЧЕСКОЕ**

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-366-372.

В своей статье Е. В. Масланов размышляет над вопросом о том, является ли вовлечение современной науки в политические процессы субъектным или объектным, инструментальным (Масланов, 2024). Один из основных его выводов звучит следующим образом: наука, с одной стороны, не стремится обладать субъектностью, но и не может отказаться от нее, поскольку та является «побочным следствием ее успешности» (там же). Высказывание это примечательное и вместе с тем дискуссионное, и по его поводу хотелось бы высказать несколько соображений.

На мой взгляд, утверждение о том, что современная наука не стремится к обладанию политической субъектностью, правомерно лишь отчасти. Приведенная Евгением Валерьевичем точка зрения К. Шмитта о том, что «политическим потенциально может стать все» имеет свое серьезное обоснование. Как мне представляется, целенаправленное участие представителей научно-экспертного сообщества в политических процессах и в том, что имеет к ним то или иное отношение, можно отнести к стремлению стать политическим субъектом. Очевидный пример: ученые давно играют консультативную роль в различных политических структурах и организациях, влияя на политику и нормативно-правовую базу определенных решений в качестве членов консультативных комиссий и экспертов. Здесь, конечно, можно возразить, что они не принимают прямое участие в принятии политических решений. Действительно, в научной литературе и в политической практике существует даже концепция линейных отношений между наукой и политикой, в рамках которой наука как бы «очищается» от политического выбора: принятие решений остается за политиками и лицами, определяющими политику (Karhunen, 2020: 588). Однако, как отмечают исследователи, подобное

*Шибаршина Светлана Викторовна, к. филос. н., доцент, Национальный исследовательский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Нижегород), svet.shib@gmail.com, ORCID: 0000-0002-6741-8909.

** © Шибаршина, С. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

представление упрощает и искажает реальное взаимодействие между наукой и политикой (Jasanoff, 2011; Turnhout & Gieryn, 2019). Такая модель отношений едва ли существовала в чистом виде, так как связь между научно-экспертными сообществами и политическими структурами имеет не линейный, а более извилистый характер (Goldenberg, 2021: 99).

Другими словами, я хотела бы акцентировать внимание на проблематичности высказывания Евгения Валерьевича о том, что наука не стремится к политической субъектности. На мой взгляд, это не во всех случаях так: научно-экспертное сообщество иногда стремится к этому, но по-своему, в достаточно специфичной форме и со специфичными целями, из-за чего может казаться, что подобного стремления нет. Если рассматривать участие в политике широко, то можно говорить, например, о том, что ученые, выступающие в масс-медиа по научным проблемам, имеющим жизненно важное для человечества значение, вступают в область политического. И часть из них, на мой взгляд, стремится к этому. К примеру, целью климатолога может стать желание уберечь планету от экологических катастроф. Х. фон Шторх и Н. Штер упоминают об этом, говоря о социальном конструировании проблемы климата: климатологи могут быть склонны к преувеличениям, искренне полагая, что экологический алармизм способен «улучшить мир» и повлиять на политические решения (Штер и Шторх, Тимофеева, 2011: 109–112).

Хотелось бы также обратить внимание и на другой аспект рассматриваемого вопроса. Описывая «шмиттовский» подход к сущности политического, Е. В. Масланов указывает на столкновение между различными группами. К науке это, безусловно, имеет отношение, идет ли речь об интра- или экстранаучном противостоянии, поскольку наука — это разветвленный социальный институт. Внутри университета или научно-исследовательского института регулярно происходят столкновения, с одной стороны, между научными группами разного масштаба, с другой — между учеными и другими сотрудниками. Даже между учеными борьба может быть как идейная, так и ресурсная, и обе пронизаны политикой.

Здесь сложно не вспомнить некоторые идеи П. Бурдьё. Говоря о науке и научной истине, он, к примеру, не склонен противопоставлять внутреннее внешнему, а скорее рассматривает их в единстве, поскольку, в самом деле, в реальной научной практике сложно однозначно отделить одно от другого. В представлении Бурдьё, наука перестает выступать областью, подчиняющейся внутренним, присущим только

ей законам, а научное сообщество более не рассматривается как преследующее «чистую истину» (Бурдье, Вознесенская, 2005: 16). Вместо «незаинтересованной научной практики», основанной на системе норм и ценностей, Бурдье предпочитает избегать как сведения науки чисто к «интеллектуальным» категориям, так и к чисто «политическому» измерению. И что важно, по Бурдье, — научное поле обладает общими чертами с другими социальными полями (механизмами доминирования, конкурентной борьбой и др.).

Далее я перейду к рассмотрению тезиса Е. В. Масланова о том, что в современном обществе техногенной цивилизации наука как раз и является ключевым институтом, ответственным за концептуальное описание мира, а следовательно, и конструирования мира, в котором мы живем (Масланов, 2024: 345).

Здесь, на мой взгляд, необходимо сделать некоторое уточнение о том, что наука является не ключевым, а одним из ключевых институтов. В традиционных регионах мира (а также в традиционных общинах, существующих в техногенных странах, типа общин амишей в США) наука как базис для принятия решений индивидуального, либо социально-политического плана должна считаться с другими мощными концептуальными пластами религиозно-традиционного плана.

В целом же, следует согласиться с тем, что к настоящему моменту наука обретает особое влияние в обществе и, как справедливо замечает Е. В. Масланов, не может отказаться от своей политической субъектности (там же) — причем даже не из-за собственных стремлений, а в силу своей успешности. К этому добавлю еще одну перспективу рассмотрения данного вопроса. Речь идет о символическом влиянии и даже власти научного знания в современном обществе. И здесь я вновь обращусь к работам П. Бурдье, который предлагает концепцию символической власти, позволяющей конструировать определенное видение социального мира. Бурдье говорит о символической власти как о «власти учреждать данность через высказывание [...] заставлять видеть и верить, утверждать или изменять видение мира» (Бурдье, Шматко, 2013: 96). Согласно П. Бурдье, символы могут влиять на конституирование самого социального пространства через определение тех или иных явлений в качестве легитимных со стороны правообладателей символов (носителей символической власти).

Если рассматривать символическую власть науки и ее продукта — научного знания — в контексте общей социальной игры и конкуренции

между различными социальными полями, то следует отметить, что символическая власть научного знания в обществе связана с наличием у него экспертного влияния, основанного на признании авторитетности данного знания другими людьми. Наука является важным источником символической легитимности в обществе, и к ней обращаются различные социальные группы, стремящиеся подкрепить собственные повестки ее эпистемическим авторитетом (Boswell, 2009).

Речь идет, к примеру, о ситуации, когда в том или ином нарративе апеллируют к определенным научным исследованиям в духе «ученые доказали». Содержание подобной отсылки можно трактовать как символ, подразумевающий доверие (в данном случае, к научному знанию), кто бы его ни использовал (Шибаршина, 2024). При этом за правообладание символом «ученые доказали» в ситуации постправды может бороться довольно-таки широкий круг социальных акторов. Помимо ученых, научных журналистов, общественных активистов и т. д., на результаты научных исследований могут ссылаться социальные группы, выступающие против научного консенсуса, например, в отношении применения вакцин, изменения климата и т. д. Они не отрицают науку как знание, но выражают сомнение в политической неангажированности тех или иных ученых (ряд исследователей называют их «дениалистами» (см., напр., Тухватулина, 2023)). Существуют также различные финансовые и политические группы, использующие символическую власть научного знания. Отсылка к символу «ученые доказали» теми или иными лицами/группами наделяет последних эпистемической властью, предоставляет необходимую легитимность для подкрепления их повестки. В данном случае, видимо, можно говорить о том, что политической субъектностью обладает даже не наука, а некий гибридный социальный конструкт, именуемый «наукой» и живущий в общественном сознании собственной жизнью (иногда против воли самих ученых). (При этом следует помнить о том, что власть научного знания не всесильна, о чем я упоминала выше.)

В целом же, следует согласиться с тезисом с Е. В. Масланова о том, что «политическая субъектность современной науки приобретает особый характер» (Масланов, 2024: 347). Как было мною замечено, научно-экспертное сообщество участвует в политических процессах особым образом. Кроме того, желает оно того или нет, но политическая власть научного знания связана также с его символическим влиянием, чем пользуются в своих целях различные, не только научные, группы, и это

тоже может быть рассмотрено как один из аспектов проблемы науки и ее политической субъектности.

ЛИТЕРАТУРА

- Бурдые П.* Поле науки / пер. с фр. Е. Д. Вознесенской // Социология под вопросом. Социальные науки в постструктуралистской перспективе : альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук / под ред. Н. А. Шматко. — М. : Праксис, Институт экспериментальной социологии, 2005. — С. 15–56.
- Бурдые П.* Социология социального пространства / пер. с фр. Н. А. Шматко. — СПб. : Алейтея, 2013.
- Масланов Е. В.* К вопросу о политической субъектности науки // Философия : Журнал Высшей школы экономики. — 2024. — Т. 8, № 3. — С. 339–351.
- Тухватулина Л. А.* Наука как объект веры и недоверия : феномен дениализма // Эпистемология и философия науки. — 2023. — Т. 60, № 1. — С. 6–20.
- Шибаршина С. В.* Когда наука берется в «сообщники» : К проблеме символической власти научного знания // Цифровой ученый : лаборатория философа. — 2024. — Т. 7, № 2. — В печати.
- Штер Н., Шторх Х.* Погода — Климат — Человек / пер. с нем. К. Г. Тимофеевой. — СПб. : Алетейя, 2011.
- Boswell C.* The Political Uses of Expert Knowledge : Immigration Policy and Social Research. — Cambridge : Cambridge University Press, 2009.
- Goldenberg M. J.* Vaccine Hesitancy : Public Trust, Expertise, and the War on Science. — Pittsburgh : University of Pittsburgh Press, 2021.
- Jasanoff S.* Quality Control and Peer Review in Advisory Science // The Politics of Scientific Advice : Institutional Design for Quality Assurance / ed. by J. Lentsch, P. Weingart. — Cambridge : Cambridge University Press, 2011. — P. 19–35.
- Karhunmaa K.* Performing a Linear Model : The Professor Group on Energy Policy // Environmental Science & Policy. — 2020. — Vol. 114. — P. 587–594.
- Turnhout E., Gieryn T.* Science, Politics, and the Public in Knowledge Controversies // Environmental Expertise : Connecting Science, Policy and Society / ed. by E. Turnhout, W. Tuinstra, W. Halfman. — Cambridge : Cambridge University Press, 2019. — P. 68–81.

Shibarshina, S. V. 2024. "Nauka i politicheskoye [Science and the Political]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (3), 366–372.

SVETLANA SHIBARSHINA

PHD IN PHILOSOPHY

ASSOCIATE PROFESSOR

NATIONAL RESEARCH LOBACHEVSKY STATE UNIVERSITY (NIZHNY NOVGOROD, RUSSIA);

ORCID: 0000-0002-6741-8909

SCIENCE AND THE POLITICAL

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-366-372.

REFERENCES

- Boswell, C. 2009. *The Political Uses of Expert Knowledge: Immigration Policy and Social Research*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bourdieu, P. 2005. "Pole nauki [Le champ scientifique]" [in Russian]. In *Sotsiologiya pod voprosom. Sotsial'nyye nauki v post-strukturalist-skoy perspektive [Sociology in Question. Social Sciences in a Post-Structuralist Perspective] : al'manakh Rossiysko-frantsuzskogo tsentra sotsiologii i filosofii Instituta sotsiologii Rossiyskoy akademii nauk [Almanac of the Russian-French Center for Sociology and Philosophy]*, ed. by N. A. Shmatko, trans. from the French by Ye. D. Voznesenskaya, 15–56. Moskva [Moscow]: Praksis / Institut eksperimental'noy sotsiologii [Praxis and The Institute of Experimental Sociology Publishing].
- . 2013. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva [Sociologie de l'espace social]* [in Russian]. Trans. from the French by N. A. Shmatko. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Aleteya.
- Goldenberg, M. J. 2021. *Vaccine Hesitancy: Public Trust, Expertise, and the War on Science*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- Jasanoff, S. 2011. "Quality Control and Peer Review in Advisory Science." In *The Politics of Scientific Advice : Institutional Design for Quality Assurance*, ed. by J. Lentsch and P. Weingart, 19–35. Cambridge: Cambridge University Press.
- Karhunmaa, K. 2020. "Performing a Linear Model: The Professor Group on Energy Policy." *Environmental Science & Policy* 114:587–594.
- Maslanov, Ye. V. 2024. "K voprosu o politicheskoy sub'yektnosti nauki [On the Issue of the Political Subjectivity of Science]" [in Russian]. *Filosofiya [Philosophy]: Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Journal of the Higher School of Economics]* 8 (3): 339–351.
- Shibarshina, S. V. 2024. "Kogda nauka берет-sya v 'soobshchniki' [When Science is Made an 'Accomplice']: K probleme simvolicheskoy vlasti nauchnogo znaniya [The Symbolic Power of Scientific and Expert Knowledge]" [in Russian]. V pechati [Forthcoming], *Tsifrovoy uchenyy [The Digital Scholar]: laboratoriya filosofa [Philosopher's Lab]* 7 (2).
- Stehr, N., and H. Storch. 2011. *Pogoda — Klimat — Chelovek [Wetter, Klima, Mensch]* [in Russian]. Trans. from the German by K. G. Timofeyeva. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Aleteya.
- Tukhvatulina, L. A. 2023. "Nauka kak ob'yekt very i nedoveriya [Science as an Object of Faith and Distrust]: fenomen denializma [The Phenomenon of Denialism]" [in Russian]. *Epistemologiya i filosofiya nauki [Epistemology & Philosophy of Science]* 60 (1): 6–20.

Turnhout, E., and T. Gieryn. 2019. "Science, Politics, and the Public in Knowledge Controversies." In *Environmental Expertise : Connecting Science, Policy and Society*, ed. by E. Turnhout, W. Tuinstra, and W. Halffman, 68–81. Cambridge: Cambridge University Press.

ЛИАНА ТУХВАТУЛИНА*

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЭКСПЕРТИЗЫ**

ОТ КОНФЛИКТА «ПЕРСПЕКТИВ» К СОВМЕСТНОЙ АГЕНТНОСТИ

В своей статье Евгений Масланов стремится дать ответ на вопрос о том, обладает ли наука политической субъектностью, и в чем именно она состоит. Для достижения поставленной цели Евгений Валерьевич обращается к двум пониманиям природы политического, представленным в концепциях К. Шмитта и Ж. Рансьера. В случае Шмитта, политическое предполагает достижение единства и мобилизацию сообщества с целью противостояния экзистенциальному «врагу» (вплоть до его физического уничтожения). Рансьер (в интерпретации Е. В. Масланова) рассматривает политическое как пространство воспроизводства разногласий, в которое включаются все новые участники, что ведет к реконфигурации сложившегося социального порядка. Евгений Валерьевич считает, что оба подхода плодотворны для концептуализации политической субъектности науки, поскольку в них акцентируется не борьба за власть, а стремление к созданию «разрывов» в устоявшемся порядке. Их

как раз и формируют новые агенты, либо ставящие вопрос о том, кто в действительности является «другом» или «врагом», в «шмиттовском» подходе, либо выражая сомнение по поводу существующего единства в «рансьеровском». И именно в процессе этого конструирования различий и можно найти место для политической субъектности науки (Масланов, 2024: 343).

В этом ключе политическая субъектность науки исследуется в акторно-сетевой теории (с ее сетями взаимодействий, которые образуют человеческие и не-человеческие акторы), концепции пост-нормальной науки Фунтовича и Раветца, и, пожалуй, главным образом в связи с экспертизой. В финальной части статьи Е. В. Масланов заключает, что «техногенная цивилизация существует лишь благодаря тому, что

*Тухватулина Лиана Анваровна, к. филос. н., научный сотрудник, Институт философии Российской академии наук (Москва), spero-meliora@bk.ru, ORCID: 0000-0002-9390-9701.

**© Тухватулина, Л. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

учреждаемые наукой „перспективы“ рассмотрения и изучения мира используются ей для своего развития» (Масланов, 2024: 348).

Если принять предложение Евгения Валерьевича рассмотреть вопрос о политической субъектности науки сквозь призму идей Шмитта и Рансьера, то можно согласиться с тем, что некоторые ее особенности могут быть проиллюстрированы при помощи разработанных ими категорий. Так, коронавирус (на пике усилий по борьбе с пандемией) или климатические изменения могут быть обозначены в качестве «врага», источника глобальной угрозы для человечества, который попадает в фокус общественного внимания благодаря интерпретациям определенных научных теорий. В свою очередь, рансьеровскому понимаю политического, видимо, отвечает способность науки воздействовать на ее аудиторию, побуждая к изменению сложившихся рутинных практик с учетом новых научных данных и вызывая при этом множество разногласий.

Мера «политического» влияния науки в этом отношении определяется множеством особенностей, включающих традиции, уровень образованности, специфику потребления информации и другие факторы, которые влияют на отношение к научному знанию в обществе. Однако, на мой взгляд, существенно, что все приведенные примеры связаны с экспертизой, специфическим сегментом научной практики, ориентированным на актуальный общественный запрос. Именно в связи с этим особым модусом существования современной науки можно говорить о ее политической субъектности. Достижение консенсуса по поводу экспертных решений в ряде случаев требует, чтобы экспертиза сопровождалась политической дискуссией, обеспечивающей представительство широкого спектра позиций. Эта функция экспертизы накладывает на ученых-экспертов дополнительные обязательства, которые отчасти выходят за рамки их научных компетенций и связаны с достижением эпистемической справедливости, признанием ценности локального знания, необходимостью заботиться о сохранении доверия экспертному знанию, прогнозированием и учетом возможных последствий реализации экспертных решений. Можно сказать, что экспертиза, ориентированная на эти цели, формирует пространство, внутри которого может возникать содержательная дискуссия, последствия которой будут влиять на жизнь сообщества и поэтому могут считаться политическими. Если признать, что наука в случае этой специфической формы взаимодействия с обществом приобретает политическую субъектность, то важно определить специфику этой субъектности.

Однако подходы Шмитта и Рансьера к определению политического представляются мне не вполне подходящими для этой цели. Несмотря на все различия, общей для них является установка на конфликтный характер политических взаимодействий. При этом конфликт (особенно для Шмитта) служит не согласованию интересов сторон, а утверждению суверенной воли через силовое превосходство. Такая рамка для политического не вполне отвечает тем вызовам, с которыми сталкивается экспертиза в современном мире, в том числе росту недоверия ученым и распространению дениализма, причину которых многие исследователи видят в утрате ценности политической дискуссии и ее вытеснении техническими процедурами (см., напр., Collins & Evans, 2019; Jasanoff, Simmet, 2017 и т. д.). В связи с этими рисками тезис о политической субъектности науки может приобретать нежелательный оттенок и использоваться в целях апологии экспертократии. Однако таких последствий можно избежать, если отойти от индивидуалистской трактовки субъектности, в рамках которой каждый актор в политическом пространстве преследует свои цели и, по сути, оказывается не готов к тому, чтобы подвергаться их изменениям в ходе кооперации с другими акторами. Индивидуалистский подход предполагает, что каждый из участников отстаивает свою позицию, которая не должна претерпевать изменений в процессе коммуникации с другими участниками. При этом участники заведомо не равны в своих возможностях: статусные привилегии, которыми наделены официальные эксперты, часто способствуют гейт-кипингу — ситуации, когда к дискуссии допускаются лишь те мнения, которые готовы обсуждать ученые. Между тем, маргинализация иных взглядов не склоняет их носителей к согласию с официальной позицией, но лишь выталкивает их в поле дениализма, где развиваются альтернативные идеи, которые, обретая популярность, могут создавать серьезные препятствия для реализации экспертных решений.

Очевидно, что проблема недоверия экспертизе не может быть решена в общем виде, ее анализ требует обращения к конкретным экспертным кейсам. Однако на теоретическом уровне все же могут быть сформулированы некоторые общие соображения. Одним из тезисов, как мне видится, может быть переосмысление индивидуалистского подхода и обращение к идее совместной агентности участников экспертизы. Идея совместной агентности, предложенная Джоном Греко, предполагает следующие условия: (1) интенцию участия («мы»-интенцию); (2) корректировку планов каждого из участников; (3) интерактивность (согласованность действий участников); (4) взаимозависимость (никто из них не может

достигнуть цели в одиночку, или, по крайней мере, тем же самым способом в одиночку) (Greco, 2019: 104).

Джон Греко демонстрирует значимость совместной агентности для развития анти-редукционистского подхода к знанию-свидетельству (*testimonial knowledge*). Анти-редукционизм здесь предполагает самостоятельный эпистемический статус знания-свидетельства и его несводимость к совокупности эмпирических данных, которые используются для обоснования/проверки свидетельства (в противовес редукционизму). Добавим, что условием возможности совместной агентности должно быть доверие участников друг другу, которое в ситуации когнитивного разделения труда (например, когда взаимодействуют официальные эксперты и носители локального знания) требует единства морального и эпистемического доверия: (1) участники экспертизы полагаются на добрую волю друг друга (моральное доверие) и (2) рассчитывают на эпистемические совершенства друг друга (эпистемическое доверие). Именно такой подход в наибольшей степени отвечает специфике коммуникации сторон в рамках экспертизы, когда участники как носители различных «перспектив» не имеют возможности перепроверять свидетельства друг друга и должны полагаться на знание в том виде, в каком оно представлено в виде свидетельства. В случае с экспертизой анти-редукционистский подход к обоснованию знания-свидетельства приобретает особое значение. Описание коммуникации между участниками экспертизы как основанного на доверии обмена знаниями-свидетельствами позволяет избежать сразу нескольких затруднений в обосновании статуса экспертного знания. С одной стороны, оно помогает уйти от так называемого регресса экспертности: эпистемического затруднения, связанного с тем, что истинность и обоснованность экспертной позиции может быть подтверждена лишь другим экспертом, валидация экспертности которого, в свою очередь, также нуждается в экспертизе более высокого порядка и т. д. С другой стороны — и это важнее — подобный подход позволяет избежать упрощенного представления о целях и функциях экспертизы, согласно которому они сводятся к достижению единообразия мнений благодаря принятию позиции официальных экспертов в качестве консенсусной. В рамках такого представления экспертиза утрачивает статус особой коллективной формы познания: коммуникативная специфика экспертизы нивелируется, а экспертное знание фактически сводится к научному. Здесь все другие участники экспертизы теряют активную субъектность и предстают лишь «публикой», которая созерцает, но не соучаствует в процессе. В этом контексте основной задачей экспертов

становится убеждение других заинтересованных сторон в их собственной правоте для обеспечения легитимности решений, которые будут приняты на основе научных рекомендаций. Такое видение экспертизы проступает и в финальном фрагменте статьи Евгения Масланова:

Наука при помощи новых исследовательских полей создает пространство для принятия решений, влияющих на жизнь людей. А вот то, какие решения будут приняты, зависит от полученных учеными результатов. Конечно же, можно указать и на то, что сами ученые эти решения не принимают, а выбор делают политики. Однако, во-первых, выбор политиков в принципе не был бы возможен без деятельности ученых, а во-вторых, опирается на мнение определенной группы, которая сама себя репрезентирует как связанную с наукой, даже если ее оппоненты считают иначе (Масланов, 2024: 347).

Совместная агентность, основанная на доверии, предлагает альтернативу воспроизводящемуся конфликту как неизбежному следствию индивидуалистской интерпретации политической субъектности. В соответствии с индивидуалистским подходом, каждый из участников естественным образом стремится к тому, чтобы именно его «перспектива» стала общепризнанной. Борьба за монополию на «перспективу» и придает деятельности ученых-экспертов политическую коннотацию в шмиттовско-рансьеровском духе. Однако воспроизводство конфликта вовсе не гарантирует достижение консенсуса, который не был бы построен на принуждении к согласию с уже оформленной научной перспективой, а учитывал бы особую роль экспертизы как места согласования интересов, позиций и целей с ориентиром на достижение взаимоприемлемого образа общего блага. Конфликт «перспектив» может быть продуктивен только в том случае, если каждая из позиций претерпевает изменение и по итогу столкновения оформляется в общее консенсусное видение проблемы. Если же конфликт понимается лишь как способ утверждения «суверенной воли», то экспертиза как коммуникативная практика оказывается избыточной: оформление политических решений на основе рекомендаций ученых может происходить и без участия иных заинтересованных сторон, в технократическом стиле. Однако на материалах многочисленных ситуационных исследований в социальной эпистемологии было показано, что технократический подход далеко не всегда способствует эффективности экспертной политики и именно расширение участия не-ученых позволяет компенсировать некоторые его риски. Отсюда, в тех случаях, когда экспертиза имеет дело с высокой неопределенностью, ее скорее следует рассматривать как

место сборки вовлеченного гражданского сообщества, чем зону легитимации прямой экспансии науки в публичную жизнь. Такому видению скорее соответствует ориентир на формирование совместной агентности и критическая переоценка конфликтной интерпретации природы политического.

ЛИТЕРАТУРА

- Масланов Е. В. К вопросу о политической субъектности науки // *Философия : Журнал Высшей школы экономики*. — 2024. — Т. 8, № 3. — С. 339–351.
- Collins H. M., Evans R. Populism and Science // *Эпистемология и философия науки*. — 2019. — Т. 56, № 4. — С. 200–218.
- Greco J. The Role of Trust in Testimonial Knowledge // *Trust in Epistemology* / ed. by K. Dormandy. — New York, London : Routledge, 2019. — P. 91–113.
- Jasanoff S., Simmet H. R. No Funeral Bells : Public Reason in a “Post-Truth” Age // *Social Studies of Science*. — 2017. — Vol. 47, no. 5. — P. 751–770.

Tukhvatulina, L. A. 2024. “Politicheskoye izmereniye ekspertizy [The Political Dimension of Expertise]: ot konfliktka ‘perspektiv’ k sovmestnoy agentnosti [From Conflict of ‘Perspectives’ to Collaborative Agency]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (3), 373–378.

LIANA TUKHVATULINA
PHD IN PHILOSOPHY
RESEARCHER

INSTITUTE OF PHILOSOPHY OF RAS (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0002-9390-9701

THE POLITICAL DIMENSION OF EXPERTISE FROM CONFLICT OF “PERSPECTIVES” TO COLLABORATIVE AGENCY

REFERENCES

- Collins, H. M., and R. Evans. 2019. “Populism and Science.” *Epistemologiya i filosofiya nauki [Epistemology & Philosophy of Science]* 56 (4): 200–218.
- Greco, J. 2019. “The Role of Trust in Testimonial Knowledge.” In *Trust in Epistemology*, ed. by K. Dormandy, 91–113. New York and London: Routledge.
- Jasanoff, S., and H. R. Simmet. 2017. “No Funeral Bells: Public Reason in a ‘Post-Truth’ Age.” *Social Studies of Science* 47 (5): 751–770.
- Maslanov, Ye. V. 2024. “K voprosu o politicheskoy sub”yektности науки [On the Issue of the Political Subjectivity of Science]” [in Russian]. *Filosofiya [Philosophy]: Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Journal of the Higher School of Economics]* 8 (3): 339–351.

ЕВГЕНИЙ ЖАРКОВ*

ОСОБЫЙ ХАРАКТЕР ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ НАУКИ**

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-379-386.

Важной особенностью статьи Е. В. Масланова, посвященной обсуждению проблематики политической субъектности науки, является обращение к более глобальному вопросу — о сущности политического. Согласимся, что ответ на данный вопрос может оказать значительное влияние на понимание проблемы политического в науке. При этом в рассуждениях автора просматриваются позиции, заслуживающие критической оценки с точки зрения общности аргументации и выводов.

Вслед за К. Шмиттом и А. Ф. Филипповым, Е. В. Масланов подчеркивает положение о «пронизанности политикой всего и вся». Вместе с тем, он утверждает, что «разделение политического и религиозного, политического и морального, политического и экономического, а, возможно, политического и научного оказывается лишь ситуативным положением дел» (Масланов, 2024: 340) Думается, приведенному утверждению можно придать следующую интерпретацию: сама проблематика политической субъектности науки — это, в частности, вопрос об эпистемологическом анализе соответствующих конкретных ситуаций. По-видимому, кроме краткой отсылки к проблеме климатических изменений, преломляемой в восприятии и социальном опыте различных акторов, а также указания на роль научных теорий в осуществлении экономической политики, Евгений Валерьевич напрямую не обращается к анализу подобных ситуаций. При этом складывается впечатление, что осуществление такого рода анализа оказалось бы, в некотором смысле, косвенной задачей для автора, поскольку в итоге он предлагает достаточно общий ответ на вопрос о механизме проявления соответствующей

*Жарков Евгений Александрович, к. филос. н., Национальный исследовательский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород), f1ash45@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-1962-1806.

**© Жарков, Е. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

субъектности: «Политическая субъектность естественных наук связана с учреждением новых исследовательских миров» (Масланов, 2024: 347).

Представление о новых мирах естественным образом наводит на мысль об их характеристике в оптике действительного и возможного. В связи с этим также заметим — автор, соглашаясь с В. Н. Порусом, придерживается мнения, что «по-настоящему вопрос о политической субъектности науки может быть адресован именно к науке, существующей начиная с XX века». Мы полагаем, именно в данном аспекте оппозиция действительного и возможного проявляется наиболее отчетливо.

Политические последствия ряда научных открытий, воплотившихся на практике в 1940-е гг., широко известны и не нуждаются в особых комментариях («военный атом»). Выражаясь метафорически, чистая наука оказалась пропитанной политикой как некоей «всепроникающей сущностью». В свою очередь, здесь возникает следующий нетривиальный вопрос: а только ли выдающиеся физики XX столетия, оказавшиеся в итоге, если и не самоличными политическими субъектами, но, безусловно, сыгравшие неотъемлемую инструментальную роль, несут на себе те или иные отпечатки политической субъектности?¹

С одной стороны, ученые представляют собой коллективного автора, конструктора исследовательского мира, идеи которого обрели в дальнейшем реализацию. С другой стороны, из революционности их открытий не следует, что данные ученые были «людьми из ниоткуда» и не опирались на известные ранее идеи, связанные с познанием Мира и Природы. Одна из них — восходящая к древности идея атомизма. Таким образом, не является ли атомная физика вместе с ее практико-политическими последствиями одним из результатов «атомной исследовательской программы» (Гайденко, 1980: 14)? И не несут ли на себе древние философы определенную долю ответственности и, следовательно, политической субъектности за применение атомного оружия? Естественно, о каком-либо прямом обвинении речи быть не может. Существенно, что древние мыслители, так или иначе, внесли вклад в создание того мира возможностей на умозрительном уровне, используя «элементы» которого, ученые в итоге преобразовали действительность.

Думается, что, апеллируя к гипотетической «политической субъектности науки» древних философов, мы осуществляем переход к более широкой проблематике — политической субъектности познания. Одним из результатов процесса познания служат определенные утверждения,

¹Следуя тезису Е. В. Масланова об исследовательских мирах.

высказывания. В каком смысле им можно придавать политическую субъектность?

ПОЗНАНИЕ И НАУКА: ГОРИЗОНТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ

Представим себе следующую модельную ситуацию. Собеседник *X* высказывает собеседнику *Y* утверждение «А»: «Если вы выпрыгните с тридцатого этажа, то полетите вниз и разобьетесь насмерть по причине разгона силой гравитации». Несколько поразмыслив, *Y* отвечает: «В вашем утверждении ничего не сообщается о типе поверхности, на которую я упаду. Если внизу будет расположен батут или контейнер с поролоном, вероятно, мне удастся выжить. Кроме того, я могу воспользоваться парашютом. Или же, допустим, здание расположено на берегу моря и я упаду в воду. В этом случае исход сильно зависит от геометрии контакта с поверхностью в момент соприкосновения. Или, предположим, я выпрыгиваю с обозначенной высоты, находясь на другой планете, масса которой существенно меньше земной. В этом случае, согласно закону всемирного тяготения, ускорение свободного падения также будет существенно меньше, и я не погибну».

Вместе с тем, условное утверждение «А», обращенное к маленькому ребенку, способно оказать властное действие и предостеречь от опасного поступка. В этом случае произносящий его родитель², вероятно, не будет глубоко задумываться над какими-либо особенностями полета, поскольку в рамках обыденного знания он прекрасно знаком с опасностью высоты («древнее эмпирическое правило»). Таким образом, условное утверждение «А» можно трактовать как властно-политическое, но при этом его следует понимать как выражение политической субъектности обыденного знания. Более того, родитель может основательно позабыть или даже вовсе не знать школьного объяснения гравитации³.

Различные ситуации человеческой практики служат базой данных для создания предписаний безопасного поведения и работы в самых различных отраслях. Как известно, «правила техники безопасности написаны кровью пострадавших». Мы полагаем, о проявлении политического в этом случае можно говорить в двух аспектах. Во-первых,

²Естественно, в более лаконичной форме («Слезай, разобьешься!»).

³В аспекте предсказания практических последствий, по-видимому, не имеет особого значения, как именно, на качественном уровне, объяснять причину падения: силой гравитации (Ньютон) или стремлением вниз как к естественному месту (Аристотель).

сам «кодекс правил» является выражением власти как законодательного предписания. Во-вторых, за ним, в одном лице, стоят и «суровый судья» и безотказный «исполнитель приговора» — силы Природы (гравитационное притяжение, электрический ток, опасные химические реакции и др.)⁴. И в этом случае будет нелегко отыскать гражданина, сознательно бы занявшего позицию дениализма (Тухватулина, 2023) по отношению к соответствующим положениям. В широком смысле, вспоминая Т. Куна, можно сказать, что свод правил техники безопасности это своего рода жесткая парадигма, выход за рамки которой требует создания специальных условий.

Сюжет о кодексе техники безопасности может показаться несколько утрированным, поскольку когда все твердо установлено и предписано, по-видимому, элиминируется собственно научная составляющая проблемы. В связи с этим интересно обратиться к следующему примеру.

В информационном поле весьма часто появляются сообщения достаточно противоречивого характера о результатах исследований «влияния малых количеств алкоголя на организм человека». Зачастую, в них весьма мало внимания уделяется всевозможным тонкостям и деталям. Во-первых, понятие малых количеств нередко оказывается дискуссионным. Во-вторых, далеко не всегда ясна роль других факторов, влияющих на состояние здоровья людей (качество жизни, уровень доходов, образования, качество напитков и др.). С определенной натяжкой, в данном случае можно даже апеллировать к концепции пост-нормальной науки (Дж. Равецц, С. Фунтович), поскольку обсуждается задача, в которой задействовано множество параметров, хотя здесь и не идет речь о глобальных проблемах человечества (климат, экология). Классическая фраза «о вреде чрезмерного употребления алкоголя» является предупреждением об опасности, но, вместе с тем, не обладает авторитаризмом известного указания «Не влезай, убьет!». Это оставляет определенный маневр для выражения позиции дениализма и девальвирует властно-политическую роль рекомендаций соответствующих научных исследований.

⁴Мы здесь говорим о фундаментальных физических и химических явлениях, происходящих как в естественной природной среде, так и в искусственных, технических объектах.

КОНТЕКСТЫ ВОЗМОЖНОГО И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО

Согласно позиции Е. В. Масланова, политической субъектности науки присущ особый характер — «она не борется за политическую власть, а при помощи новых исследовательских полей создает пространство для принятия влияющих на жизнь общества решений» (Масланов, 2024: 347). С одной стороны, конечно, абсурдно отрицать значительное влияние науки на практику и технологии⁵. С другой стороны, возникают сомнения, что подобному пониманию политической субъектности стоит придавать особый характер. На наш взгляд, это может быть обусловлено различием политической субъектности *науки* и политической субъектности *научного знания*. Естественно, нельзя абсолютизировать это различие, поскольку научное знание производится наукой. Тем не менее, если речь идет именно о влиянии науки, этим, в некотором смысле, и нивелируется фактор необходимости ее борьбы за власть как осуществления обязательного действия.

Мы полагаем, что обозначенная позиция автора, в значительной мере, это ответ на вопрос о проявлении политической субъектности научного знания, а не науки. Ученые, вносящие существенный вклад в построение «исследовательского мира»⁶, генерируют «пищу для ума» другим ученым и практикам, а сами, в каком-то смысле, трансформируются при этом в состояние «мертвого автора». Политическая роль науки оказывается в тени ее основной, собственно эпистемической роли. Властная функция человека науки обретает при этом своего рода футуристический характер, располагаясь в пространстве возможного. В частности, известно, что некоторые выдающиеся ученые весьма смутно представляли себе потенциал применения своих открытий или вообще считали их бесперспективными.

Вместе с тем, несколько дистанцируясь от контекста трансформации мира и общества, интересно указать на определенную специфику проявления политической субъектности именно науки, а не знания. Для этого обратим внимание на ответ собеседника У из предложенной нами модельной ситуации.

Заметим, в его рассуждениях просматриваются как элементы обыденного знания, так и вполне научная аргументация. Он подробно

⁵Здесь, в том числе, речь идет и о возможном влиянии идей, концепций, вырабатываемых социо-гуманитарными науками.

⁶В определенный период времени.

обрисовал различные сценарии падения, предложил целый спектр «экспериментальных ситуаций» (В. С. Степин), определяемых конкретными условиями, наличием тех или иных участвующих акторов. Б. Латур как-то упоминал, что настоящая наука начинается там, где в игру вступают «технические детали» (Латур, Федорова, 2013: 82–84). Если представить беседу *X* и *Y* в качестве некоего публичного состязания, пальма первенства, вероятно, достанется *Y* как более подготовленному и «риторически подкованному» оппоненту. Достижение своего рода политической цели — победы в диспуте — хотя и предопределяется здесь эпистемической аргументацией, но не остается полностью в ее тени. Существенно, что в данном случае имеет место проявление политической субъектности науки в действительности («здесь и сейчас»), а не в возможности.

Нашу модельную ситуацию можно представить и в качестве вольного прообраза экспертной дискуссии, в ходе которой обсуждается серьезная социально-значимая проблема. Возможны различные сценарии ее завершения. Например (1), научно-обоснованное мнение, высказанное одной из экспертных групп, получив абсолютную поддержку властей, всецело предопределяет принятие важного политического решения. Тогда можно с уверенностью говорить о проявлении политической субъектности науки — в контексте действительности. Или, в иной ситуации (2), экспертное мнение не будет принято во внимание властными акторами, и они примут какое-либо свое решение. В данном случае ученые хотя и претендуют на политическую субъектность, но в итоге так и не обретают ее.

Возможен и промежуточный сценарий (3), когда одна из экспертных групп, получившая определенное, но не слишком сильное преимущество над другими, будет поддержана властными акторами. По-видимому, подобная ситуация более ожидаема, если среди экспертных позиций наблюдается сильное разногласие. Вспомним Фейерабенда с его критическими нападками на научный метод:

Кто не встречал ситуации, когда один врач рекомендует делать операцию, другой ее отвергает, а третий предлагает иной способ лечения, чем первые два. Или ситуации, в которой одна группа специалистов гарантирует безопасность ядерного реактора, а другая оспаривает ее... (Фейерабенд, Никифоров, 2007: 23)

На наш взгляд, в этом случае можно говорить о двояком характере политической субъектности науки. Во-первых, победившая группа обретает ее в уже указанном выше аспекте (сценарий 1). Во-вторых, факт

неабсолютного преимущества свидетельствует о наличии серьезной борьбы противников, и это, следуя Е. В. Масланову, можно трактовать как политическую субъектность в «шмиттовском» смысле.

Таким образом, экспертной функции науки, с одной стороны, свойственна политическая субъектность в достаточно явной форме. С другой стороны, чувствуется ее характерная неустойчивость, поскольку обладание ей наукой оказывается зависимым от воли властных акторов. Подобная ситуация может быть гротескно проиллюстрирована известной цитатой из романа «Мастер и Маргарита»: «Сегодня я неофициальное лицо, а завтра, глядишь, официальное!». Думается, здесь мы встречаемся с самым ядром обсуждаемой проблематики, которую В. Н. Порус связывает с вопросом о том, насколько, в тех или иных ситуациях, вовлечение науки в политику оказывается субъектным (Порус, 2023: 77). В свете настоящей дискуссии следует говорить о том, насколько вовлечение оказывается возможным или действительным.

По нашему мнению, Е. В. Масланову удалось весьма убедительно эксплицировать политическую субъектность науки именно в контексте возможности, но, подчеркнем, трудно признать за этим ее особый характер и, следовательно, устойчивую субъектность вовлечения. В этом случае политическая субъектность науки сливается с политической субъектностью научного знания, и, в пределе, познания.

ЛИТЕРАТУРА

- Гайденко П. П.* Эволюция понятия науки : становление и развитие первых научных программ. — М. : Наука, 1980.
- Латур Б.* Наука в действии : следуя за учеными и инженерами внутри общества / под ред. С. В. Миляевой ; пер. с англ. К. С. Федоровой. — СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2013.
- Масланов Е. В.* К вопросу о политической субъектности науки // *Философия : Журнал Высшей школы экономики.* — 2024. — Т. 8, № 3. — С. 339–351.
- Порус В. Н.* Политическая субъектность науки как тема философии науки // *Вопросы философии.* — 2023. — № 9. — С. 71–82.
- Тухватуллина Л. А.* Наука как объект веры и недоверия : феномен дениализма // *Эпистемология и философия науки.* — 2023. — Т. 60, № 1. — С. 6–20.
- Фейерабенд П.* Против методологического принуждения. Очерк анархистской теории познания / пер. А. Л. Никифорова. — М. : АСТ, 2007.

Zharkov, Ye. A. 2024. "Osobyi kharakter politicheskoy sub"yektnosti nauki [The Special Nature of the Political Agency of Science]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics] 8 (3), 379–386.

YEVGENIY ZHARKOV

PHD IN PHILOSOPHY

NATIONAL RESEARCH LOBACHEVSKY STATE UNIVERSITY (NIZHNY NOVGOROD, RUSSIA);

ORCID: 0000-0002-1962-1806

THE SPECIAL NATURE OF THE POLITICAL AGENCY OF SCIENCE

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-379-386.

REFERENCES

- Feyerabend, P. 2007. *Protiv metodologicheskogo prinuzhdeniya. Ocherk anarkhist-skoy teorii poznaniya* [Against Method: Outline of an Anarchistic Theory of Knowledge] [in Russian]. Trans. by A. L. Nikiforov. Moskva [Moscow]: AST.
- Gaydenko, P. P. 1980. *Evolutsiya ponyatiya nauki* [The Evolution of the Notion of Science]: stanovleniye i razvitiye pervykh nauchnykh programm [The Formation and Development of the First Research Programs] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Latour, B. 2013. *Nauka v deystvii* [Science in Action]: sleduya za uchenymi i inzhenerami vnutri obshchestva [How to Follow Scientists and Engineers Through Society] [in Russian]. Ed. by S. V. Milyayeva. Trans. from the English by K. S. Fedorova. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Yevropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge [European University at St. Petersburg Press].
- Maslanov, Ye. V. 2024. "K voprosu o politicheskoy sub"yektnosti nauki [On the Issue of the Political Subjectivity of Science]" [in Russian]. *Filosofiya* [Philosophy]: *Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Journal of the Higher School of Economics] 8 (3): 339–351.
- Porus, V. N. 2023. "Politicheskaya sub"yektnost' nauki kak tema filosofii nauki [Political Agency of Science as a Theme of Philosophy of Science]" [in Russian]. *Voprosy filosofii*, no. 9, 71–82.
- Tukhvatulina, L. A. 2023. "Nauka kak ob"yekt very i nedoveriya [Science as an Object of Faith and Distrust]: fenomen denializma [The Phenomenon of Denialism]" [in Russian]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology & Philosophy of Science] 60 (1): 6–20.

ФИЛОСОФСКАЯ КРИТИКА

РЕЦЕНЗИИ

BOOK REVIEWS

ОЛЕГ АУРОВ*

«СЕВЕРНАЯ ВЕНЕЦИЯ» И «ЮЖНЫЙ НОВГОРОД»**

РАЗМЫШЛЕНИЯ О КНИГЕ П. В. ЛУКИНА

Лукин П. В. Новгород и Венеция. Сравнительно-исторические очерки становления республиканского строя. — СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2022.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-389-400.

Сейчас, когда не только в политических кругах, но и в академическом сообществе все громче звучат призывы отказаться от преподавания всеобщей истории в средней школе и существенно сократить объемы преподавания в школе высшей (а частично это уже сделано), когда растет количество поклонников культурного изоляционизма, особенно большое значение имеют труды компаративного характера, подобные тому, который вышел из под пера доктора исторических наук, главного научного сотрудника Института российской истории РАН Павла Владимировича Лукина (там же). Проведя параллельное исследование средневекового социально-политического строя Новгорода и Венеции, П. В. Лукин на предельно конкретном материале показал как степень своеобразия городской истории средневековой Руси, так и те значимые цивилизационные особенности, которые характеризовали ее как часть христианской цивилизации средневековой Европы. Речь идет о тех общеевропейских цивилизационных особенностях, которые сохранялись и на Западе, и на Востоке европейского мира даже после того, как Четвертый крестовый поход (1204 г.) и развивавшаяся с первых десятилетий XIII в. крестоносная экспансия в Прибалтике навсегда рассекли надвое единое европейское тело.

* Ауров Олег Валентинович, к. и. н., доцент, Российский государственный гуманитарный университет (Москва); ведущий научный сотрудник, Институт общественных наук РАНХиГС (Москва), olegaurov1@yandex.ru, aurov-ov@ranepa.ru, ORCID: 0000-0002-0755-9902.

** © Ауров, О. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Специалисты хорошо знают, что именно Средневековье, — при всей своей внешней удаленности от проблем современности, — является той исторической эпохой, образы которой, пожалуй, наиболее активно использовались и используются в исторической политике и связанном с ней пропагандистском дискурсе для формирования и воспроизводства региональных и национальных идентичностей. В числе пропагандистских мифов, эксплуатирующих образы и символы Средневековья (часто до неузнаваемости переосмысленных) достаточно давно, едва ли не со времен знаменитой переписки Ивана Грозного и Андрея Курбского, находится и образ «свободного», «демократического», «вечевоего» Новгорода. И как и любой пропагандистский миф, он не выдерживает столкновения с фактами, почерпнутыми из источников. Это происходит вовсе не из-за того, что политический строй Новгородской республики носил какой-то особенно «антинародный» характер. Просто в той реальности, которая реконструируется на основе системного анализа исторических источников все оказывается другим — сложным, неочевидным на первый взгляд, но от этого вызывающим лишь еще большее доверие.

Наглядным свидетельством этому является книга, о которой пойдет речь ниже. Имя ее автора, П. В. Лукина, хорошо известно в академической среде: он является одним из крупнейших современных специалистов, работающих по истории политического строя средневекового Новгорода и Пскова (см., например: Древняя Русь..., 2008; Лукин, 2014). В своем компаративном исследовании, посвященном параллельному изучению политических систем Новгорода и Венеции, уходя от односторонних подходов, он начинает с уточнения и обновления понятийного аппарата. Вводя понятие «политический народ» (Лукин, 2022: 29–30), П. В. Лукин аргументированно доказывает, что оно в гораздо большей степени, чем просто «народ», соответствует политическим реалиям обоих исследуемых политий. Под «политическим народом» в книге понимается «коллектив, имеющий право участвовать в принятии политических решений и состоящий из людей свободных и полноправных» (там же: 30), тех, кто в языке источников по политической истории Новгорода более всего соответствует выражение «весь Новгород» (там же: 47–88). При этом, процесс принятия политических решений и роль источника власти выполнял вовсе не народ, а ограниченный круг лиц, представляющих наиболее обеспеченную и влиятельную часть боярских семей, главы которых поколение за поколением держали бразды правления в своих руках (там же: 70–88).

Уходя от упрощенных определений политического строя Новгорода как «демократического» и решительно дистанцируясь от попыток связать кризис новгородской политической системы в XV в. с «упадком демократии», П. В. Лукин последовательно и убедительно доказывает, что, несмотря на активное участие городских низов в политической жизни, демократии в собственном смысле этого понятия в Новгороде не было — ни в периоды подъема, ни во времена упадка. С другой стороны, не находит подтверждения в источниках тезис об упадке вечевого строя к концу истории Новгородской республики: просто вече, являвшееся чрезвычайно значимым политическим институтом на протяжении всего республиканского периода новгородской истории, никогда не играло той роли, которую ему приписывали сторонники идеи «новгородской демократии» (Лукин, 2022: 177–178).

Возникает вопрос о степени специфичности описанной модели политического устройства. И именно здесь П. В. Лукин обращается к венецианскому материалу, правомерность использования которого он тщательно доказывает. Решительно отвергая представления об «искусственности» подобного объекта сопоставления, он подчеркивает, что попытки сопоставления Новгорода и Венеции делались и ранее (причем весьма авторитетными учеными, в частности — В. Л. Яниным). В числе же конкретных критериев, делающих такое сравнение не только возможным, но и весьма плодотворным, он называет присутствующие и в новгородском, и в венецианском варианте господство над пригородами, наличие выборных должностных лиц, городской знати, процветавшей благодаря доходам от торговли и крупного землевладения, сюзеренитет городских властей над подчиненной им значительной периферией (с более мелкими городами сельскими поселениями) (там же: 11–12). Важен также и тот факт, что

и Венеция, и Великий Новгород эволюционировали в гигантские державы, не лишаясь при этом своей республиканской сущности. Ничего подобного не было ни в германских самоуправляющихся городах, ни где-либо еще в средневековой Европе (там же: 12).

При этом, важен и тот факт, что Венеция не имела античного *background*'а, при том, что полностью отрицать римско-византийское влияние на предысторию и историю города было бы преувеличением (там же: 13).

Но одного только соблюдения перечисленных выше критериев оказывается недостаточно для действительно плодотворного, а не поверхностного сопоставления двух великих городов Средневековья. Необходимо соблюсти важное условие: компаративный анализ имеет смысл, только если он ведется не путем сравнения «чужих» выводов и наблюдений, а основывается на собственной работе историка с оригинальными источниками (Лукин, 2022: 23). Что и было сделано П. В. Лукиным, «забывшим», что он не является медиевистом-западником по образованию, и что, строго говоря, не то чтобы обязан уметь читать требующие от исследователя особой подготовки венецианские нарративные, нормативные и документальные тексты на латинском языке и вольгаре (местном средневековом диалекте) (там же: 253–258). Наслушавшийся в свое время едва ли не исполненных гордости заявлений некоторых коллег-руссистов об отсутствии у них способности к изучению иностранных языков, в силу которой их долженствовало не только прощать, но, кажется, даже и уважать за отсутствие у них одного из основных инструментов научной работы, я хочу выразить искреннее восхищение такой позицией.

Последовательно опираясь на данные источников, П. В. Лукин указывает на очевидные параллели в политическом устройстве Новгорода и Венеции. В том числе — наличие в обоих случаях «политического народа» — того, что в оригинальной терминологии, собственно, и именуется *commune*, а также *populus* и *arengo* (там же: 30–47). В конечном итоге, именно эта, изначально ограниченная, хотя и не замкнутая от основной части населения социальная группа, готовая взять на себя ответственность за судьбу своей политики, и стала в обоих случаях основной дальнейшего политического развития. И в Новгороде, и в Венеции в процессе решения возникавших конфликтов сформировался закрытый Совет (Большой и Малый советы в Венеции, Совет господ, а правильнее — *gospodá*, в Новгороде), в то время, как народное собрание хотя и сохранилось, но стало выполнять все более церемониальные (хотя и весьма значимые для политической системы в целом) функции (там же: 134–178).

Строго говоря, ожидать обратного в реалиях средневекового христианского европейского социума было бы странно. Специалисты по истории городского управления в Средние века давно (по меньшей мере, с середины 1980-х гг.) и хорошо знают, что представления о «демократичности» западного средневекового города не только сильно

преувеличено, но и просто неверно. Везде и всегда дееспособные и самостоятельные институты городского самоуправления формировались на основе местных олигархических группировок, а ротация осуществлялась путем кооптации. Попытки же сформировать такие органы демократическим путем практически всегда заканчивались неудачей.

В частности, английская исследовательница С. Рейнольдс (чья работа о корпоративных сообществах в средневековой Европе 1986 г. была воспринята академическим сообществом гораздо более позитивно, чем ее же на шумевшая монография «Феоды и вассалы» (Филиппов, 2015; Reynolds, 1994)), среди прочего, приводит следующий показательный пример: когда в скабинате (городском совете) германского города Андернаха в XII в. в результате прямых выборов преобладание получили бедные горожане, городской совет оказался неспособным отстоять даже права бедноты. В итоге, архиепископ Кёльна был вынужден собственной властью назначить новых скабинов из числа представителей городской верхушки и установить на будущее процедуру кооптации, что не встретило сопротивления массы горожан (Reynolds, 1986: 188–192). Многочисленные примеры на этот счет можно привести и из истории городов других западноевропейских стран того же периода (Ауров, 2012: 89–92).

Однако, при очевидно олигархической сущности политического устройства как Новгорода, так и Венеции П. В. Лукин не пользуется для его характеристики понятием «олигархия» в силу присущей этому понятию явно негативной коннотации. Автор книги предпочитает говорить о «республиканском» характере политического устройства обеих политий, подчеркивая связанные с таким определением позитивные аспекты. Формулируя свое понимание «республиканского строя» («политический строй, основанный на власти сообщества, включающего в себя полноправное население, которое осуществляет свои полномочия через свои коллегиальные органы (собрания, советы) и выборных магистратов»; при этом, под «республиканской идеологией» понимается «...такая эксплицитно сформулированная система взглядов, которая призвана обосновать право этого сообщества на автономное существование и наличие у него соответствующих институтов» (Лукин, 2022: 21)), автор книги рассуждает в категориях, близких или идентичных тем, которые исповедуют сторонники т. н. «республиканизма». Вероятно, наиболее последовательный сторонник и пропагандист этой концепции, О. В. Хархордин, последовательно противопоставляет *res publica* как форму политической самоорганизации общества и как режим правления немногих

и достойных, исповедующих гражданские добродетели, не только монархии, но и всем иным формам социальной и политической организации, прямо или косвенно связанными с бюрократической государственностью Нового и Новейшего времени (Хархордин, 2020; 2021 и др.).

Исходя из этой точки зрения, П. В. Лукин последовательно подчеркивает определяющую роль «республиканских» элементов как факторов, определяющих политическое устройство и Новгорода, и Венеции. В частности, он указывает на их роль в ритуалах интронизации (дожа в Венеции и великого князя в Новгороде), предстающих в его интерпретации как республиканские церемонии (Лукин, 2022: 88–107).

Отдельное место уделяется республиканской политической «мифологии». Автор книги считает, что в Новгороде, в отличие от Венеции, она не сложилась, хотя тенденция к ее формированию прослеживается достаточно последовательно. В то же время, в великой итальянской республике можно говорить о сложившейся республиканской идеологии с ее легендой об избрании первого дожа Паолуччо Анафесто, содержащей представления об истоках политического строя Венеции, восходящих к Византии, троянской легендой, как объяснением происхождения политического народа, а также средневековым культом св. Марка как покровителя города и участника его политической жизни (прежде всего — его особой связи с властью дожа) (там же: 190–193, 203–208, 213–221). Применительно к Новгороду приблизительными (хотя и менее последовательными) аналогами этих политических мифов оказываются легенда о Гостомысле как первом новгородском посаднике, о призвании варягов («варяжская легенда») как отражении идеи избранности и культ св. Софии — святой покровительницы Новгорода и его политического строя. Последний не успел окончательно сложиться ко второй половине XV в., а дальше история независимого Новгорода завершилась, ему просто «не хватило исторического времени». Тем не менее, культ достиг высокой степени зрелости, вплоть до «материализации» образа Софии, появления ее изображения как «огнезначного ангела» (там же: 179–190, 194–203, 221–241).

Все рассмотренные выше умозаключения автора книги глубоко фундированы и блестяще изложены. Книга читается на одном дыхании. Логичными представляются и итоговые выводы. Обращу внимание лишь на те из них, которые представляются мне наиболее существенными. Исследование П. В. Лукина показывает не только саму возможность аргументированного и корректного сопоставления значимых сюжетов

русской и западной городской истории, но и плодотворность проведенного сравнения. В целом, политический строй Новгорода, по сравнению с Венецией, оказывается более демократичным. Но в рамках подходов, которые исповедует автор рецензируемой книги, эта характеристика звучит скорее негативно, поскольку свидетельствует о более низкой степени зрелости новгородской политической системы по сравнению с венецианской, прежде всего — в том, что касается степени консолидации новгородского «политического народа». И наоборот, применительно к Новгороду в историографии фиксируется явная недооценка роли «аристократического» элемента. Подчеркивается существенная роль фактора раннего формирования политической идентичности и ее символов в Венеции по сравнению с Новгородом. Среди прочего, в последнем случае развитию этого процесса препятствовало то, что новгородцы (при всех перипетиях местной политики) неизменно видели себя частью «русской земли», в то время как в Венеции процесс суверенизации шел много более активно. Вместе с тем, при всех слабостях и недостаточной последовательности, налицо процесс в целом успешного выстраивания в Новгороде республиканской идентичности в условиях практически полного господства монархических политий. Этот факт особо выделяется автором книги (Лукин, 2022: 242–245).

Наконец, П. В. Лукин призывает не переоценивать степень экстремальности условий, в которых происходило становление и развитие республиканского политического строя и свойственных ему форм политической идентичности. И здесь в качестве примера приводится далматинский город Дубровник, который, по мнению исследователя, сохранил внутреннюю стабильность даже в период пребывания в статусе данника Османской империи в XV в. Признавая при этом, что город управлялся замкнутой патрицианской кастой, П. В. Лукин считает, что правящий социальный слой не видел проблем в подобном политическом элитизме. Поддерживая единство общества перед лицом внешних вызовов, правящая элита Дубровника вовсе не стремилась посягать на права остальной части населения: «республиканский принцип свободы (*libertas/libertà/svoboda*) для обычных жителей выражался в свободе от произвола и гарантии жизни под сенью справедливых законов». Таким образом, подчеркивает исследователь, Дубровник в гораздо более сложных условиях сумел добиться того же, чего в политическом смысле достигла и ренессансная Венеция (там же: 246).

В заключение хотелось бы обратить внимание на ту часть промежуточных и итоговых выводов П. В. Лукина, которая представляется

дискуссионной (при том, что ряд высказанных ниже замечаний «работает» скорее в пользу его идей, чем против них). Прежде всего, одним из главных достоинств концепции П. В. Лукина, как представляется, является постулируемый им отказ от преувеличения роли демократических элементов, присущих им форм участия в политической жизни и идеалов применительно к политическим процессам Средневековья. Отталкиваясь от своих собственных наблюдений, сделанных на западном материале того же времени, хочу подчеркнуть обоснованность этих идей, значение которых выходит далеко за пределы средневековой Руси. В реальных условиях городской жизни западного Средневековья т. н. «демократические элементы», как правило, становились социальной опорой процессов авторитарной направленности, в то время как реальными защитниками городского самоуправления выступали, в первую очередь, местные олигархии. Например, в городах средневековой Испании, в частности, в королевстве Кастилия и Леон они были представлены, главным образом, кланами потомственных рыцарей-идальго, представители которых из поколения в поколение занимали должности в системе управления городом — сначала королевского и сеньориального, а затем — бюргерского (см., например: Аулов, 2012: 307–345; Аулов, 2020: 59–62; Martín Cea & Vonachía, 1998).

Второе замечание касается степени привлекательности образа «республиканского строя» в том его виде, который описывает (и которому явно внутренне симпатизирует) П. В. Лукин. С одной стороны, отталкиваясь от известного мне материала, могу подтвердить тот факт, что лишь определяющая роль «политического народа» в том смысле, в котором его понимает П. В. Лукин, в реальных политических условиях средневековья могла способствовать формированию устойчивых институтов городского самоуправления. С другой стороны, в реальных условиях средневековой христианской цивилизации, где неформальное лидерство аристократии в немалой степени уравновешивалось тем вниманием к простому человеку и его образу жизни, тем сочувствием его горькой доле, которое было изначально свойственно христианству и которое в немалой степени сохраняет свое значение до сих пор, образ власти немногих — путь даже достойных, — людей едва ли мог пользоваться широкой поддержкой населения.

И уж в любом случае, система власти, основанная на этом принципе, могла успешно функционировать лишь в относительно ограниченных масштабах городов или небольших территориальных политий, соотносимых с позднесредневековым Дубровником. В политиях большего

размера, в которых проживало большее количество населения, эффективный контроль над местными элитами как снизу, так и сверху без вмешательства извне, был просто невозможен. С этой точки зрения уничтожение средневековой новгородской политики путем ее интеграции в состав Великого княжества Московского следует признать объективным. Тем более, что, в противовес Венеции, формально находившейся в границах Священной Римской империи (германской нации), которую до конца Средневековья отличала крайняя рыхлость системы управления и слабость центральной власти (к тому же еще более ослабленной противостоянием папству в конце XI — конце XIII вв.), тот тип политического устройства, который был свойственен Великому княжеству Московскому, априори оставлял Новгороду гораздо меньшие возможности для сохранения фактической независимости. Таким образом, Новгороду не хватило не только «исторического времени» (П. В. Лукин), но и исторических возможностей.

И наконец, последнее (но не последнее по значению) наблюдение, возникающее в процессе знакомства с концепцией П. В. Лукина, касается необходимости адекватной оценки такого, казалось бы, общепризнанного фактора, как роль Церкви и христианства в системе средневековой европейской цивилизации — как в западной, так и в восточной ее версиях. Прежде всего, необходимо подчеркнуть основополагающее влияние Церкви на те формы политической культуры, которые сформировались в средневековой Европе. В числе особо значимых элементов христианского наследия в этой области следует выделить идею равенства людей перед Богом, ориентацию на публичность и, в связи с ней, на коллективные, неавторитарные формы политической активности и принятия основополагающих решений (то, что традиционно принято именовать «соборностью»), принцип соработничества светской власти и Церкви (традиционно обозначаемый понятием «симфония») и нек. др. Разумеется, все эти элементы христианского наследия присутствовали в средневековых полициях не только «республиканского», но и «авторитарного» типа. Но их фундаментальный характер не подлежит сомнению.

Кроме того, необходимо учитывать роль Церкви и христианства как связующего звена, поддерживавшего единство христианского мира, как минимум, до начала XIII в. Так, еще в XII в. русские паломники ходили в Сантьяго-де-Компостела, не говоря уже о святынях Италии (Гордин и Рождественская, 2016). До 1270-х гг. на Афоне сохранялся бенедиктинский монастырь Амальфийон, одной из важнейших функций которого

было осуществление перевода с греческого на латынь важнейших памятников восточной христианской литературы (Мерлини, Талалай, 2016) и т. п. Все это время Церковь не только оставалась инструментом обмена идеями и их трансляции за пределы соответствующих регионов, но и осваивала некоторые важные тексты и политические практики, далеко не только связанные с концептами автократии и монархической власти в широком смысле.

Наконец, именно Церковь оставалась основным путем трансляции элементов римско-византийского наследия в пределах «византийского содружества наций» (Оболенский, 1998). Это справедливо и в отношении Новгорода, и совсем не только потому, что в его центре находится один из самых больших византийских соборов, сохранившийся от эпохи Комининов — Николо-Дворищенский собор, зримое свидетельство византийского присутствия на этой далекой от Константинополя земле. Поэтому, когда П. В. Лукин скептически высказывается о присутствии «римско-византийского наследия» применительно к Новгороду (Лукин, 2022: 47), эту точку зрения можно разделить лишь отчасти.

И в завершение — коротко: блестящее исследование, убедительные выводы, значительный круг использованных в процессе работы разнообразных источников, прекрасный язык. Жаль только, что книга, вышедшая небольшим тиражом и в мягкой обложке, дойдет в этом виде лишь до части своих потенциальных читателей.

ЛИТЕРАТУРА

- Ауров О. В. Город и рыцарство феодальной Кастилии : Сепульведа и Куэльяр в XIII—середине XIV века. — М. : ИЦ РГГУ, 2012.
- Ауров О. В. Феодализм как форма организации власти : пример Кастилии и Леона XI—середины XIV века // Средние века. — 2020. — Т. 81, № 1. — С. 57–65.
- Гордин А. М., Рождественская Т. В. «Идя ко святому Иакову» : древнерусское граффито XII в. в Аквитании // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. — 2016. — № 1. — С. 126–147.
- Древняя Русь. Очерки политического и социального строя / А. А. Горский, В. А. Кучкин, П. В. Лукин, П. С. Стефанович. — М. : Индрик, 2008.
- Лукин П. В. Новгородское вече. — М. : Индрик, 2014.
- Лукин П. В. Новгород и Венеция. Сравнительно-исторические очерки становления республиканского строя. — СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2022.
- Мерлини М. Неизвестный Афон : рождение и история бенедиктинского монастыря / пер. с итал. М. Г. Талалая. — М. : Индрик, 2016.

- Оболенский Д.* Византийское содружество наций // Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов / Пер. под ред. С. А. Иванова. — М. : Янус-К, 1998. — С. 11–39б.
- Филитов И. С.* Размышления о книге Сьюзан Рейнольдс «Феоды и вассалы» и ее восприятии в современной медиевистике // Средние века. — 2015. — Т. 76, № 3/4. — С. 8–55.
- Хархордин О. В.* Республика или Дело публики. — СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2020.
- Хархордин О. В.* Республика. Полная версия. — СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2021.
- Martín Cea J. C. y Bonachía J. A.* Oligarquías y poderes concejiles en la Castilla bajomedieval : balance y perspectivas // Revista d'Història Medieval. — 1998. — N° 9. — P. 17–40.
- Reynolds S.* Kingdoms and Communities in Western Europe, 900–1300. — Oxford : Clarendon Press, 1986.
- Reynolds S.* Fiefs and Vassals. The Medieval Evidence Reinterpreted. — Oxford : Clarendon Press, 1994.

Aurov, O. V. 2024. “‘Severnaya Venetsiya’ i ‘yuzhny Novgorod’ [‘Northern Venice’ and ‘Yuzhny Novgorod’]: razmyshleniya o knige P. V. Lukina [Reflections on the Book by P. V. Lukin]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (3), 389–400.

OLEG AUROV

PHD IN HISTORY

LEADING RESEARCHER

INSTITUTE FOR SOCIAL SCIENCES

RUSSIAN ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION (MOSCOW, RUSSIA)

ASSOCIATE PROFESSOR

RUSSIAN STATE UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0002-0755-9902

“NORTHERN VENICE” AND “YUZHNY NOVGOROD”

REFLECTIONS ON THE BOOK BY P. V. LUKIN

LUKIN, P. V. 2022. *NOVGOROD I VENETSIYA. SRAVNITEL'NO-ISTORICHESKIYE OCHERKI STANOVLENIYA RESPUBLIKANSKOGO STROYA [NOVGOROD AND VENICE. COMPARATIVE HISTORICAL ESSAYS OF THE FORMATION OF THE REPUBLICAN SYSTEM]* [IN RUSSIAN].

SANKT-PETERBURG [SAINT PETERSBURG]: YEVIROPEYSKIY UNIVERSITET V SANKT-PETERBURGE [EUROPEAN UNIVERSITY AT ST. PETERSBURG PRESS]

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-389-400.

REFERENCES

- Aurov, O. V. 2012. *Gorod i rytsarstvo feodal'noy Kastilii [Chivalry and the City of Feudal Castile]: Sepul'veda i Kuel'yar v XIII — seredine XIV veka [Sepulveda and Cuellar in*

- the XIII – mid-XIV centuries*] [in Russian]. Moskva [Moscow]: ITs RGGU [Russian State University for the Humanities Publishing Centre].
- . 2020. “Feodalizm kak forma organizatsii vlasti [Feudalism as a Form of Organization of Power]: primer Kastilii i Leona XI – serediny XIV veka [The Example of Castile and Leon XI – mid-XIV Centuries]” [in Russian]. *Sredniye veka [Middle Ages]* 81 (1): 57–65.
- Filippov, I. S. 2015. “Razmyshleniya o knige S'yuzan Reynol'ds ‘Feody i vassaly’ i yeye vospriyatii v sovremennoy medievistike [Reflections on the Book Fiefs and Vassals by Susan Reynolds and Its Reception in Modern Medieval Studies]” [in Russian]. *Sredniye veka [Middle Ages]* 76 (3–4): 8–55.
- Gordin, A. M., and T. V. Rozhdestvenskaya. 2016. “‘Idya ko svyatomu Iakovu’ [‘Going to Saint James’]: drevnerusskoye graffito XII v. v Akvitanii [Ancient Russian Graffito of the 12th Century in Aquitaine]” [in Russian]. *Slověne = Slovène. International Journal of Slavic Studies*, no. 1, 126–147.
- Gorskiy, A. A., et al. 2008. *Drevnyaya Rus'. Ocherki politicheskogo i sotsial'nogo stroya [Ancient Rus'. Essays on the Political and Social System]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Indrik.
- Kharkhordin, O. V. 2020. *Respublika ili Delo publki [Republic or Public Affairs]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Yevropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge [European University at St. Petersburg Press].
- . 2021. *Respublika. Polnaya versiya [Republic. Full Version]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Yevropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge [European University at St. Petersburg Press].
- Lukin, P. V. 2014. *Novgorodskoye veche [Novgorod Veche]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Indrik.
- . 2022. *Novgorod i Venetsiya. Sravnitel'no-istoricheskiye ocherki stanovleniya respublikanskogo stroya [Novgorod and Venice. Comparative Historical Essays of the Formation of the Republican System]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Yevropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge [European University at St. Petersburg Press].
- Martín Cea, J. C., and J. A. Bonachía. 1998. “Oligarquías y poderes concejiles en la Castilla bajomedieval: balance y perspectivas” [in Spanish]. *Revista d'Història Medieval*, no. 9, 17–40.
- Merlini, M. 2016. *Neizvestnyy Afon [L'Athos sconosciuto]: rozhdeniye i istoriya benedik-tinskogo monastyrya [nascita e storia del Monastero benedettino]* [in Russian]. Trans. from the Italian by M. G. Talalay. Moskva [Moscow]: Indrik.
- Obolensky, D. 1998. “Vizantiyskoye sodruzhestvo natsiy [Byzantine Commonwealth of Nations]” [in Russian]. In *Vizantiyskoye sodruzhestvo natsiy. Shest' vizantiyskikh portretov [Byzantine Commonwealth of Nations. Six Byzantine Portraits]*, Per. pod red. S. A. Ivanov, 11–396. Moskva [Moscow]: Yanus-K.
- Reynolds, S. 1986. *Kingdoms and Communities in Western Europe, 900–1300*. Oxford: Clarendon Press.
- . 1994. *Fiefs and Vassals. The Medieval Evidence Reinterpreted*. Oxford: Clarendon Press.

СЮМВЕЛЬ ЗАЙНУЛЛИНА*

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СИНТЕЗ В ФИЛОСОФИИ**

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ МАТТЬЕ КЕЛО ОБ ОБЪЕДИНЕНИИ ГЕНЕАЛОГИИ,
ПРАГМАТИЗМА И КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ

QUELOZ M. THE PRACTICAL ORIGINS OF IDEAS : GENEALOGY AS CONCEPTUAL
REVERSE-ENGINEERING. — OXFORD : OXFORD UNIVERSITY PRESS, 2021.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-401-418.

Проблематика природы, содержания и происхождения концепций традиционно занимает центральное место в философских исследованиях и продолжает оставаться актуальной. На сегодняшний день в философской методологии можно выделить как минимум два метода, целиком сосредотачивающих свое внимание на концепциях: концептуальный анализ и концептуальная инженерия (*conceptual engineering*). Второй из них стал выделяться в самостоятельную методологическую область не так недавно, в течение последних двух десятилетий, и потому вызывает особый интерес. Книга М. Кело, которая будет рассмотрена в этой рецензии, представляет собой описание философского подхода, поэтому первая часть текста будет посвящена краткому экскурсу в методы, используемые автором, в том числе в концептуальную инженерию.

Сам термин «концептуальная инженерия» впервые встречается в работе 1991 года Р. Крета, исследователя Р. Карнапа, и чуть позже у специалиста по метаэтике С. Блэкберна в книге 1999 года (Isaac et al., 2022: 1). За это время метод обрел огромную популярность, и количество работ, выпускаемых по этой теме, в последние несколько лет неуклонно растет: концептуальные инженеры активно обсуждают проблемы своей методологии, пути решения, уже сформировавшуюся историографию и перспективы.

*Зайнуллина Сюзумбель Салаватовна, студент, Институт классического Востока и античности, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), ssszaynullina@edu.hse.ru, ORCID: 0009-0001-6814-9093.

**© Зайнуллина, С. С. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Кругом вопросов, задачами и методами¹ концептуальная инженерия сильно напоминает интеллектуальную историю², хотя ее сторонники, кажется, ассоциируют себя не столько с этим подходом, сколько с аналитической философией в целом. В сравнении с концептуальным анализом, сосредоточенным только на описаниях, концептуальная инженерия считает своей отличительной чертой стремление к нормативности, то есть к тому, чтобы сделать наши концепции лучше (Chalmers, 2020: 3; Isaac et al., 2022: 2)³. Предполагается, что эта цель может быть достигнута в три или четыре этапа: описание, оценка, улучшение концепции (проектирование, дизайн) и введение ее обновленной версии в употребление (Chalmers, 2020: 2–3; Isaac et al., 2022: 3).

Помимо концептуальной инженерии, Д. Чалмерс, к примеру, выделяет понятие *conceptual re-engineering*, под которым он понимает исправление уже имеющейся концепции, а не проектирование новой с нуля (Chalmers, 2020: 6–7). Существует также понятие *conceptual reverse-engineering*, то есть обратная концептуальная разработка, методология которой, как считает М. Хэннон, может восходить к Дж. Остину⁴. По мнению того же Хэннона и С. Дограмаджи, современного сторонника этого метода, обратная разработка позволяет сделать выводы о функции концепции, то есть о ее сути, через анализ употребления слов (Dogramaci, 2012: 516–517; Hannon, 2019: 22). Так, можно сказать,

¹В качестве введения в метод можно ознакомиться со следующими работами: Chalmers, 2020; Isaac et al., 2022. Более подробное описание проблем, интересующих концептуальных инженеров, можно найти во вводной статье Г. Каппелена и Д. Планкетта: Cappelen & Plunkett, 2020.

²Понятие интеллектуальной истории не имеет четкого определения, но можно сказать, что это направление в гуманитарных исследованиях, сосредоточенное на изучении различных «форм мысли», «идей», «концепций» и т. д., их возникновения, развития, взаимодействия друг с другом и прочих аспектов с исторической, философской, социологической, лингвистической и других точек зрения. Внутри этого направления традиционно выделяют: немецкую «историю понятий» (Р. Козеллек), американскую «историю идей» (А. Лавджой), кембриджскую школу истории идей (Кв. Скиннер) и др. С различными взглядами на сущность интеллектуальной истории можно ознакомиться, например, в следующих работах: Lovejoy, 1940: 8; McMahon, 2014: 14–15; Collini, 2016: 11; Уотмор, Эдельман, 2023: 14–21.

³Тем не менее, такое различие вряд ли является строгим, и многие из исследователей в области интеллектуальной истории тоже могут стремиться лучше осознать существующие концепции и усовершенствовать их.

⁴Понятие *reverse-engineering* также активно применяется в программировании, но ни упомянутые авторы, ни М. Кело, книге которого посвящена эта рецензия, об этом не говорят, поэтому мы не совсем уверены, имеют ли они какую-либо связь.

что *reverse-engineering* предлагает изучать концепции с *прагматической точки зрения*, то есть анализировать их *практические проявления*.

Монография молодого философа Маттье Кело (Matthieu Queloz), приват-доцента Бернского университета, «Практическое происхождение идей: генеалогия как обратная концептуальная разработка», вышедшая в 2021 году, посвящена описанию оригинального философского подхода по работе с концепциями и истории его развития. Этот подход объединяет в себе несколько методологических направлений, главным образом, — генеалогию и концептуальную инженерию, а точнее, обратную разработку, и позволяет реконструировать и преобразовывать концепций с опорой на их функции.

Следует уточнить, что понимание метода обратной разработки Кело несколько отличается от Хэннона и Дограмаджи. Он предлагает изучать не только употребление слов, но и «...любые попытки объяснить, почему мы думаем (и говорим) так, как мы это делаем, с точки зрения практической цели прихода к тому, чтобы делать так» (Queloz, 2021: 17 п. 34).

Что касается генеалогии, то она в подходе Кело играет, по-видимому, бóльшую роль, нежели обратная разработка. Генеалогия — повествование о происхождении и о развитии (*ibid.*: 5), считается еще одним философским методом для работы с концепциями, но намного менее популярным.

Существуют разные точки зрения на историю этого метода и его классификацию. Э. Крейг, к примеру, различал фактическую, воображаемую (*imaginary*) и предположительную (*conjectural*) генеалогии по типу историй, которые они рассказывают (Craig, 2007: 182). Первая строится на свидетельствах исторических источников, вторая буквально придумывается в качестве гипотетической ситуации «естественного состояния» (*state of nature*), а третья занимает промежуточное положение — она использует модель «естественного состояния», не претендуя на особую историчность, но при этом оставаясь как минимум теоретически возможной. Представителями первой генеалогии являются Ф. Ницше и М. Фуко, в качестве примера второй — К. Д. Новаэс, комментируя Крейга, приводит миф Аристофана о происхождении любви из «Пира» Платона, а третьей — описанное Т. Гоббсом естественное состояние человеческого рода, как предшествующее возникновению государства, похожую теорию Д. Юма о происхождении справедливости из-за эгоистичности людей и ограниченности ресурсов и генеалогию правдивости (*truthfulness*) Б. Уильямса (*ibid.*: 192–193; Novaes, 2016: 93).

Важной чертой второго и/или⁵ третьего типа генеалогий, о которой нельзя не упомянуть, является то, что они сочетают в себе функциональное и вымышленное/художественное (*imaginary/fictional*) описание развития. Первое позволяет нам понять, каким потребностям служит концепция, а вторая — увидеть ее «внутреннюю ценность» (*intrinsic value*) и с ее помощью обнаружить самоустраняющиеся (*self-effacing functionality*), как их позже назовет Кело (Queloz, 2021: 57), функции (Williams, 2002: 33–35). Об этом аспекте генеалогии пишет Б. Уильямс в работе 2002 года «Truth and Truthfulness», за которой очень во многом следует М. Кело. Здесь мы видим, что генеалогии тоже имеют сходство с прагматическим взглядом на концепции.

Помимо этого, генеалогии можно классифицировать по тому, какую цель они преследуют и какой эффект производят: оправдательные (*vindictory*), разоблачающие (*subversive, debunking*) и нейтральные объясняющие (*explanatory*). Оправдательные усиливают нашу уверенность в концепции, убеждают, что она правильная, разоблачающие — наоборот, подрывают наше доверие, а объясняющие не несут никакой ценностной оценки, но этот последний тип, как считает Крейг, едва ли существует (Craig, 2007: 182–184)⁶. Из этого следует, что генеалогия тоже являются нормативной, как и концептуальная инженерия.

Такие подробные вступительные заметки по истории методов были нужны, чтобы помочь нам лучше понять задумку рассматриваемой монографии и оценить ее. Кело преследует две основные цели: во-первых, дать как можно более полное описание и обоснование метода, чтобы доказать его эффективность; во-вторых, на примере пяти философских работ показать, что этот метод имеет долгую традицию (Queloz, 2021: 18, 246). Мы бы хотели сосредоточить свое внимание на первом пункте и посмотреть, удастся ли автору, во-первых, объяснить связи между всеми элементами его системы, и, во-вторых, убедить читателя в полезности защищаемого им метода для изучения концепций⁷.

⁵Б. Уильямс, к примеру, выделяет только два вида генеалогий — исторически достоверный и воображаемый, и видит себя и Э. Крейга как сторонников второго (Williams, 2002: 32).

⁶Исследователи продолжают работать над теоретизированием подхода, и, к примеру, новые способы типологизации генеалогий, учитывающие работу М. Кело, недавно были предложены Б. Лайтбоди (Lightbody, 2023) и Дж. Рэтклифф (Ratcliffe, 2024).

⁷О последнем пункте высказался другой рецензент, П. Кайл, который считает, что возведение традиции прагматической генеалогии прямо до Юма и Ницше не слишком убедительно (Kail, 2021).

Перейдем к рассмотрению содержания работы М. Кело. Книга состоит из 10 глав и может быть условно поделена на три части: (1–3) подробное введение в метод и описание его деталей; (4–8) рассказ об истории развития метода на примерах его отдельных представителей; (9–10) обоснование еще нескольких преимуществ метода и подведение итогов. Каждая из них имеет в среднем по 4–5 подглав.

Первая глава называется «Почему мы стали так думать». Из ее в вводной части мы узнаем, что Кело интересуется возможностью объяснить происхождение концептуальных практик (КП)⁸ — концепций, которыми мы «живем», через потребности, то есть ответить на прагматический вопрос «что *X* делает для нас»⁹, а не «что есть *X*». Метод, который он предлагает использовать для достижения этой цели, называется прагматической генеалогией (ПГ) (Queloz, 2021: 2–3). В 1.1 Кело указывает на место, занимаемое обнаруженной им традицией прагматической генеалогии: она находится между вымышленной и исторической, совмещающая в себе и художественное, и историческое описание, и оправдательное, и объяснительное (ibid.: 8). В 1.2 Кело приводит в пример уже упомянутую нами генеалогию истины Б. Уильямса, называет основные поводы для критики генеалогического метода (антиисторичность, антропологичность, пренебрежение синхронным подходом и др.), коротко отвечает на каждый из пунктов и коротко отвечает на каждый из пунктов. Здесь же он называет несколько других преимуществ метода: применение «естественного состояния» в качестве объяснительной модели и одновременное использование двух интерпретационных техник — динамической и актуалистической (ibid.: 8–12, 15–16). Пункт 1.3 содержит рассуждения о необходимости раскрыть историю метода ПГ на примере конкретных проектов из истории философии (ibid.: 17–18).

Вторая глава называется «Преимущества обратной разработки». В 2.1 обсуждается польза прагматического подхода для анализа концепций, особенно тех, которые мы не привыкли рассматривать чисто инструментально, — он позволяет взглянуть на них под непривычным углом (ibid.: 21–22). В подглаве 2.2 Кело критикует метод концептуального анализа и перечисляет семь достоинств обратной разработки (Queloz, 2021:

⁸ Подобные аббревиатуры мы будем использовать для экономии места.

⁹ «Прагматически вопрос» у Кело формулируется по-разному: что идея делает для нас? почему мы ее имеем? какой цели она служит? какую пользу приносит? почему мы пришли к такому мышлению, почему мы должны развивать эту идею? (Queloz, 2021: 1–2, 4, 30, 77–78, 244 и др.).

25–26, 27–31). Пункт 2.3 объясняет полезность применения нередуктивных натурализма и прагматизма в рамках ПГ (*ibid.*: 36). В 2.4 говорится о том, что ПГ может быть не только объяснительной, но и оправдательной, и при этом отмечать поводы для критики (*ibid.*: 38, 40). В 2.5 Кело говорит о необходимости полной обратной разработки концепции для их действительно ответственного проектирования (*ibid.*: 41–42). Из обобщающей подглавы 2.6 мы узнаем, что такой функциональный подход как ПГ на деле может сочетаться с альтернативными методами — интенциональным и экстенциональным (*ibid.*: 44, 46).

Третья глава посвящена генеалогии. Во введении к ней Кело выступает против парадигмального подхода М. Фрикер и называет два случая, в которых ПГ более полезна в отличие от него: (1) когда КП обладает самоустраняющейся функциональностью (*self-effacing functionality*); (2) когда КП сильно изменилась и потеряла связь с первоначальной функцией. Затем, в 3.1 он объясняет, что метод ПГ позволяет решить эти проблемы с помощью двух этапов — идеализации и деидеализации (*ibid.*: 49–50). В подглаве 3.2 Кело подробнее рассматривает КП с самоустраняющейся функциональностью и обосновывает необходимость применения ПГ к ней (*ibid.*: 56–58). В 3.3 обсуждается второй случай — когда практики изменяются. Кело предлагает решение трех ситуаций с помощью ПГ и описывает техники работы с ними (*ibid.*: 60, 63–68).

В четвертой главе Кело преследует цель доказать, что корни ПГ лежат в XVIII веке в философии Д. Юма, и обозначить его вклад. Из 4.1 мы узнаем, что у Юма есть причина для построения прагматической генеалогии — нужно найти мотив, приведший к появлению искусственной добродетели справедливости (*virtue of justice*) (*ibid.*: 73–74). В подглавах 4.2 и 4.3 Кело пересказывает Юма через призму ПГ и показывает, что тот выделяет как инструментальную ценность справедливости, так и не инструментальную (*ibid.*: 77–79, 84). Из 4.4 мы узнаем, что ПГ Юма показывает возможность возникновения неестественных для людей практик (*ibid.*: 88), а в 4.5 Кело перечисляет выгоды от использования «естественного состояния», которые демонстрирует Юм (*ibid.*: 89–91).

Пятая глава отведена ПГ у Ф. Ницше. В подглавах 5.1 и 5.2 говорится о его вкладе в метод ПГ — о введении историчности и распространении натурализма: Ницше считал, что концепции объяснимы с точки зрения их функций, а они — наших потребностей, которые обусловлены историческими обстоятельствами (*ibid.*: 106–107). В 5.3 Кело приводит

в пример две генеалогии Ницше: справедливости и правдивости (*truthfulness*), и говорит о его сходстве с английской функциональной генеалогией (Queloz, 2021: 109, 114). В 5.4 обсуждается продемонстрированная Ницше чувствительность ПГ к гипертрофированным концепциям (*ibid.*: 124), а в 5.5 говорится о том, что поздний Ницше выступал за сочетание функциональных гипотез с историзмом (*ibid.*: 126–127, 130).

Следующая, шестая глава, рассказывает о генеалогии концепции знания, предложенной Э. Крейгом. В первых двух подглавах 6.1 и 6.2 Кело обсуждает отправные точки этой ПГ, понятие информаторов и концепции прото-знания (*ibid.*: 140–141). В пункте 6.3 Кело объясняет, что, хотя эта прото-концепция является базовой, она также еще генеалогически примитивна и может быть проанализирована через динамическую модель (*ibid.*: 142). В результате процесса объективизации, то есть потери связи с субъективными потребностями и замены их общими, возникает «знание» (*ibid.*: 143–145). В подглаве 6.4 говорится о том, что объективизация сопровождается деинструментализацией (*ibid.*: 148–149). В 6.5 Кело перечисляет достоинства концепции Крейга, как более толерантной к вариациям (*ibid.*: 150–151, 153).

В седьмой главе речь идет о Б. Уильямсе и его концепции истины. Глава 7.1 раскрывает, что, согласно ПГ Уильямса, изначально люди ценят истину исходя из ее практической ценности (*ibid.*: 159), а 7.2 содержит в себе причины, по которым впоследствии у них появляется потребность в ее внутренней ценности (*ibid.*: 160–170). В 7.3 Кело доказывает, что Уильямс очень близок к кембриджским прагматистам, в 7.4 отвечает на критику К. Макгинна и в 7.5 указывает на сходство его взглядов с Ницше (*ibid.*: 176–177, 184–185, 188–189).

Восьмая и последняя глава про авторов посвящена М. Фрикер. Одно из ее новшеств состоит в том, что она рассматривает не «базовое» понятие, а один из его аспектов — идею эпистемического разделения труда в концепции истины Уильямса (*ibid.*: 192–193). Из 8.1 мы узнаем, что в таком случае, как это выяснила Фрикер, для концепции истины нужны не только хорошие информаторы, но и получатели (*ibid.*: 195). В 8.2 Кело пишет о решении Фрикер выбрать частичную деидеализацию и ввести в модель социально-политические обстоятельства для рассуждения на менее абстрактном уровне (*ibid.*: 197). Пункт 8.3 говорит о том, что Фрикер включила в генеалогию теорию ошибок, которая объясняет, почему КП не стала повсеместной несмотря на фундаментальность (*ibid.*: 200). В 8.4 Кело рассуждает о мелиоративной и объяснительной функции подхода Фрикер (*ibid.*: 201).

В девятой главе Кело рассматривает еще несколько проблем, связанных с ПГ, и доказывает, что на самом деле она с ними справляется: в 9.1 говорится о двух типах генетических ошибок, в 9.2 о необходимости генеалогической непрерывности, в 9.3 о проблеме опоры на универсальные потребности и в 9.4 о двух других более частных проблемах (Queloz, 2021: 213–214, 228, 236).

Последняя глава является скорее обобщающей. Она стоит из 10.1, объясняющей преимущества ПГ над сократическим вопросом, и 10.2, где говорится о том, что ПГ отлично вписывает философию в один ряд с другими гуманитарными дисциплинами и демонстрирует, как она может сотрудничать с ними (ibid.: 244–245).

Мы постарались отразить основные идеи Кело из каждой главы, но, конечно, нам приходилось опускать многие важные и интересные моменты. Как можно заметить, в течение всей книги Кело делает несколько вещей: (1) обсуждает различные параметры метода; (2) проводит границу между ПГ и другими подходами (концептуальным анализом, парадигмальным объяснением и др.), сравнивая их и выявляя преимущества ПГ; (3) отслеживает традицию ПГ, описывая элементы метода и его механизм работы у разных авторов. Все это в целом соответствует целям, которые Кело обозначил в самом начале.

И все же, книга вызывает многочисленные вопросы. Начнем с того, что, в отличие от преобладающей в вышедших рецензиях положительной оценки стиля и ясности изложения (Kugiasou, 2022; Hannon, 2023: 1186; Prescott-Couch, 2024: 370), нам текст Кело по нескольким причинам показался сложным для восприятия.

Во-первых, книга полна огромным количеством терминов, которые могут быть непонятны многим не погруженным в тему читателям. Большая часть из них касается генеалогического подхода, то есть тех же самых фактического, воображаемого и предположительного, оправдательного, разоблачающего и объяснительного типов, места и значения натурализма, инструментализма, функционализма, прямого и непрямого утилитаризма, цикличности, интеллектуализма, акуталистической и динамической интерпретации, проблемы преемственности (*continuity*), генетической ошибки (*genetic fallacy*) и многого другого. К этому можно добавить то, что метод ПГ сочетает в себе прагматизм и обратную концептуальную разработку, другие области философии, а также историю,

антропологию, социологию и т. д., каждый из которых имеет свой набор терминов — к примеру, практическая необходимость, пространство причин (*space of reasons*) и прочее. Иногда Кело разъясняет значение отдельных понятий, часть терминов понятна интуитивно, другая ясна из краткого описания генеалогических традиций в начале книги и других подобных мест. Однако это кажется недостаточным для составления систематического представления о методе и оценки важности всех измерений, о которых идет речь.

Во-вторых, в монографии обсуждается множество узких или связанных с другими работами проблем, которые требуют знания большого количества смежной литературы. Прежде всего, это касается выпедших не так давно книг Б. Уильямса, Э. Крейга и М. Фрикер, которым посвящены главы 6–8. Многие детали, обсуждаемые Кело в связи с этими публикациями, могут быть сложными для понимания, если читатель не знаком с первоисточниками. Помимо этого, Кело уделяет большое внимание сравнению ПГ с другими методами и защите ее от критики. К примеру, ПГ сопоставляется с эпистемологией «знание прежде всего» (*«knowledge-first» epistemology*) Т. Уильямсона, с объяснением, основанным на парадигме (*paradigm-based explanation*), сейчас поддерживаемым М. Фрикер, и др. Кело, конечно, излагает аргументы оппонентов и коротко поясняет их позицию, но это все еще весьма узкие проблемы, которые будут полностью понятны и интересны, наверное, только специалистам. Другими словами, книга во многом является частью современных дискуссий и предполагает знакомство читателя с ними.

В-третьих, некоторые вопросы вызвал порядок изложения. Например, первая глава содержит вполне нужную вводную информацию о том, как ПГ вписывается в традицию и что означают некоторые понятия. При этом, как нам кажется, Кело здесь несколько излишне начинает защищать ПГ и говорить о некоторых из ее преимуществ, тем самым нагружая читателя большим количеством фрагментарной информации. Несколько странной нам показалась и вторая глава, которая, судя по названию, должна быть целиком посвящена обратной разработке. Тем не менее, о *reverse-engineering*, в сущности, говорится только в 2.2 и отчасти в 2.5. По какой причине в этот раздел вошли главы про прагматизм, не редуктивный натурализм, нормативность ПГ и ее сочетаемость с другими подходами — не совсем понятно. Подобным образом вопросы возникают и к третьей главе, посвященной генеалогии. Прежде всего, странным кажется то, что случаи, в которых действительно эффективна ПГ, озвучиваются только в третьей главе. В начале книги

Кело оговорился, что впоследствии станет ясно, какие концепции он имеет в виду (Queloz, 2021: 4 п. 6), но ясно не стало. Кроме этого, Кело почему-то решает описать здесь, а не во второй главе, четыре разных способа осуществить обратную разработку, что тоже кажется несколько хаотичным.

В самом начале книги Кело говорит о том, что до выхода его книги оставалось неясным, в чем состоит метод ПГ, где его рамки и как он реализуется, несмотря на то, что примеры такого анализа существуют (ibid.: 17). Конечно, понятно, что своей задачей он видел внесение этой ясности. Однако, как нам кажется, в его повествовании не хватает какой-то линейности, поэтапного объяснения того, как работает метод и какие нюансы возникают на каждой ступени. Вместо этого в книге очень много скачков и ответвлений, которые, может, очень важны и занимательны, но мешают увидеть метод в целостности.

Насколько мы поняли, в общих чертах суть прагматической генеалогии состоит в следующем: составить модель «естественного состояния», определив какую-то потребность, которая бы вызвала возникновение прото-концепции, а затем постепенно деидеализировать ее, дополняя историческими фактами и тем самым избавляясь от абстракций, прийти к современной версии. Это позволит нам понять, как концепция трансформировалась до сегодняшнего вида, деинструментализовалась ли она, какова ее «внутренняя ценность», какие в ней недостатки, соответствует ли ее функция нашей потребности, требует ли она коррекции и т. д.

Однако, самые важные вопросы касаются самого метода прагматической генеалогии, точнее, его прагматической стороны: что он нам дает? какую пользу приносит и приносит ли вообще? имеет ли он практическое применение? Сомнения насчет всех этих вопросов возникают, во-первых, из-за слишком большой степени условности и субъективности, которая будет сопровождать исследователя, применяющего метод ПГ, на всех этапах: (1) самостоятельно придумать ситуацию «естественного состояния»; (2) решить, какая потребность приведет к появлению концепции; (3) определить модель прото-концепции; (4) произвольно отобрать исторические факты для ее деидеализации; (5) самому определить степень деидеализации; (6) выбрать момент и причину, когда прото-концепция станет нынешней концепцией; (7) выявить современные потребности в этой концепции; (8) оценить, подходит ли она нам и т. д. Из книги Кело осталось непонятным, на что человек должен

опираться при принятии всех этих решений — на что-то вроде собственного чутья? Другими словами, этому методу, кажется, очень не хватает строгости и более четких критериев.

Эта проблема проявляется также в том, что по итогу книги остался не очерченным круг концепций, к которым ПГ может быть применена. Кело пишет только о том, что это должны быть базовые, фундаментальные концепции, которыми люди «живут», но под эти критерии может попасть практически любая концепция, далеко не только истина, справедливость и знание. Например, справедливо спросить, можно ли применить ПГ к изучению понятий души, смерти и др., или они недостаточно фундаментальны? В чем вообще заключается фундаментальность: в простоте, первичности, универсальности? При этом в 9.4 Кело утверждает, что использование антропологических универсалий делает генеалогию ограниченной, и лучше обращаться к локальным потребностям, к конкретному контексту. Каков в таком случае критерий? И почему в один ряд с понятиями истины, справедливости и знания встает лояльность (*loyalty*), которую Кело приводит в пример при обсуждении концепций с самоустраняющейся функциональностью (Queloz, 2021: 56)? Применима ли ПГ, например, только к этическим концепциям? Если да, то как определить, что концепция этическая? Как мы видим, Кело следовало подробнее обсудить критерии того, какого типа объекты подходят для исследования в духе прагматической генеалогии, не только для придания строгости методу, но и для защиты его от критики.

Во-вторых, вызывает вопросы способность ПГ привести к по-настоящему неожиданным результатам, раскрыть нечто новое и важное. Прежде всего, непонятно, как преодолеть рамки своего привычного мышления, как не транслировать уже существующие убеждения на «естественное состояние» и всю последующую генеалогию, и, главное, нужно ли избегать этого? Сам Кело отвечает, что не обязательно (*ibid.*: 139), но тогда тем более загадочным остается то, какова цель всего предприятия помимо нормативности. Можно также увидеть определенную пользу в произвольных размышлениях о чем-либо в генеалогическом и прагматическом ключе — прийти к более точному пониманию значения тех или иных концепций лично для себя. В этом будет заключаться объяснительная функция ПГ. Но как оценить концепцию посредством такой ПГ, как получить свежий взгляд на нее?

Как мы видели, одна из главных идей Кело — задавать прагматические вопросы к концепциям, о которых обычно спрашивают «что

такое *X?*», тем самым получая новый ракурс. И, действительно, вопрос «зачем нам истина?» намного менее привычен, чем «что такое истина?», и правда может заставить задуматься. Однако выстраивание генеалогий вкупе с фокусировкой именно на прагматическом подходе в этом деле, как нам кажется, может не принести тех результатов, о которых пишет Кело.

В связи с большим количеством вопросов, которые вызывает у нас применение метода, нам представляется трудным самостоятельно провести даже небольшое исследование с использованием ПГ. По этой причине, чтобы проиллюстрировать наши сомнения относительно полезности этого подхода, рассмотрим пример исследования, выполненного, как нам кажется, аналогичным образом.

Возьмем работу современного исследователя Я. Бреммера, посвященную истории античного понятия «души» (*ψυχή*). Он полагает, что во времена Гомера в Древней Греции существовало два вида понятий: свободная «душа» (*ψυχή*) и телесные «души» (*θυμός, μένος, νόος* и др.). Так, говорит Бреммер, в доклассический период у греков не было понимания «души» как центра «сознания». Вместо этого были «души» отвечающие за разные функции (Bremmer, 2010: 12–14). Однако постепенно, ближе к классическому периоду, понятие *ψυχή* стало расширяться и «поглощать» телесные «души», образуя единство человека, а также оппозицию «душа-тело», приобретая черты вечности, нематериальности и т. д. (*ibid.*: 16). Бреммер полагает, что причиной стала трансформация общества из «примитивного» в полисное, в связи с чем культура стала более дифференцированной, и жизнь людей начала сосредотачиваться на частной сфере, а потому и на их *ψυχή* (*ibid.*: 22–23). Так, мы видим, что Бреммер объясняет появление новой концепции изменением внешних условий и возникновением потребности в идентификации себя с чем-то вроде «сознания» или центра «личности».

Такая трактовка развития концепции «души» в Античности, представляющая собой движение от многообразия к единообразию и от инструментальности к большей абстрактности, принимается многими исследователями. Смотря на нее, можно осторожно сказать, что Бреммер выстраивает «прагматическую»¹⁰ генеалогию концепции «души»,

¹⁰При этом, само по себе объяснение возникновения концепции, конечно, вряд ли имеет тот развитый прагматический вид, какой предполагается Кело, но в целом оно отвечает на вопрос «зачем» и отталкивается именно от него.

предполагая сначала некоторое примитивное, как он сам говорит, состояние, а затем деидеализируя модель и изменяя ее под соответствующие исторические обстоятельства и потребности (Vremmer, 2010: 13).

Все это действительно могло иметь место, но эта генеалогия, так же как и все то, о чем говорит Кело, вызывает настороженность. Так ли она полезна для нас, не ограничивает ли наш взгляд, не сводит ли все к одной линии развития, игнорируя многообразие? Кело пишет о том, что ПГ нередуктивна, отслеживает все признаки, в том числе выделяемые другими видами анализа, учитывает разнообразие, исключения и контрпримеры (Queoz, 2021: 27–31, 36), но трудно понять, как именно ей это удастся. К примеру, такая теория единой линии развития «души» в последнее время встречает критику, и исследователи, отклоняясь от нее, все чаще обращают внимание на неожиданные и индивидуальные черты этого понятия у разных философов¹¹. Тем временем все генеалогии, которые приводил Кело, будь то генеалогия Юма, Ницше или Крейга, были линейными, отвечали на какую-то одну потребность, то есть раскрывали концепцию с одной стороны, и к тому же обладали нормативностью. Как все эти условия могут открыть глаза на нечто, раньше остававшееся незамеченным, а не к утверждению своего изначального взгляда¹²?

Помимо этого, так ли много для нас может сделать прагматический подход, если зачастую он сводится к построению построению предположений о наших потребностях в социо-политическом, психологическом или антропологическом ключе? Приведем еще один, вероятно, не очень корректный, но отображающий смысл пример рассуждений

¹¹К примеру, есть исследователи, которые оспаривают «бессмертие» как одну из главных, согласно теории Времмера о линейном развитии понятия, черт ψυχή. Так, А. Лонг полагает, что у Эмпедокла слово ἀθάνατος означает скорее продолжительное существование в течение конечного периода (Long, 2017: 2, 9, 17). С. Трепанье говорит о том, что идея «бессмертной» ψυχή и вовсе не могла быть приемлемой для Гераклита, считавшего это привилегией только особо избранных (Trépanier, 2021: 27). Спорным является и то, насколько можно говорить о едином движении к выстраиванию оппозиции «души» и «тела». Так, Ф. Хорки, вопреки общепринятому мнению, предполагает, что ψυχή у пифагорейцев могло быть «атомарным» (Horky, 2021: 44, 51, 54, 61), а С. Трепанье рассматривает δαίμων Эмпедокла, часто считающийся аналогом ψυχή, в качестве одной из частей «тела» (Trépanier, 2021: 32).

¹²Подобные вопросы задает и К. Кириаку (Kiriakou, 2022). О том, что прагматический вопрос Кело не помогает нам достигнуть понимания того, какой концепция должна быть, пишет А. Прескотт-Коуч (Prescott-Couch, 2024: 374).

Я. Бреммера о происхождении древнегреческой концепции метемпсихоза (μετεμψύχωσις), традиционно понимаемого как переселение душ. Так, обращаясь к социо-политическому контексту, Бреммер говорит, что эта концепция могла возникнуть, так как отвечала потребностям аристократии (Bremmer, 2010: 20). Он приводит несколько аргументов в пользу этого утверждения: (1) концепция метемпсихоза могла стать одним из проявлений стремления аристократов обрести «вечную славу» и память; (2) быть вызвана потерей ими политической власти и потребностью найти новый вид деятельности, что вылилось в организацию религиозных секты; (3) желанием найти новый способ показать свою исключительность с помощью следования особым правилам, которые подразумевает учение о метемпсихозе и др. (ibid.: 20, 22). Все эти причины могли существовать в реальности, но что нового и важного мы извлекаем из такого объяснения? Можно ли развить из этих потребностей развить прагматические генеалогии? К чему можно прийти в итоге? Это открытые вопросы, которые еще могут быть исследованы в будущем.

Мы также хотели бы, в-третьих, понять, почему воображаемую прагматическую генеалогию так необходимо строить из «естественного состояния»? Почему нельзя создать такую же произвольную и простую модель, но без ассоциаций с «естественным состоянием», которое автоматически наводит на мысли о примитивности, упрощении и т. д.? Перечисленные Кело в 4.5 выгоды от использования этой модели, как нам кажется, подходят и для любой другой: (1) она ясно и просто представляет проблему, которую решает КП; (2) разделяет слитное, выделяя отдельные параметры; (3) показывает, как параметры меняются и как КП зависит от случайных факторов (Queloz, 2021: 89–91)¹³.

Это всего лишь часть вопросов, которые возникали у нас во время прочтения, и мы сосредоточились только на самых простых и очевидных из них, не касаясь куда более тонких проблем. Тем не менее, нам было важно их обсудить, чтобы ответить на главный вопрос, удалось ли Кело дать достаточно полное описание метода и убедить его применять? Как нам кажется, Кело действительно проделал большую работу по тому, чтобы выявить общие черты у разных философов, систематизировать их и привить общую терминологию, описать проблемные места, но при этом недостаточно объяснил механизм работы метода и, возможно, не так подробно проговорил некоторые моменты. По этим причинам,

¹³Скептическое отношение к использованию «естественного состояния» высказал и А. Прескотт-Коуч в своей рецензии: Prescott-Couch, 2024: 376–377, 379.

метод прагматической генеалогии не производит того впечатления, что стремился создать Кело, и вместо этого оставляет ощущение скепсиса, вызванное непониманием того, как можно достигнуть описанных выгод на практике.

В заключение можно сказать, что книга М. Кело, касающаяся огромного количества методологических тем и проблем, связанных с изучением концепций, может оказаться крайне интересной для специалистов, особенно в области философской методологии в целом, аналитической философии, метафилософии, генеалогии, концептуальной инженерии и т. д. Тем не менее, более широкому кругу читателей ее рекомендовать трудно, главным образом, из-за большого количества терминологии и узости рассматриваемых тем. Книга, вероятно, также будет мало полезной для исследователей-практиков, поскольку метод достаточно громоздкий, описан недостаточно строго и почти не содержит готовых инструментов для анализа. Монография Кело является, прежде всего, вкладом в дискуссию, которая существовала и раньше, и особенно активно разворачивается сегодня, а также имеет историографическую ценность, поскольку предлагает взглянуть на уже имеющуюся литературу под новым углом.

ЛИТЕРАТУРА

- Уотмор Р.* Что такое интеллектуальная история? / пер. с англ. Н. Эдельмана. — М. : Новое литературное обозрение, 2023.
- Bremmer J. N.* The Rise of the Unitary Soul and Its Opposition to the Body. From Homer to Socrates // *Philosophische Anthropologie in der Antike* / ed. by L. Lansen, C. Jedan. — Berlin, Boston : De Gruyter, 2010. — P. 11–29.
- Cappelen H., Plunkett D.* Introduction : A Guided Tour of Conceptual Engineering and Conceptual Ethics // *Conceptual Engineering and Conceptual Ethics* / ed. by A. Burgess, H. Cappelen, D. Plunkett. — Oxford : Clarendon Press, 2020. — P. 1–26.
- Chalmers D. J.* What is Conceptual Engineering and What Should It Be? // *Inquiry*. — 2020. — Vol. 64, no. 1. — P. 1–18.
- Collini S.* The Identity of Intellectual History // *A Companion to Intellectual History* / ed. by R. Whatmore, B. Young. — Chichester : Wiley-Blackwell, 2016. — P. 7–18.
- Craig E.* Genealogies and the State of Nature // *Bernard Williams* / ed. by A. Thomas. — Cambridge : Cambridge University Press, 2007. — P. 181–200.
- Dogramaci S.* Reverse Engineering Epistemic Evaluations // *Philosophy and Phenomenological Research*. — 2012. — Vol. 84, no. 3. — P. 513–530.

- Hannon M.* What's the Point of Knowledge? A Function-First Epistemology. — New York : Oxford University Press, 2019.
- Hannon M.* The Practical Origins of Ideas, by Matthieu Queloz // *Mind*. — 2023. — Vol. 132, no. 528. — P. 1185–1193.
- Horky P. S.* Pythagorean Immortality of the Soul? // *Immortality in Ancient Philosophy* / ed. by A. G. Long. — New York : Cambridge University Press, 2021. — P. 41–65.
- Isaac M. G., Koch S., Nefdt R.* Conceptual Engineering : A Road Map to Practice // *Philosophy Compass*. — 2022. — Vol. 17, no. 10. — P. 1–15.
- Kail P. J. E.* The Practical Origins of Ideas : Genealogy as Conceptual Reverse-Engineering / *Notre Dame Philosophical Review*. — 2021. — URL: <https://ndpr.nd.edu/reviews/the-practical-origins-of-ideas-genealogy-as-conceptual-reverse-engineering/> (visited on Aug. 8, 2024).
- Kyriacou C.* Matthieu Queloz, the Practical Origins of Ideas. Oxford, United Kingdom: Oxford University Press, 2021. ISBN: 9780198868705, £72, Hbk. J Value Inquiry (2022) / SpringerLink. — 2022. — URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10790-022-09919-0> (visited on Aug. 8, 2024).
- Lightbody B.* Reconstructing Philosophical Genealogy from the Ground Up : What Truly Is Philosophical Genealogy and What Purpose Does It Serve? // *Genealogy*. — 2023. — Vol. 7, no. 4. — P. 1–20.
- Long A. A.* Immortality in Empedocles // *Apeiron*. — 2017. — Vol. 50, no. 1. — P. 1–20.
- Lovejoy A.* Reflections on the History of Ideas // *Journal of the History of Ideas*. — 1940. — Vol. 1, no. 1. — P. 3–23.
- McMahon D. M.* The Return of the History of Ideas? // *Rethinking Modern European Intellectual History* / ed. by D. M. McMahon, S. Moyn. — Oxford : Oxford University Press, 2014. — P. 13–31.
- Novaes D.* Genealogies and the State of Nature // *Beyond the Analytic-Continental Divide* / ed. by J. A. Bell, A. Cutrofello, P. M. Livingston. — New York : Routledge, 2016. — P. 75–108.
- Prescott-Couch A.* The Philosopher as Reverse-Engineer // *Analysis*. — 2024. — Vol. 84, no. 2. — P. 368–384.
- Queloz M.* The Practical Origins of Ideas : Genealogy as Conceptual Reverse-Engineering. — Oxford : Oxford University Press, 2021.
- Ratcliffe J.* Genealogy : A Conceptual Map // *European Journal of Philosophy*. — 2024. — Vol. 32, no. 1. — P. 1–22.
- Trépanier S.* The Soul and the Celestial Afterlife in Greek Philosophy Before Plato // *Immortality in Ancient Philosophy* / ed. by A. G. Long. — New York : Cambridge University Press, 2021. — P. 12–40.
- Williams B.* Truth and Truthfulness : An Essay in Genealogy. — Princeton : Princeton University Press, 2002.

Zainullina, S. S. 2024. "Metodologicheskii sintez v filosofii [Methodological Synthesis in Philosophy]: retsenziya na knigu Matt'ye Kelo ob ob'yedinenii genealogii, pragmatizma i kontseptual'noy inzhenerii [A Review of a Book by Matthieu Queloz on the Integration of Genealogy, Pragmatism, and Conceptual Engineering]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (3), 401–418.

SYUMBEL ZAINULLINA

BA STUDENT

INSTITUTE FOR ORIENTAL AND CLASSICAL STUDIES

HSE UNIVERSITY (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0009-0001-6814-9093

METHODOLOGICAL SYNTHESIS IN PHILOSOPHY

A REVIEW OF A BOOK BY MATTHIEU QUELOZ ON THE INTEGRATION OF GENEALOGY, PRAGMATISM, AND CONCEPTUAL ENGINEERING

QUELOZ, M. 2021. *THE PRACTICAL ORIGINS OF IDEAS: GENEALOGY AS CONCEPTUAL REVERSE-ENGINEERING*. OXFORD: OXFORD UNIVERSITY PRESS

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-401-418.

REFERENCES

- Bremmer, J. N. 2010. "The Rise of the Unitary Soul and Its Opposition to the Body. From Homer to Socrates." In *Philosophische Anthropologie in der Antike*, ed. by L. Lansen and Ch. Jedan, 11–29. Berlin and Boston: De Gruyter.
- Cappelen, H., and D. Plunkett. 2020. "Introduction: A Guided Tour of Conceptual Engineering and Conceptual Ethics." In *Conceptual Engineering and Conceptual Ethics*, ed. by A. Burgess, H. Cappelen, and D. Plunkett, 1–26. Oxford: Clarendon Press.
- Chalmers, D. J. 2020. "What is Conceptual Engineering and What Should It Be?" *Inquiry* 64 (1): 1–18.
- Collini, S. 2016. "The Identity of Intellectual History." In *A Companion to Intellectual History*, ed. by R. Whatmore and B. Young, 7–18. Chichester: Wiley-Blackwell.
- Craig, E. 2007. "Genealogies and the State of Nature." In *Bernard Williams*, ed. by A. Thomas, 181–200. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dogramaci, S. 2012. "Reverse Engineering Epistemic Evaluations." *Philosophy and Phenomenological Research* 84 (3): 513–530.
- Hannon, M. 2019. *What's the Point of Knowledge? A Function-First Epistemology*. New York: Oxford University Press.
- . 2023. "The Practical Origins of Ideas, by Matthieu Queloz." *Mind* 132 (528): 1185–1193.
- Horky, P. S. 2021. "Pythagorean Immortality of the Soul?" In *Immortality in Ancient Philosophy*, ed. by A. G. Long, 41–65. New York: Cambridge University Press.
- Isaac, M. G., S. Koch, and R. Nefdt. 2022. "Conceptual Engineering: A Road Map to Practice." *Philosophy Compass* 17 (10): 1–15.
- Kail, P. J. E. 2021. "The Practical Origins of Ideas: Genealogy as Conceptual Reverse-Engineering." *Notre Dame Philosophical Review*. Accessed Aug. 8, 2024. <https://ndpr.nd.edu/reviews/the-practical-origins-of-ideas-genealogy-as-conceptual-reverse-engineering/>.
- Kyriacou, Ch. 2022. "Matthieu Queloz, the Practical Origins of Ideas. Oxford, United Kingdom: Oxford University Press, 2021. ISBN: 9780198868705, £72, Hbk. J Value Inquiry

- (2022).” SpringerLink. Accessed Aug. 8, 2024. <https://link.springer.com/article/10.1007/s10790--022--09919--0>.
- Lightbody, B. 2023. “Reconstructing Philosophical Genealogy from the Ground Up: What Truly Is Philosophical Genealogy and What Purpose Does It Serve?” *Genealogy* 7 (4): 1–20.
- Long, A. A. 2017. “Immortality in Empedocles.” *Apeiron* 50 (1): 1–20.
- Long, A. G., ed. 2021. *Immortality in Ancient Philosophy*. New York: Cambridge University Press.
- Lovejoy, A. 1940. “Reflections on the History of Ideas.” *Journal of the History of Ideas* 1 (1): 3–23.
- McMahon, D. M. 2014. “The Return of the History of Ideas?” In *Rethinking Modern European Intellectual History*, ed. by D. M. McMahon and S. Moyn, 13–31. Oxford: Oxford University Press.
- Novaes, D. 2016. “Genealogies and the State of Nature.” In *Beyond the Analytic-Continental Divide*, ed. by J. A. Bell, A. Cutrofello, and P. M. Livingston, 75–108. New York: Routledge.
- Prescott-Couch, A. 2024. “The Philosopher as Reverse-Engineer.” *Analysis* 84 (2): 368–384.
- Queloz, M. 2021. *The Practical Origins of Ideas: Genealogy as Conceptual Reverse-Engineering*. Oxford: Oxford University Press.
- Ratcliffe, J. 2024. “Genealogy: A Conceptual Map.” *European Journal of Philosophy* 32 (1): 1–22.
- Trépanier, S. 2021. “The Soul and the Celestial Afterlife in Greek Philosophy Before Plato.” In *Immortality in Ancient Philosophy*, ed. by A. G. Long, 12–40. New York: Cambridge University Press.
- Whatmore, R. 2023. *Chto takoye intellektual'naya istoriya? [What Is Intellectual History?]* [in Russian]. Trans. from the English by N. Edel'man. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Williams, B. 2002. *Truth and Truthfulness: An Essay in Genealogy*. Princeton: Princeton University Press.

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

КОНФЕРЕНЦИИ, КОНГРЕССЫ, СИМПОЗИУМЫ

ACADEMICAL LIFE

Даниил Вишняков, Николай Слобода*

ПЯТЫЕ БИВИХИНСКИЕ ЧТЕНИЯ**

ОБЗОР ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-421-438.

ВСТУПЛЕНИЕ

27–29 июня 2024 года в г. Бежецке прошла Всероссийская конференция с международным участием, посвященная осмыслению наследия выдающегося советско-российского философа Владимира Вениаминовича Бибихина. Чтения, посвященные памяти одного из самых известных и неординарных отечественных мыслителей, проходили уже в пятый раз. Мероприятие вновь объединило философов, психологов и культурологов из разных городов России и мира. В организации конференции приняли участие Школа философии и культурологии НИУ ВШЭ совместно с Саратовской православной духовной семинарией, Казанским инновационным университетом им. В. Г. Тимирязова и Бежецкой центральной районной библиотекой им. В. Я. Шишкова, традиционно предоставляющей площадку для проведения заседаний секций.

Помимо состоявшихся и опытных исследователей в конференции приняли участие студенты бакалавриата и магистратуры, а также аспиранты. Все участники отметили высокий уровень докладов молодых исследователей. Участниками конференции были не только члены академического сообщества, но и независимые исследователи, чьи доклады

*Вишняков Даниил Алексеевич, младший научный сотрудник, Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН (Москва), kustoprav@yandex.ru, ORCID: 0009-0000-0213-7076; Слобода Николай Михайлович, стажер-исследователь, Научно-учебная лаборатория трансцендентальной философии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), nsloboda7@gmail.com, ORCID: 0009-0008-3367-071X.

**© Вишняков Д.; Слобода Н. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: статья подготовлена в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

по масштабу и актуальности мысли соответствовали высоким требованиям академической дискуссии. Присутствие «под одной крышей» экспертов из различных областей знания позволило расширить не только теоретический, но и историко-биографический, культурологический и даже литературный аспекты изучения философских идей Владимира Вениаминовича.

Важным событием не только для хода конференции, но и для всей отечественной гуманитарной среды стала презентация книги А. В. Михайловского (НИУ ВШЭ) «Маятник модерна: дискуссии о технике в Германии» (Михайловский, 2024). Монография, посвященная истории немецкой философии техники XX века вобрала в себя объемные аналитические разборы ключевых философских и культурологических подходов к пониманию техники как феномена не только научной, но и социальной (и во многом экзистенциальной) реальности. Список авторов (М. Хайдеггер, Э. Юнгер, Ф. Дессауэр, Г. Гюнтер, Л. Клагес — и это лишь часть) не ограничивается исключительно немецкоязычными исследователями; некоторые параграфы работы разрабатывают бибихинскую концепцию техники.

За последние несколько лет на Чтениях сформировалась определенная дискуссия вокруг бибихинского «вопроса о технике», а презентация работы Александра Михайловского стала своеобразным промежуточным итогом этих обсуждений. Более того, важно подчеркнуть, что философия техники — не единственная проблема, интересовавшая участников конференции. Помимо общетеоретических изысканий, а также интеллектуально-биографических аспектов, докладчики представили свои размышления по широкому спектру тем бибихинского наследия. Таким образом, Чтения памяти Владимира Вениаминовича вновь подтверждают — творческое наследие Бибихина занимает свое место в общих дискуссиях интеллектуального ландшафта, а не изолируется в-себе-самом, становясь периферийной областью мысли.

ЖИВАЯ МЫСЛЬ БИБИХИНА:

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И АКТУАЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ

И. В. Макарова (НИУ ВШЭ) в своем докладе «„Скрытое золото логоса“. Гераклит Бибихина» затронула ключевой вопрос философии — что есть философия? Протянув нить мысли от Гераклита к В. В. Бибихину и обратно, она предложила мыслить о самом Бибихине по-гераклитовски, что, конечно же, предполагает также обращение к самой стихии мышления. Апеллируя к критике классического историко-философского

подхода, Макарова, вслед за Бибихиным, указывает на неполноту представления о «понимании» как о подчинении, узнавании своего. Логос Гераклита — то, чем живет все живое и разумное. Он с нами, вокруг нас и в нас, являясь всеобщим, к которому не нужно проделывать особый путь. «Общее» Гераклита может быть противопоставлено мнимому «общему» большинства. Оно не является результатом выбора или предметом спора, но поражает подобно неуловимой и отличной от самой себя молнии, чье передвижное присутствие пронизывает мир и человеческое существо, не предписывая последнему рамок, но принуждая к выходу из них. Свет скрытого золота логоса, пронизывающего мышление Гераклита и В. Биbihина, открывает философию не как освоение мира, но как допущение ему быть таким, какой он есть.

М. А. Богатов (СГУ им. Чернышевского) в докладе «Что значит мыслить: версия Биbihина» подбирается к загадке мышления, подчеркивая, что Биbihин не проблематизирует призыв к мышлению, но разносторонне исследует сам его позыв. Своим докладом он ставит вопрос — что вызывает мысль? Кажется, что эта проблема может быть развита в двух направлениях: пассивном (и тогда мысль призывается чем-то большим, чем она есть) и активном (и тогда мысль призывает или подчиняет то, к чему она обращается). Но дуалистический подход Биbihин находит крайне несостоятельным, а потому Богатов, вслед за ним, предлагает иной способ интерпретации ключевого вопроса, апеллируя к одному из сюжетов лекционного курса «Язык философии». Он обращает внимание на перевод В. Биbihина крайне важного фрагмента из книги Аристотеля «Об истолковании», который на древнегреческом языке звучит как «τὰ ἐν τῇ φωνῇ τῶν ἐν τῇ ψυχῇ παθημάτων σύμβολα». Биbihин переводит его как «то, что в звуке, — символы состояний, которые в душе» (Биbihин, 2007). Ответ на призыв к мышлению (язык, речь, мысль) производится для того, чтобы дополнить до целостности происходящее в душе. Не отвечать на призыв к мышлению невозможно, так как мысль всегда уже обнаруживает свое наличие, но достижение целого, вместе с тем, не носит характер окончательности, а потому возможно многообразие способов ответа на этот призыв. Между мыслью и тем, что происходит в душе, обнаруживается непреодолимый зазор, а потому мысль *бесподобно* дополняет целое. Их отношение не соответствует отношению бытия и сущего, топики и метрики, но является самим *событием мысли*, к которому, впрочем, мы всегда уже опоздали.

Д. А. Павлова (СГМУ им. Разумовского) развивает анализ интеллектуальных построений Аристотеля и Бибихина, усмотрев в антропологической мысли последнего три состояния человека, изложенных ею в докладе «Положение человека в мысли Х. Арендт и В. Бибихина». Первый человек кричит о помощи, выбрасывая бумажку из своего автомобиля. Он ищет куда себя деть, чему отдалиться, лишь бы никогда с собой не встретиться, являясь при этом субъектом, которому подвластны все объекты. Второй человек совершенен, поскольку он все понял, а значит он принял решение о своем положении, уже куда-то дел себя. Третий человек лишь делает шаг навстречу мысли, которая представляет собой неизвестность. Бибахин пишет:

Когда человек бросает зерна в черную землю, это пока не хорошо и не плохо, а только страшно ответственно: погубил все зерно или наоборот спас? Отчаяние само по себе не грех, а один из вечных краев человеческого бытия (Бибахин, 1998: 293).

Жизнь третьего мыслится как столкновение с миром. Человек особенным образом относится к нему, он понимает, что находится в мире как он есть, в целом. Он не выбирает форму своего существования, но обнаруживает ее как стремление, присущее всему сущему. Третий человек, человек В. Бибихина, — воплощение созерцательного образа жизни Аристотеля. Он обладает открытостью к миру как к целому, существующему по законам, которые не могут быть даны в качестве объектов, у него есть сознание смертности, а также понимания полноты. Впрочем, Бибахин не может определить этого человека ни негативно, ни положительно, поскольку тот представляет собой воплощение идеи золотой середины Аристотеля.

Определенное отношение к целому с необходимостью предполагает особенное представление о ничто. Джефф Лав (*Northwestern University*) в докладе «О небытии у Бибихина» обращается к понятию чистого присутствия, развитого в работе А. Кожева «Атеизм» (Кожев, 2006). Совершенно неопределенная открытость, характеризующая понимание истины не в качестве соответствия между разумом и вещью (*adaequatio intellectus et rei*), но как само условие возможности их встречи, не позволяет провести разделения между атеистом, утверждающим отсутствие Бога, и теистом, видящим божественное без атрибутов. В таком случае, у философа остается две возможности: встать на позицию исчерпывающей рациональности, отказавшись от идеи «открытости»,

или остаться на позиции «физической открытости», которая не позволяет нам сделать окончательного утверждения о познаваемости мира разумом. Понимание ничто, по мысли Дж. Лава, характеризует принципиальное расхождение философских идей В. Биbihина и М. Хайдеггера. Именно стараниями последнего сместился ключевой вопрос посткантовской философии о возможности существования отношения между разумом и вещью в область самого события их встречи. Хайдеггер подчеркивает, что существо истины раскрывается как свобода, поскольку она сопротивляется детерминации определенности, а потому она есть неопределенность. Открытость оказывается чистой возможностью или изначальном ничто. В философии Биbihина, напротив, содержится идея веры, доверия к тому, что есть. В третьей лекции цикла «Лес» В. Биbihин говорит об открытии себя себе и миру через непрестанную молитву, дающую доступ к тому, что было скрыто (Биbihин, 2011). Можно сказать, что В. Биbihин выступает за открытое через отношение к сущему. В той мере, в которой мы встречаемся с сущим только через нашу заботу о сохранении себя, мы глубоко слепы к внутренней полноте последнего. Молитва — совершенно иной способ жизни, стремление к свободе от физической необходимости как к первичному признанию и принятию этой необходимости, а потому взгляд на бытие В. Биbihина усматривает полноту, когда взгляд М. Хайдеггера — пустоту.

Лекционный курс «Лес» также попал в центр внимания Н. М. Слободы (НИУ ВШЭ), который прочитал доклад «Концепт „леса“ В. Биbihина как инструмент феноменологии». Докладчик произвел ревизию феноменологических проблем: понятие горизонта, в силу особенностей которого никогда не данный, но по большей части предвосхищаемый мир оказывается коррелятом согласованного опыта; невозможность полной редукции; несовпадение с самим собой «живого настоящего»; различие дескрипции и анализа в феноменологическом исследовании. В условиях постфеноменологической топики, согласно идее докладчика, «лес» Биbihина, понятый по отношению к тому, кто к нему приближается, является удачным регулятивным концептом, имплицитно включающим вышеперечисленные феноменологические интуиции. Лес оказывается пространством несовпадения, неметрической топики, а потому опыт леса — *странный* опыт, не поддающийся прямой дескрипции. Лес — пространство возможности невозможного, существования нетождественного. Обращаясь к терминологии М. Ришира, лес мерцателен, как мерцательны феномены. Другое немаловажное понятие, использованное Биbihиным в этом же курсе лекций, — «внимание» (оно

же «молитва», упомянутая в докладе Дж. Лава). Несмотря на то что внимание и лес являются полярными противоположностями, все же их совпадение возможно. Совпадение «внимания» и «леса» образует странность опыта феноменологического мышления. Чувство странности и двусмысленности оборачивается основным мотивом феноменологической практики, а приближение к лесу — актом осуществления смысла в феноменологическом регистре.

Доклад Г. П. Куприянова (НИУ ВШЭ) «Хайдеггер А. Г. Дугина *vs* Хайдеггер В. В. Бибихина: точки соприкосновения», посвященный сравнению интерпретаций философских идей М. Хайдеггера в работах В. Бибихина и А. Дугина, поставил проблему перевода в философии. Так, В. Бибихин в статье «К проблеме определения сущности перевода» пишет об отсутствии объективного критерия между переводом и авторским творчеством, а потому он сознательно занимает позицию, предполагающую отсутствие разделения между его мыслью и мыслью читаемого им автора. Таким образом В. Бибихину удается перенести фокус с автора на саму мысль. Для Бибихина, М. Хайдеггер осуществляет дело всякого человека, а потому он становится чистым присутствием дела мира, дела собирания целого. Бибихин воспринимает свое мышление как продолжение мысли Хайдеггера в смысле продолжения мышления о бытии. Дугин также представляет свое мышление в качестве продолжения мысли Хайдеггера, однако он, рассматривая М. Хайдеггера как финальную точку западноевропейской философии, переносит сам метод его мышления на почву русской философии и социально-исторической действительности. Своим докладом Г. Куприянов поднял проблему возможности различения перевода и творчества, интерпретации и эксплуатации, а также обратил особенное внимание на неоднозначность сравнения А. Дугина и В. Бибихина в вопросе прочтения М. Хайдеггера через отношение жесткой оппозиции или комплементарного представления о едином «русском» Хайдеггере.

БИБИХИН КАК ФИЛОСОФ ТЕХНИКИ: НА СТЫКЕ ОНТОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ

И. И. Павлов (НИУ ВШЭ) в докладе «Владимир Бибихин как философ техники» пришел к выводу, что все стратегии его мышления о технике объединяет концепт амехании. Амехания — определенный способ быть, определенная практика мышления, практическая феноменология. В. Бибихин настаивает на том, что техника — нечто экзистенциально

строгое. Он критикует не технику и технические изобретения, а использующее технику мышление, предлагая, вслед за М. Хайдеггером, в качестве альтернативы идею τέχνη, объединяющую технику и искусство. Но, в отличие от М. Хайдеггера, Биbihин оценивает технику скорее позитивно, осуществляя три стратегии мышления о ней: (1) узнавание Своего в природе в курсе «Лес»; (2) осуществление исторической генеалогии науки; (3) внимание к искусству и поэзии, открывающее способ мышления о технике, альтернативный критикуемому Биbihиним мышлению. Отличие от философии техники Хайдеггера становится более понятным при внимании ко второй стратегии, внутри которой Биbihин, обращаясь к итальянскому Ренессансу и к опыту Леонардо да Винчи, настаивает на возможности развития науки и техники из аутентичной установки. Все три стратегии оказываются объединенными амеханией. При этом, Биbihин реализует идею амехании применительно к философии в двух смыслах: рассматривая философию в качестве строительных лесов, которые должны разобрать сами себя, дав место самим вещам; утверждая наличие аутентичного способа речи, когда сам философствующий субъект оказывается, скорее, медиатором подлинного дискурса. Илья Павлов подчеркнул парадокс амехании, вызванный необходимостью применения амехании к Другому самой философии. Он также указывает на отсутствие конфликта между «амеханической интерпретацией» Биbihина и классической аналитико-философской интерпретацией Л. Витгенштейна. Последний более четко проводит различие именуемого и неименуемого, выразимого и невыразимого, стирая область привилегированного дискурса. Внутри представленной интерпретации философии В. Биbihина мы можем компенсировать парадокс амехании, не повторяя нарушения ее логики по отношению к своему Другому, а значит, быть открытыми как при анализе истории и современности, так и в своем мышлении к многообразию различных логик и дискурсов, применению методов других наук.

А. В. Михайловский (НИУ ВШЭ) подробно рассмотрел особенности рефлексии В. Биbihина о технике с учетом генеративной специфики (специфики поколения), а также поколенческой интеллектуальной динамики в докладе «Рефлексия Биbihина о технике: между технократизмом и энвайронментализмом». Александр Михайловский предложил два подхода к осмыслению техники: проактивный («технооптимизм») и компенсаторный («технопессимизм»). Взяв на вооружение эти две парадигмы, он применил их к рефлексии Биbihина о прогрессе и научно-технической цивилизации. Докладчик отметил, что начавшееся в 1950-е

годы активное развитие кибернетики в Советском союзе приводит к господству в 1960–70-е годы «проактивной», технократической парадигмы. Как показывают отдельные записи этих лет (Бибихин, 2022), несмотря на отстраненность и кажущуюся нейтральность Бибихина по отношению к технике в 70-е годы, он в значительной степени вписывается в «проактивную» парадигму, а его интеллектуальной настройкой можно сопоставить с децизионизмом и активизмом М. Хайдеггера, а также интеллектуальными разысканиями Н. Бердяева в 1920–30-е гг. Второй период творчества (конец 1970-х — начало 1980-х) связан с появлением первых переводов работ М. Хайдеггера, выполненных Бибихиным. В этот период Владимир Вениаминович не предлагает самостоятельных философских высказываний в отношении техники, однако объемные примечания к переводам позволяют ему использовать М. Хайдеггера в качестве своего альтер-эго, развивая диагноз нигилистической современности, воплотившейся в идее того, что усилие активизма приводит к экспансии использующего технику мышления. Статья 1987 года «Философия и техника» (Бибихин, 2003) является симптомом «компенсаторной» фазы. За техникой обнажается технократический императив, но, вместе с тем, подчеркивается особая роль техники в развитии подлинно философского мышления. В. Бибихин демонстрирует типичные элементы культуркритического дискурса, осуществляя критику инструментальной трактовки техники. В начале 1990-х технопессимистическая фаза подходит к концу. В конце 1990-х годов В. Бибихин возвращается к технооптимистической установке, отчасти парадоксально исключая «проактивные» элементы. В курсе «Лес» он рассматривает технику как самонастраивающийся автомат, а потому феномен технического прогресса раскрывается в способ борьбы за выживание, как проявление живого.

Обобщая, необходимо отметить, что В. Бибихина нельзя назвать философом техники, но все же в его лекциях и статьях содержится рефлексия об основах научно-технической цивилизации, проявляясь в его размышлениях о мире, захваченности, амехании, Другом начале, Лесе.

Е. С. Петриковскую (ИФРАН) заинтересовала парадоксальная концепция человека как живого (наделенного спонтанностью) автомата, встроенного в мировой автомат, она проанализировала размышления В. Бибихина о человеческой природе и ее проявлениях в контексте дискуссий о «повороте к антропологии» в зарубежной и отечественной философии. В докладе «„Софийный автомат“ и основные феномены

человеческого бытия» она призвала увидеть последовательность и неизменную верность В. Бибихина следующему ряду тем: неприступность человека; его отрешенность (модусы отрешенности и путь к ней); самозабвенная захваченность миром против бодрствующего самосознания, невозможность мировоззрения, простота взгляда и полнота видения.

Самопознание, философия человека для Бибихина — не мертвая тема; он занят «разбором завалов мысли» в этой области. Поворот к антропологии в философии означал поиск новых подходов к онтологии человеческого существования. Углубляя наше понимание методологии Витгенштейна, Бибихин показал, как она может быть применена к решению важных философских проблем. Е. Петриковская, анализируя работу В. Бибихина «Витгенштейн: смена аспекта» (Бибихин, 2005), выделила следующие особенности метода антропологии в онтологическом ключе: описания не служат намеками на объяснения; видение вещей определяет их описание, словоупотребление, а философы способны изменить это видение; описываются простейшие данности, которые всегда с нами так, что мы давно перестали их замечать; призыв не искать за феноменами сущности; работа с человеческим присутствием; возможность выйти из автоматизма (философской) деятельности; достижение снятия противоположности человека и мира.

Исследователь предположила, что Бибихин исходит из витгенштейновского понимания, предполагающего задачу философии не в создании всеохватывающих систем и мировоззрений, а в критике и выявлении недостаточности всех попыток такого рода. Она также подчеркнула актуальную проблему современного отечественного академического сообщества — игнорирование сказанного В. Бибихиным о философии Л. Витгенштейна.

БИБИХИН И РУССКАЯ МЫСЛЬ: ГЕНЕЗИС, СТАНОВЛЕНИЕ И РЕЦЕПЦИЯ

А. А. Гравин (НИУ ВШЭ) в докладе «Стратегии интерпретации „Философии имени“ А. Ф. Лосева в кругу его учеников» представил на обсуждение важную для историков философии тему, связанную с осмыслением рецепции идей советских философов разных поколений. «Философия имени» Лосева — монументальная работа, посвященная ключевым семантическим проблемам философии языка, — оказала влияние на двух «учеников» Алексея Федоровича: Л. А. Гогтишвили и В. В. Бибихина. Владимир Вениаминович прямо или косвенно ссылается на работу Лосева в курсе «Энергия» (Бибихин, 2010), а потому докладчик указывает на важную терминологическую метаморфозу:

«Имя» Лосева становится «Энергией» у Биbihина. Продолжая аристотелианские размышления, Биbihин описывает антиномию энергии, присутствующей и ускользающей одновременно. Если сам Лосев описывал Имя как место встречи символизирующего и символизируемого, то Биbihин в данном аспекте опирается на концепт Энергии. Такая трансформация не прошла мимо Гогтишвили, поэтому ее интерпретация Имени не семантическая (что оно есть), а прагматическая (как оно есть). Коммуникативная роль имени — сказать что-то — важнее, чем то, что оно говорит. Докладчик указывает на принципиальную неоднородность рецепции лосевского наследия, подчеркивая уникальность такой философской ситуации, в рамках которой ученики являлись уже самостоятельными мыслителями с собственной философской оптикой. Биbihин не является последователем Лосева, но связь между двумя философскими проектами свидетельствует об интеллектуальном напряжении эпохи, поисках собственного философского начала.

Об эпохе также говорил В. В. Сидорин (ИФРАН) в своем докладе «Проблемы и перспективы „Эпохи возвращения имен“: взгляд изнутри — Биbihин и Хоружий». Отмечая растущий в 1980-е гг. интерес к истории отечественной мысли, докладчик обратил внимание на «разлом», существующий и в современной историографии русской философии. Каким именно образом понимать русскую мысль? Следует ли обращаться к наследию отечественных философов как политическому оружию? В чем принципиальная «русскость» русской философии? Ответ Владимира Витальевича состоял в следующем: история русской философии еще не обрела того концептуального аппарата, который позволил бы изучать наследие В. С. Соловьева или Н. А. Бердяева в их идейной специфике. В качестве примера Сидорин приводит «манифестатный» подход С. С. Хоружего и «своевольный» В. В. Биbihина, сталкивая два разных модуса мысли. Хоружий — философ системы, целой школы, Биbihин — любит саму мысль. Хоружий телеологичен, а Биbihину интересно само движение. Именно поэтому оба автора по-разному соотносили друг друга с наследием русской философии: Хоружий был способен «поднять знамя» отечественных любомудров, Биbihин же скорее предпочел бы более персональное взаимодействие. При этом, обоих авторов объединяет признание невозможности самого повторения уже покоренных высот: важнее обрести свою философскую автономию. Более того, несмотря на программный характер своего подхода, Хоружий, как и Биbihин, выступал против политизации философии. Последний тезис особенно важен в контексте современного историографического кризиса русской мысли.

М. Л. Свердлов (Свободный исследователь, Саратов) выступил с докладом «Зачем нужно Большое Время? Принцип историзма и философия события». Несмотря на то что доклад также посвящен истории русской мысли и Бибахину, докладчик начал свое выступление цитатами из разных работ Ницше. Автор указывает на важный для дальнейшей философской традиции ход, сделанный немецким мыслителем: концепт исторического времени является точкой столкновения философии и теологии, времени (как темпорального измерения) и Истории (в эсхатологическом аспекте). М. Бахтин одним из первых использовал термин «Большое время» для описания События и (не)возможности встречи с ним.

Человечество достигало некоторых фаз, когда должно было совершить нечто, что оно не совершало. Именно такие историософские феномены Бахтин относит к Большому Времени. Свердлов обращает внимание на ницшеанское ядро историософии Бахтина. Аверинцев, Бибахин, Хоружий — все эти авторы, вслед за Бахтиным, также отмечали важный аспект борьбы человека с Большим Временем, способа отрицания и принятия События, масштаб которого всегда больше горизонта человеческого бытия.

ВЗГЛЯД. ТЕКСТ. ДНЕВНИК

Доклад Г. В. Мелихова (КФУ) «„Изменение глаз“: практическая феноменология В. Бибахина и обэриутов» стал «центром притяжения» культурологической, философской и литературоведческой рефлексий авторов из различных эпох (от Вл. Соловьева и Л. Шестова до В. Бибахина) о сущности поэзии в узком смысле и сущности Слова — в широком. Мелихов сослался на известную дневниковую запись Д. Хармса: «Стихи надо писать так, что если бросить стихотворением в окно, то стекло разобьется» (Хармс, цит. по: Кобринский, 2008). Сила Слова не в эстетическом, а в его экзистенциальном измерении. За словом всегда стоит твердый постав Пустоты — финальная инстанция бытийствующих сил. Поэзия обэриутов — одних из главных воспевателей «чистого» (не-ангажированного) искусства — это прославление пустоты, воздуха, полета во сне и наяву. Мелихов замечает, что «тождество быта и бытия» — не гомогенное наложение одного на другое, но обнаружение несостыковок, разрывов и зияний. В качестве свидетельства этого феномена в культурной жизни эпохи докладчик приводит примеры из мира кино, демонстрируя, как тема воздуха и пространства фигурирует

в работах У. Андерсона, выставляющего в кадре «просветы», невидимые повседневному взгляду. Наконец, Мелихов обратился к концепту «само-на-ведения» (термин Биbihина из курса «Дневники Л. Толстого») как ключевому инструментарию практической феноменологии. Высвечивание вещей через опыт наблюдения за собой — ключевой опыт поэтической и культурной рефлексии человека.

Следующим докладом, продолжившим тему само-актуализации Человека в экзистенциальном измерении через литературную рефлексию, был доклад И. Аникина (СГУ им. Чернышевского), посвященный сопоставлению «Леса» Биbihина и романа М. Турнье «Пятница, или Тихоокеанский лимб». Название доклада «Лес как явленная вещь в философии Биbihина», на первый взгляд, кажется попыткой очередной реконструкции ключевых положений «лесо-философии» Биbihина. Однако докладчик развернул нарратив в ином ключе: компаративистский анализ высвечивает новые аспекты концепта «Лес», показывая темпоральное измерение взаимодействия Человека и Леса. Подобно Робинзону, адаптирующемуся к условиям острова, Человек вступает в сложные, постоянно изменяющиеся отношения с Лесом, со временем делая его частью себя. Человек и Лес — две диалектические силы, конституирующие явленность друг друга через вечное становление. Остров для Робинзона может быть чужим, но, осваивая техники ведения хозяйства, Робинзон делает его «своим». В отличие от марксистского отчуждения, процедура «делания-явным» по Биbihину не разрушает вещь, но преобразует ее материальную (в аристотелианском смысле) сторону, меняя тем самым положение Человека и его экзистенциальный статус. Докладчик вспоминает предисловие Биbihина к курсу «Лес»:

Лес с его неметрическим пространством (ср. представления о клетке как тропическом лесе) через мечты о первобытном, лесном, косматом человеке, через мифопоэтику мирового дерева, через возвращение в нашей современности оторвавшихся от природы человеческих масс к эрзацам леса в табаке, вине и наркотиках принадлежит к реалиям современного человечества в гораздо большей мере чем это принято признавать (Биbihин, 2011).

Литература, уже в качестве остенсии, вновь обращает внимание на тему осмысления своего места в Мире через окружающий Лес бытия.

Но сила Слова не только в его способности задать некоторый континуум смыслов вокруг, но и в возможности его преодолеть. В этом отношении «бьющей стекло» поэзией можно считать наработки московских «романтических» концептуалистов, главным из которых по

праву можно считать Д. А. Пригова. Биbihин посвящает ему одну из лекций в курсе «Новое русское слово», который он прочитал в 1993 году на филологическом факультете МГУ. Основные положения этой лекции в своем докладе отразил Д. Вишняков («„Пушкин — это чистый гений“: поэтический мир Д. А. Пригова в лекциях В. В. Биbihина», НИУ ВШЭ, ИИЕТ РАН), предложивший рассматривать биbihинскую оптику как альтернативу пост-структуралистской интерпретации авангардной поэзии 1980–90-х. Биbihин предлагает выйти за рамки узкой логики «смерти Автора» и перейти к имманентной аналитике поэтического мира, созданного Приговым. Тщательно препарировав ключевые из работ поэта, Биbihин нащупывает темы мифопоэтики Пригова: Мир, Я, трансценденция, воплощающиеся в знаковых образах русской культуры: Пушкин, Золотой Век, Классика. Если сам Пригов считал себя работником культуры, то Биbihин возвращает ему титул Поэта, который, «никакие стихи и не пишет» (Биbihин, 2009). И в этом парадоксе вновь обнаруживается зияние между бытием и сущим, между базисом и надстройкой, явленным и не-явленным. Одна из главных черт философии Биbihина — интеллектуальная смелость, и именно она позволяет читать стихи московских концептуалистов в иной герменевтической перспективе, чему и был посвящен доклад.

А. В. Логинов (РАНХиГС, РГГУ) представил слушателям размышления Биbihина о дневниках Льва Толстого — квазилитературном и квазилитературном компендиуме рефлексий великого русского писателя. «Дневники Льва Толстого» можно считать одной из ключевых работ Биbihина, и Логинов обращает внимание на оптику, предложенную О. Седаковой и Л. Басинским, в рамках которой сама жизнь Толстого может быть рассмотрена как литературное произведение. В качестве герменевтической «путеводной нити» Александр Логинов привел следующую цитату из книги Владимира Вениаминовича: «Мы вглядываемся в человека как в весть, к нам сейчас обращенную и содержащую в себе ту тайну, участие в которой нам сейчас крайне нужно для нашего спасения» (Биbihин, 2023). Дневники Толстого — это духовные упражнения, напоминающие методики Игнатия Лойолы. Через опыт текста, опыт субъективного переживания прочитанного проступает метафизика Толстого, поэтому Биbihин переоткрывает толстовскую метафизику через расширение культурного контекста. В лекционном курсе «Грамматика поэзии» Толстой оказывается в одном поле с Ригведами и ранней греческой мыслью. Докладчик обратил внимание на интересную связь

между работами Биbihина и Толстого, подчеркнув скорее медитативную, чем дидактическую функцию лекций Владимира Вениаминовича. Однако важно обратить внимание на то, что книга Биbihина не является завершенной историко-филологической энциклопедией, вобравшей в себя подробный анализ каждой толстовской биографемы. Скорее, курс Биbihина — это живое общение с классиком, попытка посмотреть на литературного Толстого как на Толстого-философа, но в совершенно иной оптике.

Тема литературного героя важна не только для текстов, но и для других художественных практик. Б. Павлович (Санкт-Петербург, театральный режиссер) рассказал о роли философии Биbihина в театральном проекте «Лес». За последние четыре года петербургская театральная группа провела несколько перформансов, посвященных попытке переосмысления роли актера-субъекта в создании драматургического нарратива. Павлович обратил внимание на театральный аспект глоссария биbihинской философии («настроение», «захваченность»), а потому, объяснил он, ему пришла идея создания спектакля-лаборатории самостоятельного размышления субъектов-артистов. Каждая из постановок — рефлекслируемая *hic et nunc* биографема актера, его попытка «узнать себя». Неслучайно Павлович отмечает, что именно эта книга стала первым его знакомством с философией Владимира Вениаминовича. В своем выступлении Павлович описал структуру спектакля «Лес», уподобленного делезианской «ризоме»: каждая единица (речь, перформанс, декорация) может быть рассмотрена автономно, но вместе она — часть общего целого, смысл которого не перекрывает смысла каждой из частей. «Множество дает содержательное нечто» — такими словами Павлович объяснил замысел проекта «Лес». Биbihин в спектакле подобен тени отца Гамлета, как бы присутствующему на сцене актору, который наделяет происходящее неким общим смысловым пространством, дает о себе знать тенью, речью, жестом.

БИБИХИН И ПСИХОЛОГИЯ: МЕЖДУ ТЕОРИЕЙ И ПРАКТИКОЙ

Л. А. Кретова (Лаборатория психологии личности ИП РАН, психотерапевт) в своем докладе предложила практическую интерпретацию «Леса» Биbihина. Может ли метафизический Лес быть рассмотрен как действительный жизненный мир индивида? В истории философии есть ряд работ, посвященных практике «ухода в лес» (от Э. Юнгера до М. Хайдеггера). В самом названии доклада («Феноменология и про-тофеноменальность романтического мироощущения в художественных

текстах и самоотчетах „ушедших в Лес“) содержится главная цель докладчика — попытка описания психологического опыта тех, кто отказался от городской жизни в пользу жизни на природе, в уединении, духовном и метафизическом отстранении от урбанистической суеты. За основу были взяты дневники и заметки (в том числе записи в блогах) тех респондентов, которые решили вести загородную жизнь. Как отметила Л. Кретьева, психология — это в первую очередь «городская дисциплина», поэтому концептуализация Леса оказывается не самой простой для исследователей задачей. В истории идей к «Лесу» обращаются, в первую очередь, мыслители романтизма, рассматривавшие пасторальный нарратив как попытку возвращения к «потерянному Раю». Интерпретируя дневники информантов, Лола Адриановна обращает внимание на поэтичность, которая возникает в текстах самоотчетов. Труд, Природа, Лес — эти три концепта изменяют взгляд человека на бытие, помогая ему обрести собственное Я. «Прополка — это философское занятие» — таким наблюдением делится одна из информанток, указывая на созерцательный аспект живого, ручного труда.

Д. С. Старостин (клинический психолог) в своем докладе «Воспоминания психолога о В. В. Биbihине: о влиянии дела философии на дело психологии» поделился своим биографическим опытом. Докладчик рассказал о своем опыте присутствия на лекции Владимира Вениаминовича. В выступлении прослеживалась мысль, схожая с озвученной в докладе А. В. Логинова: лекции Биbihина обладали больше сакральным, чем школьным назначением. «Студенты ходят на Биbihина как на причастие», — вспоминает Дмитрий Станиславович слова своих друзей-слушателей биbihинских курсов. На основе этой биографемы разворачивается ключевая идея доклада: каково общее дело психологии, как оно связано с делом философии? Могут ли психологи дать ответы на фундаментальные запросы человеческого существования? Кажется, сам докладчик считает, что ответ на этот вопрос сугубо отрицательный. В таком случае, надо вспомнить, в чем состоит первостепенная задача философии. Сам докладчик считает, что философия есть общая наука о человеческом Счастье. Но в философском дискурсе так и не сформировалась единого мнения о Счастье, более того, самого термина (или философской категории) как «счастье» не существует. Выходя на периферию философской мысли, Счастье вытесняется в другие сферы жизни и знания. Именно в этот момент психология вновь выходит на авансцену. Психология не способна сделать человека счастливым, но психоанализ (в сочетании с биbihинской оптикой) превращается

в инструмент облегчения человеческой экзистенциальной боли. Спорная, но интересная интуиция Дмитрия Станиславовича вызвала бурное обсуждение как у психологов, так и у философов.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ:

БИБИХИНСКИЕ ЧТЕНИЯ КАК РАБОЧЕЕ ПРОСТРАНСТВО

Пятые Бибихинские чтения объединили не только специалистов из разных городов и стран, но также различные подходы и области знания. Коллективными усилиями Владимир Вениаминович Бибихин обнаружил присутствие своих интуиций проходящих как бы по грани школ, традиций, предметных сфер и методологических разграничений. Обращение, как кажется на первый взгляд, к прошлому приоткрыло его присутствие в настоящем гуманитарной мысли. Сердцем Пятых Бибихинских чтений, напитывающим и связывающим интеллектуальными токами философскую, литературную и психологическую проблематику, выступила тема неявной философской антропологии В. Бибихина, содержащаяся в его последней прижизненной книге о Витгенштейне.

Отказ от привилегированного дискурса открывает возможность проведения исследований над- и вне- дисциплинарных рамок, обнаруживая «скрытое золото Бибихина». Но Бибихинские чтения — не только обращение к непреходящему прошлому, но и конструктивный взгляд в будущее, рабочее пространство не только для академической сферы, но и шире, общественной жизни. Так, Д. Шахова (Sorbonne Université, «Опыт перевода „Мира“ В. В. Бибихина») поделилась наработками своего диссертационного исследования, посвященного философии Бибихина. Особенно важной темой оказалась проблема перевода ключевых терминов бибихинской философии («Мир», «Присутствие» и др.) на французский язык. О. Д. Агапов (КИУ им. Тимирязова, «Концептуальное содержание курса „Основ российской государственности“: возможный вклад философского наследия Сергея Хоружего и Владимира Бибихина») был посвящен актуализации культурного наследия В. В. Бибихина в России и возможным альтернативам в представлении об истории отечественной философской мысли.

ЛИТЕРАТУРА

Бибихин В. В. Из записей на тему самопознания // Узнай себя. — СПб. : Наука, 1998. — С. 226–575.

- Бибихин В. В.* Философия и техника // Другое начало. — СПб. : Наука, 2003. — С. 347–362. — (Слово о сущем ; 47).
- Бибихин В. В.* Витгенштейн : смена аспекта. — М. : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005.
- Бибихин В. В.* Вопрос о символизме // Язык философии. — 3-е изд. — СПб. : Наука, 2007. — С. 179–207. — (Слово о сущем ; 76).
- Бибихин В. В.* Грамматика поэзии. Новое русское слово. — СПб. : Иван Лимбах, 2009.
- Бибихин В. В.* Энергия / сост. О. Е. Лебедевой ; примеч. О. Е. Лебедевой. — М. : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2010.
- Бибихин В. В.* Лес / сост. О. Е. Лебедевой. — СПб. : Наука, 2011. — (Слово о сущем ; 92).
- Бибихин В. В.* Отдельные записи 1965–1989 годов. — СПб. : Владимир Даль, 2022.
- Бибихин В. В.* Дневники Льва Толстого. — 2-е изд. — СПб. : Иван Лимбах, 2023.
- Кобринский А. А.* Даниил Хармс. — М. : Молодая гвардия, 2008.
- Кожесев А.* Атеизм // Атеизм и другие работы / пер. с фр. А. М. Руткевича, Н. Б. Маньковской, О. В. Головы, А. П. Козырева. — М. : Праксис, 2006. — С. 52–174.
- Михайловский А.* Маятник модерна : дискуссии о технике в Германии. — М. : Академический проект, 2024.

Vishnyakov, D. A., and N. M. Sloboda. 2024. "Pyatyeye Bibikhinskiye chteniya [The Fifth Bibikhin Readings]: obzor vsrossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem [An Overview of the All-Russian Scientific Conference with International Participation]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (3), 421–438.

DANIL VISHNIAKOV

RESEARCH FELLOW

S. I. VAVILOV INSTITUTE FOR THE HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0009-0000-0213-7076

NIKOLAI SLOBODA

RESEARCH ASSISTANT

NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0009-0008-3367-071X

THE FIFTH BIBIKHIN READINGS

AN OVERVIEW OF THE ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC CONFERENCE
WITH INTERNATIONAL PARTICIPATION

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-421-438.

REFERENCES

- Bibikhin, V. V. 1998. "Iz zapisey na temu samopoznaniya [From the Notes on the Topic of Self-Knowledge]" [in Russian]. In *Uznay sebya [Know Yourself]*, 226–575. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- . 2003. "Filosofiya i tekhnika [Philosophy and Technology]" [in Russian]. In *Drugoye nachalo [Another Beginning]*, 347–362. Slovo o sushchem 47. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- . 2005. *Vitgenshteyn [Wittgenstein]: smena aspekta [Aspect Shift]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy.
- . 2007. "Vopros o simbolizme [The Question of Symbolism]" [in Russian]. In *Yazyk filosofii [Language of Philosophy]*, 3rd ed., 179–207. Slovo o sushchem 76. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- . 2009. *Grammatika poezii. Novoye russkoye slovo [Poetry Grammar. New Russian Word]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Ivan Limbakh [Ivan Limbach Publishing House].
- . 2011. *Les [The Wood]* [in Russian]. Comp. O. Ye. Lebedeva. Slovo o sushchem 92. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- . 2022. *Otdel'nyye zapisi 1965–1989 godov [Notes 1965–1989]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Vladimir Dal'.
- . 2023. *Dnevnik L'va Tolstogo [Diaries of Leo Tolstoy]* [in Russian]. 2nd ed. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Ivan Limbakh [Ivan Limbach Publishing House].
- . 2010. *Energiya [The Energy]* [in Russian]. Comp. O. Ye. Lebedeva. Annot. by O. Ye. Lebedeva. Moskva [Moscow]: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy.
- Kobrin'skiy, A. A. 2008. *Daniil Kharms [Daniil Harms]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Molodaya gvardiya.
- Kojève, A. 2006. "Ateizm [L'Athéisme]" [in Russian]. In *Ateizm i drugiyе raboty [Atheism and Other Works]*, trans. from the French by A. M. Rutkevich et al., 52–174. M.: Praxis.
- Mikhaylovskiy, A. 2024. *Mayatnik moderna [The Pendulum of Modernity]: diskussii o tekhnike v Germanii [Discussions about Technology in Germany]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Akademicheskii proyekt [Academic Project].

